

Академия наук СССР

СЛАВЯНСКАЯ МОРФОНОЛОГИЯ

Субстантивное словоизменение

•Наука•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНСКАЯ МОРФОНОЛОГИЯ

Субстантивное словоизменение

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Т.В. ПОПОВА

МОСКВА "НАУКА"
1987

Авторы: Н.Е. Ананьева, М.И. Ермакова, Т.В. Попова, С.М. Толстая

На основе разработанной авторами морфонологической концепции в монографии дано синхронное описание морфонологических закономерностей словоизменения существительных современных славянских литературных языков; определены основные морфонологические типы субстантивных парадигм; обобщены результаты исследования морфонологических особенностей конкретных славянских языков; применен метод сопоставления для выявления типологически релевантных морфонологических признаков в близкородственных языках славянской группы.

Редколлегия:

Г.К. Венедиктов, Т.В. Попова, Л.И. Смирнов

Рецензенты:

В.В. Лопатин, Т.П. Молошная

**Наталья Евгеньевна Ананьева, Майя Ивановна Ермакова,
Татьяна Веннаминовна Попова, Светлана Михайловна Толстая**

СЛАВЯНСКАЯ МОРФОЛОГИЯ. СУБСТАНТИВНОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Т.М. Скрипова*
Художник *Ф.Н. Буданов*. Художественный редактор *Г.П. Валлас*
Технические редакторы *И.И. Джиоева, Л.Н. Богданова*
Корректор *Л.А. Агеева*

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 32128

Подписано к печати 30.07.87. Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,5. Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 1250 экз.
Тип. зак. 1809. Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-линия, 12

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Морфонология как наука возникла на основе изучения тех языков, в которых варианты морфем могут быть частично фонологически нетождественными. Она представляет собой самостоятельный и необходимый раздел грамматики, основным объектом описания которого являются изменения, или чередования, фонем в морфах одной морфемы (в словоизменении) или в основах мотивирующего и мотивированного слов (в словообразовании). Чрезвычайно разнообразные по структуре и четко организованные ряды чередований, обусловленные системным (т.е. предсказуемым) варьированием морфов одной морфемы (или основ в словообразовательно мотивированных словах), представлены в славянских литературных языках и диалектах. Не случайно поэтому именно в рамках славянского языкознания началось формирование морфонологических идей и становление морфонологии как особого раздела лингвистики (см., например, известные работы по морфонологии И.А. Бодуэна де Куртене, Н.В. Крушевского и особенно Н.С. Трубецкого) (см. подробнее: Попова 1978). В настоящее время в изучении морфонологической структуры славянских языков и диалектов достигнуты несомненные успехи. Что касается работ советских славистов, то они в большинстве случаев характеризуются расширением самого предмета морфонологии по сравнению с очерченным еще Н.С. Трубецким кругом морфонологических проблем (см.: Трубецкой 1967, 116, 117). В рамки морфонологического описания, наряду с несомненно морфонологическими "сюжетами", закономерно стали включаться морфологические, а также и фонологические вопросы. Расширение морфонологической проблематики явилось следствием осознания того, что полнота и адекватность морфонологического описания находится в прямой зависимости от результатов предварительного анализа звукового и грамматического строя языка¹. Такое понимание морфонологии, характеризующее прежде всего работы "аналитического" направ-

¹ Ср.: "Предпосылкой (морфонологического, — Т.П.) анализа становится ... не только знание определенного круга сведений и о фонологическом составе изучаемого языка, и о его грамматике..., и не только твердое следование определенным правилам отождествления морфемы, но и ясное понимание того, какая из фонологических характеристик имеет черты и свойства характеристики морфонологической" (Кубрякова, Панкрац 1983, 142; см. также: Толстая 1982, 91 и сл.).

ления², значительно обогатило ее не только в плане накопления конкретных данных, но и в плане развития общей теории морфонологии.

Вместе с тем в исследованиях по славянской морфонологии наблюдается чрезвычайное разнообразие морфонологических концепций, отсутствие единства в определении объекта исследования, различное формулирование исследовательских задач, наличие различных программ сбора и анализа материала, применение разнообразных методов описания морфонологических явлений и т.п. (см., например, об этом: Бульгина 1977, 205 и сл.; Кубрякова, Панкрац 1983; Толстая 1982; Попова 1984). Кроме того, разные славянские языки исследованы неравномерно: так, наиболее интенсивно изучена морфонология русского и польского языков (см., например, работы Н.Е. Анянцевой, Р.В. Бахтуриной, С.В. Бромлей, Ж.Ж. Варбот, Д. Ворта, Н. Еськовой, А.А. Зализняка, Е.А. Земской, Н.Е. Ильиной, К. Ковалик, В.В. Лопатина, М.В. Панова, С.М. Толстой, Р. Якобсона, Н.А. Янко-Триницкой и др.), в то время как серболужицкая морфонология до сих пор, фактически, не привлекала внимания славистов. Все это обуславливает неоднородность накопленного материала по славянской морфонологии как в качественном, так и в количественном отношении, что затрудняет его сопоставление, теоретическое осмысление и своевременное обобщение полученных результатов.

Оценивая важность изучения морфонологической структуры славянских языков, следует учитывать и чисто практическую значимость данных исследований. Так, упорядоченное описание всех типов формального варьирования морфов и четкое определение круга основ, маркированных морфонологическими средствами, должно найти широкое применение в практике преподавания и усвоения родных и иностранных языков, поскольку "без знания альтернирования морфов для огромного пласта существительных невозможно построение правильных форм их склонения...", а "...рассмотрение субстантивного словоизменения через призму морфонологии позволяет учесть как структуру парадигм, так и все ее собственно морфонологические характеристики" (Кубрякова, Панкрац, 1983, 48).

В монографии исследованы сегментные морфонологические чередования, характеризующие субстантивное словоизменение в большинстве современных славянских литературных языков. Синхронное описание основных морфонологических типов субстантивных парадигм отдельно в каждом из языков проводилось по единой программе; полученные результаты обобщены путем их сопоставления. Была разработана единая система единиц описания (звено чередования, тип чередования, вид чередования, альтернативный ряд) и определены основные понятия (морфонологически маркированная парадигма, субстантивная основа, исходный и косвенный варианты субстантивной основы, морфонологическая позиция, зона морфонологических преобразований и др.). Проанализированы явления разных уровней языковой системы, обуславливающие наличие тех или иных чередований, и показано, что многие из них обладают запрещающим влиянием по отношению к реализации морфонологических

²Как известно, все исследования по способу описания в них материала можно распределить в две группы: работы, ориентированные либо на "синтез", либо на "анализ" (см. подробнее: Ворт 1973).

чередований (ср., устойчивость к морфонологическим преобразованиям некоторых заимствований и определенных лексико-семантических групп, участие чередований в стилистической характеристике высказывания и др.). Была поставлена задача максимально выявить весь круг субстантивных основ, подверженных морфонологическим модификациям, разграничить обязательные (т.е. предсказуемые) чередования от необязательных, дать списки "лексикализованных" чередований. К сожалению, в ряде случаев пришлось применить фрагментарный метод изложения материала, что в известной степени сузило рамки настоящего исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, ХАРАКТЕР ПРЕДЛАГАЕМОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕДИНИЦЫ ОПИСАНИЯ МОРФОНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Как и грамматика, словоизменительная морфонология имеет дело, прежде всего, с варьирующимися морфами одной морфемы. Исследование закономерностей формального варьирования формы данной знаковой единицы раскрывает его функциональную значимость и показывает, что переменные сегменты морфов, формируя в рамках морфемы морфонологическое чередование, являются носителями вполне определенной грамматической информации и принимают участие в противопоставлении словоформ одного слова. При этом звуковые преобразования морфемы, которые являются предметом морфонологии (а не фонологии), не могут быть объяснены современными звуковыми закономерностями данной языковой системы. Наиболее вышукло функциональная значимость морфонологических средств проявляется в словоформах с омонимичными аффиксальными морфемами и чередованием фонем в основе, т.е. в тех случаях, когда грамматическое противопоставление словоформ одного слова передается "внутренней флексией" (ср. болг. имп. пр. м.р. ед.ч. *орял* ~ аор. пр. м.р. ед.ч. *орал* при *пасял* ~ *пасаьл*, *лепял* ~ *лепиьл* и др.). Наличие в языке таких форм свидетельствует о том, что чередование является носителем определенной грамматической информации и участвует, наряду с аффиксами, не только в грамматическом различении, но и в противопоставлении словоформ одного слова (см. Попова 1984, 87). Мы не можем согласиться с распространенным мнением о том, что две (или более) словоформы одного слова могут различаться между собой только по наличию разных ступеней чередования (Кубрякова, Панкрац 1983, 24).

Одной из важных характеристик морфонологических чередований является их участие в организации всей парадигмы и как бы в ее цементировании: ведь чередование — это один из признаков слова (в совокупности всех словоформ его парадигмы), который выступает и функционирует как целостная единица (см. подробнее: Попова 1984, 86—87).

Поэтому ни одна парадигма в славянских языках не может быть построена без знания свойственных данной языковой системе морфонологических моделей и морфонологических правил синтеза слова. А факт неразрывной связи морфонологических явлений с морфологическими³ обуслов-

ливают необходимость включения в морфонологическое исследование предварительного грамматического анализа материала.

С другой стороны, явления морфонологии теснейшим образом связаны и со звуковой системой языка. На первый взгляд фонологическое и морфонологическое чередования — явления одного и того же порядка, тем более, что условия их возникновения и характер протекания оказываются часто одинаковыми: это ряды словоформ в рамках парадигмы одного слова и стык морфем (ср., например, в болг. лит. языке формы 1 л. ед. наст. *ne [к]á, me [т]á* и 2 л. ед. наст. *ne [ч]éш, me [тʰ]éш*). В действительности же между фонологическими и морфонологическими чередованиями существуют коренные различия: а) По концепции МФШ, в качестве фонологического чередования сильной фонемы со слабой выступает либо наличие звукового изменения (ср. русск. *зуб[б]ы — зун[п]*), либо его отсутствие (ср. русск. *сун[п]ы — сун[п]*). Основой же морфонологического чередования всегда является только звуковое изменение, реализующее чередование разных сильных фонем (ср. русск. *сто [л] ~ сто [л']é*, укр. *кни́ [г]а ~ кни́ [з']і*). б) Фонологические чередования характеризуются обязательностью и всеобщностью и имеют статус звуковых законов; они всегда обусловлены только фонетическим контекстом и проявляются повсеместно, вне зависимости от знакового членения текста. Морфонологические чередования являются обязательными лишь для определенных, часто очень ограниченных, участков грамматической системы языка (ср. в болг. два типа глаголов I спр. с основой на [й]: тип *ва́я, зна́я* с отсутствием морфонологического чередования и тип *мечта́я, тка́я* с морфонологическим чередованием (й ~ ъ), которое участвует в противопоставлении форм наст. и аор.). Эти чередования на современном синхронном срезе обусловлены различными факторами (чаще всего морфологическими), но только не фонетическим контекстом: они не могут быть объяснены современными звуковыми законами, свойствами самих звуков и правилами их дистрибуции. Поэтому если даже фонологическое чередование фиксируется на стыке морфем, реализуя собой явления внутреннего сандхи и внешне полностью совпадая с морфонологическим чередованием, два этих типа альтернатив не следует смешивать: фонологическое чередование всегда объясняется фонетическими причинами, попадая в сферу действия того или иного современного звукового закона; морфонологическое же чередование, материально противопоставляя между собой морфы одной морфемы, выполняет функциональную роль, усиливая грамматическую дифференциацию словоформ одного слова и являясь одним из тех формальных средств словоизменятельных систем славянских языков, которые участвуют в выражении определенных грамматических категорий и в подчеркивании отдельных грамматических оппозиций.

На тесную связь морфонологических явлений со звуковой системой языка указывают, например, такие морфонологические чередования,

³Ср., например, мнение о том, что совместное морфологическое и морфонологическое описание особенно важно "для языков с развитыми морфонологическими системами, в которых морфонология настолько неотторжима от морфологии, что их раздельное описание и раздельное представление становится нецелесообразным" (Кубрякова, Панкрац 1983. 110).

альтернанты которых реализованы соотносительными по твердости—мягкости фонемами. Характер использования коррелятивных по твердости—мягкости фонем в грамматике различен в разных славянских литературных языках и диалектах и зависит как от организации самого грамматического уровня, так и от степени развития и особенностей функционирования указанной корреляции в языковой системе. Можно предположить, что чем сильнее развита фонологическая корреляция твердости-мягкости, тем шире она может быть использована языком для оформления морфонологических чередований⁴.

Из сказанного вытекает, что морфонологическому исследованию, наряду с грамматическим описанием, должен предшествовать и тщательный анализ звуковой системы языка, установления правил звуковой синтагматики и парадигматики.

* * *

Объектом исследования настоящей монографии являются сегментные чередования⁵, характеризующие словоизменение существительных в восьми современных литературных языках: русском, украинском (восточная группа), чешском, верхнелужицком, нижнелужицком (западная), болгарском и сербскохорватском (южная)⁶. В качестве источника по польскому языку привлекается работа С. Толстой (1976). Представляется, что выводы, которые будут сделаны на основе анализа морфонологических закономерностей указанных языков, могут вполне обоснованно считаться общеславянскими.

В задачи исследования входило: синхронное описание морфонологических закономерностей словоизменения существительных современных славянских литературных языков, ограниченных хронологически рамками последних десятилетий; определение основных морфонологических типов субстантивных парадигм и, наконец, обобщение результатов исследования морфонологических особенностей конкретных славянских языков мето-

⁴ Можно вывести следующее правило определения степени развития данной корреляции: чем большее количество пар твердых и мягких фонем составляют объем корреляции твердости—мягкости, чем больше позиций различия, чем симметричнее пары и чем меньше позиций нейтрализации, — тем выше степень развития этой фонологической категории. Различное соотношение указанных признаков в той или иной языковой системе и является причиной разного по языкам участия твердых и мягких согласных фонем в морфонологических чередованиях (ср. также: Журавлев 1971, 124).

⁵ Развернутую характеристику морфонологического чередования см.: Попова, 1984, 89.

⁶ Настоящее исследование ограничено сегментными чередованиями и не затрагивает важнейшего для морфонологии многих языков компонента — суперсегментных (акцентных) чередований, так как ряд современных славянских литературных языков характеризуется фиксированным ударением. Как известно, необходимой частью морфонологии признается только такое словесное ударение, которое не фиксировано на определенном слоге слова (в совокупности всех словоформ его парадигмы). Подвижность ударения в слове в процессе его словоизменения и его прикрепленность в каждой словоформе к определенной морфеме (например, в русском языке в сущ. ср. р. *море* все словоформы ед. числа имеют ударение на основе — *море, моря*, а все словоформы мн.ч. — на флексии — *моря, морей*) и обуславливает морфонологичность словесного ударения.

дом сопоставления с целью выявления типологически релевантных морфонологических признаков. Синхронный сопоставительный анализ двух (и более) родственных языковых систем предпринимается, как известно, для того, чтобы через стадию установления сходств и различий между ними получить наиболее объективное представление об устройстве, функционировании и индивидуальных особенностях каждой языковой системы в отдельности (см. подробнее: Попова 1984). Задача же типологического сопоставления предполагает не только выявление сходств и различий между языками избранного ареала, но и определение того места, которое занимают соответствующие явления в каждой из языковых систем.

В последние десятилетия проблема типологии близкородственных языков и диалектов по морфонологическим признакам заняла одно из ведущих мест (см., например, работы: Станкевич 1963; 1966; Бромлей, Булатова 1972; Бернштейн 1974; Попова 1975, 1979; Ананьева 1979; Ермакова 1981; Кубрякова, Панкрац 1983).

Известно, что славянские языки характеризуются целым рядом сходжений в области морфонологической структуры. Это касается прежде всего диапазона формальных средств, формирующих сегментные морфонологические чередования и характеризующих типы морфонологических модификаций основы в системе словоизменения. Ср., например, присущие всем современным славянским языкам консонантные и вокалические чередования, чередования с нулем, усечение и наращение основ. В то же время имеются и существенные морфонологические различия между ними. Морфонологи в своих исследованиях не раз отмечали, что специфика той или иной морфонологической модификации в словоизменительной основе (либо именной, либо глагольной) находится в прямой зависимости от конкретной реализации ряда факторов (структуры основы, типа флексии, семантической и лексической характеристики слова, звукового строя языка и т. д.). Многочисленные возможности их разнообразного сочетания обуславливают не только индивидуальность морфонологической структуры каждой языковой системы в отдельности, но и наличие различий, отделяющих один язык от другого. Приведем некоторые из факторов, в наибольшей степени влияющие на возникновение разных по языкам реализаций морфонологических явлений: 1) Различия в фонологических системах, которые касаются прежде всего: а) инвентаря фонем (ср. наличие фонемы /ʒ/ в болгарском языке, фонемы /шʃ/ в русском языке или фонем /č, dž/ в западнославянских языках, что обуславливает функционирование присущих только этим языкам чередований, в формировании которых участвуют названные фонемы), б) наличия фонологических корреляций твердости—мягкости и глухости—звонкости (ср. набор чередований в русском и украинском языках). 2) Различия в формальной структуре некоторых субстантивных основ (распространенность финалей основ с морфонологическим нулем в русском и украинском — типа *сказка* ~ *сказок*, *дятел* ~ *дятла*, и почти полное отсутствие таких финалей в болг.). 3) Различия в самих грамматических системах каждого из языков (структура субстантивной словоизменительной парадигмы в болгарском языке, не знающей падежей, с одной стороны, и — в русском и украинском, с другой; ср. также наличие маркируемых морфонологически категорий определенности в болг., категории личности в лужицких и польском).

4) Различия в инвентаре самих типов чередований, не обусловленные особенностями фонемного инвентаря каждого отдельного языка (ср., наличие чередования типа (К ~ С) во всех славянских языках, кроме русского). 5) Различия в видах чередований, используемых языком в грамматических целях (например, наличие чередований, связанных с метатезой, в укр., чешск., болг.; отсутствие вокалических чередований в русск. и болг.). 6) Различия в функциональной характеристике одних и тех же типов чередований (так, например, тип (К ~ С) в укр. участвует в падежных противопоставлениях, а именно — оппозиция Д. и П. ед. всем другим падежам, в то время как тот же тип (К ~ С) в болг. участвует в противопоставлениях по числу; ср. также вхождение в разные альтернативные ряды чередований твердых и мягких фонем в разных славянских языках). 7) Различия в лексической представленности одних и тех же чередований и, следовательно, в их предсказуемости (ср., например, всеобщий и безысключительный характер реализации типа чередования (Т ~ Т') в русском языке, его более ограниченный характер протекания в укр. и спорадичность этого типа в болг., где он является лишь индивидуальной приметой отдельных слов и носит сугубо лексикализованный характер). 8) Разный характер соотносительности с морфонологическими явлениями: а) семантики слова (например, одушевленное—неодушевленное существительное, личное—неличное, собственное—нарицательное), б) лексики (исконные и заимствованные слова), в) стилистической окраски (например, архаизованные и нейтральные слова). Указанные и некоторые другие факторы, связанные с морфонологическими явлениями, будут подвергнуты в работе подробному анализу, что в результате должно дать надежные основания для выводов сопоставительно-типологического характера.

Нам представляется, что при моделировании сопоставительной морфонологии современных славянских литературных языков более приемлемым окажется описательно-аналитический подход к материалу, при котором в качестве исходных берутся реально существующие в языке формы, а не гипотетические формы-конструкты, недоступные непосредственному наблюдению. В то же время мы не отказываемся полностью от некоторых методов и приемов, характерных для генеративно-синтетического способа описания материала (см. Маслов 1968, 48), в частности, от самого понятия "исходной формы". Единообразное определение исходной формы и введение этой единицы в описание морфонологии каждого языка необходимо при установлении первой ступени и направленности чередования, а также при разработке синхронно-сопоставительной модели морфонологии субстантивного словоизменения современных славянских литературных языков.

Основными источниками для написания данной работы послужили нормативные грамматики и различные словари современных славянских литературных языков, а также целый ряд специальных исследований по фонологии, морфологии и морфонологии соответствующих языков; в ряде случаев авторы использовали собственные наблюдения, почерпнутые из художественной литературы и периодической печати.

В работе употребляются следующие термины, понятия и символы:

1. Степень чередования, или альтернант (А) — отдельный минимальный морфонологический сегмент, находящийся в отношении чередова-

ния (варьирования) с другим (или другими) минимальным сегментом. Каждая ступень чередования реализуется самостоятельной фонемой⁷. В словоизменении ступени чередования непременно должны быть ограничены рамками одной словоизменительной морфемы (= основы) и занимать в этой морфеме одно и то же место. Количество альтернантов, как правило, соответствует числу морфов, в которых реализуется в конкретной речи данная словоизменительная морфема. Альтернантам приписываются индексы: A_1, A_2, A_3 .

2. Чередование (альтернация, звено чередования) — конкретная фонемная реализация альтернантов в рамках одной морфемы с указанием на их грамматическую значимость, т.е. на их распределение по конкретным словоформам в словоизменительной парадигме либо одного слова, либо группы слов, имеющих тождественную характеристику конечного сегмента в исходных вариантах основы (см. ниже) этих слов и относящихся к одной словоизменительной модели (склонению). Ср., например, чередование ⟨л ~ л'⟩ = ⟨ед. (кроме Д., П.), мн.⟩ ~ ⟨ед. (Д., П.)⟩ в парадигме русского сущ. *стол*, а также в парадигмах русских сущ. *стул, мел, атол* и др. Чередование, таким образом, представляет собой устойчивое соотношение двух (или более) альтернантов, имеющих определенную грамматическую характеристику, участвует в тех или иных грамматических противопоставлениях словоформ одного слова и является признаком слова в совокупности всех форм его словоизменительной парадигмы.

3. Тип чередования указывает на класс фонем, к которым относятся реализованные отдельными фонемами альтернанты. Например, тип чередования твердых фонем с мягкими может характеризовать как субстантивные парадигмы (ср. русск. ⟨л ~ л'⟩ = ⟨ед. (кроме Д., П.), мн.⟩ ~ ⟨ед. (Д., П.)⟩ в сущ. *стол*), так и глагольные парадигмы (ср. в болг. ⟨р ~ р'⟩ = ⟨наст., повел., аор.⟩ ~ ⟨имп.⟩ в глаголе *берá*). Для обозначения типа чередования употребляется либо описательная форма (например: "тип чередования твердых заднеязычных фонем с шипящими фонемами"), либо символическая (например: ⟨К ~ С̣⟩).

4. Альтернативный ряд — указывает только на то грамматическое противопоставление, которое маркировано при помощи морфонологических средств вне зависимости от характера формальной (материальной) выраженности того или иного чередования. Ср., например, в болгарском языке альтернативный ряд $A_1 \sim A_2 = \langle \text{наст.} \rangle \sim \langle \text{аор.} \rangle$ (который может быть реализован типами чередования мягких фонем с твердыми, шипящих фонем с заднеязычными, шипящих фонем со свистящими и звеньями чередований ⟨м' ~ м⟩, ⟨б' ~ б⟩, ⟨п' ~ п⟩, ⟨л' ~ л⟩, ⟨р' ~ р⟩, ⟨т' ~ т⟩, ⟨з' ~ з⟩; ⟨ч ~ к⟩, ⟨ж ~ г⟩; ⟨ш ~ с⟩, ⟨ж ~ з⟩).

5. Каждая субстантивная словоформа расчленяется на вариант основы и флексию. А каждое сущ. в совокупности всех словоформ его парадигмы расчленяется на субстантивную основу и набор флексий.

6. Субстантивная основа — это двусторонняя единица-инвариант, план

⁷ В связи с тем, что морфонология является областью грамматики, она, как и грамматика вообще, "должна покоиться не на фонетической или графико-орфографической основе, а на основе фонемной, иначе фонематической" (см.: Аванесов 1978, 81–82).

содержания которой характеризуется неизменным (постоянным) лексическим значением, а план выражения реализуется либо в нескольких вариантах, либо в одном.

7. Исходный вариант субстантивной основы представлен в словоформе И. ед.⁸ Соответственно, косвенный вариант субстантивной основы представлен в любой словоформе, кроме словоформы И. ед. (в болг. исходный вариант основы находится в словоформе ед. числа, неопределенной).

8. Определение в субстантивной основе конечного сегмента, в котором фиксируются морфонологические модификации (т.е. зоны морфонологических преобразований): а) $\langle C_1 V/\# C_2 \rangle$, например, русск. *ще/зол/* – *ще/зл/á*, где $\langle C_1 \rangle$ реализован фонемой /г/, $\langle C_2 \rangle$ – фонемой /л/, $\langle V/\# \rangle$ – фонемой /о/ и нулем; б) $\langle C_1 \# /VC_2 \rangle$, например, русск. *крó/мк/а* – *крó/мок/*, где $\langle C_1 \rangle$ реализован фонемой /м/, $\langle C_2 \rangle$ – фонемой /к/, $\langle \# /V \rangle$ – нулем и фонемой /о/; в) $\langle C_1 C_2 \rangle$, например, русск. *пу/ск/*; *без/дна/...*, *без/дн/*, где $\langle C_1 \rangle$ реализован фонемами /с/ и /д/, а $\langle C_2 \rangle$ – фонемами /к/ и /н/; г) $\langle C_1 VC_2 \rangle$, например, русск. *са/п'óр/*, *са/п'óр/а...*, где $\langle C_1 \rangle$ реализован фонемой /п'/, $\langle C_2 \rangle$ – фонемой /р/, $\langle V \rangle$ – фонемой /о/. Следовательно, случаи а) и б) уже одним только своим символическим обозначением указывают на те существительные, парадигмы которых маркированы типами чередования гласной фонемы с нулем. Символическое обозначение конечного сегмента субстантивных основ, показанное в случаях в) и г), говорит о том, что имеются в виду те существительные, парадигмы которых не характеризуются типом чередования гласной фонемы с нулем.

9. Определение вида чередований: а) консонантные (т.е. чередования, альтернанты которых реализованы согласными фонемами в исходе субстантивной основы, на месте элемента $\langle C_2 \rangle$), например, тип $\langle K \sim C \rangle$, чередование $\langle k \sim ц \rangle = \langle \text{ед.} \sim \langle \text{мн.} \rangle$ в болг. сущ. м.р. с основой на /к/ (*муста́к* ~ *муста́ци*, *човек* ~ *чове́ци...*); б) вокалические (т.е. чередования, альтернанты которых реализованы гласными фонемами на месте элемента $\langle V \rangle$ в конечном сегменте субстантивной основы $\langle C_1 VC_2 \rangle$), например, в укр. яз. чередование $\langle i \sim e \rangle = \langle \text{ед.} \langle \text{И.}, \text{В} \rangle \rangle \sim \langle \text{ед.} \langle \text{Р.}, \text{Д.}, \text{Т.}, \text{П.} \rangle \rangle$ в *хми́ль* ~ *хме́лю...*; чередование $\langle e \sim i \rangle = \langle \text{ед.}, \text{мн.} \langle \text{кроме Р} \rangle \rangle \sim \langle \text{Р. мн.} \rangle$ в *береза...* ~ *бері́з*; в) чередования гласной фонемы с нулем (т.е. $\langle V \sim \# \rangle$ в сегменте $\langle C_1 V/\# C_2 \rangle$ и $\langle \# \sim V \rangle$ в сегменте $\langle C_1 \# /V C_2 \rangle$), например, в русск. чередование $\langle \# \sim e \rangle = \langle \text{ед.}, \text{мн.} \langle \text{кроме Р.} \rangle \rangle \sim \langle \text{Р. мн.} \rangle$ в *бревнó...* ~ *брéвeн*; чередование $\langle o \sim \# \rangle = \langle \text{ед.} \langle \text{И.}, \text{В.} \rangle \rangle \sim \langle \text{ед.} \langle \text{Р.}, \text{Д.}, \text{Т.}, \text{П.} \rangle, \text{мн.} \rangle$ в *каблучóк* ~ *каблучкá...*; г) чередования с наращением (т.е. чередования, возникающие в результате расширения основы сегментом, присоединяемым к элементу $\langle C_2 \rangle$); символическая запись: $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$, например, в русск. $\langle \emptyset \sim \alpha c \rangle = \langle \text{ед.} \sim \text{мн.} \rangle$ в *чúдо...* ~ *чудесá...*; д) чередования с усечением (т.е. чередования, возникающие в результате сокращения основы за счет элемента $\langle C_3 \rangle$); символическая запись: $\langle C_2 C_3 \sim$

⁸ Как известно, существуют и иные способы выбора исходного варианта основы. В настоящем исследовании мы условно считаем исходным вариант основы, входящий в словоформу И. ед., а ступень чередования, выделяемую в нем, также условно считаем первой ступенью чередования. Ср. также: в качестве исходного "... в системе существительного берется морф, представленный в форме назывного, т.е. именительного падежа ед. ч. ... Это согласуется с представлением об особой роли соответствующих форм не только в парадигматике языка..., но и в номинативной деятельности человека, что и служило основой существующей лексикографической практики фиксации слова" (Кубрякова, Панкрац 1983, 28).

~ C₂ Ø), например, в русск. (ин ~ Ø) = (ед. ~ мн.) в *гражданин... ~ гражда-не...*⁹; е) метатеза (т.е. перестановка звуков в группе 'гласный + согласный' или 'согласный + гласный' внутри субстантивной основы; символическая запись: <CV ~ VC> или <VC ~ CV>); ср. в укр. *жрець ~ жерця ...*, в болг. *врѣх ~ врѣхѣт, врѣховѣ*).

Пояснение к пунктам 9г) и 9д). Вводя в описание такие виды чередований как "чередование с наращением" и "чередование с усечением", необходимо учитывать условность понятий "наращение основы" и "усечение основы". Эти понятия непосредственным образом связаны с тем порядком (или направлением) чередования, который применяется в данной работе. Если мы за исходный вариант основы принимаем вариант, вычленяемый из словоформы И. ед., то и в качестве первой ступени чередования (A₁) рассматриваем альтернант, фиксируемый в исходном варианте основы. Именно по исходному варианту основы (при его сопоставлении с косвенными вариантами) мы определяем, идет ли речь о наращении или об усечении основы. Так, наращение отмечается в тех случаях, когда в косвенных словоформах вариант основы оказывается линейно более длинным по сравнению с исходным вариантом основы за счет присоединения к элементу <C₂> исходного варианта основы определенного сегмента. Усечение же имеет место тогда, когда вариант основы в косвенных словоформах оказывается линейно более коротким по сравнению с исходным вариантом основы за счет сокращения того сегмента, который в исходном варианте основы занимает место <C₂>.

10. Порядок, или направление, чередования устанавливается также условно: первая ступень чередования (A₁) определяется всегда по исходному варианту основы. Поэтому при описании некоторых чередований (ср.,

⁹Усеченному или наращенному отрезкам мы придаем морфонологический статус в следующих случаях: 1) если они не принимают самостоятельного участия в каких-либо новых семантических оппозициях и, следовательно, не являются морфемами; 2) если синхронный анализ выявляет типизированность в условиях появления морфов одной морфемы, различающихся наращением или усечением; 3) если в пределах данного (современного) синхронного среза различия, вызванные усечением или наращением, разрешены системой и не противоречат понятию относительного формального тождества морфов одной морфемы. Ср.: "...Понятие фонологической близости морфов одной морфемы может быть распространено не только на морфы, связанные отношениями чередования, но и на разного типа усеченные, или, наоборот, расширенные прокладками морфы" (см.: Кубрякова 1974, 105). Так, например, структурный параллелизм противопоставленных по числу словоформ И. ед. и И. мн. сущ. ср. р. в русск. *окно - окна, село - села, чудо - чудеса...* свидетельствует о том, что грамматические значения числа и падежа выражаются флексиями *-о* и *-а*; отрезок же *-ес-* в *чудеса* не содержит никакого самостоятельного дополнительного значения, он лишь дублирует значение флексии И. мн. *-а* и не является поэтому морфемой; расширяя (наращивая) основу при образовании словоформы И. мн., отрезок *-ес-* служит морфонологической приметой словоизменительной парадигмы конкретного сущ. *чудо*. Однако в некоторых грамматических исследованиях встречается и иная интерпретация данных "прокладок". Им придается либо статус самостоятельных морфонологических единиц (имеющих значение классного показателя или значение мн. числа), либо вообще отсутствует морфонологическая или морфонологическая квалификация этих частей основы и просто констатируется их наличие; так, П. Ивич лишь указывает, без какой-либо дефиниции, на существование в сербскохорватском языке в словоизменении некоторых сущ. м. и ср. р. таких отрезков как *-ов-, -ев-, -ос-, -ес-, -т-, -н-*, которые "распространяют", "расширяют" или "наращивают" основу в рамках одной парадигмы (см. Ивич 1972, 112-118).

например, типы чередований ($\# \sim V$) и ($V \sim \#$) уже сам порядок распределения альтернантов (т.е. $A_1 \sim A_2$) несет определенную информацию о том, парадигмы каких сущ. маркированы тем или иным чередованием (так, при чередовании ($\# \sim V$), ясно, что речь идет о классе русских слов типа *сказка, окно*; при чередовании ($V \sim \#$), имеются в виду парадигмы русских слов типа *потолок*).

11. Сфера действия различных видов чередований в одном и том же языке, как правило, бывает различной. Так, например, в русск. консонантные чередования типа ($T \sim T'$) на месте элемента (C_2) в субстантивных основах носят характер безысключительности и всеобщности, в то время как чередования гласной фонемы с нулем типа ($V \sim \#$) и ($\# \sim V$) являются лексически ограниченными. Поэтому представляется, что все перечисленные в пункте 9 виды чередований целесообразно рассматривать отдельно друг от друга, хотя в ряде случаев парадигму одного и того же сущ. могут характеризовать одновременно различные виды чередований. Например, русск. сущ. *сон* характеризуется консонантным чередованием ($n \sim n'$) = (ед. (И., Р., Д., В., Т.), мн.) \sim (П. ед.) и чередованием гласной фонемы с нулем ($o \sim \#$) = (ед. (И., В.)) \sim (ед. (Р., Д., Т., П.), мн.). В связи с этим в тех случаях, когда, например, консонантные чередования иллюстрируются существительными, парадигмы которых маркированы чередованиями и других видов (например, гласной фонемы с нулем), то представляется желательным данные сущ. приводить в словоформе И. ед. со звездочкой: русск. *дóм*на* – с исходом основы на $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$; **вётер* – с исходом основы на $\langle C_1 \# VC_2 \rangle$. Например, при описании альтернативного ряда $A_1 \sim A_2$ = (ед. (И., Р., Д., В., Т.), мн.) \sim (П. ед.), представленного типом чередования ($T \sim T'$) и звеньями ($p \sim p'$), ($л \sim л'$), ($t \sim t'$) ($n \sim n'$) и т.д., его можно проиллюстрировать примерами: *простóр*, **дýтел*, *мéсто*, *ок*но*.

12. Все существительные распадаются на два класса: а) с морфонологически маркированными парадигмами и б) с морфонологически немаркированными парадигмами. В работе рассматриваются только сущ. первого класса.

13. В морфонологически маркированных парадигмах важно определить те позиции, которые вызывают модификации исходного варианта основы и, следовательно, обуславливают наличие второй, третьей и последующих ступеней чередования. Эти позиции являются морфонологически релевантными.

14. Морфонологически релевантная позиция¹⁰ – это позиция сочетания косвенного варианта основы с той флексией, перед которой в его исходе (на месте элемента $\langle C_2 \rangle$) или, реже, элемента $\langle V \rangle$) фиксируется иной, чем в исходном варианте основы, фонологический сегмент. При этом следует подчеркнуть, что никогда наличие той или иной флексии, само по себе, не является условием для появления морфонологически релевантной позиции. Такая позиция возникает лишь в том случае, если определенная флексия присоединяется к основе, имеющей вполне определенное формальное строение. Так, в русск. только в сущ. ж.р. II скл. с основой на твердые губные,

¹⁰ Ср.: "... Морфонологическая позиция связана и с грамматическим характером единиц, и с их фонемным составом, т.е. характеристика этой позиции включает в себя ограничения и грамматические, и фонологические" (Земская 1975, 16).

переднеязычные и заднеязычные перед флексиями /e/ Д. ед. и /e/ П. ед. на месте элемента ⟨C₂⟩ фиксируется вторая ступень чередования, реализованная мягкой фонемой, и констатируется морфонологически релевантная позиция. Но в сущ. ж.р. II скл. с основой на шипящие позицию перед указанными флексиями нельзя считать морфонологически релевантной, т.к. чередования на месте элемента ⟨C₂⟩ в этих основах не происходит.

15. Морфонологический анализ требует учета и разграничения различных факторов, обуславливающих формирование тех или иных морфонологических чередований. Так, можно выделять собственно морфонологические факторы, а именно: а) характер структуры конечного сегмента (т.е. "зоны морфонологических преобразований") в субстантивной основе (см. выше пункт 8), б) грамматическое значение флексии и характер ее структуры (вокалическая, нулевая...), в) результаты взаимодействия этих двух факторов. Однако наряду с собственно морфонологическими, необходимо учитывать и иные явления, также оказывающие воздействие на морфонологическую характеристику слова, к которым относятся: а) выбор данным существительным конкретной модели словоизменения, б) семантику существительного, в) стилистические причины.

16. а) Приняты следующие символические обозначения типов в консонантных чередованиях, альтернанты которых реализованы перечисленными ниже классами фонем: твердых и мягких — ⟨Т ~ Т'⟩; твердых губных и мягких губных — ⟨Р ~ Р'⟩; твердых переднеязычных взрывных и палатальных передне-среднеязычных аффрикативных — ⟨Т ~ Ї⟩; заднеязычных и шипящих — ⟨К ~ Ї'⟩; заднеязычных и свистящих — ⟨К ~ С⟩; заднеязычных звонких фрикативных и переднеязычных свистящих звонких фрикативных — ⟨п ~ з⟩; заднеязычных глухих фрикативных и шипящих — ⟨х ~ ѝ⟩; переднеязычных фрикативных свистящих и шипящих — ⟨s ~ ѝ'⟩.

б) Вокалические чередования обозначаются: ⟨V₁ ~ V₂⟩.

в) Чередования гласной фонемы с нулем символически обозначаются ⟨V ~ #⟩ и ⟨# ~ V⟩.

г) Чередования с наращением: ⟨C₂ ∅ ~ C₂ C₃⟩.

д) Чередования с усечением: ⟨C₂ C₃ ~ C₂ ∅⟩.

е) Метатеза: ⟨VC ~ CV⟩ и ⟨CV ~ VC⟩.

Неучтенные здесь типы чередований будут дополнительно введены авторами отдельных глав.

17. Звуки, фонемы и ступени чередования обозначаются строчными буквами: латиницей — в западнославянских языках, кириллицей — в восточно- и южнославянских языках. Типы чередования обозначаются прописными латинскими буквами.

18. Единицы фонетического, фонологического и морфонологического уровней даются в скобках: [] — звуки; / / — фонемы; ⟨ ⟩ — альтернанты, чередования.

19. Приняты следующие сокращения:

АР — альтернативный ряд;

ТЧ — тип чередования;

МЧ — морфонологическое чередование;

A₁, A₂... — альтернант первый, альтернант второй;

ИВО — исходный вариант основы;

КВО — косвенный вариант основы;

СРЛЯ – современный русский литературный язык;
СУЛЯ – современный украинский литературный язык;
СПЛЯ – современный польский литературный язык;
СЧЛЯ – современный чешский литературный язык;
СВЛЛЯ – современный верхнелужицкий литературный язык;
СНЛЛЯ – современный нижнелужицкий литературный язык;
СБЛЯ – современный болгарский литературный язык;
ГК – грамматическая категория;
ЛГК – лексико-грамматическая категория;
МК – морфологическая категория;
сущ. – существительное;
личн., неличн. – личный, неличный;
одуш., неодуш. – одушевленный, неодушевленный;
суф. – суффикс;
разн. – разновидность;
опр., неопр. – определенный, неопределенный (член).
морф. – морфологический.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОЛОГИИ

Вслед за Грамматикой-80 (с. 76) принимаем, что система вокализма в СРЛЯ состоит из 5 сильных гласных форм /и у е о а/ и 2 слабых гласных фонем /α/ и /α₁/. Фонема /и/ реализуется гласными [и] и [ы], которые могут употребляться как в слоге под ударением, так и в безударном слоге: [и] – после паузы, после мягких согласных и после гласных [а, у, ы, и]; [ы] – после всех твердых согласных (кроме согласных [к г х]). Фонема /у/ представлена гласным [у] в ударном и безударном слогах после паузы, после твердых и мягких согласных и после гласных. Фонемы /е а о/ реализованы, соответственно, гласными [е], [а] и [о] в слоге под ударением и могут употребляться после паузы, после твердых и мягких согласных и после гласных [а у ы и]¹.

Слабую фонему /α/, с которой чередуются сильные /е а о/, находим: а) в первом предударном слоге в середине словоформы после твердых и мягких согласных и б) после паузы в любом предударном слоге. Эта фонема реализуется после паузы и после твердых согласных в гласном [Λ], а после мягких согласных – гласном [и^ε], например: [Λ]кробáт (/α/кробат), р[Λ]бý (р/α/бы), [в'и^ε]снá (/в'α/сна), [р'и^ε]бý (/р'α/бы).

Слабая фонема /α₁/, чередующаяся также с сильными фонемами /е а о/, употребляется в иных позициях, а именно: а) во втором и третьем предударных слогах после твердых и мягких гласных в середине словоформы и б) в заударных слогах после твердых и мягких согласных. Она реализуется в гласном [ъ] (после твердых согласных) и в гласном [ь] (после мягких согласных), например: с[ъ]довóд (/с/α₁/довод), п[ъ]лонизм (/п/α₁/лонизм), вáз[ъ] (вáз/α₁/ – И. ед.); ба[н'ь] (ба/н'α₁/ – И., Д., П. ед., но ср. ба/н'и/ – Р. ед.), вá[з'ь] (ва/з'α₁/ – Д., П. ед.)².

Система консонантизма в СРЛЯ (Грамматика-80, 79) состоит из 37 сильных согласных фонем /п п' б б' ф ф' в в' м м' т т' д д' с с' з з' н н' л л' р р' ц ч ж ш ж' ш'й к к' г г' х х'/ (из них – 15 пар соотносительных по твердости–мягкости и 12 пар соотносительных по глухости–звонкости фонем), 15 слабых по твердости–мягкости согласных фонем /п₁ б₁ ф₁ в₁ м₁ т₁ д₁ с₁ з₁ н₁ л₁ к₁ г₁ х₁/, которые могут быть реализованы либо

¹См. примеры на употребление гласных, реализующих сильные фонемы, в позиции после гласных в кн.: Панов 1967, 62–63.

²Слабую фонему /α₁/, чередующуюся с сильными фонемами /е/ и /а/ после мягких согласных, мы в дальнейшем будем обозначать символом /'α₁/.

в твердом согласном (чаще), либо в мягком в позиции перед согласными³, 12 слабых по глухости—звонкости фонем /п₂ п'₂ ф₂ ф'₂ т₂ т'₂ с₂ с'₂ ш₂ ш'₂ к₂ к'₂/, которые могут быть реализованы как глухими (в позиции конца слова и перед глухими шумными согласными), так и звонкими согласными (в позиции перед звонкими шумными согласными), и 5 слабых по глухости—звонкости и твердости—мягкости фонем /п₃ ф₃ т₃ с₃ к₃/, которые могут быть реализованы как твердыми и мягкими, так и глухими и звонкими согласными.

Так как морфологические чередования (МЧ) в СРЛЯ часто реализуются в чередовании твердых и мягких согласных фонем, позиции перед фонемами /и у е о а α α₁/, перед паузой и перед некоторыми согласными в СРЛЯ являются сильными для твердых и мягких фонем.

При рассмотрении МЧ в исходе субстантивных консонантных основ наибольшую трудность в плане интерпретации фонологической позиции представляет позиция стыка основы и флексии в тех словоформах, в которых начальным элементом флексии, непосредственно примыкающим к основе, оказывается либо фонема /e/, либо фонема /'α₁/, реализующие флексии Д. и П. ед. (*столе́, боло́те, бу́лке*) или же начинающие флексии Т. ед. /'α₁м/ (*жи́телем*) и Р. мн. /'ей/ (*кудре́й*). В современной грамматической науке до сих пор еще отсутствует единое мнение относительно фонологического статуса парных по твердости—мягкости согласных в позиции перед аффиксальными /e/ и /'α₁/ . Существует, по крайней мере, три точки зрения на этот вопрос: 1) данная позиция, в которой употребляются лишь мягкие согласные, является слабой позицией для твердых и мягких фонем (см.: Аванесов, Сидоров 1945, 268); 2) поскольку в СРЛЯ в позиции перед [e] возможны и твердые, и мягкие согласные ([м'е]тр — [ме]тр, [т'е]сто — [те]ст, [с'е]кта — [се]кта и др.), то мягкость согласных перед любым [e], в том числе и перед аффиксальным (т.е. перед /e/ и /α₁/), позиционна: она грамматикализована (см.: Фонетика 1968, 39—40; Реформатский 1979, 11—12)⁴; 3) в середине слова позиция перед [e] является позицией различения парных твердых и мягких согласных фонем; позиция же перед [e] на стыке корневой и аффиксальной морфем, где возможны только мягкие согласные, является слабой для противопоставления твердых и мягких согласных фонем⁵.

³ См.: Панов 1967, 99, табл.

⁴ Ср. также: "Общеизвестность слов *модель, нэл* влечет за собой вывод, что сочетания флексии /э/ только с мягкими согласными основы (или /ш, ж/) грамматикализовано, т.е. эта мягкость является грамматическим показателем" (Панов 1967, 84).

⁵ Эта точка зрения принята в книге Грамматика-80. Однако она проведена здесь не последовательно. Так, наличие указанного разграничения между позицией внутри морфемы и позицией на стыке морфем четко обосновано и сформулировано на с. 83—84. Однако в разных разделах книги это правило реализуется по-разному. Например, на с. 79 отмечается, что в позиции перед слабой гласной фонемой /α₁/ "различаются все согласные фонемы, в том числе и твердые—мягкие", и приводятся такие словоформы, как зá/л'α₁/ (орф. *зала*) — зá/л'α₁/ (орф. *зале* — Д., П. ед.), рá/м'α₁/ (орф. *рама*) — рá/м'α₁/ (орф. *раме* — Д., П. ед.) и др. Об этом же свидетельствуют и примеры кó/л'ешь, кó/л'ет (с. 675), зы/б₁л'ется, слó/м₁л'енный (с. 678), é/л'ет, бý/л'ем, бó/р'емся, стó/н'ете, стé/л'ем (с. 679), зáмы/с'α₁/л, бки/с'α₁/л (с. 433), транскрипция форманта /т'α₁л'л/ в *самостоятельный, назидательный* (с. 274) и мн. др. В то же время на с. 507 указывается, что "в позиции перед гласной /e/ флексии... имеет место позиционно обусловленная мена «сильная фонема — слабая по твердости—мягкости

В настоящей работе мы разделяем вторую точку зрения, а именно: в современном русском литературном языке позиция перед гласными фонемами /e α α₁/ (вне зависимости от положения в словоформе) является позицией различения парных твердых и мягких согласных фонем.

СВЕДЕНИЯ ПО МОРФОЛОГИИ

Имени сущ. в СРЛЯ свойственны ГК рода, числа и падежа. В качестве дополнительной характеристики парадигм некоторых сущ. выступает лексико-грамматическое значение одушевленности—неодушевленности⁶.

Категория рода — это несловоизменяемая ЛГК, принадлежащая сущ. как слову в целом, во всей системе его словоформ. Формальными средствами языка она выявляется только в формах ед.ч. и выражается как морфологически (системой падежных флексий), так и синтаксически (типом согласования с атрибутом — прилагательным, причастием, местоимением, числительным и типом координации со сказуемым — глаголом в форме ед. ч. прош.). В ЛГК рода выделяются следующие значения: м.р., ж.р., ср.р. Сущ. м.р. имеют в словоформе И.ед. нулевую флексию (*дом, заяц, конь, парень, хвощ, музей*) или реже флексии /a/, /α₁/ и /'α₁/ (в *слуга, раджа, владыка, юноша, дядя, подмастерье*). Сущ. ж.р. характеризуются в словоформе И.ед. флексиями /a/, /α₁/ (*жена, книга, земля, линия*) или ф (*дверь, ночь, мышь*). Сущ. ср.р. имеют флексии /o/, /α₁/, /'α₁/ (*село, железо, поле, житье*). Распределение всех сущ. по родам является, фактически, условным и семантически необъяснимым. Отражение в грамматическом значении рода действительного (реального) семантического значения мужского или женского пола отмечается только в некоторых сущ., обозначающих лиц (*жена, муж, учитель, учительница*) или животных (*конь, медведица*).

ГК числа является словоизменяемой категорией; она имеет значение ед. и мн.ч. и выражается формально в системе двух морфологически (т.е. с помощью системы флексий)⁷ противопоставленных рядов форм, объединенных одной парадигмой и свойственных одному сущ.: ряд форм ед.ч. (частная парадигма ед.ч.) и ряд форм мн. ч. (частная парадигма мн.ч.). Все сущ. в зависимости от того, как они отражают внеязыковые значения единичности и неединичности, можно распределить в три группы: а) сущ., которые имеют как формы ед.ч., так и формы мн. ч.; б) сущ., которые имеют только формы ед. ч. (так называемые *sing. t.*); в) сущ., которые имеют только формы мн. ч. (так называемые *pl. t.*).

ГК падежа также является словоизменяемой категорией. Она выражается в языке морфологически (т.е. при помощи флексий) путем системы противопоставленных друг другу шести рядов форм, а именно — име-

фонема): *крюк — (o) крю/к'ε*, *вишня — (o) виш/н'ε*...” (при этом можно было бы заметить, что в соответствии с транскрипцией, принятой в Грамматике-80, следовало бы записать: *крю/к'ε*, *виш/н'α₁*).

⁶См. подробное описание грамматических категорий имени существительного в СРЛЯ в: Грамматика—80, 465—483. Относительно правомочности выделения грамматического значения одушевленности ср.: "...Совпадение Р то с И, то с В является важнейшей формой категории одушевленности” (Степанов 1968, 41).

⁷Дополнительным к флексиям средством формального противопоставления ед. и мн. ч. может выступать и МЧ.

нительного (И), родительного (Р), дательного (Д), винительного (В), творительного (Т) и предложного (П) падежей. Каждый падеж является носителем определенного комплекса категориальных морфологических значений. В ряде случаев дополнительным к системе флексий средством различения падежей могут выступать МЧ, которые являются различительным признаком лишь некоторых морфонологически маркированных парадигм.

Таким образом, словоизменительная парадигма имени сущ. в СРЛЯ содержит 12 словоформ, которые различаются между собой грамматическими значениями числа и падежа⁸ при помощи морфологических (флексии) и морфонологических (чередования) средств. Как указывалось выше, ЛГК рода и одушевленности—неодушевленности принадлежат сущ. как слову в целом, а не каждой его словоформе в отдельности.

Важно подчеркнуть, что флексия каждой отдельной словоформы в парадигме одного сущ. выражает одновременно два грамматических значения: значение числа (ед. или мн.) и значение падежа.

Для анализа морфонологической структуры именного словоизменения в СРЛЯ всем сущ. будет дана морфологическая (по типу флексии в словоформе И. ед. и по принадлежности к определенной словоизменительной модели, т.е. склонению, например, сущ. *женá* и *слугá* — ж.р. II скл.) и морфонологическая (по типу конечного сегмента ИВО, т.е. варианта, представленного в словоформе И. ед.) классификационная характеристика (например, сущ. м.р. I скл. с ИВО на парную мягкую фонему типа *кoнь*; сущ. ж.р. II скл. с основой на <C₁#/VC₂> типа *ска́зка* — Р. мн. *ска́зок*).

По характеру набора флексий в шести падежных формах в частной парадигме ед.ч. все сущ. распределяются по трем склонениям: 1) I скл. составляют сущ. м.р. с нулевой флексией в словоформе И. ед. (*сто́л, ко́нь*) и сущ. ср. р. с флексиями /o/, /e/, /α₁/ и /'α₁/ в исходной словоформе (*о́кно́, я́блоко, бы́тие, мо́ре*). 2) II скл. составляют сущ. морфологического ж.р. с флексиями /a/, /α₁/ и /'α₁/ в исходной словоформе (например, *пчела́, ра́ма, во́ля, ю́ноша, слугá, мя́мя*). 3) III скл. составляют сущ. ж.р. с нулевой флексией в исходной словоформе (*ро́жь, тишь, до́чь, ма́ть*), одно сущ. м. р. с нулевой флексией (*пу́ть*)⁹ и сущ. ср. р., с флексией /α₁/ и с ИВО на /м'/ (типа *вре́мя*).

⁸ В СРЛЯ имеется целый ряд неизменяемых по числам и падежам сущ. (например, *меню, жури, пальто, метро, какаду*), которые не являются предметом морфонологического анализа.

⁹ Из приведенных примеров, кратко иллюстрирующих каждое из трех склонений, видно отсутствие формальных (морфологических) различий в исходных словоформах сущ. м.р. I скл. и ж.р. III скл., имеющих в И. ед. нулевую флексию и основу на мягкие согласные фонемы. В связи с этим справедливо замечание Н.А. Еськовой о том, что "морфонологически мягкие согласные в качестве конечных элементов основы способствуют нейтрализации морфологических противопоставлений существительных. Так, у существительных с основами на морфонологически твердые согласные нулевая флексия в И. ед. однозначно сигнализирует о мужском морфологическом роде и, следовательно, о первом склонении. У существительных же с основами на морфонологически мягкие согласные нулевая флексия в исходной форме недостаточна для информации о роде и склонении, то и другое обнаруживается только в парадигме" (Еськова 1971, 177). Ср. также: нулевое окончание И. ед. "указывает на мужской род только в основах на твердую согласную, тогда как в основах на мягкую согласную или шипящую нулевое окончание может принадлежать равным образом существительным мужского рода (*де́нь, му́ж*) и женского рода (*да́нь, мы́шь*)" (Якобсон 1985, 223).

Выделяются следующие наборы флексий в частной парадигме ед. ч. (см. табл. 1).

Флексии в частной парадигме мн. ч. показаны на табл. 2.

В парадигме ед. ч. система флексий выражает значения падежа, рода и одуш.—неодуш.; в парадигме мн. ч. флексии последовательно выражают лишь значение падежа (И Р Д В Т П) и значение одуш. (совпадение флексий Р и В) и неодуш. (совпадение флексий И и В). Различение склонений в частной парадигме мн. ч. фактически отсутствует; непоследовательно и

Таблица 1

I склонение	
м.р. (морфологический)	ср.р.
И. ъ (орф. —, ъ)	/e/, /o/, /α ₁ / (орф. о, ё, е)
Р.	/a/, /α ₁ / (орф. а, я)
Д.	/y/ (орф. у, ю)
В. = И. (неодуш.), = В. (одуш.)	= И.
Т.	/om/, /α ₁ m/ (орф. ом, ём, ем)
П.	/e/, /'α ₁ / (орф. е)

II склонение	III склонение	
ж.р. (морфологический)	ж.р., м.р.	ср.р.
И. /a/, /α ₁ / (орф. а, я)	ѣ (орф. ѣ)	/'α ₁ / (орф. я)
Р. /и/ (орф. ы, и)	/и/ (орф. и)	/'α ₁ н'и/ (орф. ени)
Д. /e/, /'α ₁ / (орф. е)	= Р.	= Р.
В. /y/ (орф. у, ю)	= И.	= И.
Т. /oй/, /α ₁ й/ /oйу/, /α ₁ йу/ (орф. ой//ою, ёй//ёю, ей//ею)	/y/* (орф. ю)	/'α ₁ н'α ₁ м/ (орф. енем)
П. = Д.	= Р.	= Р.

*Нами допускается в ряде случаев принципиальная возможность производить перераспределение морфемных границ при синхронной морфемной сегментации словоформ, если таковое перераспределение представляется более оправданным с точки зрения сопоставительного анализа морфонологических признаков славянских языков. Так, например, в русск. и укр. в словоформах Т. ед. сущ. ж.р. III скл. вычленяется флексия /y/, (а не /йу/) и вариант основы с наращением (см. подробнее главу 2, с. 53—55).

Таблица 2

I, II, III склонения	
И.	/и/, /a/, /α ₁ / (орф. ы, и, а, я, е)
Р.	/oф ₂ /, /α ₁ ф ₂ /, /eй/, ѣ (орф. ое, ёе, ее, ей, ѣ, —)
Д.	/ам/, /α ₁ м/ (орф. ам, ям)
В.	= И. (неодуш.), = Р. (одуш.)
Т.	/ам'и/, /α ₁ м'и/, /м'и/ (орф. ами, ями, ми)
П.	/ах/, /α ₁ х/ (орф. ах, ях)

невяно проведено различие и по родам¹⁰. Выбор же необходимой флексии из существующих в парадигме мн. ч. вариантов каждой флективной морфемы (особенно ср. флексии И. мн. и Р. мн.), с одной стороны, регулируется такими морфонологическими факторами как место ударения и качество конечного согласного в ИВО, а с другой, — определяется лексическим значением слова.

Так, подавляющее большинство сущ. м. и ж.р. и некоторые сущ. ср.р. образуют словоформу И. мн. с флексией /и/ (орф. *ы, и*): *сто́лы, ко́ни, кни́ги, я́блоки*.

Словоформу И.мн. с флексией /а/, /а₁/ и /'а₁/ (орф. *а, я*) имеет большинство сущ. ср.р., которые характеризуются, как правило, ударением на первом слоге в исходной словоформе (*по́ле-поля́*) и некоторые ел. сущ. м.р. (*лес — леса*). Если словоформы И. мн., образованные от сущ. ср.р., характеризуются как наосновным (*о́кна, верхо́вья*), так и конечным ударением (*сердцá, поля́*), то словоформы И.мн. сущ. м.р. могут иметь преимущественно конечное ударение (*цехá, домá, берегá*); исключение составляет ограниченная в лексическом отношении группа сущ., имеющих во мн.ч. значение собирательности: *кло́чья, су́чья, камéнья, угóлья* (см. ниже АР 5, АР 10, типы б, г). О продуктивности образования словоформ И.мн. с флексией /а/ писал С.П. Обнорский: "...данный тип форм, зародившись в определенном кругу слов, лишь русских по происхождению, дал толчок к позднему широкому развитию этих форм в категории заимствований" (ср. *бас-басá, альт-альтá, адрес-адресá* и др.) (1931, 37). В настоящее время продолжается активизация процесса вовлечения новых слов м.р. в сферу влияния модели образования словоформы И.мн. с флексией /а/ (например, *ветрá, госпиталá* и др.) и не только в литературном языке, но и в диалектах, особенно в южнорусских, где эта флексия распространяется даже на сущ. ж.р. (см., например: Букринская 1982; Зализняк 1967, 222–228; Грамматика-80, 497–498).

Флексия И.мн. /'а₁/ (орф. *е*) характеризует лишь небольшую группу одушевленных сущ. м.р. I скл., с ИВО на /ан'ин/, /'ан'ин', /'ин'/, /ан/, например: *крестьянин — И.мн. крестья́не, армянин — армя́не, боярин — боя́ре, цыга́н — цыга́не*.

Словоформы Р.мн. с флексиями /оф₂/ (орф. *ов, ёв, ев*) и (а₁ф₂/ (орф. *ев*) образуются от большинства сущ. м.р., ИВО которых оканчивается на парные твердые согласные фонемы, на /ц/ и /й/, а также от сущ. ср.р., ИВО которых оканчивается на /ц/, /к/ и /й/: м.р. *стол — Р. мн. столóв, заво́д — заво́дов, оте́ц — отцо́в, руче́й — ручье́в, музе́й — музе́ев*; ср.р. *болото́ — Р.мн. болото́цев, я́блоко — я́блоков* (и *я́блок*), *верхо́вье — верхо́вьев* (и *верхо́вий*), *остри́е — остри́ев*. Ударение в данных словоформах может быть как наосновным, так и конечным.

Словоформы Р.мн. с флексией /ей/ и реже /'а₁й/ образуют: сущ. м.р. с ИВО на мягкие и шипящие и реже — твердые согласные фонемы, сущ. ж.р. III скл. и реже ж.р. II скл. с ИВО на мягкие согласные фонемы, сущ. ср.р. I скл. с ИВО на мягкие согласные фонемы и три существительных

¹⁰ В то же время" в русском Р. мн. ч. является единственной показательной формой для различения родов и типов склонения во мн. числе" (см.: Степанов 1968, 43).

ср.р. — *колéно, úхо и óко*: м.р. *конь* — Р.мн. *конéй, нож* — *ножéй, друг* — *друзéй, сосед* — *сосéдей*; ж.р. *мышь* — Р.мн. *мышéй, цéрковь* — *цeрквéй, дóчь* — *дочерéй, бóкля* — *бóклей, чóкча* — *чóкчей*; ср.р. *пóле* — Р.мн. *полéй, колéно* — *колéней, úхо* — *ушéй, óко* — *очéй*. Ударение в словоформах Р.мн. с данными флексиями может быть как наосновным, так и наконечным.

Словоформы Р.мн. с флексией *Ø* образуют все остальные сущ. ср.р. I скл. и ж.р. II скл.: ср.р. *окнó* — Р.мн. *окóн, сéрдце* — *сердéц, ружьё* — *ружéй, волчúще* — *волчúщ, полотéнце* — *полотéнец* (и *полотéнцев*); ж.р. *кáрта* — Р.мн. *карт, вúшня* — *вúшен, бáрышня* — *бáрышень, земл́я* — *земéль, сестра* — *сестёр, свинья* — *свинéй*. Словоформы Р. мн. с нулевой флексией и с основой на сегмент $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, образованные от сущ. ср.р. I скл. и ж.р. II скл., требуют специального изучения в морфонологическом аспекте (см. ниже, с. 25–31).

О выделении морфонологических мягких субстантивных основ (на парные мягкие согласные и шипящие фонемы) и твердых субстантивных основ (на парные твердые согласные фонемы и /й/), регулирующих распределение флексий в Р. мн., см. подробнее: Еськова 1971, 170–177; Реформатский 1975, 85.

В специальных комментариях нуждаются те словоформы, косвенные варианты основы которых не совпадают по своему фонемному составу с ИВО: в них фиксируется иная (вторая, третья...) ступень чередования, а парадигмы сущ., содержащих данные словоформы, являются морфонологически маркированными.

Словоформа Д.ед.: флексии /e/, /'α₁/ (орф. *е*). У всех сущ. ж.р. II скл., ИВО которых оканчивается на парные твердые согласные фонемы, в словоформе Д.ед. фиксируется вариант основы с соотносительными мягкими фонемами, например: *женé* (от *женá*), *воевóде* (от *воевóда*), *мúхе* (от *мúха*) и др.

Словоформа П. ед.: флексии /e/, /'α₁/ (орф. *е*). Все сущ. м.р., ср.р. I скл., II скл., ИВО которых оканчиваются на парные твердые фонемы, в данной словоформе перед флексиями /e/ и /'α₁/ имеют вариант основы с соотносительными мягкими согласными фонемами: м.р. — *дóме* (от *дом*), *столé* (от *стол*) и др.; ср.р. — *окнé* (от *окно*), *яблоке* (от *яблоко*) и др.; ж.р. — *женé* (от *женá*), *мúхе* (от *мúха*) и др.

Словоформа Т.ед.: флексия /y/ (орф. *ю*)¹¹. Все сущ. ж.р. III скл. в данной словоформе имеют вариант основы, распространенный (по сравнению с ИВО) фонемой /й/: *тёнью* (от *тень*), *вёстью* (от *весь*) и др.

Словоформа Р.мн.: флексия *Ø*: а) Ряд сущ. ж.р. II скл., основа которых оканчивается на сегмент $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, где элемент $\langle C_2 \rangle$ в ИВО реализован фонемой /н'/ (типа *пéс*ня*), в словоформе Р.мн. с нулевой флексией на месте элемента $\langle C_2 \rangle$ имеют фонему /н/, например: *пéсен* (от *пéс*ня*), *спáлен* (от *спáль*ня*) и др. б) В словоформе Р.мн. с нулевой флексией, образованной от сущ. ж.р. II скл. с ИВО на сочетание /йй/, находим вариант основы с усеченной фонемой /й/, например: *секво́й* (от *секво́йя*). в) Сущ. ср.р. I скл. и ж.р. II скл., а также сущ. pl.t. I и II скл., конечный сегмент основы которых имеет структуру $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, образуют словоформу Р. мн. с нулевой флексией и вокалистической ступенью чередования, реализованной

¹¹ См. примечание к табл. 1.

либо фонемой /e/, либо /o/, либо /α₁/, например: И.ед. — *скáз*ка, пéс*ня, кап*ля, ок*но́, граб*ли* ~ Р.мн. — *ска́зок, пéсен, капéль, окóн, грабéль*.

Словоформы частной парадигмы, мн. числа. В многочисленной группе суш. м.р. I скл. (типа: И.ед. — *котéнок; бесéнок; клок; кол, брус; зять, уголь; кум; болгарин; гражданин; сосед, черт* и некоторые др.) и в ряде суш. ср.р. I и III скл. (типа: И.ед. — *о́ко, у́хо; перо́; нéбо; коленó; вре́мя*) во всех словоформах мн.ч. отмечается иной, по сравнению с исходным, вариант основы: И.мн. м.р.: *котя́та; бесеня́та; кло́чья; ко́лья, брусья; зятя́, уго́лья; кумовья́; болгары́; гра́ждане; сосéди, чéрти*; ср.р. *очи, у́ши; пéрья; небеса́; колéни; времена́*.

Словоформы с вокалическими флексиями. В некоторых суш. м.р. I скл. (типа: И.ед. — **воробéй, *венéц, *слепéнь, *пес, *висо́к, *котéл, *грéбень*) и ж.р. III скл. (типа: И.ед. — **рожь, *любо́вь, *цёрковь*), конечный сегмент основы которых имеет морфонологическую структуру <C₁V/# C₂> и в словоформах с нулевой флексией фиксируется вокалическая ступень чередования (V), в словоформах с вокалическими флексиями находим вариант основы с нулевой ступенью чередования ((#)), например: Р. ед. м.р. — *воробья́, венца́, слепня́, пса, виска́, котла́, грéбня; ж.р. — ржи, любви́, цёркви*.

Таким образом, флексиями, вызывающими морфонологические изменения в субстантивной основе, являются: 1) флексии Д. и П.ед. /e/ и /'α₁/; 2) нулевая флексия Р.мн. (и В.мн. — одуш.), 3) флексия Т.ед. /y/; 4) флексии мн.ч.; 5) вокалические флексии. При этом только следующие классы суш. имеют морфонологически маркированные парадигмы: 1) суш. м.р. I скл., ср.р. I скл. и ж.р. II скл. с ИВО на твердые согласные фонемы; 2) суш.ж. и ср.р. III скл.; 3) суш. ж.р. II скл. с ИВО на /н'/; 4) суш. ж.р. II скл. с ИВО на /й'/; 5) суш. всех трех родов, основы которых имеют морфонологическую структуру <C₁ $\frac{V}{\#}$ C₂> и <C₁ $\frac{\#}{V}$ C₂> (см. с. 25–31);

б) некоторые суш.м., ж. и ср.р., имеющие индивидуальную морфонологическую характеристику (см. выше особые случаи образования словоформ мн.ч.).

Остальные суш. характеризуются морфонологически немаркированными парадигмами.

ВИДЫ ЧЕРЕДОВАНИЙ

Существительным СРЛЯ свойственны в рамках парадигмы МЧ трех видов: 1) чередования согласных фонем в исходе субстантивных основ (на месте элемента <C₂>); 2) чередования гласной фонемы с нулем внутри основы в сегменте с морфонологической структурой <C₁ #/VC₂> и <C₁V/#C₂>; 3) чередования, связанные с усечением и наращением основы. Вокалистические чередования и чередования, связанные с метатезой, фактически, неизвестны СРЛЯ. В русском именно словоизменения наиболее распространенными являются чередования первых двух видов.

Консонантные чередования характеризуют парадигмы тех суш., ИВО которых завершается на парные твердые согласные фонемы; при этом один вариант основы имеет альтернант, реализованный твердой фонемой, другой — альтернант, реализованный относительно мягкой согласной фонемой. Чередования этого вида участвуют в четырех противопоставлениях

различных групп словоформ в рамках парадигмы одного слова, а именно: 1) $\langle T \sim T' \rangle = \langle \text{ед. (И, Р, Д, В, Т), мн.} \rangle \sim \langle \text{П. ед.} \rangle$ — в сущ. I скл. м. и ср.р. (*дом, вол*); 2) $\langle T \sim T' \rangle = \langle \text{ед. (И, Р, В, Т), мн.} \rangle \sim \langle \text{ед. (Д, П)} \rangle$ — в сущ. II скл. морфологического ж.р. (*корова, ваза, воевода, скряга*); 3) $\langle T \sim T' \rangle = \langle \text{ед. (И, Р, Д, В, Т)} \rangle \sim \langle \text{ед. (П), мн.} \rangle$ — в некоторых сущ. I скл. м.р. (ср. *сосед*); 4) $\langle T' \sim T \rangle = \langle \text{ед., мн. (кроме Р.мн.)} \rangle \sim \langle \text{Р. мн.} \rangle$ — в сущ. ж.р. II скл. с ИВО на /н'/ (типа *баш*ня*).

Появление альтернанта, реализованного мягкой согласной фонемой, обусловлено морфологической позицией, а именно — флексиями Д и П. ед. /e/ и /'α₁/ (орф. —e), нулевой флексией Р.мн., или всей системой флексий мн.ч. Следует заметить, что наличие А₂ перед флексиями Д и П. ед. /e/ и /'α₁/ фиксируется во всех без исключения сущ., относящихся к указанным классам. Наличие же А₂ перед флексией Р.мн. и всеми флексиями мн.ч. характеризует лишь небольшой круг слов, что в данном случае свидетельствует об ограничивающем влиянии на проявление морфологической закономерности не только структурного (фонема /н'/), но и лексического фактора.

Чередования второго вида (т.е. гласной фонемы с нулем) являются характерной особенностью русского именного словоизменения. Этот вид чередования обусловлен фонетико-морфологической позицией, поскольку выбор либо полной, либо нулевой ступени зависит и от формального строения флексии, и от лексического и характеризует парадигмы лишь определенного круга слов. Ступень, реализованная гласным, появляется в субстантивной основе при оформлении словоформы нулевой флексией; ступень же чередования, реализованная морфологическим нулем, фиксируется в основе при наличии вокалической флексии (см. Зализняк 1967, 1985). Например: *ложь* — *лжи*, *лён* — *льна*, *воробей* — *воробья*, *окно* — *о́кно*, *черешня* — *черешен*, но *при́горшня* — *при́горшней*. Однако в СРЛЯ имеется большое число таких субстантивных основ, в которых данной зависимости в выборе нулевой или полной ступени чередования от фонетико-морфологической позиции (а именно — слогового или неслогового строения определенной флексии) не наблюдается и чередование гласного с нулем звука отсутствует. Ср.: *лоб* — *лба*, но *зоб* — *зоба*; *песок* — *песка́*, но *челнок* — *челнока*.

Этот факт свидетельствует о том, что в одном и том же языке может отмечаться различный характер морфологической обусловленности того или иного вида чередования. Так, одни чередования действуют в рамках определенной морфологической категории последовательно, без всяких исключений и лексически неограниченно (ср., например, регулярное, предсказуемое появление ступени чередования, реализованное мягкой согласной фонемой, перед флексией П. ед. в сущ. I и II скл., ИВО которых завершается на парную твердую согласную фонему). На другие же чередования язык накладывает запреты различного характера (морфологические, лексические, стилистические), в результате чего они оказываются приметой парадигм лишь определенной группы слов, а их отличительной чертой становится ограниченность действия, нерегулярность и слабая лексическая "представленность" (ср., например, чередования гласной фонемы с нулем внутри субстантивной основы). Очевидно, что наибольшую трудность при анализе морфологической структуры языка должны представлять имен-

но случаи нерегулярных чередований, на действие которых накладываются те или иные ограничения. При их описании необходимо по возможности точно определять круг основ, подверженных данным морфонологическим модификациям.

К числу таких нерегулярных, а в ряду случаев и частных чередований, характеризующих, как правило, парадигмы небольших групп слов или даже отдельных, изолированных, слов, относятся и чередования третьего вида, которые связаны с различными явлениями наращення и усечения субстантивных основ (например, *гражда(н'ин)ѳ* – *гражда(н'ѳ)ѳ*; *не(рѳ)ѳ* – *не(р'ѳ)ѳ*). При их описании целесообразно, если это возможно, давать полный список слов, или же определять данные слова по словарям.

ХАРАКТЕРИСТИКА СЕГМЕНТОВ $\langle C_1 \#VC_2 \rangle$ и $\langle C_1 C_2 \rangle$

Среди МЧ, характеризующихся нерегулярностью, наиболее сложно установить круг основ с чередованиями второго вида (т.е. гласной фонемы с нулем)¹². В связи с этим представляется целесообразным остановиться более подробно на рассмотрении субстантивных основ, имеющих строение $\langle C_1 \#VC_2 \rangle$.

(1). Так, материал показал, что в сущ., основы которых характеризуются в конечной зоне морфонологической структурой $\langle C_1 \#VC_2 \rangle$ (типа *капля*, *окно*, *сапки*), компонент $\langle C_2 \rangle$ в ИВО может быть реализован согласными фонемами /б м л' л н' н р й ц г к/ (см. ниже, табл. 3). Однако выяснилось, что строгой зависимости между характером исхода основы и появлением вокалической ступени чередования в словоформах с нулевой флексией не существует, так как сами по себе артикуляционно-акустические свойства согласных, реализующих сегмент $\langle C_1 \#C_2 \rangle$ в ИВО не всегда могут с безусловностью свидетельствовать о том, является ли этот сегмент неразложимым сочетанием двух согласных (т.е. $\langle C_1 C_2 \rangle$), неизменным во всех словоформах данного слова (ср. *изба́...*, *избы*, *изб*), или же – разложимым $\langle C_1 \#C_2 \rangle$ с морфонологическим нулем в словоформах с вокалическими флексиями и с альтернативом, реализованным гласной фонемой, в словоформах с нулевой флексией (ср., например: *крéсло* – Р.мн. *крéсел*, но *чрэсла* – Р.мн. *чресл*¹³).

¹²Ср.: в случае *сон–сна*, *пень–пня*, *камень–ка́мня* и др. "чередование основы более полной в И.ед. и укороченной почти во всех прочих падежах, естественно должно было послужить почвой для аналогического смешения тем" (Обнорский 1927, 233). И далее: "Из всего предложенного материала, относящегося к чередованию полных и укороченных основ в отдельных падежных формах имен существительных, можно в виде обобщения оттенить общее тяготение в литературном языке к употреблению чередующихся ... тем. в народной речи – к преимущественному употреблению тем полного вида..." (с. 243).

¹³Пожалуй, можно с уверенностью отметить только одну характеристику в конечном сегменте ИВО, которая запрещает сохранение сочетания $\langle C_1 C_2 \rangle$ перед нулевой флексией и сигнализирует об обязательном появлении в данной морфонологической позиции (т.е. в словоформе с нулевой флексией) вокалической ступени чередования (т.е. $\langle C_1 \#C_2 \rangle \sim \langle C_1 VC_2 \rangle$): это реализация элемента $\langle C_2 \rangle$ в ИВО мягкой согласной фонемой и /й/. Таким образом, возможны соотношения: *утро* – Р.мн. *утр* и *сестра* – Р.мн.ч. *сестёр*, *обойма* – Р.мн. – *обойм* и *кайма* – Р.мн. *каём* и др., но только: *бойня* – Р.мн. *ббен*, *деревня* – Р.мн. *деревень*, *крюля* – Р.мн. *крюель*, *семья* – Р.мн. *семей* и

Таблица 3

C_1	C_2	б	п	в	ф	м	н	н'	л	л'	р	д	т	з	с	ц	ж	ч	ш	й	г	к	х	щ	C_2	C_1
б									+	+	±	+	±		-											б
б'																										б'
п			-																							п
п'																										п'
в																										в
в'																										в'
ф																										ф
ф'																										ф'
м			-																							м
м'																										м'
н																										н
н'																										н'
л																										л
л'																										л'
р																										р
р'																										р'
д																										д
д'																										д'
т																										т
т'																										т'
з																										з
з'																										з'
с																										с
с'																										с'
ц																										ц
ж																										ж
ч																										ч
ш																										ш
й																										й
г																										г
к																										к
х																										х
C_1	C_2	б	п	в	ф	м	н	н'	л	л'	р	д	т	з	с	ц	ж	ч	ш	й	г	к	х	щ	C_2	C_1

др.). Отметим также, что отсутствует, видимо, определенная закономерность и в реализации обратного чередования, т.е. $\langle C_1 VC_2 \rangle \sim \langle C_1 \# C_2 \rangle$, ср.: *дятел* ~ Р. ед. *дятла*, но *вертел* - *вертела*, *стебель* ~ *стебля*, но *табель* - *табеля*, *ветер* ~ *ветра*, но *кэтер* - *кэтера*, *уголь* ~ *угля*, но *щёголь* - *щёголя* и мн. др. Исчерпывающий материал по субстантивным основам, имеющим морфонологическое строение своих финальных сегментов в виде $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$, $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, $\langle C_1 C_2 \rangle$, $\langle C_1 VC_2 \rangle$ можно извлечь из обратного словаря А.А. Зализняка (1980), содержащего около 100 000 слов.

Табл. 3 показывает, как по строению ИВО можно определить, является ли данная субстантивная основа при наличии в парадигме словоформ с нулевой флексией морфонологически маркированной (т.е. $\langle C_1 \# /VC_2 \rangle$) или же морфонологически немаркированной (т.е. $\langle C_1 C_2 \rangle$), а именно: а) И. ед. — $\langle C_1 \# C_2 \rangle + /V/ \sim R$. мн. — $\langle C_1 VC_2 \rangle + /Ø/$ или б) И. ед. — $\langle C_1 C_2 \rangle + + /V/ = R$. мн. $\langle C_1 C_2 \rangle + /Ø/$.

В таблице на месте элемента C_1 (вертикальный столбец) и элемента C_2 (горизонтальный столбец) даны в фонетической транскрипции согласные звуки, зафиксированные в русских литературных словоформах И. ед. от сущ. ср. р. I скл., ж. р. II скл. и рл. т. I и II скл. Наличие сочетания $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ в ИВО обозначается в клетке на пересечении элементов C_1 и C_2 плюсом (+); наличие сочетания $\langle C_1 C_2 \rangle$ — прочерком (—), а наличие сегментов $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ и $\langle C_1 C_2 \rangle$, реализованных одними и теми же сочетаниями согласных, даются в таблице одновременно плюсом и прочерком (\pm). Определение морфонологического статуса финального сегмента субстантивной основы по теоретически возможной (но реально не употребляющейся) словоформе Р. мн. с нулевой флексией обозначается кружком (\oplus , \ominus).

Ниже приводится материал, иллюстрирующий табл. 3:

Сегмент $\langle C_1 \# /VC_2 \rangle$: [б # н] — бубна; [б # н'] — надолбня; [б # л] — гребло; [б # л'] — грабли; [б # р] — ребро; [б' # й]¹⁴ — снадобье; [п # н] — копна; [п # н'] — салотопня; [п # л] — душло; [п # л'] — капля; [п' # й] — копьё; [п # к] — покупка, улыбка; [в # н] — бревно; [в # н'] — часовня; [в # л'] — кровля; [в' # й] — кочевье; [ф # л'] — вафля; [ф # ц] — овца; [ф # к] — лавка; [ф' # й] — кутафья; [м # н] — домна; [м # н'] — каменолобня; [м # л'] — земля; [м' # й] — мелкотёме; [м # к] — съёмка; [н # ц] — колёнце; [н' # й] — игуменья; [н # к] — банка; [н' # г] — шаньга; [н' # к] — нянька; [л # г] — йволга; [л # к] — палка; [л' # н'] — наковальня; [л' # ц] — кольцо; [л' # й] — ущёлье; [л' # к] — галка; [р # н] — зерно; [р # н'] — солеварня; [р # ц] — озерцо; [р # г] — кочерга; [р # к] — ведёрко; [р' # м] — тюрьма; [р' # й] — взгорье; [р' # г] — серьга; [р' # к] — гирька; [д # н] — судно 'сосуд'; [д # н'] — обедня; [д # р] — бедро; [д # л] — седло; [д' # б] — свадьба; [д' # й] — безвобье; [т # н] — полотно; [т # н'] — сплетня; [т # л] — метла; [т # л'] — пётля; [т' # й] — статья; [т # к] — дятято; [т' # м] — тьма 'множество'; [т' # к] — батька, редька; [з # н] — гузно; [з # н'] — кузня; [з # л] — козлы; [з # г] — рбзга; [з' # й] — подглазье; [с # н] — сосна; [с # н'] — басня; [с # л] — масло; [с # ц] — трусца;

¹⁴ Перед [й] все парные по твердости—мягкости согласные в СРЛЯ произносятся мягко, т.е. в этой позиции возможны только парные мягкие согласные и все непарные по твердости—мягкости согласные (см.: Аванесов 1954, 96). Следует отметить, что большинство сущ. ср. р. I скл. со значением собирательности, которые, как правило, имеют ударение на флексии и ИВО которых оканчивается на сочетание 'мягкий согласный + [й]' (например, *бельё, хулиганье, старичье* и др.), практически, не образуют словоформ мн. ч. и поэтому исключаются нами из списка слов, иллюстрирующих структуру финального сегмента ИВО либо в виде $\langle C_1 \# C_2 \rangle$, либо в виде $\langle C_1 C_2 \rangle$.

[с # к] – миска, сказка; [с' # й] – одночасье; [с' # к] – моська, кузька;
 [ц # ц] – блюдце, решето; [ц # к] – клецка; [ж # н] – княжна;
 [ж # н'] – таможня; [ж # й] – ружье; [ч # й] – увечье; [ч # к] – со-
 бачка; [ш # м] – кошма; [ш # н] – мошна; [ш # н'] – скворечня, башня;
 [ш # л] – дышло; [ш # й] – затишье; [ш # к] – ромашка, упряжка;
 [й # м] – кайма; [й # н'] – бойня; [й # ц] – яйцо; [й # й] – вайя;
 [й # к] – стройка; [г # н] – стegno; [г # л] – тягло; [к # н] – окно;
 [к # л] – кукла; [х # н] – чухна; [х # н'] – кухня; [х # л] – барахло.

Сегмент <С₁ #/VС₂> (трехсложные сочетания): [ст # к] – фигуристка;
 [фх # к] – нивхка; [рч # м] – корчма; [ст # р] – сестра; [с'т' # й] –
 счастье.

Сегмент <С₁С₂>: [бл] – вобла; [бр] – швабра; [бз] – кобза; [бж] –
 обжа; [пп] – группа; [пф] – сапфа; [пи] – соплó; [пр] – копра; [пт] –
 лепта; [вм] – травма; [вр] – тавро; [вд] – правда; [фм] – рифма;
 [фр] – цифра; [фт] – кофта; [мб] – дамба; [мп] – лампа; [мф] –
 нимфа; [мм] – телеграмма; [мр] – домра; [мз] – пемза; [мс] – хамса;
 [мж] – кумжа; [мш] – агрономша; [мг] – семга; [нв] – канва; [нн] –
 ванна; [нд] – банда; [нт] – инфанта; [нз] – линза; [нц] – инфлуэнца;
 [нж] – ронжа; [нш] – великанша; [н'б] – гоньба; [н'г] – стеньга;
 [нг] – фаланга; [лб] – колба; [лп] – толпа; [лв] – молва; [лм] –
 чалма; [лн] – волна; [лл] – каравелла; [лд] – кувалда; [лш] – толща;
 [лг] – волга; [л'б] – стрельба; [л'п] – пуля; [л'в] – мальва; [л'ф] –
 альфа; [л'м] – пальма; [л'д] – тильда; [л'т] – дельта; [л'з] – гильза;
 [л'ч] – мультча; [л'ш] – адмиральша; [л'г] – пустельга; [л'х] – ольха;
 [рб] – верба; [рп] – нерпа; [рв] – стерва; [рф] – арфа; [рм] – казар-
 ма; [рн] – каверна; [рл] – сверло; [рр] – мйрра; [рд] – кокарда;
 [рт] – карта; [рз] – каверза; [рс] – бурса; [рж] – баржа; [рч] – порча;
 [рш] – лекарша; [рг] – каторга; [рх] – кирха; [р'б] – борьба; [р'м] –
 кутерьма; [дн] – ехидна; [дл] – быдло; [др] – эскадра; [дж] – раджа;
 [д'б] – женитьба, городьба; [д'м] – ведьма; [тв] – жатва; [тл] –
 титла//титло; [тр] – ондатра; [тт] – ариэтта; [зб] – изба; [зв] – язва;
 [зм] – плазма; [зн] – дешевизна; бездна; [зл] – грызло; [зд] – звезда;
 [зг] – брюзга; [з'б] – резьба, просьба, [сп] – обспа; [св] – дресва;
 [см] – басма; [сл] – чресло; [ст] – каста; [сс] – касса; [сх] – пасха;
 [с'м] – тесьма; [жб] – служба; [жм] – пшма; [жд] – надежда; [чв] –
 почва; [чт] – мачта; [чч] – притча; [шв] – подошва; [шм] – яшма;
 [шл] – дышло; [шт] – ришта; [шц] – мшща; [йв] – мойва; [йб] –
 шайба; [йм] – обойма; [йн] – тайна; [йл] – стойло; [йр] – сайра;
 [йд] – сайда; [йт] – флейта; [йц] – убийца; [йш] – гейша; [йг] –
 сайга; [гм] – догма; [гн] – стогна; [гл] – игла; [гр] – игра; [кв] –
 буква; [кл] – свекла; [кр] – икра; [кт] – катаракта; [кс] – такса;
 [кш] – пикша; [кк] – юкка; [хв] – лихва; [хм] – драхма; [хр] –
 бхра; [хт] – фхта.

Сегмент <С₁С₂> (трехсложные сочетания): [ртв] – жертва; [ств] –
 паства; [цтв] – богатство; [стм] – астма; [стр] – астра; [нтр] – контра;
 [штр] – муштра; [рдв] – мордва; [рст] – верста; [йск] – войско;
 [лжб] – волшба; [лчб] – алчба; [джр] – хиджра; [нгв] – билингва;
 [скр] – йскра.

Сегмент $\langle CCC_1C_2 \rangle$ (четырёхсложные сочетания): [пств] — холóпство, рабство; [фств] — лука́ство, гра́фство; [мств] — ла́комство; [йств] — сво́йство; [нств] — пья́нство; [рств] — лека́рство; [л'ств] — нача́льство; [кств] — бе́гство.

Приведенный материал и табл. 3 показывают, что по строению конечного сегмента ИВО сущ. ср. р. I скл., ж. р. II скл. и сущ. pl. t. I и II скл. можно достаточно уверенно определить морфонологическую структуру той или иной субстантивной основы. Так, о структуре $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ свидетельствуют сочетания [т'м бн пн вн мн тн сн жн шн кн хн бн' пн' вн' мн' л'н' рн' дн' тн' зн' сн' жн' шн' йн' хн' хл бл' пл' вл' фл' мл' тл' л'ц рц сц щц б'й п'й в'й ф'й м'й н'й л'й р'й д'й т'й з'й с'й ж'й ч'й ш'й й'й р'г пк мк нк н'к лк л'к рк р'к т'к ск с'к цк чк шк йк]. На структуру $\langle C_1C_2 \rangle$ указывают сочетания [мб н'б лб л'б рб р'б зб з'б жб йб пп мп лп л'п рп сп нв лв л'в рв тв зв св чв шв йв кв хв пф мф л'ф рф вм фм мм лм л'м рм д'м зм см с'м жм гм хм нн лн йн лл рл йл пр вр фр мр рр тр йр гр кр хр вд нд лд рд зр жр йр пт фт л'т рт тт ст чт шт йт кт хт бз мз нз л'з рз мс рс сс кс шц бж мж нж рж дж л'ч рч чч мш нш л'ш рш йш кш мг нг л'г йг кк л'х рх сх лш]. Если же конечный сегмент ИВО имеет строение [д'б р'м шн йм рн дн зн гн бл пл дл тл зл сл шл гл кл бр др нц йц н'г лг рг зг], то в морфонологическом отношении такая основа может реализовываться как структуру $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, так и структуру $\langle C_1C_2 \rangle$.

Из табл. также следует, что если элемент $\langle C_2 \rangle$ в ИВО реализован согласными [н' л' й к], то, следовательно, основы сущ. ж. и ср. р., а также pl. t. I и II скл., всегда морфонологически маркированы чередованием $\langle \# \sim V \rangle$ (т.е. субстантивная основа имеет структуру $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$). Согласные же [п в ф д т з с ж ч ш щ х] на месте элемента $\langle C_2 \rangle$ в ИВО запрещают появление вокалической ступени чередования $\langle V \rangle$ в словоформах с нулевой флексией, и данные сочетания являются в морфонологическом плане неразложимыми (т.е. $\langle C_1C_2 \rangle$). Что касается реализации элемента $\langle C_2 \rangle$ согласными [б м н л р ц г], то они допускают как структуру $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, так и структуру $\langle C_1C_2 \rangle$ ¹⁵. Таким образом, большей показательной силой при определении морфонологической структуры субстантивных основ (а именно $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ или $\langle C_1C_2 \rangle$) обладают согласные, замещающие в ИВО элемент $\langle C_2 \rangle$.

(2). Также трудно только по свойствам сегмента $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ в исходной словоформе сущ., парадигмы которых маркированы чередованием $\langle \# \sim V \rangle$, безошибочно определить конкретную реализацию компонента $\langle C_1V \rangle$ в сегменте $\langle C_1VC_2 \rangle$ тех косвенных словоформ, которые имеют нулевую флексию, например: *каре́д* — *каро́бг*, *кочере́д* — *кочере́г*, *сестре́д* — *сесте́р*, *княжне́д* — *княже́н*, *корчма́д* — *корче́м*, *ска́зка* — *ска́зок*, *ме́тла́д* — *ме́тел* (компонент $\langle C_1V \rangle$ может быть реализован такими последовательностями, как: /То/, /Т'о/, Т'е/, (Т α_1 /, /Т' α_1 /). Но все же имеется ряд признаков, характеризующих сегмент $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ в исходной словоформе с вокалической флек-

¹⁵ С.П. Обнорский подчеркивает различное происхождение "беглых о, е" в словоформах Р. мн. с нулевой флексией, появление которых либо исторически закономерно, либо объясняется аналогией, и приводит целый ряд колебаний с вокалической и нулевой степенями, извлеченных им из произведений классиков XIX в. (см.: Обнорский 1931, 298–301).

сией, по которым с известной долей вероятности можно предсказать, как будет реализован компонент $\langle C_1 V \rangle$ в парадигме того или иного сущ.

Этими признаками являются: а) наличие на месте либо $\langle C_1 \rangle$, либо $\langle C_2 \rangle$ в сегменте $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ любого мягкого согласного, шипящего или [й]; б) наличие на месте либо $\langle C_1 \rangle$, либо $\langle C_2 \rangle$ любого твердого заднеязычного согласного; в) наличие на месте $\langle C_2 \rangle$ согласного [ц]; г) акцентная характеристика сущ. в совокупности всех словоформ его парадигмы (особенно важно знать контур ударения в словоформах с нулевой флексией, в которых фиксируется сегмент $\langle C_1 VC_2 \rangle$). Итак:

1) Сочетание 'твердая согласная фонема + /o/' (т.е. /To/) появляется на месте $\langle C_1 V \rangle$ в словоформах с нулевой флексией в позиции под ударением: а) если в сегменте $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ (либо на месте $\langle C_1 \rangle$, либо на месте $\langle C_2 \rangle$) имеется заднеязычный или шипящий согласный, но отсутствует любой мягкий согласный и [й], например: *доска́* – Р. мн. *досо́к*, *кишка́* – *кишо́к*, *карга́* – *каро́г*, *волокно́* – *волоко́н*, *княжна́* – *княжо́н*¹⁶; б) в односложных сущ. ср. р. *зло* (Р. мн. *зол*) и *дно* (И. мн. *до́нья*).

2) Сочетание 'мягкая согласная фонема + /o/' (т.е. /T'o/) появляется на месте $\langle C_1 V \rangle$ в словоформах с нулевой флексией в позиции под ударением: а) если $\langle C_1 \rangle$ в сегменте $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ реализован мягким согласным или [й], а на месте $\langle C_2 \rangle$ находим любой согласный, например: *серьга́* – Р. мн. *серёг*, *кайма́* – *каём*¹⁷; б) в сущ. ж. р. II скл. и рl. t., например, *сестра́* – Р. мн. *сестёр*, *копна́* – *копе́н*, *шестерня́* – *шестере́н*, *полдни́* – *полде́н*.

3) Сочетание 'мягкая согласная фонема + /e/' (т.е. /T'e/) находим на месте $\langle C_1 V \rangle$ в позиции под ударением: а) если на месте $\langle C_1 \rangle$ в сегменте $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ имеется любой согласный, кроме заднеязычного, а на месте $\langle C_2 \rangle$ – любой мягкий согласный и [ц], например, *деревня́* – Р. мн. *дереве́нь*, *статья́* – *стате́й*, *овца́* – *ове́ц*, *кольцо́* – *коле́ц*; б) в сущ. ж. р. II скл., если на месте $\langle C_1 \rangle$ находим шипящий, а на месте $\langle C_2 \rangle$ – [м], например: *корчма́* – Р. мн. *корче́м*, *кошма́* – *коше́м*.

4) Сочетание 'твердая согласная фонема + /α₁/' (т.е. /Tα₁/) появляется на месте $\langle C_1 V \rangle$ в словоформах с нулевой флексией в безударной позиции: а) если в сегменте $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ отсутствуют мягкие согласные, шипящие и [й], но имеются заднеязычные согласные, например: *ска́зка* – Р. мн. *ска́зок*, *ро́зга* – *ро́зог*, *са́нки* – *са́нок*, *жму́рки* – *жму́рок*, *сте́кло* – *сте́кол*, *о́кно* – *о́кон*, *тя́гло* – *тя́гол*¹⁸; б) в сущ. ж. р. *ку́хня* (Р. мн. *кухо́нь*).

5) Сочетание 'мягкая согласная фонема + /α₁/' (т.е. /T'α₁/) находим на месте $\langle C_1 V \rangle$ в словоформе с нулевой флексией в безударной позиции: а) если на месте $\langle C_1 \rangle$ и $\langle C_2 \rangle$ сегмента $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ стоит любой согласный, кроме заднеязычного, например: *метла́* – Р. мн. *ме́тел*, *седло́* – *се́дел*, *ма́сло* – *ма́сел*, *ребро́* – *ре́бер*, *весло́* – *ве́сел*, *ко́злы* – *ко́зел*, *ведро́* – *ве́дер*, *со́сна* – *со́сен*, *гу́мно* – *гу́мен* (и *гу́ме́н*), *но́жны* – *но́жен*, *блю́дце* – *блю́деч*, *дверца́* – *двере́ц*, *ружьё́* – *ру́жей*, *спа́льня* – *спале́н*, *ка́пля* – *ка́пель*, *куми́рна* – *куми́рен*, *тю́рма* – *тю́рем*, *письмо́* – *пи́сем*; б) если в сегменте $\langle C_1 \# C_2 \rangle$ на месте элемента $\langle C_1 \rangle$ имеется мягкий согласный, шипящий или [й], а на месте $\langle C_2 \rangle$ – заднеязычный; например: *ча́йка* – Р. мн. *ча́ек*, *ше́й-*

¹⁶ Но ср. исключение: *кочерга́* – Р. мн. *кочере́г* (сочетание /T'o/).

¹⁷ Но ср. исключение: *тьма́* 'множество' – Р. мн. *те́м* (сочетание /T'e/).

¹⁸ Но ср. исключение: *сумерки́* – Р. мн. *суме́рек* (сочетание /T'α₁/).

ка – шёек, кузька 'жук' – кузек, шныга – шнег, ножка – ножек, кошка – кошек, окышко – окышек, лисичка – лисичек, кошечка – кошечек¹⁹.

Парадигмы всех остальных сущ. имеют структуру <C₁C₂> и не являются морфонологически маркированными.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ

Поскольку, как уже указывалось ранее, характер охвата субстантивных словоизменительных парадигм наиболее продуктивными и распространенными типами чередований (такими, как, например, <Т ~ Т'>, <# ~ V>, <V ~ #>) в СРЛЯ различен, кроме того – неодинакова регулярность проявления данных типов чередований, а в ряде случаев происходит и их взаимное совмещение в парадигме одного и того же сущ. (например, *ска́* [ск]а – *ска́* [ск]е – *ска́* [зък]), усложняющее картину морфонологической структуры именных парадигм, указанные типы чередований будут рассмотрены в работе отдельно друг от друга.

При анализе морфонологических чередований в русском, украинском, чешском, верхне- и нижнелужицких языках мы будем пользоваться следующей схемой, содержащей 12 (в русском), 14 (в украинском и чешском), 18 (в нижнелужицком) и 21 (в верхнелужицком) словоформ субстантивной парадигмы. Контур ее и обозначения см. ниже: 1 – первая ступень чередования (альтернант 1, A₁); 2 – вторая ступень чередования (альтернант 2, A₂); 3 – третья ступень чередования (альтернант 3, A₃); 4 – четвертая ступень чередования (альтернант 4, A₄). На схемах будет показано распределение альтернантов, вне зависимости от их конкретной фонемной реализации, по словоформам парадигмы рассматриваемых сущ., соответствующее АР.

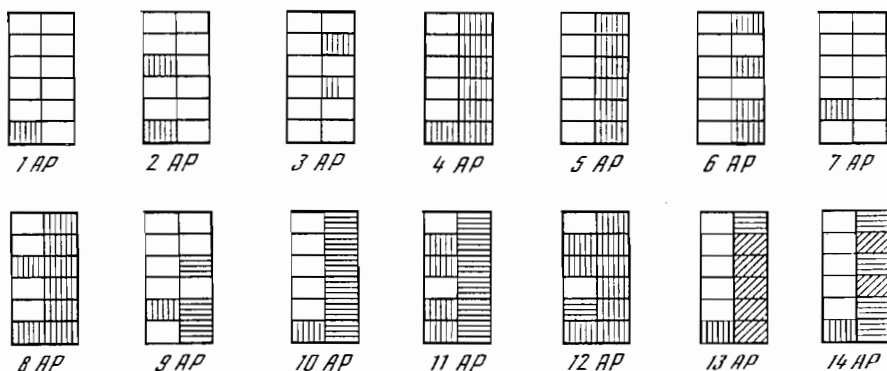
	ед. ч.	мн. ч.	дв. ч.									
И.				<table border="1"> <tr><td>□</td><td>1</td></tr> <tr><td>▨</td><td>2</td></tr> <tr><td>▧</td><td>3</td></tr> <tr><td>▩</td><td>4</td></tr> </table>	□	1	▨	2	▧	3	▩	4
□	1											
▨	2											
▧	3											
▩	4											
Р.												
Д.												
Б.												
Г.												
П/М)												
ЖВ.												

I. Консонантные чередования (на месте элемента <C₂>), чередования с наращением (т.е. <C₂Ø ~ C₂C₃>), чередования с усечением (т.е. <C₂C₃ ~ C₂Ø)

Данные чередования рассматриваются в одном разделе, так как они фиксируются на стыке субстантивной основы и флексии; как правило, они неразрывно связаны друг с другом и разграничить их можно только искусственно (ср., например, парадигму сущ. м.р. I скл. *клок*, которая характеризуется АР A₁ ~ A₂ ~ A₃ = <ед. (кроме П)> ~ <П. ед.> ~ <мн.>, реализующимся в чередовании <кØ ~ к'Ø ~ чй>: И. ед. *клок* ~ П. ед. *клóке* ~ И. мн. *клóчья*).

¹⁹ А.А. Зализняк (1980, 30) дает орфографические правила выбора букв о, ё; е в словоформах Р. мн. и В. мн. – одуш. с нулевой флексией при склонении сущ. ср. р. I скл., ж. р. II скл. и рl. t. I и II скл., которые отличаются от приведенных нами правил выбора сочетаний фонем на месте компонента <C₁V> в тех же словоформах.

Систему АР, реализуемых в консонантных чередованиях и чередованиях с наращиваниями и усечениями, можно суммарно представить следующим образом²⁰:

- 1 AP – $\langle T \sim T' \rangle$: сущ. м. и ср.р. I скл. (типа *стол, ок*нб*)²¹.
 2 AP – $\langle T \sim T' \rangle$: сущ. ж.р. II скл. (типа *мама, книга*).
 3 AP – а) $\langle T' \sim T \rangle$ ($\langle n' \sim n \rangle$): сущ.ж.р. II скл. (типа *бдиш*ня*);
 б) $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \vartheta \rangle$ ($\langle \text{й} \sim \vartheta \rangle$): сущ.ж.р. II скл. (типа *секвдия*).
 4 AP – $\langle T \sim T' \rangle$: *сосед, чёрт, колено*.
 5 AP – $\langle C_2 \vartheta \sim C_2 C_3 \rangle$ ($\langle \vartheta \sim \text{й} \rangle$): *зять, уголь, камень, дядя, гроздь*.
 6 AP – $\langle C_2 \vartheta \sim C_2 C_3 \rangle$ ($\langle \vartheta \sim \text{й} \rangle$): *деверь, князь, муж*.
 7 AP – $\langle C_2 \vartheta \sim C_2 C_3 \rangle$ ($\langle \vartheta \sim \text{й} \rangle$): сущ. ж.р. III скл. (типа *кровь*)²².
 8 AP – $\langle T \sim T' \rangle$ ($\langle n \sim n' \rangle$): *слонд*.
 9 AP – $\langle T \vartheta \sim T' \text{й} \sim T \vartheta \rangle$ ($\langle \text{в}' \vartheta \sim \text{в}' \text{й} \sim \text{в} \vartheta \rangle$): *церковь*.
 10 AP – а) $\langle K \sim K' \sim \check{C} \rangle$: *ухо, бко*;
 б) $\langle C_2 \vartheta \sim C_2' \vartheta \sim C_2 C_3 \rangle$ ($\langle T \vartheta \sim T' \vartheta \sim T_1 \text{й} \rangle$): сущ. м. и ср. р. I скл. *луб, струн, ком, повод 'ремень узды', брат, полоз, брус, кол, копыл, клин; дерево, помелд, крыло, шило, шло, колено 'сочленение', полено, звено, перд*;
 в) $\langle C_2 \vartheta \sim C_2' \vartheta \sim C_2 C_3 \rangle$ ($\langle \text{м} \vartheta \sim \text{м}' \vartheta \sim \text{м} \vartheta_1 \text{й} \rangle$): *кум*;
 г) $\langle C_2 \vartheta \sim C_2' \vartheta \sim C_2 C_3 \rangle$ ($\langle \text{к} \vartheta \sim \text{к}' \vartheta \sim \text{чй} \rangle$): *клок, крюк, сук*;
 д) $\langle C_2 C_3 \sim C_2' \vartheta \sim C_2 \vartheta \rangle$ ($\langle \text{р}' \text{ин} \sim \text{р}' \text{ин}' \sim \text{р} \vartheta \rangle$, $\langle \text{д}' \text{ин} \sim \text{д}' \text{ин}' \sim \text{д} \vartheta \rangle$): *барин, болгарин, татарин, хазарин; господин*;

²⁰ Подробный конкретный материал, иллюстрирующий данные АР, можно найти в Грамматике–80, с. 507–511.

²¹ Сущ., парадигмы которых наряду с консонантными чередованиями характеризуются и чередованиями гласной фонемы с нулем (см. ниже), будут в тексте работы обозначены следующим образом: с сегментом $\langle C_1 \# / \# C_2 \rangle$ – звездочкой слева от словоформы (**дята*), с сегментом $\langle C_1 \# / \# C_2 \rangle$ – звездочкой на месте морфологического элемента $\langle \# / \# \rangle$ (*обм*на*).

²² Традиционно в данных словоформах вычленяется флексия /йу/. О принципиальной возможности перераспределения морфемной границы в синхронном плане см. с. 53–55.

е) $\langle C_2\phi \sim C_2\phi' \sim C_2C_3 \rangle$ ($\langle б\phi \sim б'\phi \sim б'ес//б'ас \rangle, \langle в\phi... \rangle, \langle д\phi... \rangle$): *нёбо, древо, слово, чудо*;

ж) сложные чередования в сущ. типа **тигрёнок*, **тигрёночек*, **щенок*; **бесёнок*, **чёртёнок*;

з) $\langle ин \sim ин' \sim \alpha_1в \rangle$: *хозяин*.

11 AP – а) $\langle C_2\theta \sim C_2C_3' \sim C_2C_3 \rangle$ ($\langle \theta \sim ' \alpha_1н' \sim ' \alpha_н//' \alpha_н \rangle$): *брёмя, вре́мя, вымя, имя, племя, пламя, темя*; ($\langle \theta \sim ' \alpha_1н' \sim ' \alpha_н \rangle$): *зна́мя*;

б) $\langle C_2\theta \sim C_2C_3' \sim C_2C_3 \rangle$ ($\langle \theta \sim ' \alpha_1н' \sim ' \alpha_н//' \alpha_н \rangle$): *се́мя, стре́мя*.

12 AP – $\langle C_2\theta\theta \sim C_2C_3\theta \sim C_2C_3C_4 \rangle$ ($\langle \theta\theta \sim \alpha_1р'\theta \sim \alpha_1р_1й \rangle$): *ма́ть, до́чь*.

13 AP – $\langle C_2' C_3 \sim C_2' C_3' \sim C_2'\theta \sim C_2\theta \rangle$ ($\langle н'ин \sim н'ин' \sim н'\theta \sim н\theta \rangle$): сущ. м.р. I скл. (типа *армя́нин, южда́нин*).

14 AP – а) $\langle г\theta \sim г'\theta \sim з_1й \sim з'\theta \rangle$: *друз*;

б) $\langle н\theta\theta \sim н'\theta\theta \sim н\alpha_1й \sim н\alpha_1в'\theta \rangle$: *сын*.

Анализ консонантных чередований, чередований с наращением и чередований с усечением, которые фиксируются в субстантивной основе на стыке основы и флексии, свидетельствует о том, что обусловленность каждого из них, сфера проявления и продуктивность неодинаковы в СРЛЯ. Так, например, консонантное чередование твердых согласных фонем с мягкими (тип $\langle Т \sim Т' \rangle$) характеризует большие классы слов (сущ. м. и ср. р. I скл. и ж.р. II скл.), имеющих определенную морфонологическую структуру (а именно – завершение ИВО на парные твердые согласные фонемы). Чередования этого типа действуют безысключительно, не имеют ограничений и состоят из максимально возможного набора конкретных чередований (см. AP 1 и 2).

Другие чередования, например, типа $\langle Т' \sim Т \rangle$ (AP 3а), типа $\langle C_2\theta \sim \sim C_2C_3 \rangle$ (AP 7) или типа $\langle C_2' C_3 \sim C_2' C_3' \sim C_2'\theta \sim C_2\theta \rangle$ (AP 13), хотя и состоят лишь из одного конкретного чередования ($\langle н' \sim н \rangle$ в AP 3, $\langle \theta \sim й \rangle$ в AP 7 и $\langle н'ин \sim н'ин' \sim н'\theta \sim н\theta \rangle$ в AP 13), но характеризуют парадигмы сравнительно больших классов слов (таких, как *баи́шня* в первом случае, *те́нь* – во втором и *армя́нин* – в третьем), что делает их заметной чертой морфонологической структуры русского субстантивного словоизменения.

Аналогичная роль в морфонологической структуре языка принадлежит и чередованиям, описанным в AP 10ж), которые характеризуют сущ. с определенным семантическим значением 'невозрелости' и 'уменьшительности' как *мышо́нок*, *тигрёнок* и *мышо́ночек*, *тигрёночек*.

Но в русском субстантивном словоизменении есть, кроме того, и чередования, которые являются приметой парадигм либо предельно лексически ограниченной группы слов (см. AP 3б, 4, 5, 6, 10г, 10д, 10е, 11 – *секво́йя*; *сосе́д*; *за́тья*; *де́верь*; *су́к*; *ба́рин*; *чу́до*; *зна́мя* и некоторые другие), либо даже отдельных, изолированных слов (см. AP 8, 9, 10а, 10в, 10з, 12, 14а, 14б – *слю́на*, *це́рковь*, *о́ко*, *у́хо*, *ку́м*, *сы́н*, *хозя́ин*, *ма́ть*, *до́чь*, *друз*). Указанные обстоятельства дают основание считать данные чередования непродуктивными и стоящими на периферии морфонологической структуры языка.

С точки зрения использования материальных средств, участвующих в оформлении МЧ, отметим чередование альтернантов, реализованных твердыми и мягкими фонемами (см. AP, 1, 2, 3а, 4, 8, 9), заднеязычными и шипящими фонемами (см. AP 10а, 10г), а также чередования, связанные

с наращением (сегментом ⟨й⟩ — АР 5, 6, 7, 10б, 10г; сегментами ⟨ар'⟩ и ⟨й⟩ — АР 12; сегментом ⟨ʌ с⟩ — АР 10 е; сегментом ⟨α н || ан'⟩ — АР 11) и усечением субстантивной основы (за счет сегмента ⟨й⟩ — АР 3б; сегмента ⟨ин⟩ — АР 10д). Характерно, что в русском субстантивном словоизменении более распространены явления наращения, чем усечения.

Важно при этом отметить, что субстантивному словоизменению СРЛЯ свойствен сложный механизм формирования некоторых МЧ. Так, трехчленный АР 10 включает в себя несколько типов чередований, возникших в результате наложения их друг на друга, а именно: консонантных чередований и чередований по усечению и наращению основы. Например, типы б) и в) этого АР характеризуются не только распространением (наращением) основы в словоформах мн.ч. сегментом ⟨й⟩ (в типе б) и сегментом ⟨ав₁й⟩ (в типе в)), но и чередованием твердых и мягких согласных фонем на месте элемента ⟨С₂⟩. Тип г) характеризуется чередованием на месте элемента ⟨С₂⟩ твердых и мягких фонем, с одной стороны, и заднеязычных и шипящих, с другой, а также распространением (наращением) основы сегментом ⟨й⟩ (чередование ⟨кϕ ~ к'ϕ ~ чй⟩). Тип д) указывает на то, что субстантивная основа подвержена усечению в словоформах мн.ч., и одновременно на месте элемента ⟨С₂⟩ происходит чередование мягкой фонемы с твердой, а на месте конечного консонантного элемента в усекаемом отрезке отмечается чередование твердой фонемы с мягкой (см. чередования ⟨р'ин ~ р'ин' ~ рϕ⟩ и ⟨д'ин ~ д'ин' ~ дϕ⟩). Сложную морфонологическую характеристику имеют и парадигмы сущ. типа *гусёнок*, *гусёночек*, рассмотренные в альтернативном ряду (10 ж), и парадигма сущ. *хозяйин* — 10з).

Анализируя функциональную нагруженность чередований, отметим, что наиболее часто морфонологические средства участвуют в выделении таких словоформ как словоформа П. ед. (см. АР 1, 2, 4, 8, 10, 11, 12, 13, 14) и все словоформы мн.ч. (см. АР 4, 5, 8, 10–13). В результате выявляются те грамматические противопоставления, которые маркируются в языке при помощи морфонологических средств. Это прежде всего противопоставление по числу (оппозиция ⟨ед. число ~ мн. число⟩) и падежная оппозиция, в которой подчеркивается противопоставленность предложного падежа всем другим падежам субстантивной парадигмы.

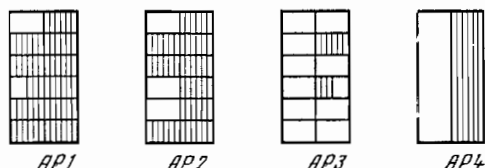
Как показал материал, наибольшее значение в различении и противопоставлении словоформ одной парадигмы имеют следующие АР, характеризующиеся наиболее широкой сферой охвата субстантивных основ: двучленный АР 1 (А₁ ~ А₂ = ⟨ед. (кроме П), мн.⟩ ~ ⟨П. ед.⟩), свойственный подавляющему большинству сущ. м. и ср. р. I скл. с ИВО на твердые фонемы; двучленный АР 2 (А₁ ~ А₂ = ⟨ед. (кроме Д П), мн.⟩ ~ ⟨ед. (Д П)⟩), характерный для большинства сущ. ж.р. II скл. с ИВО на твердые фонемы; трехчленный АР 10 (А₁ ~ А₂ ~ А₃ = ⟨ед. (кроме П)⟩ ~ ~⟨П.ед.⟩ ~⟨мн.⟩), состоящий из семи различных типов чередования и характеризующий парадигмы разных групп м. и ср. р. I скл., и четырехчленный АР 13 (А₁ ~ А₂ ~ А₃ ~ А₄ = ⟨ед. (кроме П)⟩ ~ ⟨П.ед.⟩ ~ ⟨И.мн.⟩ ~⟨мн. (кроме И)⟩), маркирующий парадигмы большой лексико-словообразовательной группы сущ. м.р. I скл. с ИВО основы на /ин/. При этом лексическая мощь и продуктивность указанных АР неодинакова. Если одни из них характеризуют различные лексико-семантические группы слов, различаю-

щиеся в нескольких типах чередования, то продуктивность и весомая лексическая представленность других проявляется лишь в рамках какой-либо одной лексико-семантической группы существительных, и поэтому морфологические модификации субстантивных основ в данных АР не отличаются разнообразием.

II. Чередования гласной фонемы с нулем (типа $\langle V \sim \# \rangle$ и $\langle \# \sim V \rangle$)

Наибольшую трудность при описании морфологических чередований в СРЛЯ представляют чередования гласной фонемы с нулем в сущ., основы которых завершаются на сегменты $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$ и $\langle C_1\#/VC_2 \rangle$. Правило морфологической обусловленности этих чередований формулируется следующим образом: в словоформах с вокалической флексией фиксируется нулевая ступень чередования, в словоформах с нулевой флексией — находим ступень чередования, реализованную гласной фонемой (либо /o/, либо /e/, либо / α_1 /, либо / α_1 '/). Однако важно уметь отличать субстантивные основы, завершающиеся в ИВО на сегменты $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$ и $\langle C_1\#/VC_2 \rangle$, с одной стороны, от субстантивных основ, оканчивающихся на сегменты $\langle C_1VC_2 \rangle$ и $\langle C_1C_2 \rangle$ (последние основы не маркируются чередованием гласной фонемы с нулем), с другой (см. Зализняк 1963; 1967, 269—270; 1980; Грамматика 80, 223 и сл.).

Суммарно, при помощи таблиц (см. выше, с.31), чередования типа $\langle V \sim \# \rangle$ и $\langle \# \sim V \rangle$ могут быть представлены следующим образом:

АР 1) — ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$ — сущ. м.р. I скл.:

- а) $\langle e \sim \# \rangle$ — *день, воробей, боец, кремьнь, хребёт ...*
- б) $\langle o \sim \# \rangle$ — *лоб, висок, козел, ковер, заём, ломоть, овес ...*
- в) $\langle \alpha_1 \sim \# \rangle$ — *гребень, бубен, стёбель, дятел, ситец, боцонк, локоть, улей, угорь, уголь, угол, свёкор ...*
- г) $\langle a \sim \# \rangle$ — *кочан.*

АР 2) — ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$ — сущ. ж.р. III скл.:

- а) $\langle o \sim \# \rangle$ — *вошь, ложь, любовь, рожь;*
- б) $\langle \alpha_1 \sim \# \rangle$ — *церковь.*

АР 3) — ТЧ $\langle \# \sim V \rangle$ — сущ. ср.р. I скл. и ж.р. II скл.:

- а) $\langle \# \sim o \rangle$ — *доска, серьга, зло, волокно, сестра ...*
- б) $\langle \# \sim e \rangle$ — *бадьа, овца, деревня, земля, корчма ...*
- в) $\langle \# \sim \alpha_1 \rangle$ — *маска, розга, кошка, шаньга, дёрца, окно, бревно, стекло, вафля ...*
- г) $\langle \# \sim i \rangle$ — *паремья, врунья, камёнья, устье, яйцо ...*

АР 4) — $\langle \# \sim o \rangle$ — *дно.*

Сопоставление конкретных реализаций рассмотренных в данном разделе типов чередования ($V \sim \#$), с одной стороны, и ($\# \sim V$), с другой, показывает, что эти чередования в определенной степени как бы зеркально отражают друг друга: вокалическая ступень чередования входит в сегмент $\langle VC_2 \rangle$, который в ряде случаев одинаково реализуется как в словоформах И. ед. и В. ед. — неодуш. одних парадигм (тип $\langle V \sim \# \rangle$), так и в словоформах Р. мн. и В. мн. — одуш. — других (тип $\langle \# \sim V \rangle$). Ср.²³:

Сегмент $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$	Сегмент $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$
$\langle e \sim \# \rangle$: /ей/, /ец/, /ен'/, /ет/ (1), /ел'/ (1), /ен/ (1).	$\langle \# \sim e \rangle$: /ей/, /ец/, /ем/(3), /ен'/ (1), /ел'/ (1).
$\langle \alpha_1 \sim \# \rangle$: /'α ₁ н'/, /'α ₁ л'/, /'α ₁ ц/, /α ₁ к ₂ /, /'α ₁ н'/ (4), /'α ₁ л'/ (4) /α ₁ р'/ (2), /α ₁ л'/ (1), /α ₁ л/ (1), /'α ₁ р/ (1), /α ₁ р/ (1), /α ₁ н/ (1), /α ₁ м ₂ / (5), /'α ₁ й/ (4).	$\langle \# \sim \alpha_1 \rangle$: /α ₁ к ₂ /, /'α ₁ ц/, /'α ₁ н', /'α ₁ л'/, /α ₁ н/ (3), /'α ₁ р/ (3), /'α ₁ н'/ (2), /'α ₁ м/ (2), /'α ₁ й/ (2), /'α ₁ п ₂ / (2), /α ₁ н'/ (1).
$\langle o \sim \# \rangle$: /ок ₂ /, /ол/, /ор/, /ом/ (5), /от' ₂ / (1), /ос ₂ / (1), /он/ (1).	$\langle \# \sim o \rangle$: /ок ₂ /, /он/, /ол/ (1), /ор/ (1), /ом/ (1).
$\langle a \sim \# \rangle$: /ан/ (1)	$\langle \# \sim и \rangle$: /ий/.

Если мы сопоставим между собой не только конкретные реализации сегмента $\langle VC_2 \rangle$ в парадигмах с типами чередования $\langle V \sim \# \rangle$ и $\langle \# \sim V \rangle$, но и лексическую представленность (или лексическую мощность) тождественных реализаций этого сегмента в основах на $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$ и $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, то, увидим, что не все из указанных сочетаний характеризуют одинаковые в количественном отношении пласты лексики. Так, например, сочетания /ец/, /'α₁ц/, /ок₂/ и /α₁к₂/, фиксируемые в словоформах с нулевой флексией и свойственные как основам с чередованием $\langle V \sim \# \rangle$, так и основам с чередованием $\langle \# \sim V \rangle$, охватывают более или менее одинаково большие группы слов. Ср. типы чередования: $\langle V \sim \# \rangle$ (*конёц* — *конца́*, *палец* — *пальца́*, *венók* — *венка́*, *кубок* — *ку́бка* и др.) и $\langle \# \sim V \rangle$ (*овца́* — *овец*, *дверца́* — *дверец*, *доска́* — *доска́*, *ведёрко* — *ведёрок* и др.). Сочетания /ел'/ и /α₁н/ на месте сегмента $\langle VC_2 \rangle$ также представлены в языке одинаково, а именно — единичными словами как в типе чередования $\langle V \sim \# \rangle$, так и в типе чередования $\langle \# \sim V \rangle$: (ср.: *журавель* — *журавля́*, *козон* — *ко́зна*, *земля́* — *земель*, *окно́* — *о́кон*).

Однако другие реализации сегмента $\langle VC_2 \rangle$ имеют различную в зависимости от типа основы лексическую мощность. Так, например, сочетания /ен'/ и /'α₁н'/ находим в большом количестве слов с основами на $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$ (ср. *слепень* — *слепня́* и др.; *бивень* — *бивня́* и др.) и только в изолирован-

²³ Если та или иная реализация сегмента $\langle VC_2 \rangle$ представлена в парадигмах единичных сущ. (до 5), то цифра в круглых скобках будет указывать на конкретное количество зафиксированных нами примеров.

ных словах, имеющих основы на $\langle C_1\#/VC_2 \rangle$ (ср.: *дерёвня* – *деревень*; *ба́рышня* – *ба́рышень*, *бо́ярышня* – *бо́ярышень*). Сочетание /он/, напротив, свойственно большой группе существительных с основой на $\langle C_1\#/VC_2 \rangle$ (ср.: *воло́кно* – *воло́кно* и др.) и лишь одному слову с основой на $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$ (*рожа́н* – *рожа́н*).

Есть и такие реализации сегмента $\langle VC_2 \rangle$, которые встречаются в парадигмах сущ. только одной определенной морфонологической структуры. Сочетания /ет₂/, /от₂/, /ос₂/, /он'/, /'α₁л/, /α₁т₂/, /α₁р'/, /α₁л'/, /α₁р/, /ан/, зафиксированы в сущ. с основой на $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$, а сочетания /ем/, /α₁н'/, /'α₁м/, /'α₁п₂/, /ий/ – лишь в сущ. с основами на $\langle C_1\#/VC_2 \rangle$. Материал также показал, что, в целом, сегмент $\langle VC_2 \rangle$ имеет более разнообразные реализации в основах на $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$.

Эти выводы свидетельствуют о том, что язык в отдельных своих фрагментах по-разному реализует одни и те же потенциальные возможности, связанные с его морфонологической структурой.

В. Вокалические чередования

Если в СРЛЯ и встречаются отдельные вокалические чередования типа $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$ (реализуемые фонемами /е/ и /о/, например, *че́рт* ~ *че́рти*)²⁴, то в системе русского субстантивного словоизменения они носят сугубо случайный характер и стоят на периферии морфонологической структуры языка.

Что касается *метатезы*, то чередования этого типа вообще не свойственны русскому субстантивному словоизменению.

²⁴В случаях *сте́кло* ~ *сте́кла*, *сте́гно* ~ *сте́гна*, *звезда́* ~ *звёзды* и под. имеет место фонетическое чередование сильной и слабой гласных фонем, а не морфонологическое чередование.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ
СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ
В СОВРЕМЕННОМ
УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОЛОГИИ

Академическая грамматика укр. языка считает, что самая яркая черта украинского вокализма — это наличие во всех случаях (завжди) нередуцированного произношения гласных звуков не только под ударением, но и в безударной позиции (Білодід 1969, 376). Однако, как показывает материал, иногда наблюдаются отступления от этого правила.

Мы принимаем, что система вокализма СУЛЯ состоит из семи гласных фонем¹: /a/, /o/, /y/, /i/, /e/, /и/, /и^е/. Фонема /a/, нелабиализованная, переднего ряда, нижнего подъема, реализуется в гласном [a] как в позиции под ударением, так и в безударной позиции, после всех согласных, после и перед паузой: [зна́ла], [во́л'а], [ста́йн'а], [а́рфа], [алича́]. Фонема /o/, лабиализованная, непреднего ряда, среднего подъема, представлена гласным [o] и встречается в тех же позициях, что и фонема /a/: [во́да], [молоко́], [обгово́рити], [бо́лен'], [оле́н'а]. Фонема /y/, лабиализованная, непреднего ряда, верхнего подъема, реализована гласным [y] и фиксируется в следующих позициях: под ударением и без ударения, после всех согласных, после и перед паузой: [кучу́гура], [будо́войу], [кон'у́], [кбну], [утв'і́р], [утво́рити]. Фонема /i/, нелабиализованная, переднего ряда, верхнего подъема, реализуется гласным [i] и употребляется в позиции начала слова, после мягких переднеязычных согласных и [й], после полумягких губных, шипящих и заднеязычных, в позиции конца слова, в ударной и безударной позициях: [і́скра], [йі́сти], [с'і́к], [б'і́к], [ш'і́с'т'], [к'і́н'], [душ'і́] и др. Гласный [i] может употребляться и после твердых согласных, если он реализует союз *i*, сочетается с предлогом *з* или находится на стыке усеченных морфем в слогоморфемных аббревиатурах: *ді́д і ба́ба* [д'ідіба́ба], *з і́скри* [зі́скри], *фіні́нспектор* [ф'іні́нспектор] (Погрібний 1984, 10). Фонема /e/, нелабиализованная, переднего ряда, средне-нижнего подъема, представлена гласным [e] в позиции под ударением после всех твердых согласных, после [й] и некоторых мягких согласных, в начале и в конце слова: [еква́тор], [е́ра], [елева́тор], [пен'], [лі́пен'], [лес], [сте́жка], [на́сте], [наг'ажне́], [га́рне], [си́н'е], [по́ле], [мо́ре], [л'л'еш], [л'л'е́], [л'л'емо́], [тре́г'е], [ко́те], а также в следующих безударных позициях: а) в начале слова после па-

¹ Академическая грамматика (Білодід 1969, 242) признает шесть гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /i/, /e/, /и/.

узы: [екра́н]; б) в конце слова перед паузой: [бра́те], [дру́же]; в) на месте одного из элементов формальной структуры субстантивных флексий: [го́стев'и], [се́рцем], [до́лейу]; г) в середине сложносоставного слова — на месте соединительного элемента: [болеза́спок'и́лий'вий]. Одни из указанных позиций являются чисто фонетическими (позиции а и б), другие носят морфонологический характер (пункты в и г). Во всех остальных безударных позициях на месте ожидаемой фонемы /е/ орфоэпические нормы СУЛЯ предписывают произношение гласных [e^н] и [и^е]. Фонема /и/, нелабиализованная, переднего ряда, верхне-среднего подъема, реализуется гласным [и] и употребляется в ударной позиции после всех твердых согласных, в конце слова перед паузой и редко в начале слова после паузы: [ти́хо], [син], [заги́н], [кин'], [дохо́ди], [височи́тис'а], [и́нод'и] (орф. *inodì*), [и́нде] (орф. *inde*), [и́нколи] (орф. *inkoli*), [и́нший] (орф. *inshii*), [души́], [моу́чит'], [чу́жий], а также в следующих безударных позициях: а) в закрытом слоге перед [й]: [дру́гий], [при́йти]; б) в конечном закрытом слоге: [до́брих], [но́сиш]; в) в открытом конечном слоге: [ви́йди], [ро́бити]; г) в открытом предударном слоге, если в слоге под ударением находится гласный [и]: [жи́ви], [сини́ти]. В остальных безударных позициях на месте ожидаемой фонемы /и/ произносятся гласные [e^н] и [и^е], реализующие фонему /и^е/, нелабиализованную, переднего ряда. Она употребляется только в безударной позиции, после твердых согласных и редко после [й]: [ве^нсна́], [пле^нвэ́], [ви^ед'и́г'], [си^еде^нте́]. В результате в речи не различаются некоторые слова (ср. *мене́* и *минé*, *повелá* и *повилá*, *кленí* и *клинí* и т.п.), что свидетельствует о нейтрализации противопоставления фонем /е/ и /и/ по признаку подъема в безударной позиции.

Характерной особенностью системы консонантизма СУЛЯ является почти полное отсутствие ассимилятивных процессов по признаку глухости—звонкости. Так, в позиции конца слова перед паузой употребляются как глухие, так и звонкие шумные согласные. Передшумными согласными внутри словоформы также почти не происходит ассимиляции по глухости—звонкости и лишь в редких случаях может быть отмечена факультативная вариативность употребления глухих и звонких шумных согласных, что специально фиксируется орфоэпическими словарями: [с'и'и́йти] (орф. *ziiliti*), [сха́ти] (орф. *z хати*), [росказа́ти] (орф. *rozkazati*), [бород'ба́] (орф. *borot'ba*), [бз'де] (*ось де*), [волод'жба́] (орф. *voloc'ba*), но при этом и [розси́пати], [розказа́ти] и мн.др. Ассимиляция же по признаку мягкости, напротив, представляет собой достаточно распространенное явление в СУЛЯ, а редкие лексикализованные случаи ее отсутствия являются, скорее, исключением, чем правилом (например: [п'идл'и́зти], [розд'ага́ти], но при этом: [роз'з'а́вити], [над'т'исува́ти] и др.).

Система консонантизма СУЛЯ состоит из 32 сильных согласных фонем: /б, п, м, в, ф, д, д', т, т', з, з', с, с', ц, ц', ж, ж', л, л', н, н', р, р', й, ж, ш, ч, дж, х, к, г, г'). Губные /б, п, м, в, ф/, шипящие (среднеязычные) /ш, ж, ч, дж/ и заднеязычные /х, г, к, г'/ фонемы реализуются либо твердыми согласными [б, п, м, в, ф, ш; ж, ч, дж, х, к, г'], либо полумягкими согласными [б', п', м', в', ф', ш', ж', ч', дж', х', к', г', г'] (в позиции перед [i]), либо неслоговым [ʃ] (фонема /в/). Твердые глухие и звонкие согласные упот-

ребляются перед гласными [а, о, у, е, и, е^н, и^е], в конце слова (перед паузой) и перед шумными и сонорными согласными в середине словоформы. Специального пояснения требуют такие закрепленные орфографией написания, как: *бюро, цвях, цехохати, кювет, жури, клочья* и под.; орфоэпические нормы утверждают полумягкое произношение согласных в сочетаниях типа *бю, вя, вьо, кю* и т.п. и функционально они интерпретируются в качестве вариантов соответствующих твердых согласных (Білодід 1969, 245–259). Фонема /в/ в конце слова перед паузой и в положении перед согласными в границах словоформы представлена позиционным вариантом [ў]: [ўшлиў]. В настоящей работе мы принимаем утвердившуюся в последнее время в украинском языкознании точку зрения, что в СУЛЯ фонемы /б, п, м, в, ф, ш, ж, ч, дж, х, к, г, г'/ являются внепарными по твердости–мягкости согласными фонемами. Класс переднеязычных фонем составляют фонемы /т' г' дд' нн' л' л' р' р' с' с' з' з' з' ц' ц'/ . Твердые переднеязычные фонемы, реализованные согласными [т д н л р с з ц], встречаются в позиции перед гласными [а у о е и е^н], перед твердыми согласными и, факультативно, – перед мягкими согласными, а также в конце слова. Мягкие переднеязычные фонемы, представленные согласными [т' д' н' л' р' с' з' з' ц'], находим в позиции перед гласными [а у е], перед мягкими и твердыми согласными (кроме /р'/), и в конце слова (кроме /р'/). Согласный [р'] встречается только перед некоторыми гласными; в позиции перед [й] находим согласный [р]. Перед гласным [і] произносятся преимущественно мягкие переднеязычные согласные², а перед гласными [и и^е е^н] – твердые согласные³. Среднеязычная, внепарная по твердости–мягкости и глухости–звонкости фонема /й/ представлена согласным [й] и употребляется в начале слова ([ймен'н'а], [йог], после гласных [мар'йка], [сул'йа]), после согласных ([надмóр'я], [с'імйá]) и в конце слова перед паузой ([б'й], [копр'й]).

Система консонантизма СУЛЯ характеризуется наличием двух фонологических корреляций: а) твердых и мягких согласных фонем и б) глухих и звонких согласных фонем. Корреляция твердости–мягкости является симметричной фонологической корреляцией, хотя твердые фонемы употребляются в языке значительно чаще (68,8%), чем мягкие (31,2%) (Білодід 1969, 259). В ее состав входит 9 пар соотносительных по твердости–мягкости согласных фонем: /д ~ д', т ~ т', з ~ з', с ~ с', з ~ з', ц ~ ц', н ~ н', л ~ л', р ~ р'/ . Позициями различения являются: конец слова (кро-

² В некоторых случаях, на стыке морфем, возможно произношение твердых переднеязычных согласных перед гласным [і]: ([педінсти^ет'т], [братисе^нстра], [бе^нзіменний] и под.); в таких случаях твердый согласный функционирует в качестве дидремы.

³ В СУЛЯ позиция мягких согласных перед гласными [е е^н и^е] представлена очень редко: ([трé'е], [трé'е^н] и под.), в связи с чем противопоставление твердых и мягких фонем перед этими гласными является несимметричным, характеризующимся высокой частотой употребления твердого коррелята и низкой – мягкого коррелята (сочетания [д'е, р'е, с'е, з'е, з'е, ц'е] лексически не представлены в СУЛЯ). Однако в связи с тем, что в фонологической системе СУЛЯ в других позициях противопоставление твердых и мягких фонем носит симметричный характер, мы рассматриваем и позицию перед [е (е^н, и^е)] в качестве морфонологической в тех случаях, когда вокальный элемент флексии, непосредственно примыкающий к консонантной финали варианта субстантивной основы, реализован гласным [е] (или [е^н, и^е]).

ме /р ~ р'/), позиция перед гласными [а е о у], позиция перед некоторыми согласными (кроме /р ~ р'/, и /з ~ з'/). Противопоставление твердых и мягких согласных фонем нейтрализуется перед гласным [і] и мягкими согласными (в мягком варианте) и перед гласными [и и^е] (в твердом варианте). Фонологическую корреляцию глухости—звонкости составляют 11 пар фонем: /б ~ п, д ~ т, д' ~ т', з ~ с, з' ~ с', ж ~ ц, ж' ~ ц', ш ~ ж, дж ~ ч, г ~ х, г' ~ к/. В речи значительно чаще употребляются звонкие согласные (62,5%), чем глухие (37,5%). Позициями различения глухих и звонких фонем являются: конец слова, положение перед гласными и положение перед согласными. Противопоставление глухих и звонких согласных фонем нейтрализуется в позиции перед некоторыми шумными согласными (см. приведенный выше материал).

Таким образом, система консонантизма СУЛЯ состоит из 32 сильных фонем, 9 слабых по твердости—мягкости и, возможно, 11 слабых по глухости—звонкости фонем.

СВЕДЕНИЯ ПО МОРФОЛОГИИ

Имени сущ. в СУЛЯ свойственны ГК рода, числа и падежа. В качестве дополнительной характеристики субстантивных парадигм выступает лексико-грамматическое значение одушевленности—неодушевленности (см. подробнее: Білодід 1969; Жовтобрюх, Кулик, 1972; Леонова 1982).

Категория рода — это несловоизменяемая ЛГК, которая характеризует сущ. как слово в целом и присутствует в значении каждой его словоформы. Она может быть выражена как морфологически (система падежных флексий), так и синтагматически (тип синтаксической сочетаемости сущ. с атрибутом или сказуемым—глаголом). В исследовании морфологической структуры субстантивного словоизменения при определении рода мы будем учитывать только морфологическую характеристику сущ. (т.е. тип его словоизменяемой модели). Все сущ. СУЛЯ по характеру набора флексий во всех словоформах ед.ч. и в И., Р. и В. падежах мн.ч. распределяются в три морфологических рода: мужской, женский и средний. При этом сущ. так называемого лексико-синтаксического общего рода (ср. *особа, гуляка, одоробло*) входят в одну из данных трех групп в соответствии со структурой своей словоизменяемой модели.

Сущ. морф. м.р. имеют в словоформе И.ед. нулевую флексию — Ø (орф. — буква, обозначающая согласный звук, или знак ь), а в словоформе Р.ед. — флексии /а/ (орф. *а* или *я*) и /у/ (орф. *у, ю*); И.ед. *завод, лошак, учень, кашель* и др.; Р.ед. *заводу, лошака, учня, кашлю*.

Сущ. морф. ж.р. в словоформе И.ед. могут иметь: а) либо флексию /а/ (орф. *а, я*), а в словоформе Р.ед. — флексии /і/ и /и/ (орф. *і, і, и*), например: И.ед. *зозуля, баба, армія* и др.; Р.ед. *зозулі, баби, армії*; б) либо нулевую флексию — Ø (орф. — буква, обозначающая согласный звук, или знак ь), а в словоформе Р.ед. — флексию /і/ (орф. *і*), например: И.ед. *сінь, ніч., кров* и др.; Р.ед. *солі, ночі, крові*.

Сущ. морф. ср.р. в словоформе И.ед. могут иметь: а) флексии /о/ и /е/ (орф. *о, е*), а в словоформе Р.ед. — /а/ (орф. *а, я*): И.ед. *вікно, дідусьо, море* и др.; Р.ед. *вікна, дідуся, моря*; б) флексию /а/ (орф. *я*) и в слово-

форме Р.ед. — /а/ (орф. я): И.ед. *багаття, збіжся, узгір'я* и др.; Р.ед. *багаття, збіжся, узгір'я*; в) флексию /а/ (орф. а, я), а в словоформе Р.ед. — /и/ и /і/ (орф. и, і) и наращение основы: И.ед. *хлоп'я, немовля дівчина, вим'я* и др.; Р.ед. *хлоп'яти, немовляти, дівчати, вимені*.

В формах мн.ч. различия между родами в СУЛЯ почти полностью стираются, и грамматическое значение рода не имеет во мн.ч. ни синтагматического, ни, фактически, морфологического выражения. Ср.: ед.ч. — *добрий кінь* (м.р.), *добра пісня* (ж.р.), *добре ім'я* (ср.р.); мн.ч. — *добрі коні, пісні, імена*. В большинстве случаев распределение сущ. по родам является достаточно условным и семантически немотивированным.

ЛГК числа является словоизменительной категорией. Она имеет частные значения ед. и мн.ч. и выражается формально в системе двух морфологически (т.е. с помощью системы флексий) противопоставленных рядов форм, объединенных одной парадигмой и свойственных одному сущ.: ряд форм ед.ч. (частная парадигма ед.ч.) и ряд форм мн.ч. (частная парадигма мн.ч.). Все сущ. в зависимости от того, как они отражают внеязыковые значения единичности и неединичности, распределяются в три группы: а) сущ., которые имеют формы ед.ч. и мн.ч. (*стіл — столи*); б) сущ., которые имеют только формы ед.ч. — *sing.t.* (*радість, борошно*); в) сущ., которые имеют только формы мн.ч. — *pl.t.* (*граблі, перила, панталони*).

ГК падежа также является словоизменительной категорией, определяющей отношение той или иной словоформы к другим словоформам в рамках словосочетания или предложения и показывающей, следовательно, синтаксические функции имени сущ. Эта категория выражается в языке морфологически (т.е. при помощи флексий) путем системы противопоставленных друг другу семи двучленных (ед. — мн. числа) рядов форм: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного, предложного и звательного падежа⁴. В ряде случаев дополнительным к системе флексий (т.е. морфологическому признаку) средством различения падежей могут выступать морфонологические чередования, которые относятся к разряду различительных признаков лишь в некоторых морфонологически маркированных парадигмах.

Совокупность данных 14 словоформ какого-либо сущ. представляет собой его парадигму⁵.

Все сущ. в СУЛЯ в аспекте их родовой характеристики распределяются в две группы: 1) сущ., обозначающие лиц и некоторых животных, т.е. одушевленные сущ. (*заочник — заочниця, німець — німкеня, дівер — зовиця, лев — левиця, дитя, козеня*) и 2) неодушевленные сущ., обозначающие предметы, понятия и некоторых животных (*хата, завод, вікно, радість, комар, оса*). Лексико-грамматическое значение одуш.—неодуш. отмечается в частной парадигме мн.ч. (а для сущ. м.р. дополнительно — и в част-

⁴Формы зв.л. употребляется в основном от собственных имен и от сущ., обозначающих лиц и животных. Видимо, правильное считать, что падежная система СУЛЯ включает в свой состав шесть падежей и зв. форму, которая, в отличие от других косвенных падежей, не выражает объектных отношений, но является формой обращения к лицу (или персонафицированному предмету).

⁵Парадигмы сущ. *sing.t.* и *pl.t.* содержат семь (или шесть — без зв. формы) словоформ.

ной парадигме ед.ч.) при помощи падежной флексии В, которая у одуш. сущ. омонимична флексии Р, а у неодуш. — флексии И. Отчасти на значение одушевленности может указывать и наличие формы З. в парадигме данного слова (как правило, в собственных именах и, реже, в сущ. м. и ж.р., обозначающих названия лиц и животных).

Таким образом, значения рода и одуш.—неодуш. принадлежат сущ. как слову в целом, а не каждой его словоформе в отдельности. Что касается значений числа и падежа, то каждая словоформа отдельного слова одновременно содержит в себе одно из частных значений числа (ед. или мн.) и одно из частных значений падежа (И Р Д В Т П З).

Система украинского субстантивного словоизменения состоит из нескольких наборов флексий, которые характеризуют парадигмы определенных классов сущ., составляющих склонения. В СУЛЯ все сущ. в зависимости от типа набора флексий распределяются в четыре склонения.

Первое склонение составляют сущ. морфологического ж.р., которые в исходной словоформе И.ед. имеют флексию /а/ (орф. а, я): *голова, особа, межа, буря*. В зависимости от характера конечного согласного в ИВО в сущ. I скл. выделяется три разновидности: твердая (ИВО оканчивается на согласные [б п м в ф к г' г х д т з с з л н р]), мягкая (ИВО оканчивается на согласные [д' т' з' с' ц' л' н' р' й]) и смешанная (ИВО завершается на согласные [ж ш дж ч]).

Ко второму склонению относятся: сущ. м.р., которые в словоформе И. ед. имеют нулевую флексию /Ø/; сущ. морфологического ср.р. с флексиями /о/ и /е/ в словоформе И. ед.; сущ. ср.р. с флексией /а/ (орф. я) в исходной словоформе, у которых в рамках словоизменительной парадигмы отсутствует морфологическое наращение основы: м.р. — *сніг, дід, двір, плач, кінь*; ср.р. — *вікно, батько, поле, плече, шиття, здоров'я*. Сущ. II скл. также подразделяются на три разновидности в соответствии с характером конечного согласного ИВО: твердую (ИВО оканчивается на [б п м в ф к г' г' х д т з с з л н р]), мягкую (ИВО завершается на [д' т' з' з'ц' л' н' р' й]) и смешанную (ИВО завершается на [р ж ш дж ч]). Необходимо при этом отметить, что сущ. м.р. с ИВО на [р] могут принадлежать и к твердой, и к мягкой, и к смешанной разновидностям, различаясь между собой системой флексий. На выбор парадигмы этих сущ. в известной степени указывает акцентная, словообразовательная или семантическая характеристика слова (сущ. с неподвижным ударением чаще всего относятся к твердой разн. — *санітар*, с подвижным ударением — к мягкой разн. — *воротар*; сущ. обозначающие названия профессий — к смешанной разн. *газетяр* и т.п.), хотя все эти критерии являются достаточно условными и влияют на выбор словоизменительной парадигмы сущ. на [р] весьма относительно (см. подробнее: Білодід 1969, 84; Жовтобрюх 1972, 225; Леонова 1983, 88–89).

К третьему склонению относятся: а) сущ. ж.р. с нулевой флексией в словоформе И.ед., например: *тінь, Есфір, кров, ніч* и др.; в) сущ. ж.р. *мати*.

Четвертое склонение составляют сущ. ср.р., которые в словоформе И.ед. имеют флексию /а/ (орф. а, я), а в финальной части основы в косвенных словоформах — наращение (распространение основы): а) либо элементом /ат/ || /ат'/ (в сущ., обозначающих преимущественно названия

маленьких существ и, реже, предметов: *ягня, хлоп'я, колиця*), б) либо сегментом /ен/ || /ен'/ (в лексически ограниченной группе сущ.: *вим'я, ім'я, плем'я, сім'я, тім'я, полум'я*).

Сущ. sing. t. и pl. t.: каждое из них относится к одному из перечисленных четырех склонений в зависимости от модели их словоизменения в частных парадигмах либо ед., либо мн. ч.

Следует отметить, что в СУЛЯ морфологически маркированными в системе субстантивного словоизменения могут быть противопоставления по числу и падежу.

Рассмотрим подробнее формальные морфологические признаки (т.е. флексии) субстантивных парадигм СУЛЯ в рамках традиционно принятых в украинском языкознании четырех склонений.

Первое склонение

Таблица 1

Флексия сущ. ж.р.

Падеж	Ед. число		
	твердая разн.	мягкая разн.	смешанная разн.
И.	/а/ (орф. а)	/а/ (орф. я)	/а/ (орф. а),
Р.	/и/ (орф. и)	/і/ (орф. і, і')	/і/ (орф. і)
Д.	/і/ (орф. і)	/і/ (орф. і, і')	/і/ (орф. і)
В.	/у/ (орф. у)	/у/ (орф. ю)	/у/ (орф. у), /е/
Т.	/ою/ (орф. ою)	/ею/ (орф. ею, єю)	/ею/ (орф. ею)
П.	/і/ (орф. і)	/і/ (орф. і, і')	/і/ (орф. і)
З.	/о/ (орф. о)	/е/ (орф. е, є) /у/ (орф. ю) /а/ (орф. я)	/е/ (орф. е)
		Мн. число	
И.	/и/ (орф. и)	/і/ (орф. і, і')	/і/ (орф. і)
Р.	/ѳ/, /ів/ (орф. ів)	/ѳ/, /еѳ/ (орф. еѳ); /ів/ (орф. ів)	/ѳ/, /еѳ/ (орф. еѳ)
Д.	/ам/ (орф. ам)	/ам/ (орф. ям)	/ам/ (орф. ам)
В.		-И. (неодуш.), -Р. (одуш.)	
Т.	/ами/ (орф. ами), /ми/ (орф. ми)	/ами/ (орф. ями), /ми/ (орф. ми)	/ами/ (орф. ами)
П.	/ах/ (орф. ах)	/ах/ (орф. ях)	/ах/ (орф. ах)
З.	-И.	-И.	-И.

Морфологически маркирующие основу флексии подчеркнуты. Твердая разн. — *палуба; щелепа; змова; арфа; кума; біда; газета; коза; коса; гусла; сестра; весна; хлопчина; дорога; шока; муха; гирлига* [г'ирлиг'а]; *кукурудза*. Мягкая разн. — *суддя, попада, гостя, бабуся, Гандзя; доля, вишня; дідуня; заря; праця; згряя; сім'я* 'семья', *мантілья*. Смешанная разн. — *межа, вежа; груша, чаша; круча, теща, площа*.

Из сущ. pl. t. к мягкой разн. относятся, например, сущ. *коноплі, граблі*, а к твердой разн. — сущ. *сіни, сани, люди, діти, гуси*.

В специальных комментариях нуждаются те словоформы, в которых фиксируется иной по своему фонемному составу, по сравнению с исходным, вариант субстантивной основы. Флексии этих словоформ образуют ту морфологическую позицию, в которой фиксируется иная ступень чередования.

Словоформы Д. ед. и П. ед.: флексия /i/. В сущ. твердой разн., ИВО которых завершается на фонемы /к г' х г/, в словоформах Д. ед. и П. ед. перед флексией /i/ варианты основ завершаются на мягкие переднеязычные свистящие согласные [ц' з' с'], реализующие слабые по твердости—мягкости фонемы /ц з с₁/ (которые мы для простоты набора будем обозначать символами /ц з с/, без индекса 1): *гілці* (от *гілка*), *дорозі* (от *дорога*), *свасі* (от *сваха*), *гурлизі* (от *гурлига*).

Словоформа Т. ед.: флексия /ейу/. В сущ. мягкой разн., ИВО которых завершается на парные мягкие переднеязычные фонемы, в данной словоформе фиксируются соотносительные твердые переднеязычные фонемы: *попадаю* (от *падаю*), *ткалю* (от *ткаю*), *банею* (от *баня*), *вівцею* (от *вівця*) и др.

Словоформа З. ед.: флексия /е/. В тех редких случаях, когда от сущ. мягкой разн. с ИВО на мягкие переднеязычные фонемы словоформа З. ед. образуется с флексией /е/ (более обычной является флексия /у/, орф. ю), в данном косвенном варианте основы находим соотносительные твердые переднеязычные фонемы: *Гале* (от *Галя*), *земле* (от *земля*), *Марусе* (от *Маруся*), но чаще: *Галю*, *Марусю*, *Колю*, *мамуню* или же с флексией /а/ (т. е. фиксируется словоформа З. ед., омонимичная словоформе И. ед.): *Наталя*, *дядя*, *суддя*, *Ілля* и др.

Словоформа Р. мн. (и В. мн. — одуш.) флексия /Ø/. а) В некоторых сущ. твердой разн., ИВО которых оканчивается на сочетание двух (или более) согласных и в морфологическом аспекте представляет собой сегмент <C₁ # C₂>, в варианте, представленном в словоформе Р. мн. (и В. мн. — одуш.) с флексией /Ø/, фиксируется гласная фонема (сегмент <C₁ VC₂>), появившаяся в результате эпентезы: *гілок* (от *гілка*), *гусок*, *сосон*//*сосен*, *весен* и др. Однако многие сущ. в словоформе Р. мн. (и В. мн. — одуш.) перед флексией /Ø/ не имеют вставных гласных (чаще всего это сочетания шумных с сонорными и [в] или сочетания типа 'фрикативный + взрывной'): *банд* (от *банда*), *барв*, *бірж*, *бульб*, *ламп*, *пільг*, *притч* и мн. др. б) В некоторых сущ. мягкой разн. с ИВО на сегмент <C₁ # C₂> в косвенном варианте основы словоформы Р. мн. (и В. мн. — одуш.) с флексией /Ø/ фиксируется сегмент <C₁ VC₂>: *вишень* (от *вишня*), *пісень*, *земель*, *овець* (от *вівця*) и др. в) В некоторых сущ. I скл., в ИВО которых перед конечной согласной фонемой находятся гласные /о/ или /е/, в варианте основы словоформы Р. мн. (и В. мн. — одуш.) с нулевой флексией /Ø/ фиксируется гласная фонема /i/, например: *голів* (от *голова*), *брів* (от *брова*); *беріз* (от *береза*), *черід* (от *череда*) и др. Ряд сущ. указанной структуры могут образовывать в В. мн. — одуш. и в Р. мн. параллельные словоформы как с /i/ и /о/, так и с /i/ и /е/, например: *розсох*//*розсіх*, *підлог*//*підліг*, *жмень*//*жмїнь* и др. Часто /о/или/е/ сохраняются в словоформах Р. мн. и В. мн. — одуш. тех сущ., которые имеют либо неподвижное ударение, либо являются заимствованиями или новообразованиями: *доз* (от *доза*), *вод*, *шкод*, *меж*, *тещ*, *долонь*, *печер*, *легень* и мн. др.

Словоформа Р.мн. (и В.мн. — одуш.): флексия /ей/. а) Несколько сущ. мягкой разн. с ИВО на парные мягкие согласные фонемы в указанной словоформе имеют вариант основы на парную твердую фонему: *свиней* (от *свина*). б) Несколько сущ. мягкой разн., восходящих к основам на *j или заимствованных из зап.-евр. языков, в данной словоформе имеют усеченный вариант основы, полученный путем элизии конечного консонантного элемента: *сѣмей* (от *сѣм'я*), *мантилей* (от *мантильѣя*), *статей* (от *стаття*).

Словоформа Т.мн.: флексия /ми/. Некоторые сущ. твердой разн. и сущ. pl.t. с флексией /и/ в словоформе И. имеют в словоформе Т.мн. перед флексией /ми/ мягкую согласную фонему: *слѣзми*/*слѣзоами* (от *слѣзоа*), *дѣтми* (от *дѣти*), *людми* (от *люди*) и др.

Словоформы Д.мн. и П. мн.: флексии /ам/ и /ах/. Некоторые сущ. pl.t. твердой разн. в указанных словоформах перед флексиями /ам/ и /ах/ имеют в исходе варианта основы мягкую согласную фонему: *людѣам*, *людѣах* (от *люди*), *гусѣам*, *гусѣах* (от *гуси*) и др.

Итак, при распределении сущ. ж.р. I скл. на подклассы, наряду с таким морфологическим признаком как набор служебных морфем (флексий), на основании которого все сущ. распадаются, с одной стороны, на так называемую "твердую разновидность", а с другой, — на "мягкую" и "смешанную" разновидности (см. выше табл. 1), необходимо учитывать и морфологическую характеристику, а именно — формальную структуру исхода субстантивных основ в словоформах И. ед. По этому морфологическому признаку все сущ. ж.р. I скл. могут быть распределены в следующие подклассы: а) с основами на /к г' г х/; б) с основами на /д' т' э' с' ц' л' н' р'/; в) с основами на /й/; г) с основами на <C₁ #/VC₂> (если <C₂> реализован /б в м л л' н н' р ц к/; д) с основами на <C₁oC₂> и <C₁eC₂>; е) с основами на /б п м в ф д т з с з л н р ж ш дж ч/; ж) с основами на <C₁C₂> (см. об этом ниже, с. 59–63). Сущ., входящие в первые пять подклассов (а–д), имеют морфологически маркированные парадигмы. Сущ. из подклассов е) и ж) характеризуются морфологически немаркированными парадигмами. Несколько сущ. имеют индивидуальную морфологическую и морфологическую характеристику.

Второе склонение

1. Сущ. мужского рода (см. табл. 2).

2. Сущ. среднего рода (см. табл. 3).

Особенностью словоизменительной модели сущ. II скл. является то, что их парадигмы характеризуются большой вариативностью в флексиях одного и того же падежа и числа (ср. флексии Р.ед., Д.ед., П.ед., В.мн. и др.). Наличие такой вариативности, являющейся нормативной в СУЛЯ, обуславливается в значительной степени целым комплексом факторов разного плана: это и морфологическая аналогия, и фонетическая структура слова, и его акцентная, семантическая, либо словообразовательная характеристика, стилистические и синтаксические причины. Такое разнообразие в флективной структуре сущ. II скл. создает сложность и в их морфологическом облике, так как парадигмам слов могут быть свойственны чередования–варианты (чередования–дублеты), обусловленные перечисленными выше факторами. В результате в рамках II скл. оказывается большое количество слов с индивидуальной (а именно — в большей или меньшей

Таблица 2

Флексии сущ. м.р. II скл.

Падеж	Ед. число		
	твердая разн.	мягкая разн.	смешанная разн.
И.	∅ (орф. —)	∅ (орф. ь)	∅ (орф. —)
Р.	/а/ (орф. а)	/а/ (орф. я)	/а/ (орф. а)
	/у/ (орф. у)	/у/ (орф. ю)	
Д.	/у/ (орф. у)	/у/ (орф. ю)	/у/ (орф. у)
	(овI) (орф. оvi)	/евi/ (орф. еvi, єvi)	/евi/ (орф. еvi)
В.	=Р. (одуш.)	=И. (неодуш.)	
Т.	/ом/ (орф. ом)	/ем/ (орф. ем)	/ем/ (орф. ем)
П.	/i/ (орф. i)	/i/ (орф. i)	/i/ (орф. i)
	/овi/ (орф. оvi)	/евi/ (орф. еvi, єvi)	/евi/ (орф. еvi)
	/у/ (орф. у)	/у/ (орф. ю)	/у/ (орф. у)
З.	/∅/ (орф. —)		
	/е/ (орф. е)	/е/ (орф. е)	/у/ (орф. у)
	/у/ (орф. у)	/у/ (орф. ю)	∅ (орф. —)

Мн. число			
И.	/и/ (орф. и), /i/ (орф. i)	/i/ (орф. i)	/i/ (орф. i)
Р.	/а/ (орф. а), /е/ (орф. е)		
	/ове/ (орф. ове)		
	/i в/ (орф.)	/i в/ (орф. i в)	/i в/ (орф. i в)
Д.	∅ (орф. —)	/ей/ (орф. ей)	/ей/ (орф. ей)
	/ам/ (орф. ам)	/ам/ (орф. ям)	/ам/ (орф. ам)
В.	=Р. (одуш.)	=И. (неодуш.)	
Т.	/ами/ (орф. ами)	/ами/ (орф. ями)	/ами/ (орф. ами)
П.	/ми/ (орф. ми)	/ми/ (орф. ми)	/има (орф. има)
	/ах/ (орф. ах)	/ах/ (орф. ях)	/ах/ (орф. ах)
З.		=И.	

Выделены флексии, морфонологически маркирующие основы; для некоторых основ морфонологически маркирующими являются все вокалические флексии; флексии И.мн. /ове/ и /е/ употребляется крайне редко, например: *богове, братове; слов'яне, татаре, болгаре*.

Твердая разн. — *лоб, степ, гнів, риф, ритм, світ, град, ліс, віз, паяц, віл, кран, двір, згар, звір, твір, жар, кучер 'кучер', тик, літфак; сміх, луг, гльог 'овечий желудок'*.

Мягкая разн. — *учитель, кінь, дідунь; вівчар, кобзар, цар, кучер 'локон', жолудь; віхоть, колодязь, дідусь, гудзь, гедзь; молодець; водій*.

Смешанная разн. — *прогаш., товариш; ніж, морж, продаж, чиж; меч, прогонич, ткач, читач; кліщ, дощ, куш; різьбяр, газетяр, школяр*⁶.

⁶ Как известно, в СУЛЯ в позиции конца слова в согласном [р] нейтрализуется противопоставление фонем /р/ и /р'/. При анализе морфонологической структуры сущ. м.р. II скл. и ж.р. III скл. (см. ниже), словоформы И.ед. которых имеют нулевую флексию и их ИВО оканчивается на [р], мы, основываясь на типе словоизменительной модели этих сущ., принимаем, что в сущ. м.р. II скл. мягкой разновидности и ж.р. III скл. с основой на [р] первая ступень чередования, представленная в ИВО, в морфонологическом аспекте реализована мягкой фонемой (т.е. (р')).

Таблиця 3

Флексии сущ. ср. р. II скл.

Падеж	Ед. число		
	твердая разн.	мягкая разн.	смешанная разн.
И.	/o/ (орф. о)	/e/ (орф. е) /o/ (орф. ьо) /a/ (орф. я)	/e/ (орф. е)
Р.	/a/ (орф. а)	/a/ (орф. я)	/a/ (орф. а)
Д.	/y/ (орф. у) /ovi/ (орф. ові) =Р. (одуш.)	/y/ (орф. ю) /evi/ (орф. еві, Єєві) =И. (неодуш.)	/y/ (орф. у)
В.			
Т.	/om/ (орф. ом)	/em/ (орф. ем, ем) /am/ (орф. ям) /om/ (орф. ъом)	/em/ (орф. ем)
П.	/i / (орф. і) /y/ (орф. у) /ovi / (орф. ові)	/i/ (орф. і) /y/ (орф. ю)	/i / (орф. і)
З.	/o/ (орф. о) /y/ (орф. у)	/e/ (орф. е) /y/ (орф. ю)	/e/ (орф. е)

Мн. число

И.	/a/ (орф. а) /и/ (орф. у) /i / (орф. і)	/a/ (орф. я) /i / (орф. і)	/a/ (орф. а) /i / (орф. і)
Р.	/ (орф. —) /iv/ (орф. ів) /eй/ (орф. ей)	/ (орф. ь) /iv/ (орф. ів)	/ (орф. —) /ей/ (орф. ей)
Д.	/am/ (орф. ам)	/am/ (орф. ям)	/am/ (орф. ам)
В.			
Т.	/ами/ (орф. ами) /ми/ (орф. ми)	/ами/ (орф. ями)	/ами/ (орф. ами) /има/ (орф. има)
П.	/ax/ (орф. ах)	/ax/ (орф. ях)	/ax/ (орф. ах)
З.		=И.	

Выделены флексии, обладающие морфонологическими маркирующим воздействием на исход основы.

Твердая разн. — слово; письмо; село; вікно, озеро, місто, просо, ухо; батько, око, зайчяток, незнайко, ворота (рл. т.). Мягкая разн. — дідусь, ледащо; поле; горе, кільце, безвіддя, безглуздя, осердя, багаття, листя; пониззя, колосся, весілля, міжвузля; вороння, терня; безвітря, вістря; верхоріччя; піднижжя, Приволжя; піддашшя; безхліб'я, сім'я 'семья (собр.)', верхів'я; пір'я; війя [в'ійя]. Смешанная разн. — середовище, вовчище, плече.

шей степени лексически ограниченной) морфонологической характеристикой, что затрудняет их формализованное (типизированное) описание. Поэтому в ряде случаев придется ограничиться лишь указанием на самые общие закономерности употребления той или иной флексии, и рекомендовать обращение к словарным и грамматическим источникам для получения более точных сведений о словоизменении некоторых конкретных слов.

Остановимся специально на рассмотрении тех словоформ сущ. м. и ср.р. II скл., в которых варьируется не совпадающий по своему фонемному составу с исходным вариант субстантивной основы.

Словоформа Р.ед. (и В.ед. — одуш.): флексия /a/. Сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /e/ в И.ед. в словоформе Р.ед. имеют вариант основы на парную мягкую согласную фонему: *поля* (от *поле*), *горя* (от *горе*), *сонця* (от *солнце*).

Словоформа Д.ед.: флексия /evi/. В сущ. м.р. мягкой разн. (обозначающих, преимущественно, лиц по их профессии), и в некоторых сущ. ср.р. мягкой разн. (типа *дідусьо, братуньо*) в словоформе Д.ед. перед флексией /evi/ фиксируется твердая согласная фонема: *учителеві* (от *учитель*), *учневі, секретареві*.

Словоформа Д.ед.: флексия /y/. Сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /e/ в И.ед. в словоформе Д.ед. перед флексией /y/ имеют парную мягкую согласную фонему: *полю* (от *поле*), *горю* (от *горе*), *серцю* (от *серце*).

Словоформа Т.ед.: флексия /em/. Сущ. м.р. мягкой разн. в данной словоформе имеют вариант основы, завершающийся на парную твердую фонему: *болем* (от *биль*), *конем* (от *кинь*).

Словоформы П.ед. Большой вариативностью в флексиях (а именно — /i/, /y/, /ovi/, /evi/) характеризуется образование словоформ П.ед. от сущ. м. и ср.р. II скл. В употреблении этих флексий выявляется определенная закономерность. Так, если флексии /i/ и /y/ находятся между собой как бы в отношении дополнительной дистрибуции (правда, нередко нарушаемой) и либо присоединяются, как правило, к основам разных слов, либо их выбор зависит от предлога, с которыми употребляется данная конкретная словоформа, то флексии /ovi/ и /evi/ чаще всего выступают в качестве дублетных (вариантных) к флексиям /i/ и /y/, употребляясь с ними параллельно и образуя словоформы П.ед. от одних и тех же слов и часто даже в одном и том же контексте (см.: МБСУМ 1975, 83–95). Условия в распределении флексий /i/, /y/, /ovi/, и /evi/ могут в ряде случаев перекрещиваться и перекрывать друг друга. Поэтому правильнее было бы, по-видимому, говорить не о строгих правилах выбора той или иной флексии тем или иным сущ. при образовании словоформы П.ед., а лишь о преимущественной тенденции, действующей в рамках языковой нормы СУЛЯ:

1) Предлоги *в, у, на, при* выбирают флексиями /i/, предлог *по* — флексиями /y/: м.р. — *в голосі — по голосу, у класі — по класу, при дворі — по двору; на возі*; ср.р.: — *на небі — по небу, на чолі — по чолу*, но также и: *по листі, по чолі*. 2) Сущ., ИВО которых завершается на /ок/, /ак/, /ик/, /вк/, /лк/, /ск/, чаще употребляют флексиями /y/ вне зависимости от предлога: *ліжку, літавку, братіку, столику, війську*; возможно, однако, и параллельное употребление флексий /i/ и /y/: *на держаку — на держаці, на лежаку — на лежачі*. Географические названия с ИВО на /к г х/ также предпочитают флексиями /y/: *у Курську, Лейпцігу, Цюриху*, хотя возможна и флексиями /i/: *у Кривому Розі, Петербурзі*. 3) Сущ. с наосновным ударением чаще выбирают флексиями /i/, с наконечным — флексиями /y/ вне зависимости от предлога: *роді — роду́, лу́зі — лугу́, язичі́ — язичу́*. 4) Односложные сущ. м.р. чаще получают флексиями /y/: *льоду, цеху, міху* и др. 5) Сущ. ср.р. на /о/ и /е/ в И.ед. чаще образуют словоформу П.ед. с флексией /i/: *по небі*,

в полі, у молоці, на оці (но и: по озеру, по полю). Сущ. ср.р. на /а/ в И.ед. образуют словоформу П.ед. только с флексией /і/: *битті, волоссі, узгір'ї*. б) Флексии /ові/ и /еві/ в СУЛЯ могут образовывать словоформы П.ед., фактически, от любого сущ. м.р. II скл. (а не только от сущ. со значением лица), а изредка — и от сущ. ср.р. II скл. Особенно часто такие словоформы встречаются в художественной и публицистической литературе. Однако следует подчеркнуть, что флексии /ові/ и /еві/ значительно чаще употребляются в словоформах Д.ед., а основными для П.ед. следует считать флексии /і/ и /у/; *на тижні* (чаще) — *на тижневі* (реже), *на плугу* — *на плугові*, но и *на бурлаку* — *на бурлаці* — *на бурлакові*; *на дитяку* — *на дитякові* и др. От некоторых сущ. м.р. словоформы с флексиями /ові/ и /еві/ вообще не употребляются, например: Д.ед. *нулеві, методові* — П.ед. *при нулі, у методі*.

Морфонологически маркированными являются словоформы П.ед. II скл. с флексиями /і/ и /еві/.

Словоформа П.ед.: флексия /і/. Сущ. м. и ср.р. твердой разн., ИВО которых оканчиваются на заднеязычные фонемы, в словоформе П.ед. перед флексией /і/ имеют вариант основы на свистящие фонемы: *раці* (от *рак*), *літфаці, плузі, страсі, молоці, оці*.

Словоформа П.ед.: флексия /еві/. Сущ. м.р. мягкой разн. в данной словоформе имеют вариант основы на парную твердую согласную фонему: *учителеві, учневі, лікареві, китайцеві*.

Словоформа З.ед.: флексия /е/. В сущ. м.р., ИВО которых оканчивается на /к г х ц' з'/ или на парные мягкие согласные фонемы, в словоформе З.ед. с флексией /е/ фиксируется вариант основы, завершающийся на /ч ж ш/ и на парные твердые фонемы: *козаче* (от *козак*), *старче* (от *старець*), *хлопче* (от *хлопець*), *друже* (от *друг*), *Явтуше* (от *Явтух*), *княже* (от *князь*), *півне* (от *півень*)⁷.

Словоформа И. мн.: флексия /а/. Сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /е/ в И.ед. в данной словоформе имеют вариант основы на парную мягкую фонему: *поля* (от *поле*), *моря* (от *море*), *місця* (от *місце*).

Словоформа Р.мн.: флексия ф. а) В некоторых сущ. ср.р., ИВО которых оканчивается на сочетание двух (или более) согласных и морфонологически имеет структуру <C₁ # C₂>, в словоформе Р.мн. с нулевой флексией фиксируется гласная фонема на месте <#> (т.е. <C₁VC₂>): *зол* (от *зло*), *звіряток* (от *звірятко*), *жорен* (от *жорно*), *яєць* (от *яйце*) и т.п. (но только *місь* от *місце*). б) В некоторых сущ. рл. т. с флексиями /и/ и /а/ в словоформе И. и морфонологическим строением ИВО <C₁ # C₂> (типа *ночви, обценьки, ясла, ясна* и др.) в словоформе Р. с нулевой флексией фиксируется гласная фонема на месте <#> (т.е. <C₁VC₂>): *ночов, обценьок* (и *обценьків*), *ясел, ясен*. в) В сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /а/ в И.ед. при образовании словоформы Р.мн. с нулевой флексией фиксируется усеченный вариант основы: *завдань* (от *завдання*), *облич* (от *обличчя*), *відкрить* (от *вікриття*), г) В отдельных сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /е/ в И.ед. в словоформе Р.мн. с нулевой флексией отмечается мягкая парная согласная фонема, например: *піль* (и *полів* — от *поле*), *сердець* (от

⁷От сущ. м.р. с ИВО на /ц' з'/ словоформы З.ед. чаще образуются с флексией /у/ и с отсутствием МЧ: *мудрецю, комсомольцю, князю* и др.

серце). д) Некоторые сущ. ср.р., ИВО которых завершается сегментом <VC> (где на месте элемента <V> находим фонемы /o/ или /e/), в словоформе Р.мн. с нулевой флексией появляется фонема /i/ (на месте элемента <V>): *слів* (от *слово*), *чіл* (от *чоло*), *кіл* (от *коло*), *решіт* (от *решето*), *сіл* (от *село*). Следует отметить, что в сущ. ср.р. фонема /e/ в сегменте <VC> в большинстве случаев сохраняется во всех словоформах: *пер* (от *перо*), *лез* (от *лезо*), *плес* (от *плесо*).

Словоформа Р.мн.: флексия /ей/. Некоторые сущ. м.р. мягкой разн. характеризуются наличием твердой парной фонемы в исходе данного варианта основы: *коней* (от *кінь*), *гостей* (от *гість*).

Словоформа Д.мн.: флексия /ам/. а) Сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /e/ в И.ед. (*поле, море*) в словоформе Д.мн. имеют мягкую фонему в исходе варианта основы: *полям, морьям*. б) Сущ. м.р. *чобіт* и сущ. рl. t. *ворота* образуют дублетные словоформы Д.мн. — с фонемами /т/ и /т'/ в конце варианта основы: *чоб'отям//ч'оботам* и *вор'отям//вор'отам*.

Словоформа Т.мн.: флексия /ами/. а) Сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /e/ в И.ед. имеют в словоформе Т.мн. мягкую фонему в исходе варианта основы: *полями, морями, серцями*. б) Сущ. м.р. *чобіт* и сущ. рl. t. *ворота* в словоформе Т.мн. имеют два варианта основы: с фонемами /т/ и /т'/ в исходе, ср. *чоб'отями//ч'оботами* и *вор'отями//вор'отами*.

Словоформа Т.мн.: флексия /ми/. Некоторые сущ. м. и ср.р. твердой разн. и сущ. *ворота* в словоформе Т.мн. перед флексией /ми/ имеют мягкую согласную фонему: *крильми* (и *крилами* — от *крило*), *коліньми* (и *колінами* — от *коліно*), *колісьми* (и *колесами* от *колесо*), *братьми* (и *братами* — от *брат*), *чобітьми* (и *чоб'отями//ч'оботами* от *чобіт*), *ворітьми* (и *вор'отями//вор'отами* от *ворота*).

Словоформа П.мн.: флексия /ах/. в) Сущ. ср.р. мягкой разн. с флексией /e/ в И.ед. характеризуются мягкой фонемой в исходе варианта основы в словоформе П.мн.: *полях, морях, серцях*. б) Сущ. м.р. *чобіт* и сущ. рl. t. *ворота* образуют по две словоформы П.мн. с фонемами /т/ и /т'/ в исходе варианта основы: *чоб'отях//ч'оботах, вор'отях//вор'отах*.

Частная парадигма мн.ч. Среди сущ. II скл. имеются такие, вариант основы которых во всех словоформах частной парадигмы мн.ч. отличается от ИВО тех же слов по своему фонемному составу. В результате для этих сущ. морфонологически маркирующей является вся система флексий частной парадигмы мн.ч. Это следующие сущ.: 1) сущ. ср.р. *око* и *вухо*. Все словоформы мн.ч. образуются от вариантов основы /оч/ (или /віч/) и /уш/ (или /вух/); И.мн. — *оці//вічі, уші//вуха* (чаще), Р.мн.-*очей//віч* и *ушей//вух...*, Т.мн.-*очіма//очами* и *ушіма//ушми* (и *вухами*), П.мн.-*очах//очах* и *ушах//вухах*. 2) Сущ. м.р. *друг* и *стяг* (реже) все словоформы мн.ч. образуют от вариантов основы /друз'/ и /ст'аз'/ (чаще /ст'аг/): И.мн. — *друзі, стязі* (чаще *стязи*), Р. мн. *друзів, стязів* (чаще *стязів*), Д.мн. *друзям* и т.д. (но ср.: *недруг* — И.мн. *недруги*, Р.мн. *недругів*...). 3) Сущ. ср.р. *небо* и *чудо* все словоформы мн.ч. образуют от вариантов основы /небес/ и /чудес/: И.мн. — *небеса, чудеса*; Р.мн. — *небес, чудес...* (но и: И.мн. *чуда*, Р.мн. *чуд*, Д.мн. *чудам...*). 4) Сущ. ср.р. *дно* все словоформы мн.ч. образует от варианта основы /ден/: И.мн. — *дена*, Р.мн. — *ден*, Д.мн. — *денам* и т.д. 5) Сущ. м.р. II скл. твердой разн. с ИВО на последовательности /ин/ или /ін/ (*болгарин, хазяїн*), образуют словоформы мн.ч. с

утратой /ин/ и /ін/ (ср. И.мн. — *болгáри, хазáй*). Исключения представляют сущ. *осетін* и *грузін* (ср. И.мн. — *осеті́ни, грузі́ни*).

Для некоторых морфонологических изменений в структурах субстантивных основ м.р. II скл. существенное значение имеет характер слогового строения самой словоформы. Так, при наличии нулевой флексии финальная часть основы $\langle C_1VC_2 \rangle$ реализует закрытый слог (а именно $\langle C_1VC_2 \# \rangle$). Если же основа соединяется с вокалической флексией (обозначим ее индексом $\langle V_1 \rangle$), то финальная часть основы вместе с флексией представляет собой два открытых слога (а именно $\langle C_1V-C_2V_1 \# \rangle$). Такие условия, как качество фонемы, реализующей элемент $\langle V \rangle$, и закрытость ($\langle C_1VC_2 \# \rangle$) или открытость ($\langle C_1V-C_2V_1 \# \rangle$) слога, в котором находится элемент $\langle V \rangle$, определяют характер морфонологического преобразования некоторых сущ. м.р. II скл.

Основы на $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$. Сущ. м.р. с основой на $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$ имеют во всех словоформах полной парадигмы, образованных при помощи вокалических флексий, вариант основы, завершающийся на сегмент $\langle C_1\#C_2 \rangle$: Р. ед. *кінця, стержня, відмінка* (от *кінець, стержень, відмінок*).

Основы на $\langle C_1i/VC_2 \rangle$. Ряд сущ. м.р., которые на месте элемента $\langle V \rangle$ (в сегменте $\langle C_1VC_2 \# \rangle$) в ИВО перед нулевой флексией имеют фонему /i/ (закрытый слог), во всех остальных словоформах парадигмы с вокалической флексией фиксируют на месте элемента $\langle V \rangle$ фонемы /o/ или /e/ (открытый слог, т.е. $\langle C_1VC_2V_1 \rangle$): Р. ед. *сходу* (от *схід*), *смороду* (от *сморід*); *лебеда* (от *лебідь*), *хмелю* (от *хміль*). Однако в большом количестве сущ. м.р. данное морфонологическое правило замены /i/ в закрытом слоге на /o/ или /e/ в открытом не осуществляется: Р. ед. *обрізу* (от *обріз*), *обсіву, снігу, сміху, наміру*.

Таким образом, при классификации на морфологические подклассы сущ. II скл. м. и ср.р. необходимо учитывать и их морфонологическую характеристику. В результате все сущ. могут быть распределены в две большие группы — с морфонологически маркированными и немаркированными парадигмами. Так, первую группу составляют следующие сущ. м.р.: а) с основами на парные мягкие фонемы /л'н'р'д'т'з'с' з'ц'/, б) с основами на заднеязычные /к г' г х/, в) с основами на сегменты $\langle ин \rangle$ и $\langle ін \rangle$, г) с основами на сегмент $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$ (см. ниже, с. 75–77) и д) некоторые основы на $\langle C_1iC_2 \rangle$. Среди сущ. ср.р. морфонологически маркированные парадигмы отмечаются у сущ.: а) с основами на /л р ц д'с'н'/, б) с основами на двойные мягкие и шипящие фонемы, в) с основами на сегмент $\langle C_1\#/VC_2 \rangle$ (см. с. 59–62, 78–82), г) с основами на сегмент $\langle C_1oC_2 \rangle$ и $\langle C_1eC_2 \rangle$, д) с основами, подверженными морфонологическому расширению (наращению) за счет сегментов $\langle ес \rangle$ и $\langle ен \rangle$. Все остальные сущ. II скл. м. и ср.р. имеют морфонологически немаркированные парадигмы.

Третье склонение

К III скл. относятся: а) сущ. ж.р., словоформа И.ед. которых имеет нулевую флексию, и б) сущ. ж.р. *мати//магір*.

А) Флексии сущ. ж.р. с нулевой флексией в исходной словоформе см. в табл. 4.

Морфонологически маркированными являются словоформы: Т.ед., З.ед., Р.мн. и словоформы с вокалическими флексиями.

Таблица 4

Падеж	Ед. число	Мн. число
И.	ф (орф. -, ь)	/i/ (орф. <i>i</i>)
Р.	/i/ (орф. <i>i</i>)	/eй/ (орф. <i>eй</i>)
Д.	/i/ (орф. <i>i</i>)	/ам/ (орф. <i>ям, ам</i>)
В.	-И.	-И. (неодуш.), -Р (одуш.)
Т.	/у/ (орф. <i>ю</i>)	/ами/ (орф. <i>ами, ями</i>), /ми/ (орф. <i>ми</i>)
П.	/i/ (орф. <i>i</i>)	/ах/ (орф. <i>ах, ях</i>)
З.	/е/ (орф. <i>е</i>)	-И.

Например: *сіль, поросль, тіль, приязнь, твар, сіль, жерсть, вість, скатерть, мідь, рись, мазь, галузь, міць, скорб, кров, верф, жовч, піч, нехворощ, подорож, двері* (р1.т.).

1. Словоформы Т.ед.: флексия /у/. Морфемная структура словоформ Т.ед. сущ. жр. III скл. требует специального рассмотрения. Традиционно принято считать, что флексией Т.ед. данных сущ. является /йу/, а "глубинная структура" словоформ *суттю, міддю, ніччу* и под. имеет вид /сут'-йу/, /мід'-йу/ /ніч'-йу/, аналогично грамматически однозначным словоформам *скрб'ю* /скрб'-йу/, *твар'ю* /твар'-йу/ и под. Ср., например, рассуждение Р.И. Аванесова относительно структуры данных словоформ в белорусском языке: "... на фонетическом уровне членение таково: ... [дало́н'-н'у] ..., [но́ч-чу] ... и рядом ... [ве́рф-ју], [шы́р-ју]. Что же касается более глубокого уровня фонемного, точнее морфо-фонематического ..., то во всех этих и подобных случаях надо констатировать одну флексию — /ju/:... /по́ч-ју/..., /ве́рф-ју/, /ши́р-ју/. Фонема /j/ на стыке корня и начинающейся с нее флексии выступает в своем основном виде (т.е. как /j/) после губных и /г/, а после переднеязычных (кроме /г/) она позиционно замаскирована и выступает в облике согласной корня, т.е. повторяет ее. Это значит, что согласные /с'/, /s'/, /л'/, /п'/ и др.... являются вариантами фонемы /j/... Перед нами целая сеть аллофонов (подчеркнуто мной. — Т.П.), качество которых зависит от качества предшествующей согласной" (см.: Аванесов 1978, 82). И далее: в случаях *ко́сь-ко́сью, ска́церьць-ска́церьцью* и под., т.е. "после сочетания согласных /j/ выступает в своем нулевом варианте" (там же, 83). Аналогичным образом трактует данные словоформы в украинском языке и А.Н. Залесский. По его мнению, в случаях *міддю, сіллю...* фиксируется флексия /йу/ как и в случае *скорб'ю*, а звуки [г'д'с'з'л'н'ц'ж], находящиеся на стыке морфем, реализуют на самом поверхностном уровне в слабой позиции фонему /й/ (см. Залесский 1980).

Однако рассмотрение указанных фактов в аспекте морфонологии в синхронном плане не позволяет принять данную точку зрения. Так, синхронный анализ синтагматических возможностей звуковых единиц СУЛЯ показывает, что наряду с сочетаниями типа [г'т'у] (*суттю*), [г'т'а] (*життя*), [с'с'у] (*вісню*), [з'з'у] (*мазю*), [з'з'а] (*пониззя*), [н'н'у] (*тінню*), [л'л'у] (*сіллю*), [жжу] (*подоро́жжю*) и др. возможны и сочетания [н'йу] (*Нью-Йорк*), [н'йа] (*Ньяса*), [с'йе] (*Сьерра*), [з'йа] (*з'ясу*

ва́ння), [л'я́] (*манті́лья, ескадри́лья, ля́нос*), [л'йе́] (*Лье́ж*) (см. Погрібний 1984), а также такие соответствия, как, например, [кот'а] и [жи^ет'г'а́], [гус'а́] и [к'іс'с'а́], [ножу́] и [подоро́жжу], [жжува́ти] (*жжувати*), [іл'л'е́] (З.ед. *Іллé!*) и [ілле́йу] (Т.ед. *Ілле́ю*) и др. Из анализа приведенных примеров (демонстрирующих "поверхностный" уровень), осуществленного в строго синхронном плане, без обращения к диахронии, никак не следует, что сочетания двойных мягких и шипящих согласных реализуют глубинную структуру с йотом, т.е. /т'й/, /н'й /, /з'й/, /с'й/, /л'й/, /жй/ (ведь наряду с современными сочетаниями [н'н'а], [л'л'а] и др. есть и сочетания [н'я́], [л'я́] и др.). Скорее можно сделать вывод, что современные фонетические сочетания типа [н'н'у] представляют собой на фонологическом уровне сочетания фонем /н'н'у/ /жжу/ и под. (а не */н'йу/, */жйу/). Далее. На основании синхронного анализа таких соответствий, как, например, И.ед. *кров* – Т.ед. *крóв'ю, верф–вѣрф'ю, скорб – скóрб'ю, твар – тва́р'ю, суть – су́ттю, мідь – міддю, вісь – ві́ссю, мазь – ма́ззю, міць – мі́ццю, тінь – ті́нню, сіль – сі́ллю, ніч – ні́ччю, подоро́ж – подоро́жжю, вість – ві́сттю, поросль – поросл'ю, приязнь – при́язню, ска́терть – ска́тертю, жовч – жо́вчю, нехворі́щ – нехворі́щю*, – может быть подвергнут пересмотру и вопрос о морфемной сегментации словоформ Т.ед. сущ. ж.р. III скл. (а следовательно, и о месте морфемной границы в этих словоформах).

Наличие структурного параллелизма данных однозначных словоформ допускает принципиальную возможность переосмысления в синхронном плане традиционного морфологического членения словоформ Т.ед., если исходить из их синхронной разложимости, ср.: *кров-ф – крóв-й-у, твар-ф – тва́р-й-у, сут'-ф – су́т'-т'-у, ніч-ф – ні́ч-ч-у, поросл'-ф – поросл'-у, жовч-ф – жо́вч-у*. Такая сегментация выделяет флексию И.ед. -ф и флексию Т.ед. /у/ (а не /йу/), а также субстантивную основу, выступающую либо в одном варианте (в случаях *поросл'ю, жо́вч-у*), либо в двух вариантах, один из которых имеет морфонологическое наращение (в случаях *кров-/кровй-, сут'/сут'т', ніч-/ні́чч-*). Морфонологический сегмент, расширяющий субстантивную основу в словоформе Т.ед. данных сущ., представлен фонемой /й/ в основах на губные и /р/; в основах же на мягкие переднеязычные и шипящие наращение реализуется по принципу ассимиляции, т.е. тождественными мягкими переднеязычными и шипящими фонемами⁸. Таким образом: а) если ИВО оканчивается на сочетание <VC>, где элемент <C> реализован фонемами /т'д' с' з' ц' л' н' ч ж/, то в словоформе Т.ед. имеет место наращение варианта основы (по сравнению с ИВО) той же фонемой (т.е. происходит удвоение фонемы): *су́ттю* (от *суть*), *мі́ддю* (от *мідь*), *ві́ссю* (от *вісь*), *ма́ззю* (от *мазь*), *мі́ццю* (от *міць*), *сі́ллю* (от *сіль*), *ті́нню* (от *тінь*), *ні́ччю* (от *ніч*), *подоро́жжю* (от *подорож*). Если же ИВО завершается не на одну согласную фонему, а на сочетание согласных фонем (т.е. <VC₁C₂>), то в словоформе Т.ед. вариант основы остается по своему фонем-

⁸ Возможна и иная синхронная сегментация указанных словоформ, предложенная В.В. Лопатиным: флексия Т.ед. реализуется в двух морфах – /у/ и /йу/. В этом случае чередование с наращением будет отмечено только перед морфом /у/ в основах на переднеязычные и шипящие. Парадигмы остальных сущ., образующих Т.ед. с флексией /йу/, окажутся морфонологически немаркированными.

ному составу тождественным ИВО: *вістю* (от *вість*), *пóрослю* (от *пóросль*), *прия́зну* (от *прия́зьн*), *ска́тертю* (от *ска́терть*), *жóвчу* (от *жовч*). б) Если ИВО оканчивается на сочетание <VC>, где элемент <C> реализован губными фонемами и /р/, то в словоформе Т.ед. имеет место наращение варианта основы фонемой /й/: *крóв'ю* [кров'йу] (от *кров*), *верф'ю* (от *верф*), *ска́рб'ю* (от *ска́рб*), *тва́р'ю* (от *тва́р*).

2. Словоформа З.ед.: флексия /е/. В этой словоформе представлен вариант основы с соотносительной твердой согласной фонемой: *радо́сте* (от *ради́сть*), *ри́се* (от *ри́сь*), *осене́* (от *оси́нь*).

3. Словоформа Р.мн.: флексия /ей/. В данной словоформе также представлен вариант основы с соотносительной твердой согласной фонемой: *радо́стей*, *ри́сей*, *тва́рей* и др.

4. Словоформы с вокалическими флексиями. В ряде сущ., в ИВО которых в конечном сегменте <VC> на месте элемента <V> представлена фонема /i/ (закрытый слог перед нулевой флексией), в словоформах с вокалическими флексиями (кроме словоформы Т.ед.), находим фонемы /o/ или /e/ (открытый слог для элемента <V>): Р.ед. *но́чі* (от *ніч*), *мо́ці* (от *ми́ць*), *ре́чі* (от *річ*), *осе́ні* (от *оси́нь*). Однако в группе сущ. данной структуры отмечаются многочисленные отступления от указанного правила, например: *сіті* (от *сіть*), *тіні*, *вісті* и мн. др. Специального замечания заслуживает очень продуктивная в СУЛЯ группа абстрактных сущ. ж.р. III скл., образованных от прилагательных при помощи суффикса /іст'/ (орф. *ість*), как например, *ради́сть*, *мужни́сть* и др. В ИВО этих сущ. гласный [і] находится в закрытом слоге. В любой другой словоформе с вокалической флексией (кроме Т.ед.) на месте [і] находим гласный [о] ; Р.ед., Д.ед., П.ед., И.мн., В.мн., З.мн. *радо́сті*; З.ед. *радо́сте*; Р.мн. *радо́стей*; Д.мн. *радо́стям*; Т.мн. *радо́стями*; П.мн. *радо́стях*. И только в Т.ед., как и в исходной словоформе, фиксируется вариант основы с гласным [і]: *ради́стю* (ср. И.ед. *ради́сть*), хотя с синхронной точки зрения фонетическая позиция (т.е. закрытый или открытый слог) как в словоформе Т.ед., с одной стороны, так и во всех остальных словоформах парадигмы (кроме И.ед.), с другой, является одинаковой, а именно: Т.ед. *ради́стю* [рад'іс'т'у] – Р.ед. *радо́сті* [радос'т'і]. Следовательно, на современном синхронном срезе соотношение [і] и [о] в рамках одной парадигмы сущ. ж.р. III скл. на /іст'/ носит характер не фонетической, а чисто морфонологической обусловленности (влияние морфонологической позиции).

Учитывая морфонологические признаки, все сущ. ж.р. III скл., следует распределить в два подкласса: 1) с исходными основами на одну согласную фонему (*сіль*, *кров*, *ніч*) и 2) с исходными основами на две (и более) согласные фонемы (*вість*, *жовч*).

б) Словоизменительная модель сущ. ж.р. III скл. *мати*//*матір*. Ед. ч.: И. *мати*//*матір*; Р., Д., П. *матері*; В. *матір*; Т. *матір'ю*; З. *мати*//*матере*. Мн.ч.: И., З. *матері*; Р., В. *матерів*//*матерей* (реже); Д. *матерям*; Т. *матерях*;

Четвертое склонение

К IV скл. относятся следующие две группы сущ.

1) Лексически неограниченная группа сущ. ср.р. с флексией /а/ в словоформе И.ед., ИВО которых оканчивается на парные мягкие согласные

Таблица 5

Флексии сущ. ср. р. IV скл. (первая группа: *кота́, лоша́...*)

Падеж	Ед. число	Мн. число
И.	/а/ (орф. а, я)	/а/ (орф. а)
Р.	/и/ (орф. и)	∅ (орф. —)
Д.	/и/ (орф. і)	/ам/ (орф. ам)
В.	= И.	= И. (неодуш.), = Р. (одуш.)
Т.	/ам/ (орф. ам)	/ами/ (орф. ами)
П.	/и/ (орф. і)	/ах/ (орф. ах)
З.	= И.	

Таблица 6

Флексии сущ. ср. р. IV скл. (вторая группа: *ви́м'я, сі́м'я...*)

Падеж	Ед. число	Мн. число
И.	/а/ (орф. я)	/а/ (орф. а, я)
Р.	/и/ (орф. і), /а/ (орф. я)	∅, /ів/ (орф. ів)
Д.	/и/ (орф. і), /у/ (орф. ю)	/ам/ (орф. ам, ям)
В.	= И.	
Т.	/ем/ (орф. ем), /ам/ (орф. ям)	/ами/ (орф. ами, ями)
П.	/и/ (орф. і), /у/ (орф. ю)	/ах/ (орф. ах, ях)
З.	= И.	

фонемы, на шипящие фонемы, на /рй/ и на сочетание 'губная фонема + /й/'. Эти сущ. обозначают маленьких существ, а также маленькие предметы и части тела: *лебеда́; ко́тя; коза́; гуся́; немовля́, дошкілля́, тигреня́, ноже́ня, оче́ня, руче́ня; вну́ча, гори́ча; ве́дмежа́; лоша́; голу́б'я, хлоп'я, ласті́в'я; (*щур'я, *лемур'я, *ягуар'я)* (см. табл. 5).

Морфонологически маркированными являются следующие словоформы: Р.ед. (флексия /и/); Д.ед. и П.ед. (флексия /и/); Д.мн. (флексия /ам/); И.мн., В.мн. -неодуш. и З.мн. (флексия /а/); Р.мн. и В.мн. -одуш. (флексия ∅); Т.мн. (флексия /ами/); П.мн. (флексия /ах/). Во всех перечисленных словоформах фиксируется вариант основы с наращением за счет сегмента /ат/ (орф. ат, ят) по сравнению с фонемным составом ИВО. В словоформах Д.ед. и П.ед. этот сегмент реализуется в фонетической последовательности [ат'], во всех остальных словоформах — в последовательности [ат]: Р.ед. *кота́ти* (от *кота́*), *оче́няти* (от *оче́ня́*), *хлоп'я́ти* (от *хлоп'я́*), *лоша́ти* (от *лоша́*); Д.ед. *кота́ті, оче́няті, хлоп'я́ті, лоша́ті*.

2) Лексически ограниченная группа сущ. ср.р. с флексией /а/ в словоформе И.ед., ИВО которых оканчивается на сочетание /мі/: *ви́м'я, ім'я, плéм'я, пóлум'я* (sing. t.) *сі́м'я, гі́м'я* (см. табл. 6).

Морфонологически маркированными являются следующие словоформы.

Словоформы Р.ед., Д.ед., П.ед.: флексия /и/. В них фиксируется вариант основы, который, по сравнению с исходным, имеет усеченный /й/ и присое-

диненный к оставшейся части сегмент /ен/ ([ен']), т.е. *імені, вимені, полумені* и др. (от *ім'я, вим'я, полум'я*). Соотношение исходного и косвенного вариантов основы данных сущ. можно представить в морфонологическом аспекте следующим образом: И.ед. *плем'я* ← (плем $\frac{\text{й } \emptyset}{\text{а } \emptyset}$) + /а/ ; Р.ед.

племені – (плем $\frac{\emptyset \text{ ен}}{\text{а } \emptyset}$) + /і/ (в числителе обозначаются сегменты, реализованные в каждом конкретном варианте основы). Следует отметить, что все сущ. этой группы могут образовывать и параллельные словоформы Р.ед., Д.ед., П.ед. без морфонологических изменений в финальной части основы, аналогично словоизменительной модели сущ. ср.р. II скл. мягкой разновидности, а именно – Р.ед. (с флексией /а/) *ім'я, вим'я, полум'я* и т.д.; Д.ед. (с флексией /у/) *ім'ю, вим'ю, полум'ю* и т.д.; П.ед. (флексии /і/ или /у/ в зависимости от предлога) *ім'ю//ім'ї, вим'ї//вим'ю* и т.д.

Словоформа Т.ед.: флексия /ем/. Отмечается вариант основы с усеченной фонемой /й/ и наращенным сегментом /ен/: *іменем, вименем, полуменем* и др. Однако более употребительными являются словоформы, образованные при помощи флексии /ам/ и без морфонологических изменений в финальной части основы: *ім'ям, вим'ям, полум'ям* и др.

Словоформа И.мн.: флексия /а/. От всех сущ. (кроме *вим'я*) словоформа И.мн. образуется путем присоединения флексии /а/ к варианту основы с усеченной фонемой /й/ и наращенным сегментом /ен/: *імена, племена, сімена, тімена* (но: *вим'я*).

Словоформа Р.мн.: флексия \emptyset . Только два сущ. – *ім'я* и *плем'я* – образуют данную словоформу с нулевой флексией, которая присоединяется к варианту основы без /й/ и с наращенным сегментом /ен/: *імен, племен*. Остальные сущ. данной группы образуют словоформу Р.мн. с флексией /ів/, которая присоединяется к варианту основы, равному по своему фонемному составу ИВО: *тім'ів, вим'ів, сім'ів*.

Словоформы: Д.мн. (флексия /ам/), Т.мн. (флексия /ами/), П.мн. (флексия /ах/). В них во всех сущ. (кроме *вим'я*) зафиксирован вариант основы с усеченной фонемой /й/ и с наращением сегмента /ен/, например: *іменам, іменами, іменах* (но: *вим'ям, вим'ями, вим'ях*).

В СУЛЯ морфонологически маркированными являются, таким образом, парадигмы следующих классов сущ.: а) ж.р. I скл. с ИВО на /к г' г х/; б) ж.р. I скл. мягкой разн.; в) м. и ср. р. II скл. твердой разн. с ИВО на /к г' г х/; г) м. и ср. р. II скл. мягкой разн.; д) ж.р. III скл.; е) ср.р. IV скл.; ж) всех трех родов с ИВО на <C₁V/#C₂> и <C₁#/VC₂>

В заключение краткого обзора по морфологии украинского субстантивного словоизменения отметим, что для того, чтобы построить полную парадигму любого сущ., состоящую из 14 словоформ, и, следовательно, дать его классификационную характеристику (т.е. включить в одно из четырех склонений), необходимо предварительное знание о морфологической и морфонологической структуре следующих шести словоформ: И.ед., Р.ед., Д.ед., Т.ед., И.мн., Р.мн. и разграничение между основами на <C₁#/VC₂> и <C₁V/#C₂>, с одной стороны, и на <C₁C₂>, <C₁VC₂>, с другой.

ВИДЫ ЧЕРЕДОВАНИЙ

Существительным СУЛЯ в рамках полной парадигмы свойственны чередования следующих видов.

1) Чередования согласных фонем в исходе субстантивной основы (т.е. на месте элемента $\langle C_2 \rangle$). 2) Чередования гласной фонемы с нулем в конечном сегменте основы (т.е. $\langle C_1 VC_2 \rangle \sim \langle C_1 \# C_2 \rangle$ и $\langle C_1 \# C_2 \rangle \sim \langle C_1 VC_2 \rangle$). 3) Чередования гласных фонем в конечном сегменте основы (т.е. на месте элемента $\langle V \rangle$). 4) Чередования, вызванные наращением и усечением конечного сегмента основы (т.е. усечение: $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$, наращение: $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$). 5) Чередования, связанные с метатезой внутри основы ($\langle C_1 V \sim VC_1 \rangle$).

Чередования первого вида (т.е. консонантные чередования) представлены звеньями, альтернанты которых реализованы: а) заднеязычными и свистящими фонемами; б) заднеязычными и шипящими фонемами; в) переднеязычными твердыми и мягкими фонемами. Чередования второго вида (т.е. гласной фонемы с нулем) реализованы фонемами /o/ или /e/, с одной стороны, и нулем, с другой. Чередования третьего вида (т.е. вокалические чередования) представлены звеньями с альтернантами, реализованными либо фонемами /o/ и /i/, либо фонемами /e/ и /i/. Чередования четвертого вида могут быть обусловлены наращением ИВО сегментами /ec/, /en/, /at/, /й/ и др. или усечением конечного сегмента в ИВО (например, /й/, /ин/, /ин/ и др.); в результате один альтернант представлен каким-либо из перечисленных сегментов, а другой — нулем на месте этого сегмента.

В СУЛЯ отмечается различная сфера и характер действия указанных выше четырех видов МЧ. Так, консонантные чередования, которые вызваны сочетанием основы определенной структуры с флексиями определенного значения и структуры действуют последовательно, без исключений и, фактически, неограниченно. Например, перед флексией П.ед. /i/ сущ. I и II скл. твердой разн. с ИВО на заднеязычные фонемы, в словоформе П ед. находим вариант основы, завершающийся на свистящие фонемы /ц з с/ (реализованные согласными [ц'з'с']). В словоформах с флексиями /ей/, /еви/, /ем/, /ейу/, /е/ (у сущ. с ИВО на парные мягкие фонемы) в исходе вариантов основы указанных словоформ всегда фиксируется соотносительная твердая согласная фонема. Эти чередования мягких фонем с твердыми являются в СУЛЯ продуктивными и охватывают все слова данной структуры (в том числе и неологизмы). Другие чередования (в и ды в т о р о й и т р е т ь и й) также обусловлены морфологической (позиция перед флексией определенного значения) и морфонологической (характер структуры основы и флексии) позициями. Например, в словоформах с нулевой флексией находим альтернант, реализованный либо фонемой /o/, либо фонемой /e/; в словоформах же с вокалической флексией фиксируется степень чередования, реализованная либо нулем звука, либо фонемой /i/ (ср.: *козел ~ козла, казка ~ казок, хмель ~ хмелю, схід ~ сходу, нога ~ ніг, береза ~ беріз*). Чередования четвертого вида вызваны либо явлениями наращения, либо явлениями усечения субстантивных основ: И.ед. *болгарин* ~ И.мн. *болгари*; И.ед. *чудо* ~ И.мн. *чудеса*, И.ед. *стаття* ~ Р.мн. *статей* и др.

Важно подчеркнуть, что чередования второго, третьего и четвертого видов, хотя и являются характерной особенностью СУЛЯ, имеют, тем не менее, ограниченную сферу действия. На эти чередования язык накладывает

запреты различного характера (морфологические, лексические, стилистические и акцентологические), в результате чего они и фиксируются лишь в парадигмах определенных групп слов, состав которых наиболее безошибочно можно выявить только при обращении к словарным и грамматическим источникам, поскольку сам формальный облик слова не всегда однозначно указывает на возможность и содержание морфонологического преобразования данной субстантивной основы в рамках парадигмы. Ср.: И.ед. *гни́т* 'гнет' – Р.ед. *гни́ту* и *гни́т* 'фитиль' ~ *гни́ота*; *ми́тель* – *ми́теля* и *бу́тель* ~ *бу́тля*; *де́рен* 'кизил' – *де́рену* и *де́рен* 'дерн' ~ *де́рну* и мн. др. Однако следует отметить, что уже после того, как состав лексем, парадигмы которых характеризуются чередованиями гласной фонемы с нулем и вокалическими чередованиями, определен, можно выявить наличие закономерностей, обуславливающих морфонологические преобразования данных субстантивных основ.

КОНКРЕТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЕЧНЫХ СЕГМЕНТОВ ОСНОВ СО СТРУКТУРАМИ $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ И $\langle C_1 C_2 \rangle$

(а) Рассмотрим все возможные сочетания согласных в ИВО сущ. ж.р. I скл., ср.р. II скл. и в сущ. pl. t. (изменяющихся по модели сущ. ж.р. I скл. и ср.р. II скл.)⁹, у которых в словоформе Р.мн. (и В.мн. – одуш.) перед нулевой флексией фиксируется вокалическая ступень чередования (например: *ка́пля* – *капель*, *ду́пло* – *ду́пел*).

В приведенных ниже таблицах по вертикали в фонетической транскрипции дан элемент $\langle C_1 \rangle$, а по горизонтали – элемент $\langle C_2 \rangle$ в ИВО; + означает сегмент $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$; – – сегмент $\langle C_1 C_2 \rangle$.

В качестве иллюстративного материала приводятся единичные словоформы в И. ед..

Таблица 7

Элемент $\langle C_1 \rangle$ реализован губными согласными

	п	б	ф	м	т	т'	д	д'	с	с'	з	з'	ц	ц'	л	л'	н	н'	р	р'	й	ч	ш	ж	к	г	х	
п																												
б																												
(ў)в																												
ф																												
м																												

Сегмент $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$: [п#л] – ду́пло; [п#л'] – *ка́пля*¹⁰; коно́плі; [п#н'] – ступня́; [п#к] – кра́пка; [б#л] – стебло́; [б#л'] – голо́бля; [б#н] – бу́бна, Лубні́; [б#н'] – потебня́; [б#р] – зябра, ребро́; [б#к] – ба́бка; [в#л']¹¹ – будівля́; [в#н] – гривна, жо́вно; [в#н'] – гривня́; [в#ц] – дере́вце; [в#ц'] – ві́вця, дрівця́//дровця́ (pl. t.); [в#к] –

⁹ В сущ. pl. t. за ИВО принимаем вариант, вычленяемый из реально существующей словоформы И. (мн.).

¹⁰ Курсивом отмечены те сущ., которые в финальной части ИВО характеризуются двойной структурой: $\langle C_1 C_2 // C_1 \# / VC_2 \rangle$.

¹¹ В позиции перед согласными произносится звук [ў] (а не [в]), реализующий фонему /в/.

вір'ювка; [ф#л'] – вафля; [ф#к] – географка (?); [м#л'] – земля;
[м#н] – д'омна; [м#к] – д'умка.

Сегмент <C₁C₂>: [пт] – л'єпта; [бз] – к'обза; [бл] – в'обла; [бр] – з'єбра; [вп] – м'авпа; [вм] – т'равма; [вд] – к'ривда; [вр] – л'авра; тавр'о; [вц'] – уб'ивця; [фт] – к'офта; [фр] – ц'ифра; [мб] – б'омба; [мп] – л'ампа; [мф] – н'імфа; [мр] – д'омра; [мг] – с'ьомга; [мх] – черемха.

Таблиця 8

Елемент C₁ реалізован переднеязычними согласними

C ₁	с	п	б	в	ф	м	т	г	д	д'	с	с'	з	з'	ц	ц'	л	л'	н	н'	р	р'	й	ч	ш	ж	к	г	х	
т																														
т'																														
д																														
д'																														
с																														
с'																														
з																														
з'																														
з̣																														
ц																														
ц'																														
л																														
л'																														
н																														
н'																														
р																														

Сегмент <C₁#/VC₂>: [т#в] – б'р'їтва, д'р'їтва [т#л] – жит'їл'ї, м'їтл'ї;
[т'#л'] – петл'їя; [т#н] – полотн'ї; [т'#н'] – с'їтн'їя; [т#р] – мак'їтра,
хут'їро; [т#к] – аз'їатка; [д#л] – с'їдл'ї; [д#н] – судн'ї; [д'#н'] – б'їдн'їя;
[д#р] – в'їдр'ї; [д#к] – бор'їдка, наг'їдки; [д'#м] – в'їд'їма; [д'#к] –
ред'їдка; [с#м] – п'їсм'ї; [с#ц] – кол'їсц'ї; [с#л] – весл'ї, гусл'ї; [с#н] –
весн'їя, кр'їсно; [с#к] – ф'їска; [с'#м] – п'їсьм'ї; [с'#н'] – п'їсьн'їя;
[з#ц] – пузц'ї; [з#л] – к'їзл'їя; [з#н] – борозн'їя; [з#к] – к'їзка;
[з'#н'] – куз'їня; [з'#к] – куз'їйка; [ц#ц] – бол'їтц'ї; [ц'#ц'] – вор'їтц'їя;
[ц'#к] – к'їцька; [з#ц] – бл'їдц'ї; [л#н] – г'їаб'їлн'ї; [л#к] – в'їлк'їя;
[л'#ц] – бар'їльц'ї; [л'#ц'] – п'їльц'їя (р. т., Р. мн. п'їльц'ї)¹²; [л'#н'] –
вал'їльн'їя; [л'#к] – бур'їлька; [н#ц] – в'їк'їнц'ї; [н#к] – бор'їнка;
[н'#ц'] – в'їнц'їя; [н'#к] – б'їб'їнц'їя [р#м] – ярм'ї; [р#ц] – в'їд'їрц'ї;
с'їрц'ї; [р#ц'] – д'їв'їрц'ї; [р#н] – ж'їрно; [р#н'] – бонд'їрн'їя; [р#к] –
'їрка.

Сегмент <C₁C₂>: [тв] – б'їтва, б'їр'їтва; [тл] – т'їпл'ї; [тр] – в'їтра,
хут'їро; [дл] – ков'їдл'ї; [дн] – с'їх'їдна; [др] – г'їдра; [дж] – рад'їжа;
[д'б] – к'їлятьб'ї; [д'т] – нуд'їг'ї; [ст] – к'їста; [сц] – м'їсце; [сх] –

¹² При этом употребляется и форма И. мн. п'їльц'ї, Р. мн. п'їльц'їв.

пáсха; [с'л'] — тeсля; [с'к] — бaбiськo; [зв] — нáзвa; [эм] — клiзмa; [зд] — гнiздo; [зн] — кривизнá; [зр] — пiдозрa; [з'б] — грiзьбá, прoсьбa; [лб] — кoлбa; [лм] — чaлмa; [лд] — фáлдa; [лн] — *грaбiлнo*, дeржaлнo; [лг] — тáвoлгa; [л'п] — кaтáльпa; [л'б] — бyльбa; [л'в] — мáльвa; [л'м] — бiльмo; [л'т] — дeльтa; [л'д] — мyльдa; [л'з] — гiльзa; [л'ш] — кyльшa; [л'г] — пiльгa; [л'х] — вiльхa; [нв] — рiнвa; [нд] — бáндa; [нз] — бoнзa; [нч] — кaлaнчá; [нг] — фaлaнгa; [н'д'] — пeрeбeндя; [рп] — кiрпa; [рб] — вeрбá; [рв] — бáрвa; [рф] — aрфa; [рм] — кaзaрмa; [рт] — вáртa; [рд] — бáрдa; [рс] — бyрсa; [рз] — кáвeрзa; [рц] — *сeрцe*; [рл] — бeрлo; [рл'] — мáрля; [рн] — вaлтoрнa; [рш] — вeршa; [рж] — бáржa; [рг] — кaбaргá.

Таблица 9

Элемент С₁ реализован среднеязычными и заднеязычными согласными

С ₂	п	б	в	ф	м	т	г	д	д'	с	с'	з	з'	ц	ц'	л	л'	н	н'	р	р'	й	ч	ш	ж	к	г	х
ц	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	±	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
ч	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
ж	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
ш	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
к	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
г	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	±	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
х	±	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Сегмент (С₁#/VC₂): [й#ц] — яйцe; [й#н] — *вiйнá* (Р. мн. *вoен*); [й#н'] — бoйня; [й#к] — aлeйкa; [ч#в] — нoчви; [ч#н'] — яeчня; [ч#к] — блюдeчкo; [ж#б] — *службa*; [ж#н] — князнá; [ж#н'] — лижня; [ж#к] — вiжкa; [ш#л] — дiшло; [ш#л'] — мyшля; [ш#н'] — вiшня; [ш#к] — брoшкa; [к#в] — сакви, *смoквa*; [к#н] — вiкнo; [г#в] — *дрaгвá*, *лiгвo*, кoрoгвa; [г#л] — тяглo; [г#н] — бaгнo; [г#р] — грa//iгрá; [х#в] — пiхвa; [х#т] — *крiхта* (Р. мн. *крiхoт//крiхiт*); [х#л'] — кáхля; [х#н'] — брeхнá.

Сегмент (С₁С₂): [йб] — лáйбa; [йм] — клeймo; [йт] — флeйтa; [йд] — бáйдa; [йл] — стiйлo; [йн] — *вiйнá* (Р. мн. *вiйн*); [йр] — кáйрa; [йш] — гeйшa; [чм] — кyчмa; [чт] — пpичтa, yчтa; [чч] — пpичтa [пpиччa]; [жб] — *службa*; [жв] — лiжвa; [шв] — пpoшвa; [шм] — яшмa; [шт] — пoштa; [шч] — пáшa; [шч] — пáшa; [кв] — бyквa, *смoквa*; [кт] — жлyк-тo; [кс] — бyксa; [кл'] — сáкля; [кш] — рикшa; [гв] — *дрaгвá*, *лiгвo*; [гм] — дoгмa; [гл] — щoглa; [хв] — дрoхвá; [хм] — дpáхмa; [хт] — бyхтa, *кpихта*.

Трехчленные консонантные сочетания в исходе основы.

Сегмент (СС₁#/VC₂): [вб#н'] — дoвбня; [ст#р] — пoсeстрa; [с'т'#р'] — вiстря; [ст#к] — нaцисткa; [рт#к] — oбгoрткa; [рд#л] — свeрдлo; [рч#м] — кoрчмá; [рк#в] — цeрквa; [ск#л] — склo; [ск#р] — iскрa; [рх#н'] — пoвeрхнá; [нт#к] — стyдeнткa.

Сегмент (СС₁С₂): [мбр] — áмбрa; [ств] — бoжeствo; [рtv] — жeртвa; [цtv] — квiтнiцтo; [стр] — лyстрa; [скр] — iскрa; [втр] — тoв-три [тoутри]; [вдр] — кoвдрa [кoудрa]; [вшч] — тoвшa [тoушчa]; [ндж] — пaрaнджá; [йс'к] — вiськo; [ршч] — пpигoршa.

Четырехчленные консонантные сочетания в исходе основы.

Сегмент $\langle CCC_1 \# / VC_2 \rangle$: [рст#в] – *верствá*; [рст#к] – *вѣрстка*.

Сегмент $\langle CCC_1 C_2 \rangle$: [рств] – *верствá*; [мств] – *вѣдомство*; [бств] – *самоубство*; [фств] – *графство*.

Интересно отметить, что в сочетаниях $\langle C_1 C_2 \rangle$ элемент $\langle C_2 \rangle$ в подавляющем большинстве случаев реализуется твердыми согласными; из мягких согласных в качестве заместителя элемента $\langle C_2 \rangle$ можно отметить лишь согласные [ц', л', д']; *убѣвця* – Р. мн. *убѣвць, тѣсля* – *тесля, мѣрля* – *марль, сáкля* – *сакль, перебѣндя* – *перебѣндь*; при этом круг сущ. данной структуры чрезвычайно ограничен. Что же касается сочетаний $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, то здесь элемент $\langle C_2 \rangle$ также реализуется в основном твердыми согласными, а из мягких на месте элемента $\langle C_2 \rangle$ фиксируются только [ц' л' н'] (*вѣвця* – Р. мн. *овѣць, кáпля* – *кáпель, бондárня* – *бондáрень*). Однако приведенный выше иллюстративный материал показал, что наличие согласного [ц'] и особенно согласных [л'] и [н'] на месте элемента $\langle C_2 \rangle$ в конечном сегменте субстантивной основы $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ (в отличие от сегмента $\langle C_1 C_2 \rangle$) охватывает в СУЛЯ очень широкий круг слов с продуктивными словообразовательными суффиксами.

Анализ таблиц 7–9 и иллюстрирующего их материала позволяет сделать вывод, что уже сама структура финальной части ИВО может в определенной степени сигнализировать о том, является ли парадигма данного сущ. морфонологически маркированной при помощи чередования $\langle \# \sim V \rangle$. Так, если ИВО сущ. ж. р. I скл. и ср. р. II скл., а также соответствующих сущ. рл. т. завершается на двучленные консонантные сочетания [пл, пл', пн', пк, бл', бн, бн', бк, вл', вн, вн', вц, вк, фл', фк, мл', мн, мк, тл, т'л', тн, т'н', тк, дк, д'м, дн, д'н', д'к, см, сл, сн, ск, с'м, с'н', зц, зл, зн, зк, з'н', з'к, цц, ц'ц', ц'к, лк, л'ц, л'ц', л'к, нц, нк, н'ц', н'к, рц', рн', рк, зц, йц, йн', йк, чв, чн', чк, жн, жн', жк, шл, шл', шн', шк, кн, гн, гр, хл', хн'], то это означает, что, во-первых, данные согласные входят в структуру $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, что, во-вторых, в словоформе Р. мн. с нулевой флексией между ними находится элемент $\langle V \rangle$ (реализованный либо /e/, либо /o/) и что, следовательно, парадигмы этих сущ. маркированы морфонологическим чередованием $\langle \# \sim V \rangle$. Структура некоторых финальных частей ИВО (а именно: [бл, бр, вц', тв, тл, тр, дл, др, сц, зн, лн, рм, рц, рн, йн, жб, кв, гв, гл, хв, хт]) допускает как появление вокалического альтернанта перед нулевой флексией в словоформе Р. мн. путем эпентезы фонем /e/ или /o/ (т.е. $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$), так и сохранение представленного в ИВО сочетания согласных без изменения во всех словоформах парадигмы данного сущ. (т.е. $\langle C_1 C_2 \rangle$). Остальные из рассмотренных выше сочетаний согласных остаются нерасчлененными во всех словоформах субстантивных парадигм и, следовательно, указывают на то, что парадигмы этих сущ. ж. и ср. р. I и II скл. не маркированы чередованием $\langle \# \sim V \rangle$, а финальные части их основ имеют морфонологическую структуру $\langle C_1 C_2 \rangle$.

б) Характерной чертой словоизменения сущ. в СУЛЯ является не только чередование $\langle \# \sim V \rangle$, но и $\langle V \sim \# \rangle$, свойственное также довольно большому пласту украинских сущ. м.р. II скл. В этих сущ., финальная часть ИВО которых имеет структуру $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$, вокалическая ступень чередования (а именно – элемент $\langle V \rangle$), реализованный либо фонемой /e/, либо фонемой /o/) фиксируется в словоформе И. ед. (и В. ед. – неодуш.) перед нулевой флек-

сией; нулевая ступень чередования (<#>) отмечена во всех остальных словоформах парадигмы, имеющих вокалические флексии (например, И. ед. *борецъ* ~ Р. ед. *борця* ...). В сущ. же, парадигмы которых не маркированы данным чередованием, финальная часть субстантивной основы имеет структуру <C₁VC₂> (например, И. ед. *мудрець*, Р. ед. *мудреця* ...).

Все чередования, зафиксированные в субстантивных основах на <C₁V/#C₂>, рассматриваются ниже, в разделе ПА (см. с. 75–78).

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ

Как уже указывалось выше, характер и степень охвата субстантивных словоизменительных парадигм чередованиями различных видов неодинакова. Так, например, консонантные чередования, как правило, повсеместны и безысключительны. Остальные же виды чередований не имеют всеобщего характера, поскольку на них накладывает жесткие ограничения прежде всего лексический фактор. В связи с тем, что все свойственные СУЛЯ виды чередований в ряде случаев могут взаимно перекрещиваться, то, характеризуя парадигму какого-либо отдельного слова, считаем более целесообразным описывать их отдельно друг от друга (сначала, например, консонантные чередования, затем вокалические и т.д.). При этом, приводя иллюстративный материал, особенно при описании чередований первого вида, представляется нелишним снабжать специальными значками^{1 3} те сущ., парадигмы которых характеризуются одновременно разными видами чередований. Так, например, чередование типа <Т' ~ Т>, противопоставляющее словоформу Т. ед. с флексией /em/ (альтернант <Т>) всем остальным словоформам (альтернант <Т'>) в парадигмах сущ. м. р. II скл. мягкой разн., может быть проиллюстрировано следующими сущ.: *жавель*, **журавель*, *бстень*, **вёлеть*, **кiнь*, **стрилеть*, **гонеть* и др.

При установлении АР и ТЧ, характерных для каждого отдельного АР, следует учитывать, что в зависимости от реально представленных в языке сущ. каждый ТЧ может быть реализован не всегда полным для данного языка набором конкретных чередований. Например, в сущ. ж. р. I скл. ТЧ <К ~ С> (альтернант <С> находим в словоформах Д. ед. и П. ед. перед флексией /i/) представлен четырьмя звеньями чередований: <к ~ ц>, <г' ~ з>, <г ~ з>, <х ~ с>, в то время как тот же тип чередования <К ~ С> (альтернант <С>) – в словоформе П. ед. перед флексией /i/) конкретно реализован только тремя чередованиями (<к ~ ц>, <г ~ з>, <х ~ с>) в сущ. м. р. II скл. (если не считать диал. *гльог* 'овечий желудок').

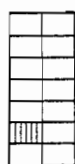
Кроме того, в связи с тем, что в СУЛЯ имеет место большая вариативность флексий, оформляющих словоформы одного и того же числа и падежа (см. выше), схема каждого АР не всегда может быть реально подтверждена полной либо одинаковой с другими парадигмой того или иного сущ. Например, АР <ед. (И., Р., Д., В., Т.), мн.> ~ <П. ед.> ~ <З. ед.>, состоящий из ТЧ <К ~ С ~ С> и характеризующий сущ. м. р. II скл. твердой разн., реализуется конкретно в двух полных и одном неполном чередованиях, а

^{1 3} 1) знак * – для обозначения чередований гласной фонемы с нулем (*каз*ка*, **кусьень*); 2) знак + – для обозначения вокалических чередований (**силь*, **береза*, **корова*, **корiнь*).

именно: (к ~ ц ~ ч) в *козак* ... ~ *козаци* ~ *коза́че*, (х ~ с ~ ш) в *пастух* ... ~ *пасту́си* ~ *пасту́ше* и (г ~ з) в *плуг* ... ~ *плу́зи* ~ (*плу́же?*). В случае же различного выбора флексий, суш., относящиеся к одному склонению и имеющие одинаковую структуру ИВО (например, *суддя́*, *стаття́*, *рілля́*) могут представлять различные АР только потому, что одна из словоформ образуется с разными флексиями (в данном случае словоформа Р. мн. может быть образована с тремя флексиями: /ів/, /ей/, /ѳ/, а именно — *суддів*, *статей*, *ріль*).

**I. Константные чередования (на месте элемента $\langle C_2 \rangle$),
 чередование с наращением (т.е. $\langle C_2 O \sim C_2 C_3 \rangle$),
 чередования с усечением (т.е. $\langle C_2 C_3 \sim C_2 C_3 \rangle$)**

АР, образованные данными чередованиями, могут быть представлены суммарно при помощи схем, показывающих распределение ступеней чередования по словоформам субстантивной парадигмы (см. выше контур схемы, с. 31), следующим образом:

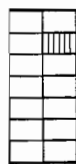
1 AP 1

1 AP 2

1 AP 3

1 AP 4

1 AP 5

1 AP 6

1 AP 7

1 AP 8

1 AP 9

1 AP 10

1 AP 11

1 AP 12

1 AP 13

1 AP 14

1 AP 15

1 AP 16

1 AP 17

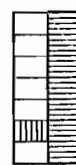
1 AP 18

1 AP 19

1 AP 20

1 AP 21

1 AP 22

1 AP 23

1 AP 24

1 AP 25

1) AP A₁ ~ A₂ = <ед. (кроме П.), мн.> ~ <П. ед.>

Характеризует парадигмы неодуш. сущ. м.р. II скл. твердой разн. и сущ. ср.р. II скл. твердой разн., ИВО которых оканчивается на заднеязычные фонемы. Он реализуется в ТЧ <К ~ С> (A₂ <С> фиксируется в словоформе П.ед. перед флексией /i/) и в следующих звеньях чередований: <к ~ ц, г' ~ з, г ~ з, х ~ с>: И.ед. — *обрóк, літфак, молоко́; утю́г, блага́; горіх, горóх, гльог* ~ П.ед. — *обрóці, утю́зі, горóсі, гльо́зі*.

2) AP A₁ ~ A₂ = <ед. (И., Р., В., Т., З.), мн.> ~ <ед. (Д., П.)>

Характеризует парадигмы сущ. ж.р. I скл. твердой разн. Он представлен ТЧ <К ~ С> (A₂ <С> находим в словоформах Д.ед. и П.ед. перед флексией /i/) и реализуется в четырех конкретных чередованиях: <к ~ ц, г' ~ з, г ~ з, х ~ с>. Ср.: И.ед. — **гілка, м'язга́, гирлі́га* [г^ерлі́га], *му́ха...* ~ Д.ед., П.ед. — *гілці́, гирлі́зі, му́сі, м'яззі́*.

3) AP A₁ ~ A₂ = <ед. (кроме Т.), мн.> ~ <Т.ед.>

а) Реализуется ТЧ <Т' ~ Т> и характеризует парадигмы лишь тех сущ. м.р. II скл. мягкой разн., которые образуют словоформу Д.ед. с флексией /y/, словоформу П.ед. с флексиями /y/ или /i/, словоформу З.ед. с флексией /y/, словоформу Р.мн. с флексией /iv/. ИВО этих сущ. оканчивается на мягкие согласные фонемы /т' д' з' с' з' ц' л' н' р'¹⁴>. A₁, реализованный мягкими фонемами, характеризует все словоформы (кроме Т.ед.). A₂, представленный соотносительными твердыми фонемами, фиксируется в словоформе Т.ед. перед флексией /em/. Объем данного ТЧ составляют звенья <т' ~ т, д' ~ д, з' ~ з, с' ~ с, з' ~ з, ц' ~ ц, л' ~ л, н' ~ н, р' ~ р>. Например: И.ед. — **клато́ть, жолу́дь, коло́дязь, ферзь, кара́сь, гедзь, *стіле́ць, *крі́ль, лінь* 'канат', *календа́р*; Д.ед. *клато́тю, жолудю́* ... ~ Т.ед. *клате́м, жолуде́м*.

б) Данный AP и ТЧ <Т' ~ Т> характеризует также и те парадигмы сущ. ж.р. I скл. мягкой разн., которые образуют словоформу З.ед. с флексиями /y/ или /a/ (либо совсем не образуют эту словоформу), а словоформу Р.мн. (и В.мн. — одуш.) — с флексиями /iv/ или /Ø/. ИВО указанных сущ. оканчиваются на парные мягкие фонемы. A₁, отмеченный во всех словоформах парадигмы (кроме Т.ед.), реализуется мягкими фонемами /д' т' с' з' ц' л' н' р'/. A₂ в словоформе Т.ед. перед флексией /ейу/ представлен соотносительными твердыми фонемами. Отмечены звенья: <д' ~ д, т' ~ т, с' ~ с, з' ~ з, ц' ~ ц, л' ~ л, н' ~ н, р' ~ р>: И.ед. — *дядя, суддя, Христа́, бабу́ся, Ядзя́, кці́я, Ілля́, леге́ня, ніздря́, гиря́*; Р.мн.: *дядь, судді́в, Христа́*; З.ед. — *дядя, суддя́, Христа́* ~ Т.ед. *дядею́, судде́ю, Христа́ю*.

в) Этот AP представлен также и ТЧ <C₂Ø ~ C₂C₃>. Он характеризует парадигмы сущ. ж.р. III скл., ИВО которых оканчивается на одну шипящую согласную, следующую за гласной фонемой (морфологическая структура <VCSØ>), ср. сущ. *подо́рож* (ИВО — <подо́рожØ>). A₁, реализованный сочетанием шипящая фонема + Ø, фиксируется во всех словоформах парадигмы, за исключением Т.ед. A₂ в словоформе Т.ед. перед флексией /y/, реализован двумя одинаковыми шипящими фонемами (VCC), ср. косвенный вариант основы — <подо́рожж>. Отмечено три звена чередования <жØ ~ жж, чØ ~ чч, шØ ~ шш>: И.ед. — **ніч, *піч, вéлич; *рбз-*

¹⁴ См. выше сноску 6.

*кіш, рѣтуш, гуа́ш; †обніж, по́дорож; И.мн., В.мн. — но́чі, ро́зкоші, обножі ~ Т.ед. ні́ччю, ро́зкішию, обні́жжю. Однако в тех суш. ж.р. III скл., ИВО которых оканчивается на шипящую фонему, которая следует после другой согласной фонемы (структура финальной части ИВО <VCC>), то удвоения шипящей фонемы в словоформе Т.ед. перед флексией /у/ не происходит, ср.: И.ед. — *жовч, харч* (также и м.р.), *не́хворощ* [не́хворощ], *фальш* (также и м.р.) и Т.ед. — *жо́вчю, ха́рчю, не́хворощю, фальшо́ю.**

г) Данный АР и ТЧ <C₂∅ ~ C₂C₃> может быть реализован и в чередовании <Р∅ ~ Рй>, где Р означает класс губных согласных фонем. Он характеризует парадигмы суш. ж.р. III скл. А₁, реализованные фонемами /б в ф м/, находим во всех словоформах парадигмы, кроме Т.ед. А₂ представлен сочетаниями /бй вй фй мй/ в словоформе Т.ед. перед флексией /у/. Объем данного ТЧ составляют звенья <бФ ~ бй, вФ ~ вй, фФ ~ фй, мФ ~ мй>¹⁵: И.ед. — *скорб, любов, Снов, верф, судноверф, Юдіф, Перм ~ Т.ед. — скорб'ю, любов'ю, верф'ю, Перм'ю.*

4) АР А₁ ~ А₂ = <ед., мн. (кроме Р.) ~ (Р.мн.)>

а) Представлен ТЧ <C₂C₃ ~ C₂∅>, показывающим, что вторая ступень чередования обусловлена усечением конечного сегмента основы. Он характеризует парадигмы суш. ср.р. II скл. мягкой разн., ИВО которых оканчивается на две одинаковые согласные фонемы (либо мягкие переднеязычные /t't'/, либо шипящие /čč/), а словоформа Р.мн. образуется с нулевой флексией. А₁, принадлежащий неусеченному варианту основы, фиксируется во всех словоформах парадигмы, за исключением Р.мн. А₂, характеризующий усеченный вариант основы, отмечается в словоформе Р.мн. перед нулевой флексией. Указанный ТЧ состоит из звеньев: <д'д' ~ д'∅, т'т' ~ т'∅, з'з' ~ з'∅, с'с' ~ с'∅, л'л' ~ л'∅, н'н' ~ н'∅, жж ~ ж∅, чч ~ ч∅, шш ~ ш∅>. Например: И.ед. — *відрі́ддя, приві́ддя; бага́ття, поняття; передгро́ззя, поні́ззя; перелі́сся; весі́лля, зусі́лля; бажан́ня, званн́я; дворі́ччя, облі́ччя, побере́жжя; підда́шшя... ~ Р.мн. — відрі́дь, бага́ть, передгро́зь, перелі́сь, весі́ль (и весі́лів), дворі́ч, побере́ж, підда́ш. Следует отметить, что значительное количество суш. ср.р. II скл. мягкой разн., ИВО которых оканчивается на два одинаковых согласных (особенно [t't']), а словоформа И.ед. имеет флексию /а/, образуют словоформу Р.мн. не с нулевой флексией, а с флексией /ів/. Большинство данных суш. имеет окончание ударение, и можно предположить, что выбор флексии /∅/ или /ів/ зависит от акцентного типа слова. Однако это правило не является строгим: словоформу Р.мн. с флексией /ів/ могут образовывать и суш. с неосновным ударением, тогда как флексия /∅/ возможна в суш. с окончательным ударением (*званн́я, знанн́я*). В словоформе Р.мн. с флексией /ів/ усечения основы не происходит. Например: *плаття́ (платті́в), кісея́ (кісі́в), подру́жжя (подру́жжі́в)* и др. Таким образом, в СУЛЯ выбор суш. словоизменительной модели с флексиями /ів/ или /∅/ в Р. мн. ни морфологически, ни семантически не мотивирован, а является фактом словаря.*

Суш. того же самого словоизменительного класса, но с ИВО на сочета-

¹⁵ Чередование <пФ ~ пй> лексически не представлено: ср. суш. *степ, коп, топ, сип*, которые относятся к суш. м.р. II скл. твердой разн.

ние двух различных согласных ([с'т'], [з'л'], [рд'] и др.), образуют словоформу Р.мн. преимущественно с нулевой флексией, но без усечения основы, ср.: *зап'ястя (зап'ясть), нашестя (нашесть); осердя (осердь); міжвузля (міжвузлів)* и др. Суш. с ИВО на сочетания [рй] и [вй] образуют словоформу Р.мн. только с флексией /ів/, перед которой также не происходит усечения основы: *помор'я (помор'ів); верхів'я (верхів'ів)* и др.

б) Данный АР с ТЧ (С₂С₃ ~ С₂∅), но с иной конкретной реализацией, характеризует и парадигмы нескольких суш. ж.р. I скл. мягкой разн. (*мантілля [мантіл'йа]*). Элемент (С₃) реализован фонемой /й/, а А₁ выражен сочетанием 'согласная фонема + /й/'. А₂ с усеченной фонемой /й/, находим только в словоформе Р.мн. перед флексией /ей/. Зафиксированы чередования: (мй ~ м∅, лй ~ л∅, нй ~ н∅) : И.ед. — *сім'я 'семья', ескадрілля, авіаескадрілля, мантілля, сегеділля, Болонья*; В.ед. — *сім'ю, ескадріллю, Болонью...* ~ Р.мн. *сім'ей (и сім'ів), ескадрілей, мантілей, сегедилей, Болоней*.

5) АР А₁ ~ А₂ = (ед. (кроме З.), мн. (кроме Р.)) ~ (З.ед., Р.мн.)

Представлен ТЧ (Т' ~ Т); характеризует парадигмы суш. ж.р. III скл., ИВО которых оканчивается на сочетание двух (или более) согласных, например: *жерсть, повесть, пошесть, приязнь, поросль*. А₁ реализуется мягкой фонемой и фиксируется во всех словоформах, кроме З.ед и Р.мн. А₂, представленный соотносительной твердой фонемой, находим в словоформе З.ед. перед флексией /е/ и в словоформе Р.мн. перед флексией /ей/. Объем этого ТЧ составляют звенья (т' ~ т, н' ~ н, л' ~ л) : И.ед. — *юність, скатерть, фініфть, боязнь, мисль*; Т.ед. — *юністю, скатертю...* ~ З.ед. — *юносте, мисле*; Р.мн. — *фініфтей, скатертей, мислей, боязней*.

б) АР А₁ ~ А₂ = (ед. (И Р В З), мн.) ~ (ед. (Д Т П))

Представлен ТЧ (Т' ~ Т) и характеризует парадигмы тех суш. м.р. II скл. мягкой разн., которые обозначают, преимущественно, лиц мужского пола и образуют словоформы Д.ед. и П.ед. с флексией /еві/, словоформу З.ед. — с флексией /у/, а словоформу Р.мн. — с флексией /ів/. А₁, который фиксируется во всех словоформах мн.ч. и в четырех словоформах ед.ч., реализован мягкой согласной фонемой. А₂, представленный соотносительной твердой фонемой, находим в трех словоформах ед.ч. (Д. и П. — перед флексией /еві/ и Т. — перед флексией /ем/). Отмечено 7 звеньев: (т' ~ т, д' ~ д, с' ~ с, л' ~ л, н' ~ н, р' ~ р, ц' ~ ц), ср.: И.ед. — *тесть, зять, гість, лєбідь, вождь, коваль, *учень, цар, вівчар, дідусь, *митець, *молодець*; З.ед. — *тєстю, лєбедю, ковалю, молодцю (реже молодоче)* ~ Д.ед., П.ед. — *тєстєві, лєбєдєві, учнєві*, Т.ед. — *тєстєм, лєбєдєм, учнєм*.

7) АР А₁ ~ А₂ = (ед. (И Р В З), мн. (кроме Р В)) ~ (ед. (Д Т П), мн. (Р В))

Представлен ТЧ (Т' ~ Т) и характеризует парадигмы лишь тех суш. м.р. II скл. мягкой разн., в которых словоформы Д.ед. и П.ед. образуются с флексией /еві/, словоформа В.ед. — с флексией /у/, а словоформы Р.мн. и В.мн. — с флексией /ей/. Отмечены чередования (т' ~ т, н' ~ н) : И.ед. — *гість, кінь*; З.ед. — *гостю, коню* ~ Д.ед., П.ед. — *гостєві, конєві*; Т.ед. — *гостєм, конєм*; Р.мн., В.мн. — *гостєй (и гостів), конєй*.

8) АР А₁ ~ А₂ = (ед. (кроме Т.), мн. (И Д Т П)) ~ (ед. (Т), мн. (Р В))

Представлен ТЧ (Т' ~ Т) и характеризует парадигмы тех одуш. суш. м.р. II скл. мягкой разн., в которых словоформы Д.ед. и З.ед. образуются

с флексией /y/, словоформа П.ед. — с флексиями /i/ или /y/, словоформы Р.мн. и В.мн. — с флексией /ей/. Этот АР также может быть проиллюстрирован теми же примерами: ⁺гість, ⁺кінь (чередования: <т' ~ т, н' ~ н>)¹⁶.

9) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (И Р Д В П), мн. (кроме Р В — одуш.)> ~ <ед. (Т З), мн. (Р В — одуш.)>

Представлен ТЧ <Т' ~ Т> и характеризует парадигмы лишь тех суш. ж.р. I скл. мягкой разн., которые образуют словоформу З.ед. с флексией /e/, а словоформы Р. мн. и В. мн. — одуш. — с флексией /ей/. А₁, реализованный мягкими переднеязычными фонемами, фиксируется в 11 словоформах парадигмы (ед. — И Р Д В П; мн. — И Д В-неодуш. Т П З). А₂, представленный соотносительными твердыми фонемами, находим в словоформах Т.ед., З.ед. (перед флексией /e/), Р. мн. и В. мн. -одуш. (перед флексией /ей/). Конкретно данный АР и ТЧ <Т' ~ Т> реализован в звеньях <д' ~ д, т' ~ т, л' ~ л, н' ~ н, р' ~ р>: И.ед. — *Вівдя, гóстя, зозу́ля, свиня́, не́ня, Ка́тры...* ~ Т.ед. — *Вівдею, гóстю, зозу́лю...* ~ З.ед. — *Вівде, гóсте...* Р. мн. — *Вівдей, госте́й...*

10) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (И Р Д В П), мн.> ~ <ед. (Т З)>

Представлен ТЧ <Т' ~ Т> и характеризует парадигмы лишь тех суш. ж.р. I скл. мягкой разн., которые образуют словоформу З.ед. с флексией /e/, а словоформы Р.мн. и В.мн. -одуш. с флексиями /iv/ или /ʃ/. А₁ фиксируется во всех словоформах полной парадигмы (кроме Т.ед. и З.ед.) А₂, выраженный соотносительными твердыми фонемами, отмечен в словоформах Т.ед. перед флексией /ейу/ и З.ед. перед флексией /e/. Этот АР реализуется в звеньях: <л' ~ л, д' ~ д, т' ~ т, р' ~ р, н' ~ н, ц' ~ ц, с' ~ с>, ср.: И.ед. — *зем*ля́, попада́я, На́стя, бу́ря, піс*ня́, учeníця, Мару́ся*; Р. мн. — *земель, попада́е, Настя́, бур (и бу́рив), пісень* ~ Т.ед. — *зем*лею́, попада́ю, Настею́*, З.ед. — *зем*ле, папа́де, Насте, Мару́се* (чаше — *Мару́сю*).

11) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (И В Т З)> ~ <ед. (Р Д П), мн.>.

а) Состоит из ТЧ <Т ~ Т'> и характеризует суш. ср.р. II скл. мягкой разн., ИВО которых оканчивается на /л р ц/. Словоформа Д.ед. образуется с флексией /y/¹⁷. Зафиксированы следующие чередования: <л ~ л', р ~ р', ц ~ ц'>, ср.: И.ед. — ⁺*по́ле, мо́ре, лице́, місце́, яй*це́...* ~ Д.ед. — *по́лю, мо́рю, лицю́*, И.мн. — *поля́, моря́...*; Р.мн. — *полів//нів, морів, лиць, місце́, яце́*.

б) Этот АР представлен также и ТЧ <С₂ʃ ~ С₂С₃>, показывающим, что А₂ обусловлен наращением основы. Он характеризует парадигмы суш. ср.р. IV скл., обозначающих маленьких существ и маленькие предметы (и части тела). Элемент <С₃> реализован сегментом <ат> ([ат/ат']). А₁, интерпретируемый как морфологический нуль, свойствен словоформам И.ед., В.ед., Т.ед. и З.ед. Во всех остальных словоформах парадигмы фиксируется А₂. Данный ТЧ выражен одним чередованием: <ʃ ~ ат>: И.ед. — *те́ля, дошкі́лля, лебе́дя, ко́тя, ко́зя, поро́ся, дівча́, ко́лиця́, ведме́жа, ло́шя́*,

¹⁶ Следует отметить, что из-за большой вариативности флексий, парадигмы одного и того же суш. могут относиться к различным АР; может также меняться и лексический диапазон того или иного АР, а отсюда — и сам состав конкретных чередований. Иллюстрацией сказанного могут служить АР 6, 7, 8.

¹⁷ Очень редко словоформа Д.ед. может быть образована с флексией /eви/ (например, *се́рю* и *се́рцеві*). В этом случае парадигмы данных суш. будут иметь иную схему распределения альтернантов по словоформам парадигмы, а именно: А₁ ~ А₂ = <ед. (И Д В Т З)> ~ <ед. (Р П), мн.>.

хлоп'я, щур'я; Т.ед. — телям, дошкільням, лебедям ~ Р.ед. — теляти, дошкільняти, лебедяти, Д.ед. П.ед. — теляті, лебедяті; Р.мн. — телят.

12) АР А₁ ~ А₂ = <(ед.), мн. (И Р В)> ~ <мн. (Д Т П)>

Представлен ТЧ {Т ~ Т'} и характеризует одну из парадигм суш. м.р. II скл. ⁺чобіт и парадигмы некоторых суш. рl. t. I и II скл. твердой разн. Его объем составляют звенья {т ~ т', д ~ д', с ~ с', р ~ р', н ~ н'}. Например: И.ед. — ⁺чобіт; И.мн. — чоботи, діти, ⁺ворота, люди, гуси, сани, сіни, кури ~ Д.мн. — чоботям (и чоботам), воротям, людям, курям...; Т.мн. — чоботями (и чобітьмі // чоботами), людьмі, курьмі, ворітьмі (и воротами); П.мн. — чоботях (и чоботах), воротях (и воротах), людях.

13) АР А₁ ~ А₂ = <ед., мн. (кроме Т.)> ~ <Т.мн.>

Он представлен ТЧ {Т ~ Т'} и отмечен в парадигмах суш. ж.р. I скл. ⁺сльоза́, суш. м.р. II скл. брат и двух суш. ср. р. II скл. крило́ и коліно́. А₁, реализованный твердой согласной фонемой, находим во всех словоформах парадигмы (кроме Т.мн.). А₂, представленный соотносительными мягкими фонемами, фиксируется в словоформе Т.мн. перед флексией /ми/. Отмечены звенья {з ~ з', т ~ т', л ~ л', н ~ н'}: И.ед. — ⁺сльоза́, брат, крило́, коліно́ ~ Т.мн. — слізьмі́ (и сльоза́ми), братьмі́ (и брата́ми), крильмі́ (и крила́ми), коліньмі́ (и коліна́ми).

14) АР А₁ ~ А₂ = <ед.> ~ <мн.>

а) Он представлен ТЧ {С₂С₃ ~ С₂∅}, показывающим, что А₂ обусловлен усечением конечного сегмента основы. Элемент {С₃} в ИВО реализован сегментами {ин} и {ін} (одно суш.), а элемент {С₂} — любой согласной фонемой. Этот АР характеризует суш. м.р. II скл. твердой разн., обозначающих лиц по их национальной, социальной или географической принадлежности: болгарин, боярин, вірменін, каторжанин, тайжанин и др.; хазяїн. А₁ (неусеченная ступень) характеризует все словоформы ед.ч.; А₂ (усеченная ступень) свойствен всем словоформам мн.ч. Отмечено два конкретных чередования: {ин ~ ∅} и {ін ~ ∅}. Например: И.ед. — болгарин, дворянін; хазяїн ~ И.мн. — болгари, дворяни...; хазяї (и хазяїні); Р.мн. — болгар, дворян...; хазяїе (и хазяїїне). Два суш. грузин и осетин во всех словоформах парадигмы имеют один неусеченный вариант основы: {грузин} и {осетин} и, следовательно, их парадигмы являются морфонологически немаркированными.

б) Этот АР представлен также и ТЧ {С₂∅ ~ С₂С₃}, показывающим, что А₂ обусловлен наращением основы. Элемент С₃ реализован сегментом {ес}, а элемент {С₂} может быть выражен любой согласной фонемой (в данном случае — фонемами /б в д л/. А₁ (без наращенія) характеризует все словоформы ед.ч.; А₂ (выраженный сегментом {ес}) свойствен всем словоформам мн.ч. Такую морфонологическую характеристику имеют четыре суш. ср.р. II скл. твердой разн.: небо, чудо, слово, тіло. Их парадигмы характеризуются чередованием {∅ ~ ес}: И.ед. — небо, чудо, слово, тіло ~ И.мн. — небеса́, чудеса́, словеса́ (арх.), тілеса́ (арх.)¹⁸.

15) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (И В З)> ~ <ед. (Р Д Т П), мн.>

Представлен ТЧ {С ~ VC₁}, который реализуется в звене {й ~ ен} и характери-

¹⁸ В современном языке стилистически неокрашенными формами мн.ч. от суш. ⁺слово и тіло являются: И.мн. — слова́, тіла́; Р.мн. слів, тіл и т.д. Такую же парадигму (без наращенія) может иметь и чудо: И.мн. — чудо́, Р.мн. — чуд и т.п.

зует парадигмы сущ. ср.р. IV скл. *ім'я* и *плѣм'я*. Внутренний (глубинный) механизм этого чередования является сложным, так как здесь имеет место как усечение, так и наращение субстантивной основы (см. выше, с. 57). Поверхностная же структура словоформ позволяет говорить о чередовании $\langle \text{й} \sim \text{ен} \rangle$. A_1 , реализованный фонемой /й/, характеризует три словоформы ед. ч.: И, В, З. A_2 , предствленный сегментом /ен/, выступает в оставшихся словоформах ед.ч. и во всех словоформах мн.ч. Ср.: И.ед., В.ед., З.ед. — *ім'я, плѣм'я* ~ Р.ед., Д.ед., П.ед. — *імені, плѣмені*; Т.ед. — *іменем, плѣменем*; И.мн., В.мн., З. мн. — *іменá, племéна́*; Р.мн. — *імен, плѣмѣн*; Д.мн. — *іменáм, племéна́м*; Т.мн. — *іменáми, племéна́ми*; П.мн. — *іменáх, племéна́х*.

16) $AP A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (И В З), Р.мн.} \rangle \sim \langle \text{ед. (Р Д Т П), мн. (кроме Р.)} \rangle$
Представлен ТЧ $\langle C \sim VC_1 \rangle$, который реализуется в чередовании $\langle \text{й} \sim \text{ен} \rangle$ и характеризует парадигму двух других сущ. ср.р. IV скл. — *тім'я* и *сім'я*. A_1 свойствен четырем словоформам (И.ед., В.ед., З.ед., Р.мн.) и представлен фонемой /й/. A_2 , выраженный сегментом /ен/, находим в остальных словоформах парадигмы: И.ед., В.ед., З.ед. — *тім'я, сім'я*; Р.мн. — *тім'їв, сім'їв* ~ Р.ед., Д.ед., П.ед. — *тімені, сімені*; Т.ед. — *тіменем, сіменем*; И.мн., В.мн., З.мн. — *тіменá, сіменá*; Д.мн. — *тіменáм, сіменáм*; Т.мн. — *тіменáми, сіменáми*; П.мн. — *тіменáх, сіменáх*.

17) $AP A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (И В З), мн.} \rangle \sim \langle \text{ед. (Р Д Т П)} \rangle$
Представлен ТЧ $\langle C \sim VC_1 \rangle$, реализующемся в чередовании $\langle \text{й} \sim \text{ен} \rangle$ и характеризующем парадигмы двух оставшихся сущ. ср.р. IV скл. *вім'я* и *пóлум'я*. A_1 , предствленный фонемой /й/, характеризует три словоформы ед.ч. (И, В, З) и все словоформы мн.ч. A_2 , выраженный последовательностью /ен/, фиксируется в остальных четырех словоформах ед.ч.: И.ед., В.ед., З.ед., И.мн., В.мн., З.мн. — *вім'я, пóлум'я*; Р.мн. — *вім'їв, пóлум'їв*; Д.мн. — *вім'ям, пóлум'ям*; Т.мн. — *вім'ями, пóлум'ями*; П.мн. — *вім'ях, пóлум'ях* ~ Р.ед., Д.ед., П.ед. — *вімені, пóлумені*; Т.ед. — *віменем, пóлуменем*¹⁹.

18) $AP A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме П.)} \rangle \sim \langle \text{ед. (П.)}, \text{мн.} \rangle$

Представлен ТЧ $\langle K \sim C' \rangle$, характеризует архаическую парадигму одного лишь сущ. м.р. II скл. *стяг* и реализуется в чередовании $\langle \text{г} \sim \text{з} \rangle$: И.ед., В.ед., З.ед. — *стяг*, Р.ед. — *стяга*:... ~ П.ед., И.мн., В.мн., З.мн. — *стязі*, Р.мн. — *стязів*, Д.мн. — *стязям*, Т.мн. — *стязями*, П.мн. — *стязях*. Однако более употребительной для сущ. *стяг* в СУЛЯ является словоизменительная модель, по которой склоняются и сущ. м.р. II скл. твердой разн. типа ⁺*берег, утѡг* и др., и парадигмы которых характеризуются $AP N^{\circ} 1$ (см. выше).

19) $AP A_1 \sim A_2 \sim A_3 = \langle \text{ед. (И Р Д В Т), мн.} \rangle \sim \langle \text{П.ед.} \rangle \sim \langle \text{З.ед.} \rangle$

Характеризует одуш. (или персонифицированные) сущ. м.р. II скл. твердой разн., ИВО которых оканчивается на /к г х/ и представлен ТЧ $\langle K \sim C \sim \check{C} \rangle$. A_2 (C) находим в словоформе П.ед. перед флексией /і/, а A_3 (\check{C}) — в словоформе З.ед. перед флексией /е/. Объем данного AP составляют звенья $\langle \text{к} \sim \text{ц} \sim \text{ч}, \text{г} \sim \text{з} \sim \text{ж}, \text{х} \sim \text{с} \sim \text{ш} \rangle$, ср.: И.ед. — *внук, козák, рак; вѡрог; нѣдруг*;

¹⁹ Следует отметить, что все шесть сущ. ср.р. IV скл., парадигмы которых характеризуются AP 15–17, могут образовывать и параллельные, морфологически немаркированные, парадигмы по словоизменительной модели, совпадающей с моделью сущ. ср.р. II скл. мягкой разн. типа *багáття*.

мона́х, пасти́х ~ П.ед. — вну́ци, во́рози, мона́си ~ З.ед. — вну́че, во́роже, мона́ше.

20) AP A₁ ~ A₂ ~ A₃ = <ед. (И Р В), мн.> ~ <ед. (Д Т П)> ~ <(З.ед.)>

а) Отмечен в парадигмах сущ. м.р. II скл. мягкой разн., обозначающих лиц, ИВО которых оканчивается на /ц'/, и представлен ТЧ (С' ~ С ~ С̇), реализующемся в единственном звене (ц' ~ ц ~ ч). A₂ (щ) характеризует словоформы Д.ед. и П.ед. с флексией /ев/ и словоформу Т.ед. с флексией /ем/; A₃ (ч) представлен в словоформе З.ед. перед флексией /е/; И.ед. — *молодець, *старець 'дух. особа', *хлопець ~ Д., П.ед. — молодцєві; Т.ед. — молодцим, старцим, хлопцем ~ З.ед. — молодче, старче (но: старцю (*старець 'старик, старый нищий'), хлопче²⁰).

б) Этот же AP может быть представлен и ТЧ (с' ~ с ~ с̇) (чередование (з' ~ з ~ ж)). Он характеризует парадигму лишь одного сущ. м.р. II скл., князь: И.ед. — князь ~ Д.ед. — князєві, Т.ед. князем ~ З.ед. княже.

21) AP A₁ ~ A₂ ~ A₃ = <ед. (кроме П.)> ~ <П.ед.> ~ <мн.>

Представлен ТЧ (К ~ С ~ С̇) (чередования (к ~ ц ~ ч), (х ~ с ~ ш)) и характеризует парадигмы двух сущ. ср. р. II скл. *око* и *вуха*: И.ед. — *око*, *вуха*; Р.ед. — *ока*, *вуха* ~ П.е. — *оци*, *вуси* ~ И.мн., В.мн., З.мн. — *очи* (и *вичи*), *уши* (и *вуха*); Р.мн. — *очей* (и *вич*), *ушей* (и *вух*); Т.мн. — *оцима*, *ушима* (и *вухами*).

22) AP A₁ ~ A₂ ~ A₃ = <ед. (кроме П. З.)> ~ <ед. (П.)>, мн.> ~ <З.ед.>

Отмечен лишь в парадигме сущ. м.р. I скл. *друг* и реализуется в ТЧ (К ~ С' ~ С̇) (чередование (г ~ з' ~ ж)): И.ед. — *друг*, Р.ед. — *друга...* ~ П.ед., И.мн., З.мн. — *друзі*, Р.мн., В.мн. — *друзів*, Д.мн. — *друзям*, Т.мн. — *друзьями*, П.мн. — *друзях* ~ З.ед. — *друже* (ср. морфонологическую характеристику сущ. *недруг* — AP 19).

23) AP A₁ ~ A₂ ~ A₃ = <ед. (кроме Т З), мн. (кроме Р, В — одуш.)> ~ <Т.ед.> ~ <З.ед., мн. (Р, В — одуш.)>

а) Характеризует парадигмы сущ. ж.р. III скл., ИВО которых оканчивается на [р] (морфонологический (р')) и реализован в ТЧ (Т'∅ ~ Т'й ~ Т∅) (чередование (р'∅ ~ р'й ~ р∅)). Представление рассматриваемого ТЧ в такой транскрипции должно показать, что варианты основы каждого сущ. различаются между собой тремя признаками: твердостью—мягкостью (т.е. /Т'/ и /Т/), наращением (A₂ (Т'й)) и усечением конечного сегмента основы (A₃ (Т∅)). A₁ ((Т'∅), (р'∅)) характеризует все словоформы парадигмы, кроме Т.ед., З.ед., Р.мн. и В.мн. — одуш. (фонетически исход вариантов основы, реализующих A₁, представлен согласными: [р] — в И.ед. и В.ед. перед нулевой флексией; [р'] — в Р.ед., Д.ед., П.ед., И.мн., В.мн. — неодуш., З.мн. перед флексией /i/; [р'] — в Д.мн., Т.мн., П.мн. перед флексиями /ам/, /ами/, /ах/). A₂ ((Т'й), (р'й)) характеризует словоформу Т.ед. перед флексией /у/. A₃ (Т∅), (р∅)) находим в словоформе З.ед. перед флексией /е/ и в словоформах Р.мн. и В.мн. — одуш. перед флексией /ей/, ср.: И.ед. — *глазурь, пригар, кінвоар, твар, * матір* (и *мати*), *Свір, Есфір*; Р.ед. — *глазурі, матері*, Д.мн. — *тварям, матерям* ~ Т.ед. — *глазур'ю, матер'ю, Есфір'ю* ~ З.ед. — *тваре, Свіре, Есфіре, матері* (и *мати*); Р.мн. —

²⁰ Многие сущ. м.р. мягкой разн. II скл. с основой на /ц/, (например, *мудреци, митець, провидець* и др.) образуют словоформу З.ед. с флексией /у/; вариант основы в этой словоформе оканчивается на /ц'/ (см. AP 6) и ступени чередования, реализованной фонемой /ч/, эти парадигмы не содержат.

тварей, матерей (чаще *матерѣ*), *дверей* (pl. t.), В.мн. — одуш. — *тварей, матерей*.

б) Этот же АР представлен и ТЧ $\langle T'\emptyset \sim T'T' \sim T\emptyset \rangle$, характеризующим парадигмы сущ. ж.р. III скл., ИВО которых завершается на сочетание $\langle VC_2 \rangle$, где элемент $\langle C_2 \rangle$ реализован фонемами /г' д' с' з' л' ц' н'/). Варианты основы каждого из сущ. III скл. различаются между собой также по трем морфонологическим признакам: это чередование твердых и мягких фонем (/T'/ и /T/), наращение основы ($A_2 - \langle T'T' \rangle$) и усечение основы ($A_3 - \langle T'\emptyset \rangle$). A_1 реализован мягкой согласной фонемой ($\langle T'\emptyset \rangle$) и характеризует все словоформы парадигмы, кроме Т.ед., З.ед., Р.мн., и В.мн. — одуш. A_2 , отмеченный в словоформе Т.ед. перед флексией /у/, представлен двумя одинаковыми мягкими согласными ($\langle T'T' \rangle$). A_3 , который реализован соотносительной твердой фонемой ($\langle T'\emptyset \rangle$), находим в словоформе З.ед. перед флексией /е/ и в словоформах Р.мн. и В.мн. — одуш. перед флексией /ей/. Отмечено 7 звеньев: $\langle г'\emptyset \sim г'г' \sim г\emptyset \rangle$, $\langle д'\emptyset \sim д'д' \sim д\emptyset \rangle$, $\langle с'\emptyset \sim с'с' \sim с\emptyset \rangle$, $\langle з'\emptyset \sim з'з' \sim з\emptyset \rangle$, $\langle ц'\emptyset \sim ц'ц' \sim ц\emptyset \rangle$, $\langle л'\emptyset \sim л'л' \sim л\emptyset \rangle$, $\langle н'\emptyset \sim н'н' \sim н\emptyset \rangle$, ср.: И.ед. — *во́лоть, грудь*, * *вись, рись, мазь*, * *миць, мадемуазель, тинь*, * *оси́нь*; Р.ед. — *груді, о́сі, ма́зі, мо́ці, о́сені* ~ Т.ед. — *гру́ддю, ві́ссю, ма́ззю, ми́ццю, о́си́нню* ~ З.ед. *ри́се, мо́це, мадемуазе́ле, о́сене*; Р.мн. — *грудѣй, осѣй, мазей, мо́цей*.

24) АР $A_1 \sim A_2 \sim A_3 = \langle \text{ед. (кроме Т.), мн. (кроме Р., В. — одуш.)} \sim \langle \text{Т.ед.} \rangle \sim \langle \text{Р.мн., В.мн. — одуш.} \rangle$

а) Представлен ТЧ $\langle T'T' \sim TT \sim T'\emptyset \rangle$, реализованным в звене $\langle л'л' \sim \sim лл \sim л'\emptyset \rangle$, и характеризует парадигмы двух сущ. ж.р. I скл. *ри́лля* и *поро́ділля*. A_1 ($\langle T'T' \rangle$) фиксируется во всех словоформах парадигмы (кроме Т.ед., Р.мн. и В.мн. — одуш.). A_2 ($\langle TT \rangle$) находим в словоформе Т.ед. перед флексией /ейу/. A_3 реализованный одной мягкой согласной фонемой ($\langle T'\emptyset \rangle$) и характеризующий усеченный вариант основы, представлен в словоформах: Р.мн., и В.мн. — одуш. перед нулевой флексией. Ср.: И.ед. — *ри́лля, поро́ділля*, Р.ед. — *ри́лли, поро́ділли*. . . ~ Т.ед. — *ри́лльо, поро́ділло* ~ Р.мн. — *ри́ль, поро́діль*.

б) Этот же АР и ТЧ $\langle T'T' \sim TT \sim T'\emptyset \rangle$, реализованный в звене $\langle т'т' \sim \sim тт \sim т'\emptyset \rangle$, характеризует парадигму сущ. ж.р. I скл. *стаття́*: И.ед. — *стаття́*, Р.ед. — *статті́*. . . ~ Т.ед. — *статте́ю* ~ Р.мн. — *статей*.

25) АР $A_1 \sim A_2 \sim A_3 = \langle \text{ед. (ИВ)} \rangle \sim \langle \text{ед. Р Д Т З} \rangle$, мн.) ~ $\langle \text{П.ед.} \rangle$

Представлен ТЧ $\langle \emptyset \sim K \sim C \rangle$ и характеризует парадигму лишь одного сущ. *четве́р* (конкретное чередование $\langle \emptyset \sim г + з \rangle$): И.ед. *четве́р* ~ Р.ед. *четверга́*. . . ~ П.ед. *черверзі* (и *четвергу́*). (Ср. при этом возможное сочетание [rg] перед паузой, например, *морг*).

* * *

Таким образом, рассмотрев МЧ, фиксируемые в исходе субстантивной основы на стыке с флексией (это — консонантные чередования на месте элемента $\langle C_2 \rangle$, чередования с наращением, т.е. $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$, и чередования с усечением, т.е. $\langle C_2C_3 \sim C_3\emptyset \rangle$), можно сделать определенные выводы.

Сравнение между собой выделенных нами АР и их схематических изображений показывает, что A_2 и A_3 наиболее часто маркируют следующие словоформы полной субстантивной парадигмы: П.ед. (см. АР 1, 2, 6, 7, 11, 15–22); Т.ед. (см. АР 3, 6–10, 15–17, 20, 23, 24); Д.ед. (см. АР 2, 6, 7, 11, 15–17, 20); З.ед. (см. АР 5, 9, 10, 19, 20, 22, 23); Р.мн. (см. АР 4,

5, 7–9, 23, 24); Р.ед. (см. АР 11, 15, 16, 17); все словоформы частной парадигмы мн.ч. (см. АР 11, 14, 15, 18, 21, 22).

Наиболее часто встречающимися в украинской субстантивной парадигматике можно считать чередования: заднеязычных с переднеязычными фрикативными и шипящими согласными фонемами (типы <К ~ С> и <К ~ С ~ Ї>) и твердых фонем с мягкими (типы <Т' ~ Т> и <Т ~ Т'>). Что касается морфонологических модификаций, обусловленных явлениями усечения и наращивания, то наиболее типичными для СУЛЯ являются: усечение одной из двух одинаковых согласных фонем в исходе основы (например, ТЧ <Т'Т' ~ Т'∅>) и наращивание в результате удвоения фонемы (т.е. ТЧ <Т'∅ ~ Т'Т'>). Типично для СУЛЯ усечение или наращивание основы за счет фонемы /й/.

Чередования заднеязычных фонем с переднеязычными фрикативными и шипящими (типа <К ~ С> и <К ~ С ~ Ї>) характеризуют парадигмы всех сущ. ж.р. I скл. и м. и ср. р. II скл. с основой на /к г' г х/. При соблюдении определенных условий (например, выборе флексии Д.ед. и П.ед. /i/) эти чередования действуют безысключительно, предсказуемо и, фактически, на неограниченном лексическом материале в рамках указанных словоизменительных классов. Чередования мягких фонем с твердыми (тип <Т' ~ Т>) также маркирует большие субстантивные классы (сущ. ж.р. I скл. мягкой разн., сущ. ж.р. III скл. и сущ. м.р. II скл. мягкой разн.) и характеризуются последовательностью и предсказуемостью при наличии определенных морфонологических позиций. Чередования, вызванные морфонологическим наращиванием и усечением субстантивных основ, особенно те, которые связаны с двойными согласными фонемами и с сочетаниями типа 'согласная фонема + /й/' (см. например, АР 3, 4, 23), отражают строго соблюдаемые языком морфонологические закономерности соотношения вариантов субстантивных основ в границах определенных парадигм.

Исследование словоизменительных закономерностей субстантивной системы, реализованных морфонологическими средствами, показывает, что для СУЛЯ характерны значительные различия, с одной стороны, в диапазоне конкретных чередований, составляющих объем тождественных, но относящихся к разным АР типов чередований, а с другой, — в схеме распределения альтернантов, составляющих один и тот же ТЧ, в сосуществующих парадигмах сущ. одного словоизменительного класса²¹.

Так, различия в диапазоне конкретных чередований, составляющих объем тождественных ТЧ, могут быть обусловлены лексическим составом сущ. Ср., например; разный состав конкретных чередований, составляющих ТЧ <Т' ~ Т> в АР 6 (чередования, возглавляемые альтернантами <т' д' с' л' н' р' ц'>) и 9 (чередования, возглавляемые альтернантами <т' д' л' н' р'>): конкретные чередования <с' ~ с> и <ц' ~ ц> в АР 9 возможны, но лекси-

²¹ В данном случае мы принимаем, что система субстантивного словоизменения состоит из иерархически связанных между собой групп слов (или классов). Так, один и тот же класс сущ., составляющих отдельное склонение, может характеризоваться несколькими наборами флексий, образующих разные парадигмы в рамках данного склонения (ср. наличие вариантных флексий при образовании словоформ Д.ед., П.ед., З.ед., Р.мн., от сущ. м.р. II скл.); группа сущ., объединенных каким-либо одним набором флексий (т.е. одной парадигмой), составляет отдельный парадигматический класс (или один из подклассов данного склонения).

чески не представлены. Выбор одним и тем же сущ. разных словоизменительных моделей является причиной того, что сущ. может иметь различные морфонологические характеристики в каждом конкретном случае (ср., АР 1 и 19, характеризующие парадигмы сущ. одного склонения, либо АР 3, 6–10, также характеризующие парадигмы сущ. одного склонения).

Следует также учитывать и наличие таких изолированных чередований, которые составляют индивидуальную морфонологическую характеристику отдельных слов (ср. АР 12, 13, 15–18, 21, 22, 24).

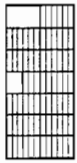
Что же касается оценки МЧ с точки зрения их продуктивности/непродуктивности, то ясно, что те из них, которые характеризуют словоизменение изолированных сущ. или небольших, лексически ограниченных групп слов, не могут считаться продуктивными. Напротив, чередования, которые, отражая словоизменительные закономерности, реализованные морфонологическими средствами, характеризуют, фактически, открытые ряды слов, должны быть признаны продуктивными. При наличии сосуществующих парадигм более продуктивными, по-видимому, являются чередования, обслуживающие тот парадигматический класс, в который вовлечено большее количество слов (в этом отношении чередования, составляющие, например, АР 6, более продуктивны, чем чередования, входящие в АР 7 и 8).

IIА. Чередования гласной фонемы с нулем Б. Вокалические чередования

Наибольшую трудность при описании МЧ (а также и при практическом овладении СУЛЯ) представляют чередования гласного с нулем ($\langle V \sim \# \rangle$, $\langle \# \sim V \rangle$) и вокалические чередования ($\langle i \sim o \rangle$ и $\langle o \sim i \rangle$, а также $\langle i \sim e \rangle$ и $\langle e \sim i \rangle$). Хотя правило морфонологической обусловленности этих чередований в самом общем плане давно известно и данные чередования в той или иной степени свойственны и другим славянским языкам (а именно – перед вокалической флексией фиксируются ступени чередования, реализованные либо нулем звука, либо фонемами /o/ и /e/; перед нулевой флексией находим, соответственно, либо $\langle V \rangle$, либо /i/), определить безошибочно по формальному или каким-либо другим признакам круг субстантивных основ, подверженных данным морфонологическим модификациям, невозможно. Так, например, в СУЛЯ сосуществуют такие параллели между однозначными словоформами сущ., относящихся к одному парадигматическому классу и имеющих одинаковую формальную структуру финальной части основы, как: И.ед. – *садбѣк, сѣдбѣк*, но Р.ед. – *садка́, сѣдока́*; И.ед. – *мокрець, корець*, но Р.ед. – *мокреця́, корця́*; И.ед. – *сестра́, лю́стра*; но Р.ед. – *сестѣр, люстр*; И.ед. – *облѣг, облѣит, облѣик*, но Р.ед. – *облѣгу, облѣоту, облѣику* и мн. др. В результате выявления сущ., парадигмы которых маркированы либо чередованиями гласной фонемы с нулем, либо вокалическими чередованиями, возможно только при помощи словаря, снабженного грамматическим комментарием. В то же время уже в самой группе отобранных сущ., словоизменительная модель которых содержит указанные МЧ, можно и необходимо дать как можно более полную характеристику структуры основ, подверженных данным модификациям и попытаться выявить наличие (или отсутствие) определенных закономерностей, управляющих этими модификациями.

IIA. Чередования гласной фонемы с нулем

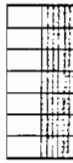
AP, характеризующие данные чередования, могут быть представлены схематично (см. контур схемы выше, на с. 31) следующим образом:

IIA. AP1

IIA. AP2

IIA. AP3

IIA. AP4

1) AP $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (И В – неодуш.)} \rangle, \sim \langle \text{ед. (кроме И В – неодуш.)} \rangle, \text{мн.}$

Характеризует сущ. м.р. II скл. и представлен ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$. A_1 , реализованной гласной фонемой, фиксируется в словоформах И.ед. (и В.ед. – неодуш.) перед нулевой флексией. A_2 , выраженный морфонологическим нулем, находим во всех остальных словоформах парадигмы перед вокалическими флексиями. ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$, относящийся к указанному AP, реализуется в трех конкретных чередованиях: $\langle o \sim \# \rangle$, $\langle e \sim \# \rangle$ и $\langle i \sim \# \rangle$.

а) Чередование $\langle o \sim \# \rangle$ маркирует, в основном, многосложные сущ. м.р. II скл. Из односложных сущ. данным чередованием отмечены лишь *сон* 'сон' и *шов*: И.ед. – *сон, шов* ~ Р.ед. – *сну, шву*. Но ср. наличие других односложных сущ. м.р. II скл. с фонемой /o/ на месте элемента $\langle V \rangle$ в ИВО, парадигмы которых не маркированы чередованием $\langle o \sim \# \rangle$: *бог* (Р.ед. *бога*), *бон, гол, дзот, дзьоб, лоб, лов, льон, мох, рот, сон* 'растение', *хор, фон* и мн. др. Из многосложных сущ. чередование $\langle o \sim \# \rangle$ характеризует лишь парадигмы сущ. м.р. II скл., имеющих следующую структуру конечного сегмента $\langle VC_2 \rangle$ в ИВО: (а) /ок/ (орф. -ок, -ок) – *гребок* (Р.ед. *гребка*), *медок, князьок, зятьок, опецьок, ларьок, кожушок* и мн. др. Чередование $\langle o \sim \# \rangle$ в сущ. данной структуры является в СУЛЯ, фактически, безысключительным. Можно указать лишь на следующие исключения: *артишок* (Р.ед. *артишока*), *брелок, винок, волок, засок, медок* 'сорт вина', *морок, оброк, патьок, порок, пророк, сволок, сидок, урок, флашток, шток*; (б) /он/ (орф. -он) – *бубон* 'муз. инструмент' (Р.ед. *бубна*), но ср. сущ. *бубон* 'опухоль' (Р.ед. *бубону*); (в) /ор/ (орф. -ор) – *цукор* (Р.ед. *цукру*), *свекор, багор, вугор, виخور* 'волосы, вихор', *виخور* 'вихрь, ветер'. Лишь сущ. *виخور* 'вихрь, ветер' может иметь параллельную парадигму без чередования $\langle o \sim \# \rangle$, (а именно: *виخور*, Р.ед. – *виخورу*). (г) /ол/ (орф. -ол): *бусол* (Р.ед. *бусла*), *посо́л, вузол, гидровузол, радиовузол, чохол*. Остальные сущ. на /ол/ не имеют чередования $\langle o \sim \# \rangle$: *хлебосол* (Р.ед. *хлебосо́ла*), *бензол, дибазол, камзол* и др. (д) /ом/ (орф. -ом): *псалом* (Р.ед. *псалма*), *найом* (Р.ед. *найму*); однако ср. сущ. *прию́м* без чередования $\langle o \sim \# \rangle$: Р.ед. *прию́му*. (е) /ов/ (орф. -ов): лишь одно сущ. *позов* 'иск, тяжба' имеет парадигму, характеризующуюся чередованием $\langle o \sim \# \rangle$ (Р.ед. *позву*), но чаще образует парадигму без указанного чередования (Р.ед. *позову*). (ж) /от/ (орф. -оть): *кла́поть* (Р.ед. *кла́птя*), *пи́поть, ки́поть, ли́коть, дьбо́готь, ки́готь, но́готь/ни́готь, ви́хоть*. Нами не зафиксированы сущ.

м.р. с ИВО на /от'/, парадигмы которых не характеризовались бы чередованием (о ~ #). (з) /ол'/ (орф. -оль): *щіголь* (Р.ед. *щігля*), *кўхоль* (Р.ед. *кўхля*); в языке имеются суш. м.р. на /ол'/ без чередования (о ~ #) (ср.: *алкоголь* — Р.ед. *алкоголью*, *цўколь* — Р.ед. *цўколя* и др.). (и) /он'/ (орф. -онь): зафиксировано лишь одно суш. *вогонь*//*огонь*, парадигма которого характеризуется чередованием (о ~ #): Р.ед. — *вогню*//*огню*.

б) Чередование (е ~ #) также характеризует главным образом парадигмы многосложных суш. м.р. II скл. Из односложных суш. можно отметить лишь четыре, парадигмы которых маркированы данным чередованием: И.ед. — *Псел*²², *день*, *пень*, *пес* ~ Р.ед. — *Псла*, *дня*, *пня*, *пса*. Остальные односложные суш. м.р. II скл. сохраняют /е/ во всех словоформах своих парадигм: *кед* (Р.ед. *кеда*), *лев*, *лен* 'лен (ист.)', *леп*, *мед*, *рев*, *цеп*, *цех*, *шеф* и др. Из многосложных суш. м.р. II скл. чередование (е ~ #) характеризует лишь парадигмы тех из них, ИВО которых имеют следующую реализацию конечного сегмента (VC₂): (а) /ец'/ (орф. -ець): *гребець* (Р.ед. *гребця*), *кїбець*, *борець*, ⁺*дворець* и мн. др.²³. Сегмент /ец'/ может быть ударным и безударным. Лишь отдельные слова этой группы с ударением на /ец'/ сохраняют фонему /е/ неизменной в рамках парадигмы в структуре всех словоформ. Ср.: *мертвець* (Р.ед. — *мертвеця*), *вуглець*, *багрець*, *мокрець*, *мудрець*, *гострець*, *чебрець*, *грунтець*. б) /ен'/ (орф. -ень): *особень*, *молебень* (Р.ед. *молебня*), *липень*, *бивень*, *безматень*, *сидень*, *кусьень*, *блїзень* и мн. др. Сегмент /ен'/ может быть только безударным. Значительно реже суш. на /ен'/ в ИВО сохраняют фонему /е/ во всех словоформах парадигмы: *бюллетень* (*бюллетеня*), *обстень*, *перстень* (*перстенья*//*персня* — чаще), *красень* (*красеня*//*красня*), *женьшень*, *Терень*, *Пномпень* и др. Все суш. ж.р. III скл. с ИВО на сегмент /ен'/ сохраняют гласную фонему без изменения во всех формах парадигмы, например: *мігрень* (*мігрени*), *мішеня* (*мішені*). (в) /ел'/ (орф. -ель). Сегмент /ел'/ может быть как ударным, так и безударным: *гамбель* (Р.ед. *гамбля*), *кїбель*, *корабель*, *щабель*, *рубель*, *скобель* 'пробойник (спец.)', *стебель*, *пантофель*, *журавель*, *щавель*, *комель*, *бутель*, *шпїндель*, *струдель*, *гэндель*, *пензель*, *гїцель*, *дїшель*, *кашель*, *тїгель*, *кахель*. Суш. с такой структурой основы в СУЛЯ мало. В то же время суш. на /ел'/, не маркированные чередованием (е ~ #), представляют собой, фактически, открытый ряд слов. Например: *кабель* (*кабелю*), *грїфель*, *жавель*, *каломель*, *учитель*, *крєндель*, *дїзель*, *бушель* и мн. др. Все суш. ж.р. III скл., ИВО которых также завершается на сегмент /ел'/, сохраняют фонему /е/ во всех словоформах парадигмы: *гантель* (*гантели*), *карусель*, *капель* и т.д. (г) /ер/ (орф. -ер). Отмечено сравнительно небольшое количество суш. указанной структуры: *копєр* (Р.ед. *копра*), *бобєр*, *цєбєр*, *чабєр*, *ковєр*, *борівїтер*, *вітер*, *маїстер*, *осетєр*, *Дністер*. В остальных суш. м.р. II скл. с ИВО на /ер/ фонема /е/ сохраняется во всех словоформах парадигмы: *сапєр* (Р.ед. *сапєра*), *цєрбєр*, *сєтер*, *маклер* и мн. др. (д) /ен/ (орф. -ен). Зафиксирова-

²² В СРЛЯ также есть *Псел* (Р.ед. *Псла*).

²³ Отметим при этом, что в парадигме суш. *чернець* зафиксировано и еще одно изолированное чередование (р ~ Ø), входящее в АР А₁ ~ А₂ = (И.ед.) ~ (ед. (кроме И.), мн.), т.е. И.ед. *чернець* ~ Р.ед. *ченця*...

ны следующие сущ. с чередованием (е ~ #): *чо́вен* (Р.ед. *чо́вна*), *хосе́н* (*хисна́*), *де́рен* 'де́рн' (*де́рну*), *те́рен* 'те́рн' (*те́рну*), *роже́н* (*рожна́*). В парадигмах других сущ. указанное чередование отсутствует: *де́рен* 'кизил' (Р.ед. *де́рену*), *тере́н* 'территория' (Р.ед. *тере́ну*), *шате́н* (*шате́на*) и др. (е) /ел/ (орф. -ел). Чередованием (е ~ #) характеризуются парадигмы следующих сущ.: *ды́тел* (Р.ед. *ды́тла*), *коте́л*, *све́рдел*, *бу́сел*, *ви́мисел*, *за́мисел*, *до́мисел*, *нафтопро́мисел*, *о́кисел*, *осе́л*, *по́мисел*, *про́мисел*, *Псел*, *козе́л*, *оре́л*. Большинство сущ. м.р. II скл. с ИВО на сегмент /ел/ имеют парадигмы без чередования (е ~ #): *ве́ртел* (Р.ед. *ве́рте́ла*), *нове́сел*, *ви́мпел* и др. (ж) /ет/ (орф. -ет). С чередованием (е ~ #) отмечены лишь парадигмы следующих сущ.: *хребе́т* (Р.ед. *хребта́*), *о́цет* (*о́цту*), *по́чет* (*по́чту*). В других сущ. с ИВО на /ет/ чередование (е ~ #) отсутствует: *ше́рбе́т* (Р.ед. *ше́рбе́ту*), *при́чет* (*при́чету*), *за́мет*, *банке́т* и др. (з) /ей/ (орф. -ей). Отмечено лишь одно сущ. *солове́й*, парадигма которого характеризуется чередованием (е ~ #) (Р.ед. *солове́я*). В остальных сущ. м.р. II скл. с ИВО на /ей/ данное чередование отсутствует: *при́веле́й* (Р.ед. *при́веле́я*), *музе́й*, *хоке́й* и др. (и) /ес/ (орф. -ес). Зафиксировано также только одно многосложное сущ. с чередованием (е ~ #): *ове́с* (Р.ед. *ви́са*). Другие сущ. м.р. на /ес/ не имеют указанного чередования, например: *прогрэ́с* (Р.ед. - *прогрэ́су*), *черке́с* и др.

в) Чередование (i ~ #). Нами зафиксировано лишь три сущ. м.р. II скл. с ИВО на /iн'/ и /iл'/, парадигмы которых характеризуются чередованием (i ~ #): *ступи́нь* 'шаг' (Р.ед. *ступи́ня*), *шво́ринь* (*шво́рня*) и *ву́гиль* (*ву́гля*). Другие сущ. м.р. II скл. и ж.р. III скл. с ИВО на сочетания /iн'/, /iл'/ не имеют чередования (i ~ #): м.р. - ⁺*сту́пинь* 'степень' (Р.ед. *сту́пениа*), ⁺*ще́бинь* (*ще́беню*), *ли́нь* 'веревка' (*ли́ня*), *водеви́ль*, ⁺*киси́ль*, ⁺*кужи́ль* (*куже́ля*); ж.р. - ⁺*пови́нь* (Р.ед. *пове́ни*), *голуби́нь*, ⁺*гуси́нь*, *бистри́нь*, *височи́нь*, *ли́нь*, 'лень' (*ли́ни*), *а́ртиль*, ⁺*кужи́ль* (*куже́ли*) и др.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что по характеру структуры ИВО можно достаточно точно установить, является ли парадигма данного сущ. маркированной чередованием (V ~ #). Так, на наличие структуры (C₁V/#C₂) финальной части субстантивной основы указывают следующие последовательности звуков, завершающих ИВО сущ. м.р. II скл.: [бец', пец', тец', тец', дец', сец', зец', нец', йец', жец', бен', вен', ден', зен', чен', пер, дел, зел, рел, цет, вей, вен, сен, жен, пес, вес, пок, бок, вок, мок, ток, д'ок, сок, зок, з'ок, л'ок, нок, н'ок, р'ок, ц'ок, йок, чок, жок, шок, йом, хол', гил', зол, хол, кор, гор, пот', гот', хот', рин']. Ряд сочетаний, фиксируемых в ИВО сущ. м.р. II скл. (а именно: [вец', лец', рец', пен', тен', сен', рен', жен', шен', бел', фел', вел', мел', тел', дел', зел', цел', шел', гел', хел', бер, вер, тер, тел, сел, бет, чет, рен, тец', т'ок, док, лок, рок, бон, зов, лом, гон', хор, кот', сол, сон, пин']), могут либо сохранять элемент (V) во всех словоформах в рамках парадигмы одного слова, либо чередовать элемент (V) с нулем в тех словоформах, которые имеют вокалические флексии. Все остальные встречающиеся в СУЛЯ последовательности (C₁VC₂) в финальной части ИВО сущ. м.р. II скл. свидетельствуют о том, что парадигмы данных сущ. не являются маркированными чередованием (V ~ #).

Специально подчеркнем, что если ИВО с рассмотренными выше финалиями (C₁VC₂) принадлежит сущ. не м.р. II скл., а сущ. ж.р. III скл., то

элемент ⟨V⟩ никогда не чередуется с нулем в словоформах с вокалическими флексиями, например: ж.р. *карамель*, Р.ед. *карамелі* но м.р. *комель* ~ Р.ед. *комля*; ж.р. *плісень*, *плісені*, но м.р. *кісень* ~ *кісню*; ж.р. *м'якоть*, *м'якоті*, но м.р. *лікоть* ~ *ліктя* и др.

2) АР $A_1 \sim A_2$ = (ед., мн. (кроме РВ — одуш.)) ~ (мн. (РВ — одуш.))

Характеризует парадигмы суш. ж.р. I скл., ср.р. II скл. и суш. рl.t. I и II скл. Он представлен ТЧ ⟨#~V⟩. A_1 (⟨#⟩) находим в словоформах парадигмы с вокалической флексией. A_2 (V) фиксируется лишь в словоформе Р.мн. (и В.мн. — одуш.) при условии, что они образуются с нулевой флексией. ТЧ ⟨#~V⟩, относящийся к указанному АР, реализован чередованиями ⟨#~o⟩ и ⟨#~e⟩.

а) Чередование ⟨#~o⟩: (а) Находим в парадигмах тех суш. ж.р. I скл. твердой разн., суш. ср.р. II скл. твердой разн. и суш. рl. t., у которых в конечной структуре основы ⟨ $C_1 \# VC_2$ ⟩ элемент ⟨ C_2 ⟩ ИВО реализован фонемой /к/, а элемент ⟨ C_1 ⟩ — фонемами /п б в ш т д д' с з э' ц' л' н' р' й ч ж ш/²⁴. Данные суш. во всех словоформах с вокалическими флексиями имеют нулевую ступень чередования (⟨#⟩); в словоформах Р.мн. и В.мн.—одуш. перед флексией —Ø находим вокалическую ступень чередования, реализованную фонемой /o/, которая может находиться как в ударной, так и в безударной позиции: *крапка* (Р. мн. *крапок*) *вір'ювка*, *віймка*, *редька*, *дитя́тко*, *ця́цька*, *вішенка*, *цебе́рко*, *ча́йка*, *бро́шка* и мн. др. Исключение из данного правила составляют все суш. ср.р. II скл. твердой разн. с ИВО на сочетание /с'к/(*вовчи́сько*, *смiхóвисько*): это сочетание остается неизменным во всех словоформах парадигмы и не только перед вокалическими флексиями, но и перед нулевыми (Р. мн. *вовчи́ськ*, *смiхóвиськ*). (б) Суш. ж.р. I скл. твердой разн. и суш. рl. t., у которых элемент ⟨ C_2 ⟩ в ИВО реализован фонемой /в/, а элемент C_1 — фонемами /т д' ч к г х/, в словоформе Р.мн. (и В.мн. — одуш.) с нулевой флексией имеют вокалическую ступень чередования, реализованную фонемой /o/: *бритва* (Р.мн. *бритв*//*брито́в*), *верста́* (*верств*//*версто́в*), *дратва* (*дратв*//*драто́в*), *но́чви* (*ночо́в*), *кро́ква* (*кроко́в*), *саква́* (*сако́в*), *смо́ква* (*смокв*//*смоко́в*), *це́рква* (*церко́в*), *драгва́* (*драгв*//*драго́в*), *коро́гва* (*корого́в*), *лі́гво* (*лігв*//*ліго́в*), *пі́хва* (*піхов*). Большинство из указанных слов могут образовывать дублетные парадигмы: с чередованием ⟨#~o⟩ и без него (это сочетания — /тв кв гв/)²⁵. (в) Два суш. ср.р. II скл. твердой разн. и одно суш. ж.р. I скл. твердой разн., у которых элемент ⟨ C_2 ⟩ в ИВО реализован фонемой /м/, а элемент ⟨ C_1 ⟩ — фонемами /с, д' / (т.е. сочетания ⟨с # м⟩, ⟨д' # м⟩), в словоформе Р.мн. (и В.мн. — одуш.) с нулевой флексией имеют вокалическую ступень чередования ⟨o⟩: *па́смо* (Р.мн. *па́сом*), *пові́смо* (*пові́сом*), *ві́дьма* (*ві́дьом*). Следующие сочетания согласных, в которых элемент ⟨ C_1 ⟩ реализован фонемой /м/ (а именно — /вм зм лм л'м рм ім чм шм гм хм/), остаются без изменения во всех словоформах парадигмы и, следовательно, выражают структуру

²⁴Все суш. с указанным строением основы характеризуются и чередованием ⟨к~ц⟩ = (ед. (кроме П.), мн.) ~ (П.ед.), входящим в I АР 1) и чередованием ⟨к~ц⟩ = (ед. (И Р В Т З), мн.) ~ (ед. (Д П)), входящим в I АР 2) (см. выше).

²⁵Ср. сочетания /тв зв л'в нв рв жв кв хв/, реализующие структуру ⟨ $C_1 C_2$ ⟩, например: *кля́тва* (*кля́тв*), *ні́зва*, *ма́льва*, *рі́нва*, *ба́рва*, *лі́жва*, *бу́ква*, *дро́хва* и др.

⟨C₁C₂⟩: *травма* (травм), *призма*, *чалма*, *пальма*, *казарма*, *пробма*, *кучма*, *яшма*, *парадигма*, *драхма*. (г) Сущ. ср.р. II скл. твердой разн. и одно сущ. ж.р. I скл. с ИВО на сочетания [сн дн кн гн], в словоформе Р.мн. с нулевой флексией имеют вокалическую ступень чередования (о): И.ед. — *вікно́*, *волокну́*, *льоноволокно́*, *багно́*, *стегно́*, *сосна́*... ~ Р.мн. *віко́н*, *волоко́н*, *льоноволо́кнон*, *баго́н*, *сте́гон* (и *сте́ген*), *со́сон* (и *со́сен*). (д) Два сущ. ж.р. I скл. мягкой разн. с ИВО на [хн'], в словоформе Р.мн. с нулевой флексией имеют вокалическую ступень чередования (о): И.ед. *ку́хня*, *поверхня́* ~ Р.мн. *кухо́нь*, *поверхо́нь*. (е) Одно сущ. ж.р. I скл. твердой разн. с ИВО на [хт], также может образовывать словоформу Р.мн. с альтернантом (о): *кри́хта* (И.ед.) ~ Р.мн. *крихо́т* (и *крихіт*/крихт). (ж) Сущ. ср.р. II скл. твердой разн. с ИВО на сочетание [гл], в словоформе Р.мн. имеет ступень чередования (о): *тягло́* (И.ед.) ~ *тяго́л* (Р.мн.). (з) Два сущ. ж.р. I скл. твердой разн. с ИВО на [кр] и [гр] образуют словоформу Р.мн. с альтернантом (о): И.ед. *іскра* ~ Р.мн. *іско́р*; И.ед. — *гра*... ~ Р.мн. — *ігор*.

Таким образом, рассмотренный материал показал, что, если ИВО сущ. ж.р. I скл. и ср.р. II скл. оканчивается на сочетания [пк бк вк мк тк дк д'к ск зк з'к ц'к лк л'к нк н'к рк йк чк жк шк тв чв кв гв хв д'м см сн кн гн хн' хт гл кр], которые интерпретируются в морфонологическом плане как сегмент ⟨C₁#C₂⟩, то в словоформе Р.мн. (и В.мн.—одуш.) с нулевой флексией на месте ⟨#⟩ появляется вокалическая ступень чередования, реализованная фонемой /о/. Параллельно с /о/ может употребляться и /е/ в сущ. *сосна́* и *стегно́*. Многие сущ., у которых элемент ⟨C₂⟩ в ИВО реализован фонемой /в/, образуют словоизменительные парадигмы либо с чередованием ⟨# ~ о⟩, либо без него.

Характерной особенностью субстантивных основ указанной структуры является факт неравномерной лексической представленности основ с различными конкретными реализациями сегмента ⟨C₁#VC₂⟩. Так, фактически все слова, у которых элемент ⟨C₂⟩ в ИВО выражен фонемой /к/, являются морфонологически маркированными чередованием ⟨# ~ о⟩. Структуры же ⟨д' #м// д'ом⟩, ⟨с #н//сон⟩, ⟨х #т//хот⟩, ⟨г #л//гол⟩ зафиксированы лишь в парадигмах единичных изолированных слов.

б) Чередование ⟨# ~ е⟩ характеризует парадигмы тех сущ. ж. и ср.р., а также рl. t. I и II скл., ИВО которых завершаются на сочетания [с'м рм чм пл бл тл дл сл зл шл пл' бл' вл' фл' мл' тл' шл' хл' бн вн мн тн дн сн зн лн рн жн гн пн' бн' вн' тн' дн' сн' зн' л'н' рн' йн' чн' жн' шн' хн' бр тр др тр' вц сц зц тц дц л'ц нц рц йц вц']. Эти сущ. во всех словоформах с вокалическими флексиями имеют нулевую ступень чередования (⟨#⟩); в словоформах Р.мн. и В.мн.—одуш. с нулевой флексией находим А (е). Фонема /е/ может быть как в ударной, так и в безударной позиции.

(а) Одно сущ. ж.р. I скл. и два сущ. ср.р. II скл., элемент ⟨C₂⟩ в ИВО которых реализуется фонемой /м/, а элемент ⟨C₂⟩ — фонемами /с'/, /р/, /ч/, характеризуются чередованием ⟨# ~ е⟩: И.ед. *письмо*²⁶, *ярмо*, *корчма* ~ Р.мн. *пісем*, *ярем*, *корчём*. (б) Парадигмы сущ. ср.р. и рl. t. II скл., элемент ⟨C₂⟩ в ИВО которых реализуется фонемой /л/, а элемент ⟨C₁⟩ — фо-

²⁶ Парадигма сущ. *письмо* характеризуется и чередованием (с' ~ с) = (ед., мн. (кроме Р)) ~ (Р.мн.).

немами /п б т д с з ш/, также характеризуются указанным чередованием: И.ед. — *ду́ло, соплó, кублó, стеблó, скреблó; житлó; свердло; веслó, гáсло, гúсла, корбмисло, крiсло, перéвeсло, прýсло, руслó, сусло, тeсло, череслó, числó, ясла; кóзла; дишло* ~ Р.мн. — *ду́ел, кубел*. В данных суш. А₂ (е) может находиться только в безударной позиции. (в) Парадигмы суш. ж.р. I скл. и рл. т. той же словоизменительной модели, элемент <С₂> в ИВО которых представлен фонемой /л'/, а элемент <С₁> — фонемами /п б в ф м т ш х/, характеризуются также чередованием (# ~ е): И.ед. — *кáпля, картóпля, голóбля, граблi, будiвля, заготiвля, вафля, пантóфля, земля, петля, мушля, кáхля* и др. ~ Р.мн. *кáпель, земéль, голобель*. Во всех случаях (кроме суш. *земля*) вокалическая ступень чередования находится в безударном положении. (г) Парадигмы суш. ж.р. I скл., ср.р. II скл. и рл. т. I и II скл., элемент <С₂> ИВО которых реализован фонемой /н/, а элемент <С₁> — фонемами /б в м т д с з л р ж г/, также маркированы чередованием (# ~ е): И.ед. — *бубна 'масть карт', Лубнi; гривна, жóвно, князiвна, царiвна; дóмна; полотнó; ряднó, саднó, суднó; весна, крóсно, плéсно, прóвесна, сосна; ясна; борозна, грабiлно; жорно, зерно, стерно; княжна; стегно* ~ Р.мн. — *бубен, гривен, князiвен, сóсен (и сосон), грабiлен (и грабiлн), стéрен, княжен, стéген (и стéгон)*. Вокалическая ступень чередования может находиться в ударной и безударной позициях. (д) Парадигмы очень большой группы суш. ж.р. I скл., элемент <С₂> ИВО которых реализован фонемой /н'/, а элемент <С₁> — фонемами /п б в т д с з л р й ч ж ш х/, характеризуются также чередованием (# ~ е): И.ед. — *ступня, дóвбня, льодóвня, лютня, пiсня, кúзня, готовáльня, бондарня, бóйна, воскобiйна, ясчня, лижня, вишня, брехня* и мн. др.²⁷ ~ Р.мн. — *ступень, брэхень* ... А₂ выражается, как правило, безударным гласным [е] (за исключением суш. *пiсня* — Р.мн. *пiсень*). (е) Суш. ж.р. I скл., ср.р. II скл. и рл. т. II скл., элемент <С₂> ИВО которых представлен фонемой /р/, а элемент <С₁> — фонемами /б т д/, имеют парадигмы, маркированные чередованием (# ~ е): И.ед. — *зýбра, ребрó, цебрó, шатрó, хутро, макiтра, посéстра, сестра, вiдрó, ядрó* ~ Р.мн. — *зýбер, хúтер (и хутр), ядер* ... А₂ реализован обычно безударным [е]. (ж) Словоизменительная модель суш. ср.р. II скл. мягкой разн. *вiстря* также характеризуется чередованием (# ~ е) И.ед. — *вiстря* ~ Р.мн. *вiстер*. (з) Парадигмы суш. ср.р. и рл. т. II скл., элемент <С₂> ИВО которых реализован фонемой /ц/, а элемент <С₁> — фонемами /в с з т д л' н р й/, маркированы указанным чередованием (# ~ е)²⁸; И.ед. — *дерéвце, колiсце, музiце, сiтце, ворiтця, блюдце, барiльце, гильце, волоконце, вiнця, дверци, озереце, яйце* и др. ~ Р.мн. *деревець, колiсець, гiлець, волоконець, вiнець, дверець, озерець, яець* ... А₂ реализован, как правило, безударным [е] (ср. редкие случаи с ударным [е] в Р.мн.: *дрiвeць/дровець, слiвeць, копитець, сердець (и серце), яець*). (и) Парадиг-

²⁷ В случаях *купáльня, прáльня* и под. графическое сочетание *ль* передает согласный [л'], мягкость которого обусловлена ассимилятивным воздействием последующего [н'] и потому не является фонологической.

²⁸ Эти же суш. характеризуются и чередованием (ш ~ ц) = (ед. (И В Т)) ~ (ед. (Р Д П), мн.) (см АР 111а). Что касается суш. на /л'ц/ (типа *барiльце, гильце*), то их парадигмы характеризуются и чередованием (л' ~ л) = (ед., мн. (кроме Р)) ~ (Р.мн.).

Таблица 10

а)	(о)	(е)		(о)	(е)		(о)	(е)
[пк]	+	-	[д'к]	+	-	[н'к]	+	-
[бк]	+	-	[ск]	+	-	[рк]	+	-
[вк]	+	-	[зк]	+	-	[йк]	+	-
[мк]	+	-	[з'к]	+	-	[чк]	+	-
[тк]	+	-	[ц'к]	+	-	[жк]	+	-
[дк]	+	-	[лк]	+	-	[шк]	+	-
			[л'к]	+	-			
			[нк]	+	-			
б)	(о)	(е)		(о)	(е)	в)	(о)	(е)
[тв]	+	-				[д'м]	+	-
[чв]	+	-				[см]	+	-
[кв]	+	-				[с'м]	-	+
[гв]	+	-				[рм]	-	+
[хв]	+	-				[чм]	-	+
г)	(о)	(е)	д)	(о)	(е)	е)	(о)	(е)
[вц]	-	+	[пл]	-	+	[пл']	-	+
[сц]	-	+	[бл]	-	+	[бл']	-	+
[зц]	-	+	[тл]	-	+	[вл']	-	+
[тц]	-	+	[дл]	-	+	[фл']	-	+
[дц]	-	+	[сл]	-	+	[мл']	-	+
[л'ц]	-	+	[зл]	-	+	[т'л']	-	+
[нц]	-	+	[шл]	-	+	[шл']	-	+
[рц]	-	+	[гл]	+	-	[хл']	-	+
[йц]	-	+						
ж)	(о)	(е)	з)	(о)	(е)	и)	(о)	(е)
[бн]	-	+	[пн']	-	+	[бр]	-	+
[вн]	-	+	[бн']	-	+	[тр]	-	+
[мн]	-	+	[вн']	-	+	[др]	-	+
[тн]	-	+	[т'н']	-	+	[кр]	+	-
[дн]	-	+	[с'н']	-	+	[гр]	+	-
[сн]	+	+	[з'н']	-	+			
[эн]	-	+	[л'н']	-	+			
[лн]	-	+	[рн']	-	+			
[рн]	-	+	[йн']	-	+			
[жн]	-	+	[чн']	-	+			
[гн]	+	+	[жн']	-	+			
[кн]	+	-	[шн']	-	+			
			[хн']	+	+			
к)	(о)	(е)						
[тр']	-	+						
[вц']	-	+						
[хт]	+	-						

ма сущ. ж.р. I скл. *вівця* также характеризуется чередованием (# ~ е): И.ед. — *вівця* ~ Р.мн. В.мн. — *овець*²⁹.

Таким образом, чередование (# ~ е) = (ед., мн. (кроме Р В—одуш.)) ~ (мн. (Р В—одуш.)) охватывает значительный пласт лексики СУЛЯ. Наиболее продуктивным данное чередование является для тех сущ. ж.р. I скл. и ср.р. II скл., ИВО которых оканчиваются на сочетания /пн' бн' вн' гн' дн' сн', зн' лн' рн' йн' чн' жн' хн'/ и/вц сц зц тц л'ц нц рц йц/: в словах данной структуры оно, фактически, не знает исключений. Наличие в ИВО сочетаний /бл бр вц' тв тл тр дн др сц зн лн рм рц рн кв гв гл хв хт/ указывает на вариативность морфонологической характеристики данных парадигм: они могут означать как структуру <C₁C₂> так и структуру <C₁#/VC₂>.

Интересно проследить условия появления А₂ в чередовании (# ~ V), реализованного либо фонемой /о/, либо фонемой /е/. Для этого составим таблицу (см. табл. 10), в которой будут даны в фонетической транскрипции сочетания согласных, в ИВО реализующие морфонологическую последовательность <C₁#/VC₂>, а знаки + и — покажут, какую гласную фонему (/о/ или /е/) выбирает сущ. в словоформе Р. мн. (и В. мн. —одуш.) с нулевой флексией.

Из табл. 10 можно вывести заключение, что только ступень <о> получает те сущ. ж.р. I скл., ср. р. II скл. и pl. t. I и II скл., элемент <C₂> ИВО которых реализован фонемами /в т к/ (см. а, б, к); только ступень <е> имеют сущ. тех же словоизменительных классов, элемент <C₂> ИВО которых представлен фонемами /л' р' ц ц'/ (см. е, г, к). Если же на месте элемента <C₂> ИВО находим фонемы /м л н н'р/, то второй (вокалический) альтернант в чередовании (# ~ V) может быть выражен либо фонемой /о/, либо фонемой /е/ (см. в, д, ж, з, и).

3) AP A₁ ~ A₂ = (ед.) ~ (мн.). Представлен чередованием (# ~ е) и характеризует парадигму лишь одного сущ. ср.р. II скл. *дно*: И.ед. *дно*, Р.ед. *дна* ... ~ И.мн. *дена*, Р.мн. *ден* ...

4) AP A₁ ~ A₂ ~ A₃ = (ед.) ~ (мн. (кроме Р)) ~ (Р.мн.). Представлен изолированным чередованием (# #к #л) ~ (тек #л) ~ (текол) и характеризует парадигму одного лишь сущ. ср.р. II скл. *скло*: И.ед. — *скло*, Р.ед. — *скла*... ~ И.мн. — *стекла*, Д.мн. *стеклам*... ~ Р.мн. — *стекол*.

ПБ. Вокалические чередования

Вокалические чередования фиксируются внутри субстантивной основы. Один из альтернантов реализуется гласной фонемой верхнего подъема /i/, другой — гласными фонемами неверхнего подъема: либо /е/, либо /о/. Таким образом, ТЧ (V₁ ~ V₂) материально может быть представлен в СУЛЯ четырьмя чередованиями: (i ~ е), (i ~ о), (е ~ i), (о ~ i).

При рассмотрении вокалических чередований необходимо еще раз подчеркнуть, что выявить полный круг основ, подверженных этому морфонологическому явлению, можно лишь по имеющимся словарным и грамматическим источникам. В настоящей же работе мы попытаемся указать только на наиболее общие закономерности и условия его реализации.

В отличие от рассмотренных выше чередований гласной фонемы с нулем

²⁹ Парадигме этого сущ. свойственны также и чередования: а) (ц' ~ ц) = (ед. (кроме Т), мн.) ~ (Т.ед.) (см. I AP 3 б); б) (ві ~ о) = (ед., мн. (И Д Т П)) ~ (мн. (Р В)).

(типы (V ~ #) и (# ~ V)), вокалические чередования характеризуются значительно большей непредсказуемостью и многочисленными отступлениями от установленных правил их реализации. В связи с этим в СУЛЯ сосуществует множество слов—дублетов со ступенями чередования, представленными гласными фонемами верхнего и неверхнего подъема (особенно /i/ и /o/): *Тіхін//Тіхон, Грігір//Грігор, Нестір//Нестор, Нікін//Нікон, грізьба//грозьба, гріб//гроб, підбір//підбор, стіс//стос, безвілля//безволля, безголів'я//безголів'я, безклопiття//безклопoття, ббiння//воскобiння, клiшня//клeшня* и мн. др. В некоторых случаях разные по семантике сущ., имеющие ряд одинаковых (омонимичных) словоформ в своих парадигмах, различаются между собой морфонологической моделью: *схід* (Р. ед. *схoду*) 'подъем, восход' и *сход* (Р. ед. *схoду*) 'сходка'; *гніт* (Р. ед. *гніту*) 'гнет, тяжесть' и *гніг* (Р. ед. *гнігa*) 'шнур'; *вiворот* (Р. ед. *вiвoроту*) 'мед. термин' и *вiворіг* (Р. ед. *вiвoроту*) 'изнанка'; *біль* (Р. ед. *білі*) 'белая пряжа' и *біль* (Р. ед. *бoлю*) 'боль'; *уклі́н* (Р. ед. *укло́ну*) 'поклон' и *укло́н* (Р. ед. *укло́ну*) 'уклон, спуск'; *заті́р* (Р. ед. *зато́ру*) 'смесь' и *зато́р* (Р. ед. *зато́ру*) 'скопление'; *крі́т* (Р. ед. *крито́а*) 'крот' и *Крі́т* (Р. ед. *Крі́ту*) 'название острова' и т.п.

Условием появления альтернанта, реализованного гласной фонемой верхнего подъема /i/, является, как правило, закрытый слог. Эта позиция фиксируется в словоформах, имеющих нулевую флексию (Ø) или флексию типа CV (например, флексию Т. мн. /ми/), а именно: а) словоформы Р. мн. и В. мн.—одуш. с нулевой флексией — в сущ. ж.р. I скл., ср. р. II скл. и pl. t. I и II скл.; б) словоформы И. ед. и В. ед.—неодуш. с нулевой флексией — в сущ. м. р. II скл. и ж.р. III скл.; в) словоформа Т. мн. с флексией /ми/ — в сущ. ж.р. I скл., м. р. и ср. р. II скл. и pl. t. I и II скл. Кроме того, альтернант (i) фиксируется в словоформе Т. ед. с флексией /у/ у сущ. ж.р. III скл. Степень чередования, реализованная гласной неверхнего подъема (т.е. (e) или (o)), появляется обычно в открытом слоге.

АР, реализующие вокалические чередования, могут быть представлены схематично (см. контур схемы выше, на с. 31):

ПБ. АР 1

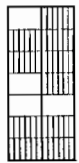
ПБ. АР 2

ПБ. АР 3

ПБ. АР 4

ПБ. АР 5

1) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (И В—неодуш.)> ~ <ед. (кроме И В—неодуш.), мн.>.

а) Чередование (i ~ e) характеризует сущ. м. р. II скл. чаще всего мягкой и смешанной разн. с ИВО на сегменты /и́т'/, /и́н'/, /и́д'/, /и́ж'/, /и́ш'/ . Ударение свободное. В сущ. м.р. II скл. твердой разн. это чередование встречается крайне редко; обычно во всех словоформах парадигмы мы находим лишь один "альтернант", представленный фонемой /i/.

Сущ. мягкой разн.: И. ед. — *джмiль, кужiль...*; *грeбiнь курiнь, ячмiнь...*; *ведмiдь, лeбiдь...* ~ Р. ед. — *джмeля, кужeля; грeбeня, курeня, ячмeня; ведмeдя, лeбeдя*. Сущ. смешанной разн.: И. ед. — *кулiшь, крадiж, падiж...* ~ Р.

ед. — кулешу, крадежа, падежу. Суш. твердой разн.: И. ед. — кріс, манір, непогріб, погріб, попіл, причин, протіс, папір, ятір, ящір, Київ, Миколаїв ~ Р. ед. креса, манеру (и маніру), погреба, попелу, ящера, Киїєва. Однако огромное количество однокоренных суш. твердой разн. (например, с такими корнями, как: /bіr/, /vіd/, /gріv/, /dіl/, /zвір/, /lіk/, /mіr/, /mіs/, /pіk/, /rіz/, /sіv/, /sліd/, /sміx/, /pіv/ и мн. др.) сохраняют во всех словоформах своих парадигм гласную фонему /i/. Суш. мягкой и смешанной разн., правда, значительно реже, также могут иметь фонему /i/ во всех словоформах парадигмы. Кроме того, в СУЛЯ существует обширный пласт терминологической и заимствованной лексики с фонемой /i/ во всех формах парадигмы: аніс, балдахін, міф, ліфт и мн. др. В результате оказывается, что суш. м.р. II скл. (особенно твердой разн. и заимствования), имеющие /i/ во всех словоформах парадигмы, преобладают над суш. м.р. II скл. с чередованием (i ~ e). Отметим также, что в СУЛЯ встречается множество суш. м.р. II скл. с фонемой /e/ в ИВО вместо ожидаемой фонемы /i/, и это не только заимствования и новообразования, но и исконные украинские суш., например: берег, верес, вертел, вертеп, замет, мед, меч, овес, піонер, рев, регрес, штатель, учитель, тес, степ, ягель, юнкер, Арсен, Артем, Евген, Евмен, Орест, Семен и мн. др.

Количественное сопоставление слов с чередованием (i ~ e), с одной стороны, и с фонемами /i/ либо /e/ во всех словоформах парадигмы, с другой, свидетельствует о том, что в настоящее время чередование (i ~ e), реализующее АР (ед. (И В—неодуш.)) ~ (ед. (кроме И В—неодуш.), мн.), не является продуктивным в СУЛЯ.

б) Чередование (i ~ o) характеризует также парадигмы суш. м.р. II скл., но главным образом, твердой разн. И первая, и вторая ступени чередования могут находиться как в ударной, так и в безударной позициях. Например: суш. твердой разн.: баріг (Р. ед. барогу), біб, бік, верболіз, водопровід (но ср. вагоновод, діловод, хоровод), восьмініг, вхід (но ср. скороход), віз (но ср. водовоз, бомбовоз, вуглевоз, електровоз и др.), віл и мн. мн.др. Смешанная разн.: гріш (Р. ед. гроша), ківш, кіш, небіж, ніж и др. Мягкая разн.: бій (Р. ед. бою), біль, гній, кінь, крій, кріль и др.

Особое внимание следует обратить на парадигмы тех суш. м.р. II скл., ИВО которых оканчивается на сегмент (C₁V₁C₂), где элемент (C₁) реализован согласным [л'], а элемент (V₁) — гласным [i]: верболіз, вертоліт, віліт, віплід, віслів, відіт, глід, заліт, живопіт, заслін, зліт, колір, лід, літ, наліт, недоліт, обліг, обліг, ослін, паслін, переліг, переліт, плід, підіт, політ, поклін, політ, проклін. В данных суш. в словоформах с вокалическими флексиями на месте элемента (V₁) находим альтернант (o). Однако на месте элемента (C₁) в одних словоформах в позиции перед гласным [o] может быть фонема /л/, в других — /л': /л/ — верболіз, (Р. ед. верболозу), віплід (віплоду), віслів (віслову) глід (глоду), живопіт (живополту), заслін (заслону), обліг (облогу), ослін (ослона), переліг (перелогу), плід (плода), пліт (плоту), поклін (поклону); /л': /л' — віліт (Р. ед. вільоту), вертоліт (вертолота), відіт (відльоту), заліт (зальоту), зліт (зльоту), колір (кольору), лід (льоду), літ (льоту), наліт (нальоту), недоліт (недольоту), обліг (обльоту), паслін (пасльону), переліт (перельоту), переліт (перельоту), підіт (підльоту), політ (польоту), проклін (проклону).

в) Данный АР может быть представлен и чередованием (o ~ i). Оно отме-

чено в парадигмах тех сущ. м.р. II скл., которые характеризуются также и чередованием гласной фонемы с нулем типа (V ~ #) (см. выше II.A. AP1). Во втором от конца слоге в ИВО этих сущ. фиксируется гласная фонема /o/, которая находится в открытом слоге: *дворецъ, хосѣн*. В словоформах с вокалическими флексиями и с нулевой ступенью в чередовании (v ~ #) второй от конца слог ИВО оказывается закрытым, что и обуславливает появление второй ступени в чередовании (o ~ i), реализованной фонемой /i/: Р. ед. — *двѣрця, хісна*. Данное чередование проведено в языке крайне непоследовательно; случаев с чередованием сравнительно немного (например: И.ед. *віходець, гонѣц, кобець, яловець, пагонѣц, вѣвѣторок, мозок, островѣк* ~ Р.ед. *віхѣдця, гінця, кібіця, ялівцю, пагінця, вѣвѣторка // вѣвѣторка, мѣзку, острівка*). Значительно чаще в сущ. данной структуры фонема /o/ сохраняется во всех словоформах парадигмы, например: И.ед. — *борець* (Р.ед. *борця*), *горнѣць* (*горнця*), *ловець* (*ловця*), *самородок* (*самородка*), *клубочок* (*клубочка*) и мн.др. Большой группу сущ. м.р. II скл. составляют и слова с утвердившейся фонемой /i/ во всех словоформах парадигмы, например: *верхівець* (Р.ед. *верхівця*), *зв'язківець, значківець, початківець, сівівець, фахівець, якірѣць* и др.

г) Чередование (e ~ i) характеризует также парадигмы сущ. м.р. II скл. и обусловлено теми же причинами, которые были рассмотрены выше в пункте в). Случаев с чередованием (e ~ i) еще меньше (например: И.ед. — *віселок* ~ Р.ед. — *вісілка*). В подавляющем большинстве примеров фонема /e/ сохраняется во всех словоформах парадигмы, ср.: *стебель* (*стебля*), *цѣбѣр* (*цѣбра*), *осетѣр* (*осетра*), *сѣрпень* (*сѣрпня*) и др. Нередки случаи и обобщения фонемы /i/ во всех словоформах парадигмы: *січень* (*січня*), *білок* (*білка*), *залісок* (*заліска*), *німець* (*німця*) и др.

д) Чередование (e ~ o) непродуктивно. Оно характеризует парадигму лишь одного сущ. м.р. II скл. *обмѣл* 'с.-х. обмол' ~ Р.ед. *обмолу*.

2) AP A₁ ~ A₂ = (ед. (И. Т)) ~ (ед. (кроме И Т), мн.)

Характеризует парадигмы сущ. ж.р. III скл. с ИВО на мягкие или шипящие согласные фонемы. Он представлен двумя конкретными чередованиями: (i ~ e) и (i ~ o). A₁ (i) находим в словоформе И.ед., имеющей нулевую флексию, и в словоформе Т.ед., образованную с флексией /y/. A₂ ((e) или (o)) находим во всех остальных словоформах парадигмы, образованных как при помощи вокалических, так и нулевой флексий (ср., например, И.ед. *постѣль* и Р.мн. *постѣль*). По характеру морфологических модификаций, фиксируемых на месте элемента <C₂>, данные сущ. входят и в I AP 3в, и в I AP 5 (см. выше, с. 65—66, 67).

а) Чередование (i ~ e). Оно отмечено в сущ. ж.р. III скл., элемент <V₁> ИВО которых (в конечном сегменте <C₁V₁C₂>) реализован фонемой /i/, а элемент <C₂> — фонемами /н' л' ч/. Например: И.ед. — *гусінь, осінь, постѣль, повінь, провесінь, жужіль, кужіль, піч, електроніч, річ, Оріль*; Т.ед. — *гусінню, жужіллю, річчю* ~ Р.ед. *гусені, жужелі, речі*.

Однако в СУЛЯ имеется большое количество сущ. ж.р. III скл., (ИВО которых оканчивается не только на /л' н' ч/, но и на другие мягкие и шипящие фонемы), нарушающих данное морфологическое правило. Ср. наличие фонемы /i/ во всех словоформах парадигмы (*пріль* — *прілі, рїнь* — *рїні, широчїнь* — *широчїні, тїнь* — *тїні, мідь* — *міді, рїзь* — *рїзі, сумїш* — *сумїші* и др.), либо фонемы /e/ (*плісень* — *плісені, газель* — *газелі, єресь* — *єреси* и др.).

б) Чередование ⟨i ~ o⟩ также находим в парадигмах сущ. ж.р. III скл., элемент ⟨V₁⟩ ИВО которых (в конечном сегменте ⟨C₁V₁C₂⟩) реализован фонемой /i/, а элемент ⟨C₂⟩ — фонемами /н' л' т' д' ц' ч ж/. A₁ ⟨i⟩ характеризует словоформы И.ед. и Т.ед., A₂ ⟨o⟩, — все остальные словоформы парадигмы. Например: И.ед. — *прóсторинь, міль, нєхить, злисть, повідь, миць, ніч, обніж*; Т.ед. — *прóсторинню, міллю, злистю* ~ Р.ед. — *прóстороні, мблі, злості*. Однако чередование ⟨i ~ o⟩ не проведено в СУЛЯ последовательно. В парадигмах многих сущ. находим лишь одну фонему /o/, например: *консоль (консолі), заводь, молодь, наморозь, борт, прожовть, за́полоч, подорож* и др.

Приведенный выше материал показал лексически-органическую представленность в СУЛЯ чередований ⟨i ~ e⟩ и ⟨i ~ o⟩, характеризующих парадигмы сущ. ж.р. III скл. В связи с тем, что данные чередования имеют одинаковую первую ступень, реализованную фонемой /i/, практически невозможно определить конкретную морфонологическую характеристику того или иного сущ. по одной лишь словоформе И.ед. и его словоизменительной модели. Как известно, для большинства других видов чередований, особенно консонантных, этих параметров оказывалось вполне достаточно. Поэтому в дифференциации чередований ⟨i ~ e⟩ и ⟨i ~ o⟩ должны помочь специальные словарные и грамматические источники.

3) AP A₁ ~ A₂ = ⟨ед., мн. (кроме РВ — одуш.)⟩ ~ ⟨мн. (РВ — одуш.)⟩

а) Чередование ⟨e ~ i⟩ характеризует парадигмы сравнительно немногочисленной группы сущ. ж.р. I скл., ср.р. II скл. и сущ. pl. t. I и II скл., в ИВО которых на месте элемента ⟨V₁⟩ фиксируется гласная фонема /e/, а словоформы Р.мн. и В.мн. — одуш. образуются с флексией /Ø/: И.ед. — *береза, жменя, череда; гнездо (и гніздо), колесо, решето, село, плечé* ~ Р.мн. — *беріз, жмень, жмень (и жмень), черід; гнізд, коліс, решіт, сіл, пліч (и плеч//плечей)*. Гораздо чаще ожидаемое чередование ⟨e ~ i⟩ в сущ. указанных словоизменительных классов не реализуется, так как фонема /e/ присутствует во всех словоформах: *верета (Р.мн. верет), легеня, колега, лезо, оселя, перо, мережа, веретенo* и мн. др. В парадигмах других сущ. во всех словоформах утвердилась фонема /i/ и они также оказались немаркированными чередованием ⟨e ~ i⟩: *стіна, тіло, сіно, стріха, стріла, чечітка, свіча, діло, ріка, поліно* и мн. др.

б) Чередование ⟨o ~ i⟩ отмечено в парадигмах сущ. ж.р. I скл., ср.р. II скл. и в сущ. pl. t. I и II скл., ИВО которых имеет в конечном сегменте ⟨C₁V₁C₂⟩ на месте элемента ⟨V₁⟩ фонему /o/, а словоформы Р.мн. (и В.мн. — одуш.) образуются с нулевой флексией. A₁ ⟨o⟩ находим во всех словоформах с вокалическими флексиями в положении открытого слога; A₂ ⟨i⟩, фиксируется в закрытом слоге в словоформах с нулевой флексией (Р.мн. и В.мн. — одуш.): И.ед. — *борода, бджола, блоха, вигода 'корысть', гора, доба, зоря, коза, коса, сторона, соха, щока, ягода; болото, долото, коло, поле, слово, чоло; ворота (в парадигме со словоформой Т.мн. воротями//воротами) ~ Р.мн. — борід, бджіл, бліх, болот//боліт, доліт, кіл*. Однако можно отметить многочисленные случаи распространения фонемы /o/ на все словоформы парадигмы, и поэтому для данных сущ. ожидаемое чередование ⟨o ~ i⟩ оказывается нерализованным: *вода (Р.мн. — вод), грамота, вигода 'удобство, опытность', загорода, мова, чехоня* и мн. др. Примеры с обобщением фонемы /i/ во всех словоформах

парадигмы, фактически, отсутствуют. Ср. лишь: *кіта́* (Р.мн. *кітв*), *кіш-ка́* (*кішо́к*), *ніжка́* (*ніжо́к*) и др., где /i/ в ИВО находится в закрытом слоге.

4) $AP A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед., мн. (кроме Р Т)} \rangle \sim \langle \text{мн. (Р Т)} \rangle$

Представлен двумя чередованиями: $\langle e \sim i \rangle$ и $\langle o \sim i \rangle$. Он характеризует парадигмы трех суш.: ср.р. II скл. *ко́лесо* (чередование $\langle e \sim i \rangle$), ж.р. I скл. *сльо́за́* и рл. т. *воро́та* (чередование $\langle o \sim i \rangle$). A_2 , реализованный фонемой /i/, отмечен в словоформе Р.мн. с нулевой флексией и в словоформе Т.мн. с флексией /ми/. И.ед. — *ко́лесо*; *сльо́за́*, *воро́та* ~ Р.мн. — *коліс*; *сліз*, *воріт*; Т.мн. — *колісьмі* (и *колесами*); *слізьмі* (и *сльозами*), *ворітьмі* (и *воротами*/воротями).

5) $AP A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (И В Т), мн. (Т)} \rangle \sim \langle \text{ед. (Р Д П В), мн. (кроме Т)} \rangle$

Представлен чередованием $\langle i \sim o \rangle$ и характеризует парадигму лишь одного суш. ж.р. III скл. *кість*, образующего словоформу Т.мн. с флексией /ми/. Ср.: И.ед. — *кість*, Т.ед. — *кістю*, Т.мн. — *кістьми* ~ Р.ед. — *кості*, Д.мн. — *костям*... Суш. *кість* может иметь и вторую парадигму, в которой словоформа Т.мн. образуется с флексией /ами/ (*костями*) (см. П Б. АР 2 б).

III. Чередования, связанные с метатезой ($\langle C_1 VC_2 \sim VC_1 C_2 \rangle$)

$AP A_1 \sim A_2 = \langle \text{И.ед.} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И), мн.} \rangle$

Характеризует парадигмы лишь четырех суш. м.р. II скл., ИВО которых является односложным и оканчивается на /ц'/: *швець*, *жнець*, *жрець*, *мрець*. Он представлен ТЧ $\langle C_1 V \sim VC_1 \rangle$, реализованным в чередованиях $\langle ve \sim ev \rangle$, $\langle ne \sim en \rangle$, $\langle re \sim er \rangle$, а именно: И.ед. — *швець*, *жнець*, *жрець*, *мрець* ~ Р.ед. — *шеви́цѣ*, *жеви́цѣ*, *жеви́цѣ*, *меви́цѣ*. Парадигмы указанных суш. характеризуются также и чередованием $\langle ц' \sim \psi \rangle$, входящим в I АР 3.

III АР

ВЫВОДЫ

В заключение можно сделать вывод, что такие субстантивные словоизменяемые классы как склонения различаются между собой не только наборами флексий, но и составом типов чередований, характеризующих парадигмы данных словоизменяемых классов. Для парадигм суш. I скл. можно, например, отметить ТЧ $\langle K \sim C \rangle$, $\langle T' \sim T \rangle$, $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$, $\langle \# \sim V \rangle$ и $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$. Во II скл. парадигмам суш. м.р. свойственны ТЧ $\langle K \sim C \rangle$, $\langle T' \sim T \rangle$, $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$, $\langle K \sim C \sim \check{C} \rangle$, $\langle C' \sim C \sim \check{C} \rangle$, $\langle V \sim \# \rangle$, $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$, $\langle C_1 V \sim VC_1 \rangle$, а суш. ср.р. — ТЧ $\langle K \sim C \rangle$, $\langle T \sim T' \rangle$, $\langle C_2 O \sim C_2 C_3 \rangle$, $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$, $\langle \# \sim V \rangle$, $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$. Суш. ж.р., составляющие III скл., характеризуются ТЧ $\langle T' \sim T \rangle$, $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$, $\langle T' \emptyset \sim T' \dot{\imath} \sim T \emptyset \rangle$, $\langle T' \emptyset \sim T' T' \sim T \emptyset \rangle$ и $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$. Для парадигм суш. ср.р. IV скл. отмечены ТЧ $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$ и $\langle C \sim VC_1 \rangle$.

Парадигмы некоторых суш. могут характеризоваться одновременно несколькими ТЧ, что обуславливается чаще всего сочетанием таких признаков как определенная морфонологическая структура конечного сегмента

субстантивной основы и определенная формальная характеристика флексии (а именно — нулевая флексия или вокалическая). Так, если конечный сегмент каких-либо субстантивных основ имеет структуру $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$ или $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ (при обязательном наличии в парадигме словоформы с нулевой флексией), а элемент $\langle C_2 \rangle$ реализован при этом либо заднеязычными, либо парными по твердости—мягкости фонемами, то парадигма каждого отдельного сущ. может характеризоваться одновременно чередованием гласной фонемы с нулем (т.е. $\langle V \sim \# \rangle$ или $\langle \# \sim V \rangle$), с одной стороны, а с другой, — одним из ТЧ $\langle K \sim C \rangle$, $\langle K \sim C \sim \check{C} \rangle$, $\langle T' \sim T \rangle$, $\langle T \sim T' \rangle$ (в зависимости от конкретной реализации элемента $\langle C_2 \rangle$). Если, например, конечный сегмент субстантивной основы имеет структуру $\langle C_1 VC_2 \rangle$ (где элемент $\langle V \rangle$ реализуется фонемами /i/, /o/ либо /e/, а элемент $\langle C_2 \rangle$ — либо заднеязычными, либо парными по твердости—мягкости фонемами), и парадигмы сущ. с данными основами имеют словоформы с нулевыми флексиями, то может быть совмещение в одной и той же парадигме как вокалического чередования (т.е. $\langle i \sim o \rangle$, $\langle i \sim e \rangle$, $\langle o \sim i \rangle$, $\langle e \sim i \rangle$), так и консонантного (т.е. $\langle K \sim C \rangle$, $\langle K \sim C \sim \check{C} \rangle$, $\langle C' \sim C \sim \check{C} \rangle$, $\langle T' \sim T \rangle$, $\langle T \sim T' \rangle$).

Как правило, консонантные и вокалические чередования, а также чередования гласной фонемы с нулем характеризуют достаточно многочисленные группы субстантивных основ, причем некоторые из них (как, например, типы $\langle K \sim C \rangle$, $\langle T' \sim T \rangle$, $\langle T \sim T' \rangle$), фактически, не имеют исключений и ограничений в своем проявлении. Для других (например, чередований гласной фонемы с нулем и вокалических) в силу различных причин (аналогическое выравнивание в рамках парадигмы, заимствования и т.д.) отмечаются исключения, нарушающие закономерность проявления данного морфонологического правила.

Чередования, связанные с усечением и наращением основы, а также метатезой внутри основы большей частью маркируют лексически ограниченные группы слов. Однако и здесь разные чередования обладают неодинаковой степенью закономерности в своем проявлении. Так, например, конкретные чередования с усечением ($\langle \text{ин} \sim \emptyset \rangle$) и наращением ($\langle \emptyset \sim \text{ат} \rangle$) в рамках определенных продуктивных лексико-словообразовательных групп, которые в силу своей продуктивности представляют открытые ряды слов, действуют безысключительно: первое чередование характеризует сущ., обозначающие лиц по их национальной и социальной принадлежности, второе свойственно сущ., называющим маленькие существа и предметы. Другие чередования данных типов могут маркировать ограниченные в количественном отношении, словообразовательно непродуктивные группы слов и даже изолированные сущ. (ср. такие группы слов, как *плѣм'я*, *тім'я...*; *чудо...*; *жрець*, *жнець...*; *стаття*, *рілля*, *породілля*).

В связи с тем, что современная украинская субстантивная словоизменяющая система характеризуется большой вариативностью однозначных флексий, что обуславливает наличие дублетных парадигм одного и того же слова, то одни и те же сущ., в зависимости от выбора модели словоизменения, могут иметь и разную морфонологическую характеристику (ср., например, вариативную морфонологическую характеристику парадигм сущ. м.р. II скл. мягкой разн.).

Все эти факторы создают сложную и отчасти нестабильную картину морфонологической структуры субстантивного словоизменения СУЛЯ.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

В главе анализируется морфонологическая структура субстантивов СЧЛЯ ("spisovná čeština"). Понятие "современный" здесь охватывает состояние СЧЛЯ (в первую очередь в его письменном, книжном варианте) на протяжении последних 45-ти послевоенных лет. Подсистема иноязычных слов и подсистема чешского обиходно-разговорного языка в данной работе не рассматриваются.

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОЛОГИИ

Фонологическая система СЧЛЯ насчитывает 10 простых гласных фонем, 3 дифтонгических фонемы и 25 согласных фонем: /a o e u i á ó é ú i/, /ou eu au/, /k g x h č š ž t' t' d' d' s z n p' p b f v m r ř l j/. Сфера употребления фонем /g f/, /ó/ и дифтонгов /eu au/ ограничена подсистемой заимствованной лексики.

Релевантными ДП для гласных фонем являются долгота: краткость (/á ó é ú i/: /a o e u i/); степень подъема — низкий: средний: высокий, или компактные: некомпактные, недиффузные: диффузные (/a á/: /e é o ó/: /i i u ú/); ряд — задний: передний, или низкие: высокие (/o ó u ú/: /é é i i/); дифтонгичность : недифтонгичность (/ou eu au/ : /a o e u i á ó é ú i/).

Статус морфонологически значимых имеют противопоставления: долгота ~ краткость (ср. И. ед. *chvála*, *chvile* ~ Р. мн. *chval*, *chvil*), высокий ~ низкий подъем (ср. И. ед. *přítel* ~ И. мн. *přátele*), средний ~ низкий подъем (ср. И. ед. *vejce* ~ Р. мн. *vajec*), дифтонг ~ недифтонг (ср. И. ед. *trouba* ~ Р. мн. *trub*). В ряде случаев в различии словоформ одного слова в качестве морфонологических признаков участвует не какой-либо один, а несколько фонологических ДП, например: долгота ~ краткость и степень подъема (высокий ~ средний) (ср. И. ед. *bida* ~ Р. мн. *běd*; И.-В. ед. *sůl* ~ Р. ед. *solí*).

Релевантными ДП для согласных фонем являются: звонкость : глухость (/g h ž d d' z b v/ : /k x š t t' s p f/); смычность : фрикативность, или прерывность : непрерывность (/k g č c r ř/ : /x h š ž z s l/); заднее : переднее место образования, или компактность : некомпактность (/k g x h č š ž t' d' n'/ : /p b f v c s z t d n/); резкость : нерезкость (/s c z ř f v/ : /t d r p b/); периферийность : непериферийность, или низкая тональность : высокая тональность (/k g h x p b f v m/ : /č c ž š t t' d d' s z n p'/); назальность : неназальность (/n n' m/ : /t d t' d' p b f v/); плавность : неплавность (/r ř l/ : /все остальные фонемы/). Фонема /j/ имеет 2 признака (неконсонантность и невокальность).

Противопоставления звонких и глухих согласных образуют в СЧЛЯ корреляцию глухости—звонкости. Сильной позицией для звонких и глухих коррелятивов является позиция перед гласным, сонорным и /v/. Позицией нейтрализации — позиция конца слова перед паузой и перед шумным согласным, кроме /v/. На конце слова и перед глухим выступает глухой согласный, перед звонким — звонкий.

Традиционно для трех пар (t : t', d : d', n : n') выделяют также ДП твердость—мягкость (простая — дизная тоннальность). Однако авторы РГр, на фонологический комментарий СЧЛЯ которой мы опираемся, считают, что поскольку /t/ /d/ /n/ являются не палатализованными, а палатальными, они противопоставлены /t/ /d/ /n/ не по признаку твердый—мягкий, а по признаку компактности—некомпактности, охватывающему более широкий круг согласных фонем (РГр, с. 8).

Статус морфонологически значимых приобретают следующие ДП согласных: некомпактность ~ компактность (ср. И. ед. žena ~ Д.-П. ед. ženě; И. ед. chlapec ~ 3 ед. chlapece), нерезкость ~ резкость (ср. И. ед. víra ~ Д.-П. ед. víře), периферийность ~ непериферийность (ср. И. ед. peska ~ Д.-П. ед. pesce). В ряде случаев в качестве морфонологических значимых может выступать сочетание нескольких ДП (ср. непрерывность, компактность, периферийность ~ прерывность, некомпактность, непериферийность в И. ед. Riga ~ Д.-П. ед. Rize).

СВЕДЕНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ СУБСТАНТИВНЫХ ДЕКЛИНАЦИОННЫХ ТИПАХ

Ниже дан перечень основных субстантивных деklinационных типов СЧЛЯ (флексии даны в фонологической транскрипции, в круглых скобках приведена орфографическая запись в случае ее отличия от фонологической; порядок перечня падежных флексий соответствует русской традиции: ед. ч. И., Р., Д., В., Т., П., З., мн. ч. И., Р., Д., В., Т., П., З.; запятая отделяет друг от друга флексии одного и того же падежа, точка с запятой — показатели разных падежных форм).

Суш. м. р.: (I) Тип byt, dům, břeh, květek, les, balíček, sníh, mráz, účet: -Ø; -u, -a; -u; -Ø; -em; -u, -e(e, ě); -e, -u; -i(y); -ú(ů); -ům(ům); -i(y); -i(y); -ex(ech), -ix(ich), -ax(ach); -i(y). (II) Тип doktor, Polák, pstruh, had, bratr, občan: -Ø; -a; -ovi / -u; -a; -em; -ovi / -u; -e, -u; -i, -ové, -é; -ú(ů); -um(ům); -i(y); -i(y); -ex(ech), -ix(ich); -i, -ové, -é. (III) Тип stroj, lůž, peníz: -Ø; -e; -i; -Ø; -em; -i; -i; -e; -ú(ů); -ům(ům); -e; -i; -ix(ich); -e. (IV) Тип muž, učitel, otec, strýc, přítel, učen: -Ø; -e(e, ě); -i / -ovi; -e (e, ě); -em(em, ěm); -i / -ovi; -i, -e; -i, -ové, -é; ú(ů); -ům(ům); -e(e, ě); -i; -ix(ich); -i, -ové, -é. (IV¹) Тип kůň, kněz: -Ø, -e(e, ě); -i / ovi; -e(e, ě); -em(em, ěm); -i / -ovi, -i, -i / -e; -e(ě), -i; -i / -ú(ů), -i; -ům(ům), -im; -e(e, ě); -i / -mi, -imi; -ix(ich); -e(ě), -i. (V) Тип komunista, husita, kolega, vozká, sluha, despota, invalida: -a; -i(y); -ovi; -u; -ou; -ovi; -o; -ové, -é, -i; -ú(ů); -ům(ům); -i(y); -i(y); -ex(ech), -ix(ich); -ové, -i, -é. (V¹) Тип bača, maharadža: -a; -i; -ovi; -u; -ou; -ovi; -o; -ove, -ú(ů); -ům(ům); -i, -i / -e; -i; -ex(ech); -ové. (VI) Тип den, půlden, kámen, křemen, ječmen, řemen, loket: -Ø; -e, -e / -u, -e / -a; -i / -u; -Ø; -em; -i / -u, -i / -u / -e (ě, e в den); -i; -i / -e; -i(y), -i / -i(y) / -ové ě den; -ú(ů), -i / -ú(ů) в den; -ům(ům); -i(y), -i / -i(y) в den; -i(y); -ex(ech); -i(y), -i(y) / -i / -ové в den. (VII) Тип soudce, zástup-

се: -е; -е; -i/-ovi; -е; -em; -i/-ovi; -е; -i, -i/-ové; -ú(ů); -úm(ům); -е; -i; ix(ich); -i, -i/-ové.

"Смешанные" типы м. р.: (VIII) Тип markyz, strašpytel, ročy (мягк./тв.) : -Ø; -e/-a; -i/-ovi, -ovi/-i/-u; -e/-a; -em; -i/-ovi, -ovi/-i/-u; -i; -ové, -ové/-i; -ú(ů); -úm(ům); -e/-i(y); -i/-i(y); -ix(ich)/-ex(ech); -ové, -i/-oyé. (IX) Тип lamželezo (м. р./ср. р.) : -o; -a; -u/-ovi; -a; -em; -u/-ovi; -o; -ové; -ú(ů); -úm(ům), -i(y); -i(y); -ex(ech); -ové. (X) Тип hrabě, dóže (ед. ч. по м. р., мн. ч. по ср. р. или ср./м.) : -e(ě, е); -е; -i; -e(ě, е); -em; -i; -e(ě, е); -a, -ové/-a; -Ø, -ú(ů)/-Ø; -úm(ům); -a, -e/-a; -i(y), -i/-i(y); -ex(ech), -ix(ich)/-ex(ech); -a, -ové/-a. (XI) Тип drzgrěšle (м. р./ж. р.) : -e; -e; -ovi/-i; -e/-i; -em/-i; -ovi/-i; -e; -ové/-e; -ú(ů)/-i; -úm(ům)/-im; -e, -i/-emi; -ix(ich); -ové/-e.

Суш. ж. р.: (XII) Тип ryba, kráva, skica, káca: -a; -i(y), -i; -e(ě), -e, -e/-i; -u; -ou; -e(ě), -e, -e/-i; -o; -i(y), -i; -Ø; -ám; -i(y), -i; -ami; -áx(ách); -i(y), -i. (XII¹) Тип ruка, poha: ед.ч. как губа; мн.ч.: -i(y), -e; -Ø, -ou; -ám; -i(y), -e; -ama; -ou/-áx(ách); -i(y), -e. (XIII) Тип chvilé, duše, kůže, melodie, ulice, přítelkyně, kárpě, оуце: -e(e, ě); -e(e, ě); -i; -i; -i; -i; -e(e, ě); -e(e, ě); -i, Ø; -im; -e(e, ě); -emi(ěmi, emi); -ix(ich); -e(e, ě). (XIV) Тип píseň, konev, laň, hůl: -Ø; -e(e, ě); -i; -Ø; -i; -j; -i; -e(ě, e); -i; -im; -e(ě, e); -emi(ěmi, emi); -ix(ich); -e(ě, e). (XV) Тип kost, čest, část: -Ø; -i, -i; -Ø; -i; -i; -i; -i; -em; -i; -mi; -ex(ech); -i. (XVI) Тип odprověd', čtvrt', zed', lod', chut', ves, noc, lest, sůl (различные объединения флексий по XIV и XV типам): -Ø; -i, -i/-e(ě); -i; -Ø; -i; -i; -i; -i, -i/-e(ě); -i; -im, -em/-im; -i, -i/-e(ě); -mi, -emi(ěmi, emi), -mi/-emi(ěmi); -ix(ich), -ex(ech)/-ix(ich); -i, -i/-e(ě). (XVII) Тип máti, pramáti, net': -i/-Ø, -Ø; -i/-e; -i; -i/-Ø, -Ø; -i; -i; -i; -e, -i/-e; -i; -im; -e, -i/-e; -emi(emi, ěmi); -ix(ich); -e, -i/-e.

Суш. ср. р.: (XVIII) Тип město, okno, sucho, středisko, dílo, letadlo, ministerstvo: -o; -a; -u; -o; -em; -u, -e(ě, e); -o; -a; -Ø; -úm(ům); -a; -i(y); -ex(ech), -áx(ách), -ix(ich)/-áx(ách); -a. (XVIII¹) Тип rámě (кн.)/rameno, koleno: -o; -a/-e, -a; -u/-i, -u; -o; -em; -u/-i/-e(ě), -e(ě)/-u; -o; -a; -Ø/-ou; -úm(ům); -a; -i(y); -ou/-ex(ech); -a. (XVIII²) Тип oko, ucho: ед. ч. как město; мн. ч.: -i; -i; -im; -i; -ima; -ix(ich); -i. (XIX) Тип pole, pracoviště, vejce: -e(e, ě); -e(e, ě); -i; -e(e, ě); -em(em, ěm); -i; -e(e, ě); -e(e, ě); -i, Ø; -im; -e(e, ě); -i; -ix(ich); -e(e, ě). (XIX¹) Тип dopoledne: как pole, кроме Т. мн. с -i(y) и П. мн. с -ex(ech). (XX) Тип stavení, zboží, práni, století: -i; -i; -i; -i; -im; -i; -i; -i; -i; -im; -i; -imi; -ix(ich); -i. (XXI) Тип kuře: ед. ч. как pole, мн. ч. как město. (XXII) Тип břímě (кн.)/břemeno: ед. ч. как rámě/rameno, мн.ч. как město.

Суш. пл. т. (XXIII) Тип schody, šaty, licousy (по мн. ч. типа byt): -i(y); -ú(ů); -um(ům); -i(y); -i(y); -ex(ech); -i(y). (XXIII¹) Тип tepláky, filčáky, štruktáky (по мн. ч. типа byt, кроме П. мн. с -ách): -i(y); -ú(ů); -úm(ům); -i(y); -i(y); -áx(ách); -i(y). (XXIII²) Тип Hradčany, Karpaty, Klobouky, Bubny, Hamry, Vinohrady, Mokropsy, (Karlové) Vary (по мн. ч. типа byt, кроме Р. мн. с -Ø): -i(y); -Ø, -Ø/-ú(ů); -úm(ům); -i(y); -i(y); -ex(ech); -i(y). (XXIV) Тип hrábě, šáně, dvěře (по мн. ч. типа půše): -e(ě, e); -i; -im; -e(e, ě); -emi(ěmi), -mi; -ix(ich); -e(ě, e). (XXIV¹) Тип vánoce, letnice; -e; -Ø; -úm(ům), -im/-úm(ům); -e; -emi/-i, -emi; -ix(ich); -e. (XXV) Тип Venátky, Cechy, Atény, Uhry, Tatry (по мн.ч. типа ryba): -i(y); -Ø; -ám; -i(y); -ami; -áx(ách); -áx(ách)/-ix(ich); -i(y). (XXVI) Тип játra, záda, bedla, dychábla (по мн.ч. типа město): -a; Ø; -úm(ům); -a; -i(y); -ex(ech); -a. (XXVII) Тип řadra, bedra, vrátka (объединение флексий мн.ч. по типам ryba и město): -a; -Ø; -úm(ům)/-ám; -a; -i(y)/-ami; -ex(ěch), -áx(ách); -a.

Фонологическое варьирование в основе отсутствует в V¹, VII, IX, XI, XXIII, XXIII¹, XXIII², XXIV¹ типах. В остальных типах в той или иной степени (чаще в отдельных лексемах, реже в определенных классах лексем) представлены морфонологические явления.

ВИДЫ ЧЕРЕДОВАНИЙ

Рассматриваемые ниже морфонологические явления создают в склонении сущ. обычно межпадежные или межчисловые оппозиции. Являясь наряду с падежной флексией "соучастником" выражения определенной межпадежной оппозиции, чередование для ряда слов определенной структуры может одновременно служить показателем определенной ГК. Так, для СЧЛЯ оппозиция одушевленность – неодушевленность оформляется не только на уровне флексий, но и на альтернативном уровне.

Ниже предлагается анализ всех видов варьирования фонологического облика основы в парадигматике сущ. СЧЛЯ. В работе рассматриваются такие морфонологические средства, как качественные (консонантные и вокалические) чередования, количественные чередования (альтернации V ~ # и наращения – усечения), а также немногочисленные метатезы.

Варьирующейся в пределах падежной парадигмы частью основы является обычно ее финальная часть (для консонантных чередований, наращений – усечений, чередований с #). Для вокалических – это гласный, предшествующий исходу основы.

При описании альтернатив в целях сокращения изложения пользуемся следующей символикой обозначения типов чередований: а) консонантных: $\langle T \sim T' \rangle =$ 'передний (некомпактный) ~ задний (компактный)', $\langle P \sim \sim PJ \rangle =$ 'губной ~ губной + j', $\langle K \sim C \rangle$ (или $\langle K \sim \check{C} \rangle$) = 'периферийный (низкий) ~ непериферийный (высокий)', $\langle R \sim R \rangle =$ 'резкий ~ нерезкий'; б) вокалических: $\langle V \sim V \rangle =$ 'долгий ~ краткий', $\langle I \sim E \rangle =$ 'долгий высокий ~ краткий средний'.

а) Консонантные чередования

Изменение исхода основы И.ед. перед флексией происходит при наличии следующих морфонологических позиций: 1) флексия П.ед. сущ. м. и ср.р. и Д. -П. ед. сущ. ж.р. -e (-e₁); 2) флексия И. -3. мн.сущ. м.р. од. -i (-i₁); 3) флексия П. мн.сущ.м. и ср.р. -ich; 4) флексия 3. ед. сущ. м.р. -e (-e₂); 5) флексия -i (-i₁), характерная для большинства форм сущ. ж.р. с нулевой флексией и некоторых других сущ.; 6) флексии, начинающиеся с i (i₁) в сущ. ж.р. на -e с губным исходом основы.

1. *Перед флексией* -e₁ фиксируются чередования типа $\langle T \sim T' \rangle$ ($\langle t \sim t', d \sim d', n \sim n' \rangle$), $\langle K \sim C \rangle$ ($\langle k \sim c, x \sim \check{s} \rangle$), $\langle P \sim PJ \rangle$ ($\langle p \sim pj, b \sim bj, f \sim fj, v \sim vj, m \sim mn' / mj \rangle$) и чередования $\langle r \sim \check{r} \rangle$, $\langle h \sim z \rangle$, $\langle g \sim z \rangle$.

Все 13 звеньев этого AP отмечены в сущ. ж.р. (XII): $\langle t \sim t' \rangle$ (cesta ~ cestě), $\langle d \sim d' \rangle$ (voda ~ vodě), $\langle n \sim n' \rangle$ (žena ~ ženě), $\langle r \sim \check{r} \rangle$ (sestra ~ sestře), $\langle k \sim c \rangle$ (řeka ~ řece), $\langle x \sim \check{s} \rangle$ (moucha ~ mouše), $\langle m \sim mn' / mj \rangle$ – mj в Моравии и Южной Чехии – (zima ~ v zimě), $\langle b \sim bj \rangle$

(chudoba ~ chudobě), ⟨p ~ pj⟩ (lampa ~ lampě), ⟨v ~ vj⟩ (hlava ~ hlavě), ⟨f ~ fj⟩ (karafa ~ karafě), ⟨h ~ z⟩ (stuha ~ stuze), ⟨g ~ z⟩ (falanga ~ falanze). Самую большую лексическую "нагруженность" имеет звено ⟨k ~ c⟩ в связи с продуктивностью форманта -k и вхождением его в состав других более сложных суф. (-ovk-a и под.).

В суш. м. и ср.р. (I и XVIII) AP редуцирован вследствие причин морфологического и лексического характера. В м.р. зафиксирован 10-членный ряд чередований: ⟨t ~ t', d ~ d', n ~ n', r ~ ř, m ~ mn', v ~ vj, p ~ pj, b ~ bj, k ~ c, x ~ š⟩. В ср.р. число членов этого ряда еще меньше (8): ⟨t ~ t', d ~ d', n ~ n', r ~ ř, m ~ mn', v ~ vj, k ~ c, x ~ š⟩. При этом, в отличие от суш. ж.р., в твердом подтипе которых флексия -e Д-П ед. является единственным морфологическим показателем данных форм, в суш. м. и ср.р. с окончанием -e в П. ед. конкурирует, а в словах определенной морфологической структуры (с определенными типами финалей) и преобладает флексия -и.

Факторы, влияющие на "редуцированный" по сравнению с максимальным набором чередований в парадигме суш. ж.р. характер рядов в парадигмах суш. м. и ср.р., а также на разную степень лексической нагруженности (и часто лексикализованный характер) тех или иных звеньев.

1. Категория одушевленности-неодушевленности в парадигме суш. м.р., поскольку в одуш. в П.ед. представлены флексии -и и -ovi. Таким образом, флексия -e с предшествующими изменениями исхода основы И.ед. является возможным показателем П.ед. только неод.суш. м.р.

2. Наличие конкурента -и в словах с определенными типами финалей основы И.ед.

А. Этот конкурент обычен в *основах на заднебный*: а) как единственно возможный показатель (в большинстве лексем): ср. vtch — на vtchu, snih — на sněhu, chodnik — на chodniku; б) как дублетный к флексии -e (зафиксирован для всех лексем м. и ср.р. с окончанием -e и, соответственно, предшествующими ему чередованиями ⟨k ~ c⟩, и ⟨x ~ š⟩): м.р. rok (v roce // v roku), rybnik (na rybnice // v rybniku), jazyk (jazyce // jazyku); kožich (kožise // kožichu); ср.р. mléko (v mléce // mléku); břicho (na bříše // na břichu), roucho (v rouše // v rouchu). Формы с -e и -и могут различаться частотностью. Так, по Гр. Тр. rybnice, roku, Mělnice, Žebráce — формы более редкие, чем rybniku, roce, Mělniku Žebráku (с. 462—463). Ни в суш. м.р., ни в суш. ср.р. не отмечено примеров с П. ед. на -e в /g/- и /h/- основах (и, соответственно, чередований ⟨g ~ z⟩ и ⟨h ~ z⟩).

В. В *основах на /r/* возможны следующие случаи: а) -и как единственно возможный показатель (mír — o míru, výbor — o výboru и т.п.) б) -и как дублетизм к -e (klášter ~ -e// -и, papír ~ на papíře // на papíru). При этом -e употребляется в обстоятельном ("местном") значении; в) -e как единственно возможное (редко). Это слова, обозначающие, как правило, различные типы locus 'a: dyř ~ o, ve na dvoře, tábor ~ táboře (то же в собственном tábor ~ Táboře), суш. на -var, являющиеся названиями предприятий, производящих определенный вид продукции (pivovar — v pivováře, lihovar — v lihováře и т.п. — но для solivar в Ч.р. Сл. приведена только форма с -и). Об обычном характере -и в П. ед. в /r/- финалях свидетельствует тот факт, что из 38 суш. на ro, приведенных в Сл. Сл., только для 8-ми отмечены формы с -e, причем для всех параллельно с формами на -и: jaro ~

~ ро, о јару // на јаře, stříbro ~ -ru // -ře, jádro ~ -ru // -ře, jezero ~ -ru // -ře, pouzdro ~ -ru / -ře, patro и производные от него mezipatro и polo-patro.

С. Нередко -и отмечается и в основах на губной, а) -и — единственно возможный показатель: film — о filmu, ústav — v ústavu, bob — о bobu; б) -и как дублетизм к -е: м.р.: chléb — о chlebu // chlebě, betlém — -u//ě, akusativ // akuzativ — -u//ě, jeřáb — -u//ě, sloup ~ sloupě в Гр. Тр. и обе формы в Ч-р. Сл., chrám ~ v chrámě // v chrámu Гр. Тр., 463, strom ~ -u//ě, trám ~ -u//ě, и др.; ср.р.: slovo ~ slově // -и (по Гр. Тр., с. 515 чаще употребляется -е), střevo ~ střevě // -vu, dřevo // -vé, pivo ~ -vu// -vé, pismo ~ -opísmě / pismu (по Гр. Тр. более частотна 1-я форма), jařmo — jařmě // jařmu. О направлении процесса стабилизации изофункциональных флексий свидетельствуют некоторые факты Гр. Тр., сопоставляемые с данными Ч-р. Сл.: Гр. Тр. — говě; Ч-р. Сл. слово gov относит к парадигме с формой П. ед. govu как единственно возможной; в) -е единственно возможная флексия П. ед.: dům (о, v, na domě), chlév ~ v chlévě, hrob ~ o hrobě, ostrov ~ ~ ostrově, hřbitov ~ hřbitově, strop ~ stropě. Знаменательно, что слова с единственно возможной флексией -е имеют, как правило, "местную" семантику (место, помещение, его часть). Окончание -е представлено также в П. ед. названий городов и др. населенных пунктов на ov, ev : (v Krakově), и некоторых других (ср. Řím — Řimě).

Ни для м.р., ни для ср.р. не отмечено чередование ⟨f ~ fj⟩. Для ср.р. не зафиксировано также чередований ⟨p ~ pj⟩ и ⟨b ~ bj⟩ (о причинах см. ниже).

Д. Наиболее частотна, по сравнению с рассмотренными выше типами основ, флексия -е₁ в основах на зубные, в том числе на /t, d, n/, чередующиеся перед -е₁ соответственно с /t', d', n'/: а) -е как единственно возможная флексия: м.р.: most ~ mostě, svět ~ světě, oběd ~ po obědě, při obědě, mlýn ~ mlýně, komin ~ komině, названия построек и хозяйственных помещений на -in типа kravín ~ kravíně, топонимы: ⟨d ~ d'⟩ (Bělohradě, Brodě), ⟨n ~ n'⟩ (Lisaboně, Londýně, Milaně, все слова на -in типа: Hodoníně); ср.р.: okno ~ okně, dno ~ dně, místo ~ místě, hnízdo ~ hnízdě; б) -е как возможная наряду с -и : м.р. případ ~ případě // -и, zákon ~ o zákonu, po zákonu // v zákoně, bod ~ o bodě // bodu, sjezd ~ sjezdě // -du, účet ~ ~ na účtě // -tu, rektorát ~ na rektorátě // na rektorátu, balkon ~ na balkoně // на balkónu; ср.р.: kino ~ ně // -nu, koleno ~ ně // -nu — по Гр. Тр. чаще -е, stado ~ o stadě // -du, torpedo ~ -dě // -du, koryto ~ -u// -ě, řešeto ~ -tu// -tě, mýto ~ -tu// -tě, dláto ~ -u// -e, mesto ~ o městě // -tu. О тенденции к расширению сферы употребления окончания -и свидетельствует тот факт, что многие из слов, приводимых в Гр.Тр. с флексией -е, употребляются в настоящее время (по данным Ч-р. Сл. и Пр. 84) с двумя окончаниями. Ср. plot ~ plotě // plotu, hrad — на hradě, o hradu, ocet — v octě // -и, led — ledě // -du, výlet — výletě // -tu, sad — sadě // -du, Ч-р. Сл. úřad — úřadě // -du (но в Пр. 84 úřade), východ ~ на východě 'на востоке' и по východu 'после выхода', západ ~ на západě 'на западе' и по západu 'после заката'; в) -и как единственно возможное окончание П. ед. (представлено преимущественно в новообразованиях и заимствованиях) но не только в них: м.р.: jed — jedu, křest — křtu, azimut — tu, akord — du, alkaloid — du, skon — nu, Bern — Bernu, и мн. др.; ср.р.: chladno — chladnu, vřeteno — vřete-

nu, ráno — ránu, krédo — krédu, hovado — hovadu, saldo — saldu, veto — vetu, sito — situ.

Возможны разные семантические оттенки форм с -е и с -и, употребляющихся для одной и той же лексемы. Так, для лексемы jméno указываются две формы о jméne // jménu, но в наречном выражении 'во имя' возможна только флексия -и (ve jménu zákona, ve jménu Boha) или v létě 'летом', но po létu 'после лета'. Возможность наличия флексии -е в П.ед. может быть также единственным парадигматическим различителем слов-омонимов: akord 'муз. аккорд' — П.ед. только с -и ~ аккорд, аккордная (сдельная) работа' — pracovat v akordu 'сдельно работать' // -дѣ.

3. Отсутствие в словарном составе СЧЛЯ лексем определенной морфологической структуры или небольшое количество этих лексем. Так, в Сл. Сл. не отмечено ни одной лексемы ср. р. с /f/-исходом основы И.ед., зафиксировано всего 4 сущ. с /r/-финалью основы, 1 (причем несклоняемая) лексема с /b/-исходом основы (žabó), 7 апеллятивов на то. Естественно, эти факты лексического характера устраняют или суживают (в ряде случаев в комплексе с 4-м фактором — см. ниже) возможность наличия П. ед. с -е в словах с определенными типами основ.

4. Заимствованный (относительно новый) характер лексем. Так, при общей тенденции к распространению -и в губных финалях основы не случается факт отсутствия в сущ. м.р. именно чередования < f ~ fj >: ни одно из 36 неод. сущ. м.р. из Сл. Сл. не имеет дублета П. ед. с -е. Комплексом факторов (иноязычный характер и задненебная финаль) обусловлено и отсутствие примеров с чередованием < g ~ z > в сущ. м. и ср.р. (все 7 сущ. на го, приведенные в Сл.Сл., нового иноязычного происхождения). Учитывая факт обычного отсутствия -е в новых заимствованиях и новообразованиях м. и ср.р., вытеснение формами с -и некогда единственно возможных форм с -е в ряде лексем (например, появление вместо v autobuse, на rarigě возможных v autobusu, на rarigu, см. также отмеченное выше современное наличие дублетов с -и к формам на -е, квалифицируемым в Гр. Гр. как единственно допустимые), можно сделать вывод о постепенном сужении числа лексем с возможным (и тем более единственным) линейным маркером -е.

Факторы, благоприятствующие сохранению показателя -е (и соответственно, чередований): 1. высокая частотность слова, что всегда способствует сохранению его более архаического вида. Сюда относятся сущ. oběd, svět, rok, okno, dům, dub, byt, slovo и некоторые др., 2. "местная" семантика лексем. Как правило, П.ед. с -е характерен или для высокочастотных лексем или для слов со значением locus'a (или для слов, которым присущи оба указанных свойства). Ср. в м.р.: hrob, byt, chlév // chliv, ostrov, most, dvůr, hřbitov, stát, mlýn, komín, постройки на in, многие названия городов (Stalingradě, Lyoně и мн. др.); в ср.р.: hnízdo, místo, dno и др.; 3. в рамках слов с общим значением "места" особенности словообразовательной структуры: наличие форманта -in (топонимы и строения на in), топонимы на -ov, -ev; 4. употребление в составе фразеологических оборотов, языковых клише. Ср. при наличии форм П.ед. с -е и -и для лексемы případ 'случай' (причем наличие případu отмечено еще в Гр.Гр., с. 463) в выражениях типа 'в случае чего, во всяком / любом, самом лучшем и т.п. / случае' употребляется только форма případě. Или при наличии дублетов с -е и -и

для лексемы *plot* 'забор' только -е сохраняется в выражении (*zůstal sam*) jako *kůl v plotě*. Ср. также при дублетах П.ед. с -е и -и для лексем *rukáv* и *křem* во фразеологических оборотах *už je ruka v rukávě* и *jako houska na křemě* употребляется только вариант с -е. То же отмечается для сущ. ср.р. *goucho* и *břícho*, в которых при формах с -и и -е возможно только *v gouše Adamově*, *lézt po bříše*; 5. при наличии дублетных форм с -е и -и первая форма обычно связана с обстоятельственным локальным значением предложно-падежной формы и, соответственно, сочетается, как правило, с предлогом *v* и *na*, противопоставляясь форме с -и, сочетающейся с *o*, *po* и др. предлогами. Ср. *v octě* и *o octu*, *na východě* и *po východu*, *na západě* и *po západu*, *na hradě* и *o hradu*; 6. можно было бы предположить, что фактором, сдерживающим экспансию -и в парадигмах сущ. м.р., является наличие в неод. сущ. Р.ед. окончания -а (ср. *oběd*, -а и *po obědě*, *Londýn*, -а и *v Londýně*, *včelín*, -а при *ve včelíně* — то же в др. сущ. на *ín*, и топонимах на *ev/ov*, *dvůr*, *dvora* и *na dvoře*, *rybník*, -ка при *rybníce//ku*). Закономерность "-а в Р.ед. — -е в П.ед." проявляется и в сущ. с неизменной финалью основы во всех членах парадигмы: ср.: *les-a* — *lese*, *oves*, -*sa* — *ovse*, *kostel*, -*a* — *kostele*.

Однако существует и немалое число несоответствий этому правилу: например, в основах на задненебный типа *lesík*, *днеšek* или в названиях месяцев *říjen*, *únor* при Р.ед. на -а представлена форма П.ед. с -и.

II. *Перед флексией* И.мн. од. сущ. м.р. -*i* фиксируются те же типы чередований (кроме типа $\langle P \sim PJ \rangle$), что перед флексией -*e*₁ в Д-П. ж.р.: $\langle K \sim C \rangle$ (альтернати $\langle k \sim c, x \sim š \rangle$), $\langle T \sim T' \rangle$ (альтернати $\langle t \sim t', d \sim d', n \sim n' \rangle$), чередования $\langle r \sim ř \rangle$, $\langle h \sim z \rangle$ и $\langle g \sim z \rangle$. Примеры: *dělník* ~ *dělníci*, *pták* ~ *ptáci*, *lenoch* ~ *lenoši*, *soudruh* ~ *soudruzi*, *Bulhar* ~ *Bulhaři*, *tygr* ~ *tygři*, *student* ~ *studenti*, *despota* ~ *despoti*, *Švéd* ~ *Švédi*, *invalida* ~ *invalidi*, *slon* ~ *sloni*. Однако, как и в П.ед. сущ. м. и ср.р., показатель -*i*₁ одушевленных (а категория одушевленности выражена с помощью особых флективных показателей в парадигмах сущ. м.р. II и V типов склонения) является отнюдь не единственно возможной флексией И.мн. од. сущ., а существует (причем в некоторых случаях в пределах одной лексемы) с окончаниями -*ově* и -*ě*. Хотя обычным для од. сущ. с нулевой флексией считается все же флексия -*i*₁.

Рассмотрим распределение показателей одушевленности в И.мн. по разным классам основы, подвергающимся перед -*i*₁ модификациям.

А. *Основы на задненебные*. В основах на $/k h x/$ представлено обычно -*i* с соответствующими изменениями финалей основы ($\langle k \sim c, h \sim z, x \sim š \rangle$): *Polák* ~ *Poláci*, *vlk* ~ *vlci*, *soudruh* ~ *soudruzi*, *pstruh* ~ *pstruzi*, *hoch* ~ *hoši* и т.д. Особенно велика лексическая нагруженность звена $\langle k \sim c \rangle$, что обусловлено, в частности, большим количеством производной лексики с формантами, оканчивающимися на $/k/$, в которой представлены разнообразные словообразовательные категории и типы в пределах тех или иных категорий. Так, сюда относятся типы с суф. -*ník*, -*k*, -*ák* словообразовательной категории *nomina agentis* (типа *pracovník*), *nomina attributiva* с суф. -(*n*)*ík*, -*ák* (типа *mladík*, *dobrák*), наименования по происхождению и родству с суф. -*ák* (типа *hogák*), аугментативы и пейоративы с суф. -*ák* (тип *chlápak*). Большая лексическая нагруженность чередования $\langle k \sim c \rangle$ связана также с частотностью морфемы *k* (в том числе входящей в сложные

суффиксы типа -eč # -k, -ič # -k, -ač # -k в сущ. м.р., обозначающих живые существа: ср. ježek, Ježíšek, čolek, dědeček, psíček и под.

Однако и в основах на задненебный с флексией -i₁ конкурирует окончание -ové. Как правило, -ové и в основах на задненебный, и в других типах основ отмечается в односложных (реже двусложных) сущ. Если в одних лексемах (названиях национальностей и некоторых др. названиях лиц) -ové является единственным возможным окончанием (Rek – Řekové), то в других оно сосуществует с показателем -i: Čech – Češi // Čechové, druh – druhí и druhové, mnich – mniši // mnichové. Такая возможность употребления обеих флексий в И.мн. характерна для од. сущ. с /h/-исходом основы, поскольку большинство слов этого морфонологического класса либо односложны, либо представляют собой словосложения, во вторую часть которых входит односложная базисная лексема. Словосложение при этом сохраняет показатели второго компонента. Так, из 14-ти од. сущ. в Сл.Сл. только 2 относятся по Ч-р Сл. к типу с флексией И.мн. -i₁ как единственно возможной (soudruh, pstruh), в 2-х (špeh, zběh) возможна только форма И. мн. с ové, а в 10-ти представлены обе формы: druh и производные (dobrodruh, podruh), vrah и производное (sebevrah, bratrovrah) bůh и производные (panbůh, neznaboh, polobůh), koželuh.

Обе формы И.мн. (с -i₁ и -ové, соответственно, с чередованиями и без) возможны и в сущ. с /k/-исходом основы, обладающих особой словообразовательной структурой. Это названия живых существ с суф. -k, имеющим нередко (но не всегда) модифицирующее словообразовательное значение деминутивности и различные оттенки экспрессивности. Ср.: strýček, vřabeček, černo vlásek и др. Обе формы встречаются и в словах иной словообразовательной структуры. Например, для koník и производного koníček возможны формы И.мн. koniči и koníčkové. Полисемантность данных лексем (возможность обозначать не только живое существо: koník 'конек, хобби') проявляется на морфонологическом уровне в наличии в последнем случае формы И-З. с -i₂ (орф. у) – koníky – и отражается на морфонологическом уровне (отсутствие чередования).

Некоторые сущ. м.р., обозначающие неживой объект материального мира, тем не менее в особых условиях могут восприниматься как одушевленные и иметь, соответственно, дублетные формы И.мн.: с флексией неод. сущ. -i₂ (-В.мн.), перед которой не происходит модификации основы, и с флексией од. сущ. -i₁, перед которой всегда происходит модификация финали, в данном случае чередование ⟨k ~ c⟩: hřibek – И.мн. hřibky наряду с возможным hřibci, bogovák – И.мн. bogováku наряду с bogováci, maňásek – maňásci и maňásky. Во всех указанных примерах формы с -i₁ употребляются в качестве стилистически маркированных, экспрессивных. Ср. также в сущ. slaneček: И.мн. slanečky // slane čsi (при употреблении в фразеологическом обороте формы с -i₁: Jsou tam maňáskaní jako slanečci). Заимствованные слова с /g/-исходом основы имеют флексию И.мн. -ové, так же как сущ. м.р. на -a с задненебной финалью (типа shha, Jirka, kolega).

В. Основы на /t/, /d/, /n/. Эти основы представлены и в сущ. м.р. с нулевой флексией И.ед. и в сущ. м.р. на -a: ср. kot, despotá, Svéd, vévoda, děda, pán, staršina. В сущ. м.р. на -a флексия И.мн. -i₁ зафиксирована для /t/- и /d/-основ, причем во всех случаях она выступает как одна из двух дублет-

ных форм (наряду с -ové или -é): despota — И.мн. despoti // despotové, asketa — И.мн. asketi // asketové, invalida — И.мн. invalidi // invalidé. При этом -i₁ является в этих словах стилистически маркированной: "придает выражению разговорный или пейоративный характер" (Шир., с. 124).

Однако в значительно более широком кругу лексем м.р. на -а с /t/- и /d/-финалями основы -ové или -é употребляются как единственно возможные. Так, И.мн. с -ové характерен для таких лексем, как poeta, starosta, děda, předseda, наименований носителей определенных свойств, большинство которых относится к общему роду (т.е. в зависимости от контекста изменяющихся также и по типу сущ. ж.р. — тип nezbeda, neposeda, nelida), собственных имен (Benda, Neruda, Svoboda). Сущ. на -ita, -ista, -asta имеют флексию И.мн. -é: ср. bandita — bandité, houslista — houslisté, gymnasta — gymnasté. Структурно-фонологический тип сущ. на -sta составляет большую часть лексем м.р. на -а. В Сл. представлено 248 сущ. м.р. с заимствованным суффиксом -ista. Для сущ. м.р. и общего рода на -а с /n/-исходом основы отмечена исключительно флексия -ové: ср. hrdina — hrdinové, dítě — dětinové по м.р. // děti по ж.р.

Более частотен показатель -i₁ в И.мн. сущ. м.р. с нулевой флексией И.ед. Примеры: student — studenti, pelikán — pelikáni, had — hadi, kamarád — kamarádi, rekordman — rekordmani, pilot — piloti. Всегда -i₁ в И.мн. представлено в сущ. с суф. -ant и -ent.

В названиях животных, как правило, употребляется -i₁ (хотя в Ч-р Сл. для slon даны формы sloni // slonové). В названиях лиц флексия -i₁ конкурирует либо с окончанием -ové, либо с флексией -é. Так, в отдельных сущ. представлен И.мн. с -ové: syn — synové (и в производном zlosyn — zlosynové), děd — dědové (и в производном praděd — pradědové) и др.

В сущ. с суф. -an, обозначающим лица по происхождению, принадлежности к определенной местности, употребляется окончание -é: měšťan — měšťané, Pražan — Pražané и под. Хотя в других сущ. на -an возможны дублеты, причем не только с -é, но и с -ové, ср. rohan — rohané//rohani и děkan — děkani//děkanové; -é может употребляться и в других сущ.: host — hosté, soused — sousedé.

Во многих сущ. м.р. с /n/-, /t/- и /d/- исходами основы И.ед. возможна флексия И.мн. -i₁ наряду с показателями -é или -ové. Такой дублетизм, в частности, характерен для новых заимствованных сущ. на -it и -at типа favorit — favorité // favoriti, diplomat — diplomaté//diplomati, но opat — opati. Ср. также: prelát — preláti//prelátové (но pirát — piráti, kurát — kuráti), pomád — pomádi // pomádové, patron — patroni//patronové. Употребление одного из дублетизмов может быть обусловлено синтаксически: так из двух возможных форм И.мн. ráni и ránové только первая возможна перед личным именем собственным.

С. Основы на /r/. Эти основы отмечаются и во II и в V типах (ср. rektor и nemotora, причем последняя лексема может изменяться и по XII типу). Однако чередование (r ~ ř) представлено только в сущ. II типа, поскольку в них фиксируется флексия И.мн. -i₁. Примеры: tygr ~ tygři, bratr ~ bratři, doktor ~ doktoři, rektor ~ rektori, reformátor ~ reformátori (и др. на -tor, -ator), mistr ~ mistři, ministr ~ ministři, kmotr ~ kmotři. Но и в /r/- основах возможны иные флексии И.мн. (или как исключительные, или как конкурирующие с -i₁): ср. kuryř ~ ři // -rové, lotr ~ tři // -rové.

Об отсутствии структурных критериев наличия-отсутствия дублетов свидетельствуют различия в И.мн. лексем одинаковой структуры: *kmotr* ~ ~ *kmotři*, но *lotri* – *lotři* и *lotrové*. Иначе, как мы увидим ниже, обстоит дело в формах 3.ед.

Таким образом, к факторам, накладывающимся на морфонологические потенции АР в И.мн., как и в П.ед., относится наличие изофункциональных флексии *-i*, парадигматических показателей (*-ové, -é*), редкость определенных структурно-фонологических типов, которая чаще всего обусловлена заимствованным характером основ (ср. /*g*-основы). Благоприятствовать наличию форм с чередованием может экспрессивный характер высказывания, его устойчивый ("клишеобразный") характер. На отсутствие-наличие чередования в некоторых случаях может влиять синтаксическое окружение. Наличие-отсутствие альтернации иногда может сигнализировать о семантической дифференциации форм (ср. *koníci* – *koníky* и *dětini* – *dětiny*).

III. *Позиция перед флексией П.мн. -ích*. В основах на заднеязычные /*k g h x*/ в данной позиции фиксируются модификации финали основы: типа (К ~ С) (<*k* ~ *c*> и (<*x* ~ *š*>), чередования (<*h* ~ *z*> и <*g* ~ *z*>). Обуславливающая наличие чередования флексия *-ích* как основная отмечается в сущ. м.р. I, II и V типов и как периферийная в сущ. ср.р. (XVIII тип). Примеры в сущ. V типа: *vozka* ~ *vozcích*, *patriarcha* ~ *patriarších*, *sluha* ~ *služích*, *kolega* ~ *koležích*. Примеры в сущ. I и II типов: *potok* ~ *potocích*, *slaneček* ~ *slanečcích*, *motýlek* ~ *motýlcích*, *dělník* ~ *dělnících*; *břeh* ~ *na březích*, *soudruh* ~ *soudruzích*; *dialog* ~ *v dialozích*, *filolog* ~ *filolozích*; *vrch* ~ *na vrších*, *hoch* ~ *o hoších*.

Наиболее лексически нагруженным звеном рассматриваемого четырехчленного ряда является пара <*k* ~ *c*>, что обусловлено, в частности, вхождением *k* в качестве финального компонента в состав многих суффиксальных морфем. О некоторых словообразовательных типах с *k* в производных од. сущ. говорилось выше. Среди неод. к таким формациям относятся, в частности: *nomina attributiva*, образуемые с суф.-(*n*)*ík, -ák, -#k* (типа *otazník, slamák, žloutek*), *nomina instrumenti* с теми же суф. (*pilník, svěrák*), названия построек/помещений с суф. *-ník (teletník)*, деминутивы с *-ík* и *-#k (vozik, domek)*, названия результатов/продуктов деятельности с суф. *-#k* (ср. *vypisek, výňatek*). Однако в некоторых лексемах возможны наряду с *-ích* формы с *-ách*: *dok* ~ *cích// -kách*, *duch* ~ *ších// -chách*, в некоторых сущ. с суф. *-#k (maňasek ~ -cích// -kách, hříbek ~ -cích// -kách)*, в деминутивах с суф. *-eč#k, -ič#k (lesíček ~ -cích// -kách, balíček ~ -cích// -kách, stroměček ~ -cích// -kách* и под.). Редко в сущ. м.р. с заднеязычной основой возможно исключительно *-ách* (ср. *plech* – (о) *plechách*). В некоторых случаях отмечается дифференциация в употреблении дублетных форм на *-ích* и *-ách*. Так, для сущ. *špendlík* в устойчивых словосочетаниях типа *sedět jako na špendlíkách, chodit jako po špendlíkách* возможна только форма с *-ách* при наличии в иных условиях окончания *-ích*. Вообще исследователями отмечается "неустойчивость" и "стремление избежать чередований" в П. мн. (Берн. Оч., 77). Это относится в первую очередь к народно-разговорной и диалектным разновидностям чешского языка.

В сущ. ср.р. на заднеязычной флексия *-ích* представлена редко и обычно наряду с окончанием *-ách*. Формы с *-ích* при этом имеют оттенок архаич-

ности. Для /x/-основ зафиксирована одна лексема *goucho* – *goušich* при обычной форме *gouchách*. Причем в Ч-р. Сл. и Пр. 84 дана только форма с *-ách*. Ср. только *v suchách* – от *sucho*, *břichách* от *břicho*, *o tangách* от *tango*. Все остальные примеры с *-ích* отмечены для /k/-основ. Но и в этих основах более распространенной является флексия *-ách*. Ср. *-ách* обычно в суш. с орудийным суф. *-t#k-о* и уменьшительными *-#k-о*, *-eš#k-о*, *-ič#k-о*, пейоративным *-is#k-о*, а также в некоторых неизпроизводных (ср. *víko* – (о) *vikách*). Дублеты с *-ích* и *-ách* отмечаются в основном в суш. с суф. *-is#k-о* (*středisko* ~ *ve střediscích* // *ve střediskách*, *ložisko* ~ (о) *-cích* // *-kách*), а также в некоторых других (например, *jablko* ~ (о) *jablkách* и *jablčích*). Иногда П.мн. с *-ích* и *-ách* сигнализирует о семантических различиях: *v ohniscích* ‘в очагах (сопротивления)’ и *v ohniskách* ‘в фокусах (линзы)’. Активность флексии *-ách* в суш. ср.р. обусловлена, вероятно, частотностью показателя *-а* в этом родовом типе во мн.ч. (И-В-З).

Флексия *-ích* в других твердых основах м. и ср.р. не употребляется. Форма *bratřích* (с *ř* перед *-ích*), как и вся парадигма мн.ч. по мягкому типу (*bratří, bratřím, bratřimi*) является стилистически маркированной (арх.) и постоянно употребляется только для обозначения организации ‘чешских братьев’. Ср. обычные формы с флексией *-ech* для /r/-основ м.р.: *bratrech, mistrech*. Форма П.мн. на *-ích* с модификацией /r/ в *ř/* отмечается в суш. pl. t. – топониме *Uhry* (*Uhersko*) ~ *v Uhrách* (наряду с *v Uhrách*).

IV. *Позиция перед флексией* З.ед. *-e* в суш. I, II и IV типа склонения. Перед флексией *-e* постоянно происходит изменение (*r* ~ *ř*) в суш., финальному компоненту основы которых предшествует согласный: *ministr* ~ *ministrě!*, *Petr* ~ *Petrě!*, *bratr* ~ *bratřě!*, *kapr* ~ *kapřě!*. При наличии гласного перед финалью основы чередования не происходит: *pane doktore!* *pane rektore!* Таким образом, позиция перед *-e* сама по себе не является достаточной для изменения /r/-основ и должна сочетаться с определенным фонологическим строением исхода основы: сочетание /Cr/ или /C₁C₂ r/, если C₁ – фрикативный. На морфонологический характер изменения (*r* ~ *ř*) в группе Cr перед флексией *-e* указывает наличие в чешском языке сочетаний C + r + e или C + C + r + e: *prelát, strejc* и т.п.

Суш. на заднебный имеют флексию *-и*, за исключением слов *bůh* (и производных) и *člověk*, для которых соответственно представлены формы *bože* (*panebože* и под.) и *člověče*. При этом употребление формы *člověče* при обращении к лицу относится к средствам языковой экспрессии.

В некоторых словах на *-ník* возможны параллельные формы с *-и* и *-e* (последней флексии предшествует *č*): *nešťastník* ~ *nešťastníku* // *-če!*, *hříšník* ~ *hříšníku* // *-če!* Формы на *če* являются ‘книжными, устаревшими или экспрессивными’ (Ч-р. Сл., с. 760). Круг этих лексем сужается, что подтверждается словарями; например: *bídník* ~ З.ед. *bídníku* // *bídníče* (кн. – Гр. Гр.), *bídníku* (Ч-р.Сл.).

Постоянно окончание *-e* с изменением (с ~ *č*) перед ним отмечается в од. суш. на *-ec*. Ср.: *otec* ~ *otče!*, *vrabec* ~ *vrabče!*, *švec* ~ *ševče!* *poslanec* ~ *poslanče!* и т.д., но *dvorec, dělenec, zvěřinec* – возможные теоретически, хотя практически не употребляемы формы *dvorci!*, *dělení!*, *zvěřinci!*

Класс суш. с чередованием (с ~ *č*) довольно значителен, благодаря оформлению суф. *#с* ряда словообразовательных категорий: *nomina agentis*

(типа – *běžec*), *nomina attributiva* (типа *lakomec*), названия лиц по происхождению/принадлежности (типа *čizinec*).

Параллельные формы с *e* и *i* (обычным для неод. суш. с /с/-исходом основы) употребляются для лексемы *strýc* (нар.-разг. *strejc*) и производных от нее (*prastrýc*): *strýci* // *strýće!*

V. *Позиция перед флексией -i (-i)* в парадигме суш. ж.р. с нулевой флексией И.ед. (XV, XVI типы). Перед данной флексией фиксируется тип <Т ~ Т'> (альтернатиции <t ~ t', d ~ d''>). При этом представлено большое разнообразие в распределении альтернантов по членам падежной парадигмы. Наиболее распространенным типом оппозиции является противопоставление И-В. ед., Д. Т. П. мн. остальным падежным формами (далее – ОПФ), в которых фиксируется *i* (-i). Такое противопоставление характеризует парадигму суш. на *st* (тип *kost, bolest*), достаточно репрезентативную вследствие вхождения *st* в качестве финального компонента в состав продуктивных формантов *-ost* и *-nost* (типа *moudrost, vzdálenost*). Например: И-В *kost*, Д. мн. *kostem*, П. мн. о *kostech*, Т. мн. *kostmi* ~ Р-Д-П-З. ед., И-В-З мн. *kosti*, Т. ед., Р. мн. *kostí*. О лексической мощности чередования <t ~ t'> в этом типе свидетельствует факт наличия в Сл. Сл. 2 тыс. 323-х лексем на *-(n)ost*. На потенциальную репрезентативность звена <t ~ t'> в этом типе в языковой системе накладывает ограничения узус, обусловленный семантикой большинства слов на *(n)ost*, обозначающих качества, свойства (словообразовательный тип *nomina essendi*): в речи эти слова во мн. ч. фактически не употребляются. Таким образом, реально в типе на *-(n)ost* в большинстве случаев представлена оппозиция И-В. ед. с <t> ~ ОПФ ед. ч. с <t'>. К типу *kost*, кроме производных на *-(n)ost*, относятся также слова: *slast, vlast* (и произв.: *pravlast*), *strast* (произв. *soustrast*), *kořist, část* и произв. (*součást, účast, neúčast, spoluúčast*), *propast, bolest, ratolest, svěžest, pověst, zvěst* (и произв.: *předzvěst*), *nenávisť, závist, čelist, neřest, oblast* и некоторые др.

Оппозиция И-В. ед., Т. мн. ~ ОПФ (при возможном, но не обязательном совпадении альтернанта в П. и Д. мн. с альтернантом И-В. ед. и Т. мн.) представлена в словах *pěst, propust, past, mast, návěst, lest, pelest*. Например: *propust*: Р-Д-П-З. ед., И-В-З мн. *propusti*, Т. ед., Р. мн. *propustí* ~ И-В. ед. *propust*, Т. мн. *propustmi*, Д. мн. *propustem* и *propustím*, П. мн. *propustech* и *propustích*.

В суш. *čest* и производных от него, не употребляющихся во мн. ч., представлена та же оппозиция, что в речи характерна для *nomina essendi* на *-(n)ost* (И-В. ед. ~ ОПФ ед. ч.). Эту оппозицию оформляет уникальное чередование в исходе основы <st ~ \emptyset t'> и <č ~ c> перед ним: И-В. ед. *čest* ~ Р-Д-П-З *cti*, Т. ед. *ctí*. Производная от *čest* лексема *ročest* утратила все члены падежной парадигмы, кроме форм И-В. ед., употребляющихся в функции предложного выражения: на *ročest koňo, čeho*.

Противопоставление И-В. ед. с <t> ~ ОПФ с <t'> фиксируется в падежной парадигме лексемы *čtvrt.*, а <И-В., ед. Т. мн.> <ОПФ> в типе *smrt*.

Факультативными являются чередования <t' ~ t> и <d' ~ d> в некоторых суш. ж.р. с /t'/- и /d'/-исходами основ И.ед. При наличии этих чередований ими оформляются оппозиции:

1) (ед., мн. (кроме Д., Т., П.)) <t'> и <d'> ~ (мн. (Д., Т., П.)) <t> и <d>-финалиями). При этом оппозиция <Т. ~ ОПФ> в некоторых лексемах

может иметь постоянный характер, в отличие от оппозиции Д. и П. мн. этим формам.

2) (ед., мн. (кроме Т.)) (с <t'> и <d'>) ~ <Т. мн.> (с <t> и <d>). Примеры:

1) <d' ~ d>: zed': И.-В. zed', Р-Д-П-З ед. И.-В-З мн. zdi, Т. ед., Р. мн. zdí ~ Т. мн. zdmi, Д. мн. zdem наряду со zdím, П. мн. zdech наряду со zdích. Таким образом, при наличии форм Д. мн. zdím и П. мн. zdích в парадигме данной лексемы представлена оппозиция <Т. мн. ~ ОПФ>; <t' ~ t>: paměť; И.-В. ед. paměť, Р-Д-П-З ед., И.-В-З мн. paměti, Т. ед., Р. мн. paměťí ~ Д. мн. pamětem наряду с paměťím, П. мн. о pamětech наряду с paměťích, Т. мн. paměťmi наряду с paměť'mi. К этому же типу относится парадигма лексемы obět' с дублетизмами Д. мн. obětem//oběťím, П. мн. obětech//oběťích, Т. мн. oběťmi (арх.)//oběť'mi. Если на наличие-отсутствие <t'> в Д. и П. мн. влияет морфологический фактор — наличие иной флексии в данных падежных формах, — то в Т. мн. факультативность признака компактность—некомпактность перед одной и той же флексией -mi свидетельствует о его морфонологической нерелевантности (и необусловленности).

2) <d' ~ d>: И.-В. ед. odpověď, Р-Д-П-З ед., И.-В-З мн. odpovědi, Т. ед., Р. мн. odpověďí, Д. мн. odpověďím, П. мн. о odpověďích ~ Т. мн. odpověďmi наряду с odpověď'mi; <t' ~ t>: И.-В. ед. závět', Р-Д-П-З ед., И.-В-З мн. závěti, Т. ед., Р. мн. závěťí, Д. мн. závěťím, П. мн. о závěťích ~ Т. мн. závěťmi наряду с závěť'mi.

Отнюдь не во всех сущ. ж.р. на /t'/- и /d'/-финали И. ед. представлены чередования. Ср. в словах hrud', hněd', měď', sněť', chut', trest', smřšť', lod', hut', čtvrt' во всех членах парадигмы и перед флексиями по типу kost (Р. ед. И.-В-З мн. -i, Т. мн. -mi) и перед флексиями по типу laň (Р. ед., И.-В-З мн. -e, Т. мн. -emi, Д. мн. -ím, П. мн. -ích) представлены компактные фонемы /t', d'/. Факт отсутствия флексий Д. и П. мн. -em и -ech в парадигме перечисленных сущ. косвенно свидетельствует о морфонологической обусловленности альтернантов <t> и <d> в этих падежных формах. С другой стороны наличие форм типа lod'mi еще раз подчеркивает необусловленность компактности—некомпактности смычного зубного перед -mi (ср. выше).

Чередования типа <Т ~ Т'> представлены также в парадигме сущ. м.р. VI типа den (и производных от него pŭden, týden), křemen, kámen, hřeben, ješmen, řemen (n ~ n') и loket ((t ~ t')), в которых фиксируется окончание -i. Крайне редко в речи реализуется противопоставление З. ед. с компактными альтернантами <t'> и (n') остальным членам парадигмы с альтернантами <t, n> (З. ед. lokti!, dni!, pŭdni! týdni!, křemeni!, kameni!). Для сущ. hřeben, ješmen, řemen вследствие дублетизмов в З. ед. (-i//e) возможность фиксации <t', d'> в З. ед. еще более ограничена. Факультативными являются альтернанты <n', t'> в других формах, вследствие наличия дублетных окончаний, не вызывающих изменения исхода основы. Так, в сущ. den к факультативным относится оппозиция <И.-В-З мн., Д-П ед., Р. мн. ~ ОПФ>. Ср.: Д-П. ед. dni и dnu (а также П. ед. ve dne), И.-В-З мн. dni и dny (наряду с более редкой dnove), Р. мн. dní наряду с dnů. В словах pŭden, týden, křemen, kámen, hřeben, ješmen, řemen, loket факультативна оппозиция Д-П. ед. остальным формам, поскольку в И.-В-З мн. представлены формы pŭdny, lokty//lokte, týdny, křemeny и под., а в Р. мн. — týdnů, pŭdnů и т.п. Ср.: Д-П. ед. týdni//týdnu, kameni//kamenu,

řemeni // řemenu , jeřmeni // jeřmenu, lokti // loktu. В четырех последних лексемах возможен и 3-й вариант П. ед. с $-e_1$, перед которым представлены закономерные альтернанты (n') и (t').

VI. *Позиция перед флексиями*, начинающимися с *i* в суш. жр. на $-e$ (орф. e и e) (XIII тип). В этом деклинационном типе, который репрезентативен, благодаря продуктивности феминативного суф. $-upě$ и заимствований на $-ie$, чередования происходят только в трех суш. с сочетанием "губной + j или n' " в исходе основы перед $-e$: $karě$, $kouřě$, $země$. В их парадигмах фиксируется тип альтернатив (PJ ~ P): И., Р., З. ед., И-В-З., Т. мн. с альтернативом ⟨pj⟩ перед флексией, начинающейся с e , противно поставлены ОПФ с ⟨p⟩ перед флексиями, начинающимися с i (i): И., Р., З. ед., И-В-З. мн. $karě$, Т. мн. $karěti$ ~ Д., В., П. ед. $karí$, Т. ед., Р. мн. $karí$, Д. мн. $karím$, П. мн. (o) $karích$.

Для лексемы $země$ возможна дублетная форма И. ед. с нулевой флексией zem . В этом случае чередование ⟨pn'(mj) ~ m⟩ оформляет иную оппозицию: ⟨Р., З. ед. И., В., З., Т. мн.⟩ с ⟨pn'⟩ ~ ⟨И. ед., Д-В.-П. ед., Т. ед.-Р. мн., Д. мн., П. мн.⟩ с ⟨m⟩.

Отсутствие в АР звеньев ⟨bj ~ b, vj ~ v, fj ~ f⟩ обусловлено причинами неморфологического характера: отсутствием в лексическом запасе СЧЛЯ слов жр. на $-bě$, $-fě$, $-vě$.

О чередованиях, сопровождающих наращения, см. на с. 119, 120.

Остальные консонантные чередования в исходе основы не имеют "серийного" характера в силу уникальности падежных флексий тех или иных лексем, которым предшествует изменение финали.

(1) В лексемах $ucho$ и oko (XVIII) тип ⟨K ~ Ć⟩ (альтернативы ⟨x ~ ŝ⟩, ⟨k ~ č⟩) оформляет оппозицию ⟨ед.ч.⟩ ~ ⟨мн.ч.⟩. Степень ⟨Ć⟩ фиксируется во мн.ч. перед флексиями, начинающимися с i (i). Однако в значениях, производных от первичного значения 'часть тела' (типа $ucho$ и $hrnce$, oko на $rolěvce$), в парадигме мн.ч. представлены системные флексии $neutgm$, перед которыми не происходит изменения финали: И-В. мн. oka , $ucha$, Р. мн. ok , uch , Д. мн. $okům$, $uchům$, П. мн. $okách$, $uchách$, Т. мн. oku , $ucha$. Несмотря на двулексемную представленность, частотность форм с альтернативами ⟨Ć⟩ и ⟨ŝ⟩ довольно велика, поскольку помимо вхождения в свободные словосочетания формы ед. и мн. ч. употребляются в большом числе разнообразных фразеологизмов. Употребимость словоформ лексем oko , $ucho$ способствовала, в свою очередь, и сохранению архаического облика парадигмы мн. ч., генетически восходящей к дуальным формам.

(2) То же относится к лексеме $ruka$ (XII¹), в парадигме которой альтернатив ⟨c⟩ представлен не только перед $-e_2$ (в Д-П. ед.), но и в И-В (З) мн. перед нетипичной (дуальной по происхождению) флексией $-e$, противопоставляясь /k/-финали ОПФ мн. и ед.ч.

(3) В парадигме лексемы $dcega$ (XII) фиксируется чередование ⟨r ~ ř⟩, оформляющее оппозицию (И.Р.В.Т.З. ед., И.-В.-З. Р.Д.П.Т. мн.) ~ ⟨Д.-П. ед.⟩. Однако в отличие от других лексем жр. с /r/-исходом основы И. ед., степень ⟨ř⟩ фиксируется не перед окончанием $-e_2$, а перед флексией $-i$ ($dceři$).

(4) Уникальное чередование ⟨z ~ ž⟩ представлено в парадигме лексемы $kněz$ (IV¹). Формы ед.ч. и В. мн. с /z/-исходом основы противопоставлены ОПФ мн.ч. с /ž/-финалью. Известна также наряду с формой З ед. $knězi$ кн. форма с [ž] ($kněže$).

Вообще наличие-отсутствие чередования в парадигме одного и того же слова нередко является вторичным (после флексии) показателем архаичности или более современного характера формы. Так, формы со ступенью ⟨ř⟩ перед флексиями pluralis, начинающимися с -í, в парадигме слова *bratř*, являются устаревшими (И-Р-В-З мн. *bratří*, П. мн. *bratřích*, Т. мн. *bratřimi*). Стилистически нейтральным является наличие ступени ⟨ř⟩ только в З. ед. (*bratře!*: см. морфонологическую позицию 4) и И. мн. перед -i₁ (*bratři*; см. морфонологическую позицию 2).

б) Вокалические альтернации

Изменения по сравнению с формой И. ед. в корневой гласной происходят в определенном круге слов обычно двусложной структуры ж. и ср.р. в Р. мн. с нулевой флексией (реже с -í), реже в Д. мн. с -ám, -im, П. мн. с -ách (реже -ích, -ech), Т. мн. с -ami, -emi, -mi, Т. ед. с -ou, -í. Достаточно обширна также группа односложных лексем м. и ж.р. с нулевой флексией И. ед., в которых корневой гласный И-В ед. отличается от гласного остальных форм. Остальные сущ. с вокалическими альтернациями не образуют каких-либо упорядоченных групп.

Поскольку все вокалические чередования являются морфонологически не обусловленными, связанными с определенным (более широким в одних случаях или более узким в других) кругом лексем¹, мы, в отличие от изложенного материала по консонантным чередованиям, начинаем анализ сразу с перечисления оппозиций, создаваемых в парадигме тех или иных сущ.

1) Оппозиция ⟨ед., мн. (кроме Р.)⟩ ~ ⟨Р. мн.⟩ является одной из самых лексически нагруженных. Она фиксируется в парадигме ряда двусложных сущ. ж.р. на гласный (XII, XIII) и сущ. ср.р. (XVIII). Ее оформляют следующие ТЧ: ⟨V̇ ~ V⟩, ⟨дифтонг-монофтонг⟩, ⟨İ ~ E⟩. В одном сущ. ср.р. представлено уникальное чередование по степени подъема (⟨e ~ a⟩).

Тип ⟨V̇ ~ V⟩: ⟨á ~ a⟩: сущ. ж.р. *bába* ~ *bab*, *chvála* ~ *chval*, *žába* 'девушка' ~ *žab* (*žába* 'лягушка' см. ниже); сущ. ср.р.: *jádro* ~ *jader*; ⟨í ~ i⟩: сущ. ж.р.: *chvíle* ~ *chvil*, *míle* ~ *mil*, *svíce* ~ *švic* (наряду с *svěc* и *svící*); ⟨é ~ e⟩: сущ. ср.р.: *jméno* ~ *jmen*, *pego* ~ *per*.

Чередование ⟨ó ~ o⟩ вообще отсутствует в СЧЛЯ.

Тип ⟨İ ~ E⟩: ⟨í ~ e⟩ (орф. ě): сущ. ж.р. *bída* ~ *běd*, *díra* ~ *děr*; сущ. ср.р.: ⟨dílo ~ děl⟩; ⟨ú (орф. ů) ~ o⟩: сущ. ж.р. *fůra* ~ *for*. Тип ⟨ou ~ u⟩: сущ. ж.р.: *bouda* ~ *bud*, *houba* ~ *hub*, *moucha* ~ *much*.

В сущ. pl. t., называющих части тела, которые изменяются по образцу сущ. ж. или ср.р. и в которых представлены вокалические чередования типа ⟨V̇ ~ V⟩ сужается число форм, противопоставленных по качеству корневого гласного форме Р. мн.ч.: *játra* ... ~ *jater*, *záda* ... ~ *zad*. Обычно во мн.ч. употребляются и лексемы *plíce* ~ *plic*, *žábry* ~ *žaber*. В сущ. pl. t. *hrábě* (XXIV) ступень ⟨a⟩ в Р. мн. представлена не перед нулевой, а перед вокалической флексией: *hrábě*, *hrábím* ~ *hrabí*.

¹ По данным Šmil., 153 "приблизительно у 40 сущ. происходит в некоторых падежах сокращение корневой гласной".

О необусловленности рассмотренных чередований морфонологической позицией свидетельствует отсутствие чередований во многих словах двусложной структуры ж. и ср.р., а также многочисленные случаи наличия дублетных изофункциональных форм с разными членами альтерации: *bříza* – *bříz*, *můra* – *můr*, *šála* – *šál*, *vláda* – *vlád* и др.; *fůra* ~ Р. мн. *for*//*fůr*, *mísa* ~ *mis*//*mís*, *slíva* ~ *sliv*//*slív*, *dáma* ~ *dam*//*dam*, *jáhla* ~ *jahel*//*jáhel*, *louka* ~ *luk*//*louk*, *léta* ~ *let* (и варианты во всех ОПФ *létum*//*letum*, *léttech*//*letech*, *léty*//*lety*, , причем /e/ указывает, как правило, на значение 'годы'); при Р.мн. *dlah* ~ И. ед. *dláha*//*dlaha*, *struh* ~ *strouha*//*struha*, *per* ~ *pero*//*pero*.

Уникальное чередование представлено в парадигме сущ. ср.р. *vejce* (XIX) ~ *vajec*.

2) Опозиция <ед., мн. (И-В-3)> ~ <мн. (Р., Д., П., Т.)> фиксируется в сущ. ж.р. на -а. Она стабильна в парадигме *kráva*, в которой ступень <а> в Р., Д., П., Т. мн. (*krav*, *kravám*, *kravami*, *kravách*) противопоставлена <á> остальных форм. В большинстве двусложных сущ. ж.р. (*pápa*, *skála*, *tráva*, *vrána*, *žába* 'лягушка') эта опозиция факультативна вследствие наличия дублетных форм с <а> и <á> в Д., П. и Т. мн..

3) Опозиция: <ед., (кроме Т.), мн. (И-В-3)> ~ <Т. ед., мн. (Р., Д., Т. П.)>. Как стабильная отмечается в двусложных сущ. ж.р. *gápa*, *práce*, *láhev* (XIV) в парадигме которых <а> характеризует корневую морфему Р., Д., Т., П. мн. и Т. ед. (*ran*, *ranám*, *ranách*, *ranami*, *ranou*; *prací*, *pracím*, *pracích*, *pracemi*, *prací*; *lahví*, *lahvím*, *lahvích*, *lahvemi*, *lahví*), противопоставляясь <á> остальных словоформ. Как нестабильная вследствие возможности дублетных форм с долгим и кратким гласным в Т. ед. и Д., П., Т. мн. показательна для парадигмы таких двусложных сущ. ж.р., на гласный как: а) *blána*, *brána*, *čára*, *draha*, *váha*; *lípa*, *míra* 'мера площади, мера сыпучих тел', *žíla*; б) *lžíce*. Сущ. *síla* имеет дублеты в Т. ед., П., Д. и Т. мн. Формы с <í> в этих падежах являются устаревшими.

От сущ. типа *gápa*, с одной стороны, и типа *blána* – с другой, отличаются лексемы *kůra* и *kůže*, в падежной парадигме которых не только в Д., П., Т. мн. и Т. ед., но и в Р. мн. возможны дублетные формы с корневыми <о> и <ú>.

4) Опозиция <мн. (И-В-3)> ~ <мн. (кроме И-В-3)>, оформляемая типом <V̄ ~ V> (<á ~ a, é ~ e>), зафиксирована в парадигме двух слов pl. t.: *saně* и *dvěře* (Р. мн. *saní*, *dveři*, Д. мн. *saním*, *dveřím*, П. мн. *saních*, *dveřích*, Т. мн. *saněmi*, *dveřmi*). Однако поскольку наряду с формами И-В(3) мн. с <á , é> известны формы с <a> и <e>, данная опозиция относится к факультативным.

5) Опозиция <ед. (И-В)> ~ <ед. (кроме И-В), мн.>, оформляемая альтерациями типа <V̄ ~ V> и <Í ~ E>, известна некоторым обычно односложным (редко двусложным) сущ. м. и ж.р. с нулевой флексией И. ед. (типы I, III, IV¹, VI, XIV, XVI).

Примеры: Тип <V̄ ~ V>: сущ. м.р.: *hrách* ~ *hrachu*, *mraz* ~ *mrazu*, *pas* ~ *pasu*, *práh* ~ *prahu*, *kámen* ~ *kamene*; <é ~ e>: сущ. м.р.: *chleb* ~ *chleba*; <í ~ i>: сущ. м.р.: *klih* ~ *klihu*, *lih* ~ *lihu*.

Тип <Í ~ E>: <í ~ e>: сущ. м.р.: *sníh* ~ *snehu*, *vítr* ~ *větru*; <ú ~ o>: сущ. м.р.: *důl* ~ *dolu*, *dům* ~ *domu*, *dvůr* ~ *dvora*, *kůň* ~ *koně*, *lůj* ~ *loje*, *nůž* ~ *nože*, *půst* ~ *postu*, *stůl* ~ *stolu*, *vůl* ~ *vola*, *vůz* ~ *vozu*. В од. сущ. м.р. *kůň* и *vůl*

сфера употребления корневого (û) сужается до одной формы И. ед. Сущ. ж.р. *sůl* ~ *soli*, *hůl* ~ *hole*.

О необусловленности указанных чередований при выборе в качестве исходной формы И. ед. свидетельствуют формы типа *chlév* – *chlévu*, *rág* – *ráru*, *růst* – *růstu* и др.

О нестабильности вокалических чередований даже в некоторых из указанных лексем свидетельствуют формы И. ед. *klih*//*klíh* (~ *klíhu*), дублеты с (o) и (û) в сущ. *kůl* в Р., П. ед., И. В., П., Т. мн. (Р., П. ед. *kůlu*//*kolu*, И.В. мн. *kůly*//*koly*, П. мн. *kůlech* // *kolech*, Т. мн. *kůly* // *koly*).

Остальные оппозиции фиксируются для отдельных изолированных лексем.

6) Оппозиция <ед. ч.> ~ <мн. ч.>, которую оформляют в отдельных словах, относящихся к различным словоизменительным классам, различные вокалические альтернативы. В лексемах м.р. *přítel* и *nepřítel* (IV) – чередование (í ~ á): ступень (í) маркирует словоформы ед. ч., а ступень (á) – мн. ч.

В сущ. ср.р. *dítě* (ед. ч. по XXI, мн. ч. по XV) в корне ед. ч. представлена ступень (í), в то время как в формах мн. ч. – (e): И-В-З. *dítě*, Р. *dítěte* и т.д. ~ И-В-З. мн. *děti*, Р. мн. *dětí*, Д. мн. *dětem*, Т. мн. *děťmi*, П. мн. *dětech*. О чередовании согласных основы во мн. ч. см. в типе *kost*. Об отсутствии сегмента *et* (I) во мн. ч. см. ниже.

Уникальное чередование по степени подъема (o ~ a) представлено в парадигме сущ. *století* (XIX), для которого во мн. ч. возможны формы со ступенью (a) (И-В-Р-З мн. *staletí*, Д. мн. *staletím* и т.д.). Однако эта альтернатива нестабильна вследствие наличия дублетных форм мн. ч. с (o).

По степени подъема противопоставлены также вокалические элементы "наращиваемого" сегмента *Vt* (I) в формах ед. ч. (кроме И-В-З. ед., или И-З. ед.) и мн. ч.: в ед. ч. (e), во мн. ч. (a) (типы *kuře*, *kníže* – XXI).

7) Оппозиция <ед. (И-В-(3))> ~ <ед. (кроме И-В-(3)), мн.> отмечается в двух словах с "наращенным" сегментом *er* (*máti*, *pramáti* – XVII) и некоторых словах с "наращенным" сегментом *en* (I) (*rámě* ~ *ramene* – XVIII¹, *těmě* ~ *temene*, *plěmě* ~ *plemene*, *břímě* ~ *břemene*, *símě* ~ *semene* – XXII). Типы (V ~ V) и (I ~ E) (только в случае сегмента *en* (I)) являются в парадигме указанных слов в связи с архаическим характером "наращения" также вторичной приметой стилистически маркированного характера форм.

8) Оппозиция <ед., мн. (И-В-3)> ~ <мн. (Р., Д., П., Т.)> представлена в лексеме *peníz* (III). Альтернатива (í ~ e (орф. ě)). В ед. ч. – перед /z/ – (í): И-В. *peníz*, Р. *peníze*, Д., П., З. *penízi*, Т. *penízem*; И-В-З мн. *peníze*. В остальных формах мн. ч. в значении 'монеты' представлены корневое (í) (Р. мн. *penízů*, редко *peněz*, Д. мн. *penízům*, П. мн. *penízích*, Т. мн. *penízi*), в то время как в значении 'деньги' употребляется корневое (e) (*bez peněz*, *penězům*, *při penězích*, *penězi*).

9) В некоторых сущ. м.р. с нулевой флексией И. ед. возможно средстами вокалической альтернативы (a ~ e) оформление оппозиции <ед. ч. (кроме З. ед.), мн. ч.> ~ <З. ед. ч.>: *Jan* ~ *Jene*.

На наличие-отсутствие вокалического чередования могут влиять следующие факторы.

Морфологический фактор. Наряду с рассмотренными дублетами с разными корневыми гласными представлены дублеты с разными первичными (морфологическими) показателями. Например, наличие в Р. мн. дублетизма с флексией — *í* (*svíc, svěc, но svící, kratochvíl, но kratochvílí*). Перед этой флексией в других лексемах возможны краткие гласные (см. выше типы *gráse, láhev, hrábě* и др.). Такие морфологические факторы, как, например, дефектность парадигмы сущ. pl. t., принадлежность сущ. к разряду одушевленных, влияют на характер репрезентации того или иного чередования.

Семантический фактор. Так, в сущ. *žába* 'девушка' альтернатива ⟨á ~ а⟩ оформляет оппозицию ⟨все формы (кроме Р. мн.) ~ Р. мн.⟩, в то время как в сущ. *žába* 'лягушка' распределение членов альтернативы может быть иным: в Д., Т., П. мн. возможен, как и в Р. мн., краткий гласный. Сущ. *bída* в значении 'бедствие' имеет все формы мн. ч. с ⟨e⟩: *bědy, bédám* и т.д. В значении 'единица измерения площади и количества зерна' сущ. *míra* имеет ⟨e⟩ не только в корне Р. мн., но и Т. ед., Д., П., Т. мн. (*měrou, měřím, měřím, měřím*). Альтернативно оформлено также различие таких слов, как *pás* 'пояс, поясница' (*pás ~ pasu*) и *pás* (*horský*) 'горный пояс' (*pás ~ pásu*).

Вхождение в устойчивые словосочетания. Так, сущ. *míra* имеет Т. ед. с ⟨e⟩ не только при обозначении 'единицы измерения', но и в устойчивых словосочетаниях типа *měrou, nebyvalou měrou* и др. Сущ. *pařa* (изменяется по типу *vtapa* с оппозицией 2) имеет ступень ⟨a⟩ в Т. ед. в выражении *plnou pařou*.

Ступень чередования может быть также и сигнализатором (и в отличие от консонантных чередований, даже единственным) устаревшего характера словоформы (ср. Т. ед., Д., Т., П. мн. с ⟨í⟩ в парадигме леммы *síla*).

в) Количественные чередования (чередования с #)

А. Чередования ⟨V ~ #⟩

В альтернативе ⟨e ~ #⟩ в словах определенной фонологической структуры вокалическую ступень чередования находим перед нулевой флексией И (В. неод.) ед. сущ. м.р., И-В. ед. сущ. ж.р. и Р.мн. сущ. ж. и ср.р., в то время как перед остальными флексиями представлена нулевая ступень чередования.

Как показывает материал, необходимо дифференцировать не только фонологическую и морфонологическую позиции, но различать также позиции морфонологическую (перед флексией определенного фонологического строения) и морфологическую (перед флексией определенного падежа определенного словоизменительного типа). При тождестве $C_1 C_2$, как мы увидим ниже, материал нередко демонстрирует различие в огласовке финальной зоны основы перед нулевой флексией И. ед. сущ. м. и ж.р. и перед нулевой флексией Р. мн. сущ. ж. и ср.р.

а) Позиция перед нулевой флексией И-В. ед. сущ. м. и ж.р.

При выборе в качестве исходной формы И. ед. в большинстве сущ. м. и ж.р. с нулевой флексией И. ед. чередование является необусловленным и, соответственно, непредсказуемым. Иначе может обстоять дело при выборе

в качестве ИВО косвенных падежей, в частности, в большинстве односложных слов, как было показано на материале польского языка С.М. Толстой (Толстая 1976, 92). О необусловленности наличия нулевой ступени в косвенных падежах свидетельствует широкая представленность парадигм типа *jek – jeku, meś – meśe* в м.р. или *res – rese* в ж.р.. На это еще более ярко указывает факт наличия для некоторых односложных слов м. и ж.р. дублетов с C_1C_2 и C_1VC_2 в косв. падежах при ИВО на SVC (примеры см. ниже).

В лексически мощных четырех структурно-фонологических типах сущ. по форме И.ед. с большой степенью вероятности можно предсказать наличие огласовки C_1C_2 в косвенных падежах. Это сущ. м.р. на *-ek* и *-es*, сущ.ж. (реже м.) р. на *-ej* и сущ. ж.р. на *-ev*. Исключения составляют односложные сущ. м.р.: (кроме *švec, źnec*): *kes – kescu, jek – jeku, řek – řeka, rek – reka* и под. Важным показателем наличия чередования является морфемная членимость слова: все членимые слова с морфемами *-es* и *-ek* имеют альтернацию. Ср. *talífek ~ talífku*, но *biftek – bifteku*. Однако альтернация свойственна и многим словам с невыделяемостью на синхронном уровне *es* и *ek* в качестве самостоятельной морфемы: *kotec ~ kotce, Linec ~ Lince, mozek ~ mozku, zinek ~ zinku, mozek ~ mozku, dańek ~ dańka* и мн. др.

Все сущ. ж.р. на *ev*, включая односложное *krév*, перед вокалическими флексиями имеют в финальной зоне основы C_1C_2 . В сущ. ж.р. на *ej* исключение составляют слова с $C_1=1/$ (ср. *holeń – holeńě*).

В связи с различием предсказуемости – непредсказуемости и лексической нагруженности отдельно рассмотрим типы C_1 и C_2 для указанных выше 4-х классов сущ. и всех остальных сущ. м. и ж.р. с нулевой флексией И.ед.

Предварительные замечания.

1. Наличие изофункциональных гласным слоговых $\uparrow\downarrow$ перед C_1C_2 не влияет на трактовку этих консонантных сочетаний. Так, в *kręta, dzińba* выделяются сочетания $C_1C_2=/\text{čm, } \text{źb}/$, а в *zřno, slza, vlna* и др. представлена структура VC (ср. в Р. мн. односложные формы со слоговым *zřn, slz, vln* и т.д.). Исключение: лексема *jabłko* ~ Р. мн. *jabłek*, а не **jabłk*. Не случайно в ИВО этого слова для разговорного СЧЛЯ характерна утрата \uparrow и произношение [jarko].

2. Дробью обозначены те случаи, когда согласный перед # в основе сущ. (словоизменительной морфеме) и согласный в словах, непосредственно или опосредованно связанных с сущ. отношением словопроизводства (словообразовательной морфеме) репрезентированы разными по признаку глухости–звонкости фонемами. В числителе стоит вариант словоизменительной морфемы, в знаменателе – словообразовательной.

3. Условные обозначения: Δ в таблицах : Δ – наличие метатезы по сравнению с ИВО; $\oplus \ominus$ – уникальный пример; \boxplus – чередование представлено только в односложной лексеме; в () помещены редкие случаи; б/ в иллюстративном материале: курсив – типы основ с чередованием; полужирный – типы основ без чередования; подчеркнутый курсив – типы основ с нестабильностью чередования. В таблицах даны фонемы. Отдельные случаи фонетической записи помещены в [].

Таблица 1

Суш. ж.р. на еѵ C₁ C₂

C ₁		p	b	f	v	m	t	t'	d	d'	s	z	c	l	n	n'	r	ř	j	č	š	ž	k	g	x	h
	C ₂																									
	V							+	+							+						+	+	+		+

Примеры: C₁ = /t/: dratev ~ dratve ...; /d/: štoudev ~ štoudve ...; /n/: konev ~ konve ...; /š/: podešev ~ podešve ...; /ž/: houžev ~ houžve ...; /k/: tykev ~ tykve ...; /h/: láhev ~ láhve ...

Таблица 2

Суш. ж.р. на еѵ CC₁ C₂.

CC ₁		pt	t _d k	st	sk	rk	kr
	C ₂						
	V	+	+	+	+	+	⊕

Примеры: CC₁ = /pt/: koroptev ~ koroptve; /t_dk/: ředkev ~ ředkve; /st/: plástev ~ plástve; /sk/: broskev ~ broskve; /rk/: církev ~ círke, mrkev ~ mrkve; /kr/: krev ~ krve.

Таблица 3

Суш. ж.р. на еѵ CCC₁ C₂.

CCC ₁		str
	C ₂	
	V	+

Пример: ostrev ~ ostrve.

Как видно из таблиц 1–3, в суш. на еѵ C₁ = /t, d, n, š, ž, k, h/. Наиболее лексически репрезентативны C₁ = /t, k/. Эти же фонемы представлены в C₁, которому предшествуют другие согласные (за исключением единичной односложной лексемы krev). В Сл. Сл. приведено 22 слова на еѵ.

Таблица 4.

Суш. ж. и м.р. на еѵ с C₁ C₂

C ₁		p	b	f	v	m	t	t'	d	d'	s	z	c	l	n	n'	r	ř	j	č	š	ž	k	g	x	h
	C ₂																									
	n'	+	+	+			+	+	+	+	+	+	-									+	+	+	+	+

Примеры а/ ж.р.: C₁ = /p/: chlopeň ~ chlopně ...; /b/: obrubeň ~ obrubně ...; /v/: hlaveň ~ hlavně ...; /t/: vráteň ~ vrátně ...; /d/: pochodeň ~ pochodně ...; /s/: báseň ~ básně ...; /z/: bázeň ~ bázně ...; /c/: Chocěň ~ Chocně; /š/: hrušeň ~ hrušně ...; /ž/: žeň ~ žně; /x/: Prácheň ~ Práchně; /h/: výheň ~ výhně; м.р.: C₁ = /p/: peň ~ pně, stupeň ~ stupně; /z/: vězeň ~ vězně ...; /č/: učeň ~ učně; /š/: sršeň ~ sršně; /ž/: rožeň ~ rožně ...; /h/: oheň ~ ohně; б/ ж.р.: C₁ = /l/: holeň ~ holeně.

По данным Сл. Сл., наибольшей лексической нагруженностью обладают структурно-фонологические типы с C₁ = /z, s, š/. Наименьшей – с C₁ = /t,

с, х/². Любопытно, что с $C_1 = /č/$ зафиксированы только слова м.р., которые, сами отнюдь не являясь лексически репрезентативными, расширяют картину фонологически возможных структур на еñ. Довольно репрезентативную группу в данном структурно-фонологическом типе представляют топонимы (ср. Vídeň ~Vídňě, Plzeň ~Plzňě, Míšeň ~Míšňě и др.). Некоторые типы представлены единичными словами (см. $C_1 = /с, х/$).

Таблица 5

Сущ. м.р. на ес с $C_1 C_2$

C_1		p	b	f	v	mt	t'	đ	d'	š	z	cl	n'	f	ř	j	č	š	ž	k	g	x	h
	C_2																						
	с	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Примеры: $C_1 = /p/$: čerec ~čerce ..; /b/: hrubec ~hrubce .. obec ~obce (единственное слово ж.р.); /f/: klofec ~klofce ..; /v/: plavec ~plavce ..; /m/: límec ~límcе ..; /t/: otec ~otce ..; /d/: vědec ~vědce ..; /s/: životopisec ~životopisce ..; /z/: ryzec ~ryzce ..; /l/: důlec ~důlce ..; /n/: jehlanec ~jehlance ..; /n'/: Gaskoňec ~Gaskoňce; /r/: herec ~herce ..; /ř/: hořec ~hořce ..; /j/: Malajec ~ Malajce ..; /č/: svlačec ~svlačce ..; /š/: hlušec ~hlušce ..; /ž/: čtvernožec ~čtvernožce..

Отсутствуют в СЧЛЯ структурно-фонологические типы с $C_1 = K, T'$ ($=/t', /d'/$), что обусловлено историческими процессами преобразований заднебных и отвердения зубных. Этим объясняется и уникальность примера с $C_1 = /n'/$. Отсутствует также тип с $C_1 = C_2$.

Таблица 6

Сущ. м.р. на ес с $CC_1 C_2$

CC_1		šv	dl	st	zd	lt	št	žn
	C_2							
	с	Δ	+	+	+	+	+	Δ

Примеры: $CC_1 = /dl/$: podlec ~podlce; /st/: čistec ~čistce; /zd/: jezdec ~jezdce; /lt/: boltec ~bolctce; /št/: věstec ~věstce, pištec ~pištce.

Как показывает материал, в бифонемное сочетание, предшествующее нулевой или вокалической ступени альтернации, обязательно входит /t/ или /d/ и фрикативный непериферийный или плавный. Обычно $C_1 = /t/$ при $S=$ фрикативный непериферийный / фрикативный плавный. При $S = /d/$ $C_1=$ фрикативный плавный. В одной лексеме с $CC_1 = /dl/$ (tkadlec) в парадигме представлено нетипичное для незаимствованной лексики чередование $\langle C \sim \emptyset \rangle$ ($\langle d \sim \emptyset \rangle$, сопровождающее чередование $\langle e \sim \# \rangle$, tkadlec ~tkalce при podlec ~podlce, kadlec ~kadlece). Подобное изолированное морфонологическое явление представлено в рассматриваемых ниже лексемах čest и křest

² Для $C_1 = /z/$ зафиксировано 10 лексем ж.р., 2 м.р., для $C_1 = /s/$ — 9 м.р., для $C_1 = /š/$ — 6 ж.р., 1 м.р. Для $C_1 = /t, с, х/$ отмечено по одной лексеме. Лексическая нагруженность остальных типов C_1 колеблется от 2-х до 4-х лексем.

см. с. 114. В односложных лексемах $\check{s}vec$ и $\check{z}pec$ ИВО CC_1VC_2 И.ед. противопоставлен метатизированному ВО CVC_1C_2 косвенных падежей ($\check{s}evc-$, $\check{z}epc-$).

В наличии особых форм для парадигм некоторых фамилий на #с по сравнению с соответствующими апеллятивами проявляется специфика подсистемы собственных имен. Так, наряду с формами, обычными для апеллятивов, фамилии *Svec* и *Kadlec* (из **tkadlec*) имеют более употребительные парадигмы без метатезы в основе: *Svec*, *Ševce*, .. *Š. Ševče* и *Švec*, *Švece*, *Švecovi*, .. *Š. Šveci*; *Kadlec*, *Kadlce* .. и *Kadlec*, *Kadlece*, *Kadlecovi*, .. *Kadleci*.

Таблица 7

Сущ. м.р. на ес с CCC_1C_2		stř
CCC_1	C_2	
	с	+

Примеры: *Bystřec* ~ *Bystřce*, *kostřec* ~ *kostřce* ... В парадигме некоторых сущ. с $C_1 = /ř/$ отмечено чередование $\langle ř \sim r \rangle$. Наряду с парадигмами указанного типа существует парадигма типа *peřtec* с дублетами *peřtce* // *peřtce* // *peřtše*.

Отметим, что благодаря продуктивности суффикса -#с и репрезентативности структур с субморфом #с в СЧЛЯ лексическая мощность чередования (е ~ #) достаточно высока. Это названия лиц мужского пола, принадлежащие к категории *nomina agentis* (типа *jezdec*) и к категории *nomina attributiva* (типа *sobec*), названия живых существ не лиц типа *členovec*, названия предметов и явлений (названия одежды типа *rukávěc*, названия минералов и геологических пород типа *činovec*, *nomina loci* типа *hostinec* и мн. др.), географические названия типа *Celovec*, *Donec*.

Таблица 8

Сущ. м.р. на ек с C_1C_2																											
C_1		p	b	f	v	m	t	t'	d	d'	s	z	c	l	n	n'	r	ř	j	č	š	ž	k	g	x	h	
C_2	k	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Примеры: $C_1 = /p/$: *snopek* ~ *snopku*..; $/b/$: *doubek* ~ *doubku*..; $/f/$: *ráfěk* ~ *ráfku*..; $/v/$: *prvek* ~ *prvku*..; $/m/$: *lumek* ~ *lumku*..; $/t/$: *čtvrtek* ~ *čtvrtku*..; $/d/$: *svědek* ~ *svědka*..; $/s/$: *písek* ~ *píska*..; $/z/$: *mozek* ~ *mozku*..; $/c/$: *racek* ~ *racka*..; $/l/$: *motýlek* ~ *motýlka*..; $/n/$: *zinek* ~ *zinku*..; но *herynek* // *herynk*; $/n'/$: *daněk* ~ *daňka*..; $/r/$: *Turek* ~ *Turka*..; $/ř/$: *talířek* ~ *talířku*..; $/j/$: *obojek* ~ *oboju*..; $/č/$: *špaček* ~ *špačka*..; $/š/$: *ježíšek* ~ *ježíška*..; $/ž/$: *kroužek* ~ *kroužku*..; $/h/$: *rehek* ~ *rehka*.

Подобно сущ. на #с и по тем же причинам в СЧЛЯ не представлены структурно-фонологические типы с $C_1 = /K, t', d'/$ (уникален пример зоологического наименования *rehek* ~ *rehka*).

Таблица 9

Сущ. м.р. на ек с CC₁ C₂

CC ₁		tṛ	js	jš	št'
C ₂	k	+	+	+	+

Примеры: /tṛ/ (zitṛek), /js/ (lejsek), /jš/ (tehdejšek), /št'/ (okleštěk).

Таблица 10

Сущ. м.р. на ек с (C)CC₁VC₂ (все с невыделяемостью ек в качестве морфемы)

CC ₁		ft	sn	CCC ₁	mfl	ndr
C ₂	k	-	-		-	-

Примеры: /ft/: biftek : bifteku; /sn/: česnek—česneku; /mfl/: kramflek—kramfleku; /ndr/: pendrek — pendreku. Огласовка C₁VC₂ представлена во всех членах парадигмы также в сущ. на ék (ср. Azték — Aztéka). Лексическая нагруженность чередования (e ~ #), благодаря продуктивности суф. #k и вхождению его в производные деминутивные -eč#k-, -ič#k и др., велика.

Остальные структурно-фонологические типы сущ. м. и ж. р. с нулевой флексией в И. ед. ((C)C₁ C₂(C)) (см. табл. 11).

Перечень лексем: C₂ = /p/: -sep: И.-В. ед. м.р. násep ~ náspu, И.-В. ед.ж.р. zásep ~ záspi; C₂ = /b/: И.-В. ед.ж.р. leb ~ lbi // lebi; -h'eb: И.-В. ед. м.р. poh'eb ~ poh'bu; C₂ = /v/: -zev: И.-В. ед. м.р. ozev ~ ozvu; И. ед. м.р. lev ~ lva; И.-В. ед. м.р. žev ~ švu; C₂ = /m/: -jem И.-В. ед. м.р. dojem ~ dojmu, И.-В. ед. м. р. pájem ~ pájmu, И.-В. ед. м. р. rojem ~ rojmu, И.-В. ед. м. р. přijem ~ přijmu, И.-В. ед. м. р. zájem ~ zájmu; C₂ = /t/: -per: И.-В. ед. м.р. krapet ~ kraptu; -cet И.-В. ед. м. р. ocet ~ octa, И.-В. ед. м. р. tucet ~ tuctu; И.-В. ед. м.р. ret ~ rtu // более редкая и книжная getu; -čer И.-В. ед. м.р. počet ~ počtu, И.-В. ед. м.р. součet ~ součtu, И.-В. ед. м.р. účet ~ účtu; -ket: И.-В. ед.м.р. loket ~ lokte // loktu; -xet: И.-В. ед. м.р. věchet ~ věchtu; -her: И.-В. ед. м.р. dehet ~ dehtu [-xtu], И.-В. ед. м.р. nehet ~ nehtu [-xtu]; C₂ = /d'/: И.-В. ед. ж. р. zed' ~ zdi; C₂ = /s/: И. ед. м. р. од. pes ~ psa; ves: И.-В. ед. м.р. oves ~ ovsa, И.-В. ед.ж.р. ves ~ vsi (и производные náves ~ návsi, Uhnříněves ~ Uhnříněvsi); C₂ = /z/: И.-В. ед. ж.р. rez ~ rzi // по м.р. rezu; C₂ = /l/: bel: И.ед.м.р. од. d'abel ~ d'ábala; -fel: И.-В. ед.м.р. pantofel ~ pantofle; -vel: И.-В. ед. ж.р. Litovel ~ Litovle, И. ед. м.р. од. Havel ~ Havla, И. ед. м.р. од. Pavel ~ Pavla, И.-В. ед.м.р. živel ~ živlu; -mel: И.-В. ед.м.р. cumel ~ cumle // cumlu, И.-В. ед. м.р. chumel // chuml ~ chumle; -tel: И. ед. м.р. од. d'atel ~ d'atla, И.-В. ед. м.р. kotel ~ kotle // kotlu, И.-В., ед.м.р. pytel ~ pytle, И. ед. м.р. од. strašpytel ~ strašpytle; -sel: И. ед. м.р. од. osel ~ osla, И. ед.м.р. од. posel ~ posla, И. ед.м.р. од. sysel ~ sysla; -zel: И.ед.м.р.од. kozel ~ kozla (при И.-В. неод. kozel ~ kozlu), И. ед. м.р.од. mazel ~ mazla, И.-В. ед.м.р. uzел ~ uzlu; -rel: И. ед.м.р. од. orel ~ orla, И. ед. м.р. од. Karel ~ Karla; -čel:И.-В. ед.ж. // м.р. kyčel ~ kyčle, И.-В. ед.м./ж.р. přičel ~ přičle; -šel: И.-В. ед.м.р. kašel ~ kašle; И.-В. ед.м.р. kel ~ klu; -xel: И.-В. ед. м.р. kachel ~ kachle, И.-В. ед. м.р. chrchel ~ chrchlu // chrchle; -hel: И.-В. ед. м.р. úhel ~ úhlu, И.-В. ед.м.р.

uhel ~ uhle // uhlu; $C_2 = /n/$: *-pen*: И.-В. ед.м.р. srpen ~ srpna; *-ben*: И.-В. ед. м.р. buben ~ bubnu, И.-В. ед. м.р. duben ~ dubna, И.-В. ед.м.р. kedluben ~ kedlubnu; *-ten*: И.-В. ед.м.р. květen ~ května; *-den*: И.-В. ед.м.р. leden ~ ledna, И.-В. ед.м.р. den ~ dne (и производное půlden ~ půldne), И.-В. ед.м.р. týden ~ týdne; И.-В. ед.м.р. *sen* ~ snu, ze sna; *-zen*: И. ед.м.р.од. blázen ~ blázna, И.-В. ед. м.р. březen ~ března, И.-В. ед. м.р. hrozen ~ hroznu; *-cen*: И.-В. ед.м.р. jícen ~ jícnu, И.-В. ед.м.р. pecen ~ pecnu, И.-В. ед. м.р. svícen ~ svícnu; И.-В. ед. м.р. *len* ~ lnu; *-jen*: И.-В. ед. м.р. říjen ~ října; *-hen*: И. ед. м.р. од. jáhen ~ jáhna; *-sten*: И.-В. ед.м.р. osten ~ ostnu; *-rven*: И.-В. ед. м.р. červen ~ června; $C_2 = /r/$: *-ter*: И. ед. м.р. од. arbiter // arbitr ~ arbitra; *-mper*: И.-В. ед.м.р. dumper // dämpr ~ dumpnu; *-ster*: И. ед.м.р. од. magister // magistr ~ magistra (но только mistr, ministr); $C_2 = /ř/$: И.-В. ед.м.р. *keř* ~ keře // keře; $C_2 = /č/$: представлено в топонимах ж.р.: *-teč*: И.-В. ед. Chotěč ~ Chotče; *-deč*: И.-В. ед. Budeč ~ Budče; *-leč*: И.-В. ед. Luleč ~ Lulče; $C_2 = /š/$: И.-В. ед.ж.р. veš ~ vši; *-leš*: И. ед. м.р. од. Aleš ~ Alši // Aleši, И.-В. ед.ж.р. faleš ~ falše; $C_2 = /ž/$: И.-В. ед. ж.р. lež ~ lži; И.-В. ед. ж.р. rež ~ rži; $C_2 C = /st/$: И.-В. ед. ж.р. lest ~ lsti; И.-В. ед. ж.р. čest ~ čti; И.-В. ед.м.р. křest ~ křtu.

В двух последних лексемах чередование ⟨e ~ #⟩ сопровождается альтернативой ⟨s ~ Ø⟩, представляющей собой лексикализованное морфонологическое явление (ср. lest ~ lsti). Парадигма лексемы čest показана также на с. 101.

б/ Позиция перед нулевой флексией Р. мн.

Сущ. ж и ср. р. с $C_1 C_2$ (см. табл. 12)

Примеры лексем: $C_1 = /p/$: *pt*: krypta ~ krypt..; *ps*: kapsa ~ kapes.. (но: elipsa — elips, apokalypsa — apokalyps) *pl*: teplo ~ теоретически возможная форма Р. мн. tepel; *pn*: terpa ~ tepen, vápno ~ vápen..; *pr*: kopra ~ koper, lepra ~ leper..; *pk*: kopka ~ kopek..; $C_1 = /b/$: *bl*: hřeblo ~ hřebel, steblo ~ stebel..; *bn*: drbna ~ drben, učebna ~ učeben, Bubny (XXIII²) ~ Buben; *br*: kobra ~ kober, žebro ~ žeber..; *bk*: lebka [-pk-] ~ lebek, klubko [-pk-] ~ klubek..; $C_1 = /f/$: *ft*: nafta — naft..; *fr*: cifra ~ cifera..; *fk*: karafka ~ karafek; $C_1 = /v/$: *vb*: stavba ~ staveb..; *vd*: pravda — pravd..; *vc*: ovce [-fc-] ~ ovec..; *vn*: královna ~ královen, břevno ~ břeven..; *vk*: dávka [-fk-] ~ dávek, sluvko [-fk-] ~ slůvek..; $C_1 = /m/$: *mp*: pumpa — pump..; *mb*: limba — limb..; *mf*: nymfa — nymf..; *ms*: římsa — říms..; *mz*: pemza — pemz..; *mn*: kamna ~ kamen, humno ~ humen..; *mr*: Hamry (XXIII²) ~ Hamer // Hamrů; *mx*: střemcha — střemch; *mst*: msta ~ mest, no pomsta — pomst; *mzd*: в односложном mзда ~ mezd; $C_1 = /t/$: *tb*: honitba [-db] ~ honiteb [-tep], klatba [-db] ~ klateb [-tep], kletba [-db] ~ kleteb [-tep], platba [-db] ~ plateb [-tep]; *tv*: bitva ~ bitev..; *tm*: tma ~ tem, polotma ~ polotem; *tt*: ghetto [-t-] ~ ghett [-t-]; *tl*: metla ~ metel, světlo ~ světel..; *tn*: loutna ~ louten, plátno ~ pláten..; *tr*: kmotra ~ kmoter, patro ~ pater, játra (XXVI) ~ jater, Tatry (XXV) ~ Tater..; *tk*: nitka ~ nitek, stupátko ~ stupátek..; $C_1 = /d/$: *db*: sadba [-db-] ~ sadeb [-dep-]..; $\frac{d}{t} b$: modlitba [-db-] ~ modliteb [-dep], setba [-db-] ~ seteb [-dep], svatba [-db-] ~ svateb [-dep]..; *dm*: sedma ~ sedem, vidmo ~ videm..; *dl*: modla ~ model, šmudla ~ šmudel // šmudlů, jídlo ~ jidel, bradla (XXVI) ~ bradel..; *dn*: studna ~ studen, poradna ~ poraden..; *dr*: katedra ~ kateder, vědro ~ věder, nádra (XXVII) ~ náder..; *dk*: kladka ~ kladek..; $C_1 = /d'/$: *d'k*: lod'ka ~ loděk; $C_1 = /s/$: *sp*: výspa ~

Таблица 12

C ₁	p	b	f	v	m	t	t'	d	d'	s	z	c	l	n	n'	r	ř	j	č	š	ž	k	g	x	h	
C ₂																										
p						-				+			-													
b					+	-	+	+				+	±	+		±	+		+		+					
f						-							-													
v							+					+	-			±			+			(±)		+		
m							+	+			+	+	(±)			(±)	+		-	+		+		-	+	
t	-						⊖				⊖	-	-			⊖			-		-		-		-	±
t'																										±
d												-	-													
d'																										
s	±																									
z																										
c						+																				
l	+	+					+	+			+	+	⊕			+							+	+		+
n	+	+			+	+	+	+			+	+	+	⊕		(±)		±	+	+	+	+	+		+	+
n'																										
r	+	+	+		+	+	+																+		+	
ř																										
j																										
č																										
š																										
ž																										
k	+	+	+	+	+	+	+	+			±	++	+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	⊖
g																										
x																										
h																										⊕

C₂C

st

⊕

zd

⊕

~ *vř*sep...; *sm*: *osma* ~ *osem*, *písmo* ~ *písem*...; *st*: *cesta*—*cest*, *místo*—*míst*, но в односложном *sto* ~ *set*; *sl*: *křeslo* ~ *křesel*...; *sn*: *vesna* ~ *vesen*, *sošna* ~ *sosen*; *sk*: *hláska* ~ *hlásek*, *maska* ~ *masek*... но дублетизм в сущ. XVIII типа на -isko (*ohnisko* ~ *ohnisk* // *ohnisek*, *ložisko* ~ *ložisek* // *ložisk*, *skalisko* ~ *skalisk* // *skalisek* и т.п.), а также в отдельных лексемах *deska* ~ *desek* // *desk*; C₁ = /z/: *zb*:

jizba ~ *jizeb*...; $\frac{z}{s}$ *b*: *kresba* [-zb-] ~ *kreseb* [-zep], *prosba* [-zb-] ~ *proseb* [-zep];

zv: *jizva* ~ *jizev*, *ozva* (обычно во мн. ч. *ozvy*) ~ *ozev*; *zm*: *plazma* ~ *plazem*...; *zd*: *jízda*—*jízd*, *hnízdo*—*hnízd*...; *zl*: *zlo* ~ *zel*, *žezlo* ~ *žezel*, *kouzlo* ~ *kouzel*...; *zn*: *princezna* ~ *princezen*, *tryzna* ~ *tryzen*, *hlešno* ~ *hlezen*...; *zk*: *blůzka* ~ *blůzek*...; C₁ = /c/: *ct*: *pošta*—*pošt*, *úcta*—*úct*...; *cl*: *clo* ~ *cel*; *ck*: *kečka* ~ *kecek*, *necky* (XXV) ~ *necek*...; C₁ = /l/: *lp*: *Alpy*—*Alp* (заимствованный топоним); *lb*: *malba* ~ *maleb*, *šalba* ~ *šaleb*... (но *přílba*—*přílb*, *holba*—*holb*); *lf*: *Delfy*—*Delf*...; *lv*: *salva*—*salv*, *želva*—*želv*...; *lm*: *helma* ~ *helem*, *palma* ~ *palem*... (но по

Ч-р. Сл. kulmy ~ kulm // kulem); lt: fakulta—fakult, delta—delt...; ld: halda—hald, saldo—sald...; ln: přádelna ~ přádelen, vinopalna ~ vinopalen...; lk: selka ~ ~ selek...; lx: valcha—valch...; C₁ = /n/: nb: honba ~ honeb nt: varianta—variant...; nd: banda—band, propaganda—propagand...; ns: hansa—hans...; nz: menza—menz, bryzna—bryzn...; nn: panna ~ panen; nk: jízdenka ~ jízdenek, okenko ~ okenek...; ng: falanga—falang...; C₁ = /n'/: n'k: baňka ~ baňek...; C₁ = /r/: rp: škarpa—škarp; rb: orba ~ oreb, korba ~ koreb // korb, но теорба—teorb; rf: harfa—harf; rv: barva ~ barev, larva ~ larev, průrva ~ průrev..., но konzerva—konzerv, rezerva—rezerv; rm: firma ~ firem, karma ~ karem, norma ~ norem..., но izoterma—izoterm; rt: karta (ср. vykládat z karet, vidět komu do karet), но parta—part, varta—vart, oferta—ofert, jurta—jurt...; rd: horda—hord; rs: bursa—burs...; rz: traverza—traverz; rl: berla ~ berel, perla ~ perel...; rn: herna ~ heren, torna ~ toren..., но nokturno—nokturn (по Ч-р. Сл.); rc: gutaperca—gutaperč; rk: utěrka ~ utěrek, pěrko ~ pěrek...; rx: jircha—jirch; C₁ = /ř/: řb: kuřba ~ kuřeb...; řm: jařmo ~ jařem; řk: bouřka ~ bouřek...; C₁ = /j/: jm: újma—újm...; jt: krajta—krajt; jd: chajda—chajd, rejda—rejd...; jc: vejce (XIX) ~ vajec, jn: olejna ~ olejen, podejna ~ ~ podejen (но в ср. р. hejno—hejn, lejno—lejn); iř: gejsa—gejš...; jk: bajka ~ ~ bajek...; jh: в односложном jho ~ jeh; C₁ = /č/: čb: lečba ~ lečeb...; čv: počva ~ počev...; čm: krčma ~ krčem...; čn: kvočna ~ kvočen, slečna ~ slečen...; čk: bečka ~ beček, hnízdečko ~ hnízdeček, očko ~ oček...; C₁ = /š/: št: bašta—bašt. lišta—lišť; šn: kašna ~ kašen, mošna ~ mošen...; šk: soška ~ sošek...; C₁ = /ž/: žb: dlažba ~ dlažeb, držba ~ držeb...; žm: čižma ~ čižem, pižmo ~ pižem...; žd: vražda—vražď...; žn: almužna ~ almužen, knežna ~ knežen...; žk: nožka ~ nožek...; C₁ = /k/: kv: antikva ~ antikev (но по Ч-р. Сл. antikv), kt: akta—akt, sekta—sekt; ks: paralaxa—paralax; kl: kukla ~ kukel, peklo ~ pekel (ср. jidi do horoucích pekel!); kn: lokna ~ loken, okno ~ oken, vláčno ~ vláken...; kk: Mekka [-k-]—Mekk [-k-]; kst: seksta—sekt; C₁ = /g/: gm: paradigma—paradigm; gl: igla ~ igel; C₁ = /x/: xv: pochva ~ pochev...; xm: drachma ~ drachem...; xt: buхта ~ buchet, plachta ~ plachet, šachta ~ šachet, но jachta ~ jachet // jacht, kruchta ~ kruchet // krucht (в Пр. 84 только krucht), cuchta—cucht, rychta—rycht, šlichta—šlicht; xn: kachna ~ kachen, mochna ~ mochen; C₁ = /h/: hl: cihla ~ cihel, jáhla (обычно во мн. ч. jáhly) ~ jáhel // jahel, truhla ~ ~ truhel...; hn: běhna ~ běhen, bahno ~ bahen...; hr: hra ~ her (и в производных: dohra ~ doher, výhra ~ výher и т.д.).

Материал демонстрирует отсутствие вокалической ступени при C₂ = /t, d/ (кроме C₁ = /x/), /s/ (кроме C₁ = /p/), /z, x, f/. При этом и в случаях C₁C₂ = /xt, ps/ вокалическая ступень фиксируется нестабильно, характерна для одних лексем и отсутствует или возможна как дублетная в других. Наиболее сужены в этих структурных типах дистрибутивные возможности C₂ = /z, x, f/: сочетаются с C₁ = /m, l, r/. Наиболее широки у C₂ = /t/, сочетающимся с C₁ = /p, f, t, s, c, l, n, r, j, š, k, x/. Невокалическая ступень (кроме односложных слов) представлена и перед C₂C = /st, zd/.

Противоположная тенденция (максимальная представленность вокалической ступени) характерна для C₁C₂ при C₂ = /l, n, r, k/ (с колебаниями при C₁ = /s/). Наиболее узкие дистрибутивные возможности C₂ = /r/ (C₁=периферийный некомпактный, /t, d, h/), наиболее широкие у C₂ = /k/ (C₁=любая фонема, кроме периферийных компактных: исключение Мекка [-k-]). Также достаточно широка дистрибуция C₂ = /n/ (C₁ = /p, b, v, m, t, d, s, z, l, n, r, j, č, š, ž, k, x, h/). При C₂, представленном /p, b, v/, в зависимости от

Таблица 13

CC ₁	mp	mb	st	zd	sk	ct	nt	nd	rd	št	št'	žd'	jf	ks
C ₂														
p														
b											+			
f														
v			+				+							
m														
t														
t'														
d														
d'														
s														
z														
c														
l						+								+
n														
n'														
r		+	+	+	+			+						
ɣ														
j														
č														
š														
ž														
k	+		+					+		+	+	+	+	+
g														
x														
h														

репрезентанта C₁, фиксируется и вокалическая и нулевая ступени. Уникальна сочетаемость C₂ = /c, č, š, h/, причем при C₂ = /c/(C₁ = /v, j/) и /h/(C₁ = /j/) в Р. мн. представлена вокалическая ступень, а при C₂ = /č/(C₁ = /r/), /š/(C₁ = /j/) — нулевая.

Минимальной сочетаемостью из C₁ обладает ряд /t', d', n'/ (с /k/ при вокалической ступени в Р. мн.). Максимальны дистрибутивные возможности у C₁ = /r/ (14 типов сочетаний), велики они также у других сонорных (кроме /n'/). Кроме указанных C₂, при которых всегда фиксируется нулевая ступень во всей парадигме, конкретные C₁ не допускают вокалической ступени с C₂ = /p, b, m/ (/mp, rp, lp (?), mb, lv, jm, gm/).

В большинстве случаев колебаний в огласовке исхода основы в Р. мн. C₁ репрезентирован плавными /r, l/ или (j/, а C₂ назальными /m, n/ или звонким периферийным некомпактным (C₁C₂ = /lm, rb, rm, rv, rn, jn/). Колебания фиксируются также при C₁C₂ = /ps, kv (?), xt, sk/. В специфическом лексическом слое (иноязычных топонимах) отмечаются формы с нарушением вокалической ступени и при C₁C₂ = /nk/: Frank, Helsing.

Сущ. ж. и ср. р. с CC₁C₂ (см. табл. 13)

Примеры лексем: CC₁ = /mp/: mpk: pumpky ~ pumpek ...; CC₁ = /mb/:

mbr: ambra ~ amber (?). CC₁ = /st/: *stv*: přástvy ~ přástev, vrstva ~ vrstev..; *str*: astra ~ aster, lejtstro ~ lejster ..; *stk*: kostka ~ kostek..; CC₁ = /zd/: *zdr*: mázdra ~ mázder, pouzdro ~ pouzder ...; CC₁ = /sk/: *skl*: sklo ~ skel (и в производных: plexisklo ~ plexiskel ..): *skr*: jiskra ~ jisker; CC₁ = /ct/: *ctv*: zvířectvo ~ zvířectev..; CC₁ = /nt/ = *ntk*: absolventka ~ absolventek..; CC₁ = /nd/: *ndr*: tundra ~ tunder; CC₁ = /rd/: *rdk*: stevardka ~ stevardek..; CC₁ = /št/: *štb*: věštb [db-] ~ věštb; *štk*: podpouška ~ podpoušek; CC₁ = /št'/: *št'k*: měš'tka ~ měš'těk, drš'tka ~ drš'těk; CC₁ = /žd'/: *žd'k*: projížd'ka ~ projížděk; CC₁ = /jf/: *jfk*: fajfka ~ fajfek; CC₁ = /ks/: *ksl*: уст. piksla ~ piksel.

Материал с CC₁ подтверждает тенденцию, выявленную при отсутствии согласного, предшествующего C₁: максимальную представленность вокалической ступени перед C₂ = /l, n, r, k/ и широкие дистрибутивные возможности у C₂ = /k/.

Таблица 14

Сущ. ср. р. с CCC₁C₂, CCCC₁C₂³

CCC ₁	mst	tst	dst	d'st	lst	nst	rst	řst	čst	šst	jst	CCCC ₁ rvst
	{ct}	{ct}	{ct}	{ct}								
C ₂ v	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Примеры: *mst*: potomstvo ~ potomstev, *tst*: šatstvo; *dst*: něřadstvo; *d'st*: lod'stvo; *lst*: pozelstvo; *nst*: panstvo; *rst*: ministerstvo; *řst*: lekařstvo; *čst*: hasičstvo; *šst*: уст. tovaryšstvo; *jst*: vozatajstvo; *rvst*: nervstvo.

На лексическую мощь чередования <#~e> в сущ. на C₁C₂ влияет продуктивность тех или иных словообразовательных средств. Так, высокая лексическая нагрузка чередования в сущ., в которых *n-a* является простым формантом категории *nomina loci* или входит в состав более сложных ее показателей (ср. *učebna, výtopna, cukrárna, kreslírna, sborovna* и мн. др.). Или ср. абстрактные отглагольные сущ. с суффиксом *-b-a* (*honba, prosba* и др.). В сущ. ср. р. вследствие оформления суф. *-dlo* категории *nomina instrumenti* (типа *vozidlo*) велика лексическая нагруженность чередования <#~e> в ИВО с C₁C₂ = /dl/ (в Сл. Сл. приведено 197 слов, из которых большая часть относится к указанной словообразовательной категории). С другой стороны, принадлежность сущ. к определенному словообразовательному или семантическому классу может уменьшить лексическую репрезентативность чередования. Так, во многих сущ. на *-stv-o, -ctv-o* этот сегмент является показателем собирательных субстантивов (*živočišstvo, členstvo* и под.), которые в силу своей семантики употребляются только в ед. ч.

О необходимости дифференциации внутри морфонологической позиции (в данном случае перед нулевой флексией) морфологических позиций (И.-В. ед. и Р. мн.) свидетельствует факт различного поведения ряда сочетаний (C)C₁C₂ в этих позициях. Если, например, сущ. с C₁C₂ = /pl/

³Поскольку все четырехфонемные и пятифонемные консонантные сочетания представлены перед /v/, мы ограничимся указанием только C₂ = /v/.

bl, tl, dl, sl, zl, kl, gl, hl, pr, br, fr, vr, mr, tr, dr, kr, hr/ и с $CC_1C_2 = /str, ndr/$ всегда, а с $C_1C_2 = /lm, rb, rm, rv, rn, jn/$ в большинстве случаев "разбиваются" в Р. мн. суш. ж. и ср. р. гласной ступенью (С) C_1VC_2 , то перед нулевой ступенью И.-В. ед. за исключением отдельных слов, приведенных выше списком, исход основы имеет вид (С) C_1C_2 : křipl, rubl, pudl, zámysl, nikl, kopr, bobr, kufr, hamr, brátr, vítr, cedr, cukr, vichr, bagr, žalm, karb, alarm, nerv, Saturn, kombajn, mistr, ministr, bunkr, oleandr и мн. др. Особенно ярко в СЧЛЯ проявляется тенденция к наличию в И.-В. ед. в исходе основы (С) C_1C_2 при $C_2 = /r/$, что обусловлено, вероятно, слоговостью r в постконсонантной позиции на конце слова.

Уникальные чередования $\langle \bar{V} \sim \# \rangle$ представлены в двух топонимах: $\langle a \sim \# \rangle$ в Karlovac \sim Karlovice и $\langle o \sim \# \rangle$ в Kežmarok \sim Kežmarku.

Б. Традиционные "наращения" (чередования сегмента с \emptyset по сравнению с формой И.п. ед. ч.).

К "наращиваемым" сегментам в исконно чешских словах относятся следующие: $Vt^{(1)}$, представленный конкретными членами -et, -et' и -at, находящимися в отношении ДЦ: -at представлен в формах мн. ч., -et и -et' — ед. ч., причем -et' перед флексией -i, а -et — перед остальными; -en⁽¹⁾, представленное конкретными членами -en' (перед флексиями -i и -e₁) и -en (в ОПФ ед. и мн. ч.); -eř.

"Нарращение" сегмента $-Vt^{(1)}$ представлено в двух классах лексем: в I классе сегмент $-Vt^{(1)}$ отсутствует в И.-В.-З ед.; во II классе сегмент $-Vt^{(1)}$ отсутствует в И.-З ед.

К I классу относятся суш. XXI типа, т.е. ср. р. на -e (орф. e и ě), обозначающие в большинстве случаев незрелое или небольшое существо. Данный класс суш. довольно продуктивен (в Сл. Сл. представлено 29 названий подобной семантики, но в действительности их больше). Например: batole, sárě, čuně//čuně, děvcě, hádě, houbě, house, hříbě, sele и др. Сюда же относятся некоторые слова аналогичной структуры, но не имеющие семантики "незрелости": названия различных растений и их частей (douře), предметов (koště), частей тела (vole), взрослых существ (prase, zvíře). Ср. пример на чередование: $\langle \emptyset \text{ (И.-В.-З ед. kuře)} \rangle \sim \langle et \text{ (Р. ед. kuřete, Т. ед. kuřetem)} \rangle \sim \langle et' \text{ (Д.-П. ед. kuřeti)} \rangle \sim \langle at \text{ (И.-В. мн. kuřata, Р. мн. kuřat, Д. мн. kuřatům, П. мн. o kuřatech, Т. мн. kuřaty)} \rangle$.

В суш. dítě сегмент $-Vt^{(1)}$ представлен только в ед. ч. (варианты et и et'), поскольку во мн. ч. эта лексема изменяется по типу kost от основы dět.

Ко II классу относятся суш. kníže, hrabě (и производные от них) и dóže (X).

Пример на чередование: $\langle \emptyset \text{ (И.-З ед. kníže)} \rangle \sim \langle et \text{ (Р.-В. ед. knížete, Т. ед. knížetem)} \rangle \sim \langle et' \text{ (Д.-П. ед. knížeti)} \rangle \sim \langle at \text{ (И.-В.-З мн. knížata, Р. мн. knížat, Д. мн. knížatům, П. мн. knížatech, Т. мн. knížaty)} \rangle$. В суш. dóže вследствие наличия дублетных форм мн. ч. от "нерасширенной" основы dóž — возможно отсутствие члена at. В таком случае ступень $\langle \emptyset \rangle$ представлена в И. ед. и формах мн. ч. (И.-З dóžove, Р. dóžů, Д. dóžům,

⁴ Во всех единичных случаях на (s)ter известны дублеты И. ед. со (s)tr (см. выше).

В. dǒže, П. о dǒžích, Т. dǒži), а <Vt⁽¹⁾> в ОПФ ед. ч. (et в Р-В, Т ед., et' в Д. и П. ед.).

В сущ. I и II классов, основа И. ед. которых оканчивается на сочетание "губной + j" (dourě, pourě, holoubě, hrabě, markrabě), перед сегментом мн. ч. at происходит чередование с одиночным губным: <bj ~ b>, <pj ~ p>. Ср. hrabě, hraběte, hraběti... ~ hrabata, hrabatům ...

"Нарращение" сегмента en⁽¹⁾ представлено при фиксации книжных устаревших форм И-В ед. слов типа břímě, plěmē, símē/ sémē, tēmē. При этом сочетание губного с j перед -e в архаических формах И-В ед. чередуется с губным перед сегментом <en⁽¹⁾>. Нейтральными формами являются формы И-В ед. с "нарращением" (с en): břemeno, plemeno, gameno, semeno, temeno. Таким образом, и "нарращение" (т.е. количественное чередование) является в ряде случаев вторичным показателем устаревшего характера словоформы (ср. с 104).

Сегмент eř представлен в качестве "расширителя" основы И. ед. слов máti, pramáti, net' (XVII).

В словах máti и pramáti (поэт. книж. варианты máť и pramáť) в ед.ч., кроме И-В-З. ед., возможны наряду с формами с "нарращением" eř словоформы от "нерасширенной" основы máť и pramáť: Р.ед. máti // mateře, Д.-П. ед. máti и mateři, Т.ед. máť и mateří. При этом формы с eř являются книжными и устаревшими, а формы от "нерасширенной" основы — нейтрально-разговорными. Формы мн.ч. употребляются редко: И-В-З mateře, pramateře, Р.мн. mateři ..., Д. mateřim, П. о mateřích, Т. mateřemi. В книжном стиле И.В.З. ед. противопоставлены ОПФ ед.ч. (и редкого мн.ч.).

Для сущ. net', являющегося книжным, для каждой формы возможны дублеты с eř и без eř. Формы с eř (И.ед. neteř ...) являются нейтральными, а без eř (net' ...) стилистически маркированными: воспринимаются как книжные.

Таким образом, "нарращение", представленное сегментами en⁽¹⁾ и eř, относится к исчезающим (архаическим) морфонологическим явлениям СЧЛЯ, в отличие от достаточно активного (в первую очередь благодаря вхождению в состав форманта — показателя продуктивного словообразовательного типа категории "невзрослое существо") сегмента Vt⁽²⁾.

ПЕРЕЧЕНЬ АР СУБСТАНТИВОВ

Рассмотренный материал выявил функционирование в парадигматике сущ. СЧЛЯ следующих АР.

Консонантные АР (АРс):

1АРс. Опозиция < ед. (кроме П. ед. сущ. м., ср.р., Д-П ед. сущ. ж.р.) > ~ < П.ед. сущ. м., ср.р., Д-П. ед. сущ. ж.р. с флексией -e₁ >. Его образуют типы <Т ~ Т'>, <К ~ С>, <Р ~ Рj>, <г ~ ř>, звенья <h ~ z>, <g ~ z>. Максимальное число звеньев (13) в АР ж.р.: <t ~ t', d ~ d', n ~ n', p ~ pj, b ~ bj, f ~ fj, v ~ vj, m ~ mn'/mj, r ~ ř, k ~ c, x ~ š, h ~ z, g ~ z> (1aАРс). 10 звеньев в парадигме сущ. м.р.: <t ~ t', d ~ d', n ~ n', r ~ ř, p ~ pj, b ~ bj, v ~ vj, m ~ mn'/mj, k ~ c, x ~ š> и 8 звеньев в парадигмах сущ. ср.р.: <d ~ d', t ~ t', n ~ n', m ~ mn'/mj, v ~ vj, r ~ ř, k ~ c, x ~ š>.

2АРс. Опозиция < ед., мн. (кроме И-З. сущ. м.р. од.) > ~ < И-З мн.

сущ. м.р. од. с флексией -i₁). 2APс восьмичленен: типы <K ~ C> (<k ~ c, x ~ š>), <T ~ T'> (<t ~ t', d ~ d', n ~ n'>), чередования <r ~ ř>, <h ~ z>, <g ~ z>.

3APс. Оппозиция <ед., мн. (кроме П. с флексией -ich)> ~ <П. мн. с флексией -ich>. В сущ. м.р. в AP 4 члена: тип <K ~ C> (<k ~ c, x ~ š>) и звенья <h ~ z> и <g ~ z>, в сущ. ср.р. — 2 члена (<k ~ c, x ~ š>).

4APс. Оппозиция <ед. (кроме 3.ед.), мн.> ~ <3. ед. с -e₂>. Представлена в парадигмах сущ. м.р. В 4APс 4 члена (<r ~ ř, c ~ č, h ~ ž, k ~ č>).

5APс. Оппозиция <ед.(И-В), мн. (Д., Т., П.)> ~ <ОПФ с флексией -i(i̇)>. 5APс одночленен: тип <T ~ T'> (звено <t ~ t'>). В некоторых сущ. нестабилен (pelest, lest). Варианты: 5aAPс (<ед. (И-В) ~ ОПФ>) (тип čtvrt) и 5bAPс (<ед.(И-В) Т.мн. ~ ОПФ>) (тип smrt).

6APс нестабилен. Оппозиция <ед., мн. (кроме Д., Т., П.)> ~ <мн. (Д., Т., П.)> в сущ. ж.р. на согласный. Двучленен: тип <T' ~ T> (<t' ~ t, d' ~ d>).

7APс нестабилен. Оппозиция <ед., мн. (кроме Т.)> ~ <Т.мн.> в сущ. ж.р. на согласный. Двучленен: <тип T' ~ T> (<t' ~ t, d' ~ d>).

8APс нестабилен. Оппозиция <ед. (И-В, Т.), мн. (Д., Т., П.)> ~ <ОПФ>. Тип <T ~ T'> (один член: <n ~ n'>).

9APс нестабилен. Оппозиция <ед. (кроме Д-П(З.), мн)> ~ <Д-П. (З)ед. с -i>. В 9APс 2 члена: тип <T ~ T'> (<t ~ t', n ~ n'>).

10APс. Оппозиция <ед. (И-Р-З), мн. (И-В-З, Т.)> ~ <ОПФ>. Представлена в сущ. ж.р. kárě, země и в сущ. pl.t. hrábě (<мн. (И-В-З, Т.)> ~ <ОПФ>). Двучленный AP: тип <Pj ~ P> (<pj ~ p, bj ~ b, mj/mn' ~ m>).

11APс нестабилен. Оппозиция <ед. (кроме Р-З), мн. (кроме И-В-З, Т.)> ~ <Р-З. ед., мн (И-В-З, Т.)>. В 11APс один член (<m ~ mj/mn'>).

12APс. Оппозиция <ед.ч.> ~ <мн.ч.>. Представлен в сущ. ср.р. Тип <K ~ Č> (oko, ucho).

13APс. В типе kuře, plémě, kniže оформляет оппозицию в "наращенных" формах <ед. (Р., Т.), мн.> ~ <Д-П. ед. с флексией -i>. 13APс нестабилен в типе plémě // plémeno вследствие возможных дублетов Д.ед. (-i // -u) и П.ед. (с -i, -e и -u). Двучленен: тип <T ~ T'> (<t ~ t', n ~ n'>).

14APс. Оппозиция <ед., мн. (И-В-З, Р)> ~ <мн. (Д,Т., П.)>. Тип <T' ~ T> (<t' ~ t>). Представлен в парадигме лексемы dítě.

15APс. Нестабилен. Оппозиция <И-В-З. ед.> ~ <ед. (Т., Р., Д., П.) мн.> в типах máti, gramáti. Тип <T' ~ T> (<t' ~ t>).

16APс. Нестабилен. Оппозиция <И.ед.> ~ <ОПФ> Тип <T' ~ T> (net').

17APс. Оформляет в типе plémě оппозицию: <И-В-З. ед.> ~ <ОПФ>. Нестабилен вследствие морфологических причин. Тип <PJ ~ P> (<mj/mn' ~ m>).

18APс. Оформляет в типах douřě, houě оппозицию <ед.ч.> ~ <мн.ч.>. Тип <PJ ~ P> (<pj ~ p, bj ~ b>).

Для остальных уникальных чередований (ср. <z ~ ž> в kněz, <k ~ c> в guka и под.) мы не пользуемся понятием AP.

Вокалические AP (APv):

1APv. Оппозиция <ед, мн. (кроме Р. с окончанием -ŕ)> ~ <Р.мн. с окончанием -ŕ>. Представлен в сущ. ж.р. и ср.р., а также в сущ. pl.t. Типы:

$\langle \acute{V} \sim V \rangle$ ($\langle \acute{a} \sim a, \acute{i} \sim i \rangle$, ср.р. $\langle \acute{e} \sim e \rangle$), $\langle \acute{I} \sim E \rangle$ ($\langle \acute{i} \sim e, \acute{u} \sim o \rangle$), $\langle ou \sim u \rangle$. В ж.р. отмечено 5 членов ($\langle \acute{a} \sim a, \acute{i} \sim i, ou \sim u, \acute{i} \sim e, \acute{u} \sim o \rangle$), в ср.р. — 3 члена ($\langle \acute{a} \sim a, \acute{e} \sim e, \acute{i} \sim e \rangle$). В сущ. pl.t. 3 члена типа $\langle \acute{V} \sim V \rangle$ ($\langle \acute{a} \sim a, \acute{e} \sim e, \acute{i} \sim i \rangle$).

2APv, нестабильный в ряде парадигм. Оппозиция $\langle \text{ед., мн. (И-В-З)} \rangle \sim \langle \text{мн. (Р., Д., П., Т.)} \rangle$. В сущ. ж.р. на гласный, Тип $\langle \acute{V} \sim V \rangle$ ($\langle \acute{a} \sim a \rangle$).

3APv, нестабильный в ряде лексем. Оппозиция $\langle \text{ед. (кроме. Т.), мн. (И-В-З)} \rangle \sim \langle \text{Т.ед., мн. (Р., Д., Т., П.)} \rangle$. Структура 3APv и представленность такая же, как и 2APv.

4APv. Нестабильн. Оппозиция некоторых сущ. pl.t.: $\langle \text{И-В-(3) мн.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$ (Тип $\langle \acute{V} \sim V \rangle$: $\langle \acute{a} \sim a, \acute{e} \sim e \rangle$).

5APv. Оппозиция $\langle \text{И-В ед.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$. В сущ. м.р. представлено 5 членов (тип $\langle \acute{V} \sim V \rangle$: $\langle \acute{a} \sim a, \acute{i} \sim i, \acute{e} \sim e \rangle$; тип $\langle \acute{I} \sim E \rangle$: $\langle \acute{i} \sim e, \acute{u} \sim o \rangle$). В сущ. ж.р. 1 член (тип $\langle \acute{I} \sim E \rangle$: $\langle \acute{u} \sim o \rangle$).

6APv. Оппозиция $\langle \text{И.ед.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$. В од. сущ. м.р. Те же типы потенциально возможны, что и в 5APv, но реально в двух сущ. представлен член $\langle \acute{u} \sim o \rangle$ (тип $\langle \acute{I} \sim E \rangle$).

7APv. Нестабильн. Оппозиция $\langle \text{ед. (И., В.Д., Т., З.), мн. (Р., Д., З.)} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$. Член $\langle \acute{u} \sim o \rangle$.

8APv. Оппозиция $\langle \text{ед.ч.} \rangle \sim \langle \text{мн.ч.} \rangle$. Типы $\langle \acute{V} \sim V \rangle$ (в р_{ан} при употреблении перед титулом или фамилией), $\langle \acute{I} \sim E \rangle$ (в dítě), уникальные чередования $\langle \acute{i} \sim \acute{a} \rangle$ (в přítel) и $\langle o \sim a \rangle$ (нестабильное в století).

9APv. Маркирован стилистически: принадлежность книжного стиля, средство архаизации. Оппозиция $\langle \text{И-В-(3) ед.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$. Типы $\langle \acute{V} \sim V \rangle$ и $\langle \acute{I} \sim E \rangle$: $\langle \acute{a} \sim a, \acute{e} \sim e, \acute{i} \sim e \rangle$: парадигмы слов типа m_átí, pl_ěmě, g_ámě, b_římě.

Нестабильный 10APv. Оппозиция $\langle \text{ед., мн. (И-В-З)} \rangle \sim \langle \text{мн. (Р., Д., П., Т.)} \rangle$. В парадигме лексем peníz ($\langle \acute{i} \sim e \rangle$) и léta ($\langle \acute{e} \sim e \rangle$).

11APv. Оппозиция $\langle \text{ед. (кроме 3.ед.), мн.} \rangle \sim \langle \text{3.ед. с флексией -e} \rangle$ (тип $\langle a \sim e \rangle$: Jene).

12APv. Оппозиция $\langle \text{И-В ед., мн.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$. Тип $\langle \acute{V} \sim V \rangle$ ($\langle \acute{a} \sim a \rangle$). Нестабильн.

Чередование $\langle V \sim \# \rangle$ (за исключением 2-х указанных топонимов обычно $\langle e \sim \# \rangle$) оформляет следующие оппозиции:

1) $\langle \text{И-В. ед.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$ в сущ. неод. м.р. и ж.р. с нулевой флексией И.ед. ($\langle e \sim \# \rangle_1$); 2) $\langle \text{И.ед.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$ в од. сущ. м.р. ($\langle e \sim \# \rangle_2$); Чередование нестабильно в тех сущ., парадигмы которых допускают В.ед. = Р.ед. и В.ед. = И.ед. (ср. В.ед. ledoborec // ledoborce); 3) $\langle \text{И-В-З. ед.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$ в сущ. ж.р. с нулевой флексией И.ед. ($\langle e \sim \# \rangle_3$); 4) $\langle \text{Р.мн. с нулевой флексией} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$ в сущ. ж. и ср.р. и некоторых сущ. pl.t. ($\langle e \sim \# \rangle_4$); 5) $\langle \text{И-В. ед., Т.мн.} \rangle \sim \langle \text{ОПФ} \rangle$ в сущ. ж.р. с нулевой флексией И.ед. ($\langle e \sim \# \rangle_5$).

ТАБЛИЦЫ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДТИПОВ

Типы субстантивных морфонологических структур СЧЛЯ (или морфонологические подтипы) можно изобразить схематично (см. с. 123–128).

В парадигме обычно заштриховывается форма, косвенный вариант основы которой отличается от ИВО. Исключение сделано для APv и $\langle e \sim$

~ #) в сущ. с нулевой флексией И.ед.: для того, чтобы не перегружать таблицы различного вида штриховкой, в этих случаях заштриховывались формы, совпадающие по члену вокалической и количественной альтернции с формой И.ед.

Виды штриховок:

1 – чередования согласных; 2 – вокалические чередования; 3 – чередования (e ~ #); 4 – чередования (C ~ ∅); 5, 6, 7 – нестабильность ступени чередования в данной форме

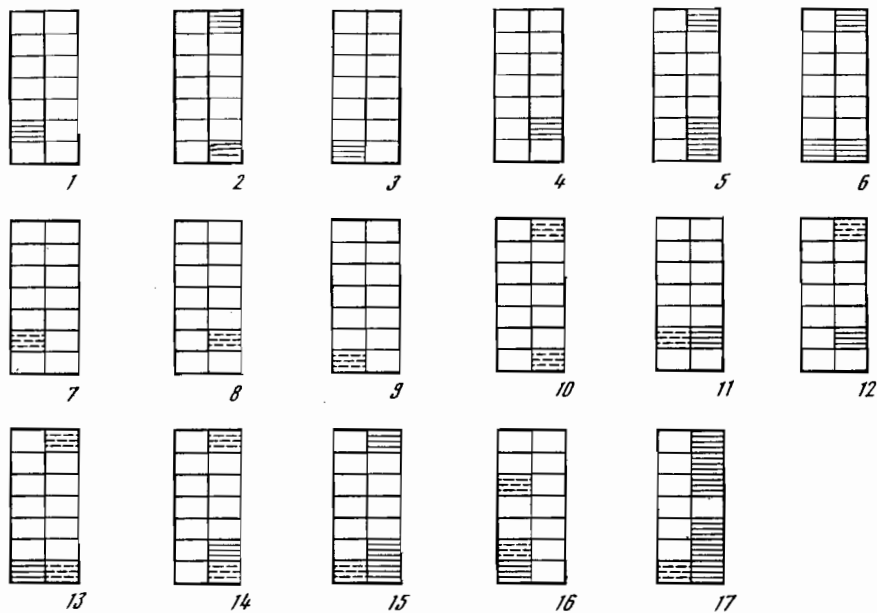
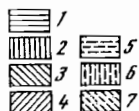

Рис. 9 I. Сущ. м.р. А. Типы с APc

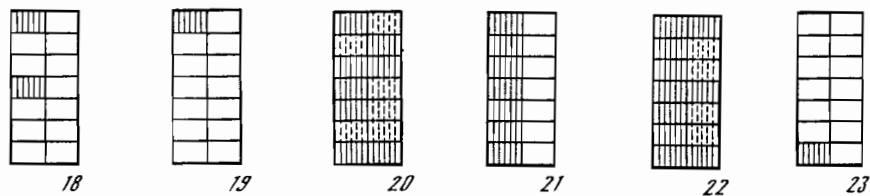

Рис. 10 Б. Типы с APv

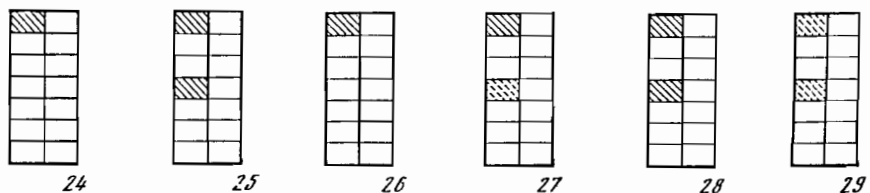

Рис. 11 В. Типы с (e ~ #)

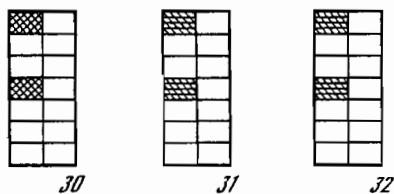

Рис. 12 Г. Типы с $(e \sim \#)$ и сопровождающими это чередование альтернациями

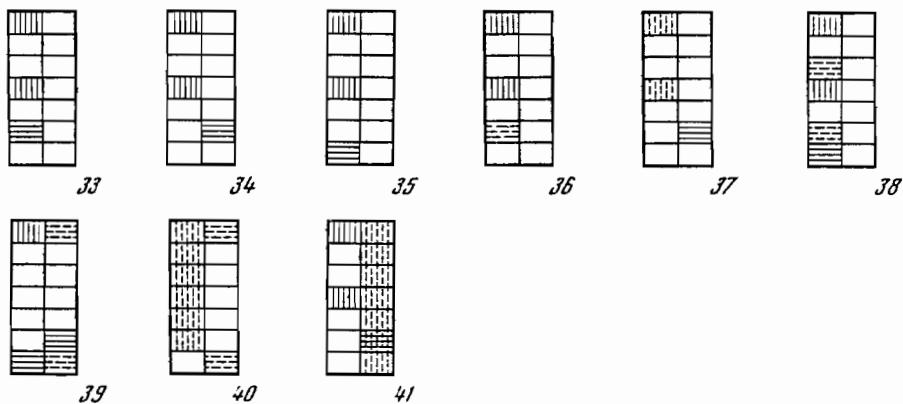

Рис. 13 Д. Смешанные типы а) Типы с АРС и АРv

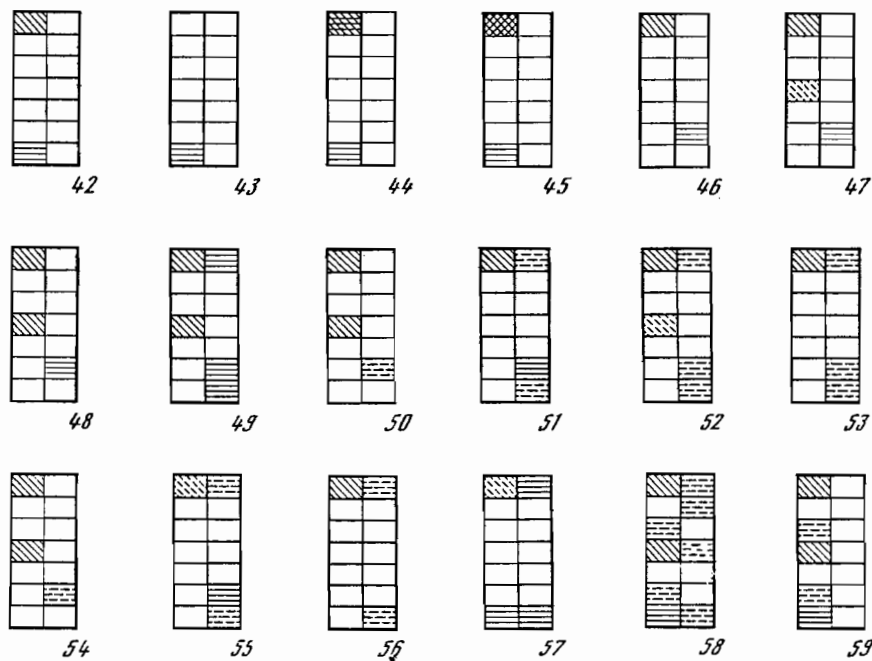

Рис. 14 б) Типы с АРС и $(e \sim \#)$

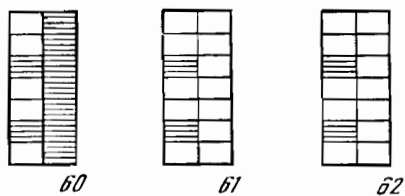

Рис. 15 Е. Типы с С $\bar{\theta}$ ~С + Seg.

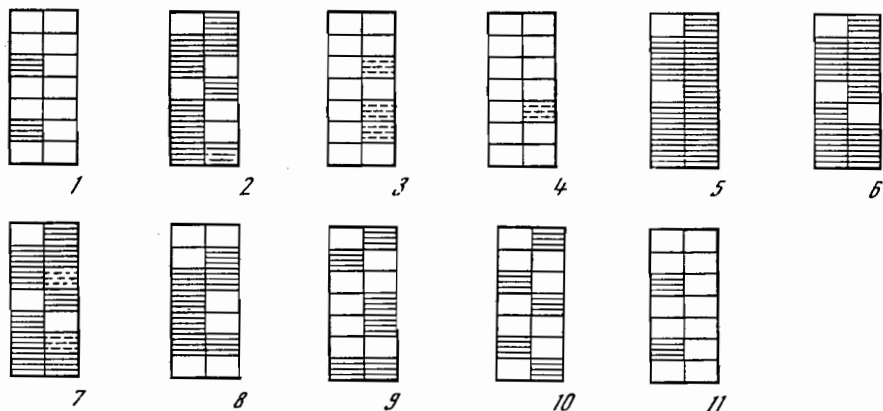

Рис. 16 II. Сущ. ж.р. А. Типы с APc

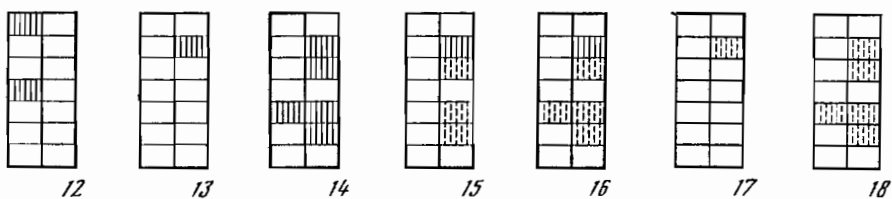

Рис. 17 Б. Типы с APv

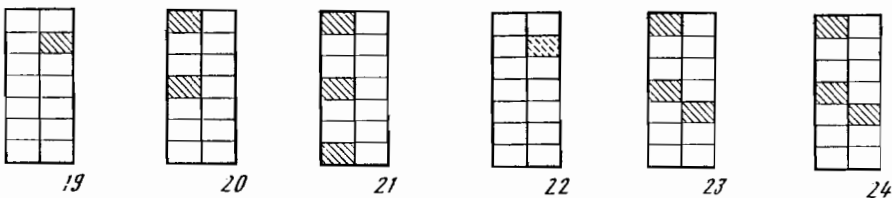
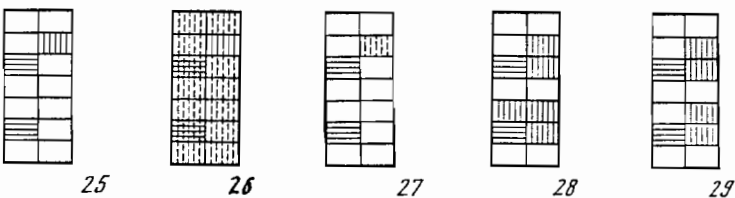
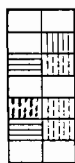

Рис. 18 В. Типы с (e ~ #)

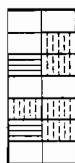

30

31

32

Рис. 19 Г. Смешанные типы а) Типы с АРс и АРv

33

34

35

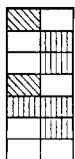

36

37

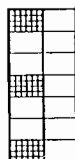
Рис. 20 б) Типы с АРс и (е ~ #)

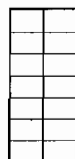
38

39

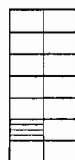
40

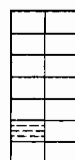
41

Рис. 21 в) Типы с АРv и (е ~ #)

Рис. 22 Д. Типы с С Ø ~ С + Seg.

1

2

3

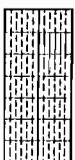

4

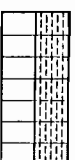
Рис. 23 III. Сущ. ср.р. А. Типы с АРс

5

6

7

Рис. 24 Б. Типы с АРv

8

9

10

Рис. 25 В. Типы с (е ~ #)

Рис. 26 Г. Смешанные типы а) Типы с АРС и АРv

11

12

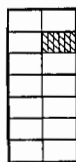

13

14

Рис. 27 б) Типы с АРС и (е ~ #)

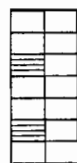
15

16

Рис. 28 в) Типы с АРv и (е ~ #)

Рис. 29 г) Типы с АРС, АРv и (е ~ #)

17

18

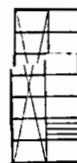

19

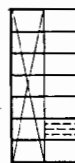

20

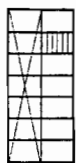
Рис. 30 Д. Типы с Сθ ~ С + Seg.

1

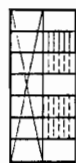
2

3

4

5

Рис. 31 IV. Суш. рl. т. и употребляющиеся обычно только во мн.ч. А. Типы с АРС

Рис. 32 Б. Типы с АРv

6

7

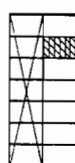
8

Рис. 33 В. Типы с (e ~ #)

Рис. 34 Г. Смешанные типы а) Типы с АРс и АРv

9

10

Рис. 35 б) Типы с АРс и (e ~ #)

Рис. 36 в) Типы с АРv и (e ~ #)

Комментарий к схемам морфонологических подтипов⁵.

I. Суш. м.р. А. 1) – тип *chlév, oběd* :4AP c; 2) – тип *student, slon* :2AP c; 3) – тип *korč*, в ед.ч. *člověk* :4APc (в Ч-р Сл. в 3.ед. от *korč, kufr* и под. даются не подтвержденные у информантов формы с re); 4) – тип *Rěk, sluha* :3APc; 5) – тип *Polák, pstruh* :2APc, 3APc; 6) – тип *tygr, ministr* :2APc, 4APc; 7) – тип *klášter* :1APc // -1AP c; 8) – тип *duch, dok* :3APc // -3APc; 9) – тип *strýc* :4APc // - 4APc; 10) – тип *prelát, invalida* :2APc // -2APc; 11) тип *rok, kožich* :3APc, 1APc // -1APc; 12) – тип *bovovák* :3APc, 2APc // -2APc; 13) – тип *lotr* :4APc, 2APc // -2APc; 14) – тип *Čech, koník* :3APc, 2APc // -2APc; 15) – тип *hříšník* :2APc, 3APc, 4APc // - 4APc; 16) – тип *křemen* :9APc // -9APc; 17) – тип *kněz* : (z ~ ž). Б.18) – тип *rás, nůž* :5APv; 19) – тип *vůl* :6APv; 20) – тип *kůl* :7APv // -7APv; 21) – тип *přítel* : 8APv; 22) – тип *peniz* :10APv // -10APv; 23) – тип *Jan* : 11APv. В. 24) – тип *pes, učeň* : (e ~ #)₂; 25) – тип *kel, říjen* : (e ~ #)₁; 26) – тип *Aleš* : (e ~ #)₂ // C₁VC₂; 27) – тип *ledoborec* : (e ~ #)₁ // (e ~ #)₂; 28) – тип *keř* : (e ~ #)₁ // C₁VC₂; 29) – тип *chumel* : (e ~ #)₁ // C₁C₂. Г. 30) – тип *křest* : (e ~ #)₁, (s ~ ø); 31) – тип *kostfec* : (e ~ #)₁, (fe ~ r #); 32) – тип *peřfec* : (fe ~ r #₁ // r # // CY ~ YC = fe ~ er). Д. а/. 33) – тип *dům* : 1APc, 5APv; 34) – тип *práh, sněh* : 3APc, 5APv; 35) – тип *vitř* : 4APc // -4APc, 5APv (в Ч-р Сл. дана форма 3.ед. от *vitř-větre*, не подтвержденная информантами); 36) – тип *chléb* : 1APc // -1APc, 5APv; 37) – тип *klíč* : 3APc, 5APv // -5APv; 38) – тип *kámen* : 9APc // -9APc, 5APv; 39) – тип *bůh* : 3APc, 4APc, 2APc // -2APc, 6APv; 40) – тип *rán* : 2APc // - 2APc, 11APv // 8APv; 41) – тип *hráh* : 3APc, 5APv // 12APv; б/. 42) – тип *otec, podleč* : 4APc, (e ~ #)₂; 43) – тип *švec* : 4APc, (CY ~ YC) = (ne/ve ~ en/ev) = (И.ед.) ~ (ОПФ); 44) – тип *stařec* : 4APc, (e ~ #)₂, (fe ~ r #); 45) – тип *tkadlec* : 4APc, (e ~ #)₂, (d ~ ø); 46) – тип *ježíšek* : 3APc, (e ~ #)₂; 47) – тип *motýlek* : 3APc, (e ~ #)₂ // (e ~ #)₁; 48) – тип *bílek* : 3APc, (e ~ #)₁; 49) –

⁵ В качестве образцов приводятся 1–4 лексемы данного подтипа. Все сведения о лексической мощи и стилистической маркированности даны в тексте.

тип ježek: 2APc, 3APc, (e ~ #)₁; 50) – тип důleček: 3APc // – 3APc, (e ~ #)₁; 51) – тип slaneček: 3APc, 2APc // – 2APc, (e ~ #)₂; 52) – тип hřibek: 3APc // – 3APc, 2APc // – 2APc, (e ~ #)₁ // (e ~ #)₂; 53) – тип maňásek: 3APc // – 3APc, 2APc // – 2APc, (e ~ #)₂; 54) – тип lesiček: 3APc // – 3APc, (e ~ #)₁; 55) – тип herýnek: 3APc, 2APc // – 2APc, (e ~ #)₂ // C₁C₂; 56) – тип jáhen: 2APc // – 2APc, (e ~ #)₂; 57) – magister: 4APc, 2APc, (e ~ #)₂ // C₁C₂; 58) – тип den: 8APc // – 8APc, (e ~ #)₁; 59) – тип půlden, loket: 9APc // – 9APc, (e ~ #)₁. Д. 60) – тип hrabě: Cø ~ ~C + Seg = (ø ~ et^(.)/at) = (И-В.ед.) ~ (ОПФ), 13APc, 18APc; 61) – тип kníže: Cø ~ C + Seg = (ø ~ et^(.)/at) = (И-В.ед.) ~ (ОПФ), 13APc; 62) – тип dóže: Cø ~ C + Seg = (ø ~ et^(.)/at) = (И-В.ед.) ~ ОПФ // (ø ~ et^(.)) = (И-В.ед., мн.ч.) ~ (ОПФ ед.ч.), 13APc.

II. Суш. ж.р. А. 1) – тип zura, suchta, stuha: 1aAPc; 2) – тип kost, část: 5APc; 3) – тип paměť: 6APc // – 6APc; 4) тип odpověd': 7APc // – 7APc; 5) – тип čtvrt: 5aAPc; 6) – тип smrt: 5bAPc; 7) – тип pelest: 5APc // // – 5APc; 8) тип káře, země: 10 APc; 9) – тип zem: 11 APc; 10) – тип ruka: (k ~ c); 11) – тип dcera: (r ~ ř). Б. 12) – тип sůl: 5APv; 13) – тип chvíle: 1APv; 14) – тип práce: 3APv; 15) – тип skála: 2APv // 1APv; 16) – тип žíla, lžice: 3APv // 1APv; 17) – тип misa, svíce: 1APv // – 1APv; 18) – тип kůže: 3APv // – 3APv. В. 19) – тип jehla, kapsa: (e ~ #)₄; 20) – тип ves, příseň, broskev: (e ~ #)₁; 21) – тип krev, ostrev: (e ~ #)₃ (парадигмы с ЗВ., И. для krev и ostrev даны в Ч.р. Сл., первые реакции информаторов – чехов различны – krev и krvi); 22) – тип ovce: (e ~ #₄ // – (e ~ #₄)); 23) – тип veš: (e ~ #)₅; 24) – тип leb: (e ~ #)₅ // C₁VC₂. Г. а/. 25) – тип bída, sláma, moucha: 1aAPc, 1APv; 26) – тип dláha, strouha: 1aAPc, 1APv // – 1APv; 27) – тип fůra, slíva: 1aAPc, 1APv // – 1APv; 28) – тип rána: 1aAPc, 3APv; 29) – тип kráva: 1aAPc, 2APv; 30) – тип pára: 1aAPc, 2APv // 1APv; 31) – тип blána, líra: 1aAPc, 3APv // 1APv; 32) – тип kůra: 1aAP c, 3APv // – 3APv; б/. 33) – тип malba, buchta, banka: 1aAPc, (e ~ #)₄; 34) – тип deska, jachta: 1aAPc, (e ~ #)₄ // C₁C₂; 35) – тип zed': 6APc // 7APc, (e ~ #)₁; 36) – тип lest: 5APc // – 5APc, (e ~ #)₁; 37) – тип čest: 5aAPc, (e ~ #)₁, (s ~ ø), (že ~ c#); в/. 38) – тип láhev: 3APv, (e ~ #)₁; 39) – тип jáhla: 1APv // – 1APv, (e ~ #)₄. Д. 40) – тип máti: Cø ~ ~C + Seg = (ø ~ eř) = (И., В., 3. ед.) ~ (ОПФ), 15APc и 9APv // – 15APc и – 9APv при (ø ~ eř); 41) – тип net': Cø ~ C + Seg = (ø ~ eř) = (И. ед.) ~ (ОПФ) // – (ø ~ eř).

III. Суш. ср.р. А. 1) – тип místo, bláto: 1AP c; 2) – тип pivo, jaro: 1AP c // – 1AP c; 3) – тип oko: 12AP c; 4) – тип roucho: 1APc // – 1APc, 3APc // – 3APc. Б. 5) – тип dílo: 1APv; 6) – тип péro: 1APv // – 1APv; 7) – тип století: 8APv // – 8APv. В. 8) – тип на #k-о, eč#k-о, ič#k-о, letadlo, pásmo: (e ~ #)₄; 9) – тип skalisko: (e ~ #)₄ // C₁C₂. Г. а/. 10) – тип jméno: 1APc // – 1APc, 1APv; б/. 11) – тип dno, humno: 1APc, (e ~ #)₄; 12) – тип písmo, sukno: 1APc // – 1APc, (e ~ #)₄; 13) – тип ohnisko: 3AP c // – 3APc, (e ~ #)₄ // C₁C₂; 14) – тип jablko: 3APc // – 3APc, (e ~ #)₄; в/. 15) – тип vejce: (e ~ #)₄, (e ~ a); г/. 16) – тип jádro: 1APc // // – 1APc, 1APv, (e ~ #)₄. Д. 17) – тип kuře: Cø ~ C + Seg = (ø ~ et^(.)/at) = (И.-В.-З. ед.) ~ (ОПФ), 13AP c; 18) – тип břímě, rámě: Cø ~ C + Seg = (ø ~ en^(.)) = (И.-В.-З. ед.) ~ (ОПФ) // – (ø ~ en^(.)), 13AP c, 17APc и 9APv // – 17APc и – 9APv при –(ø ~ en^(.)); 19) – тип dítě: Cø ~ C + Seg = (ø ~ et^(.)) = (И.

В-3 ед.) ~ (ОПФ), 14АРс, 8АРv; 20) – тип houbě: Сф ~ С + Seg = (ф ~ ет (·) / at) = (И-В-3 ед.) ~ (ОПФ), 13АРс, 18АР с.

IV. Сущ. pl. t.A. 1)–тип Bavory, Javorníky: 3АР с ; 2) – тип Dušníky, Diváky: 3АРс // –3АР с. Б. 3) – тип záda, plíce: 1АРv; 4)–тип sáně, dveře: 4АРv// –4АРv; 5) – тип léta 'годы': 10АРv / 1 АРv. В. 6) – тип bedra, Benátky, vrátka, přástvy: (е ~ #)₄; 7) – тип Hamry, Hrobce: (е ~ #)₄ // –(е ~ #)₄. Г. а/. 8) – тип hrábě: 10АР с, 1АРv; 6) – тип Uhry, Počátky: 3АР с, (е ~ #)₄; в/. 10) – тип játra: 1АРv, (е ~ #)₄.

ВЫВОДЫ

Анализ морфонологической структуры субстантивов СЧЛЯ продемонстрировал большое разнообразие морфонологических подтипов. Наиболее разнообразна в этом отношении структура сущ. м.р., для которых выявлено 62 подтипа с различным варьированием звукового облика основы в пределах падежной парадигмы. Меньшее число вариантов представлено в субстантивах ж.р. (41) и 20 – в сущ. ср.р. АР и их комбинации в сущ. pl.t. (10 подтипов) совпадают (кроме нестабильного 4АРv) с соответствующими типами сущ., имеющих обе числовые парадигмы.

Разнообразие морфонологических подтипов в парадигматике сущ. м.р. обусловлено наряду с многообразием словоизменительных типов, составляющих данный родовой тип, наличием в нем морфологически (и морфонологически) оформленных категорий, отсутствующих в других родовых типах (ср. категория одушевленности / неодушевленности), морфонологической маркированностью ряда грамматических форм (в частности, звательных), либо отсутствующих в качестве специфических в субстантивах ср.р., либо не отличающихся по звуковому облику основы от других словоформ, как в сущ. ж.р. Так, использование в И.мн. од. особых морфонологических средств, с одной стороны, и различие между одушевленными–неодушевленными в В.ед., с другой, создают разнообразие морфонологических структур (ср. типы 18 и 19, 24 и 25 в м.р.).

Многообразие морфонологических типов обусловлено и сравнительной нестабильностью системы морфонологических средств чешского языка. На характер проявления морфонологических потенциалов накладывается целая совокупность морфологических, лексических, семантических, стилистических и даже синтаксических факторов. В СЧЛЯ мы часто имеем дело с "морфонологией" отдельного ряда лексем, и не только в случае лексикализованных АРv. Знание структурно-фонологического облика лексемы в И.ед., за редким исключением (например, сущ. на #k и #с или в типе 1 сущ. ж.р.) еще не позволяет "прогнозировать" наличие в его парадигме того или иного морфонологического явления (ср. морфонологические типы 47 и 51 в м.р. или 1 и 2 или 9 и 13 в ср.р.). Необходимо знать "поведение" слова в морфонологической системе языка.

Анализ чередований (е ~ #) выявил необходимость дифференциации понятий "морфонологическая позиция" и "морфологическая позиция", поскольку одни и те же сочетания согласных в позиции перед нулевой флексией И. ед. не требовали появления вокалической ступени (ср. korg, kufr, zámysl и под.), а в позиции перед нулевой флексией Р. мн. в формах

типа *zebra, cifra, veslo* ⟨e⟩ появляется обязательно. Однако возможность наличия C_1VC_2 и в позиции Р. мн. в ряде случаев также обусловлена лексически. Ср. *karet* при *sort, part* и т.д., *jachet* и *jacht*, но только *rycht*.

В целом же по сравнению с польским и русским языками для СЧЛЯ характерна большая употребимость сегмента ⟨ C_1VC_2 ⟩ в Р. мн. в сущ. с исходом основы И.ед. ⟨ C_1C_2 ⟩.

Анализ материала подтвердил еще раз наличие специфики в подсистеме собственных имен, которая проявляется и на морфонологическом уровне (ср. варианты в парадигме фамилий на #с типа *Kadlec, Švec*, формы типа *Helsink* и *Frank*, наличие уникальных чередований ⟨a ~ #⟩ и ⟨o ~ #⟩ в топонимах).

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Современный серболужицкий литературный язык представлен двумя различными формами – верхне- и нижнелужицким литературными языками. В данной главе дана морфонологическая характеристика субстантивных парадигм в современном верхнелужицком литературном языке (СВЛЛЯ). Соответствующие данные на материале современного нижнелужицкого литературного языка (СНЛЛЯ) приводятся в Приложении к настоящей главе. Они представляют собой основные выводы из анализа морфонологических особенностей инжнелужицких субстантивных парадигм, которому посвящена специальная статья.

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОЛОГИИ

Система вокализма СВЛЛЯ представлена семью гласными фонемами: /i ē e a u o ó/. Фонема /i/ реализуется гласными [i] и [y]; первый употребляется только после мягких согласных и веллярных [k, g, x], [y] выступает после твердых согласных, ср.: ž[i] tn[y], p[i] nca, wulk[i], such[i] – chc[y] ć, huš[y] ca, zab[y] ć. Фонема /ē/ реализуется различными вариантами: под ударением при нормальном темпе речи как звук, средний между [e] и [i], ср. [mēli] (орф. mēli); при медленном темпе речи как дифтонг, ср. [bje, nje] (орф. bě, ně); как звук [y] в словах gēbl [gybl], gēč [gyč], в ряде случаев перед мягкими согласными как узкий [è] или [ej], при этом мягкость предшествующего согласного полностью или частично утрачивается, ср. [uejžec] (орф. wēdžec), в безударной позиции – как более широкий звук [e], ср. [ɥuberk] (орф. wubėrk). Фонема /e/ реализуется тремя вариантами: в позиции между твердыми согласными и после твердого согласного как открытый широкий звук, ср. [deska] (орф. deska), между мягкими согласными и после мягкого согласного как закрытый узкий звук, ср. [pēfes] (орф. pjenjez), в некоторых словах – как звук дифтонгического характера, ср. [šklejncal] (орф. škleńca). Фонема /o/ реализуется как открытый или закрытый (перед лабиальными) звук, часто дифтонгического характера, ср. [do^um] (орф. dom). Фонема /ó/ реализуется при нормальном темпе речи как звук, средний между [o] и [u], при медленном как дифтонг [uɔ], ср. [buɔ] (орф. bóh); чаще фиксируется в закрытом слого под ударением.

Ударение в СВЛЛЯ обычно приходится на первый слог интонационной единицы. Исключение – заимствованные слова, которые в большинстве случаев сохраняют ударение, которые они имели в немецком языке.

Система консонантизма состоит из 32 сильных согласных фонем – /b,

b' (орф. b, bj), p, p' (орф. p, pj), џ (орф. w, ł) џ' (орф. w, wj), m, m' (орф. m, mj), v (орф. w), f, f' (орф. f, fj), d, t, c, c' (орф. tŕ, tč, tš, dš, dč), dz, z, s, n, n' (орф. n, nj), l, r, r' (орф. r, rj), dź, ź (орф. č, č'), z, ź, j, g, k, x (орф. ch), h/, различающихся в позиции перед гласными и сонорными согласными (ср. Śewc 1968, 43; Михалк 1974, 475; Трофимович 1977, 176–180).

СВЛЛЯ имеет семь пар соотносительных по твердости–мягкости фонем: /b–b', p–p', m–m', џ–џ', f–f', n–n', r–r'/, а также шесть пар фонем, соотносительных по звонкости–глухости: /b–p, b'–p', d–t, z–s, ź–š, dź–č'). Оппозиция по твердости–мягкости нейтрализуется перед твердыми согласными и в конце слова, где употребляются только твердые согласные: [koɕp] (И. ед. koɕp), [koɕp'a] (Р. ед. koɕpja), [hojɕp] (И. ед. holb), [hojɕp'a] (Р. ед. hoɕbja), [ʒoraɕ] (И. ед. żoraw), [ʒoraɕ'a] (Р. ед. żorawja), [zaɕom] (И. ед. zaɕom), [zaɕom'a] (Р. ед. zaɕomja), [wuɕer] (И. ед. wuɕer), [wuɕeɕ'a] (Р. ед. wuɕerja), [kojɕn] (И. ед. kón), [koɕn'a] (Р. ед. konja). Противопоставление по звонкости–глухости нейтрализуется перед глухими согласными и в позиции конца слова перед паузой, где выступают глухие согласные; перед звонкими согласными внутри слова и в конце слова перед начальным звонким согласным следующего слова могут выступать только звонкие согласные: [dup] (И. ед. dub), [sat] (И. ед. sad), [ras] (И. ед. raz), [susotka] (И. ед. susodka), [k'ɛška] (И. ед. chęška), [rostepiɕ so] (roztepiɕ so); lidźba (И. ед. liźba), [wɔdbiɕ] (wotbiɕ).

Фонемы /f, v, g/ встречаются только в заимствованиях, ср.: geofyzika, voltmeter. Фонема /g/ свойственна словам оноματοпоэтического характера: [gigotaɕ] (gigotaɕ). Фонема /x/ реализуется по-разному в различных позициях, в частности, как [x] на конце слова после гласных [a, ɛ, y, o, u]; [dux] (duch), [proch] (proch). Фонема /h/ реализуется как слабый гортанный спирант [h] только а) в позиции начала слова перед гласными и б) в середине слова перед гласными: [hola] (hola), [noha] (noha); в позиции конца слова и перед согласными фонема /h/ запрещена.

Палатализованные согласные [s'], [z'] употребляются в заимствованиях типа fantazija, situacija. Фонологическое значение этих согласных, как и согласного [c'] исследователями оценивается по-разному, в том числе и как двухфонемное сочетание /sj/, /zj/.

Непарные фонемы реализуются в мягкие и полумягкие согласные: [š, ź, č, dź], [j, l].

Фонема /l/ реализуется как [l'] в позиции перед гласными [i, ɛ] и [e]: [l'ipa], [l'eto], [l'en]; в остальных позициях и в заимствованных словах в позиции перед гласным [e] – как средневропейский /l/: sel, lektor; в некоторых случаях перед согласными – как /l/: wóbl [robl].

Фонема /k/ реализуется как мягкий [k'] перед гласными переднего ряда, как [k] – перед гласными заднего ряда: [ruka], [ruk'i].

Сочетание [tr] на конце слов wétr, powétr, pŕatr реализуется как [t], т.е. [wét], [powét], [pŕat].

СВЕДЕНИЯ ПО МОРФОЛОГИИ

Грамматические значения слороформ субстантивной парадигмы определяются существованием в СВЛЛЯ ряда грамматических (морфологических) категорий – несловоизменяемых категорий рода, одушевленности–неодушевленности, личности–неличности. Категория рода реализуется

в трех противопоставленных значениях — мужского, женского и среднего родов и наиболее последовательно выражается синтагматически (по окончании словоформ судить о роде сущ. можно лишь с известной степенью вероятности — ср. И.В. ед. trawa, kóśc, morchej (ж.р.) — pawoženja, hóśc, bój (м.р.). К одушевленным сущ. относятся все сущ. м.р., обозначающие живые существа или мифические типа duch, wodny muź; все остальные сущ. являются неодушевленными. Категория одушевленности формально выражается в В. ед. сущ. м.р.: одушевленные сущ. с мужским типом склонения характеризуются тождественностью форм В. ед. и Р. ед.; у сущ. м.р. с женским типом склонения типа *šoŭta* В. ед. имеет особые окончания. У неодушевленных сущ. отмечается омонимичность В. ед. и И. ед. К личным сущ. относятся все сущ. м.р., обозначающие лица или индивидуумы (ср. *muź, bur, moler*), к неличным — все остальные. Категория личности в СВЛЛЯ выражается парадигматически: В. дв., тождественный Р. дв., В. мн., тождественный Р. мн., а также специфические окончания в И.мн. (-о, -owje, -i, -а) (некоторые из них сопровождаются морфонологическим чередованием в исходе субстантивной основы) всегда сигнализируют, что денотат сущ. м.р. является лицом. Существуют и синтагматические средства выражения категории личности с помощью оппозиции в словоформе И. мн. личных и неличных форм у слов, согласуемых с сущ. м.р. или замещающих их.

Сущ., имеющие тождественные характеристики по признакам морфологический род, морфологическая одушевленность — неодушевленность, морфологическая личность — неличность, объединяются в морфологические классы (см. Ермакова 1973, 30–37).

Минимальная единица классификации имен сущ. — парадигма — в СВЛЛЯ в большинстве случаев включает 21 словоформу (полная парадигма). Каждая из словоформ имеет одно из семи падежных значений (И., Р., Д., В., Т., М., Зв.) и одно из трех значений числа (ед., дв., мн.). Особые формы Зв. ед. образуются только от сущ., обозначающих лица мужского пола, с нулевой флексией в И.ед. и от сущ. ж.р. *mać*. Существуют также группы сущ. *sing. t. (zelenina, žito, skót)* и сущ. *pl. t. (durje, swjatki)*. Все неизменяемые сущ. представлены одной словоформой, которой соответствуют все падежные и числовые значения (см. Grammatik 1981, 430).

В составе в-луж. субстантивной парадигмы каждому словоизменительному грамматическому значению (падежа, числа) соответствует или одна словоформа (для большей части грамматических значений), или две или несколько словоформ — вариантов (главным образом для значений М. ед. и И. мн.), или не соответствует никакой словоформы (если речь идет о неполной парадигме). Словоформы — варианты обычно характеризуют отдельное слово или группу слов и являются, как правило, стилистически нейтральными.

В СВЛЛЯ можно выделить три основных типа склонения сущ., внутри которых наблюдаются разновидности, определяемые различиями в характере исходного согласного основы в И. ед.

К I скл. в СВЛЛЯ относятся сущ. м.р., имеющие в И. ед. нулевую флексию или /o/: *sup, wuđer, p̣řeśel, kóp, bój*; *Wepo* и др. Выделяются две разновидности. Одна объединяет парадигмы сущ. с ИВО на [b', p', m', w', n', r']; *ć, dź, č, j, l, š, ž* и характеризуется флексией /u/ в М. ед., флексией /ej/ — в И. (В.) дв. и флексией /e/ — в И. (В.) мн. В другой, с ИВО на [b, p, m, w, n,

г; t, d; k, h, g, x; c, z, s], в И. (В.) дв. находим флексию /aj/, в И. (В.) мн. – флексию /i/, реализуемую [i] после заднеязычных [k, h, x, g] и [y] после твердых согласных и сибилантов [c, z, s]. В М. ед. у сущ. с основой на твердый согласный [b, p, m, n, r; t, d] наиболее употребительной является флексия /e/, у сущ. с основой на сибилант – флексия /u/ является обязательной, у сущ. с основой на заднеязычные чаще всего выступает флексия /u/. Для парадигм отдельных сущ., относящихся к I скл., с основой на твердый согласный (но не сибилант) и заднеязычный характерна вариативность флексии в словоформе М. ед. наряду с флексиями-вариантами, свойственными словоформам с другими значениями (Р. ед., И. мн. и некоторыми другими значениями).

Ко II скл. относятся парадигмы сущ. ср. р. с флексиями /o/ или /e/ в словоформе И. ед.: mjeno, mĕsto, jutro, pieso, ěelo и др. II скл. также представлено двумя разновидностями в наборе флексий, обусловленными в основном различиями флексий в И.В. дв. и частично в М. ед. Одна – включает парадигмы сущ. с ИВО на [b', p', ŋ', m', n', r'; ě, dz, ě, j, l, š, ž] и характеризуется флексией /i/ в И.В. дв. ([y] после [s, c, z] и флексией /u/ – в М. ед. Другая – объединяет все остальные парадигмы сущ. ср.р., которые в И.В. дв. имеют флексию /e/, а в М. ед. – флексию /e/ или /u/; последняя наблюдается у сущ. с ИВО на заднеязычные [k, x]. Для сущ. с основой на заднеязычные в словоформе М. ед. в некоторых случаях возможна вариативность во флексиях (окончания первой и второй разн. в М. ед.).

К III скл. относятся сущ. ж.р. с флексиями /a/ или /ø/ в И.ед.: sotra, ľuka, poĥa; wĕs, wjes, wĕb, choŋchoj, kŕej, maĕ и др. В рамках III скл. выделяются три разновидности: они отличаются наборами флексий в словоформах Р. ед., Д.М. ед., И.В. мн. и И.В. дв. Первая объединяет парадигмы сущ. ж.р. с флексией /a/ в И. ед. и с основой на согласные [b, p, d, m, n, r, f, d, t; k, g, h, x] и характеризуется флексиями: Р. ед. – /i/ ([y] после твердых губных и переднеязычных согласных, [i] – после заднеязычных); Д.М. ед. – /e/, И.В. мн. – /i/ ([y] – после парных твердых согласных, [i] – после заднеязычных); И.В. дв. – /e/. Вторая разн. характеризует сущ. ж.р. с флексиями /a/ или /ø/ в И. ед. и с ИВО на [b', p', ŋ', m', n', r', l, j, š, ž, ě, ě] и представлена флексиями: /e/ – в Р. ед., /i/ – в Д.М. ед., /e/ – в И.В. мн., /i/ – в И.В. дв. Третья разн. реализуется в парадигмах сущ. ж.р. с флексиями /a/ или /ø/ в И. ед. и с ИВО на сибилант. В словоформах Р. ед., Д.М. ед., И.В. мн., И.В. дв. здесь выступает флексия /i/ ([y]). Особую группу представляют сущ. hra, stwa, ěta, mzda с флексией /e/ в словоформах Д.М. ед. и И.В. дв.

Особое, IV скл., характерно для сущ. м.р. со значением лица, имеющих в И.ед. флексию /a/: pŕedsyda, starosta, hrabja, ěěsla, kadla, braška, mĕsĕcnaposta, wjesnjanosta, nawoda, wójwoda, nawoženja; фамилии на /a/ – Muĥa, Domaška; названия профессий и этнонимы – geologa; Šweda; устаревшие формы типа purista, ťudenta (вместо purist, student). У некоторых из сущ. м.р. со значением лица с флексией /a/ в И.ед. возможен вариант с нулевой флексией: filologa // filolog, Francoza // Francoz.

Характеристика парадигм сущ. IV скл. включает признаки I и III скл., т.е. указывает на смешанный тип склонения указанных сущ.

Сущ. м.р. – названия животных на /a/ типа sebra, gorila, puma не изменяются в ед. ч., а во мн. и дв. изменяются по образцу I скл. Сущ. м.р.,

Таблица 1
Суш. м.р. I скл.

Падеж	Ед. число	
	первая разн.	вторая разн.
И.	/ø/, /o/	/ø/
Р.	/a/, /u/*	/a/
Д.	/ej/, /u/*	/ej/
В.	/a/ (одуш.), /ø/ (неодуш.)	
Т.	/om/	/om/
М.	/e/, /u/	/u/
Зв.	/e/, /o/, /ø/	/o/, /ø/
Мн. число		
И.Зв.	/i/ (орф. у) /ojo/, /j/, /a/, /o/ (личн.)	/e/ /o/, /ojo/ (личн.)
Р.	/ow/, /ø/*	/ow/, /i/
Д.	/am/, /om/*	/am/, /om/*
В.-Р.	(лич.), И. (неличн.)	
Т.	/ami/, /imi/* (орф. уми)	/ami/, /imi/*, /emi/*
М.	/ach/, /och/*	/ach/, /och/*
Дв. число		
И.Зв.	/aj/	/ej/
Р.	/ow/, /ø/	/ow/, /i/
Д.Т.М.	/omaj/	/omaj/
В.	/ow/, /ø/ (личн.), /aj/ (неличн.)	/ow/, /i/ (личн.), /ej/ (неличн.)

* Данное окончание употребительно только в парадигмах определенных групп слов.

неодушевленные типа *tema*, *drama*, также не склоняются в ед.ч., а во мн. и дв.ч. изменяются по образцу III скл. Иногда встречаются и словоформы этих суш., образованные по образцу I скл.

Набор флексий в парадигмах суш. *sing.* или *pl.t.* совпадает с набором флексий в частных парадигмах ед. или мн.ч., изменяющихся по образцу I, II и III скл.

В комментарии к данной и другим таблицам склонения (см. ниже) будут рассмотрены словоформы, в которых отмечаются те или иные морфологические модификации субст. основы (по сравнению с ИВО).

Словоформа М.ед.: флексии /u/, /e/. Выбор флексии М.ед. /u/ или /e/ зависит в большинстве случаев от строения исхода основы и лишь иногда обусловлен лексическим и словообразовательным фактором (например, для группы суш. — названий жителей населенных пунктов — см. *Grammatik* 1981, 495). У суш. с основой на парные твердые губные и переднеязычные взрывные, как правило, употребляется окончание /e/, лишь в единичных случаях — /u/: ср. *w genetiwu*, *w formatu*, *po źpaleru* (см. *Grammatik* 1981, 495). Окончание /u/ свойственно и словоформам М.ед. суш. — названиям жителей населенных пунктов с суф. — *an*: *wo Radworčanu*. . . У суш.

с ИВО на переднеязычный свистящий, парные мягкие губные, переднеязычные и заднеязычный /g/ обязательно окончание /u/: на hornu, wo kwasu, wo mužu, na korjenju, w boju, w smokingu. Преимущественно окончание /u/ употребляется в М.ед. сущ. с ИВО на [k, h, x]: w zaku, na juhu, w duchu.

Морфонологически маркированной является словоформа М.ед. с флексией /e/.

У сущ. с ИВО на заднеязычные фонемы /k, h, x/ представлен факультативный вариант основы на переднеязычные фонемы /c, z, š/ перед флексией /e/. Для остальных сущ. с ИВО на твердую согласную фонему флексия /e/ является обычной для М.ед., где представлен вариант основы на фонемы /b', p', ŋ', m', n', r'/, для сущ. с ИВО на [t, d] вариант основы в М.ед. завершается на [č, dž]: statk – statce, proch – proše, pluh – pluze; sob – sobje, karp – karpje, paw – pawje, sum – sumje; młyn – młynje; koscog – koscogje; pad – padže, płat – płace.

Словоформа Зв.ед.: флексии /o/, /e/.

Выбор флексии /o/ или /e/ определяется главным образом структурой исхода основы, но при этом наблюдаются и исключения. Так, флексию /o/ в Зв. ед. обычно имеют сущ. с ИВО на мягкий согласный /š, ž, č, j, l/, переднеязычный свистящий [c, s, z], переднеязычный [k, x]: mužo, Hanušo, rohonšo, rólcajo, rječelo; krawco, Hanso; nanko, mazucho; исключение составляют некоторые сущ., у которых наряду с флексией /o/ употребляется также и флексия /e/ или только /e/: knježe, hólcó – holče, wozhriwco – wozhriwče, duchó – duše, słowjeko – šłowječe. Флексия /o/ свойственна Зв. ед. сущ. с основой на [r'] во всех словоформах парадигмы, кроме И.ед.: hospodarjo (hospodar), wučerjo (wučer). Только флексию /o/ имеют в Зв.ед. сущ. nan, Jan, džéd: nano, Jano, džédo и ряд других сущ. с основой на непарные твердые [d, t] и парные твердые [n, r]: narodo, proleto, hejtmano, kantogo. Однако для некоторых сущ. с ИВО на [d, t, n, r] и твердые губные возможны словоформы – варианты в Зв. ед.: susodo – susodže, swéto – swěće, błazno – błaznje, cygano – cyganje, bratro – bratře, Butowo – Butowje, Michało – Michale. Только с флексией /e/ образуется Зв. ед. сущ. bóh – bože.

Морфонологически маркированной является словоформа Зв. ед. с флексией /e/. У сущ. с ИВО на заднеязычные согласные [k, x], на твердые губные, [t, d] и [c] находим вариант основы на [č, š] (ср. šłowjek – šłowječe, duch – duše), на парные мягкие губные (ср. Serb – Serbje, biskop – biskopje, Nadam – Nadamje), на [č, dž] (ср. student – studenće, susod – susodže).

Словоформа И.мн.: флексии /ojo/, /o/, /a/, /i/. Выбор флексии И.мн. определяется прежде всего лексическим фактором: сущ. м.р., обозначающие лицо, могут иметь одно из указанных выше окончаний, а в некоторых случаях в И.мн. этих сущ. возможны окончания – варианты; все остальные сущ. м.р. – неличные – употребляются с окончанием /i/ или /e/. В пределах двух наборов окончаний – для личных и неличных сущ. – дальнейший выбор того или иного окончания зависит или только от морфонологического фактора, т.е. структуры исхода основы (у неличных сущ.), или также и от словообразовательного фактора (у личных сущ.). Так, у неличных сущ. м.р. с ИВО на парные твердые согласные, [s, c, z] в И.мн. употребляется окончание [y], с ИВО на [k, h, x, g] – окончание [i], с ИВО на парные

мягкие согласные, [j, l, ʧ, ʤ] – окончание /e/: ср. woły, knoty, koscoty, lawy, kargy, ʧasy; pawki, rohi, měchi; kamjenje, boje, tjeće ... Личные сущ. с основной на [c] (так же, как и наричные) в И.мн. имеют окончание [y], ср. hólcу – stólcу. У остальных личных сущ. наиболее распространенным является окончание /ojo/: ср. mužojo, mʧynkojo, pałčikojo и др. У личных сущ. с ИВО на [d, t, b, p, r, x] И.мн. часто имеет наряду с окончанием /ojo/ окончание /a/: židža (от žid), studenća (от student), Serbja, biskopja, burja, bratša, kmbótrja, mištrja, mniša. Никогда не употребляется Serbojo, редко встречается И.мн. susudojo, židojo, bratrojo, kmbótrojo.

У определенной группы личных сущ. в отдельных случаях словоформа И.мн. имеет устаревшее окончание /i/, например: póslji, studenći, seminarisći, ʧerći, rebelanći, cygani, poddani, paduši (но и posoljo, studenća, seminarisća, rebelanća, cyganjo, poddanjo).

Окончание /ojo/ применяется у группы личных сущ. с базисной морфемой на /k/ или с суф. -nik, ср., ʧłowjeckojo, Turkojo, wnukojo, gjeckojo, pałčikojo, mužikojo.

Влияние словообразовательного фактора оказывается решающим при выборе флексии /jo/. Так, почти исключительно с этой флексией употребляется И.мн. личных сущ. со словообразовательными суф. /an/, /ar/ /er/, /el/, /oł/. Лишь некоторые из них образуют словоформы И.мн. с окончаниями /jo/, /ojo/, /i/ или /a/: měšćenjo, wjesnjenjo, wobydlerjo, jamarjo, gospodarjo, přečeljo, spisowačeljo, jandželjo, japoštołjo, pacholjɔ, cyganjo – cyganojo – cygani; poddanjo – poddanojo – poddani; Serbjo – Serbja. Личные сущ. на /og/ употребляются как с окончанием /jo/, так и с окончанием /ojo/: awtor – awtorjo – awtorojo, lektor – lektorjo – lektorjojo и др. (см. Grammatik 1981, 496 о влиянии ударения на выбор флексии И.мн. у сущ. на /ar/ /er/).

Личные сущ. со словообразовательными суффиксами /nik/, /ak/, /k/ употребляются преимущественно с окончанием /i/: basnicy, wojacy, mʧbɔcу, wušcy, но наряду с этими формами И.мн. вступают более редкие формы с окончанием /ojo/, ср. wuškojo, mʧynkojo, pajenkojo, swědkojo, basnikojo.

Морфонологически маркированной является словоформа И.мн. с флексиями /jo/, /a/, /i/.

Личные сущ. с ИВО на твердую парную фонему в словоформе И.мн. имеют вариант основы на соотносительную мягкую фонему: И.ед. Serb, biskop, poddan, bur, awtor, pachol ~ И.мн. Serbjo // Serbja, biskopja, poddanjo // poddani, burja, awtorjo, pacholjo. При ИВО на /d, t/ в И.мн. выступают аффрикативные фонемы /ʧ, ʤ/ (И.ед. susod, žid, student – И.мн. susodža, židža, studenća); если ИВО оканчивается на /k, x/, то перед наиболее употребительным в этих случаях окончанием /i/ фиксируется вариант основы с исходом на /c, ʃ/ (ср.: И.ед. hrěšnik, ʧornuch ~ И.мн. hrěšnicy, ʧornuši).

Морфонологически маркированными являются все словоформы (кроме И.ед.)

а) в парадигмах некоторых личных сущ. I скл. с суф. /ar/, /er/ и в группе одуш. сущ. с ИВО на /b, p, ɟ, r/, где изменение фонемного состава основы характеризует все словоформы, кроме И.ед.: перед вокалическими флексиями представлен вариант основы с конечной парной мягкой согласной фонемой (ср. И.ед. žitar, hołb, kołp, ʧerw, piskog ~ И.мн. žitarjo, hołbje, kołpje, ʧerwe, piskorje);

Таблица 2

Набор флексий, характеризующих парадигмы сущ. ср.р. II скл.

Падеж	Ед. число	
	первая разн.	вторая разн.
И.Зв.	/o/, /e/	/o/
Р.	/a/	/a/
Д.	/u/	/u/
В.	/o/	/e/
Т.	/om/	/om/
М.	/e/, /u/	/u/
Мн. число		
И.Зв.	/a/, /i/*	/a/, /i/*, /e/*
Р.	/ow/, /Ø/, /i/	/ow/, /i/, /Ø/
Д.	/am/	/am/, /om/
В.	/a/, /i/*	/a/, /i/*, /e/*
Т.	/ami/	/ami/, /imi/*
М.	/ach/	/ach/, /och/*
Дв. число		
И.В.Зв.	/e/	/i/
Р.	/ow/	/ow/
Д.Т.М.	/omaj/	/omaj/

* Флексии, употребляемые в парадигмах определенных имен существительных.

б) в парадигмах отдельных сущ. I скл., основа которых имеет морфологическую структуру $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$, во всех словоформах парадигмы (кроме И.ед.) нулевая ступень чередования: И.ед. *rosoł, kozoł, kotoł*; в других словоформах парадигмы *rośta, kóńta, kózta; roślej, kótlej, kózlej...* Но возможны и парадигмы данных сущ., где подобного изменения в фонемном составе основы не происходит, ср. Р.ед. *rosoła, kozoła, kotoła*; Д.ед. *rosołej, kozołej, kotołej* и т.д.).

У ряда сущ. м.р. с ИВО на /er/ вариант основы во всех словоформах (кроме И.В.ед.) имеет нулевую ступень чередования ($\#$): *meter – metra, heksameter – heksametra*, также *hektometer, hektoliter, kader, kaliber, katastro, kateder, kófer, liter, manewer, muster, polster, puder, register, plester, orchester, ślager, šoter, salpeter*. Нулевая ступень чередования отмечена во всех словоформах (кроме И.ед.) и в парадигме сущ. *jerij*: ср. *jerij – jerja, jerjej...* Но для двух сущ. с ИВО на /el/, /eń/ альтернант ($\#$) во всех косвенных словоформах является факультативным; ср. *nuhel – nuhela и nuhla, wohen – wohenja и wohnja*.

в) У большинства односложных сущ. м.р., неодуш., у которых в ИВО выступает фонема /ó/ при структуре $\langle C_1VC_2 \# \rangle$ (закрытый слог), во всех словоформах парадигмы с вокалическими флексиями (кроме И.В.ед.) наблюдается фонема /o/ при структуре $\langle C_1VC_2V \rangle$ (открытый слог), ср.:

bóz – boza, hós – hósa, kós – kósa, brjóh – brjóha, próh – próha, zwón – zwona ... Исключение из этого правила составляют сущ. mróž – mróža, trón – tróna. Парадигмы односложных сущ. со структурой ИВО (C₁VC₂C₃#) не отмечены данным вокалическим чередованием, ср. kónc – kónca, próšk – próška, zdónk – zdónka, rózka – róžka. В трех сущ. м.р. kotoł, posoł, kozoł во всех словоформах парадигмы с вокалическими флексиями наличие нулевой ступени чередования (#) сопровождается и появлением фонемы /ó/ на месте первого гласного основы (т.е. вокалическим чередованием (о ~ó), ср.: kotoł – kótła, posoł – pótła, kozoł – kótła.

Комментарий к табл. 2.

Словоформа М.ед.: флексии /u/, /e/.

Выбор флексии в М.ед. обусловлен главным образом структурой исхода основы сущ. в ИВО. У сущ. с ИВО на переднеязычный свистящий [s, c, z] и [g] обязательным является окончание /u/; это же окончание преобладает и у сущ. с ИВО на заднеязычные [k, h, x], но у некоторых возможно наряду с данным окончанием и факультативное окончание /e/. Ср. w плесу, на słóncу, mjasу, źeleзу, kolesу; w jabłuku (jabłuce – эта форма характерна для языка литературы более раннего периода), в сочетании типа w młóсе сау, na křidlešku, kolesku...; we woku – woсе, we wuchu. Окончание /u/ в М.ед. свойственно всем сущ. ср.р. с ИВО на парный мягкий согласный, [j, č, ć, dź, l, ź, š]: snědanje, sudobjo, korjo, morjo, strowjo, jejo, zbožo, lěсо. У всех остальных сущ. ср.р. в М.ед. употребляется флексия /e/: pismje, pjerje, blidže, złoće.

Морфонологически маркированной является словоформа М.ед. с флексией /e/. Так, у сущ. с ИВО на заднеязычную фонему /k/ представлен вариант основы на фонему /c/. У сущ. с ИВО на твердую согласную фонему в М.ед. выступает вариант основы на парные мягкие фонемы, у сущ. с ИВО на /t, d/ – вариант основы с исходом на /ć, dź/: we woсе, čelesnje, słowje, wjedrje, čisle, blidže, měśće ...

Словоформа И.В.дв.: флексии /e/, /i/.

Выбор флексии определяется структурой исхода основы сущ. в ИВО: на мягкие парные согласные, [j, š, ž, č, ć, dź], [s, c, z] имеют флексии /i/, все остальные сущ. ср.р. в И.В.дв. употребляются с флексией /e/: sudobi, snědani, poli, dwórnišći, pjeri, jeji, řoži; плусу, kolesу – mjenje, towarstwje, jadrje, čole, ladže, корусе, jabłuce.

Морфонологически маркированной является словоформа И.В.дв. с флексией /e/, и словоформа И.В.дв. с флексией /i/ у сущ. woko, wucho.

В И.В.дв. у сущ. ср.р. с ИВО на твердую фонему /m, n, ů, r/ наблюдаются мягкие фонемы перед флексией /e/: mjeno – mjenje, pasmo – pasnje, słowo – słowje, pjero – pjerje, křidło – křidle ... У сущ. ср.р. с ИВО на твердые зубные взрывные фонемы /t, d/ в словоформах И.В.дв. образуется вариант основы с исходом на фонемы /ć, dź/: blido – blidže, korto – korće, коруто – корусе ... У сущ. ср.р. с ИВО на заднеязычную фонему /k/ в И.В.дв. перед флексией /e/ образуется вариант основы с исходом на переднеязычную аффикативную фонему /c/: jabłuko – jabłuce ...

Для сущ. ср.р. woko, wucho выбор окончаний /i/, /e/ в И.В.дв. связан с семантикой данных лексем. Так, в И.В.дв. вариант основы с исходом на /č/ у сущ. woko связан с лексическим значением 'глаз', а вариант основы этого же сущ. с исходом на /c/ – с лексическим значением 'глазки в вяза-

ном изделии', 'петли', 'синие круги под глазами': ср.: woči — wose. Исходная словоформа с основой wok₁ - соотносится с вариантом woč- (И.В.дв.), исходная словоформа с основой wok₂ - — с вариантом wos- (И.В.дв.); в позиции перед дистрибутивно ограниченными в варьировании флексиями данные варианты представляют разные лексические значения. Основы исходных словоформ wuch₁- и wuch₂- в И.В.дв. перед окончаниями /i/ или /e/ представлены вариантами основы wuš₁- (wuši 'уши' и wus₂- (wuse — И.В.дв. от сущ. wucho 'ушко', 'ухо иголки', 'котла'), в данном случае дистрибутивные ограничения в варьировании окончаний не поддерживаются дополнительно различиями в образовании вариантов основы в словоформе И.В.дв.

Словоформа И.В.мн.: флексии /a/, /i/ у сущ. woko, wucho. При образовании словоформы И.В.мн. сущ. woko в значении 'глаз' и wicho в значении 'ухо' перед флексией /i/ образуются варианты основы на /č/, ср. woko — woči, и /š/, ср. wucho — wuši. При образовании И.В.мн. от сущ. woko в значении 'глазок в вязаном изделии', 'петля' и т.д. и wucho в значении 'ушко', 'ухо иголки', 'котла' и т.д. исходная основа перед флексией /a/ остается без изменений.

Словоформы дв. и мн.ч. у сущ. woko, wucho. У сущ. woko в значении 'глаз' все словоформы дв.ч. и мн.ч. образуются от основы woč-, ср. Р.мн. wočow, Р.дв. wočow, Д.Т.М.дв. wočomaj. У сущ. wucho в значении 'ухо' все словоформы дв.ч. и мн.ч. образуются от основы wuš-, ср. Р.мн. wušow, Д.мн. wušam, Р.дв. wušow, Д.Т.М.дв. z wušomaj.

Словоформы мн.ч. у сущ. pjebjo. Это сущ. образует все словоформы мн.ч. от варианта основы pjebjes-, ср. И.мн. pjebjesa, Р.мн. pjebjes, Д.мн. pjebjesam, Т.мн. z pjebjesami, М.мн. w pjebjesach.

Словоформы ед.ч. (кроме И.В.ед.) и словоформы дв.ч. у сущ. džěćo. Оно образует словоформы ед.ч. (кроме И.В.ед.) и все словоформы дв.ч. от основы džěść-, а все словоформы мн.ч. и И.В.ед. — от основы džěć-, ср. И.ед. džěćo, Р.ед. džěśća, Д.ед. džěścu, Т. z džěścom, М.ед. w džěścu; И.В. мн. džěći, Р.мн. džěći, Д.мн. džěćom, Т.мн. z džěćimi, М.мн. w džěćoch; И.В.дв. džěśći, Р.дв. džěścow, Д.Т.М. z džěścomaj.

Все словоформы парадигмы, кроме И.В.ед.

Особую группу имен сущ. ср.р. представляют znamjo, pnamjo, pnamjo, bnamjo, gamjo, znamjo, tnamjo, wnamjo, sunjo. Во всех словоформах парадигмы (кроме И.В.ед.) представлен вариант основы с расширением за счет сегмента /en/, ср. znamjo — znamjenja, znamjenju...; znamjenja, znamjenjow...; znamjeni, znamjenjow, znamjenjomaj... Словоформы типа pod bnamjom, na gamju, pnamja современная грамматика считает некорректными (Grammatik 1981, 490—491).

Как наращение следует рассматривать образование вариантов основ в парадигмах слов, обозначающих молодых животных: kozlo, ceŕo, swinjo, mjadžo, kurjo, ptačo, jehnjo, такое же изменение фонемного состава основы характеризует парадигмы ряда слов среднего рода, не объединяемых в одну семантическую группу: skočo, žiwjo, zwěrjo, pleńčo, swječo, hrěšo, pruco, šćerjo, pjučo, sing. t. gunjo. Здесь сегмент, расширяющий основу, выступает в двух вариантах. Во всех словоформах ед.ч. (кроме И.В.ед.) и дв.ч. выступает /eč/, в словоформах мн.ч. — /at/: И.ед. čelo, Р.ед. čeleća, Д.ед. čeleću..., И.дв. čeleći, Р.дв. čelećow, Д.Т.М. čelećomaj, И.мн. čelata, Р.мн.

Таблица 3

Набор флексий, характеризующих парадигмы сущ. ж.р. III скл.

Падеж	Ед. число		
	первая разн.	вторая разн.	третья разн.
И.Зв.	/a/	/a/, /ø/	/a/, /ø/
Р.	/i/	/e/, /ě/*	/i/
Д.	/e/, /ě/*	/i/	/i/
В.	/u/	/u/, /ø/	/ø/, /u/
Т.	/u/	/u/	/u/
М.	/e/, /ě/*	/i/	/i/
Мн. число			
И.Зв.	/i/	/e/, /a/*	/i/
Р.	/ow/, /ø/*	/ow/, /i/, /ø/	/ow/
Д.	/am/, /om/*	/am/	/am/
В.	/i/	/e/, /a/	/i/
Т.	/ami/, /imi/*	/imi/, /emi/	/imi/
М.	/ach/, /och/*	/ach/	/ach/
Дв. число			
И.В.Зв.	/e/, /ě/*	/i/	/i/
Р.	/ow/, /ø/	/ow/, /i/, /ø/	/ow/
Д.Т.М.	/omaj/	/omaj/	/omaj/

* Флексии употребляются лишь в отдельных словах.

śelatow, Т.мн. śelatam ... В разговорной речи возможны колебания в употреблении того или иного варианта сегмента в словоформе Р.дв. и предпочтительным является употребление варианта /at/; Р.дв. dweju śełecow / śelatow. В литературном языке данное явление не засвидетельствовано. Исключение представляет парадигма сущ. swinjo, так как словоформы мн.ч. данного слова образуются как и словоформы И.В.ед. от основы /swinʹ/, ср. Ед.ч. swinjo, swinjeća, swinjeću ..., дв.ч. swinjeći, swinjećow ... мн.ч. swinje, swinjow, swinjom, ze swinjemi, wo swinjoch.

Комментарий к табл. 3.

Словоформы Д.М. ед., И.В. дв.: флексии /e/, /i/, /ě/. Выбор флексии в омонимичных словоформах Д.М. ед., И.В. дв. определяется характером исхода ИВО: сущ. с ИВО на твердые парные согласные, [d, t] и заднеязычные всегда выступают с окончанием /e/, лишь три сущ. – hra, stwa, śta – имеют окончание /ě/: rodźinje, kromje, jaŕpje, barbje; křiwdže, puće; rěce, poze, juše, fize. Остальные сущ. ж.р. употребляются с окончанием /i/ ([y] – после основ на [s, z, c]): pincy, prasy, nuzy; rjesy; broźni, liliji, holi, bleši, wěži, šwałci.

Морфологически маркированными являются словоформы Д.М. ед., И.В. дв. с флексиями /e/, /ě/.

Словоформы Д.М. ед., И.В. дв. с флексией /e/. В Д.М. ед., И.В. дв. сущ. ж.р. твердой разн. с ИВО на твердые фонемы [b, p, m, n, ц, f, r], перед флексией /e/, образуется вариант основы на парные мягкие фонемы: strona – stronje, jama – jamje, kupa – kupje...

В этой же позиции в Д.М. ед., И.В. дв. сущ. ж.р. с ИВО на /t, d/, образу-

ется вариант основы на /č, dž/: hrjada – hrjedže, nuta – nuće... В словоформах Д.М. ед., И.В. дв. перед флексией /e/ у сущ. ж.р. с ИВО на заднеязычные фонемы /k, g, h, x/ образуются варианты основы на фонему /c/ (соответственно ИВО на /k/), на фонему /z/ или /dz/ (при ИВО на /g/), на фонему /z/ (при ИВО на /h/), на фонему /š/ (при ИВО на /x/): luka – ľuce, figa – fize, dróha – dróže, mucha – muše, Jadwiga–Ladwize/Jadwidze. Вариант основы с исходом на /dz/ вместо /z/ современная грамматика отмечает как очень редкий, имеющий характер "научного полонизма" (см. Grammatik 1981, 491; Jěňč 1976, 171–181).

В том случае, если основа исходной словоформы оканчивается на сочетание фонем /tr/, перед флексией /e/ возникает вариант основы /c'/ (t + š) (орфографический tṛ): sotra – sotře /soc'e/, kmótra – kmótṛe /kmoč'e/.

Словоформы Д.М. ед., И.В. дв. с флексией /ě/. У группы односложных слов ж.р. hra, stwa, čma, mzda возникает вариант основы на соответствующий парный мягкий или аффрикативный /dž/: hra – hrě, stwa – stwě, čma – čmě, mzda – mzdžě.

Все словоформы (кроме И.В. ед) с вокалическими флексиями.

а) У группы сущ. ж.р. с нулевым окончанием в исходной словоформе и ИВО на твердые фонемы /p/, /t/ все словоформы (кроме И.В. ед.) образуются на парные мягкие фонемы: kur, nakur, rokup, zakup, wykup, konop, kudžer, šěr, čěr, žer, wječer. Набор окончаний в указанных парадигмах тождествен набору окончаний в парадигмах сущ. ж.р. с ИВО на мягкую согласную фонему перед нулевой флексией. С., например, Р. ед., И.В. мн. kurje, kudzerje; И.В. дв. kupi, kudzeri.

б) У сущ. ж.р. с нулевой флексией в исходной словоформе (и В. ед.), при структуре конечного сегмента <C₁VC₂#> (закрытый слог), где V реализована гласной фонемой /ó/ или /ě/ (сущ. póc, móc, рёс) во всех словоформах парадигмы (кроме И.В. ед.) образуется вариант основы с сегментом <C₁VC₂>, где V реализуется гласными фонемами /o/ или /e/ перед соответствующими флексиями (открытый слог). Ср. póc – посу, z посу... рёс – рјесу, z рјесу...; но wёс – wёсу... Подобное же изменение основы характеризует и парадигму слова ból – bole.

в) У сущ. kósc, имеющего в основе исходной словоформы (и В. ед.) фонему /ó/, в остальных словоформах представлен вариант основы с фонемой /o/, хотя сегмент, предшествующий флексиям, является закрытым слогом (C₁VC₂C₃): kósc – koscé, kosci... Но ср. zlósc – zlóscé, где основа слова не подвергается изменениям.

г) Сущ. ж.р. – односложные wjes, woš, а также двусложные baseń, brožeń, pёseń, góžeń, ИВО которых (И.В. ед.) перед нулевой флексией оканчивается сегментом <C₁VC₂> (элемент V реализуется гласной фонемой /o/ или /e/), во всех словоформах перед вокалическими флексиями имеют вариант основы на сегмент <C₁VC₂>, ср. wjes – wsy, ze wsu...; woš – wšě, wši...; baseń – basnje, basni...; brožeń – brožnje, brožni... Отметим, что у сущ. wjes элемент C₁ в сегменте <C₁VC₂> основы исходной словоформы (и В. ед.) реализуется мягким губным /u'/, в сегменте C₁#C₂ в варианте основы, представленном в остальных словоформах, C₁ реализуется парным твердым губным /u/. У сущ. studžeń элемент C₁ в сегменте C₁VC₂ основы исходной словоформы (и В. ед.) реализуется

Таблица 4

Набор флексий, характеризующих парадигмы сущ. м.р. IV склонения

Падеж	Ед. число		Падеж	Ед. число	
	первая разн.	вторая разн.		первая разн.	вторая разн.
И.Зв.	/a/	/a/	В.	/ow/	/ow/
Р.	/i/	/e/	Т.	/ami/	/ami/, /imi/
Д.	/e/	/i/	М.	/ach/	/ach/
В.	/u/	/u/		Дв. число	
Т.	/u/	/u/	И.Зв.	/aj/	/ej/
М.	/e/	/i/	Р.	/ow/	/ow/
	Мн. число		Д.	/omaj/	/omaj/
И.Зв.	/ojo/, /a/	/ojo/	В.	/c'w/	/ow/
Р.	/ow/	/ow/	Т.	/omaj/	/omaj/
Д.	/am/	/am/	М.	/omaj/	/omaj/

аффрикативным /dʒ/, в сегменте $C_1 \# C_2$, выступающем в варианте основы всех остальных словоформ, элемент C_1 реализуется взрывным /d/, ср. studzeń – studnje, studni...

д) Ограниченная группа имен сущ. ж.р., у которых в исходной словоформе перед нулевой флексией конечный сегмент основы реализуется сочетанием согласного с /ej/, не имеет единой модели изменения основы. Так, у сущ. *cyrkej* во всех словоформах парадигмы, кроме исходной и В.ед., зафиксирована основа с нулем в конечном сегменте – ($C_1 \# C_2$) – перед вокальными флексиями. Соотношение ИВО (и основы В.ед.) с основой, представленной во всех остальных словоформах полной парадигмы, может быть обозначено следующим образом: И./В./ед. – $\langle \text{cyrk}_{\text{ew}}^{\text{ej}} \rangle + /ø/$

Р.ед. – $\langle \text{cyrk}_{\text{ej}}^{\text{ew}} \rangle + /e/$

Кроме того, в косвенных вариантах основы C_2 реализован мягкий губной фонемой /u/, ср. *cyrkej* – *cyrkwje*, *cyrkwi*, *z cyrkwu*, *cyrkwjow*... Некоторые сущ. этой группы могут иметь параллельные парадигмы, где не отмечаются указанные изменения в основе: *morchej*, *solotej*, *britej*, *retkej*, *rónoj*, *žerchej*: *solotej* – *solotwje* наряду с *soloteje*, *britej* – *briteje* / *britwje*, *morchej* – *morcheje* / *morchwje*, *retkeju* – *retkeju* / *retkwju*... Для сущ. *krej* образование словоформы с отмеченным выше изменением основы (ср. Р. ед. *krwě*, Д.М. ед. *krwi*, Т. *krwu*) считается присущим книжному языку. Обычно парадигма данного сущ. является морфологически немаркированный, т.е. Р. ед. *kreje*, Д.М. ед. *kreji*, Т. *kreju*. Незменной остается основа также в парадигме сущ. *škorodej*, *dratej*, ср. Р. ед. *škorodeje*, *drateje*.

е) У сущ. *maś* все словоформы парадигмы, за исключением И.В. Зв. ед., образуются от основы /maśer/. В редких случаях этот вариант основы выступает в словоформе В. ед. /maśer'/'

ж) В парадигме сущ. *sól* все словоформы парадигмы, кроме И.В. ед., образуются от варианта основы /sel/, ср. Р. ед. *sele*, Д. ед. *seli*. У сущ. *hoga* словоформа Р. мн. образуется с основой *hóg*, если данная словоформа

имеет нулевое окончание, т.е. если сегмент $C_1VC_2\#$ представляет закрытый слог, ср. *hoga* – *hogu*, *hogje...*, *hógr*, но *hogow* (Р. мн. с флексией /ow/).

Комментарий к табл. 4:

Словоформы Д.М. ед.: флексия /e/. В Д.М. ед. перед флексией /e/ образуется вариант основы, отличный от исходного: если ИВО завершается на твердую фонему /b, r, n/, то в Д.М. ед. вариант основы имеет парную мягкую фонему (*družba* – *družbje*, *herba* – *herbje*, *noga* – *noĝje*, *Fina* – *Finje*); если ИВО оканчивается на фонемы /t/, /d/, то в Д.М. ед. перед флексией /e/ образуется вариант с исходом на /č, dz/ (*předsyda* – *předsyďže*, *nawoda* – *nawodže*, *starosta* – *starosće*, *wjesnjanosta* – *wjesnjanosće*); если ИВО оканчивается на заднеязычные /k, g/, то в Д.М. ед. образуется вариант основы на /c/ (при ИВО на /k/), на /z/ (при ИВО на /g/): *tóčka* – *tóčce*, *braška* – *brašce*, *tótka* – *tótce*, *kolega* – *koleze*.

Словоформы И. мн.: флексия /a/. В И. мн. перед флексией /a/ у сущ. с ИВО на /t/, /d/ образуется вариант с исходом на /č/, /dž/: *předsyda* – *předsyďža*, *šofta* – *šoftá*, *starosta* – *starosća*, но *starostjo*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СУБСТАНТИВНОЙ ОСНОВЫ

Все сущ. в СВЛЛЯ могут быть морфонологическими маркированными или морфонологически немаркированными в зависимости от характера преобразования субстантивной основы в рамках парадигмы; сущ. могут быть распределены в следующие подклассы по признаку 'строение ИВО': 1) с ИВО на /s, z, c/; 2) с ИВО на /š, ž, č/; 3) с ИВО на /k, g, x, h/; 4) с ИВО на /t, d, n, r/; 5) с ИВО на /p, b, m, ť, f, v/; 6) с ИВО на /p', b', m', ť', f', n', r', l/; 7) с ИВО на /č, dž/. Консонантные МЧ возможны в парадигмах тех сущ., у которых ИВО представляют 3–5 подклассы. Соответственно основы, составляющие 1, 2, 6 и 7 подклассы, не подвержены морфонологическим модификациям.

Консонантные чередования являются для СВЛЛЯ наиболее типичным и распространенным видом чередования. Другие виды чередования свойственны или отдельным словам, или группам слов. Они могут быть обусловлены либо структурой конечных элементов – $\langle VC_2 \rangle$, либо семантическим значением, либо эмоциональной окраской сущ.

Зоной морфонологических преобразований в субстантивной основе СВЛЛЯ является главным образом конечный сегмент основы, имеющий следующую структуру: $\langle C_1VC_2 \rangle$, $\langle C_1VC_2C_3 \rangle$, $\langle C_1V/\#C_2 \rangle$, $\langle C_1V/C_3\#C_2 \rangle$, $\langle C_1VC_2/\#C_3 \rangle$, а также $\langle C_1V_1/V_2C_2 \rangle$, $\langle C_1V_1/V_2C_2C_3 \rangle$.

Верхнелужицкому субстантивному словоизменению свойственны различные виды МЧ в основе:

1) чередования согласных фонем в исходе основы на месте элемента C_2 : они носят регулярный характер, охватывая определенные классы основ; 2) чередования гласных фонем с нулем в конечном сегменте основы: они не связаны с определенными по фонологической характеристике подклассами основ и обязательны для ограниченных по своему составу групп сущ., иногда объединяемых общим словообразовательным признаком; 3) чередования гласных фонем в конечном сегменте основы на месте элемента V; у двусложных сущ. чередование гласных фонем наблю-

дается в корневой морфеме и всегда связано с чередованием гласных фонем с нулем в последующем конечном сегменте основы, т.е. с возможностью образования закрытого слога; данный вид чередований характеризуется единичными сущ.; 4) чередования, возникающие в результате одновременных преобразований в конечном сегменте основы на месте элементов V и C₂; этот вид чередований (VC₂ ~ #C₃) присущ группе слов; 5) чередования, возникающие в результате одновременных преобразований в конечном сегменте основы на месте элементов C₁ и V; этот вид свойствен лишь единичным сущ.; 6) чередования, вызванные наращением к конечному сегменту ИВО, т.е. к элементу C₂, нового сегмента; они свойственны определенным группам сущ., объединяемых общностью фонологической характеристики финальной части основы или семантики; этот вид чередований можно было бы условно назвать "внешним" расширением основы; 7) чередования, вызванные "внутренним" расширением основы в пределах конечного сегмента основы; данный вид чередования отмечен в парадигме одного слова (džěčo).

Рассмотрим конкретные реализации указанных видов чередований в СВЛЛЯ.

1) Представлены звеньями чередований, альтернантами в которых выступают: а) твердые фонемы /b, p, m, ц, f, n, r/ и парные мягкие /b', p', m', ц', n', r'/; б) зубные взрывные фонемы /t, d/ и небные аффрикативные /č, dž/; в) заднеязычные фонемы /k, g, x/ и переднеязычные фонемы /c, z, š/; г) гортанная фонема /h/ и зубная фонема /z/; д) заднеязычная взрывная фонема /k/ и переднеязычная аффрикативная фонема /č/; е) переднеязычные фонемы /c, z/ и переднеязычные фонемы /č, ž/; ж) взрывная твердая /t/, /tr/ и аффрикативная мягкая фонема /c'/; з) твердая губная /ц/ и альвеолярный /r'/.

2) Реализуется фонемами /e/ или /o/ и нулем.

3) Представлены фонемами: а) /ó/ и /o/; б) /ě/ и /e/; в) /ó/ и /e/.

4) Вызваны одновременными преобразованиями элементов (V) и (C₂). Один альтернант реализован гласной фонемой /e/ и фонемой /j/, другой — нулем + фонема /ɯ'/.

5) Вызваны одновременными преобразованиями элементов (V) и (C₁). Один альтернант представлен сочетанием фонем /e/ + /dž/, другой — нулем + фонема /d'/.

6) Представлены в соотношении различных сегментов — /es/, или /en'/, или /eč/, /at/, или /eg/ с нулем.

7) Реализуются в результате внутреннего расширения ИВО, так что один альтернант представлен сегментом /s/ перед элементом C₂, а другой — нулем.

Различной является функциональная нагрузка разных видов чередований. Так, консонантные чередования в большинстве случаев выступают в роли дополнительного (наряду с окончанием) показателя грамматических значений словоформы (т.е. конкретного падежного и числового). Иногда они принимают на себя функцию классного показателя — показателя морфонологического класса; ср. у сущ. м.р. с ИВО на /oč'/, /an/ чередование согласных фонем в словоформе И. мн. указывает вместе с флексией /o/ на принадлежность сущ. к морф. классу личных сущ./pačoŋ —

И. мн. *pačoľjo, roħan* — И. мн. *roħanjø* при отсутствии чередования в *sokoľ — sokoľy, bogan — bogany*. В подобных случаях роль МЧ настолько заметна и важна, что им можно приписать статус морфем (см. *Kuryłowicz 1967, 168*).

Некоторые консонантные чередования (в частности, реализуемые твердыми и мягкими фонемами) являются показателями не какого-либо одного конкретного падежного или числового грамматического значения, а нескольких значений, формирующих грамматическую категорию, или инвариантного значения грамматической категории. Так, вариант основы с мягкой фонемой сигнализирует значение 'не И. ед.' (ср. парадигму сущ. *wuśeg* и *kľós*). Инвариантное значение категории или нескольких ее компонентов сигнализируют и чередования, возникающие в результате "внешнего" и "внутреннего" расширения основы (ср. парадигмы сущ. ср.р. *džěśo, ćelo, swinjø*).

В некоторых случаях (в частности при образовании Зв. ед. с альтернативом (ǰ) в *krawśo* и под.) чередование обусловлено эмоциональным фактором (оттенк шутливости).

В СВЛЛЯ морфонологически релевантными для консонантных чередований являются позиции перед следующими флексиями: 1) флексия /e/: а) М. ед. (сущ. I–III морф. класса I скл. твердой разн. с ИВО на /b, p, ɥ, f, m, n, r, d, t, k, x/; сущ. ср.р. II скл. твердой разн. с ИВО на /ɥ, m, n, r, d, t, k/; сущ. ж.р. III скл. твердой разн. с ИВО на /b, p, ɥ, f, m, n, r, d, t, k, x, g, h/; сущ. м.р. на /-a/, обозначающие лицо, твердой разн. с ИВО на /b, d, t, k, g/; б) Д.ед. (сущ. ж.р. твердой разн. с ИВО на /b, p, ɥ, f, m, n, r, d, t, k, x, g, h/; сущ. м.р. на /a/, обозначающие лицо, твердой разн. с ИВО на /b, d, t, k, g/; в) Зв. ед. (сущ. м.р., I морф. класса, твердой разн. с ИВО на /b, ɥ, r, n, d, t/; г) И.В. дв. (сущ. ср.р. II скл. твердой разн. с основой на /ɥ, m, n, r, d, t, k, x/; сущ. ж.р. III скл. твердой разн. с ИВО на /b, p, ɥ, f, m, n, r, d, t, k, x, g, h/; 2) флексия /i/: И.мн. (сущ. м.р. I морф. класса, твердой разн. с ИВО на /d, t, x, k, n/; 3) флексия /a/: И. мн. (сущ. м.р. I морф. класса, твердой разн. с ИВО на /b, m, r, n, d, t, x/; 4) флексия /o/: И. мн. (сущ. м.р. I морф. класса, твердой разн. с ИВО на /an, oħ, r/; 5) все вокалические флексии (сущ. м.р. I морф. класса с ИВО на /ag, eg/; группа сущ. II морф. класса с ИВО на /b, p, ɥ, r/; группа сущ. ж.р. с ИВО на /p, r/).

Морфонологически релевантными позициями, обуславливающими чередования гласных фонем с нулем в конечном сегменте субстантивной основы на месте элемента V, являются: 1) все вокалические флексии (сущ. м.р. на /eg/; некоторые сущ. с ИВО на /oħ, ei, eń/; а также сущ. *pos, dzeń, got, jerij*, сущ. ж.р. *woś, wjes*, сущ. ж.р. на /eń/, группа сущ. ж.р. на /ej/).

Морфонологически релевантными для вокалических чередований на месте элемента V в конечном сегменте ИВО C_1VC_2 или $C_1VC_2C_3$ перед нулевой флексией (=закрытый слог) являются: 1) все вокалические флексии (группа односложных сущ. твердой разн.; некоторые сущ. ж.р.); 2) нулевая флексия Р. мн. (сущ. *hody, hora*).

Для чередований шестого и седьмого видов, образующихся в результате наращивания основы, релевантны следующие позиции: 1) все флексии част-

Таблица 5

Грамматическая позиция	Падеж, число	Д. ед.	М. ед.	Зв. ед.	И. В. дв.	И. мн.			Не И. ед.
	Флексия	/e/	/e/	/e/	/e/	/i/	/a/	/e/	не <i>ŷ</i>
м.р.	I (личные)	—	+	+	—	+	+	+	+
	II (одуш.)	—	+	—	—	—	—	—	+
	III (неодуш.)	—	+	—	—	—	—	—	+
	IV (ср.р.)	—	+	—	+	—	—	—	—
	V (ж.р.)	+	+	—	+	—	—	—	+
	VI (м.р. на /a/)	+	+	—	—	+	—	—	—

ной парадигмы ед.ч. (кроме флексий И.В. ед.), все флексии частных парадигм мн.ч. и дв.ч. (сущ. ср.р. *njebjo*, типа *brĕtmjo*, типа *ĕelo*); 2) все флексии (кроме флексий И.В.) частной парадигмы ед.ч., все флексии частной парадигмы дв.ч. (сущ. ср.р. *swinjjo*, *džĕćo*).

Каждый морф. класс характеризуется определенным составом позиций или флексий, релевантных для образования чередований. Так, состав позиций, определяющих наиболее регулярные консонантные чередования, см. в табл. 5.

Отметим также, что другие виды чередований характеризуют или только парадигмы сущ. IV–V классов (ср.р. и ж.р. — ТЧ $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$) или парадигмы сущ. I–III, V классов (м.р., ж.р., ТЧ $\langle Y \sim \# \rangle$ и $\langle Y_1 \sim Y_2 \rangle$). Состав позиций, обуславливающих эти виды чередований, тождествен для всех морф. классов, в которых они наблюдаются.

Парадигмы сущ., основы которых подвергаются морфонологическим изменениям, характеризуются определенной моделью распределения альтернантов в словоформах парадигмы. Типы грамматических оппозиций, возникших в результате МЧ в исходе основы, представляют различные парадигмы чередований (ПЧ) или АР. ПЧ может быть положительной или отрицательной (нулевой) (в парадигме не реализован ни один из ТЧ) (см. Ермакова 1981, 288–289).

У сущ., основы которых относятся к определенным подклассам, допускающим морфонологические преобразования, наличие нулевой ПЧ является производным такого явления, как вариативность флексий: выбор той или иной флексии определяет наличие или отсутствие, например, консонантного чередования (ср. у сущ. м.р. с ИВО на /k/ *kĵobuk* при М. ед. с флексией /e/ *kĵobuse*; т.е. $\langle k \rangle \sim \langle c \rangle =$ М. ед. \sim все другие словоформы; при М. ед. с флексией /u/ — *kĵobuku*, т.е. нулевая ПЧ).

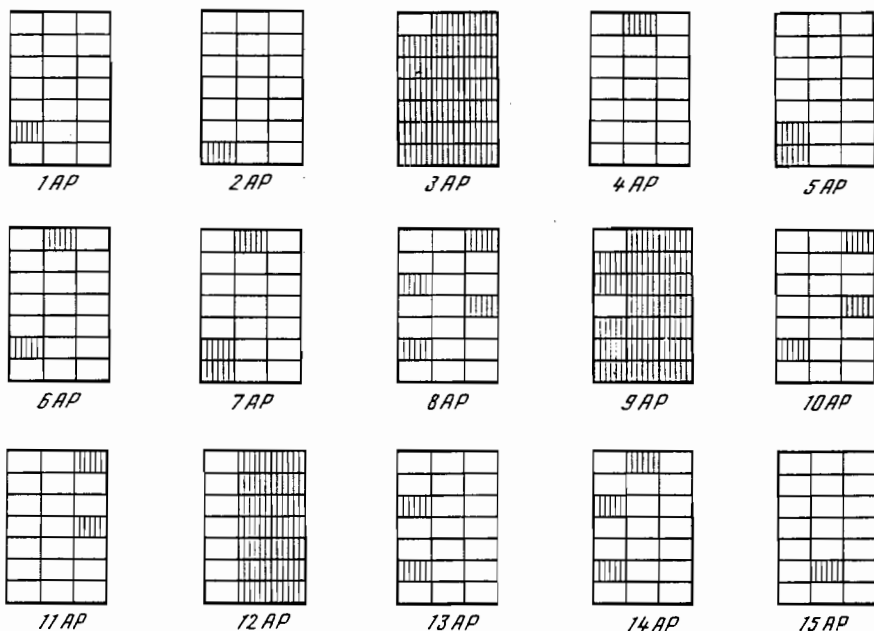
Наличие морфонологических вариантов в ПЧ характеризует главным образом словоизменение сущ. м.р. Оно обусловлено выбором той или иной флексии при образовании словоформ М. ед., Зв. ед., И. мн. (у сущ. с определенной основой или определенного морф. класса). В результате ряд сущ. оказывается представлен несколькими парадигмами и ПЧ (ли-

бо только положительными, либо положительной и нулевой). У сущ., у которых в качестве морфонологически релевантных позиций выступают все вокалические флексии парадигмы, возможна в некоторых случаях наряду с положительной и нулевым ПЧ (ср. сущ. ж.р. *britej*).

СОСТАВ АР

Описание состава ПЧ в СВЛЛЯ будет осуществлено с помощью схемы (контур схемы см. на с. 31).

I. Консонантные чередования (на месте элемента C_2)

1) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме М.ед.), мн., дв.} \rangle \sim \langle \text{М.ед.} \rangle$.

Воплощается следующими ТЧ: а) $\langle T \sim T' \rangle$, б) $\langle T \sim \check{C} \rangle$, в) $\langle T \sim C' \rangle$, г) $\langle K \sim C \rangle$, д) $\langle X \sim \check{S} \rangle$, е) $\langle H \sim Z^1 \rangle$ и звеньями: а) $\langle b \sim b', p \sim p', u \sim u', u \sim l, m \sim m', n \sim n', r \sim r' \rangle$, б) $\langle t \sim \check{c}, d \sim d\check{z} \rangle$, в) $\langle t \sim \check{c}', r \rangle$, г) $\langle k \sim c \rangle$, д) $\langle x \sim \check{s} \rangle$, е) $\langle h \sim z \rangle$. Данный АР отмечается в парадигмах следующих сущ. I морф. класса; ТЧ $\langle T \sim T' \rangle$ представлен у сущ. с ИВО на /n/ (кроме сущ. на /an/), /b/ (кроме Serb), /p/, /r/ (кроме bur), /m/, /u/: И.ед. nan, Jan, syn, Arab, biskop, doktor, Mječislaw, Hadam, М.ед. nanje, Janje, synje, Arabje...; ТЧ $\langle T \sim C \rangle$ представлен у сущ. с ИВО на /d, t/ (кроме сущ. Žid, sused, student, husit). Ср. И.ед. džéd, adwokat, socialist, М.ед. džédže, adwokaće, socialisće; II

¹ При описании консонантных чередований в СВЛЛЯ каждому символическому обозначению типов чередований с заднеязычными – $\langle K \sim C \rangle$, $\langle X \sim \check{S} \rangle$, $\langle G \sim Z \rangle$, $\langle H \sim Z \rangle$, $\langle K \sim \check{C} \rangle$, $\langle G \sim \check{Z} \rangle$, $\langle H \sim \check{Z} \rangle$ соответствует по одному конкретному звену чередований: $\langle k \sim c \rangle$, $\langle x \sim \check{s} \rangle$, $\langle g \sim z \rangle$, $\langle h \sim z \rangle$, $\langle k \sim \check{c} \rangle$, $\langle g \sim \check{z} \rangle$, $\langle h \sim \check{z} \rangle$.

морф. класса; ТЧ (Т ~ Т') характеризует сущ. с ИВО на /b, p, ц, m, n, r/: И.ед. sob, karp, paw, woł, basón, sum, kocoг, М.ед. sobje, karpje, pawje...; ТЧ (Т ~ Ї) реализуется в парадигмах сущ. с ИВО на /d, t/: И.ед. had, knot, М.ед. hadže, knoće; III морф. класса; здесь представлены все указанные выше ТЧ: (Т ~ Т') – в парадигмах сущ. с ИВО на /b, p, ц, m, n, r/: И.ед. dub, spór, chlěw, М.ед. dubje, spórje, chlěwje...; исключение составляют некоторые сущ., образующие словоформу М.ед. с флексией /u/, ср. М.ед. w genetiwu, w formatu, decembru; (Т ~ Ї) – в парадигмах сущ. с ИВО на /d, t/: brud, lud, grat, most, М.ед. brudže, ludže, gracie, mosće; (Т ~ С') – парадигмах сущ. wětr, pǎtr, powětr, М.ед. wětrě, pǎtrě, powětrě; (К ~ С) – в парадигмах сущ. с ИВО на /k/: И.ед. kłobuk, bok, statk, М.ед. kłobuce, boce, statce; (X ~ Š) – в парадигмах сущ. с ИВО на /x/: И.ед. brjuch, měch, hroch, strach, proch, kożuch, М.ед. brjuše, měšě...; (H ~ Z) – в парадигмах сущ. с ИВО на /h/: И.ед. sněh [sne], płuћ [puu], ćah [ća], М.ед. sněze, pluze, ćaze; если словоформы М.ед. у сущ. с ИВО на /k, x, h/ образуются с помощью флексии /u/, то данные сущ. имеют нулевую ПЧ.

2) AP A₁ ~ A₂ = <ед. (кроме Зв.), мн., дв.> ~ (Зв.ед.)

Реализуется следующими типами и звеньями чередований: а) (S ~ Š) (звенье с ~š, z ~ž); б) (H ~ Ž); в) (K ~ Č); г) (X ~ Š). Эти чередования характеризуют: парадигмы I морф. класса с ИВО на /c, z/, образующих словоформу Зв.ед. с флексией /e/ (а также с флексией /o/, но без чередования); парадигму сущ. ćłowjek, которое образует словоформу Зв.ед. только с флексией /e/ и парадигмы сущ. bóћ и duch, образующих словоформу Зв.ед. с флексией /o/ и чередованием. И.ед. hólc, šewc, knjez ~ Зв.ед. hółće, šewće, knježe (но ср. Зв.ед. hółco); ćłowjeće; božo, dušo.

3) AP A₁ ~ A₂ = <И.ед.> ~ (ед. (кроме И.), мн., дв.)

Характеризуется ТЧ (Т ~ Т'), который воплощается конкретными чередованиями (r ~ r', b ~ b', p ~ p', ц ~ ц'), фиксируемыми во всех словоформах с вокалическими флексиями в сущ. I морф. класса с ИВО на /ar/, /er/ (суффиксы действующего лица) и II морф. класса с ИВО на /r, b, p, ц/: сущ I морф. класса: И.ед. ratar, żitar, farar, şuler, wućer, widżer, Р.ед. ratarja, żitarja... И.мн. ratarjo, fararjo... II морф. класс: И.ед. hoћb, koћp, cёгw, piskor, żoraw, jatřob, jěšćer, njetopyr, wuhor, tchór, scínar, Р.ед. hoћbja, koћpja... И.мн. hoћbje, koћpje, ćerwje, piskorje...

4) AP A₁ ~ A₂ = <ед., мн. (кроме И.), дв.> ~ (И.мн.)

Реализуется следующими ТЧ: а) (K ~ C) (звено (k c)); б) (X ~ Š) (звено (x ~š)); в) (S ~ Š) (звено (z ~ž)); г) (T ~ T') (звено (t ~ t')).

Характеризует парадигмы сущ. сущ. I морф. класса, A₂ отмечен в словоформе И.мн. перед флексиями /i/, /a/, /o/. Сущ. с ИВО на /k/ принимают флексию /i/. И.ед. swědk, gybak, wojak ~ И.мн. swědcy, gybacy, wojacy (но у некоторых сущ. с ИВО на /k' или суф. /nik/ словоформа И.мн. образуется с флексией /ojo/, не являющейся морфологически релевантной: И.ед. Turk, wnuk, rjek, mužik, wyšk, mǎynk, najenk, basnik ~ И.мн. Turkojo, wnukojo... Некоторые слова с ИВО на /k/ могут иметь и нулевую ПЧ (swědk, И.мн. swědkojo).

Сущ. с ИВО на /x/ имеют A₂ (š) перед флексиями /i/ или /a/: И.ед. ćornuch, paduch, ćech, mnych ~ И.мн. ćornuši, paduši, ćeša, mniša. У сущ. с ИВО на /z/ A₂ (ž) появляется перед флексией /a/, ср. И.ед. knjez, И.мн. knježa, для этого сущ. возможна и нулевая ПЧ, если словоформа И.мн. образуется

с флексией /y/ – knjezy. У сущ. с ИВО на /п/ A₂ (п') появляется перед флексией /o/; консонантное чередование сопровождается и вокалическим чередованием на месте элемента (V) конечного сегмента; см. об этом ниже): И.ед. Radwořčan, měřčan, Słowjan, И.мн. Radwořćenjo, měřćenjo, Słowjenjo.

5) AP A₁ ~ A₂ = (ед. (кроме М., Зв.), мн., дв.) ~ (М., Зв.ед.)

Реализуется следующими ТЧ: а) (Т ~ Т'); б) (Т ~ Ć) и звеньями: а) (b ~ b', p ~ p', ц ~ ц', ц ~ l, m ~ m', n ~ n', r ~ r'), б) (d ~ dz, t ~ ć), характеризующими парадигмы сущ. I, II морф. классов с ИВО на /b, p, ц, m, n, r, d, t/. Указанные чередования возникают перед флексией /e/ в словоформах М., Зв.ед., Ср. И.ед. группы имен собственных Michał, Měřcin, Pětr, Jakub, (Milec)rod, Anton, Butow, М., Зв.ед. Michale, Měřcinje, Pětrje, Jakubje, (Milec)rodže, Antonje, Butowje. Для названных имен собственных в словоформе Зв.ед. возможна и флексия /o/ и их парадигмы в этом случае будут характеризоваться первым AP (см. выше): Зв.ед. Michało, Pawoło, Měřcino... Варианты AP характеризуют парадигмы сущ. błażn, cygan, у которых при флексии /e/ в словоформе Зв.ед. и М.ед. и флексии /ojo/ в И.мн. фиксируется пятый AP, а при флексии /o/ в Зв.ед. и названных флексиях М.ед. и И.мн. – первый AP. Ср. М.ед. błażnje cyganje, Зв.ед. błażnje // błażno, cyganje// cygano. Но собственное имя Jan в словоформе Зв.ед. всегда употребляется с флексией /o/ – Jano – и его парадигма характеризуется первым AP. Ср. также парадигмы сущ. II морф. класса: И.ед. wosoł, law, knot, М., Зв.ед. wosole, lawje, knoće. При словоформе Зв.ед. с флексией /o/ парадигмы данных сущ. характеризуются первым AP.

6) AP A₁ ~ A₂ = (ед. (кроме М.ед., мн. (кроме И.), дв.) ~ (М.ед., И.мн.)

Представлен следующими типами и звеньями чередований: а) (Т ~ Т') (звенья (ц ~ l), (n ~ n'), (b ~ b'), (r ~ r'), (p ~ p')); б) (Т ~ Ć) (звенья (d ~ dz, t ~ ć); в) (Т ~ C') (звено (t ~ c')).

A₂ появляется перед флексией /e/ в словоформе М.ед. и флексиями /o/, /i/, /a/ – в словоформе И.мн. Данный AP характеризует следующие сущ. I морф. класса: а) с ИВО на /og, oł, an/ (кроме сущ. на /an/ – названий жителей населенных пунктов, образующих М.ед. с флексией /u/, не являющейся морфонологически релевантной), б) bur, mištr, Serb, biskop; в) с ИВО на /d, t/, r) с ИВО на /tr/: И.ед. а) kantor, inspektor, awtor, profesor, lektor; pachoł, japoštoł, posoł; cygan, poddan ~ М.ед. kantorje...; pachole...; cyganje... И.мн. kantorjo...; pacholjo...; cygani... (у сущ. с ИВО на /og/, а также cygan, poddan, которые в И.мн. могут образовывать словоформу с флексией /ojo/, имеют вариативную морфонологическую характеристику (6 AP//1 AP): ср. cyganojo); б) М.ед. burje, mištrje, Serbje, biskopje ~ И.мн. burja, mištrja, Serbja, biskopja; в) И.ед. Žid, susod, husit, student, interpret, seminarist, rebelant ~ М.ед. Židže, susodže, husiće, studencé... ~ И.мн. Židzi // Židža, susodža, husići // husića, studenci // studenća, interpretća, seminarisća, rebelanća; г) И.ед. bratr, kmótr ~ М.ед. bratře, kmótrě ~ И.мн. bratřa, kmóřta.

В тех случаях, когда от данных сущ. может быть образована словоформа Зв.ед. с флексией /e/, формируется 7 AP.

7) AP A₁ ~ A₂ = (ед. (кроме М., Зв.), мн. (кроме И.), дв.) ~ (М., Зв.ед., И.мн.)

Характеризует парадигмы ряда сущ. I морф. класса и представлен такими типами и звеньями чередований, как а) (Т ~ Т') (звенья (b ~ b', p ~ p',

ц ~ l, n ~ n', r ~ r'); б) (Т ~ Ї) (звенья <t ~ c', d ~ dz'), в) (Т ~ С') (звенья <t ~ c'). А₂ находим перед флексией /e/ в М.ед., Зв.ед. и флексиями /a, o, i/ в И.мн.

Этот АР входит в характеристику парадигм сущ. а) Им.ед. Serb, biskop, pachof, pohan, cygan, bur, mistr ~ Зв.ед. Serbje, biskopje, pachole, pohanje, cyganje, burje, mistrje, М.ед. и И.мн. см. выше (6АР); б) И.ед. Žid, susod, husit, student. Зв.ед. Židže, susodže, husiče, studentce, М.ед. и И.мн. см. выше; в) И.ед. bratr, kmotr, Зв.ед. braće, М.ед. /kmoс'e/, И.мн. bratřa, kmotrřa.

8) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (кроме Д., М.ед.), мн., дв. (кроме И. В.)> ~ <Д. М.ед., И. В.дв.>

Представлен следующими типами и звеньями чередований: а) (Т ~ Т'); б) (Т ~ С'); в) (К ~ С); г) (Х ~ Š). ТЧ (Т ~ Т') воплощается конкретными чередованиями <b ~ b', p ~ p', ц ~ ц', ц ~ l, f ~ f', m ~ m', n ~ n', r ~ r'>, ТЧ (Т ~ С') — чередованием <d ~ dz, t ~ c'>, ТЧ (К ~ С) — чередованием <k ~ c>, ТЧ (G ~ Z) — чередованием <g ~ z>, ТЧ (Х ~ Š) — чередованием <x ~ š>, ТЧ (Н ~ Z) — чередованием <h ~ z>. У некоторых сущ. осуществляется чередование <tr ~ c'>. А₂ отмечен в словоформах Д.ед., М.ед., И.дв., В.дв. перед флексией /e/. Этот АР наблюдается в парадигмах сущ. ж.р. (V морф. класс) с ИВО на /b, p, ц, f, m, n, r, d, t, k, x, g, h/: И.ед. barba, kupa, krušwa, piřa, karafa, kroma, rodžina, sekera; broda, hwězda, cařta, řuka, cycha, figa; drořa, sotra, kmotrřa; Д.М.ед., И.В.дв. barbje, kupje, krušwje, pole, karafje, kromje, rodžinje, sekerje; brodže, hwězdze, cařce; řuce, cyse, fize; drože, sotre, kmotrre.

9) АР А₁ ~ А₂ = <И.В.ед.> ~ <ед. (кроме И.В.), мн., дв.>

Реализуется ТЧ (Т ~ Т'), который представлен конкретными чередованиями <p ~ p', r ~ r'>. А₂ — находим перед вокалическими флексиями. Данный АР характеризует парадигмы группы сущ. ж.р. с ИВО на /p, r/ и нулевой флексией И.ед. и некоторых сущ. м.р. III морф. класса с ИВО на /r, m/. Ср. ж.р. И.ед. kup, nakup, konop, kudžer, šer; cer, Р.ед., И.В.мн. kupje, nakupje..., kudžerje, šerje..., И.В.дв. kupi, nakupi..., kudžeri, šeri...; м.р. И.ед. pačer, pucher, pyr, taler, Radwor, dzewjer, zahor, šešer, Korzym, zařom, Р.ед. pačerja, pucherja...; И.В.дв. pucherjej, pačerjej...; И.В.мн. pačerje, pucherje..., но ср.: И.ед. swar, sowjer, zařom, Р.ед. swara, sowjera, zařoma, где отмеченное выше изменение фонологического состава основы отсутствует.

10) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (кроме М.), мн., дв. (кроме И.В.)> ~ <М.ед., И.В.дв.>

Реализуется следующими ТЧ: а) (Т ~ Т'), б) (Т ~ Ї), в) (К ~ С). А₂ находим в словоформах М.ед., И.В.дв. перед флексией /e/. Данный АР представлен чередованиями а) <ц ~ ц', ц ~ l, m ~ m', n ~ n', r ~ r'>, б) <d ~ dz, t ~ c'>, в) <k ~ c>. Он характеризует парадигму сущ. ср.р. (IV морф. класс) с ИВО на /ц, m, n, r, d, t, k/. Ср. И.ед. słowo, dźiwadło, pasmo, česno, pjeo; blido, město; jabłuko, woko 'очко, глазок'; М.ед., И.В.дв. słowje, dźiwadle, pasmje, česnje, pjerje...; blidže, měšće; jabłuce, wose. Парадигмы сущ. jabłuko, woko могут характеризоваться и другими АР, что обуславливается выбором определенной флексии при образовании словоформы М.ед.

11) АР А₁ ~ А₂ = <ед., мн., дв. (кроме И.В.дв.)> ~ <И.В.дв.>

Реализуется следующими ТЧ: а) $\langle T \sim T' \rangle$, б) $\langle K \sim C \rangle$, $\langle X \sim \check{S} \rangle$, которые реализуются чередованиями $\langle r \sim r' \rangle$, $\langle k \sim c \rangle$ и $\langle x \sim \check{s} \rangle$. A_2 находим в словоформах И.В.дв. перед флексией /e/ (словоформа М.ед. образуется с флексией /u/. Данный АР свойствен парадигмам следующих сущ. ср.р. (IV морф. класс); а) с ИВО на /tr, dr/; б) с ИВО на /k/; в) wucho 'ушко, ухо (иголки, котла)'. Ср.: И.ед. jětro, jutro, jadro; jabłuko, woko 'очко, глазок', wucho ~ И.В.дв. jětrje, jutrije, jadrje; jabfuce, woce; wuše.

12) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед.} \rangle \sim \langle \text{мн., дв.} \rangle$

Реализуется двумя ТЧ: $\langle K \sim C \rangle$ и $\langle X \sim \check{S} \rangle$, представленными звеньями $\langle k \sim \check{c} \rangle$ и $\langle x \sim \check{s} \rangle$. A_2 находим во всех словоформах частных парадигм мн.ч. и дв.ч. Этот АР характеризует два сущ. ср.р. — woko 'глаз' и wucho 'ухо', ср. М.ед. woku, wochu, И.В.дв. woči, wuši, Р.дв. wočow, И.В.мн. woći, wuši, Д.мн. wočam, Т.мн. z wušemi.

13) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме Д.М.), мн., дв.} \rangle \sim \langle \text{Д.М.ед.} \rangle$

Реализуется следующими ТЧ: а) $\langle T \sim T' \rangle$; б) $\langle T \sim \acute{C} \rangle$; в) $\langle K \sim C \rangle$, которые представлены звеньями: а) $\langle b \sim b' \rangle$; б) $\langle d \sim d\acute{z}, t \sim \acute{c} \rangle$; в) $\langle g \sim z, k \sim c \rangle$ и отмечены в сущ. м.р. VI морф. класса с ИВО на /b, d, t, g, k/. A_2 находим в словоформах Д.ед. и М.ед. перед флексией /e/. Ср. И.ед. družba, předsyda, wójwoda, rada, šofta, starosta, tóčka, braška, tótka; kolega; Д.М.ед. družbje...; předsydže...; šofce...; tóčce..., kokeze. Если сущ. с ИВО на /d, t/ образуют словоформу И.мн. с флексией /a/, то их парадигмы входят в 14 АР.

14) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме Д.М.ед.), мн. (кроме И.), дв.} \rangle \sim \langle \text{Д.М.ед., И.мн.} \rangle$

Реализуется ТЧ $\langle T \sim \acute{C} \rangle$ (чередования $\langle d \sim d\acute{z} \rangle$, $\langle t \sim \acute{c} \rangle$). A_2 находим перед флексией /e/ в словоформах Д.М.ед. и перед флексией /a/ в словоформе И.мн. Этот АР характеризует сущ. м.р. VI морф. класса с ИВО на /t, d/. Ср. И.ед. předsyda, wójwoda, šofta, starosta, wjesnjanosta. Д.М.ед. předsydzje..., šofce..., И.мн. předsydzja..., šofca...

15) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{мн. (кроме М.)} \rangle \sim \langle \text{М.мн.} \rangle$

Характеризуется ТЧ $\langle T \sim C \rangle$, представленный лишь одним звеном $\langle d \sim d\acute{z} \rangle$ в парадигме сущ. plur. t. hody. A_2 находим перед флексией /ox/ в словоформе М.мн. Ср. И.мн. hody, Р.мн. hód, Д.мн. hodam, Т.мн. hodami, М.мн. hodžoch.

Как показывает рассмотренный материал, в СВЛЛЯ консонантные чередования участвуют в формировании 15-и АР. Эти ряды обычно представлены двумя альтернантами и указывают на различные типы грамматических оппозиций, маркируемых с помощью различных ТЧ, в которых A_2 является составной частью характеристики следующих словоформ полной субстантивной парадигмы: М.ед. — АР 1, 3, 5–10, 13, 14, Д.ед. — АР 3, 8, 9, 13, 14; Зв.ед. — АР 2, 3, 5, 7; И.мн. — АР 3, 4, 6, 7, 9, 12; И.В.дв. — АР 8, 10, 11, 12; М.мн. — АР 15; все словоформы частных парадигм мн.ч. и дв.ч. — АР 12; все словоформы полной парадигмы (кроме И.ед.) — АР 3; все словоформы полной парадигмы (кроме И.В.ед.) — АР 9.

Таким образом, чаще всего A_2 маркирует словоформу М.ед.: во всех указанных АР, кроме первого, наряду со словоформой М.ед. A_2 маркирует и другие словоформы (ср., например, Зв.ед. — в 5 АР, И.мн. — в 6 АР, Зв.ед. и И.мн. — в 7 АР).

AP, характеризующие верхнелужицкие субстантивные парадигмы, реализуются различными ТЧ, среди которых наиболее распространенными (и продуктивными) являются следующие: ТЧ (Т ~ Т'), ТЧ (Т ~ Ї), ТЧ (К ~ С) и ТЧ (К ~ Ї). Первый воплощается в одиннадцати AP (1, 3–11, 13), второй – в девяти AP (1, 5–8, 10, 13–15), третий – также в девяти AP (1, 4, 8, 10, 11, 13), четвертый – в восьми AP (1, 2, 4, 8, 11, 12). Остальные ТЧ характеризуют один или два AP: так, (Н ~ З) и (S ~ S) представлены в двух AP, а тип (Н ~ З) – в одном.

Четыре ТЧ, реализуемых в подавляющем большинстве AP, наблюдаются в парадигмах сущ. м.р., ср. и ж.р. При этом первый и второй ТЧ зафиксированы в парадигмах всех морф. классов сущ. Чередования третьего и четвертого типов представлены преимущественно в парадигмах сущ. ж.р., в парадигмах личных сущ. м.р., некоторых неодуш. сущ. м.р. и сущ. ср.р. с ИВО на заднеязычные фонемы. Остальные ТЧ реализуются в парадигмах сущ. I морф. класса.

В СВЛЛЯ наблюдаются различия в объеме одних и тех же ТЧ, реализуемых в разных AP. Так, например, наиболее полно используется ТЧ (Т ~ Т'): все или почти все возможные пары твердых и мягких фонем, реализующих данный тип, отмечены в AP 1, 5–8, 10; по одному конкретному чередованию зафиксировано в AP 4, 11 и 13; три конкретных чередования имеет AP 9. В пределах одного AP возможность реализации того или иного конкретного чередования связана с составом группы сущ., в парадигмах которых допустимы данные чередования как результат определенной морфонологической характеристики их основы. Но реальность воплощения какого-либо чередования обусловлена позицией данной основы перед морфонологически релевантной флексией. Поскольку в СВЛЛЯ для словоизменения ряда сущ., особенно м.р., характерна вариантность флексий в некоторых словоформах парадигмы, выбор той или иной флексии влияет на морфонологическую характеристику полной субстантивной парадигмы. Ср., например, различия в морфонологической характеристике неодуш. сущ. м.р. с ИВО на /k, g x/, которые при выборе флексии /u/ в словоформе М.ед. имеют нулевую ПЧ, а при образовании М.ед. с флексией /e/ характеризуются наличием AP 1, представленного чередованием (k ~ c), (h ~ z) и (x ~ š). Следует отметить, что в СВЛЛЯ существуют парадигмы отдельных слов или групп сущ., морфонологическая характеристика которых имеет индивидуальный характер на фоне других сущ. со сходной структурой ИВО. Это является следствием особой словоизменительной модели, свойственной парадигмам данных сущ. Ср., например, парадигмы некоторых неодуш. сущ. м.р. с ИВО на /ц, r, t/, отличающиеся по набору флексий (словоформа М.ед. с флексией /u/), и, как следствие этого, по морфонологической характеристике (нулевая ПЧ) от остальных сущ. данного морф. класса с указанным типом основы (словоформа М.ед. с флексией /e/), относящиеся к AP 1.

Продуктивность того или иного ТЧ оказывается связанной с продуктивностью, распространенностью определенных флексий, позиции перед которыми выступают как морфонологически релевантные, обуславливающие изменения в фонемном составе основы. Так, продуктивность ТЧ (Т ~ Т') или (Т ~ Ї) определяется в значительной мере тем, что флексия /e/, реле-

вантная для образования чередований в словоформе М.ед., получила распространение у всех сущ. м. и ср.р. с ИВО на твердые переднеязычные и губные фонемы; эта же флексия входит в состав позиций, обуславливающих чередования у сущ. с основами данного типа.

У сущ. м.р. со значением лица продуктивность ТЧ <К ~ С> связана с конкуренцией двух флексий, с помощью которых образуются словоформы И.мн. у сущ. с ИВО на /k/ – флексии /ojo/, не релевантной для морфонологического преобразования основы, и флексии /i/, обуславливающей чередование в исходе основы и формирование отмеченного AP 4. Отметим, что флексия /ojo/ является связанной морфемой со значением падежа, числа и морф. класса, флексия же /i/ у личных сущ. м.р. указывает лишь на падежное и числовое значение, а показателем I морф. класса в данном случае является чередование <k ~ c>. У личных сущ. м.р. флексия /ojo/ получает все большее распространение, выступая наряду с такими флексиями как /o/, /a/, /i/. Однако сохраняются определенные замкнутые группы личных сущ., у которых словоформа И.мн. употребляется преимущественно с флексиями /i/, /o/ или /a/ (см. выше).

О продуктивности того или иного ТЧ в системе субстантивного словоизменения можно говорить лишь конкретно, имея в виду характер выражения грамматических оппозиций в пределах полной парадигмы сущ., а также МК, свойственных верхнелужицкому сущ., в частности, категории личности. Так, продуктивность ТЧ <К ~ С> в парадигмах сущ. ж.р. с ИВО на /k/ определяется постоянно существующей оппозицией словоформ, для которой характерен следующий тип омонимии: Р.ед. = И.В.мн. (флексия /i/; Д.М.ед. = И.В.дв. (флексия /e/); В.ед. = Т.ед. (флексия /u/). Любое сущ. ж.р. с ИВО на /k/ характеризуется парадигмой, которой свойствен AP 8.

II а) Чередования гласных фонем с нулем

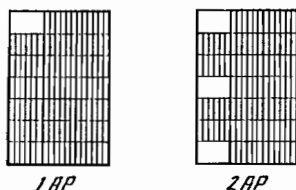

Рис. 38 а)

1) AP $A_1 \sim A_2 = \langle \text{И.ед.} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И.), мн., дв.} \rangle$

Реализуется ТЧ гласной фонемы с нулем <V ~ #> – и представлен тремя чередованиями: <o ~ #>, <e ~ #>, <i ~ #>. A_1 , реализованный гласной фонемой, фиксируется в словоформе И.ед. перед нулевой флексией, A_2 – в остальных словоформах парадигмы перед вокалическими флексиями. Этот AP характеризует: а) Некоторые односложные одуш. сущ. м.р. II морф. класса: И.ед. pos, jerij, Р.ед. psa, jerja, Д.ед. psej, jerjej, М.ед. rŕi psu, jerju; И.мн. psy, jerje, И.дв. psaj, jerjej. б) Некоторые сущ. м.р. I–II морф. классов (личные, одуш.), у которых структура конечного сегмента ИВО <C₁VC₂> – представлена сочетанием твердой согласной фо-

немы+ /er/, ср. И.ед. minister, mišter, tiger, Р.ед. ministra, mištra, tigra.

Исключение составляют парадигмы некоторых сущ., например: monter, panter (Р.ед. montera, pantera). Для парадигм отмеченных сущ. характерно совмещение различных АР, воплощающих разные ТЧ: $\langle V \sim \# \rangle$ и $\langle T \sim T' \rangle$ (чередование $\langle r \sim r' \rangle$), при этом характеристика парадигм данных сущ. может включать АР — варианты в зависимости от выбора флексий в словоформах Зв.ед., И.мн. (см. выше раздел о консонантных чередованиях).в) Некоторые сущ. I—II морф. классов (личные, одуш.), у которых структура конечного сегмента ИВО $\langle C_1 VC_2 \rangle$ реализована сочетанием твердой согласной фонемы + /oI/. В первом сегменте проявляется базисной морфемы данных двусложных слов в исходной словоформе выступает фонема /ó/. Перед вокалическими флексиями всех других словоформ реализуется одновременно два ТЧ: $\langle V \sim \# \rangle$ — в конечном сегменте основы и $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$, осуществляемый в чередовании $\langle o \sim ó \rangle$, — в первом, т.е. предшествующем конечному, сегменте. Между этими двумя ТЧ существует непосредственная связь: возможность реализации типа $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$ обусловлена возможностью реализации типа $\langle V \sim \# \rangle$. Ср. И.ед. posoř, kozoř, Р.ед. pořla, kōřla, Д.ед. pořlej, kōřlej... Отметим, что парадигмы этих сущ. характеризуются также АР, формирующимися на основе консонантных чередований (тип $\langle T \sim T' \rangle$) (см. выше).

В СВЛЛЯ сущ. posoř, kozoř могут иметь парадигмы, в которых не фиксируется чередование гласных с нулем и, следовательно, не наблюдается и изменение типа $\langle V_1 \sim V_2 \rangle$. В ряде слов, имеющих данную структуру, чередование типа $\langle V \sim \# \rangle$ не реализуется. Ср. И.ед. kozoř, posoř, wosoř, sokoř, pachoř, djaboř, worjoř, Р.ед. kozořa, posořa. . .

2) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{И.В.Зв.ед.} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И.В.Зв.)} \rangle$, мн., дв.)

Данный АР, реализуемый ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$, представлен чередованиями $\langle o \sim \# \rangle$, $\langle e \sim \# \rangle$. A_1 фиксируется в словоформах И.В.Зв.ед. перед нулевой флексией. A_2 — во всех остальных словоформах перед вокалическими флексиями. Этот АР характеризует два односложных сущ. ж.р. woř, wjes и два односложных сущ. м.р. džeň, rōt, ср. Р.ед. данных сущ. wře, wsy, dnja, rta, Д.ед. wři, wsy, dnjej, rtej, М.ед. wři, wsy, dnjej, rtej, И.мн. wře, wsy, dny, rty. Отметим, что эти сущ. (кроме слова woř) имеют парадигмы, в которых наряду с отмеченным АР реализуется и АР, воплощаемый консонантными чередованиями на месте элементов C_2 или C_1 , ср. выше парадигму сущ. džeň, где представлены три варианта основы: в словоформах И.В.Зв. [džejn], в И.В.мн. [dn-], в остальных — [dn'-], в И.В.дв. возможны варианты /dn-///dn'-/, у сущ. wjes наряду с чередованием $\langle e \sim \# \rangle$, имеется и чередование $\langle \check{u}' \sim \check{u} \rangle$, представляющие один и тот же АР; у сущ. rōt наряду с чередованием $\langle o \sim \# \rangle$ отмечено и чередование $\langle t \sim \check{c} \rangle$, входящее в консонантный АР 1.

ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$, характеризующий рассматриваемый АР, маркирует также и парадигмы некоторых двусложных сущ. ж.р. со структурой конечного сегмента VC_2 /eň/ при $C_1 = /s, \check{z}, \check{s}/$ в ИВО. Ср. И.ед. baseň, brožeň, mošeň, Р.ед. basnje, brožnje... (ср. с парадигмами сущ. ж.р. с тождественной структурой конечного сегмента VC_2 /eň/ при $C_2 = /s, \check{s}, \check{c}, r'/$, но с отсутствием чередования $\langle e \sim \# \rangle$): И.ед. řerwjeň, jaseň, lišeň (lišnja), mřoćeň, přeřtreň, Р.ед. řerwjenje, jasjenje...; чередование $\langle e \sim \# \rangle$ не наблюдается и в парадигмах сущ. м.р. с ИВО на /eň/ (ср. И.ед. hrjebjeň, wuheň, Р.ед. hrjebjenja,

wuhenja), за исключением woheń, имеющего парадигмы – варианты с чередованием (e ~ #) и без него: Р.ед. woheńja//wohnja, Д.ед. woheńej//wohnjej, Ср. также И.ед. stupjeń, Р.ед. stupnja.

Чередование (e ~ #), входящее в данный АР, характеризует также парадигмы неодуш. суш. м.р. III морф. класса с ИВО на /er/ при С₁, реализуемом твердой согласной фонемой. Оно носит обязательный характер: И.ед. meter, kataster, Р.ед. metra, katastra. Вариативная парадигма – с чередованием (e ~ #) и без него – характерна и для суш. nuhel: Р.ед. nuhela//nuhla (парадигмы всех остальных суш. м.р. с ИВА на /el/ не маркированы чередованием (e ~ #), ср.: И.ед. cyhel, Р.ед. cyhela).

ТЧ (V ~ #) (реализованный звеньями (e ~ #) и (o ~ #) характеризует и парадигмы некоторых суш. ж.р. с нулевой флексией в И.ед. и с ИВО на /ej/, /oj/. Одновременно с чередованием гласной фонемы с нулем в парадигмах этих суш. отмечается и консонантное чередование (j ~ x'), входящее в этот же АР. Ср. И.ед. – cyrkej, solotej, britej, retkej, źerchej, morchej, krej, ronoj ~ Р.ед. cyrkwje, solotwje..., krgwé (книж.) ronwje. Эти же суш. могут иметь и морфологически немаркированные парадигмы, ср.: И.ед. britej, krej..., Р.ед. briteje, kreje... Только морфонологически немаркированными являются парадигмы суш. škorodej, dratej.

Неодуш. суш. м.р. kotof характеризуется чередованиями (o ~ #) и (o ~ ó) (в первом слове основы). Альтернаты (o ~ #) и (o ~ ó) находим перед всеми вокалическими флексиями, ср. И.ед. kotof, Р.ед. kótfa, Д.ед. kótfej, И.мн. kótfy... Парадигма данного суш. может быть и морфонологически немаркированной: И.ед. kotof, Р.ед. kotofa, Д.ед. kotofej... (другие суш. с ИВО на /ou/ (орф. of) не имеют чередований: например, И.ед. chochof, koroń, kuźoń, toroń, Р.ед. chochofa, korońa...). Все суш. с ИВО на твердые согласные фонемы наряду с ТЧ (V ~ #) характеризуются и консонантным чередованием, входящим в консонантный АР I (см. выше).

II б) Вокалические чередования

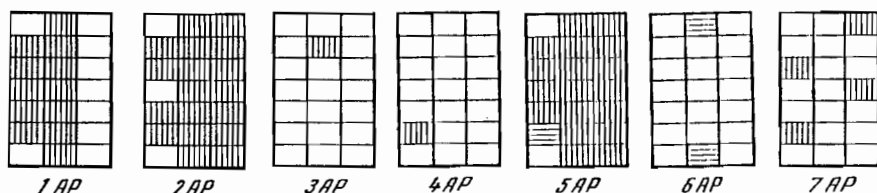

Рис. 39 б)

В СВЛЛЯ представлены вокалические чередования на месте элемента (V) в конечном сегменте основы, совпадающей с корнем слова. ТЧ (V₁ ~ V₂) реализуется следующими конкретными чередованиями: (ó ~ o), (ě ~ e), (o ~ ó) и воплощается в различных АР.

1) АР А₁ ~ А₂ = (И.Зв.ед.) ~ (ед. (кроме И.Зв.), мн., дв.)

Реализуется конкретным чередованием (ó ~ o). А₁ (ó) выступает в словоформах с нулевой флексией, А₂ (o) – перед всеми вокалическими флексиями. Это чередование характеризует суш. м.р. I–II морф. классов

преимущественно со структурой $\langle C_1VC_2 \rangle$, (ср. И.ед. *łóś, kós, kón* [kojn], *bóh, gríbóh, lintwór* ~ Р.ед. *łosa, kosa*, а также сущ. *hóśc* со структурой $\langle C_1VC_2C_3 \rangle$ (Р.ед. *hosca*, Д.ед. *hoscej...*). Исключение представляет парадигма сущ. *tchor*, не знающего чередования данного типа (Р.ед. *tchórja...*). Парадигме сущ. *bóh* свойственно и консонантное чередование в исходе основы (см. выше АР 2).

2) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{И.В.Зв.ед.} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И.В.Зв.)}, \text{мн., дв.} \rangle$

Воплощается конкретными чередованиями $\langle \acute{o} \sim o \rangle$, $\langle \acute{e} \sim e \rangle$. Он характеризует парадигмы сущ. III морф. класса с ИВО на сегмент $\langle C_1VC_2 \rangle$ (и реже — $\langle C_1VC_2C_3 \rangle$), где $\langle C_2 \rangle$ реализован (при $\langle \acute{o} \sim o \rangle$) фонемами /s, z, t, d, n, r, j, h, ź, dź/. Ср. И.ед. *włós, bóz, grót, póst* 'пост', *hród, zwón; dwór, bój, nóż; hózdź; brjóh*, Р.ед. *włosa, boza; grotą; hroda; zwona; dwora; boja; brjoħa; poża; hozdźa*. Исключения: И.ед. *młóć, śróć, póst* 'почта', *mróz, trón*, а также ряд сущ., имеющих структуру в ИВО $\langle C_1VC_2C_3 \rangle$ или $\langle C_1VC_2C_3C_4 \rangle$, ср. И.ед. *wóst, kónс, próšk, zdónk, róźk, wósk, dwórćk, łóśt, chłódk*, Р.ед. *kónса, próška*.

Чередование $\langle \acute{o} \sim o \rangle$ характеризует также следующие сущ. ж.р. с нулевой флексией в исходной словоформе: И.ед. *młóс, bjezmóс, памóс, kóсć, bół, póс*, Р.ед. *mocy, bjezmocy, памосу, kosće, bole, posy*, но ср. И.ед. *źłóсć, łóдź*, Р.ед. *źłóсće, łóдźe*.

Чередование $\langle \acute{e} \sim e \rangle$ наблюдается в парадигмах сущ. м.р. *méd* и сущ. ж.р. *pёс*: И.ед. *méd, pёс*; Р.ед. *mjedu, pjеса*.

Парадигмы сущ. с ИВО на /t, d, n, r/ характеризуются наряду с вокалическими, и консонантными чередованиями в исходе основы (см. выше), так что сущ. имеют, по крайней мере, три варианта основы (например, сущ. *bród*: /bród-/ — /brod-/ — /brodź-/).

Парадигму сущ. ж.р. *sól* характеризует изолированное чередование $\langle \acute{o} \sim e \rangle$, относящееся к данному АР: И.В.Зв.ед. *sól*, Р.ед. *sele*, Д.ед. *seli*, Т.ед. *ze selu*, М.ед. *w seli...*

3) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед., мн. (кроме Р.)}, \text{дв.} \rangle \sim \langle \text{Р.мн.} \rangle$

Представляет чередование $\langle \acute{o} \sim \acute{o} \rangle$, A_1 выступает в словоформах с вокалическими флексиями, а A_2 — в словоформе Р.мн. с нулевой флексией. Этот АР находит выражение в парадигмах сущ. ж.р. *hoga, strona*, сущ. ср.р. *poło* и сущ. pl. *tant. hody*. Ср. И.мн. *hogy, strony, pola, hody*, Р.мн. *hór, strón, pół, hód*, Д.мн. *hogam, stronam, polam, hodam...*, но *hogow*. В парадигмах указанных сущ. наряду с отмеченным чередованием гласных фонем имеет место и консонантное чередование в исходе основы (см. выше).

4) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме М.ед.)} \rangle \sim \langle \text{М.ед.} \rangle$

Представляет чередование $\langle \acute{o} \sim \acute{o} \rangle$, характеризующее парадигму сущ. *młoko*. A_1 зафиксирован во всех словоформах, кроме М.ед., A_2 — в словоформе М.ед. перед флексией /e/: Р.ед. *młoka*, Д.ед. *młoku...* ~ М.ед. *młóсe* (только в комплексном термине типа *w młóсe саły*). Этот же АР, реализованный чередованием $\langle a \sim e \rangle$, является составной частью характеристики сущ. м.р. III морф. класса с корнем *gjad-, hlad-*: И.ед. *gjad, poгjad, wotrjad* и др.; *parohlad, dohľad, rozhľad* и др. Ср. М.ед. (w) *gjedźe...*; *parohľadźe...*

Парадигмы приведенных сущ. характеризуются и консонантным чередованием $\langle d \sim dź \rangle$, относящимся к этому же АР.

5) АР $A_1 \sim A_2 \sim A_3 = \langle \text{И.В.Зв.ед.} \rangle \sim \langle \text{М.ед. (кроме И.В.Зв., М.) мн., дв.} \rangle \sim \langle \text{М.ед.} \rangle$

Два ТЧ – вокалическое ($\langle V_1 \sim V_2 \rangle$) и чередование гласной фонемы с нулем ($\langle V \sim \# \rangle$), которые формируют трехступенчатое чередование ($\langle \acute{o} \sim o \sim \# \rangle$). A_1 представлен в словоформах с нулевой флексией, A_2 – в словоформах с вокалическими флексиями (кроме словоформы М.ед.), A_3 – в словоформе М.ед. Этот АР характеризует парадигму сущ. *son*: И.В.Зв.ед. *són*, Р.ед. *sona*, Д.ед. *sonej*, Т.ед. *(ze) snom*, М.ед. *(we) snje*, И.мн. *sony*, И.дв. *sonaj*...

6) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед., мн. (кроме И., Зв.), дв.} \rangle \sim \langle \text{И.Зв.мн.} \rangle$

Реализуется конкретным чередованием $\langle a \sim e \rangle$. A_1 представлен во всех словоформах парадигмы, кроме словоформ И.Зв.мн.; A_2 выступает перед флексией /o/ в И.Зв.мн. Этот АР свойствен парадигмам сущ. I морф. класса с ИВО на /an/, например, И.ед. *měšcan*, *wjesnjan*... И.мн. *měšcenjo*, *wjesnje-pjo*... Парадигмы этих сущ. характеризуются и консонантным чередованием (см. выше).

7) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме Д.М.), мн., дв. (кроме И.В.дв.)} \rangle \sim \langle \text{Д.М.ед., И.В.дв.} \rangle$

Реализуется чередованием $\langle a \sim e \rangle$. A_1 представлен во всех словоформах парадигмы, кроме Д.М.ед. и И.В.дв., A_2 – перед флексией /e/ в словоформах со значением Д.М.ед. и И.В.дв. Этот АР характеризует парадигмы двух сущ. ж.р. – *hrjada*, *rjada*. В словоформах Д.М.ед. и И.В.дв. перед флексией /e/ в парадигме названных сущ. выступает вариант основы на /dź/ (см. выше) и гласной фонемой /e/. Здесь наблюдается совпадение консонантного ($\langle d \sim dź \rangle$) и вокалического ($\langle a \sim e \rangle$) чередований, входящих в один АР. Ср.: Д.М.ед., И.В.дв. – *hrjedže*, *rjedže* (*na hrjedže*, *w jednej rjedže*).

III. Чередования с наращением

1AP

2AP

3AP

1) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{И.В.Зв.ед., мн.} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И.В.Зв.) дв.} \rangle$

Характеризуется ТЧ, который условно можно назвать "внутренним" расширением основы исходной словоформы в пределах конечного сегмента основы, т.е. $\langle C_1 V \emptyset C_2 \sim C_1 V C_3 C_2 \rangle$. Элемент C_3 реализуется фонемой /s/ и предшествует конечному согласному основы. Данный АР характеризует парадигму сущ. ср.р. *džěco*: Р.ед. *džěśca*, Д.ед. *džěścu*..., И.В.мн. *džěći*, И.В.дв. *džěśći*... (см. полную парадигму выше, на с. 141).

Этот АР свойствен и парадигме сущ. ср.р. *swinjo*, в которой он реализуется иным ТЧ, а именно расширением основы, которое условно можно назвать "внешним", т.е. $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$. Элемент C_3 представлен в парадигме данного сущ. сегментом /eć/: ср. И.ед. *swinjo*, Р.ед. *swinjeśca*, И.мн. *swinje*, Р.мн. *swinjow*, И.дв. *swinjeći* (полную парадигму см. выше, на с. 142).

2) AP $A_1 \sim A_2 = \langle \text{И.В.Зв.ед.} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И.В.Зв.), мн., дв.} \rangle$

Также характеризуется расширением основы типа $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$. Элемент C_3 представлен сегментом /en'/. A_1 выступает в словоформах И.В.Зв.ед. Во всех остальных словоформах наблюдается A_2 . Этот AP является составной частью характеристики группы суш. ср.р. (их список см. выше, на с. 141); И.ед. *promjo*, Р.ед. *promjenje...*, И.мн. *promjenja*, Р.мн. *promjenjow...*, И.дв. *promjeni...*

Этот же AP реализуется в парадигме суш. ж.р. *mać*, в которой элемент C_3 проявляется как сегмент /eɣ'/. A_2 представлен во всех словоформах, кроме И.В.Зв.ед.: И.ед. *mać*, Р.ед. *maćerje*, Д.ед. *maćeri*, В.ед. *mać*, Т. (z) *maćerju*, М. (w) *maćeri*, И.В.Зв.мн. *maćerje*, Р.мн. *maćerjow*, Д.мн. *maćerjam*, Т.мн. (z) *maćerjemi*, М.мн. *maćerjach*, И.В.Зв.дв. *maćeri*, Р.дв. *maćerjow*, Д.Т.М. *maćerjomaj*.

3) AP $A_1 \sim A_2 \sim A_3 = \langle \text{И.В.Зв.ед.} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И.В.Зв.), дв.} \rangle \sim \langle \text{мн.} \rangle$

Характеризуется ТЧ $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \sim C_2 C_4 \rangle$. Элемент C_3 представлен сегментом /eč/, элемент C_4 — сегментом /at/. A_1 выступает в словоформах И.В.Зв.ед., A_2 /eč/ — в остальных словоформах ед.ч., A_3 /at/ — во всех словоформах мн.ч. Этот AP, реализуемый трехступенчатым чередованием $\langle \emptyset \sim eč \sim at \rangle$ наблюдается в парадигмах группы суш. ср.р., большая часть которых обозначает молодых животных (см. выше): И.ед. *ptačo*, *zwęro*, *pručo*, Р.ед. *ptaćeśa*, И.дв. *ptaćeśi...* И.мн. *ptačata*.

ВЫВОДЫ

В СВЛЛІЯ каждое склонение характеризуется определенным набором типов консонантных чередований, так как полная характеристика парадигмы серболужицкого суш. содержит не только указание на определенный набор и распределение флексий в словоформах парадигмы, но и информацию об отсутствии или наличии морфонологических преобразований в основе, о вариантах в фонемном составе основы и их распределении в словоформах парадигмы. Различия наблюдаются также и в составе конкретных чередований, реализующих тождественные ТЧ в парадигмах суш., относящихся к разным склонениям.

В парадигмах суш. I скл. представлены почти все ТЧ, свойственные верхнелужицкому субстантивному словоизменению: отсутствует лишь ТЧ $\langle G \sim Z \rangle$. Таким образом, словоизменение суш. I скл. характеризуется следующими ТЧ: 1) $\langle T \sim T' \rangle$, 2) $\langle T \sim \check{C} \rangle$, 3) $\langle T \sim \check{C}' \rangle$, 4) $\langle K \sim C \rangle$, 5) $\langle K \sim \check{C} \rangle$, 6) $\langle X \sim \check{S} \rangle$, 7) $\langle H \sim Z \rangle$, 8) $\langle H \sim \check{Z} \rangle$, 9) $\langle S \sim \check{S} \rangle$, 10) $\langle C \sim \check{C} \rangle$. В рамках I скл. отмечаются различия в наборе ТЧ для каждого из морф. классов. Общими являются типы $\langle T \sim T' \rangle$ и $\langle T \sim \check{C} \rangle$. Этими двумя типами исчерпывается состав ТЧ в парадигмах суш. II морф. класса. Только в I морф. классе реализуются такие ТЧ как $\langle K \sim \check{C} \rangle$ (звеном $\langle k \sim \check{c} \rangle$), $\langle H \sim \check{Z} \rangle$ (звеном $\langle h \sim \check{z} \rangle$), $\langle S \sim \check{S} \rangle$ (звеном $\langle z \sim \check{z} \rangle$), $\langle C \sim \check{C} \rangle$ (звеном $\langle c \sim \check{c} \rangle$), неизвестные парадигмы суш. других морф. классов. Особенностью III морф. класса является ТЧ $\langle H \sim Z \rangle$, не наблюдаемый в парадигмах других суш. м.р. ТЧ $\langle C \sim \check{C} \rangle$, $\langle H \sim \check{Z} \rangle$, $\langle K \sim \check{C} \rangle$ и $\langle S \sim \check{S} \rangle$ (в большинстве случаев), являясь отличительной особенностью словоизменения личных суш. м.р. (I морф. класс), обусловлены наличием именно у этих суш. особых словоформ

Зв.ед. ТЧ <К ~ С> (И.мн.) является показателем I морф. класса (личные сущ. м.р.), например, И.ед. *wojak* — И.мн. *wojacy*. У сущ. других морф. классов в И.мн. перед флексией /i/ отмечается фонетически обусловленный вариант основы на /k'/ (ср. И.ед. *kosak*, *kłobuk* ~ И.мн. *kosaki*, *kłobuki*). Подобной функциональной нагрузкой обладают и консонантные чередования (см. указанные выше 1—3, 6, 9 ТЧ) в исходе основы группы личных сущ. м.р. с ИВО на /b, p, r, d, t, x, z/ перед флексиями И.мн. /a/, /i/: <b ~ b', p ~ p', r ~ r', d ~ dź, t ~ ć, t ~ c', x ~ ś, z ~ ź> И.ед. *Serb*, *biskop*, *bur*, *bratr*, *susod*, *husit*, *Čech*, *knjez* ~ И.мн. *Serbja*, *biskopja*, *burgja*, *bratřa*, *susodža*, *husića*//*husići*, *Češa*//*Češi*, *knježa*. Ср. с И.мн. сущ. других морф. классов, где не происходит морфонологических изменений, например, И.ед. *karp*, *had*, *knot* (II морф. класс), *hrěch*, *wobraz* (III морф. класс), *blido* (IV морф. класс), *lata* (V морф. класс) ~ И.мн. *karpy*, *hady*, *knoty*; *hrěchi*, *wobrazy*; *blida*; *laty*. Таким образом, у личных сущ. м.р. консонантные чередования в исходе основы (И.мн) становятся самостоятельным показателем морф. класса и по существу приобретают морфемный статус (см. *Kiryłowicz 1967, 168*).

В парадигмах сущ. II скл. представлены следующие ТЧ (и звенья, реализующие их): а) <Т ~ Т'> (чередования <u ~ u', m ~ m', n ~ n', r ~ r'>, б) <Т ~ Ї> (чередования <t ~ ć, d ~ dź>), в) <К ~ С> (чередование <k ~ c>), г) <К ~ Ї> (чередование <k ~ ć>), д) <Х ~ Ђ> (чередование <x ~ ś>).

Для парадигм сущ. III скл. характерны следующие ТЧ: а) <Т ~ Т'>, реализуемый чередованиями всех представленных в СВЛЛЯ твердых-мягких согласных фонем, б) <Т ~ Ї> чередования <d ~ dź>, <t ~ ć>, в) <Т ~ С> (чередование <t ~ c'>), г) <К ~ С> (чередование <k ~ c>), д) <Х ~ Ђ> (чередование <x ~ ś>), е) <Н ~ З> (чередование <h ~ z>), ж) <Г ~ З> (чередование <g ~ z>), свойственное только "женскому" типу склонения.

Четвертый, или смешанный тип склонения, свойственный лишь ограниченной группе сущ. м.р. со значением лица с исходной словоформой на /a/, характеризуется ТЧ <Т ~ Т'> (чередования <b ~ b', r ~ r', n ~ n'>), ТЧ <Т ~ Ї> (чередования <t ~ ć>, <d ~ dź>), ТЧ <К ~ С> (чередование <k ~ c>) и ТЧ <Г ~ З> (чередование <g ~ z>).

Чередования гласных фонем с нулем характеризуют словоизменение или отдельных слов, или более или менее замкнутые группы сущ. с тождественной морфонологической структурой конечного сегмента основы. Большая часть возможных в СВЛЛЯ чередований типа <V ~ #> свойственна парадигмам сущ. м.р., относящихся к I скл. В парадигмах этих сущ. наблюдаются следующие чередования указанного типа: <e ~ #>, <o ~ #>, <i ~ #>, <ó ~ #>, <o ~ # + o ~ ó>. Последнее чередование реализуется в парадигмах некоторых личных и неодуш. сущ. м.р., т.е. I и III морф. классов; чередование <i ~ #> — в парадигме одного сущ. м.р. — *jeřij*, остальные — в парадигме одного сущ. (<ó ~ #> — *róť*), или в парадигмах ограниченных групп личных и неодуш. сущ. м.р. (<e ~ #, I и III морф. классы), одуш. сущ. (II морф. класс) — <o ~ #>, <e ~ #>. В парадигмах сущ. ж.р. III скл. ТЧ <V ~ #> реализуется конкретными чередованиями <o ~ #>, <e ~ #>, <ej ~ # u'>.

Таким образом, ТЧ <V ~ #> в СВЛЛЯ зафиксирован у некоторых сущ.

м.р. (I скл.) и у ряда сущ. ж.р. с нулевой флексией в исходной словоформе (III скл.). В парадигмах сущ., изменяющихся по образцу других склонений, чередования данного типа не отмечаются.

Наиболее полный состав вокалических чередований ((*ó ~ o*), (*ě ~ e*), (*o ~ ó*), (*a ~ e*)) выступает в парадигмах сущ. м.р. с нулевой флексией в И.ед. и в парадигмах сущ. ж.р. Чередование (*ě ~ e*) свойственно лишь парадигмам сущ. III скл. с нулевой флексией в исходной словоформе. Чередование (*ó ~ e*) свойственно лишь парадигме сущ. *sól*. Трехступенчатое чередование (*ó ~ o ~ #*) присуще только парадигме сущ. *sóp*. Наиболее объемным по количеству парадигм, охваченных чередованием, является чередование (*ó ~ o*) (см. вокалический AP 2, характеризующий сущ. III морф. класса и V морф. класса, а также вокалический AP 1, характеризующий группу сущ. I–II морф. классов). Таким образом, вокалические чередования свойственны отдельным парадигмам и группам парадигм сущ., относящихся к I или III скл. Среди сущ., изменяющихся по образцу II скл., лишь два сущ. характеризуются чередованием (*o ~ ó*) – *rolo*, *loko*.

Чередования с наращением входят в состав словоизменительной характеристики отдельных групп сущ., которые почти все являются сущ. ср.р. Исключение составляет сущ. ж.р. *más*, в некоторых случаях (книжное употребление) – такие сущ. м.р. как (*tón*) *tema*, (*tón*) *drama* (ср. Р.ед. *temata*, Д.ед. *tematej*...).

Морфонологически маркированные парадигмы сущ. в СВЛЛЯ по числу вариантов основы и их распределению в рамках полной парадигмы объединяются в группы, характеризующиеся единой морфонологической характеристикой.

Большая группа сущ. имеет парадигмы с двумя основами, в которых на основе различного распределения вариантов основы в рамках парадигмы выделяется 18 типов парадигм, а именно: 1) словоформа И.ед. противопоставлена всем остальным словоформам (у неодуш. сущ. м.р.); 2) словоформы И.В.ед. противопоставлены всем остальным словоформам (у неодуш. сущ. м.р., у сущ. ж. и ср.р.); 3) основа М.ед. противопоставлена основе остальных словоформ (у одуш. и неодуш. сущ. м.р.); 4) основа Зв.ед. противопоставлена всем остальным словоформам (у личных сущ. м.р.); 5) основа М.Зв.ед. противопоставлена всем остальным словоформам (у личных и одуш. сущ. м.р.); 6) основа Д.М.ед. противопоставлена основе всех других словоформ (у сущ. м.р. IV скл.); 7) основа Д.М.ед. И.мн. противопоставлена основе других словоформ (у сущ. IV скл.); 8) основа М.Зв.ед., И.мн. противопоставлена остальным словоформам парадигмы (у личных сущ. м.р.); 9) основа М.ед., И.мн. противопоставлена основе других словоформ (у личных сущ. м.р.); 10) основа И.мн. противопоставлена основе всех других словоформ (у личных сущ. м.р.); 11) основа Д.М.ед., И.В.дв. противопоставлена основе всех других словоформ (у сущ. ж.р.); 12) основа М.ед., И.В.дв. противопоставлена основе всех других словоформ (у сущ. ср.р.); 13) основа И.В.дв. противопоставлена основе всех других словоформ (у группы сущ. ср.р.); 14) основа, выступающая в частной парадигме ед.ч. противопоставлена основе, характеризующей частные парадигмы дв. и мн.ч. у сущ. ср.р. (*woko*, *wucho*); 15) основа, выступающая в частной пара-

дигме дв.ч., противопоставлена основе, характеризующей частные парадигмы ед. и мн.ч. (у суш. ср.р. wo^oko, wu^ocho); 16) основа Р.мн. противопоставлена основе, выступающей во всех остальных словоформах парадигмы (у суш. ср.р. ro^oo); 17) основа словоформ И.В.Зв.ед. противопоставлена основе, выступающей во всех других словоформах парадигмы (у суш. ж.р. ma^oć); 18) основа, характеризующая словоформу И.В.ед. и все словоформы частной парадигмы мн.ч., противопоставлена основе, свойственной частной парадигме дв.ч. (у суш. ср.р. d^ožćo).

Большая часть названных оппозиций словоформ сформировалась в результате различного типа консонантных чередований в исходе субстантивной основы. Только в первом и втором типе грамматических оппозиций, возникших благодаря морфонологическим преобразованиям в субстантивной основе, противопоставление словоформ является следствием не только различных консонантных, но и вокалических чередований (ср. ho^ośc – ho^ośca в первом типе, ko^ośc – ko^ośce во втором типе), чередований типа <V ~ #> (ср. po^os – ps^oa в первом типе, wo^oś – wś^o, nu^ohel – nu^ohla, wo^oheń – wo^ohnja, su^ogkej – su^ogkwje во втором типе), чередований с наращением основы (ср. z^ona^otjo – z^ona^otjenja – во втором типе). В третьем типе оппозиций словоформ вокалическое чередование <o ~ ó> зафиксировано в парадигме одного суш. ср.р. (m^ol^oko), а чередование <a ~ e> – в группе неодуш. суш. м.р. То и другое вокалические чередования сопровождают консонантные чередования в конечном сегменте основы данных суш. Однако основная группа парадигм с данным типом оппозиции словоформ характеризуется консонантным чередованием. Вокалическое чередование <a ~ e>, сопровождающее консонантное чередование в исходе основы, участвует в оформлении небольшой группы парадигм личных суш. м.р. на /an/ (ср. wje^osnjan – wje^osnjenjo), относящихся к 9, 10 и 11 типам оппозиций словоформ.

В части парадигм верхнелужицких суш. представлена оппозиция словоформ, сформировавшаяся благодаря противопоставлению трех основ в рамках субстантивной парадигмы. Это: 1) небольшой круг неодуш. суш. м.р., характеризующихся оппозицией словоформ <И.В.Зв.ед.> ~ <М.ед.> ~ <остальные падежи>. В оформлении данной оппозиции участвуют вокалические чередования <ó ~ o>, <ě ~ e>, <o ~ ó>, вокалическое чередование + чередование гласной фонемы с нулем – <ó ~ o ~ #> и консонантные чередования (hr^od – hro^oda, r^od – ro^oda – ro^odže, sk^ot – sk^ota – sk^oće, dw^or – dw^ora – dw^orze, m^ođ – m^oje^odu – m^oje^odže, ko^otoł – k^otła – k^otje, só^on – so^ona – sn^oje. 2) Единичные суш. м.р. с оппозицией <И.Зв.ед.> ~ <М.ед.> ~ <остальные словоформы> (po^osoł – p^ośła – p^ośle; ko^ozoł – k^ozła – k^ozle. 3) Одно суш. м.р. d^ożeń с противопоставлением <И.В.мн.> ~ <все остальные словоформы>: d^ożeń – dn^oja, dn^ojow, dn^oy, dn^ojej. 4) Два суш. ж.р. ho^ora, stro^ona с оппозицией <Д.М.ед., И.В.дв.> ~ <Р.мн.> ~ <остальные словоформы>, ср. h^or, str^on; ho^orje, stro^onje. Как и во втором типе оппозиций словоформ здесь участвуют вокалическое чередование <o ~ ó> и консонантное, реализуемое в словоформах Д.М.ед., а также И.В.дв. 5) Одно суш. pl. t. ho^ody с оппозицией <Р.мн.> ~ <М.мн.> ~ <остальные словоформы>, в парадигмах которого реализуется вокалическое чередование <o ~ ó> и консонантное, ср. ho^ody – h^od – po ho^odźoch. 6) Группа суш. ср.р. с оппозицией <И.В.ед.> ~ <ед. (кроме И.В.), дв.> ~ <мн.>, в парадигмах которых реализуется чере-

дование с наращением; skoó – skośeća – skoćata; zwěrjo – zwěrjeća – zwěrjata. 7) Сущ. ćłowjek, в парадигме которого представлена оппозиция (ед. (кроме Зв.) ~ (Зв.ед.) ~ (мн.)). Частная парадигма мн.ч. имеет супплетивный характер образования. Ср. ćłowjek – ćłowjeće – ludzi.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. В СНЛЛЯ система вокализма включает семь гласных фонем: /i, ɛ, e, a, u, ó, o/. Система консонантизма состоит из сильных согласных фонем: /b, b', p, p', ɟ, ɟ', m, m', v, v', f, f', d, t, c, z, s, n, n', l, r, r', ź, ć, ś, ź, ć, ś, j, k, g, x, h/; СНЛЛЯ имеет следующие пары соотносительных а) по твердости – мягкости согласных фонем и б) по глухости – звонкости: а) /b–b', p–p', m–m', f–f', v–v', ɟ–ɟ', n–n', r–r', c–ć, ć–ć, s–ś, ś–ś, z–ź, ź–ź/ (см. Japaš, 1976, 42–43); б) /b–p, b'–p', g–k, d–t, z–s, ź–ś, ś–ź, v–f/ (см. Japaš 1976, 44–45).

СНЛЛЯ свойственна минимальная нейтрализация противопоставлений по твердости–мягкости. Только позиции конца слова (перед паузой) и перед [e] факультативно могут выступать в качестве позиций нейтрализации.

2. В отличие от СВЛЛЯ в СНЛЛЯ отсутствует грамматическая категория личности. Категория одушевленности находит формальное выражение у сущ. м. р. в частных парадигмах ед. и дв. ч. в противопоставлении форм В./Р. ед. (дв.) и В./И. ед. (дв.) (это относится и к сущ. м.р. на /a/ типа

Н.-луж. сущ. представляют пять морфологических классов (см. Ермакова 1979, 39–42). Полная парадигма сущ. состоит из 18 словоформ, представляющих одно из шести падежных значений и одно из трех значений числа (ед. ч., дв. ч., мн. ч.). В СНЛЛЯ нет особой формы звательного падежа.

В СНЛЛЯ на основе грамматического критерия "тип склонения" выделяется три основных типа склонения имени сущ., разновидности внутри которых определяются различиями в характере исходного согласного основы в И. ед.

3. Для н.-луж. субстантивного словоизменения характерны следующие виды морфонологических чередований в исходе основы: 1) чередования согласных фонем на месте элемента С₂, свойственные определенным классам основ; 2) чередования гласных фонем с нулем – (V ~ #), (# ~ V), которые характеризуют или отдельные сущ. (однословные) или группы сущ., объединяемых тождеством конечного сегмента. Эти чередования имеют ограниченный характер, не охватывая всех сущ. с данной структурой конечного сегмента. Некоторые из чередований этого вида предполагают и изменения на месте элемента С₁ (у единичных сущ.). Чередование вида # ~ V отмечено лишь в одной парадигме; 3) чередования, обусловленные "внешним" расширением основы (т.е. (С₂∅ ~ С₂С₃)), которые свойственны небольшой группе сущ. с тождественной фонологической характеристикой финальной части основы исходной словоформы или общей семантикой.

Консонантные чередования представлены следующими ТЧ и конкретными звеньями чередований: а) (T ~ T') ((b ~ b', p ~ p', m ~ m', n ~ n', ɟ ~ ɟ', r ~ r', v ~ v', f ~ f')), б) (T ~ C) ((t ~ ś d ~ ź, st ~ ść, zd ~ zdź)), в) (K ~ C) ((k ~ c, g ~ z(dz))), г) (X ~ Ś) ((x ~ ś)).

Альтернанты второго вида чередований — гласных с нулем — реализуются фонемами /e/, /o/, /a/ и нулем.

Альтернанты третьего вида чередований реализуются в соотношении нуля с сегментами, обуславливающими наращение основы: /en'/, /eš'/, /et'/, /er'/.

Наиболее регулярный характер имеет первый вид чередований, который характеризует суш. м., ср., ж.р., ИВО которых представляют определенные подклассы, а именно, зубные взрывные; твердые губные; заднеязычные. Другие виды чередований свойственны небольшим группам слов, имеющих сходную по фонологической характеристике структуру конечного сегмента в ИВО и носят лексикализованный характер. Они наблюдаются в парадигмах суш. м., ж.р. (например, чередования вида V ~ #), или только ср. р. (например, чередование вида # ~ V, зафиксированное у одного суш. ср. р.). Вид чередования, связанный с расширением основы исходной словоформы на сегменты /en'/, /eš'/, /et'/, отмечается только у группы суш. ср.р. Чередование, обусловленное расширением основы на сегмент /er'/, является признаком парадигмы лишь одного суш. ж.р.

Для образования консонантных чередований релевантны позиции перед следующими флексиями: 1) флексия /e/ a) в М. ед. суш. м.р. I скл. с ИВО на фонемы /p, b, ц, м, n, r, f, d, t/, а также некоторых суш. с ИВО на фонемы /k, g, x/; суш. ср. р. II скл. с ИВО на фонемы /p, ц, m, n, r, d, t/, а также некоторых суш. с ИВО на фонемы /k, x/; суш. ж.р. III скл. с ИВО на /b, p, ц, m, n, r, f, v, d, t, k, g, x/; суш. м.р. на -a, обозначающие лицо с ИВО на фонемы /b, t, d/; б) в Д. ед. суш. ж.р. III скл. с ИВО на /b, p, ц, m, n, r, f, v, d, t, k, g, x/; суш. м.р. на -a, обозначающие лицо, с ИВО на фонемы /b, d, t/; в) в И.В. дв. суш. ср.р. II скл. с ИВО на фонемы /p, ц, m, n, r, d, t/ и некоторые суш. с ИВО на фонемы /k, x/; суш. ж.р. III скл. с ИВО на /b, p, ц, m, n, r, f, v, d, t, k, g, x/; суш. м.р. на -a, обозначающих лицо, с ИВО на /b, t, d/; 2) все вокалические флексии в парадигмах суш. м.р. I скл. с ИВО на фонемы /b, p, ц/, а также в парадигмах суш. ж.р. III скл. с ИВО на /b, p, ц/.

Для формирования чередований гласных фонем с нулем типа <V ~ #> релевантными являются следующие позиции: все вокалические флексии в парадигмах суш. м.р. со структурой конечного сегмента VC₂ /e/, /en'/, /er/, /or/, /oš/, /an/, а также в парадигмах отдельных суш. ж.р. с нулевой флексией в И. ед. При образовании чередования гласных фонем с нулем типа <# ~ V> в качестве релевантной позиции выступает флексия Р. мн. в парадигме суш. ср. р. wokno.

Для чередований, обусловленных наращением нового сегмента в основе, представленной в исходной словоформе, релевантны следующие позиции: 1) все флексии частной парадигмы ед.ч. (кроме флексий И.В. ед.) и все флексии частной парадигмы дв. ч. (суш. ср.р. gole; 2) все флексии (кроме флексии И.В. ед.) полной парадигмы (суш. ср. р. типа brěmje, promje..., типа šele, kozle..., суш. ж.р. maš).

4. В СНЛЛЯ консонантные чередования в исходе субстантивной основы реализуются в десяти двучленных альтернативных рядах, которые схематически могут быть представлены (см. схему на стр. 166).

1 AP — TЧ а) (Т ~ Т'), б) (Т ~ С'), в) (К ~ С), г) (X ~ Š); 2 AP — TЧ (Т ~ Т'); 3 AP — TЧ (Т ~ Т'); 4 AP — TЧ а) (Т ~ Т'), б) (Т ~ С'), в) (К ~ С), г) (X ~ Š);

1AP

2AP

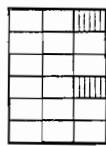
3AP

4AP

5AP

6AP

7AP

8AP

9AP

10AP

5 AP – ТЧ а) (Т ~ Т'), б) (Т ~ С'), в) (К ~ С); 6 AP – ТЧ (К ~ С); 7 AP – ТЧ а) (К ~ С), б) (X ~ Š); 8 AP – ТЧ а) (К ~ С), б) (X ~ Š); 9 AP – ТЧ (X ~ Š); 10 AP – ТЧ (X ~ Š).

A₂ выступает в М. ед. – AP 1–5, 9, 10; Д. ед. – AP 2–4; И.В. дв. – AP 4–9; мн., дв. – AP 7–10; мн. (кроме И.В.), дв. – AP 8, 10. В СНЛЛЯ, как и в СВЛЛЯ, словоформа М. ед. чаще других словоформ парадигмы сущ. является носителем второй ступени чередования: в качестве A₂ она выступает в AP 1, а в других шести AP словоформа М. ед. реализует A₂ наряду с другими словоформами полной субстантивной парадигмы.

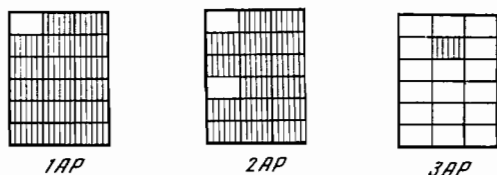
Каждый из отмеченных выше ТЧ обычно наблюдается в нескольких AP. ТЧ, присущие одному и тому же AP, могут отличаться друг от друга степенью регулярности своего воплощения в парадигмах сущ. с одинаковой морфонологической характеристикой исхода субстантивной основы. Так, в AP 5 ср. ТЧ (Т ~ Т'), который реализуется в парадигмах всех сущ. ср.р. с ИВО на /р, ц, т, н, г/ и ТЧ (К ~ С), свойственный лишь парадигмам нескольких сущ. с ИВО на /к/. Разную количественную характеристику может иметь один и тот же ТЧ, реализующий различные AP: ср. регулярное воплощение ТЧ (К ~ С), характеризующего AP 6, в парадигмах сущ. ср.р. с ИВО на /к/ (или этот же ТЧ, характеризующий AP 4, в парадигмах сущ. ж.р.) и факультативный характер реализации данного ТЧ, реализующего AP 1, в парадигмах сущ. м.р. Продуктивность ТЧ (Т ~ Т'), (Т ~ С'), (К ~ С), (X ~ Š) определяется устойчивостью выражения оппозиции словоформ с разным грамматическим значением с помощью флексий, в позиции перед которыми реализуется морфонологическое преобразование основы сущ. в процессе словоизменения. Такая устойчивость характерна для парадигм больших групп сущ. м., ж., ср. р. с ИВО на /b, p, ц, т, н, г, f, v, d, t/, сущ. ж.р. с ИВО на /k, g, x/, сущ. ср. р. с ИВО на /k/. В связи с этим можно говорить о продуктивности ТЧ (Т ~ Т') и (Т ~ С') у сущ. всех родов и о продуктивности ТЧ (К ~ С) и (X ~ Š) в парадигмах сущ. ж.р.

Каждый ТЧ представлен различным набором конкретных чередований в том или ином AP. Так, в AP 1,4 и 5 ТЧ (Т ~ Т') воплощается максимально возможным числом звеньев чередований, в AP 3 данный ТЧ реализован тремя, а в AP 2 – двумя конкретными чередованиями. AP 1,4,5 характеризуют все сущ. с соответствующим строением основы, AP 2 – лишь замкнутые группы слов. Чередование (x ~ š) регулярно реализуется лишь в парадигмах сущ. ж.р. с ИВО на /x/; у сущ. м.р. оно носит факультативный

характер (AP 1), оно зафиксировано также в парадигме сущ. ср. р. *wisno* (AP 7–10).

Одной из особенностей морфонологических преобразований в исходе субстантивной основы в СНЛЛЯ является то, что из десяти AP, сформированных на базе консонантных чередований, четыре связаны с морфонологической характеристикой парадигм одного (двух) сущ.

б) Чередования гласных фонем с нулем:

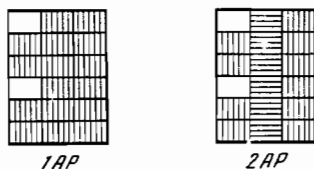

1 AP – ТЧ (V ~ #) ((o ~ #), (a ~ #), (e ~ #)); 2 AP – ТЧ (V ~ #) ((o ~ #), (a ~ #), (e ~ #)); 3 AP – ТЧ (# ~ V) (# ~ e).

Чередования гласных с нулем характеризуют обычно парадигмы отдельных слов (чаще односложных) или группы слов с тождественной морфонологической структурой исходных элементов основы. 1 AP и 2 AP наблюдается у отдельных слов или группы слов м. и ж.р. I и III скл., 3 AP свойствен только парадигме сущ. ср. р.

Вокалические чередования на месте элемента V в конечном сегменте основы СНЛЛЯ не свойственны.

в) Чередования с наращением:

1 AP – ТЧ (C₂∅ ~ C₂C₃), C₃ реализуется сегментом /en'/ у сущ. типа *břetje* и /er'/ у сущ. *maš*. 2 AP – ТЧ (C₂∅ ~ C₂C₃ ~ C₂C₄), C₃ реализуется сегментом /eš/, C₄ – сегментом /et/ в парадигмах сущ. типа *šeje*; у сущ. *gole* A₃ формируется образованием словоформ частной парадигмы мн. ч. от иной основы – /žěš'-./.

Чередования с наращением присущи отдельным, лексически замкнутым группам сущ. ср. р. Исключением является парадигма сущ. ж.р. *maš*.

5. Как и в СВЛЛЯ, в СНЛЛЯ имеются сущ. с морфонологически немаркированными парадигмами. Это парадигмы сущ., ИВО которых представляют следующие подклассы: а) [s, z] (исключения представляют единичные сущ., характеризующиеся чередованием гласной фонемы с нулем, ср. *pjas* – *psa*, *wjas* – *wsy*); б) [c]; в) [š, ž], г) [č] (исключения являются парадигмы отдельных сущ., которым свойственны чередования гласной фонемы с нулем, ср. *weš* – *wšy*, *gež* – *gžy*); д) мягкие парные согласные, а также [j], [i] (исключения также составляют отдельные парадигмы или группы парадигм, отмеченные чередованием гласной фонемы с нулем или чередованием с наращением, ср. *soň*–*sni*, *wrobel*–*wrobla*, *wogeň*–*wognja*, *jabef*–*jabrja*, *mutwej*–*mutwje*); е) [š, ž].

В парадигмах сущ., основы которых представляют другие подклассы, отмечаются различные типы противопоставления двух или трех основ благодаря различному распределению вариантов исходной основы в рамках полной субстантивной парадигмы. Ср. оппозицию двух основ следующих десяти типов: 1. оппозиция И. ед. — все остальные словоформы (у одуш. сущ. м.р.); 2. оппозиция И.В. ед. — все остальные словоформы (у неодуш. сущ. м., ж. и ср. р.); 3. оппозиция М.ед. всем остальным словоформам (у одуш. и неодуш. сущ. м.р.); 4. оппозиция Д.М. ед., И.В. дв. — всем остальным словоформам (у сущ. ж. р., а также у сущ. м.р. с флексией /a/ в И. ед.); 5. М. ед., И. В. ед. противопоставлены всем остальным словоформам полной парадигмы; 6. И.В. дв. противопоставлены всем остальным словоформам парадигмы (у группы сущ. ср. р.); 7. словоформы частной парадигмы ед. ч., И. В. мн. противопоставлены всем остальным словоформам (woko, wucho); 8. оппозиция ед. ч. (кроме М. ед.) и всех других словоформ парадигмы (у сущ. woko в значении 'глаз'; 9. оппозиция ед. ч. (кроме М. ед.), И.В. мн. — все остальные словоформы (сущ. wucho в значении 'ушко, ухо иголки, котла'); 10. оппозиция частной парадигмы ед.ч. частным парадигмам мн. и дв. ч., которая наблюдается в парадигмах сущ. woko в значении 'глаз' и wucho в значении 'ухо'.

Из десяти указанных типов противопоставления словоформ в рамках субстантивной парадигмы четыре (7–10) характеризуют отдельные слова. Остальные возникли преимущественно в результате консонантных чередований в исходе субстантивной основы и являются составной частью характеристик больших групп парадигм сущ. всех трех родов. Чередования гласной фонемы с нулем, как и консонантные чередования конечного согласного основы, обуславливают возникновение оппозиций первого — второго типа (pjas — psa, kjagel — kjagla), чередования с наращением — оппозицию второго типа (znamje — znamjenja, maś — maśerje).

Некоторые парадигмы сущ. характеризуются наличием трех вариантов основы. Противопоставление трех основ в рамках полной парадигмы обычно свойственно парадигмам отдельных сущ. или парадигмам небольших групп слов. Три основы представлены в следующих парадигмах: сущ. ср. р. wokno, в группе слов ср. р. типа śele, в группе некоторых сущ. м.р. При этом возможны следующие типы оппозиций словоформ: 1. оппозиция М. ед. — Р. мн., И. В. дв. — все остальные словоформы в парадигме сущ. wokno, которая обусловлена чередованием нуля с гласной вставной фонемой (Р. мн. woken), а также консонантным чередованием (М. ед., И.В. дв. с основой wokn'-; 2. оппозиция И.В. ед. — ед. (кроме И.В.), дв. — мн. ч., зафиксированная в парадигме сущ. ср. р. типа śele, она обусловлена чередованием с наращением (ср., например, śele — śeleśa — śeleta; 3. оппозиция М. ед. — И. ед. все остальные словоформы. Она свойственна парадигмам некоторых одуш. сущ. м.р. с ИВО на /oɫ/, /eɫ/ и сформирована на базе чередования гласной фонемы с нулем и консонантного чередования (М. ед.) (djaboɫ — djabła — djable; jerjeɫ — jerja — jerle; 4. оппозиция М. ед. — И.В. ед. — все остальные словоформы. Она свойственна парадигмам некоторых неодуш. сущ. м.р. с ИВО на /eɫ/, /er/ и обусловлена чередованием гласной фонемы с нулем и консонантного чередования (М. ед.) (kośeɫ — koɫa — kotle; kofer — kofra — kofrje; manewer — manewra — manewrje).

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ
В СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМАХ СОВРЕМЕННОГО
СЕРБСКОХОРВАТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Основными источниками для данного раздела послужили нормативные грамматики и словари современного сербскохорватского (далее с.-х.) литературного языка (Стеванович 1964; Маретич 1963; Правопис 1960, РСХКЈ, РСХКНЈ, Матешич), а также немногочисленные специальные исследования по морфологии субстантивного словоизменения с.-х. языка (Ивич 1972, Станкевич 1978, Нейлор 1969 и др.).

Современная норма литературного языка в отношении сегментных чередований в склонении сущ. допускает значительные колебания или ограничения, которые, к сожалению, не всегда фиксируются словарями и грамматиками. Имеющиеся нормативные пособия, как показывают специальные исследования языка писателей и результаты анкетирования носителей языка, не полностью отражают современный узус и соотношение конкурирующих в современном языке словоизменительных вариантов. Более того, самые полные словари, в том числе и "Правопис" 1960 г., не содержат сведений об отдельных, существенных для морфологии словоформ многих сущ. (не только редких, периферийных, но и весьма употребительных). Остается слабо изученной и лишь случайно отражаемой общими словарями сфера словоизменения собственных имен, в частности широко употребительных гипокористических форм личных имен, в которых морфологические закономерности и тенденции проявляются достаточно ярко, хотя нередко и отлично от апеллятивной лексики (в свою очередь ономастические исследования и словари не дают обычно полной морфологической информации). Специального исследования заслуживают различия в области морфологии между двумя вариантами литературного языка — восточным (сербским, или белградским) и западным (хорватским, или загребским). Они касаются не столько самих морфологических моделей и правил, сколько их лексической репрезентации и соотношения вариативных форм.

Предлагаемое описание морфологии субстантивного словоизменения неизбежно носит неполный и далекий от исчерпывающего характер и нуждается в последующем уточнении на основе специальных исследований современного языкового узуса. Кроме того, в соответствии с целями данного сопоставительного исследования, оно ограничено сегментной морфологией и не затрагивает важнейшего для с.-х. языка компонента морфологической системы — акцентных чередований¹.

¹ О морфологии ударения в современном с.-х. языке см.: Бидвел 1963; Нейлор 1969; Невекловски 1976; Николич 1961/62.

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОЛОГИИ

Фонологическая система современного с.-х. языка включает 10 гласных и 25 согласных фонем. Для подсистемы вокализма фонологически релевантны признаки: I. подъема: верхний, средний, нижний, II. ряда: передний, непередний и III. количества: долгота, краткость (см. рис. 1).

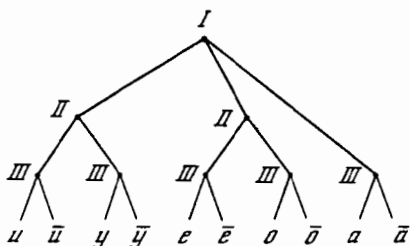

Рис. 1

Кроме того, долгота–краткость релевантна для сонанта *p* в ударном и заударном положении (о фонологическом статусе этих звуков см. Брозович 1968, Ивич 1981, 451, Савицка 1981, 30).

Для подсистемы консонантизма релевантны признаки: 1. шумный – сонорный, 2. задний (небный) – передний (губной, зубной), 3. носовой – неносовой, 4. периферийный (губной, заднеязычный) – непериферийный (передне- и среднеязычный), 5. аффриката – неаффриката, 6. боковой – небковой, 7. щелевой – смычный, 8. звонкий – глухой, 9. палатальный (мягкий) – непалатальный (твердый). См. рис. 2.

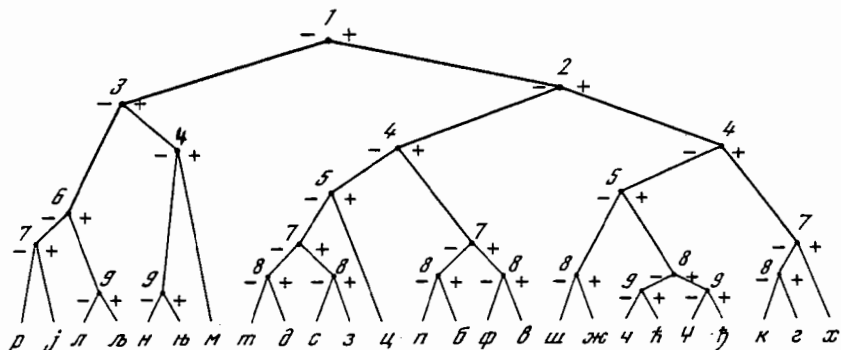
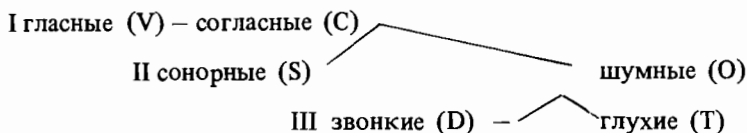

Рис. 2

Дистрибуция фонем в с.-х. языке определяется рядом признаков, из которых наибольшее значение имеют признаки звучности, т.е. гласный–согласный, среди согласных сонорный–шумный, среди шумных звонкий–глухой:

По признаку гласный—согласный выделяются 4 типа сочетаний; VV (гласный + гласный), CV (согласный + гласный), VC (гласный + согласный), CC (согласный + согласный). Из них сочетания типа CV и VC не имеют никаких регулярных ограничений, в том числе и по отношению к паузе, т.е. допустимы в позициях начала, середины и конца слова.

Сочетания типа VV. В исконной лексике такие сочетания возможны при условии: 1) наличия между гласными актуальной морфемной границы: *за-окретати, за-искати, за-узимати, по-искати, по-одузимати, пре-узимати, пре-обући, у-опште, не-утешан, не-изведен, полу-оток, су-односан, са-обраћај, за-узетак, средњо-европски, средњо-источан* и т.д.; без актуальной границы: *као, наука, паук, таин*; 2) наличия морфемы *о*, чередующейся с л.: *чуо (чула), орао (орла), бео (бела), зао (зла), цео (цела)* и т.д.; 3) в исходе числительных типа *петнаест, шеснаест* (где, однако, нередко в аллегорической речи звучит *-јст*).

В иноязычных нарицательных и собственных именах сочетания гласных представлены широко, причем не только в основах (корнях), но и в косвенных словоформах на границе вокалической основы и флексии или суффикса: *пауза, аорист, ауто, какао, маестро, оаза, ситуација, Каиро, Токио, Ромео, Мао, Мао-а, Ма-у, Ма-ом, Гете-а, Гете-у, бифе-у, ниво-а, интервју-а, интервју-ом, интервју-и, его-иста* и т.д. Единственным регулярным ограничением здесь можно считать запрет на сочетание *и* в качестве первого члена с другими гласными (кроме *о*), поскольку между ними с необходимостью появляется *ј* (и в произношении, и в написании): *Гандија, Вердија, Пучинију, тријумф, генијалан, авијатичар, варијација, баријум* и т.д. Исключением является союз *иако* и случаи с отчетливой морфемной границей между гласными: *полиедар, антиестетичан*. Не происходит вставки *ј* в сочетаниях *ио*: *пион, пионир, триод*. В иноязычных сущ. на *-ио* (*радио, радиом*) отсутствие *ј* между *и* и *о* можно считать чисто орфографической традицией, поскольку в произношении слабое *ј* присутствует (возможно, под влиянием других косвенных форм: *радију, радија* и т.д.). См. Ивич 1972, 109–110.

Сочетания двух одинаковых гласных возможны только на морфемной границе: *црноок, антиимперијалиста, пооштреност, доондашњи, боом* и т.п. Сочетания трех гласных крайне редки (*Маоа*).

Сочетания типа CC (и CCC). Сочетания двух одинаковых согласных (геминаты) допускаются только на морфемных границах: *најјачи, најјаснији, надрруштвен, поддневник, поддијалекат, преддржавни* (однако *безуб*).

Класс согласных распадается на два дистрибутивных подкласса: сонорные (S) и шумные (O), имеющие разную сочетаемость. Сочетания элементов разных подклассов, т.е. SO и OS, отличаются большей свободой, чем сочетания элементов одного подкласса, т.е. SS и OO. Наименее ограничены сочетания типа OS (шумный + сонорный) в начале и в середине слова. В начале слова в качестве первого элемента групп OS не встречаются только *ћ, њ*, в качестве второго элемента допустимы все сонорные, хотя далеко не все возможные сочетания конкретных шумных и сонорных зафиксированы (в экваском варианте ограничены сочетания Oј-, неполно реализованы сочетания с *љ, њ, и* и некоторые другие типы). В середине слова в группах типа OS на первом месте может выступать любой шумный, а на втором — любой сонорный. В конечной позиции слова (перед паузой) группы OS возможны

только в единичных заимствованных словах и не со всеми сонорными: отмечены лишь *рн, рл, пл, бл, вл, кл, гл, јн, рн, вн, јм, рм, лм*, невозможны сочетания *сј, њ*.

Группы типа *SO*, наоборот, невозможны в начале слова, относительно свободны в середине слова и сравнительно многочисленны (правда, за счет иноязычных слов) в конечной позиции, где невозможны лишь сочетания с первым элементом *љ* и *њ*. Ограничение сочетаний *лС* (и *л#*) после гласного не является абсолютным и носит морфонологический (в некоторых случаях факультативный) характер, ср. *школски, силно, генерал, бол* (и *бо*), *зналца* (и *знаоца*) и т.п.

Сочетаемость сонорных друг с другом (*SS*) подчиняется всем указанным для групп типа *OS* и *SO* ограничениям, а кроме того обнаруживает в составе сонорных разные в дистрибутивном отношении элементы. Дистрибуция *м* резко отличается от дистрибуции других сонорных: только *м* возможно перед сонорными в начале слова (*мн, мр, мл, мљ, мњ*) и в этом отношении оно ведет себя как шумный согласный.

Сочетаемость шумных друг с другом (*OO*) подчиняется прежде всего ограничению по признаку звонкий — глухой. Звонкие шумные (*D*) и глухие шумные (*T*) сочетаются только в пределах своих подклассов, но не между собой, т.е. возможны сочетания *DD* и *ТТ*, но не *DT* или *TD*. Подобно тому, как *м* в составе сонорных проявляет на дистрибутивном уровне свойства шумного согласного, в составе шумных *в* обнаруживает свойства сонорных, сочетаясь как с глухими, так и со звонкими согласными: *сваки — звати, бивши — шваља* и т.д.

Другие ограничения сочетаемости согласных носят по существу не фонологический, а морфонологический характер, поскольку они действуют в одних морфонологических условиях и не действуют в других. Например, запрет на сочетание *с, з* с шипящими и палатальными не действует в случаях, когда приставочное *с, з* оказывается перед корнем, начинающимся с *љ, њ*: *разљутити се, слъштити, изњихати* (а также в йекавском произношении в корнях с *љ, њ* перед прежним кратким *Ђ*: *сьежан, съедеји* и т.п.). Запрет на сочетание *тс, тц* нарушается, если *т* принадлежит приставке, а *ч, ц* корню: *отцепити, натчовек*. Запрет на сочетания *н + п, б* также не действует на актуальной морфемной границе: *ванбрачан, ванпарнични, ванпартијски*.

С другими признаками, релевантными для класса шумных (прежде всего щелевой—смычный, периферийный—непериферийный, задний—передний), связаны не абсолютные, а частотные ограничения сочетаемости, причем здесь преобладает диссимилятивный принцип, т.е. сочетания разнородных в отношении этих признаков согласных преобладают над однородными: сочетания щелевых со смычными над сочетаниями щелевых и сочетаниями смычных и т.д., а некоторые однородные сочетания вовсе отсутствуют, например, сочетания заднеязычных друг с другом².

Сочетания ССС. Трехфонемные сочетания согласных весьма ограничены и в большинстве случаев включают морфемную границу. В экавском варианте в начале слова встречаются *смр, смл, спр, спл, спљ, свр, свл,*

²См. Сурдучки 1964, а также рец.П. Ивича на эту работу в кн.: Сборник за филологију и лингвистику, X, 1967, с. 227—236; Савицка 1971, Толстая 1972.

стј, стр, стл, ств, скр, скл, скль, скн, скв, схр, схл, схв, збр, збл, звр, здр, здрв, згр, згл, згн, згъ, цвр, цкл, цкв, цкнь, шпр, стр, шчв, шкр, шкл, шкль, шкв, ждр, чкв (в йекавской норме, кроме того, сочетания с последним *j* и *ь*: *двј, смј, смль, спј, свј, стј, збј, звј, здј, свј, гдј, хвј, хтј*). Как видно из перечня, все эти группы оканчиваются сонорным или *в*, а начинаются в большинстве случаев со шелевого *с, з, ш, ж* (редко — *ц, ч*).

На конце слова трехчленные консонантные группы возможны только в иноязычных словах (исключение — аллеговое произношение числительных типа *седемнаест* с конечной группой *јст*): *тембр, ансамбл, темпл, циркл, шмиргл, карст, дунст, инфаркт, пункт, мумис, сфинкс, боршч, текст* и т.п.

В середине слова как трехэлементные, так и четырехэлементные группы, как правило, включают морфемную границу.

ЕДИНИЦЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Минимальными сегментными единицами морфонологического уровня являются морфемы (Толстая 1982, 120), инвентарь которых не совпадает с инвентарем фонем: кроме 10 гласных и 25 согласных единиц, выделяемых на фонологическом уровне, инвентарь морфем включает фонологически неоднородную единицу {#} (ноль гласного или *а* в зависимости от условий), а также {р'} (морфонологически палатальное *р* при отсутствии фонологически палатального /р'/). В некоторой степени на статус морфем могут претендовать также {г'}, {с'} и {з'}, однако сфера их употребления крайне ограничена (см. с. 193–194). Идентификация морфем по различительным признакам также не совпадает со схемой идентификации фонем. Морфонологически наиболее значимыми противопоставлениями оказываются оппозиции звонкой—глухой и палатальный—непалатальный для согласных и длинной—короткой и передний—непередний для гласных. Если в фонологическом плане звонкость—глухость релевантна лишь для так называемых парных шумных *б-п, в-ф, д-т, з-с, ѝ-ћ, ц-ч, г-к*, то в морфонологическом отношении этот признак релевантен для всех согласных, см. табл. 2.

Очевидно, что и содержание признаков на всех трех уровнях различно: на уровне фонетики + и — означают соответственно наличие/отсутствие голоса, на фонологическом уровне эти же знаки означают наличие противопоставления по данному признаку, т.е. наличие парной фонемы, отличающейся только по участию голоса, а 0 — отсутствие такого противопоставления; на морфонологическом уровне + и — означают принадлежность к двум классам единиц, способных сочетаться только друг с другом (внутри своего класса), а +/- — способность сочетаться с единицами обоих классов. Еще очевиднее различия в отношении признака палатальности, см. табл. 3.

Фонемы, составляющие фонологическую корреляцию по палатальности, на уровне морфонологии могут сохранять эти отношения, ср. *л-ль, н-нь*, а могут утрачивать их, например фонологическая корреляция *ч-ћ, ц-ћ* морфонологически нерелевантна. Напротив, фонемы, не образующие фонологической корреляции, могут быть связаны отношением морфонологической корреляции. Таковы *т-ћ, д-ћ*. Наконец, в качестве морфоноло-

Таблица 2

сегменты значения	ј	р	л	ль	н	нь	м	п	б	ф	в	т	д	с	з	ц	ш	ж	ч	ћ	џ	к	г	х	
Фонетич.	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-
Фонолог.	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	-	+	-	+	0	-	+	-	-	+	+	-	+	0
Морфо- фонол.	*/-	*/-	*/-	*/-	*/-	*/-	*/-	-	+	-	*/-	-	+	-	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-	

Таблица 3

	ј	р	л	ль	н	нь	м	п	б	ф	в	т	д	с	з	ц	ш	ж	ч	ћ	џ	к	г	х		
Фонет.	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	
Фонолог.	0	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	0	0	0
Морфо- нолог.	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-

гических единиц могут выступать не только отдельные фонемы, но и их сочетания: *ст, ск, зд, зг*, а также *пль, бль, вль, мль*, составляющие морфологическую корреляцию по палатальности губным согласным.

Роль морфологической палатальности (непалатальности) проявляется не столько на уровне сочетаемости морфоном, сколько на уровне сочетаемости морфов (морфем): морфы с исходом на палатальный согласный сочетаются с морфами одних типов, а морфы с исходом на непалатальный — с морфами других типов (подробнее об этом см. ниже).

АВТОМАТИЧЕСКИЕ (КОМБИНАТОРНЫЕ) ЧЕРЕДОВАНИЯ

К автоматическим чередованиям относятся: 1) чередования звонких и глухих согласных, 2) чередование свистящих *с, з* с шипящими *ш, ж* перед палатальными, 3) разного рода усечения согласных в консонантных группах, возникающих на стыках морфем или при выпадении беглого гласного, 4) чередование *л ~ о*, 5) чередование *н ~ м*, 6) вставка *ј* между гласными.

1. Чередование согласных по признаку звонкости—глухости в с.-х. языке имеет более сложный характер, чем, например, в русском. Если в русском языке это чередование во всех случаях автоматически, т.е. определяется глухостью—звонкостью следующего согласного, и не имеет морфологического значения (единственное исключение: корень *сват-/свад-*, выступающий в двух вариантах в позиции различения согласных по глухости—звонкости, т.е. перед гласным: *свата, сватать — свадеб, свадебный*), то в с.-х. языке число морфологических чередований по глухости—звонкости

значительно больше. Морфонологическое (свободное) чередование глухой—звонкий на конце морфемы (корня) представлено, в частности, в корнях с исходом на глухой согласный в позиции перед вокализованным вариантом суф. #ба: *приметити — примедаба, сват, сватови — свадаба* (вар. *свадби*), *сведочити — сведоцаба* (вар. *сведоцби*).

В остальных случаях чередование глухих и звонких согласных носит автоматический характер и определяется фонологическими свойствами этой оппозиции, т.е. наличием противопоставления перед гласными, сонорными и на конце слова перед паузой и отсутствием его (нейтрализацией) перед шумными согласными. В сфере субстантивного словоизменения это чередование затрагивает сущ. с чередованием гласный — нуль и выступает в позициях, где эта морфонема реализована нулем звука, т.е. для сущ. м.р. во всех словоформах, кроме И.—(В.—Зв.) ед. и Р.мн., а для сущ. ж. и ср.р. — во всех словоформах, кроме Р.мн. Теоретически здесь возможны корни как с чередованием звонкий → глухой (т.е. звонкий в позиции различения, глухой — перед глухим согласным), так и с чередованием глухой → звонкий (глухой в позиции различения, звонкий — перед звонким согласным), однако практически в субстантивном склонении имеет место только чередование звонкий → глухой, ср. *б ~ п: врабац, врабаца — врапца, врапцу; клубака — клупко, трозубака — трозупка; д ~ т: редак, редака — ретка, ретком; приповедака — приповетка; з ~ с: брзац — брсца, полазак — поласка, свезака — свеска; ж ~ ш: држак — дршка, лажац — лашица, властодржац — властодршица, подножака — подношка, бележака — белешка; г ~ к: драгац — дракца, богац — бокца; ѣ ~ ѣ: омеѣак, омеѣака — омеѣка, гололеѣац — гололеѣца; ц ~ ч: примеров нет.*

Чередование с противоположным направлением: глухой (в позиции различения) → звонкий (перед звонким согласным) в сфере словоизменения сущ. не зафиксировано, т.к. сущ. с суф. — #ба имеют здесь морфонологическое чередование глухой → звонкий; другие же позиции чередования отсутствуют. За пределами субстантивного склонения этот тип чередования достаточно распространен, например, перед суф. -ција, -бина: *топ — тобција, отац — отацбина, душ — задужбина* и др.

2. Чередование *с, з ~ ш, ж* можно трактовать как автоматическую морфонологическую палатализацию, ибо оно имеет место перед морфонологически палатальными (небными) согласными *ль, нь, ш, ж ч, ѣ, ц, ѣ*. Это чередование широко распространено на границе приставок *раз-/рас-, из-/ис-, с-/з-, без-/бес-* и корней с начальным небным согласным: *рашчинити, рашчупати, рашћеретати се; ишчезнути, иждикљати, беићутан* и т.д. (чередование отсутствует перед корнями, начинающимися с *ль, нь: сљубити, разљубити, изњушкати* и т.д.), а также перед суф. *ња* (*возити — вожня, пазити — пажња, носити — ношня*), *љив* (*сношљив, пажљив, болешљив*), *-че* (*пас — пашче*), *-чић* (*обрашчић*), *-цика* (*миражцика*) и др.

Перед смягчающими суффиксами: собирательным *-је*, суффиксами имперфективации *-авати, -ивати*, страдат. причастий *-ен* и производных от него *-ење* и др., перед смягчающими флексиями спряжения *-у, -ем, -еш* и т.д. консонантные группы *ст, зд, сл, зл, сн, зн* изменяются соответственно в *шћ, жћ, шљ, жљ, шњ, жњ* (через ступень *сћ, зћ, сљ, зљ, сњ, зњ*): *лист — лишће, грозд — грожће, упростити — упрошћивати, забраздити — забражћивати, запослити — запошљивати, запошљавати, закаснити — за-*

каши̑вати, закоши̑вати, замислити — замиш̑ьен, браздити — браж̑ење, мрзнути — мрж̑ење, користити — кориш̑ење; послати — пош̑ьем, пош̑ьи, празнити — праж̑ьах, постити — пош̑ьах, пош̑ьен и т.д. При этом изменение *т, д, л, н* → *ћ, ђ, љ, њ* является свободным морфонологическим чередованием, а изменение *с, з* → *ш, ж* — лишь сопровождающим его комбинаторным (автоматическим) чередованием.

В области субстантивного склонения данное чередование выступает у сущ. ж.р. с нулевой флексией И.ед. перед флексией Т.ед. — *ју: мисао, мисли — миш̑ьу, бојазан, бојазни — бојаж̑ьу, кост — кош̑ьу, радост — радош̑ьу, власт — влаш̑ьу* и т.д., а также у сущ. м.р. в словоформах Зв.ед.: *путописац — путопиш̑ьиче, ирноризац — ирнориш̑ьиче, писац — пиш̑ьиче* и т.д.

3. Усечение согласных происходит в следующих случаях: а) регулярно упрощаются геминаты на стыках морфем, в том числе и геминаты, возникшие вследствие ассимилятивных изменений, ср. *безаконитост, одужити, беживотни, педесет, руски* и т.п. Исключение составляют формы превосходной степени прилагательных и наречий: *најјаче, најјуначнији, најједноставније* и другие образования с отчетливой морфемной границей: *поддијалекат, наддруштвени* и т.п.; б) усечение *т, д* регулярно перед *ц, ч, ћ, ђ, ц, шт*: *длетаца — длеце, вратаца — враца, завршетак — завршеци, отац — оца, оче, судац — суци, предак — преци, бурмут — бурмуција Хрват — хрвашина, господин — госпоштина*. Исключение составляют приставки *от-/од-, под-/пот-, над-/нат-*, не утрачивающие *т, д* перед перечисленными согласными корня: *потценивати, отћутнути* и т.д., а также некоторые собственные имена: *Градац — Градца* и т.п., в) усечение *т, д* в окружении согласных (после *з, с, ж, ш* и перед *б, к, л, љ, м, н, њ*): *гост — гозба, напрстак — напрска, болест — болеш̑ьив, радостан — радосна, изврстан — изврсна, позориште — позоришни*. Не подчиняется этому правилу прилагательное *попустљив (непопустљив)*, а также дериваты от заимствованных слов с суф. *-ни, -киња* при старательном произношении: *протестни, аористни, комунистскиња* (однако *модискиња*); г) усечение *с* в суф. *-ск, -ств* после *ч, ћ, ш, ж*: *јуначки, височки, младийки, племијки, арбанашки, варошки, хронолошки, митолошки, мушки; јунаштво, пророштво, сиромаштво, мноштво, друштво, кнештво*; ср., однако, с сохранением *с*: *могућство, преиш̑ьство*; д) усечение *ј* после *љ, њ, ћ, ђ* вполне регулярно, ср. Т.ед. *стварју, речју, лажју, служју, кокошју, но солју, зеленју, памећу, глаћу; подручје, међугорје, класје, попрсе, површје, лозје, обележје, но уш̑ье, учеш̑ье, чезнуће, грожђе, усрђе, раздобље, весеље, слаганје, разбијање* и т.д., *барјак, курјак, вучјак, пасјак, просјак, мишјак, безјак, мужјак, но селјак, дебелијак, стручњак, даждевњак, нећак, трећак, роћак, млаћак* и т.д.; *мишји, дечји, мацји, божји, вражји, ћурји, курји, пасји, осји, козји, но говећи, медвећи, јагњ̑ьчи, свињ̑ьчи, рибли и, бивољи, јесењи* и т.д.

4. Чередование *л ~ о* имеет место в позиции перед согласным и на конце слова, однако оно происходит непоследовательно и потому не может быть безоговорочно признано автоматическим. То, что его регулярность связана с определенными грамматическими формами или словообразовательными типами, подтверждает его морфонологическую (а не фонетическую) природу в современном литературном языке. Наиболее последовательно чередование *л ~ о* в причастных формах прош. времени: *читао, рекао, спавао, волео, знао* и т.д. и у прилагательных м.р.: *бео, зао, зрео,*

весео, кисео, мио, цео; менее регулярно оно в корнях сущ., среди которых одни имеют в исходе только *о*: *пепео, вео (раздео)*, другие допускают двоякие формы: *до* и *дол*, *соко* и *сокол*, *со* и *сол*, *сто* и *стол*, *во* и *вол*, а третьи (среди них прежде всего заимствования) — не испытывают чередования: *бол*, *вал*, *печал*, *глагол*, *апостол*, *бал*, *бокал*, *генерал*, *канал*, *гол*, *маршал*, *метал* и др. В ряде случаев варианты с *л* и с *о* приобретают семантическую дифференциацию, ср. *палац* — *палци* 'большие пальцы' и *палац* — *паоци* 'спицы колеса'. Среди словообразовательных дериватов, имеющих условия для чередования *л* ~ *о* (т.е. такие сочетания морфов, при которых конечное *л* предшествующего соседствует с начальным согласным последующего), например дериваты на *-ба*, *-ка*, *-ак*, *-ан*, *-ник*, *-ница*, *-ски*, *-ство*, *-ац*, *-це*, наиболее последовательно реализуют это чередование производные от причастия прош. времени и прежде всего производные с суф. *-ница*: *спаваоница*, *учионица*, *возионица*, *праоница* и т.д. Но и в этой группе дериватов и тем более в дериватах с другими суффиксами чередование может отсутствовать или быть факультативным.

В сфере субстантивного склонения это чередование сопутствует чередованию гласный ~ нуль: *посао* — *посла*, *котао* — *котла*, *орао* — *орла*, *узао* — *узла*, *смисао* — *смисла*, *мисао* — *мисли* и т.д. и наиболее регулярно у сущ. с суф. *-л#ц-*: *носилац* — *носиоца*, *руководилац* — *руководиоца*, *стваралац* — *ствараоца* (регулярность его приводит к возникновению отвергаемых нормой форм типа *руководиоц*, *носиоц*); исключение составляют несколько дериватов, не знающих чередования или допускающих двоякие формы: *зналац* — *зналца* (и *знаоца*), *неваљалац* — *неваљалца*, *погорелац* — *погорелца*, *жалац* — *жалца*, *коталац* — *коталца* (и *котаоца*), *белац* — *белца*, *феудалац* — *феудалца*, собственные имена типа *Узелац* — *Узелца*.

5. Чередование *н* ~ *м* перед губными *п*, *б* происходит во всех случаях последовательно: *хинити* — *химба*, *стан* — *стамбени*, *храна* — *прехрамбени*, *одбрати* — *одбрамбени*, *зелен* — *зелембај*, *један* — *једампут*.

6. К автоматическим чередованиям должна быть причислена и вставка *ј* в позиции между гласными, первая из которых *и*, а вторая — не *о*. Это чередование имеет сравнительно малую мощность и наблюдается преимущественно в заимствованной лексике: *дијалекат*, *социјалист*, *патријарх*, *гимназијалац*, *радија*, *пијетет*, *дијета*, *студију*, *вијуга*, *подијум*, *тријумф* и т.д. (но *радио*, *носио*, *диоба*, *радионица* и т.д.). Исключений из этого правила не много: союз *иако* и слова с отчетливой морфемной границей: *антиаустријски*, *архиепископ* и т.д.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

Граница между автоматическими (комбинаторными) и морфонологическими чередованиями в с.-х. языке может быть проведена лишь условно. С одной стороны, автоматические чередования, выделяемые по признаку их обусловленности звуковым (а не морфемным, грамматическим) контекстом, обнаруживают непоследовательность, большое число исключений и стремление закрепиться за определенными грамматическими позициями, что сближает их с морфонологическими чередованиями; с другой стороны, собственно морфонологические чередования, также отличающиеся непоследовательностью, могут быть обусловлены не только морфемным, но и фонемным контекстом.

К морфонологическим чередованиям относятся (кроме не рассматриваемых здесь акцентных и количественных чередований гласных): А. Вокалические — $o \sim e$, $o \sim a$, $e \sim u$, чередования гласных с нулем (нуль $\sim a$, нуль $\sim u$, нуль $\sim e$); В. консонантные — типа $T \sim T'$ ($л - ль$, $н - нь$, $м - мль$, $п - пль$, $б - бль$, $в - вль$, $г - гль$, $д - дль$), $K \sim C$ ($к - ц$, $г - з$, $х - с$), $K \sim \check{C}$ ($к - ч$, $г - ж$, $х - ш$), $T \sim \check{C}$ ($с - ш$, $з - ж$); $ц - ч$; С. усечение/наращение основы.

Все эти чередования имеют свои особые условия, грамматические функции, сферу употребления, продуктивность. Так, чередование $o \sim e$ распространено как в субстантивном, так и в глагольном словоизменении и в словообразовании, тогда как, например, чередование $e \sim u$ характерно только для глагольных корней. Группировка консонантных чередований по типам основана на общности морфонологического поведения основ (корней), оканчивающихся на соответствующие согласные. Так, чередование типа $T \sim T'$ охватывает все основы с исходом $л, н, м, п, б, в, г, д$, и притом с одним и тем же результатом: $ль, нь, мль, пль, бль, вль, гль, дль$. Это чередование имеет место при образовании имперфекта (*хваляти — хвалях, бранити — бранях, ломити — ломлях, купити — куплях, губити — гублях, славити — славлях, пратити — пратях, радити — радях*), при образовании страд. причастий прош. вр. (*хвальен, бранен, ломлен, куплен, -гублен, -славлен, пратен, раден* и т.п.), отглагольных сущ., притяжательных прилагательных, форм сравнительной степени прилагательных, словоформ Т.ед. сущ. ж.р., дериватов с суф. *-анин* и др. Оно отличается регулярностью и продуктивностью. В большинстве перечисленных категорий, наряду с чередованием $T \sim T'$, имеет место и чередование $T \sim \check{C}$ ($с - ш, з - ж$), однако, например, сущ. ж.р. в Т.ед. или притяжательные прилагательные, имея чередование $T \sim T'$, не испытывают чередования $с - ш, з - ж$, ср. *слузју; пасји, козји*. На этом основании чередования $T \sim \check{C}$ выделены в отдельный тип. Чередования типа $K \sim \check{C}$ могут сопровождать чередования $T \sim T'$ (и $T \sim \check{C}$), но могут выступать и независимо от них, например, в Зв. ед. сущ. м.р. или в некоторых словообразовательных типах (в частности, сущ. на *-ак, -ар, -ица* и др.). Нередко при чередовании $K \sim \check{C}$ наблюдается и чередование $ц - ч$: в 1 ед. наст. времени нескольких классов глаголов, в формах страд. причастий, в производных на *-анин* и др. Однако оно возможно и в независимом употреблении: перед суф. *-ин, -иц*, где $к, г, х$ сохраняются без изменения а $ц$ чередуется с $ч$ (*кукавичин, продавачичин, богородичин* и т.п.), а также перед расширителем основы *ов/ев (очеву)*. Чередование типа $K \sim C$ имеет место в условиях, где никакие другие типы чередований невозможны: в формах повелит. наклонения атематических глаголов, имперфекте на *-ијах*, И.—Т.мн. сущ. м.р., Д.—М.ед. сущ. ж.р.

В сфере субстантивного словоизменения представлены не все типы чередований. Из вокалических здесь возможны лишь чередования $o \sim e$ и чередование нуль — a ; из консонантных — чередования всех типов ($T \sim T'$, $K \sim C$, $K \sim \check{C}$, $ц - ч$), кроме $T \sim \check{C}$, распространенного в глагольном словоизменении и словообразовании. В свою очередь ни одно из чередований в сфере субстантивного словоизменения не является специфическим для этой сферы, все они известны также и в других разделах словоизменения и словообразования.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Из четырех грамматических категорий сущ. в с.-х. языке две являются словоизменительными (падеж и число) и две — классифицирующими (род и одушевленность). Категория числа имеет 2 значения: единственное и множественное. Категория падежа имеет 6 значений для ед. числа: И., Р., Д.—М., В., Т., Зв.³ и 4 значения для мн.ч.: И.—Зв., Р., В., Д.—Т.—М.

Значение классифицирующих категорий рода (мужской, женский, средний)⁴ и одушевленности (одушевленное, неодушевленное — для сущ. м.р.) влияет на выбор парадигмы для каждого конкретного сущ. или определяет вид отдельных словоформ парадигмы.

Грамматики с.-х. языка и специальные исследования по-разному определяют число словоизменительных парадигм (типов склонения) сущ., выделяя от пяти до двух типов (Станич 1949). В основу классификации кладутся признаки: рода и одушевленности, набора словоизменительных (падежных) флексий, типа основы и характера модификации основы в парадигме. Очевидно, что признак рода (и одушевленности) не является определяющим: сущ., принадлежащие к разным родам, могут иметь одинаковые парадигмы, различия между которыми автоматически выводятся из показателя рода (ср. сущ. м.р. с нулевой флексией в И.ед., и сущ. ср.р. на -о, -е), и наоборот, сущ. одного рода могут принадлежать к разным типам склонения (ср. сущ. ж.р. на -а и сущ. ж.р. с нулевой флексией). Характер модификации основы (чередования, наращения, усечения) также не является независимым признаком тех или иных сущ., а может быть описан в пределах отдельных словоизменительных типов (парадигм) как функция нескольких признаков: типа флексии, вида основы (число слогов, тип конечного согласного и др.), рода, лексического класса (исконное, заимствованное), семантики и др. Наиболее значимым или даже единственно релевантным для классификации следует считать набор флексий в парадигме, а все отличия от стандартного набора описывать как его автоматические (в большей или меньшей степени) модификации. Поэтому наиболее удачным надо признать деление с.-х. сущ. на 3 класса, или три типа склонения: I — сущ. м.р. с нулевой флексией в И.ед. и сущ. ср.р. на -о, -е (*прозор, село поле*), II — сущ. ж. и м.р. на -а в И.ед. (*жена, судија*), III — сущ. ж.р. с нулевой флексией в И.ед. (*ствар, моћ*)⁵.

Деление сущ. на типы склонения, хотя оно основано на признаке общности падежной парадигмы, не дает тем не менее такого разбиения, при котором все сущ., принадлежащие к одному типу склонения, имели бы

³ Вопрос о грамматическом статусе звательной формы, как известно, решается по-разному. В данном случае для нас существенно лишь то, что это словоизменительная форма, поэтому мы условно включаем ее в состав падежных форм, пренебрегая ее семантическими и синтаксическими отличиями от других падежей.

⁴ О соотношении категории рода с категорией числа (совпадение или несовпадение показателя грамматического рода в парадигме ед. и мн. числа), с типом парадигмы и биологическим признаком пола для с.-х. сущ. см. в статье: Ивич 1966.

⁵ П. Ивич считает возможным свести число типов склонения к двум за счет объединения I и III типов (III тип определяется как маркированный вариант I типа), так что к I скл. относятся сущ. всех трех родов, а различия в их парадигмах автоматически зависят от рода, а ко II склонению относятся сущ. ж. и м.р. на -а в И.ед. — см. Ивич 1972, Станкевич 1978.

Таблица 4

Тип склонения Падеж	I склонение	II склонение	III склонение
Ед. И.	ѳ, о/е	а, (о, ѳ) *	ѳ, и**
Р.	а	ѳ̄	и
Д.-М.	у	и	и
В.	=И. =Р.	у	ѳ
Зв.	е, у, =И.	о (е), а, = И.	и
Т.	ом/ем	ѳ̄м	и (ју)
Мн.И.-Зв.	и, а	е	и
Р.	а̄	ѳ̄, ѳ̄, у	ѳ̄, ијѳ̄, ѳ̄
Д.-Т.-М.	има	ама	има
В.	е, а	е	и

Пр и м е ч а н и е. * Немногочисленные иноязычные собственные имена типа *Сафо*, *Манон*, которые могут изменяться по II типу склонения: *Сафе*, *Сафом*, *Маноне*, *Маноном* и т.д. ** — *кѳи*, *мати*.

Таблица 5

Минимальные парадигматические типы

Род, одуш.	Ед. число						Мн. число				Образец
	И.	Р.	Д.-М.	В.	Зв.	Т.	И.-Зв.	Р.	Д.-Т.М. В		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. М. од.	ѳ	а	у	а	е, у ¹	ом/ем	и	а̄, ѳ̄ ²	има	е	јунак
2. М. од.	о	а	у	а	о	ом	—	—	—	—	Божо ³ стрико маестро
3. М. од.	е	а	у	а	е	ом/ем	—	—	—	—	Ђорђе Павле
4. М. од.	а	ѳ̄	и	у	а, о ⁴	ѳ̄м	е	а̄	ама	е	Никола чка слуга
5. М. неод.	ѳ	а	у	ѳ	е, у ¹	ом/ем	и	а̄, ѳ̄ ⁵	има	е	прозор ⁶
6. М. неод.	о	а	у	о	о	ом	а	а̄	има	а	ауто ⁷ радио либрето
7. М. неод.	е	а	у	е	е	ом	и	а̄	има	е	бијенале
8. Ср.	о/е	а	у	о/е	о/е	ом/ем	а	а̄	има	а	село ⁸ поле
8-а ⁹ Ср.	е	а	у	е	е	ом	а	а̄	има	а	прасе дугме

Таблица 5 (окончание)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
9. Ж.	а	ē	и		у	о, е, а ¹ о	ōм	е	ā, ī, ū ¹	ама	е	жена бомба рука
10. Ж.	ѳ	и	и		ѳ	и	и/ју	и	ī, ију ^{1 2}	има	и	ствар кост момчад

Примечания.

1) Флексия у характерна для основ, завершающихся морфологически мягким согласным /, л, н, ѳ, ѣ, ш, ж, ч, џ (но не ц): *змају, пријатељу, младих у, смужу, мишу, мужу, ковачу, брицу*. Иногда эта флексия факультативна: *Милошу – Милоше, Уроше – Уроше*. Кроме того, флексия у имеют многие сущ. с основой на заднеязычный к, г, х и ц, особенно если предшествующий согласный – зубной или альвеолярный: *страху, Алаху, мачку, Вршцу* и т.д. (Ивич 1972, 111). У некоторых иноязычных имен возможен Зв.ед. = И.ед.: *Бах, Франц, Малик, Жорж* и др.; то же у фамилий, омонимичных с нарицательными сущ.: *Путник, Зец* и сущ. *братиц* и *соколак*. 2) *Људи, мрави, црви*. 3) Гипокористические имена с односложной основой и долгим восходящим ударением могут иметь и парадигму 4 (кроме И.ед.). 4) Двусложные сущ. с акцентом имеют Зв.ед. на -о: *чико, слуго*. 5) Флексия ѱ имеют единицы измерения: *сати, степени, месеци, вати* и т.п., а также слова *гост, нокат, прст* (наряду с флексией ију). 6) Сущ. *акт, документ, факт* могут иметь во мн. числе парадигму 8: *та акта, та документа* (со сменой грамматического рода). 7) Во мн. числе эти иноязычные существительные совпадают с парадигмой 8. 8) Сущ. *око, ухо* имеют в И.мн. нестандартную флексия у. 9) Выделение этого типа предполагает трактовку финали е в И. -В. -Зв. как флексии; при трактовке этого е как компонента основы, как это принято во многих грамматических описаниях, этот тип парадигмы следовало бы модифицировать, заменив е флексией ѳ, и считать еще одним парадигматическим типом. Вопрос о трактовке е обсуждается ниже. 10) Флексия о является немаркированной и стандартной. Флексия е имеют сущ. с суф. *ица: другарице* (то же факультативно у сущ. м.р. на -а, см. строку 4 таблицы – *Добрице* и *Добрица*). Флексия а (И.ед.) характерна для многочисленных имен и фамилий и (часто факультативно, наряду с -о) для терминов родства: *тетка, баба* и др. 11) Немаркированной является флексия ā. Флексия ī характерна для многих многосложных сущ., сущ. иноязычного происхождения, имеющих в конце основы группу согласных: *претставкай, бомби* и т.п., часто выступает факультативно, наряду с ā (Ивич 1972, 120). В современном узусе продуктивность флексии ī растет (Тежак 1980/81). Флексия ū лексически ограничена: *рукѹ, ногѹ, слугѹ*. 12) Флексия ију выступает как факультативная (наряду с и) у сущ., имеющих в исходе основы ш, ч, ст, шт: *кокошију, вашију, кистију, моштију*.

полностью идентичную парадигму, однако в пределах одного типа склонения выбор флексий значительно сокращен и, что более существенно, он в большинстве случаев автоматически определяется либо родом сущ., либо одушевленностью, либо морфологическим типом основы. В табл. 4 приведены падежные флексии трех типов склонения.

Как видно из табл. 4, для многих падежных форм флексия однозначно определяется типом склонения. Наименее предсказуема (наиболее независима) флексия И.ед., которая не выводится ни из одного признака сущ. и должна быть признана ингерентной. Поэтому число минимальных парадигматических классов, включающих сущ. с тождественными наборами флексий, должно быть не меньше, чем число флексий И.ед. В действительности их оказывается больше, так как сущ. с одинаковой флексией И.ед. могут иметь разные парадигмы, если они принадлежат к разному роду (например, сущ. с ѳ в И.ед. м.р. и ж.р.). Таким образом, наиболее точное обозначение парадигматического типа существительного должно

включать указание на его грамматический род (и одушевленность) и флексию И.ед. По этим признакам для абсолютного большинства с.-х. сущ. словоизменительная парадигма может быть определена однозначно (за исключением морфонологических модификаций и факультативных параллельных форм) (см. табл.5).

СТРУКТУРА ПАДЕЖНОЙ СЛОВОФОРМЫ

Всякая словоизменительная (падежная) форма сущ. (словоформа) содержит основу и флексию, а некоторые сущ. имеют еще один структурный компонент — так называемую связующую морфему, стоящую между основой и флексией. Все три компонента словоформы могут иметь морфонологически значимые признаки и либо претерпевать определенные морфонологические модификации, либо служить морфонологической позицией, обуславливающей такие модификации других морфем.

Основа. Морфонологически значимыми являются следующие свойства субстантивной основы: 1) вид последнего слогового компонента — гласный, согласный (палатальный, непалатальный заднеязычный), группа согласных; 2) число слогов (неслоговая основа, односложная, многосложная), 3) акцентный тип основы. Абсолютное большинство субстантивных основ в с.-х. языке имеет консонантный исход, вокалическое завершение основы характерно только для периферийной иноязычной нарицательной и ономастической лексики. Это свойство субстантивной основы (консонантный исход) согласовано с вокалическим характером присоединяемых к ней падежных флексий. В зависимости от того или иного типа согласного, выступающего на конце основы, основа претерпевает разные модификации при сочетании с отдельными флексиями. От характера консонантной группы на конце в определенной мере зависит наличие чередования типа гласный — нуль. Число слогов влияет на такие модификации основы, как наращение, некоторые чередования и выбор альтернативных флексий. Акцентный тип основы определяет не только акцентный контур отдельных словоформ, но в некоторых случаях и выбор альтернативных падежных флексий.

Флексии. Склонение с.-х. сущ. обслуживается 17 флексиями, из которых одна представляет собой фонологический нуль / \emptyset /, десять состоят из одного гласного: *a, ā, o, o/e, e, ē, u, ū, y, ŷ* и шесть — из гласного (гласных) и согласного, причем три односложных: *am/em, om, ju* и три двусложных: *ama, ima, ijū*. В функциональном отношении флексии неравноценны: одни из них обслуживают всего лишь одну падежную форму одного типа склонения или вообще являются нестандартными или факультативными, другие — полифункциональны. Наиболее многозначны флексии *e, u, a, y*. В табл. 6 приведены все флексии субстантивного склонения с указанием грамматических (падежных) форм, в которых они выступают.

Из перечисленных 17 флексий лишь немногие являются значимыми в морфонологическом отношении, т.е. составляют морфонологическую позицию, вызывающую те или иные модификации основы. См. табл. 7.

Кроме того, флексии *o/e, om/em* имеют морфонологически обусловленное распределение вариантов относительно типа основы: после основ с морфонологически палатальным исходом выбирается вариант *e, em*; пос-

Таблица 6

Грамматические функции флексий

№	Флексия	Грамматические (падежные) формы
1.	ѳ	1) И. (-В.) ед. м. (<i>прозор, јунак</i>) 2) И.-В. ед.ж. (<i>стеар</i>)
2.	а	1) Р.ед. м., ср. (<i>прозора, села</i>) 2) И.ед. ж., м. (<i>жена, слуга</i>) 3) И.-В.-Зв. мн. ср. (<i>села</i>)
3.	ā	1) Р.мн. м., ж., ср. (<i>прозора, жена, села</i>)
4.	о	1) И.-Зв. ед.м. (<i>Марко</i>) 2) Зв. ед. ж., м. (<i>жено, чико</i>)
5.	о/е	1) И.-В.-Зв. ед.ср. (<i>село, поље</i>)
6.	е	1) И.-(-В.) -Зв. ед.м. (<i>Павле</i>) 2) Зв.ед.м. (<i>прозоре</i>) 3) И.-В.-Зв.мн.ж. (<i>жене</i>) 4) В.мн.м. (<i>прозоре</i>) 5) Зв.ед.ж. (<i>другарице</i>) 6) И.-В.-Зв. ед.ср. (<i>прасе</i>)*
7.	ē	1) Р.ед.ж. (<i>жене</i>)
8.	и	1) И.-Зв. мн.м. (<i>прозори</i>) 2) Д.-М.ед.ж. (<i>жени</i>) 3) Р.-Д.-Зв.-Т.-М. ед. ж. (<i>ствари</i>) 4) И.-В.-Зв. мн.ж. (<i>ствари</i>)
9.	ī	1) Р.мн.м., ж. (<i>сати, ствари, бомби</i>)
10.	у	1) Д.-М.ед.м., ср. (<i>прозору, селу</i>) 2) В.ед. ж. (<i>жену</i>) 3) Зв.ед. м. (<i>мужу</i>)
11.	ū	1) Р.мн.ж., м. (<i>ногу, слугу</i>)
12.	ом/ем	1) Т.ед. м., ср. (<i>прозором, мужем, селом, пољем</i>)
13.	ōм	1) Т.ед. ж, м. (<i>женом, слугом</i>)
14.	ама	1) Д.-Т.-М. мн.ж. (<i>женама</i>)
15.	има	1) Д.-Т.-М.мн. м., ср., ж. (<i>прозорима, селима, стварима</i>)
16.	ју	1) Т.ед.ж. (<i>стварју, личношју</i>)
17.	кјӯ	1) Р.мн., ж., ср. (<i>кокошију, очију</i>).

*См. примеч. 9 к табл. 5. При интерпретации конечного -е как части основы этот тип должен быть помещен в строку с флексией ѳ.

ле основ с морфонологически непалатальным исходом — вариант *о, ом*. Теми же свойствами обладает связующая морфема *ов/ев*. Остальные флексии не оказывают никакого влияния на морфонологический вид основы.

Следует обратить внимание на то, что в морфонологическом отношении флексия представляет собой единство материального фонемного выраже-

Таблица 7

№	Флексии	Морфонологические чередования в основе
1.	Ѹ	# ~ V
2.	ā	# ~ V
3.	е (Зв.ед.м.)	К ~ Ї
4.	и (И.-Зв.мн.м.)	К ~ С
5.	и (Д.-М.ед.ж.)	К ~ С
6.	има (Д.-Т.-М. мн. м., ср.)	К ~ С
7.	ју	Т ~ Т'

ния и грамматической (словоизменительной) функции: в качестве морфонологически значимой позиции выступает не просто флексия *и* или флексия *е*, а соответствующая флексия в одной или нескольких (не обязательно всех) своих функциях, ср. наличие чередования типа К ~ С перед *е* в Зв.ед.м. и отсутствие его перед *е* в Р.ед.ж. (*путник* — *путнице*, но *рука* — *руке*). Поэтому строго говоря такие флексии должны считаться разными, омонимичными морфами.

Связующие морфы. Все связующие морфы, присоединяемые к основе или отсекаемые от нее в определенных падежных формах, односложны: *ов/ев, ет, ен, ер, ес, ос*. К ним может быть условно отнесен и элемент *ј*, имеющий отчасти орфографическую природу (*радио* — *радија, жири* — *жирија*). В морфонологическом отношении значим только элемент *ов/ев*, зависящий от палатальности—непалатальности последнего согласного основы; остальные — нейтральны, т.е. не зависят от типа основы и не вызывают изменений в ней.

Чередования типа # ~ гласный

1. Чередование нуль ~ гласный в с.-х. языке характерно для субстантивных основ двух типов: 1) неслоговых (*нс-*: *пас, пса, псу* и т.д.) и 2) имеющих в исходе основы сочетание согласных. Для немногочисленных неслоговых основ чередование носит обязательный характер и является автоматическим, тогда как наличие консонантной группы в исходе основы определяет лишь возможность чередования, а не обязательность его. Наличие или отсутствие чередования в основах, для которых оно возможно, зависит от различных признаков: морфонологической структуры основы (типа консонантной группы), словообразовательной структуры (наличия морфемной границы внутри консонантной группы), исконности или заимствованности слова, лексического значения (конкретное или абстрактное), числа слогов.

2. Чередование нуль — гласный в рамках субстантивного словоизменения наблюдается в двух морфонологических позициях: 1) перед флексией И.(-В).ед.м., 2) перед флексией ā Р.мн. всех трех родов и сущ. pl. t.

3. В качестве гласного, чередующегося с нулем, выступает гласный

a и *ā*. Собственно говоря, мы имеем дело с двумя чередованиями с разными результатами и условиями: 1) чередование # ~ *a* перед нулевой флексией И. (-В.-Зв.) ед. и 2) чередование # ~ *ā* перед флексией Р.мн. *ā*. Условиям обоих чередований удовлетворяют только сущ. м. рода, имеющие в исходе основы группу согласных, однако далеко не все они имеют оба чередования — нередки случаи, когда чередование перед нулевой флексией отсутствует, а перед флексией *ā* имеет место; конфликт — Р.мн. *конфликата*; *студент* — *студената*, *нерв* — *нерава*. Отсюда следует, что чередование # ~ *ā* отличается большей силой (обязательностью), чем чередование # ~ *a*, (вероятно, из-за большей мощности чередования # ~ *ā*, характерного для большего числа имен всех трех родов).

4. Чередование # ~ *a* перед нулевой флексией И. (-В.-Зв.) характерно для следующих групп сущ. м.р.: а) немногочисленных исконных непроемных сущ.: *сан*, *пас*, *огаъ*, *ветар*, *нокат*, *лакат*, *отац*, *орао*, *појам*; б) большой группы (около 2,5 тыс. слов) производных с суффиксом -#ц, если ему предшествует один согласный или сочетания *ст*, *шт*, *зд*, *нд*: *б* — *врабац*, *јастребац*, *в* — *покровац*, *новац*, *г* — *драгац*, *богац*, *прибегац*, *д* — *инородац*, *очевидац*, *зд* — *гвоздац*, *нд* — *бургундац*, *ћ* — *гололеђац*, *з* — *каменорезац*, *брзац*, *ж* — *лажац*, *властодржац*, *ј* — *саобраћајац*, *појац*, *потајац*, *к* — *кукац*, *л** — *клерикалац*, *староседелац*, *љ* — *богомљац*, *м* — *чамац*, *глумац*, *н* — *црнац*, *поганац*, *појединац*, *њ* — *кокошињац*, *п* — *купац*, *поклопац*, *попац*, *р* — *мушкарац*, *десетерац*, *норац* (но: *херц*), *с* — *писац*, *квацац*, *т* — *шкртац*, *мртац*, *ст* — *чиствац* (но *чиствац* — *чистаца*), *прстац* (*прсца* и *прстаца*), *безлистац*, *шт* — *проштац* (*прошца* и *проштаца*), но **коштац* — *коштаца***, *ч* — *гачац*, *бесрчац*, *точац*, *лучац*, *ћ* — *врућац*. Если суффиксу предшествуют другие группы согласных, чередование отсутствует: **плојац*, **палацац*, **сунчац*, **танчац*, **дропчац*, **дупчац*, **љупчац*, **горчац* (но **јагорчац* — *јагорчца*), **покрочвац*, *маслац*, *близнац*, **лознац*, **једрац*, *мртвац*, **наћвац* (все двусложные в И.ед. сущ. имеют одинаковый акцентный тип); в) многочисленных сущ. с суф. #к (не *āк!*) независимо от характера предшествующего согласного: *момак*, *слабићак*, *редак*, *брежуљак*, *завршетак*, *заглавак*, *ручак*, *починак*, *притисак*, *поступак*, *потрошак*, *полазак*, *ожљак*, *подлистац* и т.д. (иногда чередование факультативно: **базилисац* и *базилиск*); г) многочисленных сущ. интернационального характера с суф. -из # м: *архаизм*, *комунизам*, *дијалектизам* и т.д.; д) интернационализмов, имеющих в исходе основы сочетание шумный + сонорный: *калибар*, *децембар*, *октобар*, *новембар*, *септембар*, *зубар*, *кадар*, *тигар*, *театар*, *педијатар*, *метар*, *литар*, *арбитар*, *филтар*, *ритам* и т.п.; е) интернационализмы с основой на согласный + *t* имеют чередование факультативно или не имеют его вовсе. Среди них основы с исходом -к # *t* имеют факультативное чередование, т.е. допускают двоякие формы И.-(В.)ед.: *факт* ~ *факат*, *дијалект* ~ *дијалекат*, *интелект* ~ *интелекат*, *афект* ~ *афекат* и т.д. или не имеют чередования: *контракт*, *конфликт*, *инстинкт*, *адјункт*. То же характерно для основ на -н # *t*: факультативно чередование в словах *коэффициен (а)т*, *тален (а)т*, *элемен (а)т*, *момен (а)т*, *инструмен (а)т*; без чередования: *педант*,

*В производных на -лац чередование имеет место независимо от поведения *л*, т.е. от наличия или отсутствия *л* ~ *о*.

**Под звездочкой приводятся малоупотребительные слова или формы, зафиксированные в Правописе 1960.

интендант, секундант, официант, фолиант, формант, музыкант, эмигрант, адресант, арестант, диверсант, дисертант, доцент, медикамент, патент, рецензент, лабиринт и др. Существительные на -р # т, л # т чаще не имеют чередования: концерт, эксперт, импорт, экспорт, инзулт, пулт, култ, колт, кобалт, базалт, волт, револт. Ряд слов, для которых Правопис 1960 допускал факультативные формы с чередованием, в настоящее время чередования не знает: интеллигент, контингент, клиент, континент, концерт; напротив, процент имеет вариант с чередованием: проценат. Единичные сущ. с другими исходами основы не имеют чередования: дивиденд, парк, апсурд, акорд, леопард, фьорд, рекорд; хирург, плацдарм, концерн, монарх, патриарх, бинокл, ансамбл, нерв, херц. Не имеют чередования сущ. с консонантной группой, содержащей с, з: многочисленные слова на -ист (коммунист), обелиск, рефлекс; реверс, агенс, курс, транс, пулс, верс, рекурс, аверс, импульс, Марс, Назиянз, Пелазг и др.

5. Чередование #~ā перед флексией Р.мн. ā.

1) Сущ. м.р. с нулевой флексией в И.—(В.). ед.

Все сущ., имеющие чередование #~ā в И.—(В.).ед., имеют также чередование #~ā в Р.мн. перед флексией ā (ряд сущ. имеет в этой форме другую флексию ī, следовательно, не претерпевает чередования, например *нокат* — *ноктī*, хотя в устойчивых выражениях сохраняется форма с чередованием: *догорело је до ноката*): *гумац* — *глумāцā*, *потомак* — *потомāкā*, *псалам* — *псалāмā*, *еуфемизам* — *еуфемизāмā*, *метар* — *метārā* и т.д.

Кроме того, чередование #~ā в указанной позиции характерно для слов иноязычного происхождения, не знающих чередования #~а в И.—(В.).ед.: *студент*—*студенāтā*, *дивиденд*—*дивиденāдā*, *эмигрант*—*эмигранāтā*, *нерв*—*нерāvā* и т.д. Часть сущ. этого типа имеет факультативное чередование: *апсурд*—*апсурдā* и *апсурāдā*, *контракт*—*контрактā* и *контрактāтā*, *импорт*—*импортā* и *импортāтā* и др. Некоторые из слов, имеющих чередование, приобретают варианты без чередования: *конфликт*, *экспорт* и др. Не знают чередования #~ā (как и чередования #~а) сущ. с консонантной группой, содержащей с, з: *коммунист*—*коммунистā* (и подобные), *обелиск*—*обелискā*, *рефлекс*—*рефлексā*, *парадокс*—*парадоксā*, *реверс*—*реверсā*, *Пелазг*—*Пелазгā*, а также *ансамбл*—*ансамблā*, *бинокл*—*биноклā* и др.

2) Сущ. ж.р. с окончанием -а в И.ед. и *pluralia tantum* на -е.

В современном с.-х. языке сущ. ж.р. с консонантными группами в исходе основы обнаруживают большие колебания в отношении морфологического вида формы Р.мн. Главная причина этих колебаний — в наличии двух основных флексий Р.мн.: ā и ī, первая из которых предполагает чередование #~ā, вторая — исключает его. Как показывают специальные исследования (Тежак 1980/81), флексия ī в современном языке расширяет свою сферу употребления и проникает (сначала в качестве параллельной с ā) в круг сущ., для которых прежде было возможно только ā. Вместе с тем и перед флексией ā появление чередования не является обязательным, и для некоторых типов слов оно не характерно. Наличие или отсутствие чередования #~ā перед флексией Р.мн. ā зависит от характера консонантной группы в исходе основы, числа слогов в слове, от значения слова, его частотности и освоенности в лексической системе. Однако все эти признаки могут быть более или менее значимыми, но ни один из них не предопределяет с безусловностью наличия или отсутствия чередования.

Наиболее устойчивый вид имеют суш., основа которых завершается группами *ст, шт, зд, жд, шч, шћ* – для них нехарактерно чередование $\# \sim \bar{a}$ в Р.мн. перед \bar{a} : *каст̄а, цест̄а, башт̄а, машт̄а, пошт̄а, бразд̄а, узд̄а, звезд̄а, желзд̄а, нужд̄а, бошч̄а, гошћ̄а*. Иначе говоря, перечисленные консонантные группы в исходе субстантивных основ не включают морфемы $\#$ и являются морфонологически двучленными. Таковыми же можно считать консонантные группы типа *Сд, Сп, Сг, Сс, Сз, Сш, Сж, Сц*, поскольку содержание их основы не знают вокализации: *Сд* – *гајда, банда, легенда, ротунда, секунда, *чарда, *ћорда, милијарда, авангарда, *билијарда, правда, неправда*; *Сп* – *лампа, помпа, пумпа, кломпа, рампа, госпа, *рашна*; *Сг* – *битанга, фаланга, фиранга, *форминга, черга, *шпарга, кавга, мазга; *дрозга; Сс* – *такса, нијанса, алијанса, асонанса, шанса, романса, елипса; Сш* – *гејша, рикша; Сз* – *контроверза, шимпанза, менза; Сж* – *маржа; Сц* – **баканца, канца, панца*.

Другие консонантные группы в исходе основы имеют вид *С#С*, хотя чередование $\# \sim \bar{a}$ не является для них обязательным и во многих случаях отсутствует. Наиболее регулярным можно считать чередование в основах, содержащих суф. $\#к$ и $\#б$, но и в них оно не имеет строго обязательного характера.

Основы с исходом *С #к*. Это наиболее многочисленная группа субстантивных основ, имеющих чередование $\# \sim \bar{a}$ перед флексией \bar{a} в Р.мн.: *ц#к* – *коцка – коц̄к̄а, пацка – пац̄к̄а* (вопреки норме употребляется также *коцк̄и, пацк̄и*); *ч#к* – *игрчка – игрч̄к̄а, мачка – мач̄к̄а, значка – знач̄к̄а* (и *значк̄и*); *ћ#к* – *праћка – праћ̄к̄а* (и *праћк̄и*), *срећка – срећ̄к̄а* (и *срећк̄и*), *воћка – воћ̄к̄а*; *ј#к* – *девојка – девој̄к̄а, бројка – број̄к̄а, дојка – дој̄к̄а* (и *дојк̄и*); однако *мајка – мајк̄и*, редко **мајк̄а* и **мајак̄а* (у части основ этого типа чередование, однако, отсутствует, поскольку они образуют Р.мн. с флексией $\bar{и}$: *бајк̄и, чајк̄и, хајк̄и, спојк̄и* и *спој̄к̄а, *жујк̄и, црнојк̄и, лепојк̄и, плавојк̄и, радодајк̄и, жалопојк̄и, петролејк̄и*); *љ#к* – *биљка – биљ̄к̄а, петелька – петель̄к̄а, шкољка – шкољ̄к̄а* и *шкољк̄и*, но без чередования с флексией $\bar{и}$: *богомолька* (РСКНЈ: и *богомоль̄к̄а*), *доброволька, допуњалька, испуњалька, казалька, клизалька, котурька, њихалька, пуцалька, ударька, жутовалька, Дугополька* и др.; *м#к* – *снимка – сним̄к̄а* и *снимк̄и*, но *хумка, сијамка, замка* – только с флексией $\bar{и}$, *н#к* – *банка – бан̄к̄а, читанка – читан̄к̄а* и *читанк̄и, Циганка – Циган̄к̄а* и *Циганк̄и, Далматинка – Далматин̄к̄а* и *Далматинк̄и*, однако многие основы этого типа принимают флексию $\bar{и}$: *станка – станк̄и, црнка – црнк̄и* и др.; *п#к* – *чипка – чип̄к̄а, типка – тип̄к̄а*, но *купка – купк̄и*; *р#к* – *марка – мар̄к̄а, поворка – повор̄к̄а, печурка – печур̄к̄а*, но этнонимы имеют флексию $\bar{и}$: *Црногорка – Црногорк̄и* и под.; *с#к* – *даска – дас̄к̄а, фреска – фрес̄к̄а*, но *војска – војск̄и*; *з#к* – *свеска – свез̄к̄а* (и *свеск̄и*); *ш#к* – *грешка – греш̄к̄а, кокошка – кокош̄к̄а, крушка – круш̄к̄а*; *ж#к* – *белешка – бележ̄к̄а*; *т#к* – *битка – бит̄к̄а, четка – чет̄к̄а, патка – пат̄к̄а, загонетка – загонет̄к̄а, *клетка – клет̄к̄а* и *клетк̄и*, но без чередования *твртк̄а – твртк̄и* и *твртк̄и, вотка – вотк̄и* и др.; *д#к* – *приповетка – приповед̄к̄а*; *в#к* – *чавка – *чав̄к̄а* и *чавк̄и, претпоставка – претпостав̄к̄а*, и *претпоставк̄и, псовка – псов̄к̄а* и *псовк̄и* и др.; из основ с исходом *С#к* только основы на *л#к* регулярно выступают без чередования с флексией $\bar{и}$: *бартолка, гимназијалка, полка, интелектуалка, првошколка, весталка* и т.д.

Основы на С#б. Среди них только основы на д#б, џ#б, ж#б имеют чередование: *примедба – примедāбā, наредба – наредāбā, свадба – свадāбā* (и *свадбī*), **лицба – лицāбā, предоџба – предоџāбā* (и *предоџбī*), *наруџба – наруџāбā* (и *наруџбī*), **излуџба – излуџāбā, изложба – изложāбā, оптуџба – оптуџāбā, једнаџба – једнаџбī* и *једнаџāбā, складба – складāбā* (и *складбī*), но без чередования *веџба – *веџā* и *веџбī*. Однако основы на *ј#б, л#б, м#б, р#б* и *з#б*, принимая флексию *ā* (наряду с *ī*), не знают чередования: *пристојба, гајба, молба, жалба, плomba, катакомба, бомба, *јеџтимба, *жемба, настамба, торба, борба, берба, глaзба, гозба, преобразба*.

Основы на С#т. Чередование факультативно могут иметь только основы на *н#т* и *р#т*: *компонента – компонентā, варијанта – варијанāтā* (наряду с *варијантī*), *карта – карāтā*. Основы с другими согласными перед *т* не имеют чередования: *плахта, јахта, секта, крипта, лопта, цеста, врста, башта, пошта* и т.д.

Из основ на *С# џ* только *овца – овāџā* имеет чередование, ср. без чередования *бронца, каденца, секвенца, биланца, врпца* и т.д. Единичны также основы с чередованием среди основ на *С#ч, С#џ*: *нaрaнџа (и нарaнџā) – нарaнџā, нарaнāџā* и *нарaнџī* (или *нарaнāџī* и *нарaнџī*), **балча (баоча) – балāџā* и *балџī*.

Основы с исходом на согласный + сонорный и в. Этот тип основ в значительном числе случаев допускает чередование: *С#р – катедра, катедāрā, шифра – шифāрā, игра – игāрā, језгра – језгāрā, искра – искāрā, литра – литāрā, сестра – сестāрā, ватра – ватāрā* (и *ватрī*), *зебра – зебāрā* (и *зебрā*); *С#л – цигла – цигāлā, игла – игāлā, кугла – кугāлā, куглī* и *кугāлā, пегла – пегāлā* и *пегāлī, дипле – дипāлā, гусле – гусāлā, јасле – јасāлā* (и *јаслī*), но *каписла (капсла) – капислā (капслā и капслī)*; *метла – метāлā*; основы с исходом *б#л, ј#л, р#л* не имеют чередования: *кабла, табла, варијабла, сајла, перла*; *С#љ* – среди основ этого типа чередование характерно для исходов *б#љ, м#љ, п#љ, к#љ* и *ш#љ*: *рубље – рубāљā, сабља – сабāљā, трубља – трубāљā, зубља – зубāљā, земља – земāљā* (но *жемља – жемāљā* и *жемљī*), *бакља – бакāљā, рашље – рашāљā*; не имеет чередования *бодља*; *С#н* – имеют чередование только основы с исходом *с#н*: *басна – басāнā, усна – усāнā, десни – десāнā*; без чередования – *крофна, тајна, благајна, јакна, химна, касарна, урна, цистерна, облатна*; *С#њ* – имеют чередование только основы на *г#њ* и *ш#њ*: *дагња – дагāњā, лигња – лигāњā*; среди основ на *ш#њ* чередование имеют только слова с конкретным предметным значением: *крошња – крошāњā, вишња – вишāњā, но ношња – ношāњā* и *ношњī, кушња – кушāњā, грѣшња 'черешња' – грѣшāњā*, но *грѣшња 'трясение' – грѣшāњā*; не имеют чередования *зебња, грдња, радња, сурадња, тврдња, жудња, сумња, стрепња, кретња, пратња, пометња, скитња, слутња, сметња, шетња, шутња, чежња, тежња, вожња*; *С#м* – имеют чередование основы с исходом *ч#м, с#м, з#м*: *крчма; – крчāмā, кичма – кичāмā; чесма – чесāмā, песма – песāмā, басма – басāмā; чизма – чизāмā, призма – призмāмā, шизма – шизāмā, катаклизма – катaлкизмāмā*; не имеют чередования основы с другими согласными перед *м*: *парадигма, догма, синтагма, драхма, униформа, норма, реформа, фирма, форма, *херма*; *С#в* – основы этого типа довольно последовательно отражают чередование: *бачва – бачāвā, наћве – наћāвā, брадва – брадāвā, буква – букāвā, црква – цркāвā, локва –*

локѣвѣ, мрква – мркѣвѣ, пониква – поникѣвѣ, смоква – смокѣвѣ, тиква – тикѣвѣ, бритва – бритѣвѣ, клетва – клетѣвѣ, летва – летѣвѣ, молитва – молитѣвѣ, жертва – жратѣвѣ, џезва – џезѣвѣ и џезвѣй, спужва – спужѣвѣ, гужва – гужвѣй и гужѣвѣ; не имеют чередования основы на р # в: конзерва, резерва, курва и т.д.

3) Суш. ср.р.

Вопросу о чередовании # ~ā в склонении суш. ср.р. посвящено специальное исследование В.П. Гудкова (Гудков 1972), обобщающее данные грамматик и обильный материал из литературных текстов совр. с.-х. языка. Среди суш. ср.р., удовлетворяющих условиям чередования # ~ā, т.е. имеющих в исходе основы группу согласных, выделяются прежде всего суффиксальные дериваты с суф. *ц* (е), *ашц* (е), *ешц* (е), *анц* (е), *енц* (е), *ств* (о), *штв* (о), *ишт* (е), *ј* (е), *љ* (е). Рассмотрим их последовательно.

ц(е). В большинстве случаев суш. с этим суф. имеют чередование # ~ā: *перце* – *перѣцѣ*, *ребарце* – *ребарѣцѣ* (в словарях отсутствует необходимая форма для *добарце*, *једарце*, *ведарце*); *огледалце* – *огледалѣцѣ*, *крилце* – *крилѣцѣ*, *стабалце* – *стабалѣцѣ*, *врелце* – *врелѣцѣ*, *жвалце* (*жваоце*) – *жвалѣцѣ*, *делце* – *делѣцѣ*, *сеоце* – *селѣцѣ*, *стакаоце* – *стакалѣцѣ*, *грлце* – *грлѣцѣ* (и *грлѣцѣ*), **барилце* – *барилаца* (нет сведений о *седалце*, *сврдалце*, *весаце*, *челце*, *јелце*, *телце*, *билце*, *кандилце*, *рилце*, *једрилце*, *колце*); *звонце* – *звонѣцѣ*, *зрнце* – *зрнѣцѣ*, *беланце* – *беланѣцѣ*, *жуманце* – *жуманѣца*, *коленце* – *коленѣцѣ*, *оканце* – *оканѣцѣ*, а также *сунце* – *сунѣцѣ* (нет сведений о *данце*, *влаканце*, *дланце*, *брашанце*, *раменце*, *именце*, *вретенце*, *рунце*); *писамце* – *писамѣцѣ*; *дрвце* – *дрвѣцѣ*, *палидрвце* – *палидрвѣцѣ*, *црвце* – *црвѣцѣ*, (нет сведений для *сочивце*, *словце*, *острвце*); *непце* – *небѣцѣ*; *длеце* – *длетѣцѣ* (и *длецѣ*), *враца* – *вратѣцѣ* (и *врацѣ*), *корице* – *кориѣцѣ*, *пуце* – *путѣцѣ* (редко), *срце* – *срдѣцѣ* (реже *срцѣ*), *окце* – *окаѣцѣ*; *лишце* – *лишѣ* (без чередования), *ушце* – *ушѣ* и *ушѣцѣ*, *ошце* – *ошѣ* (без чередования).

анц(е), енц(е). Суш. этого типа обычно имеют дублетные формы (с чередованием и без него): *местанце* – *местанѣ* и *местанѣцѣ*, *вратанца* – *вратанѣ* и *вратанѣцѣ*, *устанца* – *устанѣ* и *устанѣцѣ*, *ждребенце* – *ждребенѣ* и *ждребенѣцѣ*, *кученце* – только *кученѣцѣ*, *теменце* – *теменѣцѣ* (нет сведений о форме Р.мн. для *јебенце*, *клубенце*, *парченце*, *преденце*, *жваленце*, *теленце*, *пиленце*, *стакленце*, *јагненце*, *дупенце*, *магаренце*, *јаренце*, *буренце*, *прасенце*, *дрвенце*; *плућанце*, *чеданце*, *стеганце*, *иханце*, *селанце*, *ситанце*, *друштванце*, *останце*, *коританце*, *блатанце*, *псетанце*).

ашц(е), ешц(е). Образования этого типа чаще не имеют чередования: *клубашице* – *клубашиѣ* и *клубашиѣцѣ*, *темешце* – *темешѣ* и *темешѣцѣ*, *сунашице* – *сунашиѣ* и *сунашиѣцѣ*, *брдашице* – *брдашиѣцѣ*, *телишице* – *телишиѣцѣ*; без чередования: *крилашице*, *усташице*, *враташице*, *лишице* (нет сведений для *мудашице*, *јајашице*, *седалашице*, *врелашице*, *селашице*, *телашице*, *крилашице*, *грлашице*, *стрмашице*, *псеташице*, *кориташице*, *путашице*; *ждребешице*, *мулешице*, *рамешице*, *дугмешице*, *вимишице*, *крмешице*, *јанешице*, *јагнешице*, *јарешице*).

ств(о), штв(о). В современном языке суш. с этими суф. последовательно имеют чередование: *својство* – *својстѣвѣ*, *дејство* – *дејстѣвѣ*, *зверство* – *зверстѣвѣ*, *невалѣлство* – *невалѣлстѣвѣ*, *божанство* – *божанстѣвѣ*, *сведочанство* – *сведочанстѣвѣ*, *вероломство* – *вероломстѣвѣ*, *чувство* – *чувстѣвѣ*, *упутство* – *упутстѣвѣ*, *проклетство* – *проклетстѣвѣ*, *средство* –

средствā, кнештво – кнештāвā, друштво – друштāвā, тајништво – тајништāвā, заступништво – заступништāвā.

ишт(е). Чередувание отсутствует: *огњиште – огњиштā, степениште – степеништā, игралиште – игралиштā* и т.д.

ј(е), љ(е). Сущ. этого типа, как правило, не знают чередования: *нареچه – наречјā, обележје – обележјā, попрсје – попрсјā; поглавље – поглављā, раздобље – раздобљā, приземље – приземљā.* Однако *гробље – гробљā* (реже *гробљā*).

Сущ. ср.р. с исходом основы на шумный + сонант в большинстве случаев образуют Р.мн. с чередованием. Тип *С#р* – последовательно с чередованием: *добро – добāрā, јутро – јутāрā, ребро – ребāрā, бедро – бедāрā, једро – једāрā, недра – недāрā, ведро – ведāрā.* Тип *С#л* – в большинстве случаев имеют чередование: *весло – весāлā, *врело – вресāлā, дебро – дебāлā, зло – зāлā, стабло – стабāлā, сврдо – сврдāлā, седло – седāлā, светло – светāлā, стакло – стакāлā, *число – чисāлā, тло – тāлā, *вратло – вратāлā, гесло – гесāлā, масло – масāлā, но легло – легāлā и леглā.* Тип *С#љ* – *копље – копāљā.* Тип *С#н* – сущ. с таким исходом основы могут иметь чередование, не иметь его или иметь дублетные формы: *брвно – брванā и брвнā, влакно – влакāнā, гумно – гумāнā и гумнā, клатно – клатāнā и клатнā, окно – окāнā, дно – дāнā, платно – платāнā и платнā;* без чередования *стеано, крзно.* Тип *С#м* – обычно с чередованием: *писмо – писāмā, повесмо – повесāмā.*

Сущ. ср.р. с основой на группу шумных немногочисленны. Слово *кљупко* с суффиксальным *к* имеет чередование: *клубāкā.* Сущ. с основой на группы *ст, зд* не знают чередования: *место – местā, гнездо – гнездā.* Без чередования также *рондо.*

Чередование о ~ е

В рамках субстантивного словоизменения чередование *о ~ е* представлено лишь во флексиях и расширителях основ, т.е. связующих морфемах (в корнях это чередование не отмечается): 1) во флексии И.–В.–Зв. ед. *о/е* сущ. ср.р. (*село, јело, поље, пиће*), 2) во флексии Т.ед. *ом/ем* сущ. м. и ср. рода (*градом, селом, коњем, пољем*), 3) в расширителе основы мн.ч. сущ. м.р. *ов/ев.* Меню *о ~ е* в указанных формантах можно рассматривать как чередование, если считать немаркированными вариантами *о, ов, а е, ев* определять как альтернанты, выступающие в определенных морфонологических позициях (после морфонологически палатальных согласных). Вместе с тем соотношение *о – е* и *ов – ев* можно описать и в терминах выбора, считая их соответственно морфонологическими вариантами одного форманта, выступающими в разных условиях (*о, ов* после морфонологически твердых согласных, а *е, ев* – после морфонологических мягких). Ни то, ни другое решение не приводит, однако, к удовлетворительному результату, т.е. к установлению более или менее твердого правила распределения вариантов (или определению условий чередования), ибо исходный принцип зависимости гласного от твердости–мягкости конечного согласного основы имеет в современном языке множество отклонений, причем для всех перечисленных случаев закономерности и критерии выбора между *о, ов* и *е, ев* не совпадают.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению названных позиций

чередования *o* ~ *e*, обратим внимание на то, что флексии *o* и *e* представлены еще в двух падежных формах: в И.(-Зв.) ед. сущ. м.р. (личных имен и названий лиц) и в Зв.ед. сущ. ж.р. и м.р. Однако в этих двух позициях флексии *o* и *e* не обнаруживают морфонологической корреляции и потому должны быть признаны морфонологически независимыми флексиями, выбор между которыми определяется совершенно иными признаками основ, чем те, от которых зависит вариант флексии *o/e* или расширителя *ov/ev*.

Действительно, нарицательные и личные имена (в том числе гипокористические) на *-o* и *-e* не обнаруживают никакой зависимости вариантов флексии И.(Зв.) ед. от качества последнего согласного основы: как *o*, так и *e* свободно выступают и после твердых, и после мягких согласных основы, ср. *ујо*, *Пајо* – *Благоје*, *Антоније*; *маестро*, *Шпиро* – *кондотијере*, *Гаре*; *Радмиле* – *брале*, *Миле*; *Вељо* – *Ђолье*; *Тано* – *Тоне*, *Тимо* – *Симе*, *Иво* – *Саве*; *Слобо* – *Слобе*; *Штено* – *Ђузене*; *Рафо* – *Триффе*; *Госто* – *Гуте*; *медо*, *Радо* – *Раде*, *Таде*; *Васо* – *Васе*; *учо*, *Велчо* – *момче*, *Трајче*; *Гиђо* – *Ниће*; *Ђорђо* – *Ђорђе*; *стрико*, *Марко* – *Ђоке*, *Таке*; *танго*, *динго*, *Глиго* – *Гаге*, *Грге* и т.п.

То же самое можно сказать о форме Зв. ед. сущ. ж. р. и м. р. Нормальной флексией этой формы является *o*, которое может следовать как за твердой, так и за мягкой согласной основы: *ј* – *Србијо*, *судијо*, *р* – *сестро*, *Маро*, *л* – *стрело*, *метло*, *јело*, *н* – *жено*, *ујно*, *Дрино*, *њ* – *ветрогоњо*, *м* – *песмо*, *чесмо*, *кумо*, *в* – *главо*, *Стево*, *б* – *бабо*, *Љубо*, *п* – *репо*, *Лепо*, *ф* – *нимфо*, *жирафо*, *т* – *бригадисто*, *лепото*, *д* – *звездо*, *Надо*, *с* – *осо*, *стјуардесо*, *з* – *козо*, *оазо*, *ц* – *овцо*, *птицо*, *ш* – *душо*, *снашо*, *ж* – *ружо*, *Божо*, *ч* – *варјачо*, *корњачо*, *ћ* – *кућо*, *обућо*, *џ* – *хоџо*, *ђ* – *вођо*, *гостођо*, *Тврђо*, *к* – *бако*, *руко*, *чико*, *Лико*, *Африко*, *г* – *аго*, *слуго*, *х* – *снахо*, *сохо*. Вариант *e* выступает только у сущ. с суф. *-ица*: *другарице*, *Марице*, *сестрице*, *пријатељице*, а у сущ. общего рода возможны обе флексии: *варалице* и *варалице*, *изелице* и *изелице*, *пропалице* и *пропалице*, *пијанице* и *пијанице* и т.д.

Таким образом, по отношению к рассмотренным формам И.(-Зв.)ед. м. р. и Зв. ед. ж. (и м.) р. целесообразно говорить о двух разных флексиях: *o* и *e*, распределение которых в первом случае не подчинено никаким формальным критериям, а во втором обнаруживает маркированный характер флексии *e* (зависимость от словообразовательной структуры основы – наличия суф. *-ица*). Принципиально иной характер носит распределение вариантов с *o* и *e* в формах И.-В.-Зв.ед. ср. р., Т.ед. м. и ср. р. и расширителя основы у сущ. м. р., что позволяет рассматривать эти варианты как репрезентанты одного морфа: флексии *o/e*, *om/em*, расширителя *ov/ev*.

o/e в И.-В.-Зв. ед. ср. р.

В совр. с.-х. языке распределение вариантов флексии И.-В.-Зв. ед. сущ. ср. р. может быть описано в терминах чередования лишь для основ, не имеющих наращения. Для них в качестве немаркированного варианта должно быть признано *o*, выступающее после морфонологически твердых согласных (*ребро*, *језеро*, *јутро*, *село*, *рало*, *окно*, *влакно*, *бревно*, *платно*, *письмо*, *царство*, *острво*, *друштво*, *небо*, *блато*, *лето*, *решето*, *корито*, *брдо*, *чедо*, *говедо*, *просо*, *месо*, *корзо*, *млеко*, *око*, *крупко*, *благо*, *иго*, *пазу-*

хо), а в качестве маркированного варианта – *e*, выступающее после морфонологически мягких согласных *j, љ, њ, ц, ћ, ђ* (класје, нарече, јаје, зелье, поље, поглавље, копље, знање, имање, крилице, лице, сунце, биће, учешће, ушће, залеђе, грождје), а также после морфонологически мягкого *v* (море) и группы шт: *селиште, огњиште, двориште*.

Сущ. с основами, имеющими расширение посредством *et, en, ev*, оканчиваются на *e*, которое может следовать как за мягкими, так и за твердыми согласными: *буре, пиле, подне, јуне, дугме, време, име, кубе, чупе, дете, прасе, дивизе, дрвце, ћоше, шилеже, уже, нарче, врапче, сирче, јанунце, ћаге, дериште*. Однако морфонологический статус этого *e* определяется по-разному: его считают либо частью основы, либо флексией (подробнее об этом см. в разделе об усечении / наращении основы). В обоих случаях морфонологическая обусловленность такого *e* палатальностью предшествующего согласного отсутствует.

ом/ем в Т. ед.

Распределение вариантов *ом/ем* флексии Т. ед. обнаруживает зависимость от твердости–мягкости конечного согласного основы у сущ. м. и ср. р. стандартного типа склонения, тогда как сущ. ж. р. имеют в этой форме единую флексию *ом*, выступающую как после твердых, так и после мягких согласных основы.

Сущ. м. р.: *ј – крајем, таксијем, Андрејем, р – прозором, писаром и писарем, царем, господаром и господарем, официром, л – столом, волом, љ – пријатељем, циљем, н – каменом, станом, њ – пањем, коњем, огњем, м – синонимом, појмом, в – лавом, називом, п – топом, штапом, б – зубом, грбом, ф – телеграфом, гробом, т – братом, светом, д – народом, градом, с – гласом, правописом, з – мразом, витезом, ц – вицем, новцем, стрицем, ш – кошом, Милошем, ж – ножом, мужем, ч – бичем, плачем, ћ – младићем, столићем, ђ – для слов с таким исходом основы (типа бриц, колец) отсутствуют в нормативных источниках формы Т. ед. (о *бец – бецом*, см. ниже), *ђ – смуђем, к – звуком, радником, г – другом, археологом, х – сирوماхом, евнухом, шт – плаштем, приштем, жд – дуждем*.*

Это распределение (после твердых *-ом*, после мягких *-ем*) имеет, однако, целый ряд отклонений в обе стороны. Появление *ем* после твердых согласных характерно прежде всего для основ с исходом на *-р*, где для *цар* преобладает форма *царем* (*царом* встречается крайне редко), а для сущ. с суф. *-ар* возможны обычно двоякие формы: *писаром* и *писарем, новинаром* и *новинарем, рибаром* и *рибарем* и т.д., тогда как для основ с корневым *-р* возможно только *ом*: *даром, миром, узором* и т.д. Иначе говоря, следует различать основы с морфонологически твердым и с морфонологически мягким *р*. Кроме того, аномально с точки зрения современного состояния *ем* выступает в слове *путем* (обычно в абстрактном и наречном значении, тогда как в конкретном субстантивном значении *путом*), где аномалия объясняется исторической мягкостью *т* в этой основе (склонение на *-ѣ*). Более многочисленны случаи противоположного типа, когда *ом* выступает после мягких согласных, что можно расценивать как экспансию этого немаркированного варианта. Здесь могут быть выделены следующие отклонения: 1) сущ., имеющие в последнем слоге основы *e*, получают по принципу диссимиляции флексию *ом*: *кејом*,

пешом, жежом, ситнежом, бодежом, Бечом, бецом, грабежом, крпежом, падежом, кецом, кречом, хмельом, казначејом, месецом (возможно и *месецем*), *зецом, мудрецом* и т.д. (однако суш. с суф. *-тељ* обычно имеет *ем*: *учитељем, пријатељем* и т.д.; не подчиняются этому правилу и дeриваты с суффиксом #ц: *венцем, свецем, певцем* и т.д.); 2) аномально имеют *ом* некоторые основы с мягкими согласными *љ, ц, ш, ж, ч, ћ* (в ряде случаев параллельно с *ем*): *богаљом, пасуљом, мртвацом, мудрацом, салашом, јуришом, каишом, чаушом, гулашом, пејзажом, спанаћом, плаштом, приштом, дужом*).

Личные имена м. р. на *-е* образуют Т. ед. по тому же общему принципу, что и стандартные апеллятивы м. р. с исходом на согласный, т.е. после мягких согласных следует флексия *ем*: *Благојем, Георгијем, Борћем*, а после твердых — *ом*: *Павлом, Радом* (и *Радетом*), *Матом*. Между тем имена м. р. на *-о* в И. ед. получают в Т. ед. флексию *ом* как после твердых, так и после мягких конечных согласных основы: *Бајом, Рајом, Бућом, Бењом, Пењом, Суљом*.

Суш. ср. р. Распределение вариантов *ом/ем* Т. ед. у суш. ср. р. стандартного склонения полностью совпадает с распределением *о/е* в И.—В.—Зв, ед., т.е. все суш., имеющие в И.—В.—Зв ед. *о*, получают в Т. ед. *ом*, а имеющие *е* — получают в Т. ед. *ем* (в зависимости от твердости—мягкости конечного согласного основы, о чем см. выше).

Суш. ж. р. Суш. ж. (и м.) рода на *-а* имеют в Т. ед. другую флексию — *ом*, которая следует и за твердыми (*женом, страном, водом* и т.д.), и за мягкими согласными основы (*магијом, шољом, пажњом, улицом, душом, мрежом, клековачом, поморанџом, срећом, грађом, маштом, нуждом*).

ов/ев в основах мн. числа

Распределение вариантов расширителя основы во мн. ч. *ов/ев* подчиняется тому же принципу: после твердого конечного согласного основы выбирается *ов*, после мягкого — *ев*. Вариант *ев* имеют суш. с основой на *ј, љ, њ, ц, ћ, њ, ш, ж, ч, џ*: *бојеви, бројеви, змајеви, кејеви* (и *кејови*), *крајеви, жуљеви, краљеви, маљеви, циљеви, чешљеви, огњеви, пањеви, *сићеви, кошеви, мишеви, пешеви, жежеви, мужеви, врчеви, кључеви, беџеви, вицеви, плаџеви*. В последнем случае (когда основа завершается согласным *џ*) в ряде слов представлено чередование *џ ~ ч*: *стриџ — стричеви, отаџ — очеви* (и *оци*). Суш. с конечным *шт, жд*, основы могут иметь оба варианта: *плаштови* и *плаштеви, дуждови* и *дуждеви*, но *хрушт — хруштеви, пришт — приштеви*. Кроме того, вариант *ев* представлен в *цар — цареви* (с морфонологически мягким *р* в исходе основы) и аномально в *сир — сиреви* (в остальных суш. с конечным *р* основы закономерно *ов: дарови, дворови*).

Некоторые суш. с исходом основы *с, з* имеют параллельные формы *с ов* и *ев*, однако для большинства из них вариант *с ев* оказывается более употребительным: *брусеви* (и *брусови*), *курсеви, кросеви, млазеви, мразеви, носеви, појасеви* (однако *јазови, лозови, басови, косови, часови* и т.д.). Это еще один пример особого морфонологического поведения (качества) свистящих *с, з*, не обусловленного ни их фонологическими свойствами, ни исторической судьбой.

Таблица 8

Формы Конечный согласный основы	И. ед. ср.	Т. ед. ср.	И. ед. м.	Т. ед. м.	мн. ч. м.	Зв. ед. ж.	Т. ед. ж.
С (твердый)	о	ом	е, о	ом	ов	о	ом
С' (мягкий)	е	ем	е, о	ом	ев	о	ом

Аномально выбирают вариант *ев* несколько основ с конечным *т*: *путеви, кутеви, шутеви* (ср. *ратови*).

Остальные сущ. закономерно выбирают вариант расширителя *ов*: *бродови, бодови, топови, рогови, зидови, волови, радови, плодови, прагови, цветови, станови, клипови, подови, сводови, снопови, сметови, синови, кругови, дланови, дивови, ратови, хлебови, штитови, штапови*.

Таким образом, распределение вариантов *о/е, ом/ем, ов/ев* в современном субстантивном словоизменении лишь в ограниченной мере определяется морфонологическим противопоставлением твердых и мягких согласных. Эта зависимость, наблюдаемая у сущ. ср. р. стандартного склонения в распределении вариантов *о/е* И.—В.—Зв. ед., у сущ. м. и ср. р. в распределении вариантов *ом/ем* Т. ед., у сущ. м. р. стандартного склонения в выборе вариантов расширителя *ов/ев*; не имеет места в тех же морфонологических условиях и не влияет на выбор вариантов *о/е* в формах И.—Зв. ед. сущ. м. р., вариантов *о* и *е* в Зв. ед. ж. р. и *ом/ем* Т. ед. сущ. ж. р., где почти во всех случаях генерализированы варианты с *о* (*о, ом*) (ср. табл. 8).

Однако и в тех зонах субстантивного слововизменения, где распределение вариантов с *о* и *е* подчинено в принципе признаку твердости—мягкости конечного согласного основы, эта закономерность не является абсолютной и во многих случаях нарушается, причем в одних и тех же условиях (после одних и тех же конечных согласных) сущ. одного типа (рода, парадигмы) имеют варианты с *о*, а другого — варианты с *е*.

В качестве мягких согласных, предопределяющих выбор вариантов с *е*, в субстантивном словоизменении выступают не только фонологически палатальные *ј, љ, њ, ћ, ђ* и морфонологически палатальные шипящие и аффрикаты *џ, ш, ж, ч, џ, шт, жд* (которые и в других морфемных сочетаниях могут вести себя как морфонологически палатальные), но и фонологически твердые переднеязычные *р, с, з, т*, которые функционируя обычно в качестве морфонологически твердых, в отдельных (достаточно редких) случаях могут выступать как функционально мягкие. Что же касается собственно морфонологически мягких, то они ведут себя как таковые наиболее последовательно (практически без исключения) при выборе расширителя основы мн. числа и при оформлении И.—В.—Зв. ед. и Т. ед. сущ. ср. р., тогда как в форме Т. ед. сущ. м. р. правило выбора вариантов флексии нарушается большим числом регулярных ограничений.

Чередования типа К ~ С

1. Чередование типа К ~ С (к, г, х ~ ц, з, с) имеет место в следующих морфонологических позициях: 1) перед флексией *и* в форме И.—Зв. мн. сущ. м. р., 2) перед флексией *има* в форме Д.—Т.—М. мн. сущ. м. и ср. р., причем это чередование автоматически сопровождает чередование в И.—Зв. мн. и отсутствует, если в И.—Зв. мн. по какой-то причине чередования нет, ср. *маг* — *маги* — *магима*; 3) перед флексией *и* в форме Д.—М. ед. сущ. ж. р.

Чередование К ~ С в парадигме сущ. м. р. носит более регулярный характер, чем в парадигме ж. р., где ему свойственны различные ограничения словообразовательного, лексического и морфонологического (зависимость от числа слогов, типа консонантной группы в исходе основы и др.) свойства.

2. **Сущ. м. р.** Для сущ. этого типа, удовлетворяющих условиям чередования К ~ С, т.е. имеющих *к, г, х* в исходе основы и не имеющих расширения основы за счет *ов*, чередование почти не имеет ограничений: *к* — *војник* — *војници* — *војницима*, *завршетак* — *завршеци* — *завршецима*, *закључак* — *закључци* — *закључцима*, *језик* — *језици* — *језицима*, *Пољак* — *Пољаци* — *Пољацима*, но *Баски*, *Оски*; *г* — *белег* — *белези* — *белезима*, *археолог* — *археолози* — *археолозима*, *педагог* — *педагози* — *педагозима*, *каталог* — *каталоги* — *каталозима*, *ковчег* — *ковчези* — *ковчезима*, *враг* — *врагови* и *врази* — *враговима* и *вразима*, *брег* — *брегови*, поэтич. *брези*, *брезима*, но *маг* — *маги* — *магима*; *х* — *сиромак* — *сиромаси* — *сиромасима*, *орак* — *ораси* — *орасима*, *грех* — *греси* (и *грехови*) — *гресима* (и *греховима*), *патријарх* — *патријарси* — *патријарсима*, *монарх* — *монарси* — *монарсима*, *кожух* — *кожуси* — *кожусима*, *трбух* — *трбуси* — *трбусима*, *Влах* — *Власи* — *Власима*.

3. **Сущ. ж. р.** В отличие от основ м. р., в этом классе существительных чередование К ~ С в Д.—М. ед. не отличается регулярностью и имеет существенные ограничения (для некоторых типов основ оно факультативно), причем тенденция к ограничению и устранению этого чередования в современном языке усиливается.

Наиболее многочисленную группу составляют сущ. с финалью *-ка* — всего около 3 тыс. слов. Наличие или отсутствие чередования *к ~ ц* в форме Д.—М. ед. перед флексией *и* зависит здесь от нескольких факторов, главные из которых — словообразовательная структура основы, лексические и семантические особенности слова и морфонологический вид конца основы, а именно наличие перед финалью *-к(а)* гласного (*-Ука*) или согласного (*-Ска*).

В целом можно сказать, что основы с финалью *-Ука* обычно имеют чередование *к ~ ц*: *река* — *реци*, *препрека* — *препреци*, *мука* — *муци*, *рука* — *руци*, *наука* — *науци*, *унука* — *унуци*, *тека* — *теци*, *стока* — *стџци*, *прилика* — *прилицы*, *клиника* — *клиници*, *критика* — *критици*, *трака* — *траци* и т.д., и в частности, чередование регулярно в иноязычных словах с финалью *-тека*, *-ика*: *библиотека* — *библиотеци*, *апотека* — *апотеци* и т.д., *класика* — *класици*, *политика* — *политици* и т.д. Из сущ. с основой на *-Ук(а)* не имеют чередования в Д.—М. ед. следующие группы слов: 1) гипокористика от терминов родства: *бака* — *баки*, *кока* — *коки*, *сека* — *секи*, *стрика* — *стри-*

ки и личных имен: *Бока* – *Боки*, *Бука* – *Буки*, *Лока* – *Локи*; 2) некоторые географические названия относительно нового происхождения или (сравнительно) узкого употребления: *Костарика* – *Костарики*, *Бока* – *Боки*, *Лица* – *Лици*, *Мека* – *Меки* и т.п. (но *Америка* – *Америци*, *Африка* – *Африци*). Не имеют чередования: *сврака*, *смрека*, **сака*, **клака*, *тука*, *чука*. Факультативно чередование для слов *клик*а – *клици* и *клики*, *крека* – *креци* и *креки*, *гука* – *гуци* и *гуки*, *мека* – *меци* и *меки*.

Значительно менее регулярно чередование у сущ. с основой *-Ск(а)*. Прежде всего здесь действует аналогичное ограничение на личные и географические имена, а также на производные от последних этниконь с суф. *к(а)*, *анк(а)*, которые не имеют чередования: *Балканка*, *Бриганка*, *Београђанка*, *Берлинка*, *Бразилка*, *Будимка*, *Босанка*, *Каирка* и т.д.

Апеллятивные основы на *-Ск(а)* могут выступать как с чередованием, так и без него (значительное число слов имеет факультативное чередование). В большинстве случаев наличие или отсутствие чередования определяется семантическим (и словообразовательным) типом сущ.: слова с предметным (в широком смысле слова) значением обычно имеют чередование, а слова со значением лица женского пола (по роду занятий, по географической, национальной, политической, религиозной и т.д. принадлежности и другим признакам) как правило не знают чередования. Этим общим правилом объясняется, в частности, преобладание сущ. без чередования среди основ на *-рк(а)*, *-нк(а)*, *-лк(а)*, включающих дериваты с агентивными суффиксами (*библиотекарка*, *такмичарка*, *туђинка*, *Босанка*, *Барањка*, *Румуњка*, *клерикалка*, *гимназијалка* и т.п.), и, наоборот, преобладание модели с чередованием среди основ на *-пк(а)*, *-ск(а)*, *-шк(а)*, имеющих преимущественно предметное значение (*капка*, *кленка*, *зипка*, *свеска*, *љуска*, *пљуска*, *војска*, *грешка*, *крушка*, *пушка* и т.п.). Основы на *-љк(а)* с предметным значением последовательно употребляются с чередованием (*казалка* – *казалци*, *капалка* – *капалци*, *гасилка* – *гасилци*, *црпалка* – *црпалци* и т.д.), а те же основы, обозначающие лиц, не имеют чередования (*тешителка* – *тешителки*, *учителка* – *учителки* и т.д.). Семантика может определять выбор модели с чередованием или без него даже для одного слова: например, *шесторка* имеет чередование, если речь идет о неодушевленных предметах, и не имеет чередования, если речь идет об одушевленных объектах счета. Семантический принцип не является, однако, абсолютным. Основы на *-тк(а)*, *-цк(а)*, *-чк(а)*, *-ћк(а)*, имеющие преимущественно предметное значение, практически не знают чередования (*алатка*, *гатка*, *клетка*, *коцка*, *пацка*, *речка*, *пљувачка*, *воћка*, *плећка*, *срећка*) или имеют факультативное чередование (*приповетка*, *битка*, *честитка* и др.).

Сущ. ж. р. на *-з(а)*, *-х(а)*, составляющие несравненно меньшую группу (всего около 300 слов), чем сущ. на *-к(а)*, отличаются непоследовательностью относительно чередования $K \sim C$ в Д.–М. ед.

Для основ на *-з(а)*, принадлежащих в большинстве случаев к предметной лексике, наиболее релевантными признаками при выборе модели с чередованием или без чередования оказываются следующие: 1) вокалический или консонантный характер предшествующего сегмента, т.е. *-Vz(а)* или *-Cz(а)*; 2) исконный или заимствованный характер лексемы. Наличие консонантной группы в исходе основы практически исключает чередо-

вание, тогда как основы вида $-V_2(a)$ в большинстве случаев в исконных словах сохраняют чередование. Отсутствие чередования в такого вида основах, как правило, характерно для заимствований и других периферийных слов. Согласно Правопису 1960, чередование $z \sim z$ в Д.—М. ед. имеют: *белуга, брига, верига, вијуга, *вињага, влага, *влачуга, *драга, жега, задруга, залога, запрега, заслуга, *зельуга, истрага, јаруга, каљуга, књига, *крчуга, мачуга, налога, наслага, небрига, нога, облога, опруга, оструга, панџега, *паструга, пепельуга, полуга, послуга, потега, потрага, превага, претега, претрега, пречага, прижега, притега, *прљуга, ранчуга, рупчага, снага, спрега, стега, супруга, травуљага, туга, *удлага, ужега, услуга, устега, *халуга, *хрњага, чворуга, чаврљуга, чеврљуга, *чампрага, чешљуга, шеврљуга. Ряд сущ. этого типа имеет факультативное чередование: вага, дуга, еклога, кврга, љага, острига, Пожега, слуга. Не имеют чередования: ага, алга, *анчуга, *бистранга, битанга, вуга, *дена, дога, дрезга, дрога, друга, дуга, затега, звизга, интрига, *ичага, каштига, кечига, колега, куга, лига, мазга, малага, *морузга, *мурга, омега, папига, пега, Пепельуга (имя сказочного персонажа), рага, *рега, рога, *сига, синагога, слога, стонога, *серинга, тога, тојага, *трага, фаланга, фига, *фирга, *форинга, харинга, черга, *џога, шкрга, шпага, шпагога, штрањага.

Еще менее регулярно чередование $x \sim c$ в Д.—М. ед. Согласно Правопису, лишь несколько слов имеют безусловное чередование: задаха, задуха, запаха, натруха, оврха, одуха, оглуха, сврха (все приставочные дериваты). Факультативное чередование имеют: буха, эпоха, јуха, маџега, муха, омаха, плоха, снаха, стреха. Не имеют чередования: духа, џинџуха, залиха, заглуха, здуха, јоха, пасха, протуха, пуха, троха, чоха.

4. Сущ. ср. р. могут иметь чередование только в одной позиции — перед флексией Д.—М.—Т. мн. има. Однако лишь небольшое число сущ. ср. р. имеют в исходе основы заднеязычный согласный. В них чередование представлено: благо — блазима, крупко — крупцима, пазухо — пазусима.

Чередования типа К ~ Ї

Чередование К ~ Ї ($k \sim c$, $g \sim j$, $z \sim s$, $x \sim s$), а также $c \sim ш$, $z \sim ж$ имеет место перед флексией Зв. ед. е и в отдельных случаях перед расширителем основы мн.ч. еџ.

Чередование К ~ Ї происходит последовательно у сущ. м.р. с исходом основы к, г, х, ц перед флексией. Зв. ед. е: академик — академиче, бадњак — бадњаче, болесник — болесниче, путник — путниче, човек — човече и т.д.; археолог — археоложе, булдог — булдоже, враг — враже, хирург — хирурже, Миодраг — Миодраже; Влах — Влаше, злодух — злодуше, монарх — монарше, грех — греше, евнух — евнуше и т.д.; глумац — глумче, зналац — зналче (и *знаоче), магарац — магарче, питамац — питомче, и т.д. Сущ. с основой на с, з имеют чередование $c \sim ш$, $z \sim ж$ спорадически: Арбанас — Арбанаше, витез — витеже, кнез — кнеже, маркиз — маркиже, но Атанас — Атанасе, Анастас — Анастасе, горостас — горостасе, матроз — матрозе, баксуз — баксузе, угурсуз — угурсузе.

Кроме того, чередование этого типа встречается у нескольких сущ. с односложной основой, имеющих во мн.ч. распространитель еџ: зец — зечеви, стриц — стричеви, отац — очеви (но виц — вицеви — без чередования), кнез — кнежеви (и кнезови).

Чередования типа Т ~ Т'

Сущ. ж.р. с нулевой флексией И. ед. перед флексией Т. ед. *ју* (являющейся в подавляющем большинстве случаев факультативной и свободно чередующейся с флексией *и*, о чем см. выше), претерпевают чередования типа Т ~ Т', т.е. {л} ~ *ль*, н ~ *нь*, м ~ *мь*, в ~ *вь*, п ~ *пь*, б ~ *бь*, т ~ *ть*, д ~ *дь*: *со* – *сољу*, *мисао* – *мишљу*, *смрзао* – *смржљу*; *бојазан* – *бојажљу*, *јесен* – *јесењу*, *голен* – *голењу*; *озим* – *озимљу*; *крв* – *крвљу*, *љубав* – *љубављу*; *кап* – *капљу*; *зоб* – *зобљу*, *скрб* – *скрбљу*; *врлет* – *врлежу*, *памет* – *памежу*, *руковет* – *руковежу*, *смрт* – *смржу*, *младост* – *младошју*, *радост* – *радошју*; *глад* – *глажу*, *мед* – *межу*. Причем после палатальных *љ, њ, њ, ј* автоматически усекается.

Другие согласные на конце слова на знают чередования: *помоћ* – *помоћу*, *ноћ* – *ноћу*, *чађ* – *чађу*, *жеђ* – *жеђу*, *обитель* – *обитељу*, но с сохранением *ј*: *ствар* – *стварју*, *слуз* – *слузју*, *кокош* – *кокошју*, *лаж* – *лажју*, *реч* – *речју*.

Наращение/усечение основы

К этому типу морфонологической модификации субстантивной основы относятся следующие случаи: 1) расширение (наращение) основы мн.ч. сущ. м.р. посредством *ов/ев*, 2) расширение основы косвенных падежей сущ. ср.р. посредством *ет*, *ен*, *ес*, *ер*, *ев* и сущ. м.р. на *-е* посредством *ет*, 3) расширение основ иноязычных слов, оканчивающихся на *-и*, посредством *ј*, *ос*, 4) усечение элемента *ин* в основе мн.ч. сущ. м.р. со значением национальной или географической принадлежности, 5) расширение основы косвенных падежей сущ. ж.р. *кћи*, *мати*.

1. Большинство сущ. м.р. с односложной основой и нулевой флексией в И. ед. имеет во всех словоформах мн.ч. расширение основы посредством *ов/ев*: *брод* – *бродови*, *зид* – *зидови*, *син* – *синови* и т.д. Это правило касается прежде всего основ с постоянной (устойчивой) односложностью (типа *син*, *друг*), но также и основ, содержащих вокализуемую в определенных условиях морфону #: *трошак* – *трошкови*. Однако основы второго типа (с непостоянной односложностью) имеют расширение основы непоследовательно, ср. *ветар* – *ветрови*, но *метар* – *метри*, *центар* – *центри*. Имеют расширение основы *вишкови*, *лактови*, *мозгови*, *овнови*, *огњеви*, *очеви*, *точкови*, *чаброви*, *чешљеви* и др. Среди основ этого типа наиболее последовательно выступают с наращением основы, завершающиеся на #л (орфографически в И. ед. *-ло*): *витао* – *витлови*, *кабао* – *каблови*, *котао* – *котлови*, *орао* – *орлови*, *петао* – *петлови* (и *петли*), *посао* – *послови*, *угао* – *углови* (но *чавао* – только *чавли*), а также основы с исходом #љ (*чешљеви*), #м (*јармови*, *појмови*, *сајмови*, *зајмови*), #н (*овнови*), #и (*бадњеви*, *бубњеви*, *глежњеви*, *огњеви*, *ражњеви*, *торњеви*, *свежњеви*), #р (*тигрови*, *вепрови*, *ветрови*). Некоторые сущ. имеют двойные формы: *врищи* – *вршкови*, *витези* – *витезови*, *оци* – *очеви*, *јарци* – *јаркови* и др. (Ивич 1972, 114).

Среди односложных основ не имеют расширения (или имеют двойные формы): 1) этнонимы: *Власи*, *Грци*, *Кучи*, *Пруси*, *Руси*, *Саси*, *Срби*, *Чеси*, *Баски*, *Бури*, *Кмери*, *Копти*, *Курди*, *Раци*, *Шведи*, *Шкоти*, *Хоти*, *Англи*, *Беси*, *Боји*, *Гали*, *Гети*, *Готи*, *Инди*, *Квади*, *Келти*, *Леси*, *Оски*, *Парти*, *Пуни*,

Свеви, Скити, Хинси, Хуни; 2) названия лиц: *вођи, гости, ђаци, жреци, псари, барди, жбири, јоги, маги*, аналогично: *људи*; 3) названия животных и духов: *коњи, мрави, црви, псићи, птићи, брави* (и *бравови*), *вуци* (и *вукови*), *миши* (и *мишеви*), *раци* (и *ракови*), *лари, врази* (и *врагови*); 4) названия частей тела: *брци* (и *бркови*), *власи, зуби, прсти, гени, нерви*; 5) *боли* (о душевных болезнях, тогда как о физических обычно – *болови*), *греси* (и *грехови*), *јади, стрви, чари*; 6) *акти* (в значении 'поступки', тогда как в значении 'документы' – *акта*, а в значении 'живописные изображения обнаженной натуры' – *актови*), *гести* (и *гестови*), *факти* (и *факта*), *списи*; 7) *звучи, знаци, зраци, краци, крици* (все параллельно с формами на *-кови*); 8) единицы измерения: *дани, сати, ари, вати, волти, ерги, инчи, јарди, јони, хвати* (Ивич 1972, 113).

У сущ., нормально имеющих расширение основы, могут, в частности, в поэтическом языке, появляться формы мн.ч. без наращеня: *богови-бози, брегови – брези, другови – друзи, духови – дуси, путови – пути, рогови – рози, валови – вали, врагови – врази, врхови – врси, звукови – звуци, жалови – жали*.

В ряде случаев расширение основы во мн.ч. могут факультативно иметь и неодносложные основы: *витез – витези и витезови, голуб – голуби и голубови*, аналогично: *гавран, гaleb, јаблан, јастреб, кестен, колут, лабуд, лептир, лимун, лишај, мехур, паук, појас, прстен, случај, соко (сокол), стечај, тилим*. Кроме того, расширение основы наблюдается и у приставочных производных (или сложений) от субстантивных основ, отмеченных расширением основы (при этом признак односложности, естественно, утрачивает силу): *полуспрат – полуспратови, прадед – прадедови (и прадеди), некум – некумови* и т.д.

Выбор между вариантами расширителя *ов* и *ев* определяется, как и в других подобных случаях (например, *ом/ем* в Т. ед.), прежде всего твердостью—мягкостью конечного согласного основы (подробнее см. в разделе о чередовании *о ~ е*).

В нескольких случаях расширение основы характеризует не все словоформы мн.ч., как у большинства сущ. этого типа, а лишь некоторые словоформы или, при факультативном расширении основы, в одних падежных формах предпочитают расширенные основы, в других – основы без расширения. Так, в Р. мн. преобладают формы *звукова, знакова, зракова, кракова, крикова*, тогда как в остальных падежах обычны и формы без наращеня. Наоборот, у слов, имеющих партитивное значение, в Р. мн. выступают краткие основы без наращеня (особенно в сочетании с числительными) – *гроша, пари, пута, лаката*, а в остальных падежах и в других значениях употребляются расширенные основы.

2. Большое число сущ. ср.р., оканчивающихся в И. ед. на *е*, имеет во всех остальных падежах (не совпадающих с И. ед.), основу с наращенем *ег*: *дугме – дугмета, гаче – гачета, пиле – пилета, Арапче – Арапчета* и т.д. Такое расширение основы свойственно большинству сущ. с суф. *ц(е)* и суф. *ч(е)* со значением 'молодое существо': *весалце, дрвце, звонце, крилце, длече* и т.д.; *Циганче, чобанче, момче, мајмунче, дојенче, луче* и т.д. Однако эти сущ. имеют расширение основы лишь в формах ед.ч. (причем сущ. с суф. *ц(е)* часто факультативно, параллельно с формами без наращеня), а во мн.ч. сущ. на *ц(е)* не имеют расширения основы,

а сущ. на ч(е) образуют собирательные множественное на *ад*: *дојенче* – *дојенчад* и т.п. Этот же тип расширения основы характерен для гипокористических форм мужских личных имен на -е: *Миле* – *Милета*, *Милету*, *Милетом*, *Митке* – *Миткета*, *Трајче* – *Трајчета* и т.д.

Морфемная структура этих сущ. может пониматься двояко: в И.–В.–Зв. ед. конечное -е может быть истолковано либо как флексия (аналогично стандартным сущ. ср.р. на -е типа *поље*, *море*, *сунце*), либо как элемент основы (Ивич 1972, 117). Соответственно в первом случае пришлось бы считать, что в И.–В.–Зв. ед. представлена краткая основа с исходом на согласный, а в остальных падежах – основа, расширенная посредством *ет*: *дугме* – *дугме-ета* и т.п. Или, что то же самое, что полная основа оканчивается на *ет*, а в И.–В.–Зв. ед. выступает усеченная основа (усекается *ет*). Во втором случае морфонологическая структура основы была бы иной: в И.–В.–Зв. ед. чистая основа с нулевой флексией, а в остальных падежах основа расширенная посредством *т*: *дугме-ф*, *дугме-та* (или: в И.–В.–Зв. ед. усечение *т* и нулевая флексия). В пользу первого решения, т.е. признания конечного -е в И.–В.–Зв. ед. флексией говорит факультативность для многих слов расширенной основы и наличие параллельных форм без наращеня: ср. *јаје* – *јајета* и *јаја*, *дериште* – *деришта* и *дериштета*, *дрвце* – *дрвца* и *дрвцета* и т.п., указывающих на то, что -е воспринимается именно как флексия. Кроме того, аналогичное расширение основы представлено у сущ. на -о: *дрво* – *дрвета*, *стакло* – *стаклета*, *уво* – *увета*. При втором решении для сущ. с факультативным расширением основы пришлось бы постулировать двойственную морфемную структуру: для парадигмы с расширением основы -е следовало бы признать частью основы, для парадигмы без расширения – флексией. В пользу трактовки *е* как флексии говорит также продуктивный способ образования собирательного множественного на -ад от сущ. ср.р. на -е: *момче* – *момчад*, *пиле* – *пилад*, *парче* – *парчад*, *Српче* – *Српчад* и т.п. Если признать *е* частью основы, то в формах собирательного множественного следует видеть усечение *е*. Нужно, однако, сказать, что трактовка *е* как флексии не удовлетворяет правилу распределения вариантов *о/е* флексии И.–В.–Зв. ед. ср.р., поскольку в данном случае -е чаще всего следует за морфонологически твердыми (непалатальными) согласными: *дете*, *ренде*, *пиле*, *буре*, *јуне*, *прасе*, *двизе*, *дугме*, *кубе*, *дубе*, *фаге* и т.д., хотя оно возможно и после мягких: *јаје*, *шоше*, *шиљеже*, *парче*, *јапунце*, *сирће*, *дериште*, *дрвце*, *звонце*, *крилце* (однако по большей части здесь расширение факультативно).

Аналогичная проблема стоит и в отношении других сущ. ср.р., расширяющих основу в косвенных падежах с помощью других элементов (или усекающих основу в И.–В.–Зв. ед.). Так, сущ. *бреме*, *виме*, *време* (*невреме*), *име* (*презиме*), *племе*, *раме*, *семе*, *теме*, имеющие во всех падежах, кроме И.–В.–Зв. ед., основу с наращением *ен*: *бремена*, *бремену*, *бременом*, *бремена*, *бремениа*, *бременима*, характеризуются обязательным расширением (усечением) основы и, следовательно, могут быть однозначно истолкованы как сущ. с нулевой флексией в И.–В.–Зв. ед. и основой, оканчивающейся на *е/ен*.

Сущ. *небо*, *тело* и *чудо* могут расширять основу во мн.ч. посредством *ес*: *небеса*, *телеса*, *чудеса* (наряду с формами без расширения). Считается,

что формы с расширением и без него семантически нетождественны, например, *тело* в значении 'живой организм' имеет оба варианта основы мн.ч., а в значении 'предмет' обычно употребляется без наращивания.

Периферийны и индивидуальные распространения основы с помощью *ер* и *ев*: *вече* – *вечера* (только в ед.ч.) и *подне* – *поднева* (редко *подна*). Производные от последнего *поподне*, *последподне*, *преподне*, *доподне* обычно выступают с расширением основы в косвенных падежах (Гудков 1981).

Таким образом, если принять во внимание все типы расширения (усечения) основ ср.р., то более простым и экономным описанием придется, очевидно, признать такое, которое трактует во всех случаях конечный гласный в И.–В.–Зв. ед. (вопреки его исторической природе) как флексию (тем более, что это может быть не только *е*, но и *о*: *дрво* – *дрвета*, *небо* – *небеса*, *тело* – *телеса*, *чудо* – *чудеса*), а в качестве расширителя (или усекаемого элемента) принимает сегменты *ет*, *ен*, *ер*, *ев*. При таком подходе наблюдаемые в современном языке колебания в склонении этих сущ. (с расширением/усечением основы и без него) могли бы быть описаны с помощью двух вариантов основы: краткой, или усеченной основы без *ет*, *ен* и т.д. и полной, или расширенной основы с *ет*, *ен* и т.д., тогда как альтернативное решение, т.е. признание *е* в И.–В.–Зв. ед. частью основы потребовало бы постулирования трех вариантов: краткой (усеченной) без *ет*, краткой (усеченной) с *е*, но без *т* и полной (расширенной) с *ет*: *дрвц*-, *дрвце*-, *дрвцет*-. Кроме того, при таком решении для слов на *-о* пришлось бы постулировать особый механизм расширения/усечения (одновременное усечение *-о* и наращение *ет*, *ес*).

3. Сущ. м.р. с суф. *-ин*, имеющие значение лица по его национальной или географической принадлежности, в формах мн.ч. имеют усеченную основу (усекается суф. *-ин*): *Србин* – *Срби*, *Београђанин* – *Београђани*, *чобанин* – *чобани* и т.д. Не имеют усечения *домаћин* – *домаћини*, *туђин* – *туђини*.

4. Заимствованные сущ. м.р. с основой, завершающей гласным *и*, и нулевой флексией в И. ед., *жири*, *такси*, *Хелсинки*, *харакири*, *Ганди*, *Верди*, *Паганини* и т.п. в косвенных падежах получают наращение *ј* перед всеми флексиями: *жирија*, *жирију*, *жиријем*, *жирији*, *жирија*, *жиријима*.

Сущ. с основой на *-и*, имеющие в И. ед. флексию *о*: *ради-о*, *студи-о*, *три-о*, *ембри-о*, *фоли-о*, *Мари-о*, *Антони-о* и т.п. также расширяют основу в косвенных падежах посредством *ј*, однако это расширение отсутствует перед гласным *о* флексии (т.е. перед *о* в И. ед. и *ом* в Т. ед.): *радиј-а*, *радиј-у*, *радиј-а*, но *ради-о*, *ради-ом*; *три-о*, *триј-а*, *три-ом*, *триј-и*, *триј-а*, *триј-има*, *триј-е*. У сущ. на *-ио* появление *ј* можно считать не морфологическим расширением основы, а чисто орфографической вставкой (Ивич 1972, 109, 110), в отличие от сущ. на *-и*, где принадлежность *ј* к основе объясняет выбор варианта флексии *ем* в форме Т. ед. (*жириј-ем*).

Несколько заимствованных сущ. м.р. на *-о* могут факультативно иметь во мн.ч. наращение *ос*: *динго* – *дингоси* (наряду с *динги*), *сомбреро* – *сомбрероси* (наряду с *сомбрери*). Ивич 1972, 116.

5. Сущ. ж.р. *кћи*, *мати* имеют во всех падежах, кроме И. ед., расширенную основу с наращением *ер*: *кћери*, *кћерима*, *матере*, *метером*, *матера*, *матерама**.

*Автор признателен коллеге Бояну Попову, прочитавшему главу в рукописи и сделавшему ценные замечания.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ
СУБСТАНТИВНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ
БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Современный болгарский литературный язык (СБЛЯ) принадлежит к языкам аналитического типа. В его именной системе практически отсутствует падежная парадигма (Грамматика – 1983, 35, 112–113; Пашов 1983а, 55; 1983б, 131). В языке реально употребляется только общая падежная форма – *casus generalis* и звательная форма¹. В этом отношении СБЛЯ отличается от других славянских литературных языков, субстантивные словоизменительные системы которых имеют ГК падежа, реализующуюся в парадигме из 6 или 7 взаимно противопоставленных словоформ: И Р Д В Т П (3). Но субстантивная система СБЛЯ характеризуется другими словоизменительными категориями, а именно – числа, определенности и вокатива (апеллятивности), для выражения которых язык обладает специфической системой морфологических и морфонологических средств. В реализации указанных ГК участвуют следующие 7 словоформ, составляющие полную (или максимальную) словоизменительную парадигму болгарского сущ.: 1) неопределенная форма ед.ч., 2) определенная форма ед.ч., 3) неопределенная форма мн.ч., 4) определенная форма мн.ч., 5) звательная форма ед.ч., 6) счетная форма, 7) собирательная форма. В связи с тем, что отдельные грамматические значения, выражаемые данными словоформами, реализуются, как правило, на различном лексическом материале, субстантивная парадигма в каждом конкретном случае выступает либо в полном виде (реже), либо в усеченном (чаще) за счет лакун на месте одних или других словоформ (так, например, сущ., обозначающие абстрактные понятия, не образуют форм мн.ч.; имена собственные не имеют определенных форм, но могут образовывать звательные формы и т.п.). Как правило, большинство сущ. в СБЛЯ имеют парадигму, состоящую из первых 4-х словоформ. В зависимости от структуры субстантивной основы и ее лексического значения парадигмы сущ. в СБЛЯ могут быть морфонологически маркированными либо немаркированными.

¹Ср.: "С течением времени именное склонение исчезло..., сохранилась и утвердилось одна единственная форма (*casus generalis*)... Из старых падежей, кроме именительного, сохранилась в именах только звательная форма – полностью живая и употребительная в нашем современном языке" (см.: Грамматика – 1983, 35).

Характерной особенностью звуковой системы СБЛЯ является то, что дифференциальные признаки гласных 'передний ряд' и согласных 'палатальность' несовместимы друг с другом: в реализации структуры CV (где C — согласный, V — гласный) твердые согласные сочетаются со всеми гласными, мягкие же согласные сочетаются только с непередними гласными (см. Тилков, Бояджиев 1977, 73).

Система вокализма состоит из 6 сильных гласных форм /и е ъ а о у/ и двух слабых /ъ₁/ и /у₁². Фонема /и/ — нелабиализованная, переднего ряда, верхнего подъема, реализуется гласным [и] и употребляется как в позиции под ударением, так и в безударной позиции, в начале (после паузы), в середине и в конце (перед паузой) словоформы, после всех твердых согласных и после гласных; в позиции после мягких согласных и [й]³ гласный [и] не встречается. Ср.: *и́двам, игла́, илю́зия, ри́ба, ки́лим, ди́ря, такси́, нерви́, Аи́да* и др. Фонема /е/ — нелабиализованная, переднего ряда, среднего подъема, представлена гласным [е] в ударной и безударной позициях, в начале, середине и конце словоформы, после всех твердых согласных, [й] и после гласных: *е́дър, ези́к, зет, же́га, техник, пе́дя, земя́, зна́еш, иде́ен, мазе́, гро́зде* и др. Фонема /ъ/ — нелабиализованная, непереднего ряда, среднего подъема, реализуется гласным [ъ], употребляющимся в позиции под ударением, в начале, середине и конце словоформы, после твердых и мягких согласных: *ъ́гъл, дъ́нър, пъ́т, пъ́тят, пле[тъ́т], ле[тъ́т], са[дъ́], ле[пъ́], устро[йъ́]* и др. Фонема /у/ не употребляется после паузы перед мягким согласным, между двумя мягкими согласными и в сочетании с другими гласными. Фонема /а/ — нелабиализованная, непереднего ряда, нижнего подъема, представлена гласным [а] в позиции под ударением, в начале, середине и конце словоформы, после твердых и мягких согласных, перед твердыми и мягкими согласными, после гласных и перед гласными: *а́рия, а́ут, айсберг, ба́вля, [йа́]бълка, [йаръ́] (я́ря), кя́ря, се[дъ́] (аор.), исп[ра́] (аор.), оа́зис* и др. Фонема /о/ — лабиализованная, непереднего ряда, среднего подъема, представлена гласным [о] в позиции под ударением, в начале, середине и конце слова, после твердых и мягких согласных и после гласных: *о́черк, пот, но́ся, съо́мга, шофьо́р, къо́полу, добро́, ухó, майо́р, петио́* и др. Фонема /у/ — лабиализованная, непереднего ряда, верхнего подъема, реализованная гласным [у], встречается в позиции под ударением, в начале, середине и конце словоформы, после твердых и мягких согласных и после гласных. Ср.: *у́вод, у́ем, бу́ря, ну́жда, лю́ляк, кютю́к, бижу́, кенгуру́,*

² В Грамматике—1982 признается шесть гласных фонем: /и е ъ а о у/, реализующихся в сильной позиции под ударением в гласных [и е ъ а о у]. Их ДП являются: ряд (передний, задний), подъем (высокий, низкий) и лабиализованность/нелабиализованность. В безударной позиции выступает меньшее количество единиц, которые являются вариантами сильных фонем: в них нейтрализуется противопоставление гласных фонем по подъему (/а—ъ/ и /о—у/) (см.: Грамматика—1982, 107—110; Тилков, Бояджиев 1977, 64—68). Д. Тилков отмечает: "В литературном языке только передние гласные и и е не подвергаются качественным редукционным изменениям". (Тилков 1975, 19).

³ В болгарском литературном языке... с последующим гласным согласный [й] образует пять сочетаний: *йа, йо, йу, йъ, йе...*" (см.: Тилков — 1975, 19).

меню́, ру́йно, ю́ни и др. Слабая фонема /ъ₁/ — нелабиализованная, переднего ряда, чередующаяся с сильными фонемами /а/ и /я/ и представленная гласными [а] и [э], встречается в безударной позиции, в начале, середине и конце словоформы, после твердых и мягких согласных, после гласных: [а] *гэнт*, б[а] *шта*, в[а] *лнá*, э[а] *сý*, з[а] *к[а] чáлк* [э], б[к] [а] *рзи-на́*, н[а] *тэк* [э], р[а] *зде́* [кэ] *м, мо́* [л'э] *сто́л* [э], *гене* [а] *логи́* [йэ], н[а] *ук* [э], [а] *брт* [э], *эг* [э] *л*, б[а] *йр* и др. Слабая фонема /у₁/ — лабиализованная, переднего ряда, чередующаяся с сильными фонемами /о/ и /у/ и представленная в безударной позиции гласными [о], [у] и [ю], употребляется в начале, середине и конце словоформы, после твердых и мягких согласных и после гласных: [о] *ко́*, м[о] *то́р*, м[у] *т[о] ви́лка*, *мно́г* [у], *ст* [у] *де́нт*, к[у] *к[у] ру́з*, [йо] *рдáн*, бр[о] *ител*, р[у] *ина*, [у] *краса* (= *укра́са* и *окраса*), [у] *висна* (= *увисна* и *овисна*) и др.

Система консонантизма состоит из 39 сильных согласных фонем: /п п' б б' м м' ф ф' в в' т т' д д' н н' с с' з з' ц ц' ш ш' р р' л л' ш ж ч џ к к' г г' х х'/, из них — 17 пар соотносительных по твердости—мягкости и 14 пар соотносительных по глухости—звонкости (см.: Грамматика — 1982, 110; Тилков, Бояджиев 1977, 12). Сильной позицией для всех согласных СБЛЯ является позиция перед гласными переднего ряда.

Для корреляции твердости—мягкости сильной позицией является позиция перед передними гласными. Во всех остальных позициях противопоставление твердых и мягких фонем нейтрализуется в слабой по твердости—мягкости фонеме, реализованной твердым согласным, ср.: *ко́/н'ъ₁/т — ко/н₁/, ко́/н₁/ски, ко/н₁/é и масо́/нъ₁/т — масо́/н₁/, масо́/н₁/ски, масо́/н₁/и. Для корреляции глухих и звонких согласных фонем сильной позицией является позиция перед всеми гласными, перед сонорными согласными и перед согласными [в в'], ср.: *то́м — до́м, ко́ра — го́ра, час — джаз, фра́к — враг*. Нейтрализация противопоставления глухих и звонких фонем имеет место в позиции конца слова, где слабые фонемы реализуются глухими согласными (*но/ж'о́ве — но/ш₂/, ко/ш'о́ве — ко/ш₂/*), перед звонкими согласными, где слабые фонемы реализуются звонкими согласными ([з] *го́твя — /с₂/го́твя*), перед глухими согласными, где слабые фонемы реализуются в глухом согласном (*вра[б']éц — вра[н]чé*).*

Таким образом, перед гласными переднего ряда, перед сонорными согласными и перед согласными [в в'] употребляются слабые по твердости—мягкости фонемы /б₁ п₁ в₁ ф₁ м₁ д₁ н₁ с₁ ц₁ ш₁ р₁ л₁ к₁ г₁ х₁/; в конце словоформы — находим слабые по твердости—мягкости сонорные согласные фонемы /м₁ н₁ л₁ р₁/ и /х₁/; перед шумными согласными и в конце словоформы употребляются слабые по глухости—звонкости шипящие фонемы /ш₂ ч₂/ и слабые по твердости—мягкости и глухости—звонкости фонемы /п₃ ф₃ т₃ с₃ ц₃ к₃/.

СВЕДЕНИЯ ПО МОРФОЛОГИИ

Сущ. в СБЛЯ свойственны ГК рода, числа и определенности. В качестве дополнительной характеристики субстантивных парадигм выступает значение вокативности (или апеллятивности) (см.: Грамматика — 1983, 99—146; Маслов 1981, 124—164; Станкевич 1974, 369—374).

Категория рода — это несловоизменяемая ЛГК, которая характеризует сущ. как слово в целом и присутствует в значении каждой его словоформы. Она может быть выражена либо морфологически (флексия общей падежной формы ед.ч. и определенная морфема), либо синтаксически (тип согласования с атрибутом или причастием в составе аналитических форм глагола) — и только в ед.ч. В ЛГК рода выделяются следующие значения: м.р., ж.р. и ср.р. Каждое сущ. в болгарском языке (кроме сущ. pl. t.) относится к какому-либо одному из трех родов (см. подробнее: Пашов 1965; Пашов 1981).

ГК числа является словоизменяемой категорией. В СБЛЯ эта категория может иметь значения, 'ед.ч.', 'мн.ч.', 'определенно-уточненной множественности' (так называемая "счетная форма", или болг. *бройна форма*), для выражения которого исчисляемое сущ. всегда употребляется с числительным, и значение 'собирательности' (см.: Аронсон 1974, 62—63, 67—79). Все указанные значения, составляющие объем ГК числа в СБЛЯ, выражаются морфологически, при помощи специальных флексий и системы взаимно противопоставленных словоформ. В зависимости от того, как отражаются внеязыковые значения единичности и неединичности, болгарские сущ. распределяются в несколько групп, например: а) сущ., которые могут образовывать как формы ед., так и формы мн.ч.; б) сущ., которые могут образовывать формы ед.ч., мн.ч. и счетную форму; в) сущ., которые могут образовывать формы ед. и мн.ч., а также собирательные формы и т.д. Счетная форма образуется только от исчисляемых сущ. м.р., имеющих в неопределенной форме ед.ч. нулевую флексию. Собираемые формы могут быть образованы всего лишь от нескольких сущ. м., ж. и ср.р.; однако их скорее следует считать не словоизменяемыми, а самостоятельными словами, имеющими значение pl. t., ср.: *книжа, къща, офицера, магаря* и другие (см.: Грамматика — 1983, 109; Маслов 1981, 92, 140; Аронсон 1974, 78). К словам, обозначающим неисчисляемые объекты (понятия, вещества и т.д.), категория числа, фактически, неприменима.

В работах, посвященных вопросам болгарской грамматики, традиционно принято рассматривать в качестве флексий мн.ч. не только чрезвычайно продуктивные и простые по своей структуре флексии, как /и/, /а/, /ъ₁/, /е/ (орф. *и, а, е*): *книга — книги, ученик — ученици, село — села, брат — братья, полушарие — полушария, кон — коня, сноп — снопе*, но и такие сложные образования, как /ове/, /у₁ве/, /еве/, /иштъ₁/, /у₁фзци/, /у₁фзце/, /еса/, /ена/, /егъ₁/, /тъ₁/, /ийъ₁/ (орф. *ове, ъове, йове, еве, ища, овци, овце, еса, ена, ета, та, ия*); *стол — столове, змей — змейове, зет — зетъове, вятър — ветрове, бой — боеве, път — пътища, чичо — чичовци, листец — листовце, чудо — чудеса, име — имена, агне — агнета, такси — таксита, вярване — вярвания*. Большинство из указанных здесь сложных флексий (за исключением *ове, еве, ета*) служат для построения словоформ мн.ч. в немногочисленных, замкнутых группах слов и относятся к числу непродуктивных способов их образования (см. Маслов 1981, 141). Состав некоторых из них справедливо признается сложным и неоднородным (см. Маслов 1981, 137; Аронсон 1974, 67—77; Гилин 1981, 128; Бояджиев 1972, 71—74; Котова 1973).

В СБЛЯ большое количество формальных реализаций флексивной мор-

фемы мн.ч. сущ. (около двух десятков), традиционно переносятся из грамматики в грамматику (см. Андрейчин 1978; Стоянов 1964; Граμμαгика-1983), хотя известно, что характерной особенностью словоизменительных морфем является их независимость от значения лексических морфем, к которым присоединяются, их стандартность и универсальность. Следовательно, количество словоизменительных морфем в каждом языке, в том числе и в болгарском, должно быть, скорее всего, предельно ограниченным.

Все "сложные" флексии мн.ч. в СБЛЯ непременно содержат в качестве конечного элемента и одну из "простых" флексий: /и/, /е/, /а/, /ъ₁/, ср.: /ов-е/, /у₁в-е/, /ев-е/, /ен-е/, /ен-а/, /ес-а/, /иш-ъ₁/, /ет-ъ₁/, /у₁ф₃ц-и/ и др. В связи с этим полагаем, что в синхронном плане можно переосмыслить морфологическое строение словоформ мн.ч. сущ.⁴ и считать флексиями мн.ч. лишь "простые" (однофонемные) структуры /и/, /е/, /а/, /ъ₁/. Указанные флексии при образовании словоформ мн.ч. присоединяются к ИВО либо непосредственно (*бѣвол – бѣволи, мома – момѣ, палтѣ – палтѣ, учи-лице – училища, овца – овце, трън – тръне*), либо к тому или иному сегменту, который "распространяет" (наращивает) ИВО в словоформе мн.ч. (*стол – стол/ѡв/е, дядо – дяд/у₁ф₃ц/и, рамо – рам/ен/ѣ, агне – агн/ет/а, име – им/ен/ѣ* и т.п.). Следовательно, традиционные "сложные" флексии, как /ове/, /ена/ и др., можно рассматривать в синхронном плане в качестве таких структур, которые состоят из двух значимых элементов: морфологического сегмента, которым распространяется (наращивается) вариант субстантивной основы в словоформе мн.ч. (например, ⟨ов⟩, ⟨ес⟩, ⟨ишт⟩ и др.), и морфологической единицы – "простой" флексии (/и/, /е/, /а/, /ъ₁/). В этом случае парадигмы сущ. будут характеризоваться чередованием, связанным с явлением наращивания основы (т.е. ТЧ ⟨С₂ϕ ~ С₂С₃⟩), а система флексий мн.ч. не будет слишком громоздкой⁵.

Целесообразность выделения из "сложных" (многофонемных) флексий морфологических сегментов⁶, с одной стороны, и собственно флексивных морфем, – с другой, подтверждается и известной разницей между морфологическими (словоизменительными) и морфологическими элементами языка, первые из которых носят более универсальный, стандартизованный характер, так как они, практически, независимы от лексического фактора той основы, к которой они присоединяются, и поэтому могут оформлять большие классы слов, в то время как вторые

⁴ Справедливо замечание Ю.С. Маслова о том, что в СБЛЯ "обильные черты классического флективно-фузионного типа совмещаются с более или менее явными агглютинативными тенденциями... Все это открывает широкие возможности разной интерпретации одних и тех же явлений..." (см.: Маслов 1971, 181–182).

⁵ Вопрос об "обратном" соотношении "простых" и "сложных" флексий (когда имеется "сложная" флексия в словоформе ед.ч. и "простая" – в словоформе мн.ч.) никогда не возникал в работах по болгарской грамматике (см. Маслов 1981, 137; Грамматика – 1983, 108), хотя основания, даже с точки зрения традиционной болгарской грамматики, видеть в флексии ед. ч. сущ. типа *българин* "сложную" структуру /инϕ/ имеются, и они аналогичны тем, по которым выделяются "сложные" флексии мн.ч. (а именно – требование сохранения одинакового количества фонем во всех вариантах субстантивной основы в рамках парадигмы одного слова).

⁶ Некоторые лингвисты (В.В. Лопатин) склонны видеть в этих "сегментах" словоизменительные суффиксы.

имеют достаточно ограниченную сферу действия в результате различного рода запретов структурного, лексического и стилистического характера (так, морфологический сегмент (ес) в словоформах мн.ч. присоединяется лишь к четырем субстантивным основам, а флексия /а/ — не только к этим основам, но и к огромному количеству других субстантивных основ: *чудо* — *чудеса*, *небо* — *небеса*, *дърво* — *дървеса*, *слово* — *словеса*, а также *село* — *села*, *морé* — *моря*, *крак* — *крака* и мн.мн. др.) (см.: Попова 1986).

Ниже дается перечень **флексий мн.ч.** и указываются группы сущ., к которым эти флексии относятся⁷:

Флексия /и/ (орф. *и*): 1) многосложные сущ. м.р.: *другар* — *другари*, *старец* — *старици*, *предлог* — *предлози*, *англичанин* — *англичанини*, *готован* — *готовановци*, *волец* — *волбовци*, *Иван* — *Ивановци* и др.; 2) некоторые односложные сущ. м.р.: *гост* — *гости*, *внук* — *внуци*, *чех* — *чехи*, *влах* — *власи*, *химн* — *химни* и др.; 3) сущ. ж.р. (кроме *ръка* и *нога*): *жена* — *женѝ*, *баща* — *бащи*, *радост* — *радости*, *ос* — *оси*, *земя* — *земѝ*, *песен* — *песни*, *мисъл* — *мисли*, *леля* — *лели* и др.; 4) некоторые сущ. ср.р.: *око* — *очи*, *ухó* — *уши*, *скерцо* — *скерци*, *животно* — *животи*, *бацьо* — *бацьовци*.

Флексия /а/ (орф. *а*, *я*): 1) сущ. ср. р. (с флексией ед.ч. /о/, /у₁/ — орф. *о*): *палто* — *палта*, *езеро* — *езера*, *дърво* — *дървеса* (и *дърва*, *дървета*), *небо* // *небе* — *небеса*; 2) некоторые сущ. ср.р. (с флексией ед.ч. /е/ — орф. *е*): *цвете* — *цветя*, *лице* — *лица*, *име* — *имена*, *време* — *времена*; *морé* — *моря* (и *морета*); 3) некоторые односложные и многосложные сущ. м.р.: *крак* — *крака*, *номер* — *номера*, *господин* — *господа*.

Флексия /ъ₁/ (орф. *а*, *я*): 1) большинство сущ. ср. р. (с флексией ед.ч. /е/ — орф. *е*): *летище* — *летища*, *агне* — *агнета*, *врѣцане* — *врѣцания*; 2) сущ. ср.р. (с флексией ед. ч. \emptyset): *такси* — *таксита*; 3) некоторые односложные сущ. м.р.: *брат* — *брата*, *път* — *пѣтица*.

Флексия /е/ (орф. *е*): 1) большинство односложные сущ. м.р.: *княз* — *князѝ*; *двор* — *дворове*, *бой* — *боевѝ*; *трън* — *тръне*; 2) некоторые многосложные сущ. м.р.: *център* — *центрове*; *цветец* — *цветовцѝ*; 3) следующие сущ. ж.р.: *ръка* — *ръцѝ*, *нога* — *нозѝ*, *овца* — *овцѝ* (и *овци*), *свиня* — *свинѝ* (и *свинѝ*); 4) следующие сущ. ср.р.: *крило* — *крилѝ*, *коляно* — *колѝнѝ*.

Флексии счетной формы (бройна форма)⁸:

⁷ Род сущ. определяется, как правило, по морфологическим признакам и только к сущ. с нулевой флексией и с основой на гласную фонему в ед.ч. применяется способ определения по типу согласования: *баща* — морфологический ж.р.; *дядо* — морфологический ср.р. (хотя по типу согласования с атрибутом эти сущ. имеют грамматический м.р.: *моят баща*, *моят дядо*), но топъл септември (м.р.) хубаво бижу (ср. р.).

⁸ По правилам нормативной грамматики, счетная форма с флексией /ъ₁/ употребляется от исчисляемых сущ. м.р., не означающих лицо, и только в сочетании с числительными (*два*, *пет*...) или местоименными числительными-наречиями (типа *колко*, *няколко*, и т.п.): *два стола* (но не: *два столове*), *няколко орѝла* (но не: *няколко орли*). Сущ., обозначающие лиц, не имеют специальных счетных форм, а в сочетании с числительными (от "2" до "6" — с лично-мужскими формами числительных типа *двама*, *трѝма*) употребляется словоформа мн.ч., неопределенная: *двамата Славѝйковци*, *шестима зѝтѝове*, *дѝвѝсет учѝеници*, *няколко момѝци*, *трѝма братя*. Однако в действительности данное правило постоянно нарушается. Так, сущ., ИВО которых оканчивается на /ин/ (типа *българин*), имеют специальную счетную форму: *трѝма българина* (хотя возможны и: *двама сѝрби*, *трѝма турѝци*). От некоторых других сущ., обозначающих лиц мужского пола, могут употребляться как формы мн.ч., так и счетные формы:

Флексия /ъ₁/ (орф. а, я): Счетные формы с данной флексией образуются от сущ. м.р. неличного значения: *грам* – (*два*) *грама*, *вол* – (*три*) *вола*; *овен* – (*пет*) *овена*, *софизъм* – (*няколко*) *софизма* (и *софизма*).

Флексия /и/ (орф. и): С флексией /и/ счетные формы образуются только от двух сущ. м.р. *път* 'раз' – (*два*) *пъти* и ж.р. *душá* – (*пет*) *души* (мн.ч. – *души*).

Флексия собирательного множественного числа /а/ (орф. а, я):

Собирательные словоформы образуются реально только от строго определенных субстантивных основ. Грамматические источники отмечают следующие случаи образования данных форм: 1) сущ. м.р. (преимущественно с лексическим значением одушевленности): *влах* – *влася*, *грък* – *гърча*, *биво́л* – *биволя*, *да́скал* – *даскаля*, *ма́йстор* – *майсторя*, *офице́р* – *офице́ря*; *цига́нин* – *циганя*, *сърби́н* – *сърбя*, *граждани́н* – *граждания*, *бълга́рин* – *българя*; *грък* – *гърчоля*; *сърби́н* – *сърболя*; *турчи́н* – *турчуля*; 2) сущ. ж.р.: *ко́ла* – *коля*, *кѝца́* – *кѝця*, *кни́га* – *книжа*, *нива́* – *нивя*; *же́на* – *жену́ря*. 3) сущ. ср.р.: *мага́ре* – *магаря*.

Грамматическое значение **вокативности** (или апеллятивности) (см. Аронсон 1974, 62–63) может быть выражено морфологически (т.е. при помощи специальных флексий) только в определенных семантических группах сущ.⁹ Болгарская грамматическая традиция, отмечая особую синтаксическую функцию зв. форм, признает их словоизменительными формами (см.: Грамматика–1983, 113–115; Маслов 1981, 147–149; Станкевич 1974, 369). В настоящее время в СБЛЯ отмечается значительная дестабилизация при образовании закономерных зв. форм, что выражается в их замене неопр. формой ед.ч.; активизируется также и употребление в функции вокатива опр. (чтенных) форм. Это обуславливается влиянием целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых основную роль играют господствующие в именной системе СБЛЯ аналитические тенденции (см.: Иванчев 1978, 110; Първев 1981, 118–125; Маслов 1981, 147). Характерной особенностью формального строения зв. формы в СБЛЯ является наосновное ударе-

двама ученици и *двама ученика*. Вместо специальных лично-мужских форм числительных встречаются и обыкновенные числительные: *петима моряци* – *пет (души) моряци* – *пет моряка*. Для подчеркивания наличия множества предметов вместо счетных форм могут употребляться формы мн.ч. и от сущ. м.р. неличного значения: *колко коне* (вместо *колко коня*), *толкова вестници* (вместо *толкова вестника*). В результате возможно сосуществование всех возможных сочетаний: *четирима стражари* – *четири стражари* – *четири стражара* – *четирима стражара*. Такая нестабильность в употреблении счетных форм в СБЛЯ обычно объясняется недостаточно четким осознанием оппозиции 'лицо–нелицо' болгарским языковым сознанием (см. например: Пашов 1983б, 139, 140; Михалик 1979, 53–55; Вълкова 1984, 17–19).

⁹ Так, специально (т.е. морфологически) оформленные зв. формы не образуются: а) от сущ. морфологического ср.р.; б) от сущ. морфологического ж.р. с нулевой флексией в неопр. форме ед.ч.; в) от сущ. морфологического м.р., обозначающих личные имена, ИВО которых оканчивается на /й/ (*Благой*, *Радо́й*), и фамильные имена (*Стоянов*, *Лёков*); г) от некоторых сущ. грамматического м.р. (морфологического ж. и ср.р.), как собственных, так и нарицательных, например: *Гецо*, *баща* и др. (см.: Грамматика–1983, 115; Маслов 1981, 147; Георгиев 1976, 56–59). В функции вокатива от указанных сущ. употребляются формы ед.ч., неопределенные.

ние и отсутствие редукации гласного флексии, находящегося в безударной позиции.

Флексии зв. форм¹⁰.

Флексия /o/ (орф. о, ъо, ѱо): 1) большинство сущ. морфологического м.р. с основой на твердые заднеязычные и шипящие фонемы, на /ц/ и на сочетании /ин/: *момък* – *момко*, *юнак* – *юнако* (и *юначе*), *сиромах* – *сиромахо* (и *сиромаше*), *хирург* – *хирурго*, *мъж* – *мъжо* и др.; 2) сущ. морфологического ж.р. с флексиями ед.ч. /a/, /ъ₁/ (орф. а, я), за исключением сущ. с основой на /иц/ (*царица*) и двух слов – *момá* и *дъщеря*; *майка* – *майко*, *душá* – *душо*, *България* – *Българийо*, *Ана* – *Ано*, *агá* – *аго* и др. Следует отметить, что сущ. с основой на сочетание 'согласная фонема + /к/' образуют зв. форму чаще с флексией на /e/ (орф. е): *комшийка* – *комшийке*, *учителка* – *учителке*, *Марийка* – *Марийке*; 3) сущ. м.р. *орёл*, *петёл* и *лодка́р*: *орльо*, *пéтльо*, *лодка́рьо*//*лодка́рю* (см.: Чеппель, Стоянов 1984, 9); 4) три односложных сущ. м.р. *зет*, *брат*, *син*: *зётко*, *бра́тко* (наряду с *бра́те*), *си́нко* (наряду с *си́не*).

Флексия /e/ (орф. е): 1) большинство сущ. морфологического м.р. с основой на парные твердые согласные фонемы (за исключением основ на /ц/ и /ин/): *брат* – *бра́те* (и *бра́тко*), *кум* – *куме*, *поп* – *по́пе*, *ми́нístър* – *ми́нístре*, *Пéтър* – *Пéтре*, *Пáвел* – *Пáвле* и др. Некоторые сущ. м.р. с основой на твердые заднеязычные могут образовывать зв. формы не только с флексией /o/ (см. выше), но и, реже, с флексией /e/: *Бог* – *Бо́же*, *съпру́г* – *съпру́же*, *чове́к* – *чове́че*, *юнак* – *юна́че*, *сиромах* – *сиромáше*; 2) сущ. морфологического ж.р. с флексией ед.ч. /ъ₁/ (орф. а), основы которых оканчиваются на /иц/ и на сочетании 'согласная фонема + /к/', например: *госпо́жица* – *госпо́жице*, *друга́рка* – *друга́рке* (и *друга́рко* – чаще), *Анка* – *Анке* и др.¹¹; 3) сущ. морфологического ж.р. с флексией ед.ч. /ъ₁/ (орф. а), обозначающие собственные народные личные женские имена: *Бо́на* – *Бо́не*, *До́на* – *До́не*, *Йо́на* – *Йо́не*, *Цо́на* – *Цо́не* и др. (Грамматика 1983, 114)¹²; 4) лексикализованные случаи образования зв. форм от следующих сущ. м. и ж.р.: *княз* – *кня́же*, *друга́р* – *дру́же*, *ста́рец* – *ста́рче*, *оте́ц* – *о́тче*, *твори́ц* – *твóрче* (и *твори́цо*), *госпо́дин* – *госпо́дине*, *гост* – *го́сте*; *момá* – *мо́ме*, *дъщеря* – *дъ́ще*.

Флексия /y/ (орф. ю): Сущ. морфологического м.р. с основой на /й/ и на парную мягкую согласную фонему (в ИВО в неопр. форме ед.ч. с нулевой флексией – слабая по твердости–мягкости фонема, реализованная твердым согласным), например: *славéй* – *славéю*, *кон* – *ко́ню*, *пъда́р* – *пъда́рю* и др.

¹⁰ Нами не рассматриваются опр. (членные) формы сущ. всех трех родов, употребляющиеся в функции вокатива в СБЛЯ.

¹¹ Распространенные в СБЛЯ формы типа *А́нче*, *Боря́нче*, *Тин́че* и под., употребляющиеся часто при обращении, являются не зв. формами, а уменьшительно-ласкательными собственными именами со словообразовательным суф. /ч/: *Ана* – *А́нче*, *Боря́на* – *Боря́нче*, *Тина* – *Тин́че*, ср. при этом: *хубавото А́нче*, *малкото Боря́нче*, *видях Тин́чето* (см.: Георгиев 1970, 153–157; Маслов 1981, 87; Грамматика – 1983, 114).

¹² Однако существует и иная точка зрения, рассматривающая формы *Бо́не*, *Цо́не* и под. как уменьшительно-ласкательные собственные имена, образованные по способу морфологической конверсии: *Бо́на* (ж.р.) – *Бо́не* (ср.р.), *Цо́на* (ж.р.) – *Цо́не* (ср.р.) (Георгиев 1970).

Нулевая флексия (/∅/) + усечение ⟨й⟩: сущ. морфологического ж.р. типа *чорбаджия*, *бояджия*, *тютюнджия*, *керемидчия*, *кебапчия*, *комиция*: *чорбаджи*, *комиши* (а также *комишо*, *комишу*) и т.п. Следует отметить, что указанные зв. формы почти неупотребительны (кроме *чорбаджи* и *комиши*). Нормативные зв. формы с флексией /o/ (*чорбаджийо!*) также употребляются редко. Наиболее распространенными в настоящее время являются членные формы в функции вокатива (*чорбаджията*, *комицията*) (см.: Иванчев 1978, 115).

ГК определенности реализуется в значениях 'определенность' и 'неопределенность', выраженных морфологически: первое значение — определенными членными морфемами¹³ /ѣтз/, /ѣ₁тз/, /ѣ/, /ѣ₁/ (морфологический м.р. ед.ч.); /та/, /тѣ₁/ (морфологический ж.р. ед.ч.; мн.ч.); /ту₁/ (морфологический ср.р. ед.ч.); /те/ (мн.ч.); второе значение — неопределенной членной морфемой, представленной нулем звука (/∅/). Членная морфема, являясь постпозитивной энклитикой, присоединяется к неопределенной (общей) форме либо ед., либо мн. числа агглютинативным способом (/субстантивная основа/ + /флексия/ + /членная морфема/). Определенная членная морфема обычно находится в заударной позиции; под ударением она может быть только в определенных (членных) формах ед.ч. при образовании их от некоторых односложных сущ. морфологического м.р. (ср., *мѣж* — *мѣжѣт*, *мѣжа*) и от сущ. ж.р. с нулевой флексией (*радост* — *радостѣ*). ГК определенности представлена в СБЛЯ двумя рядами взаимно противопоставленных форм со значениями 'определенности' и 'неопределенности'.

Определенные членные морфемы /ѣтз/, /ѣ₁тз/ (орф. *ѣт*, *ѣт*). Так называемый "полный член" (/ѣтз/, /ѣ₁тз/) — присоединяется к сущ. морфологического м.р. ед.ч., являющимся в предложении субъектом: *мѣж* — *мѣжѣт*, *ден* — *денѣт*, *кон* — *конѣт*, *социализъм* — *социализъмѣт* (и *социализъмѣт*) и др.¹⁴

Определенные членные морфемы /ѣ/, /ѣ₁/ (орф. *ѣ*, *ѣ*), или так называемый "краткий член", — присоединяются к тем сущ. морфологического м.р., которые являются в предложении объектом¹⁵: *мѣж* — *мѣжа*, *ден* — *денѣ*, *кон* — *конѣ*, *театър* — *театѣра*, *социализъм* — *социализма* (и *социализма*) и др.

Определенные членные морфемы /та/, /тѣ₁/ (орф. *та*) присоединяются: а) к сущ. морфологического ж.р. с флексиями ед.ч. /а/ и /ѣ₁/ (орф. *ѣ*, *ѣ*): *момѣ* — *момѣта*, *змиѣ* — *змиѣта*, *воевода* — *воеводѣта*; б) к сущ. ж.р. с нулевой флексией в ед.ч.: *власт* — *властѣ*, *сол* — *солѣ*; в) к сущ. м.р.

¹³ Ср.: "Определенный член в болгарском языке является составной частью слова. Он является формообразующей морфемой, которая находится в конце имен..." (См.: Грамматика—1983, 118).

¹⁴ Ст. Стоянов отмечает активизацию в употреблении форм *социализъмѣт*, *реализъмѣт* и под. (вм. нормативных форм *социализъмѣт*, *реализъмѣт* и под.), возникших, видимо, под влиянием таких форм, как *вѣтърѣт*, *министърѣт* и под. По его мнению, в настоящее время целесообразно утвердить формы типа *социализъмѣт* в качестве нормативных с целью унификации правил образования болгарских членных форм (см.: Стоянов 1984, 15–16).

¹⁵ Следует отметить, что оппозиция 'субъект/объект', выраженная при помощи полной и краткой определенных членных морфем мужского рода, постоянно нарушается (Аронсон 1974, 65–66; Грамматика—1983, 120).

мн.ч., которые образуют словоформы мн.ч. с флексиями /а/ и /ъ₁/ (орф. а, я): *крака́* (от *крак*) — *крака́та*, *бра́тя* (от *брат*) — *бра́тията*, *сънища* (от *сън*) — *сънищата*; г) к сущ. ср.р. мн.ч., которые образуют данные словоформы с флексиями /а/ и /ъ₁/ (орф. а, я): *поля́* (от *полé*) — *поля́та*, *селá* (от *сéло*) — *селáта*; д) к собирательным сущ. с флексией /а/ (орф. а, я): *книжа́* — *книжа́та*, *биволя́* — *биволя́та*.

Определенная членная морфема /ту₁/ (орф. *то*) присоединяется к сущ. ср.р. ед.ч.: *морé* — *морéто*, *око́* — *око́то*.

Определенная членная морфема /те/ (орф. *те*) присоединяется к сущ.м. и ср.р. мн.ч., которые образуют данные словоформы с флексиями /и/, /е/: м.р. — *столо́ве* (от *стол*) — *столо́вете*, *мъже́* (от *мъж*) — *мъже́те*, *листовце́* (от *листе́ц*) — *листовце́те*, *орли́* (от *орéл*) — *орлите́*, *готовáновци* (от *готовáн*) — *готовáновците*; ср.р. — *животни* (от *живóтно*) — *животните*, *дядовци* (от *дядо*) — *дядовците*, *рамене́* (от *ра́мо*) — *рамене́те*; ж.р. — *ръце́* (от *ръка́*) — *ръце́те*, *кни́ги* (от *кни́га*) — *кни́гите*, *радо́сти* (от *радо́ст*) — *радо́стите*.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К БОЛГАРСКОЙ МОРФОНОЛОГИИ

Все сущ. СБЛЯ могут быть морфонологически либо маркированными, либо немаркированными. Основа морфонологически маркированного сущ. в системе словоформ реализуется в нескольких вариантах. Например, в сущ. *сиромáх* основа выступает в трех вариантах: *сиромá/х/* — в формах ед.ч. и в счетной форме, *сиромá/с/* — в формах мн.ч. и *сиромá/ш/* — в зв. форме, и, следовательно, его парадигма характеризуется трехчленным морфонологическим чередованием (х ~ с ~ ш)¹⁶. Соответственно, основа морфонологически немаркированного сущ. является неизменной (например, основа /книг/ в сущ. *кни́га*).

Подавляющее большинство сущ. являются морфонологически немаркированными: 1) Многосложные сущ. м.р., ИВО которых завершается на: губные, переднеязычные, среднеязычные (шипящие и /й/) и гласные фонемы (*рибар*, *учител*, *септёмври* и др.), а также некоторые заимствованные односложные сущ. м.р. (*фавн*, *гимн* и др.). 2) Непроизводные сущ. м.р. с ИВО на /ц/; *танц*, *кварц* и др. 3) Сущ. ж.р. с ИВО на губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные фонемы: *ба́ба*, *мома́*, *сви́ня*, *ос*, *сол*, *слуги́ня*, *стрéха*, *лиси́ца* и др. 4) Большинство сущ. ср.р. с ИВО на губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные (кроме сущ. *око́*, *ухó*) фонемы: *сéло*, *éзеро*, *тёмпо*, *живóтно*, *учи́лище*, *чита́лице* и др.

¹⁶ В связи с тем, что позиция перед паузой, характерная для конечного согласного ИВО всех сущ. морфологического м.р. и некоторых сущ. ж.р. (типа *сол*), является слабой по твердости-мягкости для сонорных согласных фонем — /м₁ н₁ л₁ р₁/ и заднеязычных фрикативных — /х₁/, слабой по глухости-звонкости для шипящих согласных фонем — /ш₂ ч₂/ и слабой по твердости-мягкости и глухости-звонкости для шумных, переднеязычных и заднеязычных — /п₃ ф₃ т₃ с₃ ц₃ к₃/, мы в этих сущ. будем определять ИВО по членной форме ед.ч., где позиция для конечного согласного основы (элемент <С₂>) перед гласным непереднего ряда является сильной: ед. неопр. — *език* = /език₂/ + /ф/, *белег* = /белек₃/ + /ф/, но ед. опр. — *езикът* = /език/ + /ф/ + /ъ₁ т₃/, *белегът* = /белег/ + /ф/ + /ъ₁ т₃/.

Другая часть суш. имеет морфонологически маркированные парадигмы:

- 1) Большинство незаимствованных односложных суш. м.р. (*стол, град*).
- 2) Многосложные суш. м.р. и ряд односложных суш. с ИВО на заднеязычные фонемы, перед которыми находятся либо гласные, либо сонорные /л р н/: *бик, език, човек, чудак, пѣтник, жалтѣк, възк; белег, ковчег, носорог, съпруг, хирург; сиромѣх, кожух, патриарх* и др. 3) Суш. м.р., ИВО которых оканчивается на /р л н м т/ с предшествующим /ъ/; *вѣтър, театър, вѣпѣл, ъгѣл, ѳгѣн, кѳсъм, лѣкът* и др. 4) Многосложные суш. м.р., ИВО которых завершается на /ец/, /ел/, /ен/; например, *борец, старец, цветец, котел, петел, копен, овен* и др. 5) Суш. м.р., ИВО которых оканчивается на /ин/; *българин, варварин* и др. 6) Большинство суш. ср.р. с флексией ед. ч. /е/: *куче, гѣсе*, и др. 7) Суш. ср.р. с основой на гласную фонему и с нулевой флексией в словоформе ед.ч.: *такси, бижу, кенгуру*. 8) Суш. ср.р. *око, ухѳ, брѣме, врѣме, знаме, име, плѣме, рамо, семе, стрѣме; дърво, нѣбо || небѣ, слово, чудо*. 9) Ряд суш.м., ж и ср.р., которые могут входить в грамматическую оппозицию по признаку 'собирательность ~ несобирательность': *дѣскал, бѣвол, цѣганин, българин, офицер, книга, нѣва, колѣ, кѣца, магарѣ*. 10) Отдельные суш.м., ж и ср.р. (*отец, княз, ѣсен* и др.), парадигмы которых имеют индивидуальные морфонологические характеристики.

В этих группах суш. модификации ИВО (и, следовательно, возникновение второй, третьей и последующих ступеней чередования) происходят лишь в определенных морфонологических позициях: в результате соединения конкретной субстантивной основы (имеющей определенную морфонологическую, грамматическую либо лексическую характеристику) с одной из следующих групп грамматических морфем¹⁷: 1) определенными членными морфемами м.р. ед.ч. /ѣтз/, /ѣ₁тз/, /ѣ₁/; 2) флексиями зв.формы ед.ч. /е/ и /о/; 3) флексиями мн.ч. /и/, /е/, /а/, /ѣ₁/; 4) флексией собирательного числа /а/.

В перечисленных морфонологических позициях в болгарском субстантивном словоизменении фиксируются чередования следующих типов: заднеязычных со свистящими (<К ~ С>), заднеязычных с шипящими (<К ~ Ї>), очень ограниченно — твердых с мягкими (<Т ~ Т'>), гласных с нулем (<V ~ #>), чередований, связанных с наращением основы (<С₂ϕ ~ С₂С₃>), усечением основы (<С₂С₃ ~ С₂ϕ>) и метатезой (<VC ~ CV>)¹⁸. При помощи этих чередований в СБЛЯ оформляются противопоставления по числу, определенности и аппеллятивности. В наибольшей степени морфонологически маркированной оказывается ГК числа, поскольку противопоставленность между ед. и мн. числами, выраженная не только морфонологически (при помощи флексий), но и морфонологически (при

¹⁷Так, например, основы на заднеязычные фонемы суш. м.р. и ж.р. при образовании словоформ мн.ч. с флексией /и/ ведут себя по-разному: мужские субстантивные основы являются морфонологически маркированными чередованием типа <К ~ С> (*белег ~ бѣлези*), в то время как женские субстантивные основы являются морфонологически немаркированными (*книга — книжи*).

¹⁸Чередования гласных звуков [а] и [е] на месте стб. ѣ (типа *вѣтър — ветровѣ*) в работе не рассматриваются из-за не установленной еще окончательно литературной нормы при выборе звуков [а] и [е], восходящих к этимологическому ѣ (см.: Вълчев 1985, 68–74).

помощи чередований), характеризует подавляющее большинство болгарских сущ.

Характерной особенностью словоизменительных субстантивных парадигм в СБЛЯ является то, что, фактически, сама по себе формальная структура исхода основы не может однозначно сигнализировать о морфонологической характеристике той или иной субстантивной основы (ср., основы на заднеязычные в сущ. м. и ж.р. типа *посóка* и *гъсóк*, или основы сущ. м.р. на сочетание /'ъ/ + согласная фонема' типа *архаизъм* и *кóсьм*). Необходимое диагностирующее значение в характеристике субстантивных основ с точки зрения их морфонологической маркированности имеют, наряду с формальными, и иные признаки (грамматические, семантические, стилистические). Кроме того, нельзя не учитывать и наличие в СБЛЯ таких субстантивных основ, которые имеют индивидуальную морфонологическую характеристику (ср. несколько основ на /ел/ — *козёл*, *котёл*, *орёл*, *осёл* ~ мн.ч. *козли*, *котли*, характеризующихся чередованием ⟨е ~ #⟩ = ⟨ед.⟩ ~ ⟨мн.⟩, среди подавляющего большинства основ на /ел/ без указанного чередования: *хотёл* — *хотели*, *варёл* — *варели* и др.).

Поэтому, хотя способностью к морфонологическому преобразованию субстантивной основы (особенно к замене заднеязычных на свистящие) в определенных морфонологических позициях обладают сравнительно большие группы слов, существуют, тем не менее, многочисленные отступления от установленных правил, препятствующие реализации ожидаемого чередования. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в болгарском языке фактор обязательности, предсказуемости морфонологического преобразования исхода основы в типизированных морфонологических позициях в бóльшей степени присущ системе глагольного (а не субстантивного) словоизменения (см.: Аронсон 1974; Попова 1975). Кстати, в этом проявляется одно из основных различий между морфонологическими и морфологическими (грамматическими) явлениями. Первые носят избирательный характер, вторые обязательны, практически, для всего класса слов.

Можно также предположить, что степень обязательности и автоматизма морфонологических преобразований основ в рамках парадигмы тем выше, чем последовательнее и шире реализованы в языке принципы синтетического строя. Проникновение и явное преобладание аналитических тенденций снижает регулярность и обязательность в употреблении не только словоизменительных морфологических, но и морфонологических средств (т.е. флексий и чередований).

При анализе морфонологических чередований мы будем пользоваться схемой, содержащей 6 клеток: 1 — словоформа ед.ч., неопределенная; 2 — словоформа ед.ч., определенная; 3 — словоформы мн.ч., неопределенная и определенная; 4 — зв. форма ед.ч.; 5 — счетная форма; 6 — собирательная форма. Различной штриховкой показано распределение альтернантов (вне зависимости от их конкретной фонемной реализации) по словоформам парадигмы рассматриваемых сущ.: 1 — альтернант 1, A₁; 2 — альтернант 2, A₂; 3 — альтернант 3, A₃; 4 — альтернант 4, A₄; 5 — отсутствие словоформы.

1	□	1
2	▨	2
3	▧	3
4	▩	4
5	▪	5
6	⊠	6

Пояснения к схеме: 1) Две словоформы (а именно — мн.ч. неопр. и мн.ч. опр.) во всех случаях имеют тождественный фонемный сос-

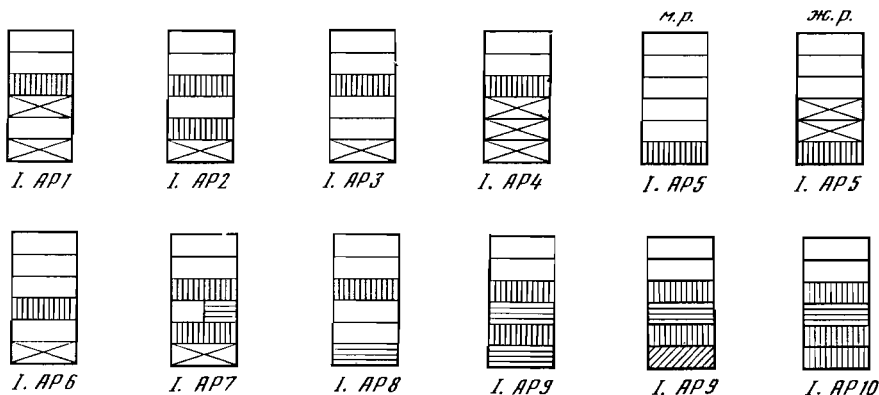
тав своих вариантов основы; поэтому мы сочли возможным дать их в одной клетке (3). 2) Выше указывалось, что наиболее распространенным типом субстантивной парадигмы в СБЛЯ является парадигма, содержащая четыре словоформы: а) ед.ч., неопр., б) ед.ч. опр., в) мн.ч. неопр., г) мн.ч. опр., так как остальные словоформы субстантивной парадигмы (а именно — зв. ед.ч., счетная и собирательная) могут быть образованы далеко не от всех сущ. В схемах они помечаются крестом.

ВИДЫ ЧЕРЕДОВАНИЙ И АР

I. Консонантные чередования (на месте элемента $\langle C_2 \rangle$)

Чередования с наращением ($\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$).

Чередования с усечением ($\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$)

1) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (неопр., опр.), сч.} \rangle \sim \langle \text{мн.} \rangle$

1. Представлен ТЧ $\langle K \sim C \rangle$ и характеризует подавляющее большинство многосложных и несколько односложных сущ. морфологического м.р. (за исключением сущ., обозначающих лиц и реже — животных). ИВО этих сущ. оканчиваются на фонему $/k_3/$ (фонологически связанную с фонемами $/k/$ и $/g/$) и фонему $/x_1/$ (фонологически связанную с фонемой $/x/$). A_1 , представленный фонемами $/k \text{ г } x \cdot k_3 \text{ } x_1/$, характеризуют три словоформы: ед.ч. неопр.; ед.ч. опр. и счетную форму. A_2 , реализованный фонемами $/ц \text{ з } с/$, находим перед флексией мн.ч. $/и/$ в двух словоформах: мн.ч. неопр. и мн.ч.опр. ТЧ $\langle K \sim C \rangle$ представлен тремя конкретными чередованиями $\langle k \sim ц \rangle$, $\langle г \sim з \rangle$, $\langle х \sim с \rangle$.

а) Чередование $\langle k \sim ц \rangle$ характеризует парадигмы многосложных сущ. м.р. с основой на $\langle VK \rangle$ и $\langle RK \rangle$: ед.неопр. — *кривáк, геврэк, бѣбрэк, вѣзклик, мечок, юмрук, фудуллук, данэк, жэлтэк, зэлэк* // *зэлэк¹⁹, *чифчилэк, кепенк, пючерк* и др.; ед. опр. — *кривáкэт, геврэкэт*; сч. — (два) *кривáка, геврэка* ~ мн.неопр. — *кривáци, геврэци, зэлэци* // *зэлци, кепенци*. Из сущ. со структурой основы на $\langle RK \rangle$ морфонологически немаркированной является парадигма сущ. *фѣйерверк* (мн.неопр. *фѣйерверки*).

¹⁹ Сущ., парадигмы которых характеризуются наряду с консонантными чередованиями и чередованиями типа $\langle V \sim \# \rangle$ (они будут рассмотрены ниже), отмечаются звездочкой слева: *зэлэк (мн. неопр. зэлци).

Парадигмам семи односложных суш. м.р. также свойственно данное чередование: ед.неопр. — *бик, звук, знак, зрак, кюнк, рак, смок*; ед. опр. — *бикъѣт, звукъѣт*; сч. (два) *би́ка, звука* ~ мн. — *би́ци* (и *би́кове*), *звучи* (и *звукове*).

Ряд суш. м.р., образующих словоформы мн.ч. с флексией /и/, имеют дублетные формы — с чередованием <к ~ ц> и с его отсутствием: *люляк, муста́к, о́черк, поря́дѣк* // **поря́дѣк, шубра́к* // *шубра́ка* ~ мн. *люляци* // *люляки, муста́ци* // *муста́ки, о́черци* // *о́черки, поря́дѣци* // *поря́дки, шубра́ци* // *шубра́ки* (словоформа мн.ч. *шубраки*, видимо, образована от суш. ж.р. *шубра́ка*).

Все многосложные суш. м.р. с ИВО на /сзкз/ (орф. *ск*) в словоформах мн.ч. с флексией /и/ сохраняют в конце основы фонему /к/, ср.: ед.неопр. — *ви́пуск, дама́ск, на́тиск, обели́ск, обиск, о́тпуск, про́пуск* — мн. *ви́пуски* . . .

б) Чередование <г ~ з> характеризует парадигмы многосложных суш. м.р.: ед.неопр. — *овра́г, беле́г, по́двиг: предло́г, моноло́г, неде́г, о́крѣг, възто́рг, черто́г* и др.; ед. опр. — *овра́гѣт, беле́гѣт*; сч. — (два) *овра́га, беле́га* ~ мн. неопр. — *овра́зи, беле́зи*.

Три суш. м.р., образующих словоформу мн.ч. с флексией /и/, характеризуются вариативной морфонологической характеристикой — с чередованием <г ~ з> и без него: ед.неопр. — *а́нцуг, набе́г, про́бег*; ед.опр. — *а́нцугѣт*; сч. — (два) *а́нцуга* ~ мн.неопр. — *а́нцузи* // *а́нцузи*.

Суш. м.р. *ба́нциг, диса́г, зигза́г* и все суш. м.р. с ИВО на /нкз/ (орф. *нг*), характеризуются неизменным фонемным составом основы и, следовательно, отсутствием чередования: ед. неопр. — *ба́нциг, диса́г, зигза́г; да́нсинг, ми́тинг* и др.; ед. опр. — *ба́нцигѣт, да́нсингѣт*; сч. — (два) *ба́нцига, да́нсинга*, мн. неопр. — *ба́нциги, да́нсинги*.

Следует отметить относящиеся к данному АР и, пока еще окказиональное, чередование <г ~ ц>, отмеченное в парадигмах суш. *булдо́г, хо́ремаг, кърча́г* и *по́лог*, которые в словоформах мн.ч. с флексией /и/, наряду с регулярными формами (*булдо́ци; хо́ремази* образуют и нерегулярные словоформы (преимущественно в устной речи) *булдо́ци, хо́ремаци, кърча́ци, по́лоци*²⁰, что свидетельствует об ослаблении коррелятивных связей между глухими и звонкими фонемами из-за нарушения системных отношений, объединяющих разные морфы одной словоизменительной морфемы (в результате развития аналитических тенденций в именной системе) с глухими и звонкими фонемами в сильных и слабых позициях.

в) Чередование <х ~ с> зафиксировано в сравнительно небольшом количестве суш. м.р. с ИВО на /х₁/: ед. неопр. — *кожу́х, стома́х, алмана́х, тьрбу́х, ауспу́х, мето́х* и др., ср.: ед.опр. — *кожу́хѣт*, сч. — (два) *кожу́ха* ~ мн.неопр. — *кожу́си*.

Несколько суш. (*о́рѣх, силя́х, тезгя́х, трипті́х, при́дѣх*) образуют словоформы мн.ч. с флексией /и/ как с чередованием <х ~ с>, так и без него: мн.неопр. — *о́рѣхи* // *о́рѣси, силя́хи* // *силя́си, тезгя́хи* // *тезгя́си, трипті́хи* // *трипті́си, при́дѣхи* // *при́дѣси*.

²⁰ Ср., например: "опитни булдоци—инспекторите" (Бъчваров П. Безмълвната гилотина. София, 1978, с. 139). Известна также и словоформа мн. ч. *булдоги* (ср.: "В този бой (англичаните в Индия) се борили като булдоги (английски кучета)". — "Цариградски вестник", 25. IX.1859).

В следующих сущ. чередование ⟨х ~ с⟩ отсутствует: *успѣх, присѣмх, щтрѣх, прѣдох, крѣмлѣх, октоѣх, поѣх, засѣх, ѣзбѣх* — мн. неопр. *успѣхи, присѣмехи*.

2. Тип чередования ⟨C₂∅ ~ C₂C₃⟩.

а) Элемент ⟨C₃⟩ реализован морфонологическими сегментами ⟨ов⟩, ⟨у₁в⟩, ⟨ев⟩, которые распространяют субстантивную основу в словоформах мн.ч. перед флексией мн.ч. /е/. Данный ТЧ, представленный конкретными чередованиями ⟨∅ ~ ов⟩, ⟨∅ ~ у₁в⟩ и ⟨∅ ~ ев⟩, характеризует большую группу сущ. морфологического м.р., имеющих в словоформе ед.ч. нулевую флексию. В основном это односложные сущ., обозначающие предметы и животных (*град, лѣв*), и несколько многосложных существительных (*вѣгѣр, ѡгѣн*)²¹. А₁, реализованный нулем ⟨∅⟩, отмечен в двух словоформах ед.ч. и в счетной форме (имеющей флексию /ъ₁/). А₂, представленный морфонологическими сегментами ⟨ов⟩, ⟨у₁в⟩, ⟨ев⟩, находим в двух словоформах мн.ч. перед флексией /е/: ед. неопр. — *акт, змѣй коч, крѣст, кѣрт* // *крѣт, кѣс, стан, фарс, хак, хляб, чех; вол, мост; рог; вид, дѣб, крѣг, лѣв, тел, тор; врат, град, лѣг, цѣр, час; бой*; ед.опр. — *ѡктѣт, змѣѣт; вѡлѣт, мѡстѣт; рогѣт; видѣт, дѣбѣт; вратѣт, цѣрѣт; бѡѣт*; сч. — (*два*) *змѣѣ, мѡста, рѡга, дѣба, града, бѡѣ* ~ мн.неопр. — *ѡктѡве, змѣѡве* // *змѣѡве; волѡве, мостѡве; рогѡве; видѡве, дѣбѡве; вратѡве, цѣровѣ; боевѣ*.

Это чередование отмечено и в парадигмах некоторых многосложных сущ. м.р.: ед.неопр. — **цѣнтѣр, *ѣщцѣнтѣр; *прѣсцѣнтѣр, *вѣгѣр, *ѡгѣн, *шѡнец* // *шѡнц, *ѡдѣр, *вѣхѣр, *тѣгѣр, биопрѡх*; ед. опр. — **цѣнтѣртѣт, *вѣгѣртѣт, *шѡнецѣт* // *шѡнцѣт, сч. — (два) — *цѣнтѣра, *вѣгѣра, *шѡнеца* // *шѡнца* ~ мн.неопр. — *цѣнтровѣ, ѣщцѣнтрѡвѣ* (и *ѣщцѣнтри*), *ветровѣ, огньѡвѣ, ѡнцѡвѣ* (и *ѡнцѣи*), *ѡдрѡвѣ* (и *ѡдри*), *вѣхрѡвѣ* (и *вѣхри*), *тѣгровѣ* арх. (и *тѣгри*), *биопрѡховѣ*.

б) Элемент ⟨C₃⟩ в ТЧ ⟨C₂∅ ~ C₂C₃⟩ реализован морфонологическим сегментом ⟨ишт⟩, которым наращивается основа в словоформах мн.ч. Конкретное чередование ⟨∅ ~ ишт⟩ характеризует очень ограниченный круг основ односложных сущ. м.р., обозначающих предметы и понятия. А₁, выраженный морфонологическим нулем (⟨∅⟩), представлен в двух словоформах ед.ч. и в счетной форме; А₂ ⟨ишт⟩ фиксируется в двух словоформах мн.ч. перед флексией /ъ₁/ (орф. а): ед. неопр. — *пѣт, кѣр, сѣн, край, кѣт, хан, двор, дол, друм, трап, град* и некоторые др.; сч. (*два*) *пѣѣ, кѣра* ~ мн. неопр. — *пѣтища, кѣрища, краища* (и редко *краѡвѣ*), *сѣнища, кѣтища* (и *кѣтѡвѣ*), *хѡнища* (и *хѡнѡвѣ*), *дворѣища* (и *дворѡвѣ*), *дѡлища* (и *дѡлѡвѣ*), *друмища* (и *друмѡвѣ*), *трапища* (и *трапѡвѣ*), *градѣища* (и *градѡвѣ*)²².

²¹ Данная словоизменительная модель (*град—градѡвѣ*) чрезвычайно продуктивна в СБЛЯ, особенно для односложных сущ. м.р., которых по словарным источникам, насчитывается более 1000.

²² Только в редких случаях (а именно, *кѣр — кѣрища, пѣт — пѣтища, сѣн — сѣнища, край—краища*) формы с /ишт/ можно рассматривать как типично словоизменительные. Во всех остальных случаях указанные формы являются, по существу, самостоятельными словами pl. t. с собирательным или увеличительным значением, ср. *пѣлѣища* 'полчища', *кѣлѣища* 'пакля', *вѣтрища* 'ветра', *вѣлища* 'уголь' (см.: Маслов 1981, 146; Аронсон 1974, 76—77).

2) AP $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)}, \text{зв.} \rangle \sim \langle \text{мн.}, \text{сч.} \rangle$

1. Тип чередования $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$.

а) Элемент $\langle C_3 \rangle$ реализован морфонологическими сегментами $\langle \text{ов} \rangle$ и $\langle \text{у}_1 \text{в} \rangle$, которые наращивают субстантивную основу в словоформах мн.ч. и в счетной форме. Данный ТЧ представлен чередованиями $\langle \emptyset \sim \text{ов} \rangle$ и $\langle \emptyset \sim \text{у}_1 \text{в} \rangle$ и характеризует парадигмы односложных сущ. м.р., обозначающих лиц мужского пола; *бей, граф, кум, поп, син, сват*. A_1 , выраженный морфонологическим нулем $\langle \emptyset \rangle$, представлен в двух словоформах ед.ч. (флексия ед.ч. $\langle \emptyset \rangle$) и в зв. форме с флексиями $\langle \text{е} / \text{о} \rangle$. A_2 , который реализован морфонологическими сегментами $\langle \text{ов} \rangle$ и $\langle \text{у}_1 \text{в} \rangle$, распространяющими субстантивную основу, находим в двух словоформах мн.ч. и в счетной форме, образующихся с флексией мн.ч. $\langle \text{е} / \text{о} \rangle$ (орфографически комплексы $\langle \text{ов} \rangle / \langle \text{е} / \text{у}_1 \text{в} \rangle / \langle \text{е} / \text{о} \rangle$ представлены как *ове*): ед.опр. — *бѣят, графѣт, кумѣт, попѣт, синѣт, свѣтъ*; зв. — *бейо, графе* ~ мн. неопр. и сч. — (*двѣма*) *бѣйове, графове*. Зв. форма от сущ. *син* может быть образована и с флексией $\langle \text{о} / \text{е} \rangle$, присоединяемой к морфонологическому сегменту $\langle \text{к} \rangle$ (см. ниже).

б) Элемент $\langle C_3 \rangle$ реализована морфонологическими сегментами $\langle \text{у}_1 \text{ф}_3 \text{ц} \rangle$ (орф. *овц, овци*) и $\langle \text{еф}_3 \text{ц} \rangle$ (орф. *евц*), при помощи которых наращивается вариант субстантивной основы в словоформах мн.ч. и в счетной форме, образованных с флексией $\langle \text{и} / \text{е} \rangle$. Этот ТЧ представлен чередованиями $\langle \emptyset \sim \text{у}_1 \text{ф}_3 \text{ц} \rangle$ и $\langle \emptyset \sim \text{еф}_3 \text{ц} \rangle$ и характеризует парадигмы собственных и нарицательных сущ. грамматического м.р. (морфологических м., ср. и ж.р.), обозначающих лиц мужского пола. A_1 , реализованный морфонологическим нулем $\langle \emptyset \rangle$, характеризует словоформы ед.ч. и зв. форму. A_2 , представленный сегментами $\langle \text{у}_1 \text{ф}_3 \text{ц} \rangle$ (в основах на твердые согласные фонемы) и $\langle \text{еф}_3 \text{ц} \rangle$ (в основах на $\langle \text{и} \text{ й} \text{ л' н' т' ш}_2 \text{ ч}_2 \text{ /} \rangle$)²³, находим перед флексией мн.ч. $\langle \text{и} / \text{е} \rangle$ в словоформах мн.ч. и в счетной форме. Например, морфологический м.р. — ед. неопр. *Иван, *Петър, *Павел, Вук, Радош, Методий, Добри, Андрейчин, готован*; зв. *Иване, Радоше, Петре, Павле, Вуко, Методий, Добри, Андрейчин, готоване* ~ мн.неопр. *Ивановци, Петровци, Павловци, Вуковци, Радошевци, Методиевци, Добревци, Андрейчиновци, готовановци*; морфологический ср.р. — ед. неопр. — *Живко, Тошо, Стойчо, Кольо, Пете, Гоце, Пецо*; *чичо, дядо, дрипльо* ~ мн. неопр. *Живковци, Тошевци, Стойчевци, Кольевци (Кольовци), Петевци, Гоцевци, Пецовци, чичовци, дядовци, дрипльовци*; морфологический ж.р. — ед. неопр. *Никола, Илия* ~ мн. неопр. *Николовци, Илиевци*. В ряде случаев сущ. с основами на парные мягкие согласные фонемы и $\langle \text{ц} / \text{ч} \rangle$ могут образовывать словоформы мн.ч. с морфонологическим сегментом $\langle \text{у}_1 \text{ф}_3 \text{ц} \rangle$ и с сохранением мягкой согласной фонемы в конце основы: *Кръстьо, дрипльо* ~ мн. неопр. *Кръстьовци, дрипльовци* (наряду с *Кръстевци, дриплевци*); *Гоце, Пецо* ~ мн. неопр. *Гоцевци, Пецовци*.

2. Тип чередования $\langle \text{К} \sim \text{С} \rangle$ реализуется в конкретном чередовании $\langle \text{к} \sim \text{ц} \rangle$ и характеризует парадигмы лишь двух сущ. морфологического ж.р. (и грамматического м.р.) *владика* и *патрика*. A_1 $\langle \text{к} \rangle$ характе-

²³ Однако указанное правило в распределении сегментов $\langle \text{у}_1 \text{ф}_3 \text{ц} \rangle$ и $\langle \text{еф}_3 \text{ц} \rangle$ по субстантивным основам не выдерживается строго. Ср., например, название монографии Г. Цанковой-Петковой "България при Асеневици" (С., 1978): здесь *Асеневици* мн. нормативной формы *Асеновци*.

ризует две словоформы ед.ч. и зв. форму с флексией /o/. A₂ ⟨ш⟩ находим в двух словоформах мн.ч. и в счетной форме перед флексией /и/: ед. опр. — *влади́ката, патри́ката*; зв. — *влади́ко, патри́ко* ~ мн. неопр. — *владици, патрици*; сч. — (*двѣма*) *владици, патрици*.

3. Тип чередования ⟨T ~ T'⟩, реализованный чередованием ⟨t ~ t'⟩, характеризует парадигму лишь одного сущ. м.р. *брат*: ед. опр. — *братѣт*; зв. — *братѣ* (и *братко*) ~ мн. неопр. — *брѣтя*, мн. опр. — *брѣтята*, сч. — (*двѣма*) *брѣтя*. При образовании зв. формы *братко* парадигма данного сущ. будет характеризоваться иным чередованием, а именно: ⟨tϕ ~ t'ϕ ~ t₃k⟩ = ⟨ед. (неопр., опр.)⟩ ~ ⟨мн., сч.⟩ ~ ⟨зв.⟩ (см. ниже).

3) AP A₁ ~ A₂ = ⟨ед. (неопр., опр.)⟩, зв., сч.) ~ ⟨мн.⟩

Представлен ТЧ ⟨C₂C₃ ~ C₂ϕ⟩ (конкретное чередование ⟨ин ~ ϕ⟩) и характеризует парадигмы сущ. м.р. с ИВО на сегмент /ин/, обозначающих лиц мужского пола по их национальности, месту жительства, вероисповеданию, занятиям и т.п. A₁, представленный морфонологическим сегментом ⟨ин⟩, характеризует четыре словоформы (две ед. ч., звательную и счетную); A₂, реализованный нулем в результате усечения сегмента ⟨ин⟩, находим в двух словоформах мн.ч. перед флексией /и/, а в парадигме сущ. *господин* — перед флексией /а/. Ср.: ед. неопр. — *бѣлгарин, парижа́нин, пловдивча́нин, сѣлянин, стопанин, гра́жданин, хазайин//хазя́ин, мюсюлман́ин, господи́н*; зв. — *бѣлгарино, парижа́нино*; сч. — (*двѣма*) *бѣлгарина, господина*²⁴; мн. неопр. — *бѣлгари, господа*. Исключение из этого правила составляет лишь парадигма сущ. *домакин*: словоформы мн.ч. образуются без усечения основы (мн. неопр. — *домакини*), и данная парадигма является морфонологически немаркированной.

4) AP A₁ ~ A₂ = ⟨ед. (неопр., опр.)⟩ ~ ⟨мн.⟩

1. Тип чередования ⟨C₂ϕ ~ C₂C₃⟩. AP и ТЧ ⟨C₂ϕ ~ C₂C₃⟩ характеризует парадигмы сущ. ср.р. A₂, появление которого обусловлено наращением основы морфонологическими элементами ⟨ет⟩, ⟨ен⟩, ⟨ес⟩, ⟨т⟩ и ⟨ий⟩, фиксируется в двух словоформах мн.ч. Данный ТЧ представлен в СБЛЯ следующими конкретными чередованиями: ⟨ϕ ~ ет⟩, ⟨ϕ ~ ен⟩, ⟨ϕ ~ ес⟩, ⟨ϕ ~ т⟩ и ⟨ϕ ~ ий⟩.

а) Чередование ⟨ϕ ~ ет⟩ характеризует большую группу сущ. ср. р. с флексией /е/ (орф. *е*) в словоформе ед.ч. неопр. с ИВО на твердые согласные фонемы (кроме /ц/), на шипящие и /й/. A₁, реализованный морфонологическим нулем ⟨ϕ⟩, отмечен в двух словоформах ед.ч. перед флексией /е/. A₂, представленный морфонологическим сегментом ⟨ет⟩, находим в двух словоформах мн.ч. перед флексией /ь₁/. Чередование чрезвычайно продуктивно: ед. неопр. — *жрѣбѣ, канапѣ, джезвѣ, кафѣ, вѣме, каймѣ, пердѣ, гьсѣ, мазѣ, пилѣ, братилѣ, морѣ, яре, яденѣ, фоайѣ, колиѣ*²⁵, *джуджѣ, ковчѣжѣ, врабчѣ, шишѣ, аташиѣ, яке* ~ мн. неопр. — *жрѣбѣта, канапѣта*.

²⁴ В сочетании с числительными и местоимениями-числительными могут употребляться, правда, значительно реже, словоформы мн.ч. с усеченной основой: *двѣма бѣлгари, няколко сѣляни*. В этом случае парадигмы данных сущ. будут характеризоваться иным чередованием: ⟨ин ~ ϕ⟩ = ⟨ед. (неопр., опр.)⟩, зв.) ~ ⟨мн., сч.⟩ (см. AP 2).

²⁵ В сущ. ср.р. типа *колиѣ* ([коли^йе//колиѣ]) фонологическая интерпретация конечного элемента основы в словоформе ед.ч. неопр. может быть двойкой: 1) ИВО оканчивается на фонему /й/ (/ку, лий/ + /е/), для которой позиция между двумя гласными переднего ряда [е] и [и] является слабой: при произношении [й] в данной позиции

б) Чередование ⟨∅ ~ ен⟩ характеризует парадигмы семи суш. ср.р. с флексией /е/ в словоформе ед.ч. неопр. и с фонемой /м/ и ИВО (*брéме, врéме, зна́ме, íме, плéме, сéме, стрéме*) и парадигму одного суш. ср.р. с флексией /о/ в словоформе ед.ч. неопр. (*ра́мо*). Первая, нулевая, ступень чередования свойственна словоформам ед.ч., вторая ступень, представленная сегментом (ен), который наращивает соответствующий вариант основы, характеризует словоформы мн.ч. перед флексией /а/. Следует отметить, что данное чередование непродуктивно: суш. *брéме* характеризуется вариативной морфонологической характеристикой (чередование ⟨∅ ~ ет⟩), суш. *вíме* образует словоформы мн.ч. только с морфонологическим сегментом (ет) и флексией /ь₁/ — *вíмета*. Ср.: ед. опр. — *брéмето, врéмето* ~ мн. неопр. — *бреме́на* (реже *брéмета*), *време́на, раме́на* (и *раме́не*).

в) Чередование ⟨∅ ~ ес⟩ зафиксировано лишь в парадигмах суш. ср.р. *дърво́, не́бо//небе́, сло́во, чу́до*. Оно непродуктивно. Словоформы мн.ч., для которых характерен А₂, реализованный морфонологическим сегментом (ес) (при флексии /а/), употребляются как стилистически маркированные (за исключением форм *небеса́* и *чудеса́*), и, как правило, имеют параллельные немаркированные формы мн.ч., образованные по продуктивным для СБЛЯ словоизменительным моделям. Ср.: ед. опр. — *дърво́то, не́бо́то//небе́то, сло́вото* (арх.), *чу́дото* ~ мн. неопр. — *дървеса́* (и *дървeта́* 'деревья' и *дърва́* 'дрова'), *небеса́, словеса́* (и *слова́*), *чудеса́*.

г) Чередование ⟨∅ ~ т⟩ характеризует заимствованные суш. ср.р. с ИВО на гласные фонемы /и у/ (орф. *и, у, ю*) и с нулевой флексией в ед.ч. А₁ — ⟨∅⟩ представлен в словоформах ед.ч. (ср., например: ед. неопр. — *такси́* ⟨∅⟩ + /∅/, ед. опр. — *такси́* ⟨∅⟩ + /∅/ + то); А₂, реализованный морфонологическим сегментом ⟨т⟩, который распространяет субстантивную основу, находим в словоформах мн.ч. перед флексией /ь₁/ (ср.: мн. неопр. — *такси́* ⟨т⟩ + /ь₁/; мн. опр. — *такси́* ⟨т⟩ + /ь₁/ + та); ед. неопр. — *такси́, кенгуру́, пардесю́*; ед. опр. — *таксито́* ~ мн. неопр. — *таксита́*; мн. опр. — *таксита́тата*.

д) Чередование ⟨∅ ~ ей⟩ маркирует парадигмы отглагольных суш. ср.р. с ИВО на фонему /н/ и с флексией /е/ в словоформе ед.ч. неопр. типа *би́ене, спи́ране*. А₁ — ⟨∅⟩ свойствен словоформам ед.ч.; А₂, представленный морфонологическим сегментом ⟨ий⟩, находим в словоформах мн.ч. перед флексией /ь₁/: ед. неопр. — *бя́гане, вярва́не, търсене́, ходене́* ~ мн. неопр. — *бя́гания*.

2. Т и п ч е р е д о в а н и я (К ~ С). Его объем составляют лишь два конкретных чередования ⟨к ~ ц⟩ и ⟨г ~ з⟩, характеризующие парадигмы двух суш. ж.р. *нога́* и *ръка́*. А₁, реализованный ⟨к⟩ и ⟨г⟩, представлен в словоформах ед.ч. А₂ (ш и з) находим в словоформах мн.ч. перед флексией /е/: ед. неопр. — *ръка́, нога́*; ед. опр. — *ръката́, ногата́* ~ мн. неопр. — *ръце́, нозе́*; мн. опр. — *ръцете́, нозете́*.

3. Т и п ч е р е д о в а н и я (К ~ С). Он реализован двумя конкретными

"артикуляционно-акустическая энергия ослабевает", и [й] характеризуется "меньшей интенсивностью и меньшей продолжительностью" (см.: Тилков 1975, 21, 23, 25); 2) ИВО оканчивается на гласную фонему /и/ (/ку, ли/ + /é/), если считать, что литературная норма предписывает четкое произношение сочетания [ие]; *бонбониера́, браконие́р* и др. (см.: Тилков, Бояджиев 1977, 209).

чередованиями ⟨к ~ ч⟩ и ⟨х ~ ш⟩, которые характеризуют парадигмы двух сущ. ср.р. *око́* и *ухо́*; A_2 (⟨ч⟩ и ⟨ш⟩) находим в словоформах мн. ч. перед флексией /и/: ед. опр. — *око́то*, *ухото́* ~ мн. неопр. — *очи*, *уши*; мн. опр. — *очите*, *ушите*.

4. Чередование ⟨ец₃ ~ у₁ф₃ц⟩ характеризует парадигмы сущ. м.р., ИВО которых оканчивается на сочетание /ец₃/ (*ветре́ц*, *гласе́ц*). При сопоставлении словоформ ед.ч. со словоформами мн.ч. (*ветровце́*, *ветровце́те*; *гласовце́*, *гласовце́те*) выявляется морфолого-морфонологическая структура указанных словоформ (ед. неопр. — *ветр* ⟨ϕ⟩ ец₃) /ϕ/ ~ мн. неопр. — *ветр*-⟨у₁ф₃⟩ ⟨# ш/é/), раскрывающая механизм образования данного сложного чередования, которое мы в синхронном плане рассматриваем как нечто единое целое (ец₃ ~ у₁ф₃ц). Так, внутри ИВО (*ветр* ⟨ϕ⟩ ец₃) фиксируется: а) первая (если смотреть слева направо) морфонологическая единица — нулевой сегмент ⟨ϕ⟩, который в варианте основы мн.ч. заменяется морфонологическим сегментом ⟨у₁ф₃⟩ (орф. *ов*), и б) вторая морфонологическая единица ⟨ец₃⟩, которая в словоформе мн.ч. заменяется морфонологическим сегментом ⟨# ш⟩ (с "беглым" вокальным элементом ⟨е⟩, по типу чередования ⟨V ~ #⟩). Таким образом, слова данной структуры характеризуются чередованием ⟨ец₃ ~ у₁ф₃ц⟩ (орф. ⟨ец ~ овц⟩), противопоставляющим словоформы ед.ч. словоформам мн.ч.: ед. неопр. — *граде́ц*, *гласе́ц*, *ветре́ц*, *листе́ц*, *цвете́ц* и некоторые др. ~ мн. неопр. — *градовце́*, *гласовце́*. Если в словоформах мн.ч. ударение падает на основу, то данные словоформы образуются с флексией /и/: ед. неопр. — *воле́ц*, *гроше́ц* ~ мн. неопр. — *воло́вци*, *грошо́вци*.

Грамматика — 1983 считает окончание *-овце*, *-овци* составным: "ов- — это часть окончания мн.ч. односложных сущ. м.р., а -ц(*е*), -ц(*и*) — часть суффикса -ец" (см. с. 106—107). Тот факт, что сегмент ⟨ов⟩ (⟨у₁в⟩) ведет себя свободно по отношению к флексиям /е/ и /и/ и может занимать в структуре словоформ мн. ч. различные места (либо непосредственно перед флексией, например, ⟨ов⟩ /е/ — *сто́л* ~ *сто́лове*, либо дистанционно, отделяясь от нее другим сегментом, например, ⟨у₁ф₃⟩ ⟨# ш/е/ — *реде́ц* ~ *редовце́*, ⟨ф₃⟩ ⟨# ш⟩ /и/ — *воле́ц* ~ *воло́вци*), свидетельствует о его самостоятельности как морфонологической единицы, являющейся одним из показателей "множественности" (см. Аронсон 1974, 70—71). Таким образом, наличие в СБЛЯ указанных парадигм (*цвете́ц* ~ *цветовце́*) косвенно подтверждает правильность принятого нами решения интерпретировать традиционно выделяемые в качестве субстантивных флексий мн.ч. многофонемные образования (типа /ове/, /ишта/, /ета/, /у₁ф₃це/ (орф. *овце*) и др.) как сочетания двух элементов, имеющих разный грамматический статус (а именно — морфонологический сегмент: ⟨ов⟩, ⟨ишт⟩, ⟨ет⟩ и под. и флективная морфема: /и/, /е/, /а/, /ь₁/).

5) $AP A_1 \sim A_2$ = ⟨ед. (неопр., опр.), мн.; /зв., сч./⟩ ~ ⟨собр.⟩

Выше отмечалось, что собирательные формы как члены субстантивной словоизменительной парадигмы могут быть образованы только от строго определенных сущ., что свидетельствует о лексикализованности явления.

1. Т и п ч е р е д о в а н и я ⟨Т ~ Т'⟩ характеризует несколько сущ. м. и ж.р. (а именно: *биво́л*, *да́скал*, *ма́йстор*, *офице́р*; *кола́*, *кя́ща*, *нива*) и состоит из следующих конкретных чередований: ⟨л ~ л'⟩, ⟨р ~ р'⟩, ⟨т ~ т'⟩, ⟨в ~ в'⟩. A_1 , реализованный твердыми согласными фонемами, отмечен в

словоформах ед. ч. и мн.ч., а в парадигмах сущ. м.р. и еще в двух словоформах — звательной и счетной. A_2 , представленный соотносительными мягкими согласными фонемами, находим в собир. форме перед флексией /a/. Ср.: мн. неопр. — *биволи, даскали; колю*; зв. — *биволе, даскале*, сч. — (*десет*) *бивола, даскали* ~ собир. — *биволя, даскаля, майсторя, офицера; коля, кщя, нивя*.

2. Тип чередования (К ~ Ć) отмечен в парадигме лишь одного сущ. ж.р. *книга* и представлен чередованием (г ~ ж): мн. неопр. — *книги* ~ ~собир. — *книжа*.

3. Тип чередования ($C_2\Phi \sim C_2C_3$) находим в парадигмах некоторых сущ. ж.р., обозначающих лиц женского пола. Он представлен чередованием ($\Phi \sim y_1p'$): ед. неопр. — *жена*, ед. опр. — *жената*, мн. неопр. — *жени* ~ собир. — *женоря//женуря*. Данное чередование непродуктивно. Скорее всего, формы типа *женоря* следует рассматривать как словообразовательные, образованные от сущ. ж.р. с суф. /y₁p'/ со значением собираемости (*женоря // женуря* 'бабье') и являющиеся сущ. pl. t. (Маслов 1981, 82).

6) AP $A_1 \sim A_2$ = (ед. (неопр., опр.), мн., сч.) ~ (зв.)

Отмечен в парадигмах семи сущ. м.р.: *другар, *орел, *петел, княз, *старец, *кумец, *отец* и представлен четырьмя непродуктивными (изолированными) типами чередования.

1. Тип чередования (КC₃ ~ ĆΦ) характеризует парадигму сущ. *другар* и представляет собой сочетание чередования заднеязычных с шипящими фонемами и одновременно усечение основы. Конкретное чередование имеет вид (гар' ~ жΦ) (первая ступень фонологически: /гар₁//гар'/), ср.: ед. неопр. — *другар*, ед. опр. — *другарят*, мн. и сч. — *другари* ~ зв. — *друже*.

2. Тип чередования (Т ~ Т') отмечен в парадигмах двух сущ. **орел* и **петел* и реализован в чередовании (л ~ л'): ед. опр. — **орелът, *петелът*; мн. неопр. — *орли, петли*; сч. — (*два*) **орела, *петела* ~ зв. — *орльо, петльо*.

3. Тип чередования (S) ~ (Š) свойствен парадигме лишь одного сущ. — *княз* и реализован в чередовании (з ~ ж): ед. опр. — *князьт*, мн. неопр. — *князе*, сч. — (*двама*) *князе* ~ зв. — *княже*.

4. Тип чередования (C ~ Ć) характеризует парадигмы трех сущ. м.р.: **кумец, *отец, *старец* и реализуется в чередовании (ц ~ ч), ср.: ед. опр. — **кумецьт, *отецьт, *старецьт*; мн. неопр., сч. — (*двама*) *кумци, отци, старци* ~ зв. — *кумче, отче, старче*.

7. AP $A_1 \sim A_2$ = (ед. (неопр., опр.), зв.) ~ (мн., сч.) // $A_1 \sim A_2 \sim A_3$ = (ед. (неопр., опр.) ~ (мн., сч.) ~ (зв.)

Представлены двумя типами чередования: (К ~ C)//(К ~ C ~ Ć) и характеризуют парадигмы сущ. морфологического м.р., обозначающих лиц и реж — животных. ИВО этих сущ. оканчивается на фонему /к₃/, соответствующую сильным фонемам /к/ и /г/, и /x₁/, соответствующую сильной фонеме /х/. A_1 , реализованный фонемами /к г х к₃x₁/, характеризует две словоформы ед.ч. и зв. форму с флексией /o/; A_2 , выраженный фонемами /ц з с/, находим в словоформах мн.ч. и в счетной форме (в сочетании с лично-мужскими формами числительных типа *двама*); A_3 , реализованный фонемами /ч ж ш/, фиксируется в зв., образованных с флексией /e/. Таким образом, вариативность морфонологической характеристики парадигм данных сущ.

обусловлена их способностью образовывать зв. формы двумя способами — с флексиями /o/ и реже /e/: юна́кo//юна́че, сы́пругo//сы́пруже, сиромáхo//сиромáше. Указанные типы чередования реализуются в следующих конкретных чередованиях: <к ~ ц> // <к ~ ц ~ ч>, <г ~ э> // <г ~ з ~ ж>, <х ~ с> // <х ~ с ~ ш>.

а) Чередование <к ~ ц> // <к ~ ц ~ ч>. Ср. некоторые многосложные сущ. м.р. и два односложных сущ.: ед. неопр. — *каза́к, пеши́к, поляк, човёк, пѣтник, доносчи́к, физи́к, предѣк* и др.; *внук, вѣлк*; ед. опр. — *каза́кѣт, пеши́кѣт; вну́кѣт, вѣлкѣт*; зв. — *каза́ко (и каза́че), пеши́ко (и пеши́че); вну́ко (и вну́че), вѣлко (и вѣлче)*; мн. неопр. и сч. — (*двѣма*) *каза́ци, пеши́ци; вну́ци, вѣлци*. Сущ. *большеви́к* и *мешеви́к* образуют вариативные формы мн.ч. с флексией /и/ и с фонемами /к/ и /ц/, ср. *большеви́ки//большеви́ци, мешеви́ки//мешеви́ци*. Односложные этнонимы м.р. (за исключением сущ. *грѣк*), а именно — *дак, тоск* 'албанец из южных областей', *трак, тюрк, франк* — образуют свои парадигмы без морфонологического чередования (ср. мн. неопр. — *да́ки, то́ски, тра́ки, тюрки, франки*; зв. — *да́ко, франко*).

б) Чередование <г ~ э> // <г ~ з ~ ж> характерно для парадигм многочисленной группы сущ., ИВО которых оканчивается на сегмент /у₁лок₃/ (орф. *олог*), и для парадигм некоторых других многосложных сущ. м.р.: ед. неопр. — *антрополо́г, педаго́г, сы́пруг, астроло́г, невроло́г, психоло́г, диалектоло́г, носоро́г, демаго́г, ерихѣро́г, хери́г, страте́г*; ед. опр. — *антрополо́гѣт, хери́гѣт, страте́гѣт*; зв. — *атрополо́го (и антрополо́же), хери́го, страте́го*. Парадигмы односложных сущ. м.р. *бог* и *враг* также характеризуются чередованием <г ~ з ~ ж>: ед. опр. — *бо́гѣт, врагѣт*; мн. неопр. — *бо́зи (и боговѣ), врази́* — арх. (*враговѣ*) ~ зв. — *бо́же, вра́же*.

Сущ. *печене́г, варя́г, парто́рг, ха́бсбург* и *ко́бург*, образуют дублетные словоформы мн. ч. с флексией /и/ — с фонемами /г/ и /з/ в исходе данного варианта основы, мн.неопр. — *печене́ги//печене́зи, варя́ги//варя́зи, парто́рги//парто́рзи, ха́бсбурги//ха́бсбурзи* и *кобурги//ко́бурзи*.

Парадигмы сущ. *изверг, суи́нг, маг, гег, белг, фриг*, образующих словоформы мн.ч. с флексией /и/, а зв. формы — с флексией /o/, сохраняют фонемный состав основы во всех словоформах неизменным: мн. неопр. — *изверги, суи́нги, ма́ги, ге́ги, бе́лги, фри́ги*; зв. — *изверго*.²⁶

а) Чередование <х ~ с> // <х ~ с ~ ш> отмечено в парадигмах сравнительно небольшого круга сущ. м.р. с ИВО на /х₁/ ²⁷: ед. неопр. — *пасту́х, сиромáх, мона́х, мних* (уст.), *евнух, йерáрх, ёкзарх, мона́рх, патриáрх*; ед. опр. — *пасту́хѣт*; зв. — *пастухо (и пастуше)*; мн. неопр. — *пастуси*.

Ряд сущ. (а именно — *полемáрх, тетра́рх, филáрх, каза́х, чех*) образуют словоформы мн.ч. с флексией /и/ и с фонемами /х/ и /с/ в исходе данного варианта основы: мн. неопр. — *полемáрхи//полемарси, тетра́рхи//тетра́рси,*

²⁶ В последнее время все чаще в функции зв. форм стала употребляться либо общая падежная форма с восклицательной интонацией (*Ей, изверг! Драма́тург! Ела́ насáм, суи́нг!*), либо членные формы сущ. всех трех родов, ед. и мн. чисел (см. подробнее: Иванчев 1978; Георгиев 1976, 56–57).

²⁷ Этот факт объясняется тем, что в СБЛЯ насчитывается сравнительно небольшое количество производных и совсем нет суффиксальных производных сущ. м.р. с основой на /х₁/ (/х/).

филáрхи//филáрси, чéхи (чаще) // чéси, казáхи (чаще) // казáси (очень редко).

Парадимы сущ. *женíх, сих, лех, аллáх, фелáх*, образующих мн.ч. с флексией /и/ и зв. формы с флексией /о/, являются морфонологически немаркированными, так как их основы во всех словоформах парадигмы сохраняют неизменный фонемный состав, ср.: мн. неопр. — *женíхи, сíхи*; зв. — *женíхо, сíхо*.

8) AP $A_1 \sim A_2 \sim A_3 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)}, \text{зв., сч.} \rangle \sim \langle \text{мн.} \rangle \sim \langle \text{соб.} \rangle$

а) Характеризует парадигмы четырех сущ. м.р. на /ин/, обозначающих лиц мужского пола по их национальности и месту жительства: *българин, гражданин, циганин, турчин*. Он представлен ТЧ $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \sim C_2' \emptyset \rangle$, реализованным в трех чередованиях: $\langle \text{рин} \sim \text{р}\emptyset \sim \text{р}'\emptyset \rangle$, $\langle \text{нин} \sim \text{н}\emptyset \sim \text{н}'\emptyset \rangle$, $\langle \text{чин} \sim \text{ц}\emptyset \sim \text{ч}'\emptyset \rangle$. A_1 ($\langle \text{рин} \rangle, \langle \text{нин} \rangle, \langle \text{чин} \rangle$) фиксируется в словоформах ед.ч., в счетной и зв. формах. A_2 , обусловленный усечением сегмента $\langle \text{ин} \rangle$ ($\langle \text{р}\emptyset \rangle, \langle \text{н}\emptyset \rangle, \langle \text{ц}\emptyset \rangle$), маркирует словоформы мн.ч. перед флексией /и/. A_3 ($\langle \text{р}'\emptyset \rangle, \langle \text{н}'\emptyset \rangle, \langle \text{ч}'\emptyset \rangle$) находим в собир. форме перед флексией /а/. Ср.: ед. опр. — *българинът*; сч. — (*двама*) *българина*; зв. — *българино* ~ мн. неопр. — *българи* ~ соб. — *българя, гражданя, циганя, турча*.

б) Этот же AP может быть представлен и еще одним ТЧ $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \sim C_2 \emptyset C_4 \rangle$, характеризующим парадигмы некоторых сущ., м.р. на /ин/, обозначающих лиц мужского пола, например: *сърбин, турчин*. Реально данный тип реализован в двух чередованиях: $\langle \text{бин} \sim \text{б}\emptyset \sim \text{бу}_1 \text{л}' \rangle$ и $\langle \text{чин} \sim \text{ц}\emptyset \sim \text{чу}_1 \text{л}' \rangle$. Ср.: ед. опр. — *сърбинът, турчинът*; зв. — *сърбино, турчино*; сч. — (*двама*) *сърбина, турчина* ~ мн. неопр. — *сърби, турци* ~ собир. — *сърболя, турчоля* (или *турчуля*).

9) AP $A_1 \sim A_2 \sim A_3 // A_1 \sim A_2 \sim A_3 \sim A_4 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)} \rangle \sim \langle \text{мн., сч.} \rangle \sim \langle \text{зв., соб.} \rangle // \langle \text{ед. (неопр., опр.)} \rangle \sim \langle \text{мн., сч.} \rangle \sim \langle \text{зв.} \rangle \sim \langle \text{соб.} \rangle$

Представлен ТЧ $\langle K \sim C \sim C \rangle // \langle K\emptyset \sim C\emptyset \sim C\emptyset \sim C C_3 \rangle$ (где элемент $\langle C_3 \rangle$ реализован сегментом $\langle \text{у}_1 \text{л}' \rangle$) и конкретным чередованием $\langle \text{к} \sim \text{ц} \sim \text{ч} \rangle // \langle \text{к}\emptyset \sim \text{ц}\emptyset \sim \text{ч}'\emptyset \sim \text{чу}_1 \text{л}' \rangle$. Он характеризует парадигму сущ. *грък*; *грък* (ед. неопр.), *гъркът* (ед. опр.) ~ *гърци* (мн.,сч.) ~ *гърче* (зв.) ~ *гърча//гърчоля* (соб.). Парадигма данного сущ. характеризуется также и метатезой $\langle \text{рь} \sim \text{ър} \rangle$ (см. ниже).

10) AP $A_1 \sim A_2 \sim A_3 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)} \rangle \sim \langle \text{мн., сч., соб.} \rangle \sim \langle \text{зв.} \rangle$

Представлен ТЧ $\langle K \sim C' \sim C' \rangle$ (конкретное чередование $\langle \text{х} \sim \text{ч}'/\text{с}_1 \sim \text{ш} \rangle$) и характеризует парадигмы двух сущ. м.р.; *влах* и *куцовлах*, ср.: ед. опр. — *влахът, куцовлахът* ~ мн., сч. — *власи, куцовласи*; соб. — *влася* ~ зв. — *власе* (и *влáхо*).

Как показал рассмотренный материал, иллюстрирующий консонантные чередования, чередования с наращением и чередования с усечением, характеризующие словоизменительные парадигмы болгарских сущ., наиболее продуктивными являются чередования типа $\langle K \sim C \rangle$ и чередования с наращением (тип $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$). Из грамматических категорий в наибольшей степени морфонологически маркированной является категория числа (противопоставление значений ед. и мн. чисел), и — в рамках сущ. м. и ж. рода, обозначающих лиц мужского и женского пола, — категория вокативности (апеллятивности). Категория определенности не маркируется консонантными чередованиями, чередованиями с наращением и чередованиями с усечением.

Морфонологическое чередование типа <К ~ С>, участвующее в оформлении грамматической оппозиции между формами ед. и мн. чисел (вторая ступень <С> перед флексиями мн.ч. /и/ и /е/) сущ. м.р. и четырех сущ. ж.р. (*владѣ́ка, патри́ка, рѣка́, нога́*), проведено в СБЛЯ непоследовательно. Наиболее продуктивным и, следовательно, лексически нагруженным является конкретное чередование <к ~ ц>, менее продуктивным — чередование <г ~ з> и совсем непродуктивным, охватывающим небольшое количество субстантивных основ, — чередование <х ~ с>. Такое распределение чередований в пределах класса имен сущ., ИВО которых завершается на фонемы /к₃х₁/ (орф. к, г, х), связано в первую очередь со словообразовательными возможностями языка. Так, если группы сущ. с основами на /к₃/ (соответствующую сильным фонемам /к/ и /г/) характеризуются большим количеством суффиксальных производных и представляют собой, по сути дела, открытые ряды слов (ср. производные сущ. с суффиксами /ак/, /ик/, /ник/, /чик/, /ѣк/, /лък/, /лук/, /лог/, /олог/, /орг/, /ург/), то суффиксальные производные, основы которых оканчивались бы на /х/, в СБЛЯ, фактически, отсутствуют. В результате, если для многосложных сущ. м.р. с основами на /к/ и /г/ (в ИВО — /к₃/), образующих словоформы мн.ч. при помощи флексии /и/, важно дать список тех сущ. в которых ожидаемое чередование не реализовано, то в группе сущ. с основой на /х/ (ИВО — /х₁/) целесообразно перечислить те из них, парадигмы которых маркированы МЧ <х ~ с>.

Довольно четко выявляется зависимость данного ТЧ от лексического фактора. Так, выделяется группа этнонимов, в которых явно прослеживается тенденция к устранению МЧ <К ~ С> = <ед. ~ мн.>. Например, в группе сущ. — этнонимов, ИВО которых оканчивается на /к₃/ (соответствующую /к/), противопоставленность по числу при помощи чередования <к ~ ч> последовательно характеризует парадигмы четырех слов (*казак, поляк, словак, грек*); отсутствие данного чередования отмечено в парадигмах остальных сущ. — этнонимов (*дак, трак, тюрк, тоск, франк*). Среди этнонимов, ИВО которых оканчивается на фонему /к₃/ (соответствующую фонеме /г/), алтернатива <г ~ з>, противопоставляющая словоформы ед. и мн. чисел, зафиксирована лишь в сущ. *печенэг* (но оно образует и парадигму без данного МЧ) и отсутствует в сущ. *белг, гег, фриг*. Из этнонимов с ИВО на /х₁/ (соответствующую /х/) только парадигмы сущ. *влах, куцовлах* и *чех* маркированы МЧ <х ~ с>, в то время как сущ. *лех, сих* и *казах* имеют неизменный состав основы во всех словоформах парадигмы, и, следовательно, характеризуются отсутствием чередования. Кроме того, обнаруживается определенная зависимость между наличием (отсутствием) чередования <К ~ С> и происхождением слова: в заимствованиях чаще наблюдается устранение этого чередования.

Морфонологическая характеристика того или иного сущ. зависит в значительной степени и от некоторых дополнительных факторов, связанных со структурой слова и с его грамматической характеристикой: от количества слогов в слове и строения финальной части основы; от грамматического рода сущ. Так, многосложность и структура конца основы /VC/ (орф. — *ак, ек... , аг, ег... , ах, ух...*) или /CC/ (ограниченно, только сочетания — орф. *рк, нк, рг, рх*), а также принадлежность сущ. к грамматическому м.р. (м.р. — *владѣ́ка ~ владѣ́ци*, но ж.р. — *радѣ́ка* 'одуванчик' —

ради́ки) являются наиболее благоприятными условиями для осуществления модификации основы и формирования МЧ типа $\langle K \sim C \rangle$ (A_2 — перед флексиями мн.ч. /и/ и /е/), противопоставляющего словоформы ед. и мн. чисел.

Можно также предположить, что устранение чередования $\langle K \sim C \rangle = \langle \text{ед.} \sim \text{мн.} \rangle$ имеет место, как правило, в редко встречающихся словах, таких, как *фриг* (чаще *фриге́иц*), *белг* (чаще *белге́иц*), *дисаг*, *ба́нциг* и под. В словах же, характеризующихся высокой фреквентностью в речи (*кожу́х*, *сиромáх*, *чове́к*, *белег*, *по́двиг*, *недѣг*, *мона́х* и др.) или же имеющих высокопродуктивные словообразовательные суффиксы (орф. *ак*, *ник*, *олог* и др. — *глупа́к*, *уче́ник*, *антрополо́г* и др.), указанное чередование проведено последовательно.

Существует мнение, что причина непоследовательностей в реализации ТЧ $\langle K \sim C \rangle = \langle \text{ед.} \sim \text{мн.} \rangle$ в сущ. м.р. кроется прежде всего во внутренних закономерностях развития болгарского языка (как литературного, так и диалектного), в котором общая падежная форма мн.ч. может восходить как к И.мн. со ступенью $\langle C \rangle$ (прежде всего в западно-болгарских говорах, ср. *ро́зи*, *о́ре́си*), так и к В.мн. со ступенью $\langle K \rangle$ (в основном в восточно-болгарских диалектах, ср. *пра́зници*, *ези́ки*, *ра́ки*, *муста́ки*, *да́йки*, *кожу́хи*, *о́ре́хи* и др.). Именно это обстоятельство и обусловило возможность утверждения в СБЛЯ вариативной нормы со ступенями $\langle C \rangle$ и $\langle K \rangle$ в словоформах мн.ч. сущ. м.р. Из сказанного следует, что все заимствованные слова (например, из русского, в котором чередование типа $\langle K \sim C \rangle$ в субстантивной системе отсутствует) могли (и могут) адаптироваться в СБЛЯ как со ступенью $\langle K \rangle$, так и со ступенью $\langle C \rangle$ в словоформах мн.ч. сущ. м.р. (ср. *большеви́ки*/*большеви́ци*, *взго́рзи*, *о́тпуски*), поскольку обе морфологические модели не являются для него чуждыми (см. Бьорнфлатен 1983, 141–148).

Большой продуктивностью в СБЛЯ характеризуются и чередования, связанные с наращением субстантивной основы различными морфонологическими сегментами ($\langle \text{ов} \rangle$, $\langle \text{ет} \rangle$, $\langle \text{ен} \rangle$ и др.), которые также участвуют в противопоставлении ед. и мн. чисел (см. Аронсон 1974, 204). Чередования же, обусловленные усечением основы, не продуктивны: они характеризуют парадигмы сущ. м.р., называющих лиц мужского пола по их национальности, месту жительства, занятиям и т.п. (*българин*, *селянин*).

Чередования типа $\langle K \sim \check{C} \rangle$, участвующие в образовании зв. форм, проявляют в настоящее время заметную тенденцию к элиминации, поскольку зв. форма активно замещается в СБЛЯ либо общей падежной, либо определенной (членной) формой. Это обстоятельство обуславливает все возрастающую непродуктивность данного ТЧ в системе болгарского субстантивного словоизменения.

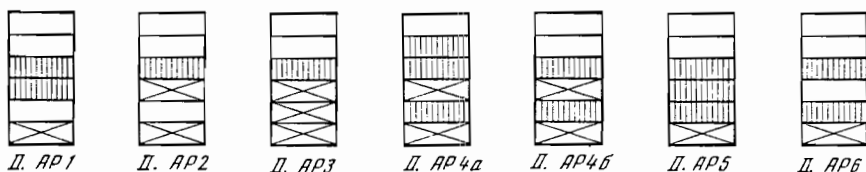
Еще меньшей продуктивностью характеризуется чередование типа $\langle T \sim T' \rangle$, маркирующее образование собирательных форм. Оно носит ярко выраженный лексикализованный характер и является индивидуальной морфонологической характеристикой парадигм отдельных слов.

Наконец, отметим, что консонантные чередования, чередования с наращением и чередования с усечением фиксируются прежде всего в парадигмах сущ. м.р., в меньшей степени — в парадигмах сущ. ср.р. и, фактически, не участвуют в построении словоизменительных парадигм сущ. ж.р.

II. Чередования гласной фонемы с нулем (тип $\langle V \sim \# \rangle$)

ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$ реализуется в СБЛЯ в чередованиях $\langle \text{ь} \sim \# \rangle$, $\langle \text{е} \sim \# \rangle$ и редко — $\langle \text{и} \sim \# \rangle$ (сущ. *бодил*) и $\langle \text{о} \sim \# \rangle$ (сущ. *псалом*).

Ниже дано схематическое изображение АР.

1) $AP A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)}, \text{сч.} \rangle \sim \langle \text{мн.}, \langle \text{зв.} \rangle \rangle$. Охватывает парадигмы неличных сущ. м. р. От некоторых из них в редких случаях могут быть образованы зв. формы (*тигре!*, *театре!*). Большинство же сущ. не имеют в своих парадигмах зв. форм (см. подробнее выше). Следовательно, их образование в классе неличных сущ. м. р., парадигмы которых характеризуются ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$, факультативно, на что и указывают круглые скобки: (зв.).

1. Чередование $\langle \text{ь} \sim \# \rangle$ характеризует парадигмы сущ. м. р., не обозначающих лиц мужского пола. A_1 , реализованный $\langle \text{ь} \rangle$, фиксируется в словоформах ед. ч. перед нулевой флексией и в сч. форме перед флексией $/\text{ь}_1/$. A_2 , представленный морфонологически нулем $\langle \# \rangle$, находим в словоформах мн.ч. перед флексиями $/\text{и}/$ и $/\text{е}/$, а также в зв. форме перед флексиями $/\text{е}/$ и $/\text{о}/$ (в парадигмах тех сущ., которые могут ее образовывать). Чередование $\langle \text{ь} \sim \# \rangle = \langle \text{ед. (неопр., опр.)}, \text{сч.} \rangle \sim \langle \text{мн.}, \langle \text{зв.} \rangle \rangle$ маркирует парадигмы сущ. следующих групп:

а) Неличные (производные и заимствованные) сущ. м. р., ИВО которых оканчивается на $/\text{ь}_1\text{р}_1/$ (сегмент $/\text{ь}_1\text{р}_1/$ представляет собой либо непродуктивный суффикс — *вятър*, либо запрещенное правилами болгарской синтагматики сочетание согласных 'шумный + сонорный' в исходе словоформы перед паузой в заимствованных словах, заменяемое на болгарской почве сочетанием 'шумный + $[\text{ь}]$ + сонорный' — *център*): ед. неопр. — *бобър*, *вепър*, *вихър*, *вятър*, *епицентър*, *кедър*, *лавър*, *одър*, *театър*, *тѐмбър*, *тигър*, *център*^{2 8}; ед. опр. — *бобърът*, *вепърът*; сч. — (*два*) *бобъра*, *вепъра* ~ мн. неопр. — *бобри*, *вепри*, *вихри* (*вихрове*), *ветрове*; зв. — *ветре*, *театре*, *тигре*.

Сущ. *габър* образует словоформы мн. ч. как со ступенью $\langle \text{ь} \rangle$, так и со ступенью $\langle \# \rangle$: мн. неопр. — *габри*//*габъри*. Сущ. *диоптър* и *семѐстър* образуют счетные формы как со ступенью $\langle \text{ь} \rangle$, так и со ступенью $\langle \# \rangle$: (*два*) *диоптъра*//*диоптра*, (*два*) *семѐстъра*//*семѐстра*.

В особую группу выделяются производные сущ. *мѐтър* и *лигѐтър*, а также производные от них *сантимѐтър*, *маномѐтър* и др.; *децилигѐтър* и

^{2 8} Парадигмы некоторых из перечисленных сущ. (*вятър*, наряду с чередованием $\langle \text{ь} \sim \# \rangle$ характеризуются и чередованием типа $\langle C_2\text{в} \sim C_2C_3 \rangle$, а именно — $\langle \text{в} \sim \text{у}_1\text{в} \rangle$ (см. выше), входящим в АР 1): $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)}, \text{сч.} \rangle \sim \langle \text{мн.} \rangle$.

др. Так, парадигмы сущ. *мѣтър* 'предмет для измерения' (*дѣрвен мѣтър*), *сантимѣтър* 'линейка для измерения', *баромѣтър*, *децимѣтър*, *диамѣтър*, *маномѣтър*, *калоримѣтър*, *пентамѣтър*, *перимѣтър*, *термомѣтър*, *гекзамѣтър*, *хрономѣтър*, *таксимѣтър* и некоторые др., а также сущ. *литър* 'мерка, емкость' — характеризуются МЧ (<ъ ~ #>) = <ед. (неопр., опр.), сч. ~ (мн.), т.е. *мѣтър*, *мѣтърѣт*, *два мѣтѣра* ~ *мѣтри*, *мѣтрите*; *литър*, *литѣрѣт*, *два литѣра* ~ *литри*, *литрите*. Парадигмы же сущ. *мѣтѣр* 'длина', *сантимѣтѣр* 'длина', *милимѣтѣр*, *киломѣтѣр*, *тонкиломѣтѣр*, а также *литѣр* 'объем', *децилитѣр* и под. — имеют иную морфонологическую характеристику, а именно: (<ъ ~ #>) = <ед. (неопр., опр.)> ~ (мн., сч.), т.е. *мѣтѣр*, *мѣтѣрѣт* ~ *мѣтри*, *мѣтрите*, *два мѣтра*; *литѣр*, *литѣрѣт* ~ *литри*, *литрите*, *два литра*.

Следующие сущ. м. р. с ИВО на /ъ₁р₁/ (или /ъ₁р₁/) во всех словоформах парадигмы имеют один вариант основы и, следовательно, характеризуются отсутствием МЧ (<ъ ~ #>): *айгѣр*, *бакѣр*, *джемпѣр*, *кабѣр*, *катѣр*, *кахѣр*, *мангѣр*, *сатѣр*, *хасѣр*, *хатѣр*, *чадѣр*, *чебѣр*, *яхѣр*.

б) Неличные (производные с непродуктивным суффиксом /ъ₁л/ — *вѣпѣл* и заимствованные — *мотоцикѣл*) сущ. м. р. с ИВО на сегмент /ъ₁л₁/: ед. неопр. — *ансамбѣл*, *бѣкѣл*²⁹, *вѣпѣл*, *дирижабѣл*, *жѣгѣл*, *жѣзѣл*, *кегѣл*, *заимисѣл*, *леторасѣл*, *мотоцикѣл*, *промисѣл*, *отрасѣл*, *пѣкѣл*, *серкѣл*, *спектакѣл*, *цикѣл*, *цокѣл*, *чѣхѣл*, *ѣгѣл* и др.; ед. опр. — *ансамбѣлѣт*; сч. — (*два*) *ансамбѣла* ~ мн. неопр. — *ансамбли*; зв. — *дирижабле!* Сущ. *монѣкѣл* характеризуется вариативной морфонологической структурой, образуя членную форму ед. ч. как со ступенью (<ъ>), так и со ступенью (<#>): ед. неопр. — *монѣкѣл*; ед. опр. — *монѣкѣлѣт*//*монѣклѣт*, сч. — (*два*) *монѣкѣла* ~ мн. неопр. — *монѣкли*, мн. опр. — *монѣклите*, зв. — *монѣкле!* Сущ. *агѣл*, *акѣл*, *кѣкѣл*, *маясѣл* (sing. t), *мухѣл* (sing. t), *чакѣл* (sing. t), *шѣмпѣл* во всех словоформах парадигмы имеют неизменный фонемный состав основы: их парадигмы являются морфонологически немаркированными.

в) Два сущ. м. р. с ИВО на /ъ₁т₃/ (/ъ₁т₁/): ед. неопр. — *лакѣт*, *нокѣт*; ед. опр. — *лакѣтѣт*, *нокѣтѣт*; сч. — (*два*) *лакѣтя*, *нокѣтя* ~ мн. неопр. — *лакѣти*, *нокѣти*; мн. опр. — *лакѣтите*, *нокѣтите*. Значительно реже эти сущ. могут образовывать счетную форму и с нулевым альтернантом (*два лакѣтя*, *два нокѣтя*), что обуславливает и иную морфонологическую характеристику их парадигм: (<ъ ~ #>) = <ед. (неопр., опр.)> ~ (мн., сч.).

г) Два сущ. м. р. с ИВО на /ъ₁к₃/ (/ъ₁к₁/) *зѣлкѣ* и *порѣдѣкѣ*³⁰ относятся также к данному АР и чередованию (<ъ ~ #>): ед. опр. — *зѣлкѣт*, *порѣдѣкѣт*; сч. — (*два*) *зѣлка*, *порѣдѣка* ~ мн. — *зѣлци*, *порѣдѣци*; *зѣлците*, *порѣдѣците*. Словоформы мн. ч. могут быть образованы и со ступенью (<ъ>) (мн. неопр. — *зѣлци*, *порѣдѣци*; мн. опр. — *зѣлците*, *порѣдѣците*), что делает в этом случае парадигмы сущ. *зѣлкѣ* и *порѣдѣкѣ* немаркированными чередованием (<ъ ~ #>). В остальных сущ. м. р. с ИВО

²⁹ Наряду с *бѣкѣл* употребляется также и его дублет — сущ. *бѣкѣл*, характеризующееся вариативной морфонологической характеристикой: *бѣкѣл*, *бѣкѣлѣт*, *бѣкли*//*бѣкѣли*, *два бѣкѣла* (см. ниже).

³⁰ Парадигмы данных сущ. маркированы и чередованием (<к ~ ц>) (см. выше).

/ъ₁к₃/ (/ъ₁к/). МЧ <ъ ~ #> отсутствует: *вѡсѣк, дѡнѣк, добѣтѣк, домѣзлѣк, жѣлтѣк, изрѣстѣк, кѡмѣк, кѡпчелѣк, мѡзѣк, пѣтѣк, плѡмѣк, пѣсѣк, остѣтѣк, упадѣк, ухапѣк* и др.: *плѡмѣк, плѡмѣкѣт, двѡ плѡмѣка, плѡмѣци, плѡмѣците, плѡмѣко/плѡмѣче*.

2. Чередование (е ~ #) характеризует парадигмы двух сущ. м. р. с ИВО на сегмент /ел₁/ (/ел/): *орѣл* и *петѣл*. А₁ - <е> отмечен в двух словоформах ед. ч. перед нулевой флексией и в сч. форме перед флексией /ъ₁/ . А₂, представленный морфонологическим нулем (<#>), характеризует словоформы мн. ч. перед флексией /и/ и зв. форму перед флексией /о/: ед. опр. - *орѣлѣт, петѣлѣт*; сч. - (*двѡ*) *орѣла, петѣла* ~ мн. неопр. - *орли, петли*; мн. опр. - *орлите, петлите*; зв. - *орльо, петльо*.

2) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (неопр., опр.), сч.> ~ <мн.>. Реализован чередованиями <ъ ~ #>, <е ~ #>, <и ~ #> и <о ~ #>, характеризует парадигмы неличных сущ. м. р.

1. Чередование <ъ ~ #> характеризует парадигмы трех сущ. - *кѡсѣм, ритѣм, ѡгѣн*³¹. А₁ - <ъ> отмечен в двух словоформах ед. ч. перед нулевой флексией и в сч. форме перед флексией /ъ₁/ . А₂ находим в словоформах мн. ч. перед флексиями /и/ и /е/: ед. опр. - *кѡсѣмѣт, ритѣмѣт, ѡгѣнѣт*; сч. - (*двѡ*) *кѡсѣма, ритѣма, ѡгѣня* ~ мн. неопр. *кѡсми, ритми, огньѡве*; мн. опр. - *кѡсмите, ритмите, огньѡвете*.

2. Чередование (е ~ #) маркирует парадигмы сущ. м. р. с ИВО на сегменты /ел₁/ (/ел/), /ен₁/ (/ен/), /ен₁/ (/ен'/) и /ек₃/ (/ек/). Условия появления первой и второй ступеней чередования те же самые, которые были указаны выше, при описании чередования <ъ ~ #> = <ед. (неопр., опр.) ~ <мн.>.

а) /ел₁/ (/ел/). Чередование (е ~ #) свойственно парадигмам следующих сущ.: *вѣтел, вѣзел* 'узел (завязанный)'³², *козѣл, котѣл, осѣл*. Ср.: ед. опр. - *вѣтелѣт, вѣзелѣт, козѣлѣт*; сч. - (*двѡ*) *вѣтѣла, вѣзѣла, козѣла* ~ мн. неопр. - *вѣтли, вѣзли, козли, котли, осли*. Парадигмы сущ. *бѣкел, кѣжел* и *фѣкел* имеют вариативную морфонологическую характеристику, так как могут образовывать словоформы мн. ч. как со ступенью <#>, так и со ступенью (е): ед. опр. - *бѣкелѣт, кѣжелѣт, фѣкелѣт*; сч. - (*двѡ*) *бѣкѣла, кѣжелѣла, фѣкѣла* ~ мн. неопр. - *бѣкли/бѣкѣли, кѣжли/кѣжелѣли, фѣкли/фѣкѣли*; (зв. - *фѣкле!*). Большинство сущ. м. р. с ИВО на сегмент /ел₁/ (/ел/) характеризуются морфонологически немаркированными парадигмами (*кутел, мѡнтел, свѣдел/свѣрдел, стубел, стѣршел*).

б) /ен₁/ (/ен/). Три сущ. м. р. (*овѣн, копѣн* и *рѣзен*) также характеризуются указанным чередованием. Ср.: ед. опр. - *овѣнѣт, копѣнѣт, рѣзенѣт*; сч. - (*двѡ*) *овѣна, копѣна, рѣзѣна* ~ мн. неопр. - *овни, копни, рѣзнове/рѣзньѡве*. Сущ. *рѣзен* может образовывать и вариативную парадигму, не маркированную чередованием (е ~ #), с вокалической ступенью чередования в словоформах мн. ч. перед флексией /и/: *рѣзѣни, рѣзѣните*. Остальные немногочисленные сущ. на /ен₁/ имеют парадигмы морфоно-

³¹ Парадигма сущ. *ѡгѣн* характеризуется и чередованием типа <С₂Ѣ ~ С₂С₃> (см. выше).

³² Но парадигма сущ. *вѣзел* 'морская мера длины', наряду со счетной формой *вѣзѣла*, может образовывать ее и со ступенью <#>: *двѡ вѣзѣла/двѡ вѣзѣла*, формируя чередование (е ~ #) = <ед. (неопр.; опр.) ~ <мн., сч.>.

логически немаркированные (*остѣн, безистѣн, учѣн*; ед. опр. — *остѣнѣт*; мн. неопр. — *остѣни*; сч. — *двѣма учѣни, двѣ безистѣна, двѣ остѣна*).

в) /ен₁/ (ен'/). С таким исходом основы и с чередованием (е ~ #) отмечены только сущ. *ден* и *полуден*: ед. опр. — *денѣт, полуденѣт*; сч. — (*двѣ*) *дѣна/дѣня, полудѣна/полудѣня* ~ мн. неопр. — *дни, полудни*. Эти же сущ. могут образовывать и иную парадигму, имея в счетной форме нулевую ступень чередования (а именно — *двѣ дни, двѣ полудни*) и формируя, тем самым, другое чередование: (е ~ #) = <ед. (опр., неопр.)> ~ <мн., сч.>.

г) /ек₃/ (/ек/). Только парадигма сущ. *зѣк* маркирована чередованием (е ~ #) = <ед. (неопр. опр.), сч.> ~ <мн., ср. ед. опр. — *зѣкѣт, сч. — двѣ зѣка* ~ мн. неопр. — *зѣйци*.

д) /ец₃/ (/ец/): *вѣлец, венѣц, врабѣц, гърнѣц*³³, *дворѣц, жребѣц, кѣдърѣц, конѣц, образѣц, ярец* и др. А₁ (е) отмечен в двух словоформах ед. ч. перед нулевой флексией /ѳ/ и в сч. форме перед флексией /ь₁/, А₂, реализованный (#), находим в двух словоформах мн. ч. перед флексией /и/. Ср.: ед. опр. — *вѣлецѣт, венѣцѣт*; сч. — (*двѣ*) *вѣлеца, венѣца*; ~ мн. неопр. — *вѣлци, венѣци*. Сущ. *мѣсец* характеризуется отсутствием чередования (е ~ #), ср.: *мѣсец; мѣсецѣт; мѣсеци; мѣсеците; (двѣ) мѣсеца*.

Четыре сущ. м. р. — *агнец, гъгрѣц, кѣдрѣц, щиглец*, характеризующиеся сложной структурой исхода основы (а именно — <СС₁еС₂>), образуют вариативные парадигмы: без, чередования и с чередованием целых сегментов <СС₁еС₂> ~ <СъС₁С₂> = <ед. (неопр., опр.), сч.> ~ <мн.>. Ср.: ед. опр. — *агнецѣт, гъгрѣцѣт, кѣдрѣцѣт, щиглецѣт*; сч. — (*двѣ*) *агнеца, гъгрѣца, кѣдрѣца, щиглеца* ~ мн. неопр. — *агнѣци, гъгрѣци/гъгърѣци, кѣдрѣци//кѣдърѣци, щиглеци/щигълци*. Данное чередование можно выразить транскрипционно следующим образом: <С₁е> ~ <ъС₁> = <ед. (неопр., опр.), сч.> ~ <мн.> (т.е. здесь имеет место чередование (е ~ ъ) и метатеза сегментов <CV ~ VC>).

3. Чередование (и ~ #) характеризует парадигму лишь одного сущ. м. р. *бодил*, ср.: ед. опр. — *бодилѣт, сч. — двѣ бодила* ~ мн. неопр. — *бодли*, мн. опр. — *болдите*.

4. Чередование (о ~ #) также характеризует парадигму только одного сущ. *псалом*, ср.: ед. опр. — *псаломѣт, сч. — двѣ псалома* ~ мн. неопр. — *псалми*, мн. опр. — *псалмите*.

3) АР А₁ ~ А₂ = <ед. (неопр., опр.)> ~ <мн.>.

Характеризует парадигмы пяти сущ. ж. р. и представлен чередованиями (ъ ~ #) и (е ~ #).

1. Чередование (ъ ~ #) отмечено в парадигмах следующих сущ. ж. р. с нулевой флексией вчлененной форме ед. ч.: *мисъл; казнѣ, неприязнѣ и съблазнѣ*. Ср.: ед. опр. — *мисълта, казнѣта, неприязнѣта, съблазнѣта* ~ мн. неопр. — *мисли; казни, неприязни, съблазни*.

2. Чередование (е ~ #) характеризует парадигму сущ. ж. р. *пѣсен*: ед. опр. — *пѣсента* ~ мн. неопр. — *пѣсни*.

4) АР а) А₁ ~ А₂ = <ед. неопр.> ~ <ед. опр., мн., сч.> //

³³ Парадигма сущ. *гърнѣц* характеризуется также и чередованием, обусловленным метатезой, а именно: <ър ~ рь> = <ед. (неопр., опр.), сч.> ~ <мн.> (ср. *гърнец ~ грънци*, см. об этом ниже).

б) $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)} \rangle \sim \langle \text{мн. сч.} \rangle$

Реализован одним чередованием $\langle \text{ъ} \sim \# \rangle$ и характеризует суш. м. р. с ИВО, на сегмент $/\text{изь}_1\text{м}/$ ($/\text{изь}_1\text{м}/$): *архаизъм, органи́зъм, реали́зъм, социализъм* и др. Литературной нормой в распределении ступеней чередования по отдельным словоформам парадигмы является наличие вокалической ступени $\langle \text{ъ} \rangle$ в неопределенной (нечленной) форме ед. ч. перед флексией $/\text{в}/$ и нулевой ступени $\langle \# \rangle$ — во всех остальных словоформах парадигмы, т.е. в определенной (членной) форме ед. ч. (*архаизъмът, органи́зъмът*), в двух словоформах мн. ч. перед флексией $/\text{и}/$ (*архаизми, органи́зми...*, *архаизмите, органи́змите...*) и в сч. форме перед флексией $/\text{ъ}_1/$ (*два архаизма, два органи́зма...*). Однако в настоящее время все более распространенными в болгарском литературном разговорном языке являются членные формы ед. ч. с вокалической ступенью чередования $\langle \text{ъ} \rangle$, а именно: *архаизъмът, органи́зъмът*, конкурирующие с нормативными формами *архаизъмът* и под. Этот факт свидетельствует о том, что морфонологическая модель $\langle \text{ъ} \sim \# \rangle = \langle \text{ед. неопр.} \rangle \sim \langle \text{ед. опр., мн., сч.} \rangle$ не является в СБЛЯ продуктивной и поэтому активно вытесняется из языка более жизнеспособной моделью $\langle \text{ъ} \sim \# \rangle = \langle \text{ед. (неопр., опр.)} \rangle \sim \langle \text{мн., сч.} \rangle$ (см. Стоянов 1984, 15–16), в которой две тесно связанные между собой формы ед. ч. — неопр. и опр. — имеют, как правило, одинаковую морфонологическую характеристику. Отметим, также, что эта группа суш. проявляет нестабильность не только при образовании определенных форм ед. ч. (*архаизъмът/архаизъмът*). Некоторые источники отмечают вокалическую ступень чередования $\langle \text{ъ}_1 \rangle$ и при образовании счетных форм: *няколко софизма* (см. Маслов 1981, 149), т.е. $\langle \text{ъ} \sim \# \rangle = \langle \text{ед. (неопр., опр.)}, \text{сч.} \rangle \sim \langle \text{мн.} \rangle$.

К АР 4б) относятся и парадигмы суш. *литър* 'объем, количество' и *мѣтър* 'длина' (и производные от них), ср.: ед.опр. — *литърът, мѣтърът* ~ сч. — *два литра, два мѣтра*; мн. неопр. — *литри, мѣтри* (см. выше с. 226–227).

5) АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (неопр., опр.)} \rangle \sim \langle \text{мн., сч., зв.} \rangle$

Представлен двумя чередованиями: $\langle \text{ъ} \sim \# \rangle$ и $\langle \text{е} \sim \# \rangle$. Характеризует парадигмы суш. м.р., называющих лиц муж. пола.

1. Чередование $\langle \text{ъ} \sim \# \rangle$ характерно для парадигм тех суш. м.р., ИВО которых оканчивается на сегменты $/\text{ъ}_1\text{р}/$ ($\text{ъ}_1\text{р}/$), $/\text{ъ}_1\text{л}/$ ($\text{ъ}_1\text{л}/$), и $/\text{ъ}_1\text{к}_3/$ ($\text{ъ}_1\text{к}/$). $A_1 \langle \text{ъ} \rangle$ отмечен в двух словоформах ед.ч. перед нулевой флексией. A_2 , реализованный морфонологическим нулем $\langle \# \rangle$, находим в двух словоформах мн.ч. и в сч. форме перед флексией $/\text{и}/$, а также в зв. форме перед флексиями $/\text{е}/$ и $/\text{о}/$: ед. неопр. — *арбитър, бакалѣвър, вахмистър, кентавър, мѣвѣр, магистър, министър, негѣр, психиѣтър, педиѣтър, рѣтмистър, свѣкѣр; Алексѣндѣр, Димитѣр, Пѣтѣр; Перикъл, Софѣкъл; момѣк, потѣмѣк, прѣдѣк* ~ мн. неопр., сч. — (*дѣма*) *арбитри; Петровци; Перикловци, момци, прѣдци*; зв. — *арбитре; Петре; Перикле; момко, потѣмко*.

2. Ч е р е д о в а н и е $\langle \text{е} \sim \# \rangle$ характеризует парадигмы двух нарицательных суш. м.р. *отѣц* и *стѣрец* и одного собственного — *Пѣвел*. $A_1 - \langle \text{е} \rangle$ фиксируется в словоформах ед.ч. перед нулевой флексией; $A_2 - \langle \# \rangle$ — в словоформах мн.ч. перед флексией $/\text{и}/$, в сч. форме перед $/\text{и}/$ и в зв. форме — перед флексией $/\text{е}/$. Ср.: ед. неопр. — *отѣц, стѣрец, Пѣвел*; ед. опр. — *отѣцѣт, стѣрецѣт* ~ мн. неопр., сч. — (*дѣма*) *отци, стѣрци, Пѣвлов-*

ци; зв. — *отче, старче, Павле*. Сущ. *творец* может образовывать зв. форму с флексиями /o/ и /e/ и, соответственно — со ступенями ⟨e⟩ и ⟨#⟩, ср.: ед.опр. — *творецът*, зв. — *творецо//творче* (редко) ~ мн.неопр., сч. — (*двѝма*) *творци*.

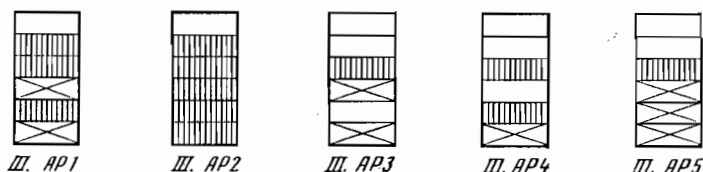
б) AP A₁ ~ A₂ = ⟨ед. (неопр., опр.), зв.⟩ ~ ⟨мн., сч.⟩. Представлен только чередованием ⟨e ~ #⟩ и характеризует парадигмы сущ. м.р. с ИВО на сегмент /eц₃/ (/eц/), обозначающих лиц мужского пола (за исключением сущ. *отец* и *старец*). A₁ — ⟨e⟩ находим в двух словоформах ед.ч. перед нулевой флексией и в зв. форме перед флексией /o/; A₂ — ⟨#⟩ фиксируется в двух словоформах мн.ч. и в сч. форме перед флексией /и/; ед.неопр. — *безумец, борец, вдовец, глупец, дец, земделец, летец, ловец, светец, слепец, юнец, японец* и др.; ед. опр. — *борецът*; зв. — *борецо ...* ~ мн.неопр., сч. — (*двѝма*) *борци*.

В сущ., ИВО которых также завершается на сочетание /eц₃/ (/eц/), но это сочетание входит в сегмент, имеющий структуру /CC₁UC₂/ (*беглец, жрец, мъдрец, мъртвец, никаквец, подлец, хитрец, храбрец*), ожидаемое чередование ⟨e ~ #⟩ не реализуется во избежание в исходе основы большого скопления согласных (/CC₁#C₂/) Ср.: мн.неопр. — *беглци, жреци, мъдрецѝ...*, сч. — (*двѝма*) *беглци, жреци...* Недопущение скопления большого количества согласных достигается и иным путем; в парадигмах некоторых сущ. м.р. с данной структурой исхода основы имеет место чередование целых комплексов: ⟨CC₁eC₂⟩ ~ ⟨CъC₁C₂⟩, или ⟨C₁e ~ ъC₁⟩ (см. выше, AP 2). Это чередование обусловлено элизией ⟨e⟩ (между элементами ⟨C₁⟩ и ⟨C₂⟩), и эпентезой ⟨ъ⟩ (между элементами ⟨C⟩ и ⟨C₁⟩), ср.: ед.неопр. — *беглец*; ед.опр. — *беглецът*; зв. — *беглецо* ~ сч. — *двѝма беглци*, мн.неопр. — *беглци*, мн.опр. — *беглците*. В СБЛЯ ряд сущ. указанной морфонологической структуры может образовывать словоформы мн.ч. и сч. формы с флексией /и/ двумя способами: *беглциѝ//беглци, мъртвецѝ//мъртвци, никаквциѝ//никаквци, подлециѝ//подлци, хитрецѝ//хитрци, храбрециѝ//храбрци* (см.: Аронсон 1974, 163—164; Грамматика—1982, 230). Однако в различных словарных источниках некоторые сущ. со сложной структурой исхода основы (CC₁eC₂) приводятся с чередованием ⟨e ~ #⟩ на месте элемента ⟨V⟩, что обуславливает в конце основы в словоформах мн.ч. и в сч. форме скопление трех согласных: ед. неопр. — *гръмовържец, ирландец, кръстец, лъстец, самодържец, стълбец* ~ мн. неопр. — *гръмовържци, ирландци, кръстци, лъстци, самодържци* (с метатезой ⟨ър ~ рь⟩), *стълбци*. Это обстоятельство свидетельствует, что выбор морфонологической модели при образовании форм мн.ч. (и сч. формы) от сущ. м.р. указанной структуры находится в настоящее время еще в стадии становления.

Материал по чередованиям типа ⟨V ~ #⟩ в субстантивном словоизменении СБЛЯ показал, что появление нулевой ступени маркирует прежде всего словоформы мн.ч., в меньшей степени — сч. и зв. формы и, наконец, очень ограниченно — определенные формы (в рамках ед.ч.); участие морфонологических средств в оформлении грамматической оппозиции ‘определенность ~ неопределенность’ непродуктивно, о чем красноречиво свидетельствует ярко выраженная тенденция к элиминации данного AP (т.е. *архаизъм* ~ *архаизмът* заменяется на соотношение *архаизъм* — *архаизъмът*).

III. Метатеза (тип чередования {VC ~ CV}, {CV ~ VC})

В СБЛЯ в системе субстантивного словоизменения тип {CV ~ VC} и {VC ~ CV} реализуется только в чередованиях {ър ~ рь} и {рь ~ ър} (см. Грамматика—1982, 232). Выбор сочетания [ър] или [рь], в принципе, обуславливается такой вполне определенной фонетической закономерностью, как отношение сочетания плавного с [ь] к слоговому членению конкретной словоформы: если это сочетание находится в рамках фонетического слова перед тавтосиллабическим согласным, то употребляется последовательность [рь] (*грѣк, врѣх*); если же указанное сочетание находится перед гетеросиллабическим согласным, то употребляется последовательность [ър] (*гѣркѣт, гѣрци; врѣхѣт, врѣховѣ*) (См.: Аронсон 1974, 192—193; Маслов 1981, 58—59). Однако данное правило не проведено в СБЛЯ последовательно (*прѣт — прѣтове, крѣт//крѣт — крѣтове//крѣтове, шрѣк//шрѣк — шрѣкове//шрѣкове, гѣрч — гѣрчове, грѣм — грѣмове//гѣрмове, смѣрч — смѣрчове, смѣрт — смѣртѣ* и др.) и обычно сочетание плавного с [ь] во всех словоформах парадигмы одного слова сохраняется неизменным, не подвергаясь метатезе в результате перераспределения слоговой границы. В связи с этим в СБЛЯ зафиксировано сравнительно небольшое число субстантивных основ, варианты которых различаются между собой сочетаниями [ър] и [рь]. Это следующие сущ.: м.р. — *врѣх, грѣб, грѣк, грѣм, гѣрнѣц, властодѣржец, самодѣржец*; ж.р. — *врѣв, грѣд, крѣв, скрѣб, стрѣв*. Их морфологическая структура описывается следующими альтернативными рядами:

1) AP A₁ ~ A₂ = {ед. (неопр.)} ~ {ед. (опр.), мн., сч.}

Представлен чередованием {рь ~ ър}. Характеризует парадигмы следующих сущ. м.р.: *врѣх, грѣм, грѣб*. A₁ — {рь} отмечен только в словоформе ед.ч. неопр. A₂ — {ър} находим во всех остальных словоформах парадигмы. Ср.: ед. опр. — *врѣхѣт, гѣрмѣт, гѣрѣт*; мн.неопр. — *врѣховѣ, гѣрбовѣ, гѣрмове* (и *грѣмове*); сч. — (*два*) *врѣха, гѣрѣва, гѣрѣма* (*грѣма*).

2) AP A₁ ~ A₂ = {ед. (неопр.)} ~ {ед. (опр.), мн., зв. сч., соб.}

Представлен чередованием {рь ~ ър}. Характеризует парадигму лишь одного сущ. *грѣк*. Ср.: ед. опр. — *гѣркѣт*, мн. неопр., сч. — (*двѣма*) *гѣрци*, зв. — *гѣрче*, соб. — *гѣрчѣ, гѣрчолѣ*. Парадигма данного сущ. маркирована также и консонантным чередованием (см. выше, I AP 9).

3) AP A₁ ~ A₂ = {ед. (неопр., опр.), сч.} ~ {мн.}

Реализован чередованием {ър ~ рь}. Свойствен парадигме сущ. *гѣрнѣц*: ед. опр. — *гѣрнѣцѣт*, сч. — (*два*) *гѣрнѣца* ~ мн. неопр. — *гѣрнѣци*. Парадигма этого сущ. характеризуется и чередованием {е ~ #} (см. выше, II AP 2).

4) AP A₁ ~ A₂ = {ед. (неопр., опр.), зв.} ~ {мн., сч.}

Представлен чередованием {ър ~ рь}. Отмечен в парадигмах сложных сущ., вторым членом которых является отглагольное

образование, не встречающееся вне словосложения, — *държец (властодържец, самодържец)*. A_1 — (ър) характеризует словоформы ед.ч. и зв. форму; A_2 (ръ) находим в словоформах мн.ч. и в сч. форме. Ср.: ед. опр. — *властодържецът, самодържецът*; зв. — *властодържцо, самодържецо* ~ мн. неопр., сч. — (*двама*) *властодържци, самодържци*. Парадигмы этих сущ. характеризуются и чередованием (е ~ #) (см. выше, II AP 6).

5) AP $A_1 \sim A_2 =$ (ед. (неопр., опр.)) ~ (мн.)

Представлен чередованием (ръ ~ ър), характеризует парадигмы пяти сущ. ж.р.: *врѣв, грѣд, крѣв, скрѣб, стрѣв*. A_1 — (ръ) маркирует словоформы ед.ч. A_2 — (ър) находим в словоформах мн.ч. Ср.: ед. опр. *врѣвѣта, грѣдѣта, крѣвѣта, скрѣбѣта, стрѣвѣта* ~ мн. неопр. — *врѣви, грѣдѣта, крѣви, скрѣби, стрѣви*.

Таким образом, чередования, обусловленные метатезой сочетаний [ър] и [ръ] в зависимости от перераспределения слоговой границы в результате словоизменения имени сущ., непродуктивны в СБЛЯ. Отмеченные пять AP, маркирующие парадигмы 12 сущ. м. и ж.р., являются в настоящее время индивидуальной характеристикой отдельных слов.

ВЫВОДЫ

Анализ морфологических и морфонологических формальных средств (т.е. флексий и чередований), оформляющих субстантивную парадигму в СБЛЯ, свидетельствует о том, что МЧ участвуют, наряду с флексиями, в оппозициях значений, составляющих такие ГК в подсистеме субстантивного словоизменения, как категории числа, определенности, апеллативности и личности. Так, в рамках категории числа при помощи морфонологических средств противопоставляются значения: 'ед.ч. ~ мн.ч.'; 'неопр. мн.ч. ~ опр. мн.ч.' (наличие особой сч. формы в сущ. м.р., называющих животных, предметы и понятия). В категории определенности МЧ подчеркивают оппозицию 'определенность ~ неопределенность'. Противопоставление значений 'апеллативность ~ неапеллативность' обусловлено наличием особых зв. форм, образование которых сопровождается МЧ в парадигмах личных сущ. м.р. И, наконец, морфонологические средства участвуют в оформлении противопоставления значений 'личность ~ неличность' в рамках одной из подсистем субстантивного словоизменения, а именно — в сущ. м.р.³⁴

³⁴ О существовании категории личности в СБЛЯ, выраженной при помощи специальных морфологических и морфонологических средств в сущ. м.р., позволяет говорить наличие таких оппозиций, как 'апеллативность ~ неапеллативность' и 'неопр. мн.ч. ~ опр. мн.ч.', противопоставляющих между собой класс сущ. м.р., обозначающих лиц мужского пола, с одной стороны, и класс неличных сущ. м.р., с другой. Данное противопоставление показано на таблице, где знак + означает использование специальных формальных средств для выражения этой оппозиции, а знак — указывает на отсутствие таких специальных средств:

	Личные сущ. м.р.	Неличные сущ. м.р.
оппозиция 'апел ~ неапел.'	+	—
оппозиция 'неопр. мн.ч. ~ опр. мн.ч.'	—	+

При оценке той значимости (валентности), которой наделяется морфонологическая структура в том или ином языке, необходимо учитывать, во-первых, лексическую сферу действия чередований (т.е. их лексическую представленность), во-вторых, их грамматическую сферу действия (т.е. состав грамматических оппозиций, оформляемых при помощи морфонологических средств), и, в-третьих, сам набор (инвентарь) чередований, используемых языком при оформлении тех или иных грамматических противопоставлений.

Так, с точки зрения лексической и грамматической сфер действия чередований, а также степени и состава использования свойственных в целом данному языку морфонологических средств, можно констатировать, что в СБЛЯ в системе субстантивного словоизменения наибольшей значимостью обладают консонантные чередования (типа <К ~ С>), чередования с наращением (типа <С₂ϕ ~ С₂С₃>) и чередования типа <V ~ #>, участвующие в противопоставлении 'ед.ч. ~ мн.ч.'. Консонантные чередования твердых согласных фонем с мягкими и заднеязычными с шипящими, а также чередования, оформленные по типу метатезы, обладают низкой валентностью, занимая в субстантивном словоизменении СБЛЯ весьма незначительное (периферийное) место.

Характерно, что такой признак как состав (инвентарь) чередований противопоставляет в СБЛЯ две основные словоизменительные подсистемы: субстантивную (с чередованиями типа <К ~ С>) и глагольную (с чередованием типа <К ~ С> и <Т ~ Т'>). Кстати, в существующей литературе не раз отмечалась такая "специализация" МЧ в болгарском и других славянских языках (см.: Станкевич 1966).

Интерес представляет и тот факт, что в непродуктивных для языка грамматических оппозициях используются несвойственные подсистеме субстантивного словоизменения чередования³⁵ (ср. в СБЛЯ тип чередования <К ~ С> при образовании зв. форм, либо тип чередования <Т ~ Т'> при образовании собир. форм).

Вместе с тем рассмотренный материал показал, что в СБЛЯ имеются факты непоследовательностей в проведении МЧ и даже устранения продуктивных МЧ (*брѣх* – *брѣхи*, но *монах* ~ *монаси*; *врѣх* ~ *врѣховѣ*, но *прѣт* – *прѣтове*; *реализъм* – *реализъмът*, вм. *реализъм* ~ *реализъмът*); имеют место и явные "ошибки" в реализации некоторых из них (*булдог* ~ *булдо̀ци*). Кроме того, выделяется значительный пласт заимствованных сущ., парадигмы которых являются морфонологически немаркированными вопреки господствующей в языке закономерности морфонологического преобразования субстантивной основы определенной структуры (*зигзаг* – *зигза̀ги*, *обелиск* – *обелѝски* при *белег* ~ *белѐзи*, *овраг* ~ *овра̀зи*, *вълк* ~ *въл̀ци*, *патриарх* ~ *патриар̀си*). Указанные факты свидетельствуют о том, что в СБЛЯ большинство МЧ характеризуются пониженной продуктивностью. Видимо, этому способствует одна из специфических особенностей болгарского языка как языка аналитического, заключающаяся в

³⁵ Ср.: "Альтернатици с палаталниими согласними в звательной форме отражают одну тенденцию, хаарктерную для болгарского языка, а именно тенденцию к употреблению для выражения апеллятивной функции тех альтернатив, которые типичны для другой системы" (см. Аронсон 1974, 202).

том, что из всех словоформ субстантивной парадигмы одна, так называемая "общая падежная форма" (словоформа ед.ч., непр.), в которой представлен ИВО с немаркированной ступенью чередования, употребляется в речи значительно чаще других и оказывает аналогическое воздействие на остальные словоформы того же сущ. Субстантивная же парадигма является в СБЛЯ предельно усеченной, и функциональные и формальные связи между отдельными словоформами в рамках этой парадигмы чрезвычайно ослаблены. Поэтому она и не может препятствовать процессу аналогического выравнивания, которое наблюдается в СБЛЯ в отношении МЧ, что и приводит к их устранению (элиминации).

Таким образом, рассмотренные в данной главе морфонологические закономерности субстантивного словоизменения в СБЛЯ подтверждают мнение о том, что степень развития морфонологической структуры является тем выше, чем последовательнее и шире реализованы в языке принципы синтетического строя.

Корректурное дополнение

К разделу "Флексии мн. ч."

В еженедельнике "Паралели" от 4.06–10.06 1987 г. употреблена форма мн. ч. от *кенгуру* – *кенгура*: "Тези две *кенгура* ... се радват ..."

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах настоящей работы были даны синхронные описания морфонологической структуры субстантивного словоизменения современных славянских литературных языков (далее – ССЛЯ) по единой программе. На основании последовательно проведенного анализа конкретных фактов, относящихся к сфере синхронного морфемного варьирования в пределах субстантивной парадигмы, были сделаны важные выводы о том, что: а) морфонологические средства носят вполне упорядоченный и регулярный характер, занимая в системах всех рассмотренных здесь языков заметное место; б) в каждом языке существует строго определенный набор типов чередований и реализующих их конкретных чередований; в) при классификации существительных необходимо учитывать не только морфологические и лексико-семантические признаки, но и морфонологические, указывающие на характер варьирования субстантивной основы в рамках парадигмы. Также не менее важными следовало бы признать и результаты проведенного единообразного исследования морфонологической структуры ССЛЯ с точки зрения возможности приближения к решению такой сложной и во многих чертах еще неясной задачи как выявление – через сопоставление – роли морфонологических признаков в типологической характеристике близкородственных языков славянского ареала. В настоящее время уже имеется равнозначный материал по целому ряду славянских языков, что позволяет на основе полученных данных составить максимальный список тех явлений, которые делают необходимым и обязательным существование в языке морфонологических средств и знание которых крайне важно для понимания самой сущности морфонологических чередований.

При сопоставлении морфонологических данных ССЛЯ мы неизбежно сталкиваемся с известным фактом: чем более обобщенный характер носят явления, выбранные в качестве сопоставительных критериев, тем легче обнаруживаются сходжения между языками; и напротив: чем конкретнее выделенные явления, по которым сравниваются близкородственные языки, тем реже и труднее устанавливаются между ними сходства. Как же оценивать в таком случае результаты синхронного сопоставления ССЛЯ, которые получены, с одной стороны, по обобщенным критериям, демонстрирующим большую общность между языками, а с другой, – по конкретным, показывающим более или менее глубокие различия между ними.

Представляется, что обобщенные критерии помогут установить характер как генетического, так и типологического сходства ряда близкородствен-

ных языков, в то время как конкретные критерии дадут материал для оценки степени тех различий и сходств между ними, которые обусловлены результатами собственной эволюции каждого языка в отдельности на протяжении истории и на основе которых может быть выявлена гипология ССЛЯ в аспекте морфонологии.

При рассмотрении морфонологической структуры ССЛЯ в синхронном плане с целью сопоставления мы сознательно отвлекаемся от диахронического аспекта при интерпретации конкретных языковых фактов, поскольку обращение к диахронии могло бы в известной мере нивелировать и затушевать реальные различия между современными языками и подчеркнуть несуществующие уже ныне сходства. Поясним это на конкретном примере.

Так, если встать на традиционную точку зрения и признать, что сущ. ж.р. III скл. (типа русск. *соль*, *мышь*; укр. *сі́ль*, *ніч*; сербск. *со*, *јесен*, *лаж*) в русском, укр. и с.-х. языках имеют в словоформе Т. ед. флексию /йу/, и если считать, что парадигмы сербских сущ. данного класса характеризуются чередованием типа <Т ~ Т'> (альтернант <Т'> – перед флексией /йу/), в то время как парадигмы русских и украинских сущ., не переживших отвердения конечного согласного основы в словоформе И.ед., оказываются морфонологически немаркированными (и это является совершенно справедливым с точки зрения генезиса указанных форм), то придется использовать целый ряд допущений, чтобы совместить современные языковые факты с традиционным, имеющим поддержку в диахронии, морфологическим членением словоформы Т.ед., выделяющим флексию /йу/. Так, словоформы Т.ед. при сопоставлении их со словоформами И.ед. в СУЛЯ (ср. И.ед. – Т.ед. *тінь* – *тінню*, *ніч* – *нічню*, *радість* – *радістю*, *жовч* – *жовчу*, *кров* – *кров'ю* и под.) в случае признания флексии Т.ед. /йу/ должны были бы интерпретироваться как формы, имеющие в своей структуре фонему /й/, реализованную либо йотом (ср. *кров'ю*, *Есфір'ю*), либо нулем (ср. *радістю*, *жовчу*), либо "переодевшуюся" (по образному выражению Р.А. Аванесова) в [н' л' т' ч ш] (ср. *тінню*, *сілля*, *суттю*, *нічню*, *гуашию*). При интерпретации рядов словоформ И.ед. – Т.ед. в с.-х. (*со* – *солю*, *јесен* – *јесењу*, *глад* – *глађу*, *памет* – *памеђу*, *крв* – *крвљу*, *помоћ* – *помоћу*, *жеђ* – *жеђу*, *обител* – *обитељу*, *ствар* – *стварју*, *слуз* – *слузју*, *лаж* – *лажју*, *реч* – *речју* и под.) пришлось бы признать, что фонема /й/ из флексии Т.ед. /йу/ в одних случаях "поглощается" конечным согласным основы (ср. *солю*, *глађу* *памеђу*, *обитељу*), в других же – реализуется либо согласным [п'] (*озимљу*, *крвљу*), либо йотом (*слузју*, *лажју*)¹. Что касается русских рядов форм *соль*–*солью*, *медь*–*медью*, *сушь*–*сушью*, *степь*–*степью* и под., то парадигмы этих сущ. справедливо и без всяких допущений признаются русской грамматической традицией как имеющие в словоформах Т.ед. флексию /йу/ (фонема /й/ реализуется здесь только как [й], не исчезая и не поглощаясь другими согласными) и как немаркированные морфонологически.

Однако при сопоставлении этих фактов СРЛЯ с точки зрения их синхронного состояния с фактами других ССЛЯ можно принять в качестве

¹ О некоторых предположениях по поводу происхождения данных словоформ в с.-х. языке писал П.С. Кузнецов (см. Кузнецов 1954, 63).

принципиально возможного и иное решение, касающееся одного лишь перераспределения морфемной границы в словоформах Т.ед., но не интерпретации фонемы /й/, ее вариантов и их дистрибуции, а именно – в современных русских словоформах Т.ед. сущ. ж.р. III скл. флексией является /у/, а фонема /й/ относится к субстантивной основе, расширяя ее в позиции перед данной флексией. В результате применения одинакового метода к синхронной разложимости словоформ Т.ед. сущ. ж.р. III скл. в русск., укр. и с.-х. языках (имеется в виду установление структурного параллелизма между словоформами И.ед. и Т.ед., образованными от разных сущ. этого класса) мы выделим флексию /у/ (но не /йу/ с несуществующей реально во многих случаях фонемой /й/). И тогда парадигмы данных сущ. будут характеризоваться: 1) в СРЛЯ – чередованием типа $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$, где $\langle C_3 \rangle$ представлен фонемой /й/ (при реализации $\langle C_2 \rangle$ любой согласной фонемой): *солью, ночью, тенью*; 2) в СУЛЯ – а) в основах на мягкие переднеязычные и шипящие – чередованием $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$, где $\langle C_3 \rangle$ всегда будет совпадать с $\langle C_2 \rangle$ (*суттю, гуашню*), б) в основах на губные и /р/ – чередованием $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$, где $\langle C_3 \rangle$ реализуется фонемой /й/ (*Есфир'ю, кров'ю*) и в) в основах на две (и более) фонемы – отсутствием морфонологического чередования (*жовч – жовчю*); 3) в с.-х. языке – а) в основах на /л, н/ – чередованием типа $\langle T \sim T' \rangle$ (*со – солу, јесен – јесеньу*), б) в основах на /т, д/ чередованием типа $\langle T \sim \acute{C} \rangle$ (*памет – памейу, глад – глађу*), в) в основах на губные – чередованием типа $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$, реализованным подтипом $\langle R\emptyset \sim R' \rangle$ (*озим – озимьу*), г) в основах на /р, ч, ж, ш, з/ – чередованием типа $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$, где $\langle C_3 \rangle$ представлен фонемой /й/ (*слуз – слузју*) и д) в основах на /л', њ, љ/ – отсутствием морфонологического чередования (*обител'р – обител'у, жеђ – жеђу, помоћ – помоћу*). Таким образом, применение в синхронном плане для разных славянских языков одинакового морфонологического членения, основанного на синхронной разложимости словоформ и выделяющего флексию Т.ед. /у/ в генетически одном и том же классе сущ. (ж.р. III скл.), показывает, насколько различным было развитие формального облика данных сущ., обусловленное различной по языкам судьбой отдельных серий согласных фонем.

Для сопоставительного изучения морфонологических средств, используемых ССЛЯ как для передачи определенной грамматической информации, так и для усиления противопоставленности различных словоформ одного слова, необходимо выявить их максимальный набор. Специфика морфонологической структуры предполагает важность определения релевантных для морфонологии фонологических и грамматических явлений, различный состав которых по языкам определяет специфический характер и различный диапазон самих морфонологических средств в каждом из языков. Как наборы формальных средств, так и наборы значений, из которых составляются морфонологические характеристики, представляют собой иерархически организованные системы. Из строго определенного для каждого языка набора формальных средств формируется материальный облик морфонологических единиц – а) видов чередований, б) типов чередований и их подтипов и в) звеньев чередований. Из также строго определенного для каждого языка набора содержательных признаков (ГК и частных грамматических значений) складывается функциональная харак-

теристика чередований, определяющая вхождение вида, типа и звена чередования в тот или иной АР. Все указанные факторы (как материальные, так и функциональные) в каждом конкретном случае демонстрируют тесное взаимодействие, характер которого обуславливается, с одной стороны, строением исхода субстантивной основы, а с другой – ее вхождением в определенную субстантивную парадигму.

Результаты сопоставительного анализа морфонологических явлений, проведенного на материале близкородственных языков, оказываются различными в зависимости от уровня сравниваемых единиц. Очевидно, что сравнение материального облика морфонологических единиц на уровне видов и типов чередования, или сопоставление ГК, маркируемых морфонологически, дадут больше схождений, чем сопоставление конкретных звеньев чередования и частных грамматических значений. Однако еще раз подчеркнем, что наиболее полная и объективная информация о синхронной морфонологии ССЛЯ может быть получена только в том случае, если в основу сопоставительного анализа будут одновременно положены единицы описания морфонологической структуры языка разного уровня (т.е. отражающие реальные факты языка как в более обобщенном, так и в более конкретном аспекте). В этом случае результаты синхронного сопоставления близкородственных языков смогут взаимно дополнить друг друга, показав сложность и многоплановость той системы, которая образована морфонологическими средствами данных языков на современном этапе их развития.

В связи с тем, что сопоставление всех полученных в результате изучения субстантивной морфонологии в ССЛЯ явлений невозможно из-за ограниченного объема монографии, в работе дается сравнение лишь некоторых фактов, характеризующих морфонологическую структуру славянских языков с точки зрения как формальной, так и семантической (грамматической) их значимости. Но даже и такое неполное сравнение морфонологических явлений может послужить основой, с одной стороны, для дифференцирования ССЛЯ в плане морфонологии, а с другой – для выделения отдельных групп языков, которые объединены между собой на базе признаков, имеющих типологическое значение².

Так, важно учитывать, какие ГК и ЛГК маркируются в ССЛЯ при помощи морфонологических признаков (см. табл. 1).

Данная таблица показывает особое положение болгарского языка, в котором отсутствует категория падежа и грамматически выраженная категория одушевленности, но который развил несвойственную другим славянским языкам категорию определенности/неопределенности. Остальные язы-

² Сопоставительный метод исследования какого-либо фрагмента ряда родственных языковых систем применяется с целью получения определенной систематизации выявленных между языками сходств и различий и построения сопоставительной модели, достаточно объективно отражающей реальный объект описания во всех своих схождениях и расхождениях. В то же время сопоставительный метод, используемый в лингвистике в качестве инструмента исследования, дает необходимый материал и для выводов типологического характера в связи с тем, что важные для типологии явления, показывающие сходство отдельных групп языков, отражают системные (а не случайно взятые) связи и отношения между лингвистическими единицами.

Таблица 1

Граммат. категории	Языки							
	русск.	укр.	пол.*	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.	болг.
числа	+	+	+	+	+	+	+	+
падежа	+	+	+	+	+	+	+	
одушевленности	+	+	+	+	+	+	+	
личности			+		+			+
апеллятивности		+	+	+	+		+	+
определенности								+

* В "Заключении" мы используем и данные польского языка, извлеченные из статьи С.М. Толстой (1976, 85—113).

Таблица 2

Виды чередований

Чередования	Языки							
	русск.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.	болг.
консонантные	+	+	+	+	+	+	+	+
вокалические		+	+	+	+	+	+	
гласная фонема с нулем	+	+	+	+	+	+	+	+
наращение	+	+	+	+	⊕*	⊕	+	+
усечение	+	+	+	+			+	+
метатеза	⊕	⊕		⊕				+

* ⊕ — в отдельных словах.

ки распределяются в следующие три группы: 1) пол. и в.-л. языки; 2) укр., чеш. и с.-х. языки; 3) русск. и н.-л. языки.

При определении системы единиц описания морфонологической структуры языка нами была разработана шкала иерархически связанных между собой понятий, существенных для морфонологии. Эти понятия должны были отражать как различные уровни описания формальной стороны морфонологических явлений, так и различные уровни анализа их функциональной характеристики. Так, вид чередования представляет собой наиболее обобщенное понятие о морфонологических альтернативах, связанное с их материальным обликом. На этом уровне сопоставления ССЛЯ показывают очень большую общность между собой и совсем незначительные расхождения (см. табл. 2).

Как видим, расхождения касаются вокалических чередований, усечения основы и метатезы.

Остановимся более подробно на сопоставительной характеристике консонантных альтернатив и чередований с усечением и наращением, которые в ССЛЯ представляют наиболее разнообразные типы и звенья чередований.

На таблицах 3 и 4 показан максимальный (т.е. составленный по данным всех славянских языков) набор типов и звеньев чередования, образующих консонантные альтернативы, с их конкретным распределением по язы-

Таблица 3

Типы консонантных чередований

Чередования	Языки							
	русск.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.	болг.
⟨Т ~ Т'⟩	+	+	+	+	+	+	+	⊕
⟨Т ~ Т̣⟩	+	+						
⟨Т ~ С⟩			+		+	+	+	
⟨К ~ С⟩		+	+	+	+	+	+	+
⟨К ~ С̣⟩	+	+	+	+	+	+	+	+
⟨С ~ С̣⟩		+	+	+	⊕		+	+
⟨S ~ Ṣ⟩					⊕	⊕	+	
⟨т ~ ẓ̌⟩			+					
⟨т ~ ṭ̣⟩				+				

кам. На табл. 3 даны ТЧ. Наименее дифференцированным в этом отношении оказывается русск. язык (три типа:), наиболее — пол. и с.-х. языки; между ними, по степени уменьшения количества ТЧ располагаются укр. и чеш., а затем — в.-л., н.-л. и болг. Однако эта информация носит очень обобщенный характер: она не дает действительного представления о "мощности" данных ТЧ, которая связана в значительной степени с возможностями их реализации в конкретных звеньях (см. табл. 4). Но именно сопоставление двух таблиц (3 и 4), показывает, каким образом более обобщенный и более конкретный материал взаимно дополняют друг друга. Например, ТЧ ⟨Т ~ Т'⟩ по данным табл. 3 представлен во всех славянских языках. Однако объем его по составляющим звеньям (см. табл. 4) не одинаков в отдельных языках, представляя собой различающееся в славянском ареале явление. Этот тип реализован максимальным количеством звеньев в русск. (15 звеньев) и пол. (11 звеньев) языках. В укр. он представлен только сериями переднеязычных и сонорных (9 звеньев), в лужицких — сериями губных и сонорных (8 звеньев), в чеш. — лишь тремя парами, а в с.-х. — двумя; в болг. ТЧ ⟨Т ~ Т'⟩ носит в системе субстантивного словоизменения (в отличие от глагольного) совершенно нерегулярный характер, являясь индивидуальной характеристикой нескольких единичных сущ. Кстати, приведенный материал лишний раз подтверждает важность получения именно конкретных данных при более дифференцированном подходе к анализу имеющихся фактов того или иного языка: ведь только в результате сплошного системного анализа можно увидеть более или менее строгую закономерность одних широко представленных в языке явлений и дать убедительное объяснение другим, изолированным, явлениям, которые занимают в языковой системе периферийное положение.

Таблицы 5 и 6, на которых даны конкретные реализации в звеньях всех чередований, связанных с наращением и усечением субстантивной основы в процессе словоизменения, также показывают разнообразный инвентарь этих морфонологических средств в ССЛЯ. Так, например, расширение основы йотом характеризует русск., укр., с.-х. и отчасти чеш. языки. Усечение йота отмечено только в укр. Подтипы ⟨Т'Т' ~ Т'∅⟩ и ⟨Т'∅ ~

Таблица 4

Звенья консонантных чередований*

Чередования	Языки							
	русск.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.	болг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<Т ~ Т'>								
<р ~ р'>	+		+		+	+		
<б ~ б'>	+		+		+	+		
<ф ~ ф'>	+		+		+	+		
<в ~ в'>	+		+			+		⊕
<w ~ w'>					+	+		
<м ~ м'>	+		+		+	+		
<т ~ т'>	+	+		+				⊕
<д ~ д'>	+	+		+				
<с ~ с'>	+	+	+					
<з ~ з'>	+	+	+					
<с ~ с'>			+					
<dz ~ dz'>			+					
<н ~ н'>	+	+	+	+	+	+	+	
<л ~ л'>	+	+					+	⊕
<w ~ l'/l>			+		+	+		
<р ~ р'>	+	+			+	+		⊕
<к ~ к'>	+		+					
<г ~ г'>	+		+					
<х ~ х'>	+							
<Т ~ С>								
<т ~ с'>			+		+	+	+	
<д ~ dz'>			+		+	+	+	
<р ~ з'>			+					
<р ~ з'>				+				
<Т' ~ Т>								
<т' ~ т>		+		+				
<д' ~ д>		+		+				
<с' ~ с>		+						
<з' ~ з>		+						
<dz' ~ dz>		+						
<с' ~ с>		+						
<н' ~ н>	+	+	+					
<л' ~ л>		+	⊕					
<р' ~ р>		+						
<м' ~ м>			⊕					
<в' ~ в>			⊕					
<К ~ С>								
<к ~ с>		+	+	+	+	+	+	+
<г ~ з>	⊕	+		+	+		+	+
<г ~ dz>			+		+	+		
<х ~ з>		+		+	+	+		
<х ~ с>		+	+				+	+
<г ~ с>								⊕

Таблица 4 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<K ~ C>								
<k ~ c̣>	+	+	+	+	+	⊕	+	+
<g ~ ẓ̌>			+	+			+	+
<h ~ ẓ̌>		+						
<x ~ ṣ̌>	⊕	+	+	+	+	+	+	+
<C ~ C̣>								
<c ~ c̣>		+	+	+	+		+	+
<dz ~ ẓ̌>			+					
<S ~ Š>								
<s ~ ṣ̌>		⊕					+	
<z ~ ẓ̌>				⊕	+		+	

* Направление чередования условно определяется от исходной словоформы (И.ед., в болг. — ед. неопр.) к косвенным словоформам в рамках парадигмы.

** В польском языке знаки <š'z'>, означают мягкие переднеязычные шипящие фрикативные фонемы; знак w функционально равнозначен альтернанту <l> в чередовании <l ~ l'>.

~ Т'Т') свойственны также только укр. языку. Чередование <губная фонема> ~ <губная фонема + l'>, являющееся во многих славянских языках приметой глального словоизменения, характеризует субстантивную парадигму только в с.-х. языке. Следует также подчеркнуть, что словоизменительные модели со сложными по структуре усекаемыми сегментами, состоящими из нескольких фонем, представлены в чеш. в подсистеме иноязычных слов. Что касается лужицких языков, то им морфонологическая модификация субстантивных основ по типу наращения и усечения, фактически, неизвестна.

Вокалические чередования, отсутствующие в русск. и болг. языках, и чередования гласной фонемы с нулем характеризуются значительным удельным весом в ССЛЯ, хотя и имеют большие лексические ограничения, что очень затрудняет их формализованное описание (см. выше соответствующие разделы в отдельных очерках, посвященных разным славянским языкам).

Фактически, неизвестны ССЛЯ и чередования, связанные с метатезой, если не считать двух—трех односложных субстантивных основ (ср. укр. *швец, жнец*, чеш. *žvec, žnes* и некоторые другие), маркированных данным чередованием в укр. и чеш. языках. Значительно более богатый материал, представленный в основном, сочетаниями плавных с /ь/, находим в болг. (ср. *врѣх ~ врѣхѣт*), но и там чередования этого типа охвачены сильной тенденцией к элиминации. Можно с уверенностью сказать, что в ССЛЯ чередования, образованные метатезой, непродуктивны.

Сопоставление в ССЛЯ морфонологических чередований с точки зрения их материального облика (т.е. видов и типов чередования) и характера проявления (т.е. обязательности / необязательности) показывает некоторые особенности в их употреблении в каждом из рассматриваемых языков.

Так, все консонантные и вокалические чередования, а также чередования гласной фонемы с нулем, которые в настоящее время явно обусловлены

Таблица 5
Нарушение*

Чередования	Языки							
	русск.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.	болг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
(P ϕ ~ Pj)								
(p ϕ ~ pj)	+			+				
(b ϕ ~ bj)	+	+		+				
(f ϕ ~ fj)	+	+		+				
(v ϕ ~ vj)	+	+		+				
(m ϕ ~ mj)	+	+		+/mn'				
(P ϕ ~ Pl')								
(p ϕ ~ pl')							+	
(b ϕ ~ bl')							+	
(v ϕ ~ vl')							+	
(m ϕ ~ ml')							+	
(T ϕ ~ Tj)								
(t ϕ ~ tj)	+							
(d ϕ ~ dj)	+							
(s ϕ ~ sj)	+							
(z ϕ ~ zj)	+						+	
(r ϕ ~ rj)	+	+					+	
(n ϕ ~ nj)	+							
(l ϕ ~ lj)	+							
(s ϕ ~ sj)	+						+	
(z ϕ ~ zj)	+						+	
(c ϕ ~ cj)	+						+	
(s' ϕ ~ s'j)	+							
(T' ϕ ~ T'T')								
(t' ϕ ~ t't')		+						
(d' ϕ ~ d'd')		+						
(s' ϕ ~ s's')		+						
(z' ϕ ~ z'z')		+						
(l' ϕ ~ l'l')		+						
(n' ϕ ~ n'n')		+						
(c' ϕ ~ c'c')		+						
(s ϕ ~ ss)		+						
(z ϕ ~ ZZ)		+						
(c ϕ ~ cC)		+						
(C ₂ ϕ ~ C ₂ C ₃)								
(C ₃) = at/at'		+						
et'(eč)/at				+	+			
enc ^c /ent/ont			+					
et								
en(en')/on	+	+	+	+	+	+	+	+
es('os)	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕
er	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕
ov	⊕						+	+
ovc								+

Таблица 5 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
evc								+
t				***				+
ist								+
ij								+
j	⊕						+	
os							+	

* Как наращение интерпретируются только те морфонологические чередования, в которых во второй ступени (при сопоставлении ее с первой) в результате синхронной разложимости вычленяется одна (и более) фонема (т.е. $A_1 \sim A_2 = \langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$, где элемент $\langle C_3 \rangle$ может быть реализован одной или несколькими фонемами).

** В подсистеме иноязычных слов.

Таблица 6

Усечение*

Чередования	Языки							
	русс.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.	болг.
$\langle Pj \sim P\emptyset \rangle$								
$\langle mj \sim m\emptyset \rangle$		+		⊕				
$\langle pj \sim p\emptyset \rangle$				⊕				
$\langle Tj \sim T\emptyset \rangle$								
$\langle lj \sim l\emptyset \rangle$		+						
$\langle nj \sim n\emptyset \rangle$		+						
$\langle T'T' \sim T'\emptyset \rangle$								
$\langle d'd' \sim d'\emptyset \rangle$		+						
$\langle t't' \sim t'\emptyset \rangle$		+						
$\langle z'z' \sim z'\emptyset \rangle$		+						
$\langle c'c' \sim c'\emptyset \rangle$		+						
$\langle l'l' \sim l'\emptyset \rangle$		+						
$\langle n'n' \sim n'\emptyset \rangle$		+						
$\langle z'z' \sim z'\emptyset \rangle$		+						
$\langle s's' \sim s'\emptyset \rangle$		+						
$\langle \check{c}\check{c} \sim \check{c}\emptyset \rangle$		+						
$\langle C_1 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$								
$\langle C_3 \rangle = j$	⊕							
in	+	+	+				+	+
um**			+	+				
on**				+				
us**				+				
os**				+				
es**				+				
is**				+				

* Как усечения интерпретируются только те морфонологические чередования, в которых во второй ступени (при сопоставлении с первой) в результате синхронной разложимости вычленяется меньшее число фонем (т.е. $\langle A_1 \sim A_2 \rangle = \langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$, где элемент $\langle C_3 \rangle$ может быть реализован либо одной, либо несколькими фонемами).

** В подсистеме иноязычных слов.

грамматическим значением флексии³, проявляют в то же время в рамках парадигмы определенную зависимость в появлении тех или иных альтернатив и от формальной структуры флексии, а именно – либо от ее реализации передним /непередним гласным (в консонантных чередованиях, что придает большинству из них характер обязательности), либо от ее слогового /неслогового строения (в чередованиях гласной фонемы с нулем и в вокалических чередованиях).

Например, при рассмотрении консонантных чередований важно учитывать, что в тех языках, фонологические системы которых характеризуются наличием корреляции твердости–мягкости, многие АР широко используют ТЧ, представленный соотносительными твердыми и мягкими фонемами. При этом вторая ступень чередования, реализована ли она твердой или мягкой фонемой, всегда появляется в позиции перед флексиями, выраженными, как правило, строго определенными гласными, а сами чередования типа <Т ~ Т'> и <Т' ~ Т> не знают исключений и носят в рамках субстантивного словоизменения обязательный, т.е. автоматический характер. В русск., пол., в.-л., н.-л. и отчасти в чеш. языках ТЧ (<Т ~ Т'>) находим в парадигмах тех сущ., основы которых оканчиваются на парные твердые согласные фонемы, а словоформы Д. и М.ед. образуются с флексией /e/, обуславливающей появление альтернанта, реализованного мягкой согласной фонемой (см. табл. 7). В укр. такой же автоматический характер имеет ТЧ (<Т' ~ Т>) в сущ. с основой на мягкие согласные фонемы, парадигмы которых имеют флексии, начинающиеся с фонемы /e/ (требующей твердой фонемы в конце основы).

Данная таблица показывает, что фонологическая корреляция твердости–мягкости используется в ССЛЯ языках в морфонологических целях достаточно активно, участвуя в противопоставлении отдельных падежно-числовых значений. Наиболее широко соотносительные твердые и мягкие фонемы употребляются для противопоставления словоформ парадигмы одного слова в русск., укр. (в основном, с обратным расположением альтернантов в чередовании, т.е. <Т' ~ Т>), пол., в.-л., н.-л. и отчасти в чеш. Чередования с альтернантами, реализованными твердыми и мягкими фонемами, в наименьшей степени (что объясняется разными причи-

³ Ср., например, различное поведение в пол., чеш. и в.-л. языках заднеязычных фонем в исходе основы сущ. м.р. перед флексией М.ед. /e/ (где они чередуются со свистящими) и перед флексией З.ед. /e/ (где они чередуются с шипящими). Необходимо, однако, при этом отметить, что в парадигме одного слова все три указанные ступени чередования (т.е. <К>, <С>, <С'>) и две тождественные по фонемному составу флексии М.ед. и З.ед. не употребляются, поскольку словоформа М.ед. от сущ. м.р. может быть образована не только с флексией /e/, но и с флексией /u/ (или /ovi/ – в одуш. сущ.), а словоформа З.ед. – как с флексией /e/, так и с флексиями /o/ и /u/. В этом случае (ср., например, данные в.-л. яз.) словоформы З.ед. с флексией /e/ и с А <С'> образуются от сущ., имеющих в словоформе М.ед. флексию /u/ с А <К>; те же сущ., которые образуют словоформу М.ед. с флексией /e/ и А <С>, словоформу З.ед. либо вообще не употребляют, либо прибавляют к основе флексию /o/, сохраняя А <К>. Таким образом, в отношении распределения флексий и А в словоформах И.ед., М.ед. и З.ед. сущ. м.р., с основами на заднеязычные в в.-л. яз. правильнее, видимо, было бы говорить не об одной парадигме, а о реально употребляющихся двух ее вариантах: 1) И.ед. <К> + Ø ~ М.ед. <С> + /e/ ~ З.ед. <К> + /o/; 2) И.ед. <К> + Ø ~ М.ед. <К> + /u/ ~ З.ед. <С> + /e/. Ср., например: 1) kłobuk, sněh ~ М.ед. kłobuce, sněže ~ З.ед. kłobuko; 2) śłowjek ~ М.ед. śłowjeku ~ З.ед. śłowječe.

Таблица 7

Чередования типа (Т ~ Т'). Список словоформ, маркируемых альтернантом (Т')

Словоформы	Языки						
	русск.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.
Д.ед., ж.р. (фл.)							
И.ед.-а)	+		+	+	+	+	
М.ед., ж.р.	+		+	+	+	+	
М.ед., м.и ср.р.	+	⊕	+	+	+	+	
Т.ед., ж.р.							+
Т.ед., м.р.			+				
З.ед. (м.р.)			+		+		
И.мн. (В.мн.)	⊕		+		+	+	
И.мн. (одуш.)				+			
И.мн., лично-м.р.			+		+		
Р.мн.	⊕	⊕			⊕	⊕	
Д.мн., Т.мн.	⊕	⊕			⊕	⊕	
М.мн.	⊕	⊕	⊕		⊕	⊕	
И.-В. дв.					+	+	

нами) отмечены в с.-х. и болг. языках. Так, в с.-х. яз. фонологическая корреляция твердости-мягкости, фактически, отсутствует (существуют лишь пары /j/ ~ /j'/ и /п ~ /п'/). В болг. же данная корреляция получила широкое развитие и заняла в его фонологической системе одно из центральных мест. Но твердые и мягкие фонемы в СБЛЯ в области субстантивной словоизменительной морфологии характеризуются нерегулярным участием и являются индивидуальной морфонологической характеристикой отдельных сущ., тогда как в глагольном словоизменении эта корреляция, напротив, используется болг. языком широко.

В субстантивных основах, завершающихся на заднеязычные фонемы, в ряде языков мы обнаруживаем последовательно проведенные чередования типа (К ~ С): в чеш. и в.-л. перед флексиями Д. и М. ед. /e/ — это звенья <к ~ с, г ~ з; h ~ z>; в пол. и н.-л. перед флексией Д. и М.ед /e/ — это звенья <к ~ с, г ~ z>; в укр. перед флексиями Д. и М.ед. /i/ — это звенья <к ~ ц, г' ~ з, г ~ з, х ~ с>; в с.-х. перед флексиями, начинающимися с фонемы /и/ (/и/ — И.мн., З.мн. м.р.; Д. и М.ед. ж.р.; /има/ — Д., Т. и М.мн. м.и ср.р.) — звенья <к ~ ц, г ~ з, х ~ с>; в болг. перед флексией мн. ч. сущ. м.р. /и/ — звенья <к ~ ц, г ~ з, х ~ с> (см. табл. 8).

Таблица показывает, что из всех ССЛЯ только русск. не использует в субстантивном словоизменении ТЧ (К ~ С) и в этом отношении противопоставляется остальным языкам славянской группы.

Чередования гласной фонемы с нулем, характеризующие субстантивное словоизменение во всех слав. яз., в отличие от консонантных чередований, не являются безысключительными, так как их проявление лексически ограничено. Так, в каждом языке есть лишь два типа основ, подверженных чередованию гласной фонемы с нулем (это основы с исходами на <C₁ #/ V C₂> и <C₁ V / # C₂>), которые следует отличать от основ, не маркирован-

Таблица 8

Тип чередования (К ~ С). Список словоформ, маркируемых альтернативом (С)

Словоформы	Языки							
	русск.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.	болг.
Д.ед., ж.р.		+	+	+	+	+	+	
М.ед., м., ср.р.		+	+	+	+	+		
М.ед., ж.р.		+	+	+	+	+	+	
И.мн., м.р.		⊕	+	+		+	+	+
И.мн. лично-м.р.			+		+			
Д. и Т.мн., м., ср.р.							+	
М.мн., м., ср.р.				+			+	
И.-В. дв.					+	+		

ных данным морфонологическим чередованием (т.е. от основ с исходами на $\langle C_1 VC_2 \rangle$ и $\langle C_1 C_2 \rangle$).

В группе сущ. с морфонологически маркированными парадигмами нулевая ступень чередования ($\#$) фиксируется, как правило, перед всеми слоговыми флексиями, в то время как вокалическую ступень чередования (V) находим перед нулевой флексией⁴. ТЧ ($\# \sim V$) характеризует парадигмы сущ. ж. и ср. р. и входит в АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед., мн. (кроме Р. и В.-од)} \rangle \sim \langle \text{мн. (Р. и В.-од)} \rangle$, а ТЧ $\langle V \sim \# \rangle$ является морфонологической приметой парадигм сущ. м.р. и входит в АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (И.В. — неод.)} \rangle \sim \langle \text{ед. (кроме И. и В. — неод.), мн.} \rangle$.

В сущ. с исходами основ на $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ и $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$, с одной стороны, и $\langle C_1 C_2 \rangle$ и $\langle C_1 UC_2 \rangle$, с другой, взаимоотношения между основной и флексией в рамках словоизменительной парадигмы характеризуются определенными закономерностями, хотя исход субстантивных основ в словоформе И.ед. не содержит ярко выраженных формальных признаков, по которым можно было бы однозначно определить принадлежность той или иной основы к морфонологически маркированным или немаркированным парадигмам. И все же в классе сущ. ж.р. и ср.р. ИВО содержат некоторые признаки, которые могли бы служить своего рода диагностическим фактором при распределении сущ. в группы с основами на $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ и $\langle C_1 C_2 \rangle$: этим признаком является качество элемента $\langle C_2 \rangle$. Так, в СРЛЯ, если в ИВО элемент $\langle C_2 \rangle$ представлен согласными [н' л' й к], то основа имеет строение $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$; если $\langle C_2 \rangle$ реализован согласными [б м н л р ц г], то основа может иметь как строение $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, так и строение $\langle C_1 C_2 \rangle$; согласные же [п в ф д т з с ж ш ч щ х] на месте $\langle C_2 \rangle$ в ИВО сигнализируют о наличии сочетания $\langle C_1 C_2 \rangle$. В СУЛЯ употребление на месте $\langle C_2 \rangle$ в ИВО согласного [н']

⁴ Исключение составляют: с.-х. язык, в котором в основах на $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$ в сущ. м.р. фиксируется вокалическая ступень чередования и перед слоговой флексией Р.мн. /а/ (ср.: *гумац ~ Р.ед. глумца ~ Р.мн. глумѧца*), и болг. язык, в котором также в парадигмах сущ. с основой на $\langle C_1 V / \# C_2 \rangle$ вокалическая ступень чередования может находиться как перед нулевой служебной морфемой, так и перед слоговой, ср.: *тѣгѣр, тѣгѣръг, два тѣгѣра ~ тѣгри, тѣгре! орѣл, орѣльт, два орѣла ~ орли, орльо! архайзм ~ архайзмѣт (и архайзмѣт), два архайзма (и архайзма), архайзми*.

свидетельствует о структуре $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$; реализация $\langle C_2 \rangle$ согласными [б в м л л' р н т ц ц' к] допускает как $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, так и $\langle C_1 C_2 \rangle$; если же $\langle C_2 \rangle$ представлен согласными [п ф д д' с з ч ж ш г х], то субстантивная основа может иметь только строение $\langle C_1 C_2 \rangle$. На основании приведенных данных можно высказать предположение, что маркированные чередованием гласной фонемы с нулем субстантивные основы (т.е. имеющие строение $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$) встречаются в ССЛЯ значительно реже, чем морфонологически немаркированные основы на $\langle C_1 C_2 \rangle$. Однако этому выводу как будто бы противоречат данные чешского языка, в котором также выделяется три группы основ (с $\langle C_1 C_2 \rangle$ — где $\langle C_2 \rangle$ реализован [t d s z f]; с $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ — где $\langle C_2 \rangle$ представлен [c r n l k]; с $\langle C_1 C_2 \rangle$ и $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$ — где на месте $\langle C_2 \rangle$ находим [p h m v š ž]), но в количественном отношении преобладают морфонологически маркированные парадигмы с основами на $\langle C_1 \# / VC_2 \rangle$, и чередованием $\langle \# \sim V \rangle$.

Анализ вокалических чередований также показывает (подобно чередованиям гласной фонемы с нулем) их зависимость как от лексического фактора, так и от морфонологического (т.е. таким чередованием отмечены парадигмы лишь определенного круга субстантивных основ; в этих суш. на качество гласной фонемы внутри основы и, следовательно, на формирование конкретного вокалического чередования влияет слоговой или неслоговой характер флексии).

Что касается чередований, связанных с явлениями усечения (тип $\langle C_2 C_3 \sim C_2 \emptyset \rangle$) и наращивания субстантивной основы (тип $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$), то в данном случае синхронный анализ соответствующего материала свидетельствует о том, что наличие того или иного конкретного чередования обуславливается, как правило, лексико-семантическими и словообразовательными причинами, или же грамматическим значением той или иной словоформы; значительно реже отмечается обусловленность этих чередований на данном синхронном срезе морфонологическими факторами (т.е. сочетанием грамматического значения флексии с определенной материальной структурой основы и флексии). Остановимся несколько подробнее на различиях, существующих между указанными чередованиями.

1) Ряд чередований, которые мы интерпретируем в синхронном плане как чередования с наращением (т.е. $\langle C_2 \emptyset \sim C_2 C_3 \rangle$), обусловлены морфонологической позицией и не ограничены ни лексическими, ни семантическими причинами. Эти чередования (ср. подтипы $\langle P \emptyset \sim Pj \rangle$, $\langle P \emptyset \sim P1' \rangle$, $\langle T' \emptyset \sim T'T' \rangle$ и некоторые другие), часто по традиции рассматриваются исследователями в качестве консонантных чередований, поскольку условия их возникновения (наличие определенной структуры исхода основы и позиция перед флексией определенного строения), а также характер функционирования (они обычно действуют безысключительно и относятся к тем же АР, которые представлены и консонантными чередованиями) аналогичны условиям и функционированию чисто консонантных альтернатив, когда одна фонема чередуется с другой (также одной) фонемой⁵. Однако в связи с тем, что в подтипах $\langle P \emptyset \sim Pj \rangle$, $\langle P \emptyset \sim P1' \rangle$, $\langle T' \emptyset \sim T'T' \rangle$ в результате синхронной разложимости во втором альтернанте вычленяется более чем одна фонема, мы нахо-

⁵ Именно как консонантные интерпретируются чередования $\langle P \emptyset \sim Pj \rangle$ и $\langle P \emptyset \sim P1' \rangle$ в главах, посвященных чеш. и с.-х. морфонологии (см. выше).

дим возможным при сопоставлении морфонологических явлений разных славянских языков относить данные альтернативы к чередованиям с наращением, а не к чисто консонантным альтернативам. Тесная их связь с консонантными чередованиями подтверждается не только одинаковым характером функционирования и тех, и других чередований (ср. обусловленность появления второй ступени чередования наличием служебной морфемы, имеющей определенное формальное строение, открытый, в принципе, круг слов с определенной структурой основы и безысключительный характер протекания), но и соответствием указанных альтернатив с наращением чисто консонантным чередованиям типа (Т ~ Т') в других славянских языках (ср., например, в русск., пол. и лужицких языках чередования подтипа (Р ~ Р'), которым соответствуют чередования ⟨Р∅ ~ Рj⟩ в чеш.: ⟨И.ед. ~ М.ед.⟩ – в русск. *сугроб, рама ~ сугробе, раме*; пол. *korab, głowa ~ korabie, głowie*, в-л. *družba, kup ~ družbje, kupje*, с одной стороны, и чеш. *chudoba, hlava, slovo, chléb ~ chudobě, hlavě, slově, chlebě*, с другой), что, кстати, лишний раз подтверждает их когда-то общее фонетическое происхождение.

2) Но среди чередований, связанных с наращением или усечением основы, значительно большее место занимают такие альтернативы, в которых фактически не прослеживается зависимость в появлении того или иного альтернатива от формального строения флексии. В указанных чередованиях важен лишь сам факт вхождения данного варианта основы в ту или иную словоформу, поскольку выбор именно этого варианта основы с определенной степенью чередования (точно так же, как и выбор флексии) диктуется тем грамматическим значением, которое выражает данная словоформа. Можно сказать, что указанные альтернативы, не требуя специального формального строения ни от основы, ни от флексии, имеют не морфонологическую, а чисто грамматическую обусловленность, так как явная зависимость между материальным обликом основы и флексии в этих случаях как будто бы отсутствует. Поэтому такие чередования нередко участвуют в противопоставлении по числу, маркируя одним альтернативом все словоформы ед.ч., а другим – все словоформы мн.ч.; ср., например, парадигмы сущ. м.р. на *-ин (-in)*, обозначающих лиц мужского пола по их национальности, месту жительства и т.п., в которых словоформы ед.ч. образуются от основы с сегментом ⟨ин⟩ ⟨inɔ⟩, а словоформы мн.ч. – от усеченной основы без этого сегмента. Здесь же можно упомянуть и чередования с наращением типа ⟨С₂∅ ~ С₂j⟩ в парадигмах русских сущ. *кол, брус, луб* и др., все словоформы мн.ч. которых содержат основы, расширенные йотом (*колья, брусья, лубья*). К подобным альтернативам относятся также и чередования, характеризующие, с одной стороны, архаические словоизменительные модели некоторых замкнутых групп слов (ср. по языкам парадигмы таких сущ., как *время..., чудо..., мать, дочь*), а с другой – заимствования и отдельные новообразования (ср., например, чередование с усечением в русск. *паранойя ~ параной*, в пол. *muzeum ~ muzea*, и чередования с наращением в чеш. *ion ~ iontu*, в с.-х. *такси ~ таксija*, в болг. *меню ~ менюта*). Все эти чередования маркируют, как правило, парадигмы небольших групп слов (исключение составляют, пожалуй, лишь сущ., обозначающие маленьких существ и маленькие предметы, которые в современных славянских языках представляют, фактически, открытые ряды слов), благодаря

чему они пока еще занимают периферийное положение в системе морфонологических средств ССЛЯ. В то же время участие их в словоизменении заимствований и новообразований может служить убедительным свидетельством растущей продуктивности чередований данного типа.

3) Однако среди чередований типа $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$ и $\langle C_2C_3 \sim C_2\emptyset \rangle$ есть и такие, которые занимают как бы промежуточное положение между рассмотренными выше. К такого рода чередованиям "промежуточного" характера можно отнести, например, тип $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$, характеризующий парадигмы некоторых односложных суш. в современных с.-х. и болг. языках. В данном случае фиксируется как наличие определенной структуры в основе (а именно — ее односложность), что является определяющим условием морфонологического преобразования субстантивной основы, так и отсутствие непосредственного взаимодействия между материальным обликом основы и фонемной реализацией флексии: на первый план здесь выступает зависимость варьирования односложной основы (формальный фактор) от грамматических значений тех словоформ, в которые она входит (содержательный, функциональный фактор). Так, например, подавляющее большинство односложных суш. м.р. (с небольшими исключениями) образуют все словоформы мн.ч. с расширением основы посредством сегментов $\langle \text{ov} \rangle$, $\langle \text{ev} \rangle$, $\langle \text{ишт} \rangle$ и др., ср.: с.-х. *дар* ~ *дарови*, *кош* ~ *кошеви*; болг. *стол* ~ *столове*, *път* ~ *пътища*.

Следует отметить, что ССЛЯ демонстрируют значительные расхождения в наборе морфонологических чередований типа $\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$ и $\langle C_2C_3 \sim C_2\emptyset \rangle$. Усекаемыми и наращиваемыми сегментами могут быть как сегменты, являющиеся по происхождению суффиксами и участвующие в процессе развития славянских языков в формировании субстантивных основ (ср. сегменты $\langle \text{en} \rangle$, $\langle \text{on} \rangle$, $\langle \text{es} \rangle$, $\langle \text{j} \rangle$ и мн. др.), так и различные заимствованные из латинского, греческого и других западноевропейских языков элементы (ср. $\langle \text{us} \rangle$, $\langle \text{um} \rangle$, $\langle \text{ks} \rangle$ и др.). Важно при этом подчеркнуть, что наращение получило наибольшее распространение в русск., укр., с.-х. и болг. языках, а усечение — в укр. языке (см. выше табл. 5 и 6); в чеш. языке и усечение, и наращение представлены, фактически, одинаково, в лужицких же языках данные чередования вообще не распространены.

Интерес представляет сопоставительный анализ целого ряда чередований, имеющих тождественную по языкам морфонологическую характеристику и относящихся к одному и тому же АР. В качестве примера остановимся на тех из них, которые входят в АР, маркирующие при помощи консонантных чередований словоформы Д. и М (≠П.) ед. в суш. м., ж. и ср.р. с твердыми основами перед флексиями /e/ (в русск., пол., чеш., в.-л., н.-л.) и /i/ (в укр. и с.-х.). Эти чередования фиксируются во всех языках, кроме болг. Важно подчеркнуть, что АР, выделяющие указанные словоформы, реализованы по языкам не только разными ТЧ (см. табл. 9), но и разным набором звеньев, составляющих объем тождественных ТЧ. Причем первые ступени чередования представлены во всех языках одинаково — твердыми согласными фонемами⁶; различия же касаются альтернантов, маркирующих словоформы Д. и

⁶ Только в пол. и лужицких фонеме /l/ соответствует фонема /w/, чередующаяся в данных АР с фонемой /l'./

Таблица 9

Распределение по отдельным славянским языкам современных морфонологических чередований, входящих в альтернативные ряды: а) $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме М.), мн.} \sim \langle \text{М. ед.} \rangle \langle \text{м. и ср.р.} \rangle$; б) $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме Д.М.), мн.} \rangle \sim \langle \text{ед. (Д.М.)} \rangle \langle \text{ж.р.} \rangle$

Чередования	Языки						
	русск.	укр.	пол.	чеш.	в.-л.	н.-л.	с.-х.
$\langle P \sim P' \rangle$	+		+		+	+	
$\langle P\check{S} \sim Pj \rangle$				+			
$\langle T \sim T' \rangle$	+			+			
$\langle T \sim \check{C}' \rangle$			+		+	+	
$\langle S \sim S' \rangle$	+						
$\langle S \sim S_1 \rangle$			+				
$\langle l \sim l' \rangle$	+						
$\langle W \sim l' \rangle^*$			+		+	+	
$\langle n \sim n' \rangle$	+		+	+	+	+	
$\langle r \sim r' \rangle$	+				+	+	
$\langle r \sim \check{r}' \rangle$				+			
$\langle r \sim \check{z}' \rangle$			+				
$\langle K \sim K' \rangle$	+						
$\langle K \sim C \rangle$		+	+	+	+	+	+
$\langle h \sim z \rangle$		+		+	+	+	
$\langle x \sim x' \rangle$	+						
$\langle x \sim s \rangle$		+					+
$\langle x \sim \check{s}' \rangle$			+	+	+	+	

*Об/w/ в пол. см. примечание к табл. 4.

М.ед., специфическая для каждого языка фонемная реализация которых была обусловлена исторически — позицией перед флексией, представленной передним гласным ([i] или [e]). Оказалось, что разные серии согласных, возглавляющих данные чередования, целесообразно распределить в отдельные группы, сопоставление которых по языкам даст представление о том, в чем "разошлись" между собой ССЛЯ в реализации консонантных чередований, входящих в один и тот же AP и характеризующих генетически общую группу субстантивных основ: 1) серия твердых губных согласных фонем /b p w (v) f m/ — символ ⟨P⟩; 2) серия твердых переднеязычных взрывных согласных фонем /t, d/ — символ ⟨T⟩; 3) серия переднеязычных фрикативных согласных фонем /s, z/ — символ ⟨S⟩; 4) фонема /l/ — а) символ ⟨l⟩, б) символ ⟨w⟩; 5) фонема /n/; 6) фонема /r/; 7) серия заднеязычных взрывных согласных фонем /k, g/ — символ ⟨K⟩; 8) фонема /h/ — символ ⟨h⟩; 9) фонема /x/ — символ ⟨x⟩;

В ССЛЯ отмечается следующий максимальный набор возможных морфонологических модификаций перечисленных выше групп согласных фонем в словоформах Д. и М.ед. и, следовательно, реализаций второй ступени чередования: 1) а) серия мягких губных /p' b' f' w' (v') m' / — ⟨P'⟩; б) серия сочетаний губных с йотом /pj, bj, fj, wj (vj), mj / — ⟨Pj⟩; 2) а) серия мягких переднеязычных взрывных /t' d' / — ⟨T'⟩; б) серия палатальных

Таблица 10

Маркирование словоформы Т.ед. перед флексией /и/ в сущ. ж.р. III скл. второй ступенью чередования (АР $A_1 \sim A_2$ = (ед. (кроме Т.), мн.) ~ (Т.ед.))

Чередования	Языки			Чередования	Языки		
	русск.	укр.	с.-х.		русск.	укр.	с.-х.
$\langle P\theta \sim P_j \rangle$		+		$\langle l' \rangle$			+
$\langle P\theta \sim Pl' \rangle$			+	$\langle n \sim n' \rangle$			+
$\langle P'\theta' \sim P'j' \rangle$	+			$\langle n'\theta' \sim n'j' \rangle$	+		
$\langle T \sim \acute{c} \rangle$			+	$\langle n'\theta \sim n'n' \rangle$			+
$\langle T'\theta' \sim T'j' \rangle$	+			$\langle r\theta \sim rj \rangle$			+
$\langle T'\theta' \sim T'T' \rangle$		+		$\langle r'\theta' \sim r'j' \rangle$	+		
$\langle S\theta \sim Sj \rangle$			+	$\langle \check{S}\theta \sim \check{S}j \rangle$	+		+
$\langle S'\theta' \sim S'j' \rangle$	+			$\langle \check{S}'\theta' \sim \check{S}'j' \rangle$			+
$\langle S'\theta' \sim S'S' \rangle$		+		$\langle \check{c}\theta' \sim \check{c}j' \rangle$	+		+
$\langle l \sim l' \rangle$			+	$\langle \check{c}\theta' \sim \check{c}\acute{c} \rangle$			+
$\langle l'\theta' \sim l'j' \rangle$	+			$\langle \acute{c} \rangle$			+
$\langle l'\theta' \sim l'l' \rangle$		+					

шипящих аффрикативных фонем / \acute{c} , $d\acute{z}$ / – $\langle \acute{C} \rangle$; 3) а) серия мягких переднеязычных фрикативных фонем / s' , z' / – $\langle S' \rangle$; б) серия мягких переднеязычных шипящих фрикативных фонем / \acute{s} , \acute{z} / – $\langle \acute{S} \rangle$; 4) а) и б) мягкая (палатальная) фонема / l' / – $\langle l' \rangle$; 5) мягкая (палатальная) фонема / n' / – $\langle n' \rangle$; б) а) мягкая фонема / r' / – $\langle r' \rangle$; б) мягкая аффрикативная фонема / \check{i} / – $\langle \check{i} \rangle$; в) звонкая переднеязычная шипящая фонема / \check{z} / – $\langle \check{Z} \rangle$; 7) а) мягкие заднеязычные взрывные фонемы / k' , g' / – $\langle K' \rangle$; б) переднеязычные твердые аффрикативные (или фрикативная звонкая) фонемы / c , dz (z)/ – $\langle C \rangle$; 8) переднеязычная твердая звонкая фрикативная фонема / z / – $\langle z \rangle$; 9) а) заднеязычная мягкая фрикативная глухая фонема / x' / – символ $\langle x' \rangle$; б) переднеязычная фрикативная глухая фонема / \check{s} / – $\langle s \rangle$; в) переднеязычная шипящая фрикативная глухая фонема / \check{s}' / – $\langle \acute{S} \rangle$.

Важно отметить, что появление в одном АР различающихся по языкам чередований свидетельствует о том, что данные расхождения возникли в сравнительно недавнее время, на почве самостоятельного развития отдельных славянских языков. Характер реализации второй ступени чередования, маркирующей словоформы Д. и М.ед. (при одинаковой по всем языкам фонемной представленности первой ступени чередования) в парадигмах сущ. всех трех родов с основами на твердые согласные фонемы,

может служить одним из критериев типологического распределения ССЛЯ по морфонологическим признакам. Здесь выделяются, с одной стороны, языки, которые во всех сериях согласных характеризуются однотипной модификацией исхода основы. Это, прежде всего, русск. язык, в котором представлен ТЧ, реализованный всеми соотносительными по твердости и мягкости фонемами в группах основ на твердые губные, переднеязычные и заднеязычные согласные фонемы, а также укр. и с.-х. языки, в которых данный АР представлен одной только серией заднеязычного фонем, чередующихся с переднеязычными фрикативными и свистящей аффрикатой. В другую группу входят языки, характеризующиеся разнотипной реализацией второй ступени чередования в зависимости от принадлежности исходного альтернанта к той или иной серии согласных. Это: а) лужицкие языки, имеющие следующие ТЧ: твердых фонем с мягкими, но, по сравнению с русск. языком, с ограниченным составом звеньев (а именно: ⟨P ~ P'⟩, ⟨n ~ n'⟩, ⟨r ~ r'⟩, ⟨w ~ l'⟩), охвативших только серии губных и сонорных фонем; и, в оставшейся серии переднеязычных и заднеязычных — чередования ⟨T ~ C⟩, ⟨K ~ C⟩, ⟨h ~ z⟩ и ⟨x ~ š'⟩; б) пол. язык также имеющий ТЧ твердых фонем с мягкими, но только в серии губных и сонорных фонем (кроме /r/) (т.е. подтипы ⟨P ~ P'⟩, ⟨n ~ n'⟩, ⟨w ~ l'⟩); оставшиеся основы имеют следующие модификации: ⟨s ~ ś'⟩, ⟨T ~ C'⟩, ⟨r ~ Ź'⟩, ⟨K ~ C⟩, ⟨x ~ š'⟩; в) чешский язык — в котором чередования твердых фонем с мягкими (палатальными) охватывают только три звена (⟨t ~ t'⟩, ⟨d ~ d'⟩, ⟨n ~ n'⟩), заднеязычные дают подтипы ⟨K ~ C⟩ и ⟨x ~ š'⟩; из сонорных морфонологическому преобразованию подвержена только фонема /r/ (⟨r ~ ř'⟩), а серия губных вовлечена в ТЧ с наращением основы йотом (⟨P∅ ~ Pj'⟩). Кстати, пол., чеш. и лужицкие языки объединяются в одну группу и по характеру модификации глухой заднеязычной фрикативной фонемы /x/ в словоформах Т. и М.ед. в глухую переднеязычную шипящую фрикативную фонему /š/ (тогда как в укр. и с.-х. языках в данной морфонологической позиции фиксируются глухая переднеязычная свистящая фрикативная фонема /s/, а в русск. — мягкая заднеязычная фрикативная глухая /x'/).

Три современных славянских языка — русск., укр. и с.-х. — могут быть объединены в одну группу и противопоставлены остальным рассматриваемым здесь славянским языкам и на другом основании, а именно: все они имеют один и тот же АР $A_1 \sim A_2 = \langle \text{ед. (кроме Т.)}, \text{мн.} \rangle \sim \langle \text{Т.ед.} \rangle$, характеризующий парадигмы сущ. ж.р. III скл. типа русск. *соль, тень, ночь*. В свою очередь и сами указанные языки различаются между собой по характеру реализации второй ступени чередования: разные серии согласных фонем, реализующих первую ступень, в словоформе Т.ед. перед флексией /u/ дают различные результаты в русск., укр. и с.-х. языках (см. табл. 10). Исходя из типов преобразования субстантивных основ в данном классе сущ., целесообразно выделить следующие группы согласных: 1) твердые губные согласные фонемы /p b v (w) f m/ — символ (P); 2) мягкие губные согласные фонемы /p' b' v' (w') f' m'/ — символ (P'); 3) твердые переднеязычные взрывные согласные фонемы /t d/ — символ (T); 4) мягкие переднеязычные взрывные согласные фонемы /t' d'/ — символ (T'); 5) твердые переднеязычные свистящие фрикативные /s z/ — символ (S); 6) мягкие

переднеязычные свистящие фрикативные /s' z'/ – символ (S'); 7) фонема /l/ – символ (L); 8) фонема /l'/ – символ (L'); 9) фонема /n/ – символ (N); 10) фонема /n'/ – символ (N'); 11) фонема /r/ – символ (R); 12) фонема /r'/ – символ (R'); 13) твердые переднеязычные шипящие фрикативные согласные фонемы /š ž/ – символ (Š); 14) твердая переднеязычная шипящая аффрикативная фонема /č/ – символ (Č); 15) палатальные переднеязычные аффрикативные фонемы /č' / /dž' – символ (Č').

В данном классе сущ. морфонологически немаркированными являются: в укр. – основы на две согласные фонемы (*радість, жовч*); в с.-х. – основы на фонемы /l' č dž' (*обитель, поміч, жең*).

Табл. 10 показала, что в русск. языке буквально все основы данного класса сущ. оказываются морфонологически маркированными, причем только одним видом чередования – наращением основы ((C₂∅ ~ C₂C₃)) с одинаковой реализацией элемента (C₃) йотом во всех без исключения случаях (т.е. (C₂∅ ~ C₂j)). В укр. языке при наличии в парадигмах морфонологической альтернативы отмечается также только один вид чередования и тот же самый, что и в русск. ((C₂∅ ~ C₂C₃)), но элемент (C₃) имеет здесь уже не одну, а две реализации: в основах на (P) и (r) – фонема /j/, в других основах – удвоенная конечная согласная фонема. В с.-х. языке в морфонологически маркированных парадигмах фиксируется, в отличие от русск. и укр. языков, два вида чередования – консонантный ((T ~ č), (l ~ l'), (n ~ n')) и наращение основы ((C₂∅ ~ C₂C₃)), где элемент (C₃) представлен либо йотом (в основах на (s, r, š, ž)), либо фонемой /l'/ (в основах на (P)).

При характеристике морфонологических средств ССЛЯ в сопоставительном плане важно также учитывать и еще одну сторону их функционирования. Имеется в виду либо обязательность употребления языком чередований, участвующих, наряду с флексиями, в противопоставлении словоформ одного слова (например, в русск. и пол. языках), либо их факультативность. Факультативное использование морфонологических альтернатив может быть обусловлено вариативностью самой морфонологической парадигмы, когда от выбора флексии зависит и выбор морфонологической словоизменительной модели (см., например, образование словоформ М.ед. или звательных форм в укр., чеш., лужицких языках); факультативность может диктоваться и стилистическими требованиями (например, при образовании зв. форм в болг. языке или при необходимости различать архаический стиль высказывания в чеш.), объясняться лексическими причинами (ср., например, различия в морфонологических моделях исконных и заимствованных слов в чеш., болг. и с.-х. языках) и, наконец, факультативность в употреблении морфонологических чередований может иметь характер свободного варьирования. Следовательно, такие языки, как русск. и пол., характеризуются достаточно устойчивой и простой морфонологической структурой. Остальные, особенно чеш. и укр., имеют, напротив, нестабильную морфонологическую структуру, что проявляется в вариативности морфонологической характеристики одного и того же сущ.

В заключение отметим, что по результатам проведенного сопоставления различных морфонологических явлений каждый раз возникают разные группировки славянских языков. Но неоднократно фиксируемые

схождения между чеш. и укр., с одной стороны, и — реже — русск., с.-х. и болг. или болг. и укр., с другой, производят определенное впечатление. Например, по признаку участия морфонологических чередований в выделении тех или иных грам. категорий, языки распределяются в 4 группы: 1) болг. яз., не имеющий категории падежа и развивший категорию определенности; 2) пол. и в.-л. языки (с маркируемыми морфонологическими категориями числа, падежа, одушевленности, личности, апеллятивности); 3) укр., чеш. и с.-х. языки, в которых чередования участвуют в противопоставлениях по числу, падежу, одушевленности, апеллятивности; 4) русск. и н.-л. языки (с маркируемыми морфонологическими категориями числа, падежа и одушевленности). По признаку наличия тех или иных видов чередований выделяются: 1) укр. и чеш. языки, имеющие все виды чередования (консонантные, вокалические, гласной фонемы с нулем, наращение, усечение и метатезу); 2) пол. и с.-х. языки, в которых отмечаются все виды чередований, кроме метатезы; 3) русск. и болг. языки, не имеющие вокалических чередований; 4) лужицкие языки, в которых отсутствуют чередования, связанные с усечением и метатезой. Приведенная выше табл. 3 показала, какими типами представлены в отдельных ССЛЯ консонантные чередования (всего для языков слав. ареала отмечено 8 типов консонантных чередований). Наименее дифференцированным в этом отношении оказывается русск. язык, в котором отмечено всего два ТЧ (твердые фонемы с мягкими и заднеязычные с шипящими), наиболее дифференцированным — пол. и с.-х. языки (по 6 типов); между ними по степени уменьшения ТЧ располагаются укр. и чеш., а затем лужицкие и болг.

Следует также подчеркнуть, что по результатам сопоставления отмечается особое положение болг. языка как языка аналитического, что обусловило и его морфонологическую специфику. Так, по признаку "характер обусловленности морфонологических модификаций субстантивной основы" выделяется, например, русск. язык, где обусловленность носит, как правило, морфонологический характер (т.е. наличие определенной структуры исхода основы и флексии в рамках словоформы), что и обеспечивает обязательность и предсказуемость его чередований, а, следовательно, и стабильный характер морфонологических средств. В то же время укр., чеш. и болг. языки как будто бы объединяются друг с другом в плане нестабильности, вариативности морфонологических характеристик большинства субстантивных парадигм. Однако в данном случае это сходство оказывается мнимым и, по сути дела, — чисто внешним, поскольку причины нестабильности чередований являются различными: в укр. и чеш. она обусловлена морфологическими факторами (а именно — вариативностью самой словоизменительной модели и выбором данной конкретной словоформой вполне определенной флексии); в болг. же эта обусловленность носит лексический или семантический характер (так, например, устранение чередований типа $\langle K \sim C \rangle = \langle \text{ед.} \rangle \sim \langle \text{мн.} \rangle$ отмечается в заимствованиях — *дансинг* — *дансинги* или в определенных семантических группах слов — в этнонимах — *чех* — *чехи* при наличии одной и той же словоизменительной модели и при одних и тех же морфонологических параметрах — т.е. основы на $\langle K \rangle$ и флексии мн.ч. $\langle и/ \rangle$). Вообще следует подчеркнуть, что в болг. языке существуют многочисленные случаи необязательности в реализации морфонологических закономерностей и даже в их элиминации.

В связи с этим можно высказать предположение, что в системе словоизменения степень обязательности, автоматизма и предсказуемости в морфонологических преобразованиях субстантивных основ в рамках парадигмы тем выше, чем последовательнее и шире реализованы в языке принципы синтетического строя. Проникновение и явное преобладание в именной системе болг. языка аналитических тенденций снижает регулярность в употреблении не только словоизменительных морфонологических, но и морфонологических средств (т.е. флексий и чередований).

Таким образом, все рассмотренные в работе факты подтвердили чрезвычайно большую значимость, которая отведена морфонологическим средствам в грамматических системах ССЛЯ. Поэтому важно еще раз подчеркнуть, что, несмотря на тесную взаимосвязанность и взаимообусловленность морфонологических явлений как со звуковой, так и с содержательной сторонами языка, эти явления преимущественно обращены к грамматике, а не к фонологии. Вот почему справедливо мнение, что морфонология — это "такая область лингвистического исследования, которая, занимая место между фонологией и морфологией, оказывается вместе с тем первой грамматической дисциплиной и потому обязательно связанной с формированием, выражением и передачей разного типа значений" (Квббьякова, Панкрац 1983, 108).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов, Сидоров 1945 – *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1945, с. 39–64 (в: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970).

Аванесов 1954 – *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1954.

Аванесов 1978 – *Аванесов Р.И.* О фонологическом статусе долгих согласных в белорусском языке // ВЯ. 1978. № 1.

Ананьева 1974 – *Ананьева Н.Е.* Морфонологические чередования в польском говоре деревни Гайде Игналинского района Литовской ССР (общие принципы) // Вестник МГУ. Сер. филол. 1974. № 1.

Андрейчин 1978 – *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. 2 изд. С., 1978.

Аронсон 1974 – *Аронсон Г.* Морфология болгарского словоизменения / Пер. с англ. М., 1974.

Бернштейн 1968 – *Бернштейн С.Б.* Введение в славянскую морфонологию // ВЯ. 1968. № 4.

Бернштейн 1974 (Берн. Оч.) – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Білодід 1969 – Сучасна українська літературна мова. Вступ. Фонетика / За заг. ред. 1. К. Білодіда. Київ, 1969.

Бидвелл 1963 – *Bidwell Ch.E.* The Phonemics and Morphonemics of Serbo-Croatian. Stress // Slavic and East European Journal. 1963. V. 7. P. 161–165.

Бояджиев 1972 – *Бояджиев Т.* Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско // ТБД. С., 1972. Кн. 7.

Брозович 1968 – *Brozović D.* O fonološkom sustavu suvremenog standardnog hrvatskosrpskog jezika // Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru. Zadar. 1968. 4. S. 20–39.

Бромлей 1974 – *Бромлей С.В.* Морфология и грамматика // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974.

Бромлей, Булатова 1972 – *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Букринская 1982 – *Букринская И.А.* Закономерности расширения сферы употребления флексии *-а* в именительном падеже множественного числа существительных // Сопоставление по общим вопросам диалектологии и истории языка / Тез. докл. и сообщ. Волгоград. 1982. М., 1982.

Бьорнфлатен 1983 – *Бьорнфлатен Я.–И.* Обща именна форма и редуването / К–Ц / при съществителните от мъжки род в съвременния български език // Първи международен конгрес по българистика. Доклади. Исторически развой на българския език. 2. Съвременен български език. С., 1983.

Булыгина 1975 – *Булыгина Т.В.* Проблемы теории и практики морфонологического описания // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1975. Т. 34. № 4.

Булыгина 1977 – *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Велчева, Попова 1974 – *Велчева Б., Попова Т.В.* Морфонологичното акцентно редуване в глаголите от II спрежение като един от признаците за диалектна типологическа характеристика // В памет на проф. д-р Ст. Стойков. Езиковедски изследвания. С., 1974.

Венедиктов 1985 – *Венедиктов Г.* Относно формата за множествено число на някои видове многосрични съществителни от мъжки род в българския език // Език и лит-ра. 1985. № 3.

Ворт 1973 – *Ворт Д.С.* Морфология славянского словообразования // American Contributions to the 7th

International Congress of Slavists. V.I. Mouton. 1973.

Ворт 1975 – *Ворт Д.С.* О роли абстрактных единиц в русской морфологии // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членность слова. М., 1975.

Вълкова 1984 – *Вълкова З.* Мъжколичния род в славянските езици // Съпоставително езикознание. 1984. № 4.

Вълчев 1985 – *Вълчев Б.* Отклонения от нормата на ятовия преглас в съвременната езикова практика // Език и литература. 1985. № 2.

Георгиев 1970 – *Георгиев Вл.* Преосмислени падежни форми // Бълг. език. 1970. XX. Кн. 2–3.

Георгиев 1976 – *Георгиев Вл.* Някои особености на българските звателни форми // Бълг. език. 1976. XXVI. Кн. 1–2.

Гилян 1981 – *Гилян Рогер.* За класификацията на определителния член в българския език като окончание // Бълг. изследвания. Първи българо-скандинавски симпозиум. С., 1981.

Гжегорчикова и др. 1984 – *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorzczkovej, R. Laskowskiego, H. Wrobla.* W-wa, 1984. S. 59–95.

Grammatik 1981 – *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart.* Verfasst von H. Fasske unter Mitarbeit von S. Michalk. Morphologie. Bautzen, 1981.

Грамматика 1979 (Р. Гр.) *Русская грамматика.* Рг. 1979. Т. 1.

Грамматика–80 – *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.

Грамматика 1982 – *Грамматика на съвременния български книжовен език.* С., 1982. Т. 1. Фонетика.

Грамматика 1983 – *Грамматика на съвременния български книжовен език.* С., 1983. Т. 2. Морфология.

Гудков 1972 – *Гудков В.П.* Чередование *o/a* в склонении существительных среднего рода сербохорватского языка // Сборник за филологију и лингвистику. 1972. Кн. XV/I. С. 85–93.

Гудков 1981 – *Гудков В.* О множинским облицима неких именица са варијабилном (неједнакосложном) основном // Наш језик. Кн. XXV (нова серија). Св. 3. 1981. С. 129–135.

Janaš 1976 – *Janaš Petr.* Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der

Sorbischen Erweiterten Oberschule. Bautzen. 1976.

Jenč 1976 – *Jenč R.* Alternacija *g – z/dz* w hornjoserbsčinyje // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. 1976. A. 23/2.

Ермакова 1973 – *Ермакова М.И.* Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология. М., 1973.

Ермакова 1979 – *Ермакова М.И.* Нижнелужицкое именное словозменение. Имя существительное. М., 1979.

Ермакова 1981 – *Ермакова М.И.* Грамматические чередования как элемент характеристики парадигмы имени существительного в верхне- и нижнелужицком литературных языках // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии. М., 1981.

Еськова – *Еськова Н.А.* О морфологических и, морфологических соотношениях между флексиями родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

Жовтобрюх, Кулик 1972 – *Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М.* Курс сучасної української мови. Київ, 1972. Ч. 1. Вид. 4.

Журавлев 1971 – *Журавлев В.К.* К понятию “силы” фонологической оппозиции // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

Залеский 1980 – *Залеский А.М.* Подовжені приголосні у фонологічних і морфологічних системах Української мови // Мовознавство. 1980. № 1.

Зализняк 1963 – *Зализняк А.А.* Беглые гласные в русском словоизменении // РЯНШ. 1963. № 5.

Зализняк 1967 – *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк 1980 – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1980.

Земская 1975 – *Земская Е.А.* К проблеме множественности морфологических интерпретаций // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975.

Иванов 1983 – *Иванов А.* Форми за множествено число на един тип сложни съществителни имена // Лексиколожки и лексикографски проучвания. С., 1983.

Иванчев 1978 – *Иванчев Св.* Една непосана употреба на членувана форма // Иванчев Св. Приноси в българското и славянското езикознание. С., 1978.

Ивич 1966 – *Ivić M.* Tirovi imenič-
kog goda u srpskohrvatskom književnom
jeziku // Сборник за филологију и линг-
вистику. XI. Нови Сад, 1966. С. 41–47.

Ивич 1972 – *Ивич П.* Система падеж-
ных окончаний существительных в серб-
скохорватском литературном языке //
Русское и славянское языкознание / К
70-летию чл.-корр. АН СССР Р.И. Аване-
сова. М., 1972.

Ивич 1981 – *Fonološki opisi srpsko-
hrvatskih/hrvatskosrpskih, slove – naških i
makedonskih govora obuhvaćenih Opštes-
lovenskim lingvističkim atlasom.* Sarajevo,
1981.

Илчев 1970 – *Илчев Ст.* Едносрични
существителни в българския език //
ИИБЕ. С., 1970. Кн. XIX.

Ильина 1980 – *Ильина Н.Е.* Морфоло-
гия глагола в современном русском
языке. М., 1980.

Калнынь, Попова 1981 – *Кал-
нынь Л.Э., Попова Т.В.* Синхронное
описание одного диалекта как особый
вид диалектологического исследования //
Общеславянский лингвистический атлас.
Материалы и исследования. 1979. М., 1981.

Котова 1973 – *Котова Н.В.* Морфоло-
гия существительных и прилагательных
в говоре Горно Поле (юго-западная Бол-
гария) // Славянская филология. М.,
1973. Вып. 8.

Кубрякова 1974 – *Кубрякова Е.С.*
Основы морфологического анализа. М.,
1974.

Кубрякова, Панкрац 1983 – *Кубря-
кова Е.С., Панкрац Ю.Г.* Морфология
в описании языков. М., 1983.

Кузнецов 1954 – *Кузнецов П.С.* Че-
редования в общеславянском "языке-
основе" // ВСЯ. 1954. Вып. 1.

Kuryłowicz 1967 – *Kuryłowicz J.* Pho-
nologie und Morphologie // Phonologie
der Gegenwart. Graz–Wien–Köln, 1967.

Леонова 1983 – *Леонова М.В.* Сучасна
українська літературна мова. Морфо-
логія. Київ, 1983.

Лопатин 1977 – *Лопатин В.В.* Рус-
ская словообразовательная морфемика.
М., 1977.

Маретич 1963 – *Maretić T.* Gramatika
hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika.
3 izd. Zagreb, 1963.

Маслов 1968 – *Маслов Ю.С.* некото-
рые спорные вопросы морфологической
структуры славянских глагольных
форм // Советское славяноведение.
1968. № 4.

Маслов 1971 – *Маслов Ю.С.* Членные
формы болгарского литературного язы-
260

ка с точки зрения лингвистической типо-
логии // Исследования по славянскому
языкознанию. М., 1971.

Маслов 1981 – *Маслов Ю.С.* Грамма-
тика болгарского языка. М., 1981.

Матешич – *Matešić J.* Rückläufiges
Wörterbuch des Serbokroatischen. Wies-
baden, 1965–1967. В. 1–4.

МБСУМ – Морфологічна будова су-
часної української мови. Київ, 1975.

Михалик 1979 – *Михалик Р.* Съгла-
суването по число в конструкциите с
бройни числителни имена в българския и
полски език // Съпоставително езико-
знание. 1979. № 3.

Михалк 1974 – *Михалк Ф.* Краткий
очерк грамматики современного верхне-
лужицкого литературного языка // Верх-
нелужицко-русский словарь. Составил
Трофимович К.К. Под ред. Ф. Михалка и
П. Фелькея. М.; Бауцен, 1974.

Невекловски 1976 – *Newekłowsky G.*
Класификација српско-хрватских имене-
ница по акцентским типовима // Научни
састанак слависта у Вукове дане. 1976.
С. 597–603.

Нейлор 1969 – *Naylor K.E.* Morpho-
phonemics of the serbo-croatian declen-
sion // International Journal of Slavic Lin-
guistics and Poetics. XII. Mouton, The Ha-
gue, 1969.

Николич 1961/1962 – *Николић Б.М.*
Акцентске алтернације у савременом
српскохрватском језику // Јужнословен-
ски филолог. 1961/1962. XXV.

Обнорский 1927 – *Обнорский С.П.*
Именное склонение в современном рус-
ском языке. Л., 1927. Вып. 1. Единствен-
ное число.

Обнорский 1931 – *Обнорский С.П.*
Именное склонение в современном рус-
ском языке. Л., 1931. Вып. 2. Множест-
венное число.

Панов 1959 – *Панов М.В.* О грамма-
тической форме // Уч. зап. МГПИ
им. В.П. Потемкина. Грамматика со-
временного русского языка. М., 1959.

Панов 1962 – *Панов М.В.* Русский
язык и советское общество / Проспект.
Алма-Ата, 1962.

Панов 1967 – *Панов М.В.* Русская фо-
нетика. М., 1967.

Панов 1968 – *Панов М.В.* Фонетика
современного русского литературного
языка / Под ред. Панова М.В. М., 1968.

Пашов 1965 – *Пашов П.* Наблюдения
върху граматическия род в български и
испански // ГСУ, фил. фак. С., 1965.
Т. LIX. I.

Пашов 1981 – *Пашов П.* Морфоло-

гичната категория *род* в българския книжовен език // Българистични изследвания. Първи българо-скандинавски симпозиум. С., 1981.

Пашов 1983 а/ – *Пашов П.* За остатъците от инфинитив в съвременния български книжовен език // ЕЛ. 1983. № 1.

Пашов 1983 б/ – *Пашов П.* Стари и нови черти в морфологичната структура на съвременния български книжовен език // Първи международен конгрес по българистика. Доклади. 2. С., 1983.

Пашов, Първев 1975 – *Пашов П., Първев Хр.* Правоговорен речник на българския език. С., 1975.

ПЛК 1967 – Пражский лингвистический кружок / Сб. ст. М., 1967.

Погрібний 1984 – Орфоепічний словник. Укладач Погрібний М. Київ, 1984.

Попова 1975 – *Попова Т.В.* Глагольное словоизменение в болгарском языке (морфонологический аспект) М., 1975.

Попова 1978 – *Попова Т.В.* Глагольное словоизменение в болгарском языке (морфонологический аспект) / Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1978.

Попова 1979 – *Попова Т.В.* К вопросу о значении морфонологических признаков для диалектного членения болгарского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.

Попова 1982 – *Попова Т.В.* Морфонологическое чередование как отражение морфонологической вариативности // Вариативность как свойство языковой системы / Тез. докл. М., 1982. Часть 2.

Попова 1984 – *Попова Т.В.* О некоторых проблемах сопоставительного изучения славянской морфонологии // Советское славяноведение. 1984. № 5.

Попова 1986 – *Попова Т.В.* Към въпроса за синхронното морфологично различаване // Бълг. ез. С., 1986. Год. XXXVI. Кн. 4. С. 315–320.

✓ Пр. 84 – *Pravidla českého pravopisu. Školní vydání. Pr., 1984.*

Правопис 1960 – Правопис српскохрватскога книжевног језика са правописним речником. Нови Сад; Загреб, 1960.

Първев Хр. 1981 – *Първев Хр.* За съдбата на звателните форми в съвременния български език // Българистични изследвания. Първи българо-скандинавски симпозиум. С., 1981.

Редькин 1966 – *Редькин В.А.* Построение раздела "Морфонология" // Основы построения описательной грамматики со-

временного русского литературного языка. М., 1966.

Реформатский 1975 – *Реформатский А.А.* Фонологические этюды. М., 1975.

Реформатский 1979 – *Реформатский А.А.* Очерки по фонологии, морфологии и морфологии. М., 1979.

РСХКЈ – Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб. 1967–1969. Кн. 1 – 3. Нови Сад. 1971–1976. Кн. 4–6.

РСХКНј – Речник српскохрватскога књижевног и народног језика. Београд, 1959–1984. Кн. I – XII. А–М.

Савицка 1971 – *Sawicka J.* Dystrybucja fonemów i fonemiczna struktura sylaby współczesnego literackiego języka serbsko-chorwackiego // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. W-wa, 1971. X. S. 225–246.

Савицка 1981 – *Sawicka J.* Kontrastivna fonologija srpskohrvatskog i poljskog jezika (I) // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1980. XXIV/2. С. 30.

Скаличка 1967 – *Скаличка В.* О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Скатын 1984 – *Скатын ѝ.* Ударението на еднисричните съществителни от мъжки род в съвременния български книжовен език // Съвременна България. С., 1984. Т. 5. Развитие на българския език и българската литература.

СБЯ 1981 – Славянское и балканское языковедение. Проблемы морфонологии / Сб. ст. М., 1981.

Славичкова 1975 (Сл. Сл.) – *Slavičková E.* Retrográdní morfematically slovník češtiny. Pr., 1975.

Станич 1949 – *Stanić M.* Tipovi imeničkih deklinacija našeg jezika // Rad JAZU. 1949. Knj. 278. S. 195–212.

Станкевич 1963 – *Stankiewicz E.* Unity and Variety in the Morphophonemic Patterns of the Slavic Declensions // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists (Sofia, 1963). Mouton. 1963, P. 83–105.

Станкевич 1966 – *Stankiewicz E.* Slavic Morphophonemics in its Typological and Diachronic Aspects // Current Trends in Linguistics. Mouton. 1966. V. III.

Станкевич 1974 – *Станкевич Э.* Апельлятивне форми (вокатив и императив) в българском языке // В памет на проф. д-р Ст. Стойков. Езиковедски изследвания. С., 1974.

Станкевич 1978 – *Stankiewicz E.* The inflection of Serbocroatian substantives and their Genitive plural endings // American

Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Columbus; Ohio. 1978. V. 1. P. 666–682.

Стеванович 1964 – *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик (граматички системи и книжовној езици норма) Београд. 1964.

Степанов 1968 – *Степанов Ю.С.* Проблема классификации падежей // ВЯ. 1968. № 6.

Стоянов 1964 – *Стоянов Ст.* Граматика на българския книжовен език. С., 1964.

Стоянов 1984 – *Стоянов Ст.* Насоки и тенденции в развоја на българския книжовен език след 9. IX, 1944 г. // Съвременна България. С., 1984. Т. 5. Развитие на българския език и на българската литература.

Сурдучки 1964 – *Surđučki М.* The distribution of Serbo-Croatian consonants // The Slavic and East European Journal. 1964. V. 8. P. 159–181.

Тилков 1975 – *Тилков Д.* Съгласната ѝ край гласни в съвременния български език // Въпроси на структурата на съвременния български език. С., 1975.

Тилков 1983 – *Тилков Д.* Изследвания върху българския език. С., 1983.

Тилков, Бояджиев 1977 – *Тилков Д., Бояджиев Т.* Българска фонетика. С., 1977.

Тежак 1980/81 – *Težak S.* Genitiv množine imenica e vrste s višesuglasničkim osnovnim zaviškom // Jezik. 1980/81. God. 28. N 1. S. 1–15.

Толстая 1972 – *Толстая С.М.* Начальные и конечные сочетания согласных в сербскохорватском языке // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972. С. 3–37.

Толстая 1976 – *Толстая С.М.* Морфологические типы субстантивных парадигм в современном польском литературном языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Толстая 1981 – *Толстая С.М.* Морфологические типы глагольных парадигм в польском литературном языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии. М., 1981.

Толстая 1982 – *Толстая С.М.* Морфология. Морфемика // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974–1977 гг. / Словообразование. М., 1982. С. 89–141.

Травничек, 1951 (Гр. Тр.) – *Trávníček F.* Mluvnice spisovné češtiny. Pr., 1951. С. 1. Hláskosloví. Tvoření slov. Tvarosloví. (Русск. пер.: Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. Ч. 1. Фонетика. Словообразование. Морфология. М., 1950).

Трофимович 1977 – *Трофимович К.К.* Серболужицкий язык // Славянские языки. Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков. М., 1977.

Трубецкая 1967 – *Трубецкой Н.С.* Некоторые соображения относительно морфологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Fasske 1978 – *Fasske H.* K prašenju akcenta w serbsćinje // Slavica pragensia XXI. Acta universitatis carolinae // Philologica. 1978. 3–5.

Чеппель, Стоянов 1984 – *Чеппель В.С., Стоянов И.А.* Из истории форм обращения в русском, украинском и болгарском языках // Съпоставително езикознание. 1984. IX. Кн. 3.

Чр Сл. – Чешско-русский словарь. В 2-х т. М.; Прага, 1976.

Чурганова 1973 – *Чурганова В.Г.* Очерк русской морфологии. М., 1973.

Šewc 1968 – *Šewc H.* Gramatika hornjoserbskeje řeče. I zwjazk. fonematika a morfologija. Budyšin, 1968.

Šmilauer 1972 (Šmil.) – *Šmilauer V.* Nauka o českém jazyku. 2 vyd. Pr., 1972.

Якобсон 1985 – *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Типы консонантных чередований:

- ⟨Т ~Т'⟩ – 22, 32, 45, 49, 50, 68, 69, 92, 93, 94, 96, 101, 102, 120, 121, 149–156, 160, 161, 163–166, 178, 184, 198, 218, 220–221.
- ⟨Т ~С⟩ – 149–154, 160, 161, 163–166, 178.
- ⟨Т' ~Т⟩ – 22, 32, 65, 67, 68, 71, 72, 101, 102, 121.
- ⟨К ~С⟩ – 45, 50, 51, 58, 65, 70, 71, 92, 93, 96, 99, 100, 103, 120, 121, 149, 150, 152–155, 160, 161, 164–166, 178, 184, 195–197, 214–216, 217, 218, 219, 221–222.
- ⟨К ~С'⟩ – 32, 50, 70, 71, 92, 93, 96, 99, 100, 103, 120, 121, 149, 150, 153, 154, 160, 161, 164–166, 178, 184, 197, 219–220, 221.
- ⟨С ~С'⟩ – 100, 101, 120, 160, 221.
- ⟨S ~S'⟩ – 150, 154, 160, 221.
- ⟨R ~R'⟩ – 92, 93, 96, 98, 100, 103, 104.

2. Чередования с наращением ($\langle C_2\emptyset \sim C_2C_3 \rangle$):

22, 32, 51, 53–55, 56, 65, 68, 69, 71, 92, 93, 94, 119, 120, 129, 130, 174, 176, 178, 198–201, 216–217, 218, 219, 221

3. Чередования с усечением ($\langle C_2C_3 \sim C_2\emptyset \rangle$) – 22, 32, 50, 51, 58, 66, 67, 69, 71, 103, 121, 174, 176, 178, 198–201, 218, 223.

4. Чередование гласной фонемы с нулем:

- ⟨V ~#⟩ – 23, 35, 52, 58, 75–78, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 155–159, 161, 163, 164, 167, 178, 226–228, 229, 230.
- ⟨# ~V⟩ – 22–23, 25–31, 35, 45, 50, 51, 58, 78–82, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 178, 184–190.

5. Вокалические чередования ($\langle V_1 - V_2 \rangle$) – 83–87, 92, 104, 105, 106, 122, 156–159, 161–163, 178, 190–194.

6. Метатеза ($\langle CV \sim VC \rangle$) – 232–233.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Т.В. Попова</i>)	3
Общие замечания 3. Теоретические принципы, характер предполагаемого исследования и единицы описания морфонологии в современных славянских литературных языках 5.	
Глава первая	
Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном русском литературном языке (<i>Т.В. Попова</i>)	16
Сведения по фонологии 16. Сведения по морфологии 18. Виды чередований, характеризующие русское субстантивное словоизменение 23. Характеристика и сопоставление сегментов $\langle c_1 \# /vc_2 \rangle$ и $\langle c_1 c_2 \rangle$ 25. Морфонологические типы субстантивных парадигм 31.	
Глава вторая	
Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном украинском литературном языке (<i>Т.В. Попова</i>)	38
Сведения по фонологии 38. Сведения по морфологии 41. Виды чередований 58. Конкретная реализация конечных сегментов основ со структурами $\langle c_1 \# /vc_2 \rangle$ и $\langle c_1 c_2 \rangle$ 59. Морфонологические типы субстантивных парадигм 63. Выводы 87.	
Глава третья	
Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном чешском литературном языке (<i>Н.Е. Аманьева</i>)	89
Сведения по фонологии 89. Сведения об основных субстантивных деклинационных типах 90. Виды чередований 92. AP, функционирующие в парадигматике субстантивов 120. Таблицы морфонологических подтипов 122. Выводы 130.	
Глава четвертая	
Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном серболужицком литературном языке (<i>М.И. Ермакова</i>)	132
Сведения по фонологии 132. Сведения по морфологии 133. Морфонологические изменения субстантивной основы 145. Состав AP 149. Выводы 160. Приложение 164.	
Глава пятая	
Морфонологические чередования в субстантивных парадигмах современного сербскохорватского литературного языка (<i>С.М. Толстая</i>)	169
Сведения по фонологии 170. Единицы морфонологического уровня 173. Автоматические (комбинаторные) чередования 174. Морфонологические чередования 177. Грамматические категории существительного 179. Структура падежной словоформы 182. Морфонологические чередования субстантивных парадигм 184.	
Глава шестая	
Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном болгарском литературном языке (<i>Т.В. Попова</i>)	202
Сведения по фонологии 203. Сведения по морфологии 204. Замечания к морфонологии субстантивного словоизменения 211. Виды чередований и AP 214. Выводы 233.	
Заключение (<i>Т.В. Попова</i>)	236
Литература	257
Предметный указатель	262

СЛАВЯНСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

